

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТИФЛИСЪ,

СКОРОПЕЧАТНЯ МНАЦАКАНА МАРТИРОСЯНЦА И К^о.

Типографія канцеляріи Главнначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ.

1894.

Оглавленіе.

СТРАНИЦЫ.

Предисловіе.—Учителя Тифлисской 2-й мужской гимназій *А. Богдавленскаго*. I—XX

ОТДѢЛЪ I.

Очерки исторіи города **Темиръ-Ханъ-Шуры**.—Учителя Темиръ-Ханъ-Шуринаго реального училища *Е. Козубскаго* 1—77

Изъ древностей селенія **Ченахчи**.—Съ 12-ю рисунками.—Смотрителя Арцеваникского училища *Е. Мемикъ-Шахназарова* 78—83

Селеніе **Сори**.—Помощника смотрителя Рачинско-Михайловскаго училища, священника *Н. Миндела* 84—143

Селеніе **Цаленджика**.—Учителя Хоршинскаго сельскаго училища *А. Гвасалии* 144—159

Мѣстечко **Квирилы** и его окрестности.—Учителя Квирильскаго училища *Ө. Хукивадзе*. 160—180

ОТДѢЛЪ II.

Ивертинскія сказки 1—77

1. Богатырь **Лованъ Датвисъ-швили**.—Учительницы *М. А. Васильковой* 1—8

2. Сказка о **десятиглавомъ орлѣ** и охотникѣ.—Ея же 8—19

3. Воспитаница **орла**.—Ея же 19—23

4. Сказка о **недогадливомъ бѣднякѣ**.—Ея же 23—30

5. Кто **глупѣе?**—Ея же 30—35

6. Сказка о **дочери царскаго эконома**.—Ея же 35—55

7. О **трехъ братьяхъ** и **сестрѣ дурочкѣ**.—Ея же 56—65

8. **Наслѣдство богача**.—Ученика Кутаисскаго городского училища *М. Кублашвили* 65 67

9. **Царская дочь**.—Ученика Кутаисскаго городского училища *М. Сертвева* 67—71

10. **Лиса** и **мельникъ**.—Ученика Кутаисскаго городского училища *А. Моцонелидзе* 71—73

II.

11. Царь и крестьянинъ.—Ученика Кутаисскаго городского училища *Е. Лорджипанидзе* 73—74 Страницы.

12. Сказка о двухъ упорныхъ людяхъ.—Ученика Кутаисскаго городского училища *Е. Микаутадзе* 75—77

Примѣты и повѣрья грузинъ Телавскаго уѣзда Тифлисской губерніи.—Учителя Телавскаго городского училища *І. Степанова* 78—103

Грузинскія сказки 104—123

1. О двухъ братьяхъ: зломъ и добромъ.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи *А. Цицати* 104—106

2. Жалоба съ того свѣта.—Его же 106—107

3. Дуракъ.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи *А. Тондзе* 107—112

4. Три брата—царевичи.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи *Н. Джанашии* 112—116

5. О царевичѣ и змѣѣ.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи *Абовянца* 116—119

6. Сказка о сынѣ царскаго служителя.—Ученика Кутаисскаго городского училища *А. Козодаева* 119—123

Картвельскія пѣсни.—Помощника смотрителя Рачинско-Михайловскаго училища, священника *Н. Миндели* и учителя Микель-Габріэльскаго училища *Ө. Каландарашвили* 124—140

Картвельскія легенды 141—154

1. О пришествіи Христа на землю.—Учителя Кутаисскаго городского училища *Ш. Ломинадзе* 141—143

2. Священникъ и чортъ.—Его же 143—145

3. Мужикъ и смерть.—Ученика Кутаисскаго городского училища *К. Нижарадзе* 145—148

4. Мужикъ и Соломонъ Мудрый.—Его же 148—151

5. Не работой въ праздникъ.—Ученика Кутаисскаго городского училища *П. Яшвили* 151—152

6. Объ Иисусѣ Христѣ, пророкѣ Ильѣ и св. Георгіѣ.—Учителя Баралетской сельской школы *И. Синакоева* 152—154

Армянскія сказки 155—219

1. Царскій сынъ и лягушка.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи <i>С. Табачиани</i>	155—159
3. Мать и дочь.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи <i>А. Мирзаева</i>	159—167
3. Сначала слуга, а потомъ царь.—Его же	167—180
4. Рустемъ-Гуль.—Его же	181—193
5. Обиженному людьми Богъ помогаетъ.—Воспитанника Закавказской учительской семинаріи <i>Т. Юзбашева</i>	194—199
6. Назлу и семь братьевъ ея.—Учителя <i>Арутюнова</i>	199—206
7. Исторія мудраго Хиара.—Смотрителя Баяндурскаго училища, священника <i>Г. Бумятова</i>	206—219
Свадьбы запгезурскихъ армянъ.—Смотрителя Арцеваниксккаго училища <i>Меликъ-Шагназарова</i>	220—226
Татарская народная словесность въ Закавказьѣ	227—325
А. Сказки	227—285
1. Рустамъ и Фатьма.—Смотрителя Камарлинскаго училища <i>Е. Хачатурова</i>	227—241
2. О птицѣ Мурги-Гюли-Ханданъ.—Смотрителя Вандамскаго сельскаго училища <i>А. Агабаева</i>	242—261
3. Молла-Касумъ.—Учителя Кельвинскаго земскаго училища <i>Махмудбекова</i>	261—285
Б. Пословицы и поговорки.—Его же	286—325

ПОПРАВКИ.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.	СТРОКА.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
89	5 сверху	ხელგაბა	ჯელგაბა

ОТДѢЛЪ II.

4	14 сверху	Мзисъ-нахави <i>Эта ошибка повторена и дана нѣсколько разъ.</i>	Мзисъ-унахави
112	6 „	суммой	сумой
112	10 снизу	царевнчей	царевичей
212	9 сверху	блудными	блуднымъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Девятнадцатый выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“ имѣеть почти всецѣло интересъ этнографическій. Второй отдѣлъ его, составленный исключительно изъ статей этнографическаго характера, гораздо больше перваго, въ составъ котораго вошли статьи историко-археологическаго и географическаго содержанія; притомъ, большая часть перваго отдѣла, рядомъ съ географическимъ матеріаломъ, даетъ и этнографическій, а въ нѣкоторыхъ статьяхъ послѣдній выступаетъ, пожалуй, даже ярче, нежели первый; таковы статьи: Селеніе Сори, Селеніе Цаленджиха и Мѣстечко Квирилы; въ каждой изъ нихъ добрая половина принадлежитъ описанію мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ. Особенно въ этомъ отношеніи выдается первая изъ поименованныхъ статей: авторъ ея пользуется каждымъ случаемъ для того, чтобы знакомить съ нравами описываемаго имъ уголка Кавказа. Такъ, говоря о климатѣ Сори, онъ рисуетъ картину зимней охоты на дикихъ козъ (джелгоба, стр. 88 и 89); говоря о животныхъ, описываетъ, между прочимъ, рыбную ловлю посредствомъ „лешки“ (лешкаоба, стр. 97—99); далѣе, подробно знакомить съ устройствомъ крестьянскихъ жилищъ, ихъ утварью, съ занятіями жителей, съ пищею, одеждою и обувью, особенностями языка, праздниками, похоронными обычаями и нѣкоторыми проявленіями суевѣрія.

Только двѣ первыхъ статьи этого отдѣла рѣзко разнятся по своему спеціальному интересу а именно: **Очерки исторіи города Темиръ-Ханъ-Шуры** и **Изъ древностей селенія Ченахчи**,—онѣ представляютъ интересъ исключительно историко-археологическій.

Значеніе первой изъ этихъ статей, какъ представляющей документальныя очерки исторіи одной изъ болѣе важныхъ военныхъ колоній русскихъ на Кавказѣ, ясно само по себѣ.

Что же касается второй изъ нихъ, то она, главнымъ образомъ, интересна по приложеннымъ къ ней рисункамъ. Печатаемая эту статью, редакція „Сборника“ хотѣла бы обратить вниманіе специалистовъ на древности селенія Ченахчи, далеко не считая вопросъ объ этихъ древностяхъ исчерпаннымъ тѣми толкованіями, которыя даетъ авторъ изображеніямъ на мѣстныхъ надгробныхъ камняхъ. Правильное объясненіе подобныхъ изображеній можетъ быть установлено лишь сравнительнымъ путемъ, и въ этомъ отношеніи интересно сопоставить изображенія ченахчинскихъ надгробныхъ камней съ другими надгробными памятниками Кавказа, каковы, напр., изображенія на могильныхъ памятникахъ, объясненныхъ пр. В. О. Миллеромъ въ III выпускѣ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“ (стр. 119 и слѣд.). Замѣчается общность нѣкоторыхъ изображаемыхъ предметовъ, каковы: змѣи, поражаемый человѣкомъ, вооруженные всадники, охота на козъ и оленя, принадлежности пира (сосуды) и самый пиръ.

Второй отдѣлъ начинается рядомъ имеретинскихъ сказокъ (стр. 1—77).

Первая изъ нихъ, **Богатырь Леванъ Датвисъ-швили** (1—8) примыкаетъ къ цѣлой группѣ сказокъ, уже напечатанныхъ въ разныхъ выпускахъ „Сборника“; таковы: въ VI вып. (приложеніе)—абхазская сказка: „Рустамъ“, въ VII вып.—армянская: „Меликъ-Мамедъ“ (о. 2, стр. 202—213), въ IX в.—„Коровій сынъ“ (о. 2, стр. 189—199), въ X в.—грузинская сказка „Судьба“ (о. 3, стр. 54—61) и въ XIV в.—аварская: „Медвѣжье ухо“ (о. 2, стр. 102—134) и кюринская: „Меликъ-Мамедъ“ (о. 2, стр. 194—201 и 204—208). Имеретинскій вариантъ этой сказки производитъ своего героя отъ любовной связи священника съ медвѣдицей и вноситъ тотъ новый элементъ въ

обработку сюжета сказки, что подвиги своего героя ставить въ зависимость отъ крылатыхъ коней. Русской сказкѣ также знакомъ этотъ сказочный мотивъ (Мѣдведко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри; Аѳанасьевъ, Народн. русск. сказки, изд. М. 1873 г. кн. I, стр. 371), только герой русской сказки, Иванъ Медвѣдко, рождается отъ дѣвицы, взятой въ полонъ медвѣдемъ, и, хотя, подобно Левану, добываетъ красавицъ, но совершенно при другихъ обстоятельствахъ. Русскому народному эпосу знакомы и сотрудники Левана, Обѣдало и Опивало, они упоминаются въ сказкѣ о Морскомъ Царѣ и Василисѣ Премудрой (тамъ же, кн. II, стр. 319 и 320). Есть также сходство и между подвигами Левана Датвисъ-швили и царевича, упоминаемаго въ русской сказкѣ.

Сказка о девятиглавомъ орлѣ и охотникѣ (8—19) деталями своими приближается къ очень многимъ сказкамъ, раньше напечатаннымъ въ „Сборникѣ“. Въ первой своей половинѣ она рассказываетъ о томъ, какъ диковинная птица (въ данной сказкѣ—девятиглавый орелъ) заплатила охотнику за оказанную ей услугу. Этотъ сказочный мотивъ повторяется во множествѣ кавказскихъ сказокъ въ видѣ эпизода (см., напр., вып. VI, въ приложеніи, сказка: „Рустамъ“; въ VII в., о. 1, стр. 128—141, сказка: „Несчастный садъ“; въ IX вып., о. 2, стр. 189—199, сказка: „Коровій сынъ“ (конецъ сказки); въ X вып., отд. 3, стр. 54—61, мингрельская сказка: „Судьба“; въ XII вып., отд. I, стр. 117—122, сказка: „Ханская дочь и охотникъ“; въ XIII вып., о. 2, стр. 308—318, сказка: „Меликъ-Мамедъ“; въ наст. выпускѣ—ск. Мурги-Гюлли Ханданъ, стр. 256 и слѣд.). Изъ русскихъ сказокъ сюда примыкаютъ всѣ, помѣщенные въ сборникѣ Аѳанасьева подъ общимъ заголовкомъ: „Три царства“ (Нар. рус. сказки, ч. 1, стр. 264 и слѣд.). Во всѣхъ этихъ сказкахъ услуга, оказываемая птицѣ, состоитъ, однако, не въ излѣченіи отъ ранъ, а въ томъ, что герой сказки или спасаетъ ея птенцовъ, или щадитъ ее; эпизодъ этотъ въ нихъ чаще приурочивается къ концу сказки и ведетъ къ освобожденію героя.

Вторую половину данной сказки составляет рассказ о похождениях сына охотника, побѣждающую чудную птицу-волшебника съ помощью дочери его, которою онъ овладѣваетъ предварительно. Это также одинъ изъ очень распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ: такъ, въ Сванетской сказкѣ: „Царь“, помѣщенной въ X вып. „Сборника“ (о. 2, стр. 163—175), конецъ сильно напоминаетъ данную сказку; герой ея, охотникъ, съ помощью своей невѣсты-волшебницы, дочери царя-волшебника, выполняетъ порученія послѣдняго и, въ заключеніе, получаетъ ея руку вопреки желанію ея отца.

Въ цѣломъ своемъ составѣ прецедентомъ своимъ въ Сборникѣ она имѣетъ айсорскую сказку: „Царевичъ Саргизъ“ (XVIII вып., отд. 3, стр. 87 и дал.), а среди русскихъ сказокъ—тѣ, которыя у Аванасьева озаглавлены: „Морской царь и Василиса Премудрая“ (Нар. рус. ск., ч. II, стр. 313—368, особенно вариантъ b); сходство заключается какъ въ общемъ планѣ сказки, такъ и во многихъ деталяхъ. Русская сказка знаетъ и обстоятельства, при которыхъ былъ раненъ орелъ, излѣчиваемый героемъ сказки (стр. 323): это-звѣриная война, вызванная ссорой, которая произошла между мышью и воробьемъ; поводомъ же къ ихъ распрѣ послужило то обстоятельство, что воробей послѣ тридцатилѣтней дружбы съ мышью, когда у нихъ было, по уговору, „все пополамъ“, одинъ воспользовался маковымъ зерномъ, которое нашелъ случайно; по другому варианту, подаетъ поводъ мышь, выпустивъ въ подполье остатокъ ржи, находившейся раньше у нея въ общемъ пользованіи съ воробьемъ (стр. 448). Этотъ поводъ къ звѣриной войнѣ указываетъ и айсорская сказка. Въ имеретинскомъ вариантѣ этой сказки, кромѣ того, пропущенъ эпизодъ про тоекратную месть орла, заставляющаго героя сказки „спознать муку смертнаго часа“; въ ней пропущены также всѣ приключенія героя во время погони за нимъ и весь остальной конецъ ея. Ближе въ этомъ отношеніи въ русской сказкѣ—айсорская, но разсказа о мести въ ней нѣтъ.

Имеретинская сказка: „Воспитанница орла“ (19—23) напоминает, хотя и въ очень слабой степени, легенду: „О Соломонѣ Мудромъ и Жарптицѣ“, помѣщенную въ XIII в. „Сборника“ о. 2, стр. 330—331): роль орла въ данной сказкѣ и жарптицы въ легендѣ сходна въ томъ отношеніи, что и тотъ, и другая уносятъ и воспитываютъ дѣвицу, хотя побужденія къ тому, а вслѣдствіе того и отношенія къ воспитанницѣ, у нихъ совсѣмъ разныя. Жарптица желаетъ опровергнуть Соломоново убѣжденіе въ неизмѣнности рока и, чтобы помѣшать определенному судьбою браку юноши съ дѣвицею, беретъ послѣднюю къ себѣ для воспитанія. Орелъ имеретинской сказки, напротивъ, является гуманнѣмъ существомъ: онъ спасаетъ отъ гибели брошеннаго матерью ребенка, окружаетъ его, какъ можетъ, удобствами (золотая кровать, золотая чонгури) и даже является впоследствии поздравить свою воспитанницу и ея мужа съ полнымъ счастьемъ, когда оно для нихъ наступило.

Сказка о недогадливомъ бѣднякѣ (23—30) представляетъ имеретинскій вариантъ очень распространенной между кавказскими народами сказки: татарскій пересказъ ея—„Шейдулла“ и мингрельскій—„Дармоѣдъ“ были раньше напечатаны редакціей „Сборника“ (вып. VII, о. 2, стр. 125—128 и вып. X, о. 3, стр. 67—68). Замѣчательно, что имеретинская передача сказки стоитъ ближе не къ мингрельскому пересказу, какъ этого слѣдовало бы ожидать на основаніи и географическихъ, и этнографическихъ данныхъ, а къ пересказу татарскому, записанному въ Бакинской губерніи, совсѣмъ въ противоположномъ углу Закавказья.

Любопытно сказки этой группы сопоставить съ помѣщенными въ XIII выпускѣ „Сборника“—армянскою: „Бюрапатикъ“ и, особенно, татарскою: „О богачѣ Азизѣ и его рабѣ Мирзѣ, а также съ напечатанною въ X вып. грузинскою сказкою: „Долгъ Бога“ и русскою: „О Маркѣ Богатомъ“ (Нар. р. ск.,

кн. III, стр. 116): во второй изъ нихъ рабъ Мирза, а въ третьей зять Марка, Ёома Безсчастный, какъ-разъ исполняютъ то, чего не догадываются сдѣлать Недогадливый бѣднякъ, Шейдулла и Дармоѣдъ.

Сказка: „Ктоглупѣ“ (30—35) въ русскомъ вариантѣ, записанномъ въ Ставропольской губерніи, уже извѣстна читателямъ „Сборника“ (вып. VII, о. 2, стр. 53—61: „Гдѣ есть дураки“). Но сходство между нею и печатаемою въ настоящемъ выпускѣ заключается лишь въ томъ, что же касается самыхъ подробностей разсказа, то онѣ совершенно своеобразны: въ русской сказкѣ завязкою служитъ сватовство за одну изъ дочерей отца глупаго семейства, и на поиски за глупыми людьми отправляется женихъ, обѣщая жениться на глупой дочери домохозяина въ томъ случаѣ, когда найдетъ людей глупѣ своей невѣсты, ея матери и отца. Въ имеретинской сказкѣ поводомъ къ обнаруженію глупости служитъ отправленіе за водой, и на поиски идетъ, съ отчаянія самъ домохозяинъ. Всѣ приключенія разсказываемыя дальше въ обѣихъ сказкахъ, не имѣютъ между собою рѣшительно никакого сходства, и тема разсказа развивается въ каждой совершенно своеобразно.

Замѣчательно, что однородная по темѣ съ этими сказками русская: „Вороватой мужикъ“ (Аванасевъ—кн. III, стр. 349—352) обнаруживаетъ въ своихъ подробностяхъ сродство и съ тою, и съ другою. Такъ, завязка ея представляетъ разсказъ вполне напоминающій продѣлку отца глухихъ дочерей; только вмѣсто него обираетъ глупую бабу „Никонецъ-съ того свѣту выходецъ“, разсказывая ей, что на томъ свѣтѣ съ ея сыночкомъ „въ одной горницѣ жили“. Деверя имеретинской сказки замѣняетъ одинъ изъ сыновей старухи: онъ уходитъ отъ матери и разыскиваетъ глупыхъ людей. Его приключенія, затѣмъ, напоминаютъ уже ставропольскую сказку, при чемъ изъ приключеній жениха разсказываются только первое (похищеніе барской свиньи съ поросятами, въ барскомъ же экипажѣ

и приключеніе съ „птахомъ“ (соколь у Аванасьева), якобы спрятаннымъ подъ мужицкою шапкою.

Почти одиночною по своему сюжету является въ „Сборникѣ“ помѣщаемая далѣе имеретинская сказка: **О дочери царскаго эконома** (35—55). Правда, въ „Сборникѣ“ и раньше встрѣчаемъ сказки о мужественныхъ дѣвахъ, каковы, напр., въ VII выпускѣ (о. 2. стр. 79—83) армянская сказка: „Невѣста всадникъ“ и въ XII выпускѣ (отд. 1, стр. 51—77) кабардинская сказка: „Красавица Елена и богатырь-женщина“. Но, кромѣ этого общаго мотива, сказки эти по своимъ подробностямъ совсѣмъ не подходятъ къ нашей. Не можемъ также указать близкой параллели къ ней и между русскими сказками.

По составу своему данная сказка обнаруживаетъ сложную композицію. Изъ деталей ея обращаютъ на себя вниманіе: 1) *умеривленіе мужественною дѣвушкою чудовищаго кабана*, который напоминаетъ классическаго эримантскаго вепря, 2) *вѣщій конь*, такъ часто встрѣчаемый въ кавказскихъ сказкахъ и въ данномъ случаѣ руководящій дѣйствіями храброй дѣвушки; 3) преданіе объ *окаменѣломъ царствѣ и живой водѣ* и 4) о *превращеніи дѣвушки въ мужчину*, въ слѣдствіе заклія змѣя. Преданіе объ *окаменѣломъ царствѣ*, столь распространенное среди разныхъ народовъ (см. Ае., кн. IV, стр. 360—367; ср. айсорскую сказку „Окамен. царство“ въ XVIII вып. „Сборника“ (о. 3, стр. 78 и дал.), отлилось въ имеретинской сказкѣ въ довольно оригинальную форму: *окаменѣлый* нижнею частью своего тѣла царь, такимъ образомъ, прикованъ къ своему золотому ложу и претерпѣваетъ мученія, напоминающія классическаго Прометея и Танталя: *злой духъ*, принимая образъ „страшной птицы съ желѣзнымъ клювомъ“, ежедневно терзаетъ его тѣло, и несчастный царь бессильно простираетъ свои руки къ чашѣ съ живою водою, которая стоитъ предъ нимъ, — въ ней заключается его спасеніе, но онъ не можетъ приблизиться къ источнику своего спасенія, потому что *окаменѣлъ* нижнею частью своего тѣла и не въ силахъ сдвинуться съ мѣста.

Сказка о трех братьяхъ и сестрѣ дурочкѣ (56—65) представляетъ также оригинальный сказочный мотивъ, подобнаго которому мы не можемъ указать. Концомъ своимъ, собственно разсказами о путешествіи на небо и о встрѣчахъ на пути къ нему, эта сказка напоминаетъ „Бюрапатикъ“, „Долгъ Бога“ и сказку „О богачѣ Азизѣ и его рабѣ Мирѣѣ“.

Далѣе слѣдующая сказка: **Наслѣдство богача** (65—67) развиваетъ одну изъ любимыхъ темъ въ кавказскихъ сказкахъ—о неизбѣжномъ рокѣ (о сказкахъ этого типа см. въ предисловіи къ XIII в. стр. XVI и XVII). Ближе всего къ данной сказкѣ подходит напечатанная въ XIII выпускѣ татарская сказка: „О богачѣ Азизѣ и его рабѣ Мирѣѣ“. Изъ русскихъ сказокъ къ ней больше всего приближается вариантъ сказки о Маркѣ Богатомъ, записанный въ Тамбовской губерніи (Ае. Нар. русск. ск., ч. III, стр. 117—119): сходство чрезвычайно большое; только мѣсто охотника, спасающаго мальчика, заступаетъ въ русской сказкѣ помѣщикъ, продающій потомъ своего найденыша Марку; вмѣсто св. Духа въ образѣ священника, въ русской сказкѣ спасаетъ юношу отъ козней богача „святой отецъ“. Погибаетъ Марко, подобно богачу имеретинской сказки, на заводѣ, въ печи, куда его по ошибкѣ сажаютъ рабочіе, вмѣсто зятя.

Сказка, озаглавленная: **Царская дочь** (67—71), представляетъ разсказъ на тему, что кажущееся несчастье приводитъ иногда, наоборотъ, къ неожиданному благополучію. Тема этой сказки весьма распространена, но развитіе ея въ данной обстановкѣ своеобразно. Любопытно эту сказку сравнить со сванетскою: „Судьба“, напечатанною въ VII выпускѣ „Сборника“ (о. 2, стр. 93 и дал.) и также развивающей мысль, что судьба ведетъ къ счастью вопреки всякимъ ожиданіямъ и расчетамъ. Въ ряду подробностей ея, отмѣтимъ опредѣленіе судьбы людей посредствомъ взвѣшиванія на вѣсахъ; только въ сванетской сказкѣ не шелковый клубочекъ находится на второй чашкѣ вѣсовъ, а парень, и равенствомъ вѣса парня и дѣвушки указывается опредѣленіе для нихъ судьбы быть мужемъ и женою.

Печатаемая далѣ сказка: „Лиса и мельникъ“ есть имеретинскій вариантъ къ напечатанной раньше (XIII вып., о. 2, стр. 130—140) въ „Сборникѣ“ армянской сказкѣ, но гораздо бѣднѣе ея и стоитъ гораздо ближе къ русскимъ сказкамъ этого типа (см. предисловіе къ XIII в., стр. XVIII), и къ аварской—„Буку-чи-ханъ“ (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, вып. 2, Аварскія сказанія, стр. 45).

Сказка: **Царь и крестьянинъ** (стр. 73—74) принадлежитъ къ области весьма разнообразныхъ и многочисленныхъ рассказовъ объ остроумныхъ отвѣтахъ простого, повидимому, чело­вѣка. Ближе всего печатаемый вариантъ подходитъ къ русской сказкѣ, напечатанной въ сборникѣ Аванасьева подъ заглавіемъ: „Мудрые отвѣты“ (кн. III, стр. 187). Въ имеретинскомъ пересказѣ фабула рассказа совершенно тождественна съ указанною русскою сказкою, только вмѣсто солдата, героя русской сказки, здѣсь говорится о крестьянинѣ, а тема загадочнаго разговора совсѣмъ иная и ближе подходитъ къ ходу рассказа: въ русской—солдатъ отвѣчаетъ царю на вопросы, сколь высоко небо, сколь широка земля и глубока ли она; общій же смыслъ загадочныхъ вопросовъ царя по имеретинской сказкѣ,—въ какомъ состояніи находится здоровье стараго, окончившаго службу крестьянина; вознагражденіе за свое остроуміе и службу солдатъ получаетъ на счетъ „купцовъ-молдцовъ“, выдергивая у нихъ „по золотому перу“; въ имеретинской же крестьянинъ вознаграждается на счетъ министровъ, взыскивая съ cadaго изъ нихъ по миллиону.

Сказка о двухъ упорныхъ людяхъ тождественна по своей основѣ съ русскою, напечатанною въ сборникѣ Аванасьева подъ заглавіемъ: „Скряга“ (Нар. русск. сказки, кн. III, стр. 467 и дал.). Какъ показываетъ самое заглавіе сказокъ, имеретинскій пересказъ имѣетъ нѣсколько иной смыслъ: онъ подчеркиваетъ въ дѣйствующихъ лицахъ *упрямство*, а не *ску­пость*, какъ это дѣлаетъ русская сказка, и герой послѣдней,

Марка-купецъ богатый, такъ-таки и не отдалъ бѣдняку занятой у него копѣйки, тогда-какъ герой имеретинской сказки кончаетъ дѣло компромиссомъ, уплачивая долгъ шапкою, снятою съ разбойника.

Статья: **Примѣты и повѣрья грузинъ Телавскаго уѣзда, Тифлисской губерніи**, существеннымъ образомъ дополняетъ другія данныя по этому вопросу, напечатанныя раньше въ „Сборникѣ“ (ср. вып. XVII, во 2 отдѣлѣ, статья того же автора: „Повѣрья грузинъ Телавскаго уѣзда“ и др., а также вып. XVIII, ст. М. Машурко: „Изъ области народной фантазіи и быта“). Къ матеріалу, заключающемуся въ этой статьѣ, примыкаютъ нѣкоторые данныя въ статьяхъ перваго отдѣла настоящаго выпуска. Сюда относятся заговоры, записанные въ сел. Сори (стр. 137—143), повѣрья и примѣты цаленджихцевъ (стр. 152—154) и жителей м. Квириль (стр. 172—173 и 180).

Первая изъ грузинскихъ сказокъ, помѣщаемыхъ далѣе, озаглавленная: „**О двухъ братьяхъ: добромъ и зломъ**“ (стр. 104—106), принадлежитъ къ группѣ сказаній, посвященныхъ вопросу о томъ, какъ жить лучше,—правдою или кривдою. Изъ русскихъ сказокъ этого рода, помѣщаемыхъ въ сборникѣ Аванасьева (Нар. р. ск., кн. I, стр. 215—232), ни одна не подходитъ близко къ печатаемому нынѣ грузинскому варианту: ни въ одной изъ нихъ не встрѣчаемъ ни однородной съ послѣднимъ завязки, ни животныхъ, являющихся дѣйствующими лицами въ немъ; въ русскихъ вариантахъ, вмѣсто послѣднихъ, обыкновенно, фигурируютъ или черти, или духи, или старцы. Вообще, грузинскій пересказъ гораздо граціознѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ сказокъ этого типа.

Изъ сказокъ, раньше напечатанныхъ въ „Сборникѣ“, данную любопытно сравнить съ сказкою: „**О купцѣ честномъ и о купцѣ нечестномъ**“ (выпускъ VI, о. 2, стр. 77).

На ту же тему, о непрочности неправеднаго стяжанія, составлена и вторая изъ грузинскихъ сказокъ: **Жалоба съ того свѣта** (стр. 106—107).

Третья изъ нихъ, озаглавленная: **Дуракъ**, довольно неопредѣленна по своей темѣ: герой сказки, долженствующій, судя по заглавію ея, быть глупымъ, не выдерживаетъ этого характера до конца и обнаруживаетъ несвойственныя дураку лукавство и предусмотрительность, особенно, когда мститъ своимъ спутникамъ за ихъ насмѣшки. Въ цѣломъ сказка эта прецедентовъ въ „Сборникѣ“ не имѣетъ, и только нѣкоторыя мелкія детали ея встрѣчались въ другихъ сказкахъ.

Четвертая грузинская сказка: **Три брата царевичи**, представляетъ варіантъ къ кабардинской сказкѣ: „Одинъ догадливъе другого“ (вып. XII, о. I, стр. 97—101). Разница, однако, между той и другой значительна: поводомъ къ путешествію догадливыхъ братьевъ кабардинская сказка указываетъ пропажу лошади,—братья идутъ отыскивать ея похитителя; въ грузинской же поводъ заключается въ исчезновеніи дорогого перстня, при раздѣлѣ братьями отцовскаго наслѣдства; конецъ сказки также сильно расходится: по кабардинскому пересказу, братья сами узнаютъ вора на сходѣ и, по полученіи подарковъ отъ царя, удаляются; въ грузинской же сказкѣ братья просятъ царя отыскать вора между ними, и тотъ, затрудняясь рѣшить этотъ вопросъ, поручаетъ это дѣло своей дочери, которая посредствомъ сказки и узнаетъ похитителя перстня. Ближе къ печатаемому варіанту, особенно по изложенію конца сказки, стоитъ грузинскій пересказъ ея, напечатанный во II выпускѣ „Сборника“ (о. 2, стр. 149—154), но и онъ, въ особенности по началу и въ передачѣ обстоятельствъ встрѣчи мудрыхъ братьевъ съ верблющикомъ, значительно разнится отъ печатаемаго въ настоящемъ выпускѣ.

Сказка: **О царевичѣ и змѣѣ** принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя въ сборникѣ Аванасьева изданы подъ общимъ заглавіемъ: „Рога“ (кн. II, стр. 138—150). Ближе другихъ изъ помѣщенныхъ здѣсь сказокъ къ нашей подходитъ та, которая напечатана подъ буквою b, но и она все-таки сильно разнится съ нею въ подробностяхъ. Герою ея является бѣглый

солдаты, а не царевичъ, какъ въ грузинской сказкѣ, и начало ея, повидимому, заимствовано изъ сказокъ иной группы: здѣсь говорится о томъ, какъ солдатъ всѣхъ обыгрываетъ съ помощью „однозолотныхъ картъ“; объ этой диковинкѣ грузинская сказка не знаетъ ничего; но зато въ русскихъ сказкахъ этого типа не упоминается о змѣѣ и о чудесномъ рогѣ; вмѣсто финиковъ, на чудномъ дѣйствиіи коихъ сосредоточенъ интересъ грузинской сказки, въ русской сказкѣ фигурируютъ „сладкія яблочки“. Сказка эта, въ лубочномъ изданіи, извѣстна подъ названіемъ: „Багдадскіе пирожники“.

Послѣдняя изъ грузинскихъ сказокъ, *Сказка о смѣлѣ царскаго служителя* (стр. 119—123), сильно напоминаетъ конецъ татарской сказки: „Рыба разноцвѣтная“, помѣщенной въ IX вып. „Сборника“ (о. 2, стр. 75—83; въ мингрельской передачѣ послѣдней сказки этого эпизода не имѣется; см. вып. X, о. 2, стр. 325—326); только канва разсказа въ обѣихъ сказкахъ совершенно различная, а также разнятся и нѣкоторыя подробности ихъ: въ татарской сказкѣ разсказывается о томъ, какъ царевичъ, пощадившій разноцвѣтную рыбку и за то изгнанный отцомъ, съ помощью своего спутника (оборотня) излѣчиваетъ нѣмую царевну; разсказъ, посредствомъ котораго заставляеть этотъ спутникъ царевну заговорить, имѣетъ сходство съ разсказомъ, которымъ въ третій разъ заинтересовываетъ царевну волшебный мячикъ въ грузинской сказкѣ; только въ послѣдней разсказъ этотъ очень сжатъ, а въ ск. „Рыба разноцвѣтная“ онъ передается со множествомъ второстепенныхъ подробностей. Есть измѣненіе и въ передачѣ основной фабулы разсказа: герои грузинской сказки обладаютъ одинъ — „*зеркальцемъ*, въ которомъ видно было, что дѣлается за нѣсколько тысячъ верстъ“, другой—ковромъ, на которомъ „въ минуту могъ пролетать по *двадцати пяти* верстъ“, а третій—лѣкарствомъ, „*которымъ можно было воскресить умершаго*“; въ татарской сказкѣ зеркальцу соотвѣтствуетъ *книга судьбы*, а лѣкарство излѣчиваетъ только *всякія болѣзни*; обладатели

этих диковиныхъ—братья между собою, соискатели руки одной царевны.

Что касается „**Картвельскихъ пѣсенъ**“ (стр. 124—140), слѣдующихъ за грузинскими сказками, то здѣсь интересны прежде всего свѣдѣнія объ имеретинскихъ хоровахъ, сообщаемыя священникомъ Н. Миндели. Текстъ пѣсенъ, какъ съ стороны исторической, такъ и съ бытовой, нуждается въ комментаріяхъ, безъ которыхъ онъ не всегда понятенъ; особенно въ этомъ отношеніи выдается седьмая пѣсня. Восьмая пѣсня, объ Иванѣ Квацихели, повидимому, принадлежитъ уже не къ хороваднымъ, а къ разряду пѣсенъ, распѣваемыхъ ашиками: въ нихъ рассказъ чередуется съ разговоромъ между ашиками и пѣніемъ лирическихъ четверостишій (См. о „представленіяхъ“ ашиковъ въ статьѣ Григорова, въ XIII вып. „Сборника“, отд. 1, стр. 110).

Не менѣе интересны въ бытовомъ отношеніи и „**Картвельскія легенды**“, свидѣтельствующія, до какой поразительной степени искажаются въ народной массѣ даже и религиозныя истины. Исторія о копченомъ пѣтухѣ, выпорхнувшемъ изъ кипятку, заканчивающая первую изъ этихъ легендъ, **О пришествіи Христа на землю**, встрѣчается и въ русскихъ сказаніяхъ; такъ, въ Памятникахъ старинной русской литературы, изданныхъ гр. Гр. Куселевымъ-Безбородко (Спб. 1860, вып. I, стр. 217), находимъ легенду: „Объ оживленной курицѣ“; въ ней разказывается о томъ, что „человѣкъ нѣкій православныя вѣры... приде къ нѣкому жидовину“ и въ разговорѣ съ послѣднимъ коснулся ученія о воскресеніи Христа; на это жиовинъ „съ яростію“ возразилъ, что Христось не воскресалъ, и что слухъ о воскресеніи его придумали и распустили ученики его. „А въ то время предъ жидовиномъ на обѣдѣ вареное куря лежитъ, и жиовинъ рече: „можетъ ли се вареное куря востать?“ Христіанинъ отвѣтилъ, что Богъ можетъ его оживить. „И се вареное куря восплеска крылома, испусти гласъ и изнесе яйце“. Грузинская легенда приурочиваетъ это

чудо къ обстоятельствомъ, сопровождавшимъ смерть и воскресеніе Спасителя.

Вторая легенда, **Священникъ и чортъ** (стр. 143—145), основана на очень смѣлой комбинаціи: въ ней священникъ является защитникомъ чорта, невинно подвергающагося наръканіямъ со стороны людей, а чортъ—въ роли его причетника и щедро благодарить священника за его заступничество.

Легенда: **Мужикъ и смерть** (стр. 145—148) имѣеть, по началу, много общаго съ русскими сказками о злыхъ женахъ (Аван. Нар. р. ск., кн. III, стр. 436 и слѣд.); сюжетъ послѣднихъ, обыкновенно, таковъ: за спасеніе сварливой жены мужика чортъ предлагаетъ послѣдному свои услуги, чтобы обогатить его: чортъ для этого берется „людей морить“, пока не позовутъ мужика для излѣченія его жертвъ, а мужикъ, являясь избавителемъ жертвъ чорта, этимъ путемъ долженъ приобрѣтать богатства. Данная легенда далеко выходитъ за предѣлы этой сказочной темы и ассимилируетъ въ своемъ разказѣ и другіе мотивы. Любопытно сравнить съ нею древнерусскую „Причту о витязѣ и о смерти“ (Пам. древнер. письм. К. Безбородко в. 2, стр. 439—442): въ русской легендѣ смерть *побуждаетъ* витязя, тогда-какъ въ грузинской она беретъ *хитростью*; въ грузинской легендѣ преобладаетъ *юморъ*, тогда-какъ русская совсѣмъ иного характера.

Дальнѣйшая легенда, **Мужикъ и Соломонъ Мудрый** (148—151), въ другомъ вариантѣ была уже напечатана въ IX выпускѣ „Сборника“ (о. 2, стр. 171—174). Настоящій вариантъ, сохраняя тождество темы и даже плана, разнится въ подробностяхъ.

Легенда: **Не работай въ праздникъ** (151—152) въ деталяхъ обнаруживаетъ нѣкоторое сходство съ русскою сказкою: „Убогой“: въ ней мы встрѣчаемъ совершенно сходный приемъ наученія, хотя поводъ для этого въ ней совсѣмъ иной; здѣсь рѣчь идетъ о бѣднякѣ Нестеркѣ, который, не имѣя средствъ

для прокормленія дѣтей, ѣдетъ „по міру“ и, нашедши по дорогѣ „убогаго“, беретъ къ себѣ въ повозку „за старшаго брата“; убогій дѣлаетъ его обладателемъ богатствъ, награбленныхъ хозяиномъ дома, въ которомъ они вмѣстѣ остановились на ночлегъ и не встрѣтили надлежащаго гостепріимства: лошади сами запряглись въ повозки, нагруженныя этимъ богатствомъ, и сами поѣхали со двора за Нестѣркою; для лучшаго наученія, убогій заставляетъ Нестѣрку возвратиться съ дороги въ домъ негостепріимнаго хозяина за рукавицами, которыя онъ забылъ на полатахъ; пришедши туда, Нестѣрка видитъ, что домъ вслѣдствіе несоблюденія его хозяиномъ гостепріимства „провалился сквозь землю“. Подобно этому, въ настоящей легендѣ герой ея, крестьянинъ, отправляется въ домъ, гдѣ со своимъ спутникомъ-старикомъ провелъ ночь, за Евангелиемъ, которое послѣдній забылъ въ немъ; вернувшись въ домъ, онъ находитъ тамъ пожаръ и отъ старца узнаетъ потомъ, что огонь истребилъ этотъ домъ за несоблюденіе при его постройкѣ святости праздничнаго покоя.

Легенда: **Объ І. Христѣ, пр. Ильѣ и св. Георгіѣ** (152—154) весьма колоритна въ отношеніи характеристики грузинскаго, или, лучше, кавказскаго *двоевѣрія*: по смыслу легенды, св. Георгій перехитрилъ І. Христа съ прор. Ильею и, пользуется большимъ почетомъ со стороны населенія, нежели они.

Изъ **Армянскихъ сказокъ** первая, **Сегранъ** (155—159), имѣетъ сложный составъ: въ ней соединены нѣсколько сказочныхъ мотивовъ, хотя преобладающимъ, все-таки, является типъ „Царевны лягушки“, какъ онъ вылился и въ русскихъ, и въ кавказскихъ сказкахъ. Изъ раньше напечатанныхъ въ „Сборникѣ“ сказокъ этого содержанія укажемъ на двѣ татарскихъ сказки: „Царевна лягушка“ (вып. VI, о. 2, стр. 141—155) и „Гюль и Синевизъ“ (в. IX, о. 2, стр. 94 и дал.). Изъ нихъ ближе къ издаваемой сказкѣ стоитъ первая: въ ней одинъ изъ братьевъ даже носитъ имя такое же, какъ и въ татарской редакціи (Бала и Бали), и въ концѣ сказки также говорится

о путешествіи героя на небо, къ матери царя, *за ключами*, причѣмъ по дорогѣ герой имѣетъ нравоучительныя встрѣчи съ разными лицами, но по началу своему печатаемая сказка значительно разнится отъ обѣихъ параллельныхъ ей сказокъ, да и, вообще, имѣетъ много своеобразнаго. Встрѣчи, упоминаемыя въ концѣ этихъ сказокъ, напряживаются на сближеніе ихъ со „Сказкою о трехъ братьяхъ и сестрѣ дурочкѣ“ и другими, поставленными въ параллель къ ней (см. выше, стр. VIII).

Сказка *Мать и дочь* (159—167) имѣетъ большое сходство съ армянскою сказкою: „Чыплагъ“, напечатанною раньше въ „Сборникѣ“ (вып. VII, о. 2, 187 и слѣд.), и съ русскою, озаглавленною у Аванасьева: „Купеческая дочь и служанка“ (Нар. р. ск., кн. I, стр. 259 и дал. и замѣтка къ ней въ IV кн.). Разница между печатаемымъ вариантомъ и ск. „Чыплагъ“ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ первую вплетенъ еще иной мотивъ, и начало посвящается разсказу о дѣвушкѣ, которой суждено было семь лѣтъ стеречь мертвеца. Этою своею подробностью наша сказка приближается къ другому сказочному разсказу,—о зачатомъ царевичѣ (одинъ изъ вариантовъ этого мотива былъ уже помѣщенъ въ „Сборникѣ“,—вып. XIII, о. 2, стр. 93 и слѣд.).

Начало сказки: *Сначала слуга, а потомъ царь* (167—180) близко къ армянской сказкѣ: „Саха-Юсуфъ“, напечатанной въ VII выпускѣ „Сборника“ (о. 2, стр. 196 и слѣд.), а концомъ она нѣсколько напоминаетъ ск. „Джейрана“, обнаруженную въ IX выпускѣ (о. 2, стр. 91 и слѣд.). Но въ обработкѣ сказочнаго сюжета данная сказка, тѣмъ не менѣе, весьма оригинальна и очень много разнится отъ нихъ. Въ числѣ деталей этой сказки нелишне отмѣтить покупаніе усерднымъ слугою на трудовыя деньги (15 копеекъ) дешевыхъ подарковъ (гранаты и кошка) для матери, которые, по благословенію Божію, превращаются въ несмѣтныя богатства; эта подробность сближаетъ данную сказку съ русскою: „Три копейки“ (Ав. Нар. р. ск., кн. II, стр. 308 и слѣд.): герой послѣдней

на деньги, заработанныя трехлѣтнимъ трудомъ, также покупаетъ кошку, которую купецъ, его хозяинъ, продаетъ потомъ за „цѣльный мѣшокъ золота“, и бѣдный работникъ становится богачомъ, а впоследствии даже и царемъ.

Армянская сказка: „**Рустемъ-Гуль**“ (181—193) составляетъ вариантъ къ мингрельской: „О царевичѣ и воспитанникѣ ндеми“ („Сборн.“, вып. X, о. 3, стр. 279—291), но сходство между ними относится лишь къ началу сказокъ, въ концѣ же онѣ совсѣмъ расходятся.

Слѣдующая далѣ армянская сказка: **Обиженному людьми Богъ помогаетъ** (194—199), по своему общему плану, имѣетъ сходство со сказками о *Косоручкѣ* (О сказкахъ этого типа см. пред. къ XIII в. „Сборника“, стр. XXXVI): въ нихъ также героиня является жертвою гнусной клеветы и вмѣстѣ со своимъ зарѣзаннымъ сыномъ изгоняется изъ государства, и лишь впоследствии ей удается возвратить любовь и довѣріе мужа и даже дать ему уразумѣть на дѣлѣ, какъ тяжело переносить ложныя обвиненія. Любопытно сравнить конецъ нашей сказки съ окончаніемъ сказки: „Нѣмая царица“ (вып. VI, о. 2, стр. 94—100): послѣдняя тѣмъ же способомъ, какъ въ нашей сказкѣ царица, проучиваетъ своего брата, изгнавшаго ее изъ дому.

Совсѣмъ иной смыслъ имѣетъ слѣдующая армянская сказка: **Назлу и семь братьевъ ея**; она построена на трогательной любви между братьями и сестрой: братья, огорченные тѣмъ, что не имѣютъ сестры, оставляютъ отцовскій домъ, а родившаяся безъ нихъ сестра впоследствии отыскиваетъ ихъ; и послѣ того братья и сестра не расстаются другъ съ другомъ.

Исторія Мудраго Хикара представляетъ армянскую редакцію сказки объ Акирѣ Премудромъ, хорошо извѣстной нашимъ предкамъ. Сходство между армянскимъ и русскимъ пересказомъ поразительно и обнаруживается не только въ ходѣ разсказа, но даже и въ самыхъ пунктахъ наставленій, даваемыхъ мудрецомъ своему воспитаннику. Приведемъ нѣкоторыя для образца (по изд. К. Безбородко: Пам. стар. рус.

литер., стр. 359—360). „Чадо, на женскую красоту не зри, та бо красота сладить, аки медвѣнная сыта, а послѣ горчае желчи и полони травы будетъ (ср. въ наставл. Хивара № 82,—красота сравнивается съ соленою водою)... Чадо, лучше съ умнымъ великій камень поднять, нежели зъ безумнымъ вино пить (см. № 3-й, почти буквально то же)... Пришедъ на пиръ и ты не садись въ большемъ мѣстѣ, и придуть иные мѣнши тѣбя и оне подвинуть тебя въ большое мѣсто (ср. № 5)... Чадо, егда бой бываетъ, и ты нѣ ходи... въ бою смерть, а въ смерти грѣхъ рождается (ср. № 42)... Чадо, аще пьянъ будешь, не много говори: умень нарѣчешися (ср. № 56)... аще хошеши любитися зъ другомъ, и ты прежде искуси его, нѣ яви ему тайну свою (ср. № 73)... Чадо, виднеша въ чужую храмину, и ты не много гляди, — то есть безчестіе (ср. № 28)“. Не приводимъ дальнѣйшихъ выдержекъ,—вышеприведенныхъ достаточно, чтобы видѣть, съ какою поразительною точностью, передавая изъ устъ въ уста, народы берегли свои словесныя сокровища.

Русская редакція сказки объ Акирѣ сохранила и заключительную притчу о деревѣ, не приносящемъ пользы, которою заканчивается армянская сказка. Но послѣ этой притчи въ русской редакціи есть еще другая (не совсѣмъ вразумительная) притча, о „волченцѣ“, отданномъ грамотѣ учиться (см. тамъ же, стр. 364).

Статья уч. Меликъ-Шахназарова: Свадьбы зангезурскихъ армянъ (220—226), имѣетъ для себя нѣсколько прецедентовъ, въ „Сборникѣ“ (Вып. II, о. 2, стр. 5—12; вып. VI, о. 1, стр. 186—188; вып. XIII, о. 1, стр. 101—105). Печатаемая статья, сравнительно съ прежними матеріалами, представляетъ нѣсколько новыхъ данныхъ; сюда относятся болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о „зовѣ“, свѣдѣнія о „шабашѣ“, устраиваемомъ на свадьбахъ музыкантами, о нѣкоторыхъ обрядахъ, наблюдаемыхъ зангезурскими армянами относительно невѣсты, таковы: обсыпаніе ея снѣгомъ во время свадебной процессіи, подне-

сеніе новобрачной на порогѣ, при вступленіи въ домъ мужа, глинянаго кувшина и др.

Первая изъ татарскихъ сказокъ: **Рустаъ и Фатъма** (227 241) и **Молла-Касумъ** (ст. 261—285), принадлежать къ числу такихъ, которыя рассказываются ашиками, и записана со словъ послѣднихъ. Изъ предварительной замѣтки, которою г. Хачатуровъ снабдилъ первую сказку, видно, что она записана со словъ ашика Искандара, при чемъ сообщены интересныя и подробныя свѣдѣнія объ общественномъ положеніи этого ашика въ селеніи Камарлу (Эриванск. губ.). Самая сказка любопытна, между прочимъ, какъ образчикъ *дѣтской* литературы ашиковъ. Редакція не можетъ не выразить сожаленія, что, г. Хачатуровъ глухо сообщилъ о томъ, что ашигъ — Искандаръ „рассказалъ“ сказку, не разъяснивъ, перемежался-ли этотъ рассказъ пѣніемъ обычныхъ у ашиковъ четверостишій, или нѣтъ. Въ виду того, что, съ распространеніемъ просвѣщенія, ашикство сходитъ со сцены все больше и больше, желательно было бы, пока есть возможность, чтобы записывались вмѣстѣ со сказками и самыя пѣсни ашиковъ.

Сказка **Молла-Касумъ** рассказана г. Махмудбекову тѣмъ же ашикомъ, который сообщилъ ему и напечатанную въ XIII выпускѣ „Сборника“ сказку: „Ашикъ-Керибъ“. Это единство источника до нѣкоторой степени отразилось и въ общихъ приѣмахъ пѣсни въ этихъ обѣихъ сказкахъ.

Третья татарская сказка: **О птицѣ Мурги-Гюлли-Ханданъ** (242—261), судя по нѣкоторымъ даннымъ, составляетъ одинъ изъ варіантовъ столь распространенной сказки о жарѣ птицѣ и сѣромъ волкѣ, при чемъ Мурги-Гюлли-Хандалъ, пѣніе которой навсегда излѣчиваетъ болѣзни, соотвѣтствуетъ Жарѣ птицѣ (Ср. Аван. Нар. р. ск. кн. IV, стр. 191: пѣніе птицы фениксъ также исцѣляетъ болѣзни), а дѣвъ, на которомъ совершаетъ свои путешествія М. Мамедъ, — сѣрому волку.

Относительно татарскихъ **Пословицъ и поговорокъ**, напечатанныхъ въ концѣ настоящаго выпуска (стр. 286—325),

считаемъ нужнымъ сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны раньше, частію во II-мъ, частію въ XVIII в. в. „Сборника“, какъ это и указывается редакціей въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту пословицъ. Удержаны такія пословицы по слѣдующимъ побужденіямъ: 1) второй выпускъ „Сборника“, къ которому преимущественно и относятся повторяемыя пословицы, сдѣлался въ настоящее время уже библиографическою рѣдкостью; 2) печатаемыя пословицы транскрибируются академическимъ алфавитомъ и въ этомъ видѣ болѣе доступны для чтенія, нежели во II выпускѣ, гдѣ онѣ напечатаны обычнымъ татарскимъ шрифтомъ, и 3) многія изъ повторяемыхъ пословицъ представляютъ, скорѣе, варианты къ напечатаннымъ раньше.

Въ заключеніе редакція ставитъ себѣ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать, что настоящій выпускъ обязанъ своимъ появленіемъ просвѣщенному содѣйствію многихъ лицъ. Такъ, статья: „Изъ древностей сел. Ченахчи“ просмотрѣна и приготовлена къ печати многоуважаемымъ Е. Г. Вейденбауномъ; переводы съ татарскаго и татарскіе тексты провѣрены и частью редактированы А. И. Калашевымъ; транскрипція татарскихъ текстовъ академическимъ алфавитомъ, подъ руководствомъ послѣдняго, выполнена учениками 8-го класса 1-й Тифлисской мужской гимназіи Мустафой-бекъ-Эминнымъ и Мамедомъ-бекъ-Джаванширомъ; при изданіи грузинскихъ текстовъ и переводовъ ихъ редакція пользовалась содѣйствіемъ учителей 2-й Тифлисской мужской гимназіи: И. З. Татіева и И. Е. Гамкрелидзе.

20 ноября, 1894 г.

Тифлисъ.

А. Богоявленскій.

ОТДѢЛЪ I.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

города Темиръ-Ханъ-Шуры.

Областной городъ Дагестанской области, Темиръ-Ханъ-Шура ¹⁾, хотя одинъ изъ новѣйшихъ городовъ Кавказа, игралъ, тѣмъ не менѣе, довольно видную роль въ исторіи Кавказскаго края послѣдняго времени. Не задаваясь цѣлью представить полную картину внутренней и внѣшней жизни города въ теченіе шестидесяти лѣтъ его существованія, я намѣренъ дать только *очерки* его исторіи.

Темиръ-Ханъ-Шуринскій округъ, судя по даннымъ языка, нѣкогда былъ населенъ даргинцами; кумыки, составляющіе нынѣ его главное населеніе, явились, какъ предполагаютъ, не ранѣе конца XII или начала XIII вѣка ²⁾. Самое имя Шуры указываетъ на прежнсе даргинское населеніе: П. К. Усларъ даетъ двоякое объясненіе этого имени: „озеро хана Темира“

¹⁾ 42°49'4" сѣв. шир., 61°46'8" вост. долг. Высота Шуры, по барометрическому измѣренію академика *Абиха*, 1516 фут. (Кавк. Кал. на 1858 г.); у *Семенова* (Геогр. словарь Росс. имп.)—1508 ф. Въ 1881 г., при учрежденіи метеорологической станціи при реальномъ училищѣ, *У. И. Стебницкій* сообщилъ, что въ Шурѣ геодезически опредѣлены три пункта: 1) куполь церкви—1533,42 ф. надъ уровнемъ Чернаго моря, 2) большой памятникъ на кладбищѣ—1496,94 ф. и 3) бастионъ на сѣверо-восточномъ углу бывшаго укрѣпленія (такъ называемая Кавалеръ-батарея)—1524,32 ф.

²⁾ Древнѣйшую исторію мѣстности въ окрестностяхъ Шуры можетъ освѣтить изслѣдованіе кургановъ и могилъ, которые встрѣчаются въ довольно значительномъ количествѣ (о нихъ см. *А. В. Комарова*: Древнія могилы Дагестана, Извѣстія Кавк. отдѣла геогр. общ., I, № 4, и Пещеры и древнія могилы въ Дагестанѣ, труды предварит. комитета V археолог. съѣзда, 437; *Штейна*: О пещерахъ и могилахъ въ Дагестанѣ, Труды предвар. комитета). Вообще, доисторическая археологія Дагестана мало разработана, хотя *Morgan* (Mission scientifique au Caucase. Etudes archéologiques et historiques. Paris. 1889., I, 176) говоритъ, что некрополи въ Дагестанѣ показали существованіе искусства, близкаго къ искусству осетинъ, но нѣкоторые элементы, какъ, напр., спираль, въ немъ отсутствуютъ.

(шураі, по-акушински, — озеро) ³⁾ или „скала хана Темира“ (шура, на кайтакскомъ нарѣчїи, — скала) ⁴⁾. Озеро, существовавшее вблизи Шуры, и скала, на которой находятся развалины такъ называемой „Кавалеръ—батарей“ дѣлають возможнымъ и то, и другое объясненіе. Народное преданіе ⁵⁾ основаніе Шуры связываетъ съ именемъ Тамерлана или Темиръ-хана, который, въ бытность въ Дагестанѣ послѣ побѣдъ надъ Тохтамышемъ ⁶⁾, имѣлъ будто-бы постоянное становище свое тамъ, гдѣ потомъ находился аулъ Темиръ-Ханъ-Шура.

Дѣйствительно, память о грозномъ завоевателѣ сохранилась во многихъ пунктахъ сѣвернаго Дагестана ⁷⁾.

Въ концѣ XVI в. находимъ прямое указаніе на Шуру, около которой или чрезъ которую пролегалъ прямая дорога съ плоскости въ горы и далѣе въ Грузію. Грузинскіе послы

³⁾ *И. К. Усларъ*: Хуркилинскій языкъ. Тифлисъ, 1892, 4.

⁴⁾ Матеріалы для этнографіи вост. Кавказа (Записки Кавк. отд. геогр. общ., VII, смѣсь, 30); *Mélanges asiatiques*, V, 169; *И. К. Усларъ*: Лакскій языкъ. Тифлисъ. 1890, письма къ академику Шифнеру, 21.

⁵⁾ *Костемеровскій*: Т.-Х.-Шура (Кавказъ. 1858, № 4); *Костенецкій*: Записки объ Аварской экспедиціи. Спб. 1851, 8.

⁶⁾ Не имѣя возможности точно опредѣлить время и обстоятельства похода Тамерлана въ Дагестанъ, по неимѣнію подъ руками спеціальныхъ сочиненій, напр.: „Исторіи Тимура“ Шериф-эддина (пер. Petit de la Croix. P. 1722), Гаммера: „Исторіи Золотой орды“ и т. д. (*Charmoy: Expedition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan contre Toqtamische, в Мѣmoires de l'Acad. des Sciences de Spt., VI série, sciences polit., t. III, 90-505, говорить лишь о походѣ 1391 г., миновавшемъ Кавказъ), я принужденъ привести нѣсколько не совсемъ согласныхъ данныхъ относительно этого похода. По *Зубову* (Картина Кавк. края, Спб. 1834—35, IV, 118) Тамерланъ покорилъ Дагестанъ въ 1384 году, а въ 1394 г. Дагестанъ и Ширванъ потерпѣли опустошеніе отъ Тохтамыша; по *Берже* (Кавказъ въ археологическомъ отношеніи, въ Запискахъ общества любителей кавказской археологіи, I, 14) походъ Тамерлана происходилъ въ 1395 г.; по *Brossel* (*Histoire de la Georgie*, Spt., 1851, Addit. et éclair, 389), Тамерланъ въ 1396 г., во время похода на Тохтамыша, провелъ зиму въ Дагестанѣ въ *Булазъ-Комъ* (рѣка Буганъ?); *Klaproth* (*Voyage au mont Caucase et en Georgie*, Paris. 1823, II, 150, 154) мѣстомъ боя между Тимуромъ и Тохтамышемъ на р. Терекѣ въ 1397 г. считаетъ окрестности города Моздока.*

⁷⁾ Около Чиркея (Нового) встрѣчаются древнія кладбища, о которыхъ мѣстные жители говорятъ, что это кладбища киргизовъ, приходившихъ

въ Москвѣ въ 1588—89 г. такъ описываютъ эту дорогу: „Отъ Терки до Тюмени конному съ днище, а пѣшему два дни, а отъ Тарковъ до Кафиркумыка конному день, а пѣшему два дни, а отъ Кафиркумыка до Козанича пѣшему итти днище, а отъ Казанича до Казыкумуха до Саѳурскаго съ четыре днища ⁹⁾“.

Савинъ и Полухановъ, московскіе послы въ Грузію въ 1596—99 г., донося о числѣ конныхъ людей, которыхъ могли выставить различные Кумыкскіе владѣтели, уже прямо указываютъ на Шуру, помѣщая ее рядомъ съ Кафырь-Кумыкомъ: „у узденя шевкалова у Темирхана въ Шурани 10 человекъ конныхъ ¹⁰⁾“.

Сопоставляя эту цифру съ числомъ конныхъ людей, выставляемыхъ Кафырь-Кумыкомъ (150), Казанищами (200), Эрпели (400), мы должны заключить, что Шура была деревня очень малонаселенная, можетъ быть, недавно основанная этимъ узденемъ Темиромъ, отъ котораго могла получить и имя. Замѣчательна точность свѣдѣній нашихъ пословъ: дѣйствительно, Шура, хотя и находилась во владѣніяхъ шамхала Тарковъ

съ Тамерланомъ (*Комаровъ*, Изв. Кавк. отд. геогр. общ., I, № 4, 113; *Штейнъ*, Труды предв. комитета, 477; *Анучинъ*: Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ, Извѣстія геогр. общ., 1884, XX, 90). Тамерланъ, по рассказамъ жителей, долго стоялъ лагеремъ у Новаго Чиркея, и воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ названіи Аусака-Темиръ-уолы (дорога хромого Темира), пути по хребту отъ Анги-Меэра до Чиркея (*Комаровъ*, Труды, 437). Стѣна около Губдена приписывается жителями также Тамерлану (*Руссовъ*: Отчетъ о лѣтнихъ и осеннихъ археол. работахъ въ южномъ Дагестанѣ, Труды предв. комитета, 615, примѣч.). У горцевъ сохранилась пословица: „съ тобою надо сдѣлать такъ, какъ Тимуръ сдѣлалъ сахирманъ (токъ)“, происшедшая отъ того, что Тимуръ будто-бы однажды приказалъ перевязать и уложить малыхъ дѣтей такъ, какъ татары обыкновенно укладываютъ хлѣбъ для молотбы досками (Потто: Кавк. война, I, 226). Впрочемъ, *Невѣровскій* (Краткій историч. взглядъ на сѣв. и средній Дагестанъ до уничтоженія вліянія лезгиновъ на Закавказьѣ, Спб. 1848, 5; сперва въ Современникѣ, 1849, № 9) приводитъ преданіе, что лезгинны добровольно подчинились Тамерлану.

⁸⁾ Отъ Шуры до Кафиркумыка около 2 версты,—до Казанищъ — около 7.

⁹⁾ *Блокуровъ* (С): Сношенія Россіи съ Кавказомъ, Матеріалы, извлеченные изъ Москов. главнаго архива минист. иностр. дѣль. М. 1889, I, 59.

¹⁰⁾ *Блокуровъ*, I, 293.

скаго, но входила въ составъ особаго удѣла, Баматулы. Подъ этимъ именемъ лѣтъ двѣсти до начала XIX в. образовался особый удѣлъ члена шамхальскаго дома, Бамата, которому были отданы въ наслѣдственное владѣніе, кромѣ Темиръ-Ханъ-Шуры, еще шесть деревень: Большіе и Малые Казанищи, Буглень, Муселимъ-ауль, Халимъ-бекъ-ауль и Кафыръ-Кумыкъ, при чемъ вторая и послѣдняя имѣли своихъ родовыхъ бековъ изъ фамилии Бамата¹¹⁾. Происхожденіе подобныхъ владѣній прекрасно выяснено профессоромъ М. Ковалевскимъ: „Генезисъ сословія бековъ“, говоритъ отъ ¹²⁾, „былъ тотъ же, что и служилыхъ людей, антрустіоновъ, тановъ, дружинниковъ. Временное и личное отличіе, вызываемое службою, со временемъ, на почвѣ фактическихъ отношеній, пріобрѣтаетъ характеръ постоянной сословной привилегіи; вмѣсто того, чтобы вознаграждать служащихъ опредѣленнымъ жалованіемъ, ханы и султаны надѣляютъ ихъ правомъ обращать въ свою личную пользу всѣ натуральныя и денежныя поступленія съ крестьянъ извѣстнаго округа. На первыхъ порахъ это право всецѣло связано съ службой и прекращается вмѣстѣ съ ней. Но такъ-какъ со временемъ служба становится не только пожизненной, но и наслѣдственной, то и право на крестьянскія повинности и сборы пріобрѣтаетъ характеръ наслѣдственнаго пользованія, фактически ничѣмъ не отличаемаго отъ собственности. Отношенія эти усложняются еще тѣмъ, что на должности мѣстныхъ начальниковъ правители обыкновенно опредѣляютъ собственныхъ дѣтей отъ неравныхъ браковъ, или такъ называемыхъ чанковъ,

¹¹⁾ Шамхалы тарковскіе, 60 (Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ, I); Ханы мехтулинскіе, 4—5 (ib); *Комаровъ* (А. В.): Списки населенныхъ мѣстъ Дагест. области (Сборникъ статист. свѣдѣній о Кавказѣ, издав. Кавк. отд. геогр. общ. Тифлисъ, 1869, I, 1). *Щекатовъ* (Словарь географич. Россійской Имперіи. Спб. 1804, III, 968), называя Казанища „деревню Казанскаго“, знаетъ, что въ ней живетъ „особливый князекъ“, и что около нея нѣсколько „малыхъ деревушекъ“.

¹²⁾ *Ковалевскій* (М): Законъ и обычай на Кавказѣ. М. 1890, I, 230.

такъ что къ земельной и служебной зависимости присоединяется еще чисто родственная.“

Въ XVII и XVIII в. Темиръ-Ханъ-Шура, нужно думать, подвергалась тѣмъ же невгодамъ, какъ и все шамхальство. Въ 1725 г. генераль Кропотовъ, разоряя за измѣну шамхала его деревни „Ирпелинскую“ и др. ¹³⁾, конечно не пощадилъ и попутно лежавшей Шуры. Въ августѣ 1742 г. ее, вѣроятно, не миновала гроза отъ Надыръ-Шаха, который былъ у Кафыръ-Кумыка, и войска котораго проникли въ горы ¹⁴⁾. Но приобретаетъ извѣстность Шура лишь при А. П. Ермоловѣ. Въ 1818 г. надъ Дагетстаномъ разражается грозный гнѣвъ его, и въ числѣ наказанныхъ непокорныхъ былъ послѣдній баматулинскій владѣтель Гирей-бекъ. Владѣнія его отдаются шамхалу ¹⁵⁾, которому Ермоловъ 21 ноября того же года пишетъ: „Селенія сіи (Параулъ, *Шора*, Дургали и Казанища съ окрестными деревнями) отдаются за вѣрность, собственно лицомъ вашимъ оказанную, и потому наслѣдникамъ вашимъ принадлежать могутъ не иначе, развѣ Государь Императоръ соизволить дать на то подтвержденіе ¹⁶⁾“. Деревни эти, въ томъ числѣ и Шура, остались во владѣніи шамхала ¹⁷⁾; въ 1820 г. въ ней считалось 160 дворовъ, такъ что она занимала довольно видное мѣсто между шамхальскими деревнями (всего въ его владѣніяхъ считалось 6940 дворовъ; менѣе Шуры имѣло дворовъ 12 деревень, болѣе—15) ¹⁸⁾. Въ то же время на Шуру, благодаря ея топографическому положенію, обращаютъ вниманіе дѣятели того времени. Въ 1823 г. въ Мехтулѣ снова вспыхнулъ бунтъ.

¹³⁾ *Бутковъ*: Матеріалы для новѣйшей исторіи Кавказа. Спб. 1869, I, 82.

¹⁴⁾ *Бутковъ*, I, 213. *Аббасъ-Кули Бакинскаго*: О походѣ шаха Надыра въ Дагестанъ (Кавказъ, 1846, №№ 17—18).

¹⁵⁾ Обвѣщеніе Ермолова 15 ноября 1818 г. (Акты Кавказской археологической комиссіи. VI, ч. 2, 6, № 8).

¹⁶⁾ Акты, VI, ч. 2, 90—91, № 211.

¹⁷⁾ Ермоловъ Вельяминову 24 апрѣля 1820 г. (Акты, VI, ч. 2, 80—81, № 182).

¹⁸⁾ Верховскій Ермолову 24 апрѣля 1820 г. (Акты, VI, ч. 2, 93, № 216).

Окружный начальникъ въ Дагестанѣ, командиръ первой бригады 21 пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ Краббе идетъ на Эрпели, 30 іюля сжигаетъ его и отсюда отходить къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Въ 3 часа утра 31 числа онъ сталъ лагеремъ на лѣвомъ берегу рѣч. Эрпели-Озень. Отъѣзжая въ Кубу и поручая командованіе отрядомъ подполковнику Евреинову, Краббе доноситъ (1 августа 1823 г.) Ермолову, что, для удержанія въ страхѣ койсубулинцевъ и другихъ племенъ Дагестана, необходимо учредить постоянный постъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ ¹⁹⁾; 12 августа А. П. Ермоловъ отвѣчалъ: „согласенъ съ предположеніемъ вашимъ, что устройство при Темиръ-Ханъ-Шурѣ поста имѣть могло-бы свою пользу, но, по теперешнимъ обстоятельствамъ, помышлять о томъ не возможно. Отрядъ вашего превосходительства расположенъ тамъ весьма у мѣста, и если-бы даже все по прежнему пришло въ порядокъ и тишину, то оставить надобно его на нѣкоторое время въ Казанищи ²⁰⁾“. Съ этихъ поръ Шура все болѣе и болѣе приобретаетъ значенія, и въ окрестностяхъ ея сосредоточиваются военныя дѣйствія въ концѣ двадцатыхъ годовъ, тѣмъ болѣе, что, послѣ турецкой войны, штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка должна была находиться здѣсь ²¹⁾. Близость Эрпели, „этого гнѣзда Кази-Муллы, изъ коего всегда возникаетъ пламя мятежа противъ російскаго правительства ²²⁾“, и другихъ горныхъ ауловъ, плохо повиновавшихся намъ и шамхалу, увеличивала значеніе Шуры. Въ виду этого Мехтишамхаль 31 января 1830 г. писалъ Паскевичу, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ увѣдомлялъ военно-окружного начальника Краббе, что самымъ лучшимъ средствомъ будетъ, если въ деревнѣ Т.-Х.-Шурѣ, на дорогѣ въ Койсубу и Аварію, гдѣ

¹⁹⁾ *Дубровинъ*: А. П. Ермоловъ на Кавказѣ (Военный сборникъ, 1884, № 2, 177).

²⁰⁾ Акты, VI, ч. 2, 18, № 33.

²¹⁾ *Казбекъ*: Куринцы въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Т. 1885, XVII.

²²⁾ Акты, VIII, 538.

сходятся дороги изъ Казанищъ и Эрпели, заложить крѣпость, на подобіе находящейся въ Тарку, и поставить въ оной гарнизонъ при одномъ маіорѣ, чѣмъ будутъ держать въ рукахъ упомянутыхъ жителей, въ особенности же Казанищъ, и доставятъ спокойствіе тому краю и Грузіи. Вода и воздухъ въ означенной деревнѣ весьма здоровы, и построеніе крѣпости въ ономъ мѣстѣ чрезвычайно полезно будетъ для Россіи и доставитъ спокойствіе мнѣ и жителямъ того края ²³⁾“.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ шамхаль возобновилъ свое ходатайство, но встрѣтилъ неблагопріятный пріемъ со стороны Паскевича, который 18 февраля 1830 г. писалъ графу Нессельроде, сообщившему ему мнѣніе шамхала о Шурѣ: „главныя нужды аварцевъ, заставляющія имѣть торговныя сношенія съ сопредѣльными Россіи областями, состоятъ въ соли, хлѣбѣ (въ незначительномъ количествѣ) и въ зимовыхъ для стадъ пастбищахъ. Соль получаютъ изъ кумыкскихъ и тарковскихъ владѣній, и въ особенности изъ сихъ послѣднихъ, хлѣбъ—отъ акушинцевъ, но часть онаго, въ особенности турецкую пшеницу и просо, могутъ имѣть также изъ Чечни черезъ Андю; зимовья же для стадъ нанимаютъ въ кумыкскихъ, тарковскихъ, мехтулинскихъ и отчасти въ кюринскихъ владѣніяхъ, пользуясь для сего слѣдующими путями: 1) въ Акушу и Мехтулу чрезъ сел. Херевиль (на р. Койсу), 2) въ Шуру чрезъ Гимры и Чиркей (на той же рѣкѣ), 3) въ Андреевскую деревню чрезъ сел. Гумбетъ. Названное шамхаломъ селеніе Т.-Х.-Шура лежитъ на второмъ изъ сихъ путей, между Чиркеемъ и Тарку. Занятіемъ онаго въ нѣкоторомъ отношеніи стѣснится промышленность ближайшихъ по сему направленію аварцевъ. Но сіе стѣсненіе послужитъ единственно въ пользу шамхала, который подъ рукою будетъ продавать имъ соль за высокую цѣну, и присутствіе нашего отряда удержитъ только въ спокойствіи и повиновеніи жителей Казанищенскаго обще-

²³⁾ Акты, VII. 534—535.

ства (къ коему принадлежит и Шура), которые менѣе, чѣмъ прочіе подвластные шамхала, покоряются его требованіямъ. И такъ, изъ всего выше-изъясненнаго явствуетъ, что предположеніе шамхала послужить только къ собственной его пользѣ, а отнюдь не можетъ вести къ желаемой рѣшительной цѣли ²⁴⁾.”

Обстоятельства скоро показали ошибочность этого мнѣнія Паскевича, какъ и многихъ другихъ его предположеній за время краткаго управленія Кавказомъ.

Развитіе мюридизма въ горахъ, пропаганда его на плоскости, дѣйствія Казы-Муллы и пр. выясняли все болѣе необходимость для насъ самостоятельнаго опорнаго пункта внутри сѣвернаго Дагестана, могущаго служить базисомъ для военныхъ дѣйствій въ горахъ, складочнымъ мѣстомъ разнаго рода припасовъ для войскъ, а самое положеніе сел. Шуры на узлѣ дорогъ,—дорогъ, впрочемъ, оправдывавшихъ слова Марлинскаго, что министромъ путей сообщенія въ Дагестанѣ былъ самъ чортъ, указывало на нее, какъ на такой пунктъ. „Шура находится въ узлѣ дорогъ чрезъ Казыюртъ въ Кизляръ, чрезъ Чиркей—въ Салатавію, чрезъ Казанищи—въ Аварію, чрезъ Дженгутай и Оглы—въ Акушу, чрезъ Буйнаки—въ Дербентъ, чрезъ Тарки—къ морю. Она есть послѣдній пунктъ у подошвы горъ, на которомъ могутъ быть постоянно сосредоточиваемы значительныя массы подвижныхъ силъ. Восточною покатостью Койсубулинскаго хребта оканчивается богатство луговъ и лѣсовъ ²⁵⁾; далѣе—въ горы, кромѣ обнаженныхъ скалъ и безжизненныхъ ущелій, нѣтъ ничего. Отсюда резервы всего удобнѣе могутъ поспѣвать на пункты, угрожаемые непріателемъ, а, находясь вблизи моря, она давала возможность легкимъ и дешевымъ образомъ снабжать дѣйствующія

²⁴⁾ Акты, VII, 530, № 486.

²⁵⁾ Въ настоящее время отъ лѣснаго богатства сохранились лишь жалкіе остатки.

войска въ Дагестанѣ всѣми потребностями для жизни и войны 26).“

Военныя дѣйствія въ 1831 г. противъ Кази-Муллы сосредоточиваются вокругъ сел. Темиръ-Ханъ-Шуры, жители которой открыто приняли шаріатъ и перешли на сторону имама 27). Во время движенія генерала Каханова изъ Мехтулы, у Шуры его кавалерія была встрѣчена сильнымъ скопищемъ. Кахановъ, чтобы уничтожить послѣднее, за часъ до разсвѣта 8 августа 1831 г. выступилъ къ Шурѣ, скопище исчезло, а селеніе „въ примѣръ бунтовщикамъ“ было предано пламени, сады и запасы хлѣба были уничтожены 28). Погромъ не образумилъ шуринцевъ, около селенія которыхъ рыскали небольшія партіи, почему въ октябрѣ того же года генераль Панкратьевъ снова разорилъ Шуру 29). Въ теченіе всего года войска и отряды часто стоятъ лагеремъ у Шуры и оставляютъ здѣсь свои вагенбургіи, при движеніи въ горы, а въ 1832 г. у селенія вмѣстѣ съ отрядомъ барона Розена, во время Гимринской экспедиціи, стоитъ лагеремъ подполковникъ Францъ Карловичъ Кюки-фонъ-Клуенау, основатель укрѣпленія 30). Послѣ дѣла

26) *Окольный*: Перечень послѣднихъ событій въ Дагестанѣ (Военный сборникъ, 1859, № 1, 162). „Возведеніе укрѣпленія въ Шурѣ и назначеніе тамъ штабъ-квартиры Апшеронскаго полка, хотя и успокоило шамхальство, не могло, однако, обезпечить его отъ набѣговъ изъ-за Сулака и вполнѣ упрочить сообщеніе чрезъ Дербентъ вдоль Каспійскаго моря.“ (*Головинъ*: Очеркъ положенія военныхъ дѣйствій на Кавказѣ съ начала 1838 по конецъ 1842. Акты, IX, 280).

27) Рапортъ Ивченко Дистерло отъ 16 февраля 1830 г. (*Волконскій*: Война на восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 г. въ связи съ юридикзмомъ. Кавказскій сборникъ, XI, 167; XIII, 201). *Eichwald*: Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus. Stuttgart. 1837, I B., 2 Abtheilung, 679, гдѣ селеніе названо *Temir-Chun-Schura*, но на стр. 710 правильно: *Temir-Chan-Schura*.

28) *Волконскій*, Кавк. сб., XIII, 298.

29) *Волконскій*, Кавк. сборникъ, XIV, 102.

30) Почтенный трудъ *Е. Г. Вейденбаума*: Путеводитель по Кавказу, Т. 1888, 261, почему то основателемъ Шуры считается князя М. З. Аргутинскаго; онъ осушилъ озеро въ 1854 г. (въ „Путеводителѣ“ неточно сказано, что оно осушено при заложеніи укрѣпленія), но не основалъ Шуру. А.

при Уоз-суз-тау (Эльсуть, около Эрпели, 22 іюля 1832 г.), пользуясь наступившимъ временнымъ затишьемъ и сознавая важность дѣла, Клугенау занялся возведеніемъ укрѣпленія при Шурѣ, на скалистой возвышенности, выдавшейся среди ровной долины, которая съ сѣверной стороны спускается голымъ утесомъ въ р. Шура-Озень; здѣсь онъ устроилъ круглую батарею, повелѣвавшую всюю окрестностью. Лѣсъ для новаго укрѣпленія заготовлялся за 14 верстъ отъ Шуры, въ урочищѣ Агачь-Кале, гдѣ выжигалась и известь; матеріалы, особенно лѣсъ, подвозились на обывательскихъ подводахъ. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ укрѣпленіе было совершенно окончено ³¹⁾, и здѣсь была назначена штабъ-квартира Куринаго пѣхотнаго полка ³²⁾, командиромъ котораго въ 1833 г. былъ назначенъ полковникъ Клугенау. Дальнѣйшее развитіе вновь построеннаго укрѣпленія соединилось съ реформою, которая постигла кавказскіе полки. Высочайшимъ указомъ 30 марта 1834 г. былъ образованъ новый пятибатальонный Куринскій егерскій полкъ; штабъ стараго Куринаго полка съ его командиромъ, полковникомъ Клугенау, и съ третьимъ батальономъ, со всѣмъ имуществомъ, оружіемъ и штабъ-квартирою, т. е. укрѣпленіемъ Темиръ-Ханъ-Шурою, поступилъ на сформированіе въ новомъ составѣ Апшеронскаго полка ³³⁾, который и долженъ

Штаковский (Записки стараго казака, Военный сборникъ, 1875, № 5, 167, примѣч.) прямо говоритъ: „Дѣятельностью полк. фонъ Клугенау, Шура, въ самое короткое время и самыми ограниченными средствами, приведена была въ такое положеніе, что и теперь можетъ назваться одною изъ лучшихъ закавказскихъ крѣпостей.“ *Д. А. Милютинъ* въ своемъ прекрасномъ „Описаніи военныхъ дѣйствій 1839 г. въ сѣверномъ Дагестанѣ“, Спб. 1850, стр. 17, ошибочно основаніе укрѣпленія въ Шурѣ относитъ къ 1837 году.

³¹⁾ *Гржесгоржесскій* (И): Генераль-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау, Русская старина, 1874, № 11, 512—313. Это было укрѣпленіе на 2 роты, изъ земляныхъ верковъ и простиралось отъ нынѣшней Кавалеръ-батареи до общественнаго сада (*Костмеревскій*, Кавказъ, 1858, № 4).

³²⁾ Акты, VIII, 580.

³³⁾ *Казбекъ*, 2, примѣч.

былъ водвориться въ Т.-Х.-Шурѣ. Такимъ образомъ, въ новооснованномъ укрѣпленіи долженъ былъ помѣститься цѣлый полкъ новаго пятибатальоннаго состава, т. е. болѣе 150 офицеровъ и болѣе 6000 нижнихъ чиновъ ⁸⁴⁾, и укрѣпленіе оказалось, конечно, слишкомъ тѣсно. Поэтому въ томъ же, 1834, году, по сношеніи кавказскаго начальства съ шамхаломъ, жители деревни Темиръ-Ханъ-Шуры выселены въ Халимбекъ-аулъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Шуры, а на мѣстѣ селенія были расширены укрѣпленія, и стала воздвигаться штабъ-квартира ⁸⁵⁾. Вскорѣ послѣ того прибытіе значительнаго числа семейныхъ солдатъ и стеченіе людей торговаго сословія заставило раздвинуть пространство подъ поселеніе пристройкою съ южной стороны форштадта, въ которомъ тотчасъ появились домики семейныхъ офицеровъ и солдатъ,—турлучные и изъ сырцоваго кирпича, съ плоскими земляными крышами. Укрѣпленіе было расширено до нынѣшней церковной площади. Въ укрѣпленіе стали прибывать торговцы, особенно армяне, сперва кизлярскіе, потомъ тифлисскіе. Армяне и нѣсколько русскихъ изъ торговаго сословія, особено астраханскаго, каковы купцы: Голиковъ, Азаровъ, Долгополовъ, братья Юдины и др., положили первое основаніе торговлѣ въ зарождавшейся Шурѣ. Площадь, занимаемая нынѣ армянскою церковью и фонтаномъ, первая начала обстраиваться духанами и лавками. На ней же устроились и первые базары. Для общественныхъ гульбищъ былъ разведенъ садъ и обсажена тополями аллея ⁸⁶⁾.

⁸⁴⁾ *Зиссерманъ*: Исторія 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка. Спб. 1881, II, 8.

⁸⁵⁾ *Костемеревскій*, Кавказъ, 1858, № 4, говоритъ, что земля подъ укрѣпленіе была приобрѣтена у шахмала правительствомъ покушкою. Разъяснить обстоятельства этого событія нѣтъ возможности, такъ-какъ дѣла о занятіи мѣста подъ укрѣпленіе Т.-Х.-Шуру не оказалось ни въ архивѣ Апшеронскаго полка, ни въ архивѣ штаба командующаго войсками въ Дагестанской области, ни въ архивѣ его гражданской канцеляріи. *Дѣло временной поземельной коммисіи* 1864, № 2, въ архивѣ Управленія Т.-Х.-Шурянскаго округа.

⁸⁶⁾ *Гржегоржевскій*, Русская старина, 1875, № 3, 554. *Костемеревскій*, Кавказъ, 1858, № 4.

Новое укрѣпленіе съ форштадтомъ при немъ получили сразу важное значеніе, какъ опорный пунктъ для нашихъ войскъ въ дѣйствіяхъ противъ нагорнаго Дагестана, какъ складочное мѣсто всякихъ необходимыхъ для войскъ припасовъ и какъ этапъ, обеспечивающій свободное сообщеніе Кавказской линіи съ южнымъ Дагестаномъ, занятымъ нами еще въ 1806 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шура, подобно другимъ штабъ-квартирамъ на Кавказѣ, сдѣлалась центромъ русской колонизаціи въ сѣверномъ Дагестанѣ. „Быть можетъ“, говорить справедливо г. Потто ³⁷⁾, „еще плодотворнѣе (чѣмъ постройка крѣпостей) была мысль Ермолова, съ послѣдовательностью проведенная Вельяминовымъ, объ учрежденіи такъ называемыхъ штабъ-квартиръ на мѣстахъ постоянныхъ. Это было нѣчто вродѣ основанія для солдатъ полусѣдлаго быта, который только одинъ и могъ придать непреодолимую крѣпость русскимъ границамъ. Ермолову пришла гениальная мысль поселить полки на постоянныхъ мѣстахъ, на пунктахъ, выборъ которыхъ оправдывался-бы стратегическими соображеніями, и при нихъ образовать роты женатыхъ солдатъ, которые велибы, развивали и послѣдовательно улучшали полковое хозяйство, столь важное въ походномъ быту солдатъ. А въ то же время, на случай войны и всякой тревоги, во всемъ районѣ Закавказья, въ странѣ только что подчиненной, на безусловную вѣрность которой рассчитывать было еще трудно, уже имѣлись готовые опорные пункты, охраняемые этими женатыми ротами, которыя были постояннымъ гарнизономъ штабъ-квартиръ и защищали-бы ихъ, какъ родной домъ съ родною семьей. Всѣ эти штабъ-квартиры учреждались и строились самими солдатами; они и лѣсъ рубили, и возили его съ ближайшихъ горъ, и камень ломали, и кирпичъ дѣлали, известь приготавливали, и

³⁷⁾ *Потто*. (В): Кавказская война въ отдѣльных очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Сиб., II, 3 изд. 1887, 638—640. О значеніи штабъ-квартиръ см. также *Зиссерманъ*: 25 лѣтъ на Кавказѣ, Русскій архивъ 1885, I, 74.

сами же были плотниками, каменщиками и малярами. Въмѣстѣ съ боевыми подвигами, кавказскій солдатъ былъ еще черно-рабочимъ, и созиданіе громаднѣхъ построекъ и цѣлыхъ штабъ-квартиръ обходилось неизмовѣрно дешево.“ Къ этой прекрасной характеристикѣ значенія кавказскихъ штабъ-квартиръ, почти во всемъ имѣющей примѣненіе къ исторіи Шуры, полезно, для полноты оцѣнки значенія полка въ ростѣ города, присоединить то, что говоритъ г. Казбекъ ³⁸⁾: „Кавказскій полкъ тридцатыхъ годовъ былъ не только силой боевой, но самостоятельной административной единицей, имѣвшей въ себѣ все, необходимое для службы, жизни и хозяйства. Каждая рота представляла изъ себя малую, но развитую единицу въ 300 человекъ, съ самостоятельнымъ хозяйствомъ, располагавшимъ иногда 4 запряженными тройками лошадей, съ 4 парами быковъ, съ 25 портными и сапожниками; необходимость этой организациіи вытекала изъ образа жизни того времени. Рота, запертая въ какомъ-нибудь укрѣпленіи, отданная на собственное попеченіе, безъ рынковъ, мастеровъ и торговцевъ, сама должна была хлопотать о своемъ благополучіи. Казна отпускала только сырой матеріалъ для пищи и одежды да деньги, на которыя нечего было купить. Въ виду всѣхъ этихъ условій, штабъ-квартиры сдѣлались военными поселеніями, въ каждой ротѣ были женатые солдаты, образовавшіе при штабъ-квартирахъ форштадты, съ довольно обширнымъ хозяйствомъ. Это было началомъ военной колонизациі, которая въ то время была усвоена не какъ начало цивилизующее, а какъ мѣра экономическая.“

Заботами Клугенау Шура была приведена въ такое положеніе, что уже чрезъ три года послѣ ея основанія очевидецъ описываетъ ее привлекательными красками: „Мѣстоположеніе Шуры“, говоритъ онъ ³⁹⁾, „превосходно и въ военномъ, и въ

³⁸⁾ *Казбекъ*, 3—4.

³⁹⁾ *Костенецкій* (Яковъ): Записки объ аварской экспедициі на Кавказѣ 1837 г. Спб. 1851, 9 (Сперва въ Отечественныхъ запискахъ, т. 126).

живописномъ отношеніи. Она расположена на высококомъ бугрѣ, выдавшемся среди ровной долины, который съ одной стороны голымъ перпендикулярнымъ утесомъ спускается къ текущей мимо его изъ горъ небольшой рѣкѣ Узени, а прочими сторонами скатывается постепенно въ долину. На вершинѣ этого бугра, высоко выдавагося голою скалою, устроена батарея, повелѣвающая всею окрестностью, а по-ниже вокругъ нея расположено укрѣпленіе. Церковь, казармы, госпиталь, магазинъ, дома начальника и офицеровъ, построенные изъ дикаго камня и выштукатуренные, даютъ прекрасный видъ этому укрѣпленію, ярко бѣлѣющему среди окружающей его почти вѣчной зелени. Поодаль отъ него устроены форштадтъ, гдѣ живутъ семейные солдаты и офицеры. Домики небольшіе, большею частью турлучные, т. е., сдѣланные изъ торчеваго плетня, обмазаннаго глиною, съ плоскою крышею, но чистенькіе и красивенькіе, что даетъ этому форштадту видъ городка гораздо лучше иныхъ уѣздныхъ. Строитель этого укрѣпленія, генералъ Клюки-фонъ-Клугенау, старался, сколько возможно, доставить удобство жизни для лишенныхъ всякихъ общественныхъ удовольствій кавказскихъ воиновъ, и своею щедростью и любезностью онъ сдѣлалъ жизнь нашу очень пріятною въ этомъ пустынномъ мѣстѣ. Тамъ у насъ были и собранія, и балы, и вистъ, и бильярдъ, и даже театръ ⁴⁰⁾. Не далеко отъ укрѣпленія находится озеро, имѣющее версты

Авторъ, студентъ Московскаго университета, служилъ рядовымъ въ Куринскомъ полку.

⁴⁰⁾ Въ библиотекѣ Т.-Х.-Шуринскаго реальнаго училища находятся нѣсколько сочиненій конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, поступившихъ въ нее изъ бывшихъ прогимназій и горской школы, куда они были пожертвованы Апшеронскимъ полкомъ въ декабрѣ 1861 г. Въ числѣ этихъ книгъ есть довольно много съ ярлыкомъ: „изъ книгъ Клюки-фонъ-Клугенау“, содержанія главнымъ образомъ историческаго. Тутъ мы находимъ такія извѣстныя въ свое время сочиненія, какъ: Бутурлина—Исторія нашествія Наполеона, В. Скотта—Исторія Наполеона, Бергманъ—Исторія Петра В. и т. п. Изъ этого видно, что Клугенау заботился не только о развлеченіяхъ населенія Шуры, но любилъ прибрѣтать и серьезныя книги.

четыре въ окружности. Вода въ немъ соленая и негодная для употребленія, но очень здоровая для купанія и цѣлительная для нѣкоторыхъ больныхъ. Зеркальная поверхность озера очень много придаетъ красоты мѣстоположенію Т.-Х.-Шуры. Возлѣ крѣпости ярко бѣлѣется надгробный памятникъ капитана генеральнаго штаба Богдановича, убитаго въ Гимрахъ въ 1832 году ⁴¹⁾.“ По выступленіи войскъ въ аварскую экспедицію 1837 г., участникъ которой оставилъ вышеприведенное описаніе Шуры, верки укрѣпленія и форштадта были приведены въ оборонительное положеніе и вооружены 8 орудіями; крѣпость остались охранять 1 рота и сводная рота изъ выслужившихъ и команда слабосильныхъ и мастеровыхъ ⁴²⁾. Въ томъ же году значеніе Шуры увеличилось вслѣдствіе разработки прямой дороги до Бурной ⁴³⁾.

Аварская экспедиція, установившая прямое сообщеніе Шуры съ Аварією чрезъ Бурундукъ-Кале, повлекла за собою занятіе многихъ пунктовъ въ горахъ постоянными гарнизонами. Изъ этихъ пунктовъ стали присылать въ Шуру транспорты больныхъ, почему кромѣ лазарета Апшеронскаго полка, оказалось нужнымъ имѣть въ ней и госпиталь. Къ тому-же въ Шурѣ къ гарнизону прибавилась часть войска, не имѣвшая собственнаго лазарета: въ 1838 г. въ укрѣпленіи водворена штабъ-квартира резервной № 2 батареи 19 артиллерійской бригады (потомъ горная № 2 бат. 20 арт. бригады). Поэтому въ 1839 г., съ устройствомъ помѣщенія, открытъ былъ въ

⁴¹⁾ Въ изданіи Вольфа: „Живописная Россія. (Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи. Подъ общею редакціею П. П. Семенова“ Спб., IX (Кавказъ), 1883), на 77 стр. помѣщенъ видъ Т.-Х.-Шуры. Если онъ не составляетъ всецѣло дѣла фантазіи художника, то долженъ, очевидно, изображать Шуру въ самомъ началѣ ея существованія, хотя сходства съ топографическими условіями нынѣшняго города никакого не имѣеть.

⁴²⁾ Юровъ (А.): Три года на Кавказѣ (1837—1839), Кавказскій сборникъ, VIII, 44.

⁴³⁾ Акты, VIII, 375.

Шурѣ, подѣ завѣдываніемъ главнаго медика Миллера, военно-временный госпиталь. Съ учрежденіемъ госпиталя значеніе Шуры еще болѣе окрѣпло, что способствовало оживленію ея и усиленію ея населенія. Въ томъ же году въ укрѣпленіи устроенъ параеіальный костель для католиковъ, служившихъ въ войскахъ всего Дагестана ⁴⁴). Въ 1839 г. оживленію Шуры способствовала стоянка у нея лагеремъ отряда генерала (графа) Н. Х. Граббе послѣ славной Ахульгинской экспедиціи: ставъ въ лагерѣ „на красивой равнинѣ подѣ крѣпостью“ 3 сентября, Граббе 8 сентября торжествовалъ побѣду „благодарственнымъ молебствіемъ съ пушечной пальбой въ лагерѣ и въ крѣпости ⁴⁵).“

Благодаря успѣхамъ нашихъ отрядовъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, жизнь гарнизона Шуры въ то время протекала довольно мирно, и въ 1838 г. было даже нѣчто вродѣ перемирія между нами и Шамилемъ. Небольшая партія горцевъ напала на команду Апшеронскаго полка, рубившую дрова въ Агачъ-кале, убила двухъ солдатъ и одного увела въ плѣнъ. Клугенау написалъ объ этомъ Шамилю въ Ашильты. Шамиль, согласно съ мнѣніемъ общества, наказалъ предводителя партіи палками, а солдата отослалъ въ Шуру ⁴⁶).

Такое положеніе дѣлъ длилось, впрочемъ, не долго, и уже лѣтомъ 1840 г. горцы угоняли скотъ и дѣлали грабежи даже подѣ самою Шурою, а сообщеніе съ линіею было возможно только подѣ значительнымъ конвоемъ ⁴⁷). Опасность положенія увеличивалась тѣмъ, что устройство укрѣпленія далеко не было окончено. Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ единственную ограду ея составляли землянные верки, возведенные полковыми средствами, безъ соблюденія фортифика-

⁴⁴) *Бостемевскій*, Кавказъ, 1858, № 4.

⁴⁵) *Граббе* (Графъ Н. Х.) Записная книжка, М. 1888, 126—327 (приложеніе къ Русскому архиву 1888—1889 г.).

⁴⁶) *Зиссерманъ*: Исторія Кабард. полка, II, 75.

⁴⁷) *Головинъ*: Очеркъ военныхъ дѣйствій, Агты, IX, 292.

раціонныхъ правилъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ времени до того обвалившіеся, что даже конные могли ихъ переѣзжать. Изъ казенныхъ зданій внутри вала были: пороховой погребъ изъ дикаго камня, полковой лазаретъ, казачій постъ, цейхаузь и двѣ саманныя казармы на двѣ роты. Остальныя зданія не отличались удобствами, такъ что даже командующій войсками Клюки-фонъ-Клугенау, вмѣстѣ съ семействомъ, помѣщался въ шлохомъ домигѣ, куда нерѣдко проникалъ дождь и вѣтеръ. Ограниченный составъ войскъ и безпрестанныя экспедиціи не давали возможности производить необходимый ремонтъ зданій и укрѣпленій. Больные, число которыхъ было постоянно отъ 800 до 1000, не помѣщаясь въ лазаретъ, должны были размѣщаться въ ротныхъ казармахъ и въ турлучныхъ землянкахъ. Тѣснота и сырость помѣщенія, нечистоты, объ уничтоженіи которыхъ не заботились, отсутствіе хорошей воды, испаренія сосѣдняго озера,—все это заражало воздухъ, развивало лихорадки, тифъ, цыngu ⁴⁸⁾. По отчетамъ, съ 1 января 1839 по 1 сентября 1840 г. изъ 5535 человѣкъ, средняго списочнаго состава полка, умерло 951, или 17% ⁴⁹⁾. На улицахъ были выкопаны ямы, изъ которыхъ добывали глину и дѣлали кирпичи; ямы не засыпались, въ дожди наполнялись водою, которая гнила и заражала воздухъ. Комендантъ укрѣпленія, въ доказательство неудобства существованія такихъ не засыпанныхъ ямъ, въ одномъ изъ своихъ приказовъ указываетъ, что въ одной изъ нихъ застряла цѣлая арба съ упряжью ⁵⁰⁾.

⁴⁸⁾ *Околыничій*. Перечень послѣднихъ событій (Военный сборникъ, 1859, № 1, 168—169). Описаніе состоянія Шуры Околыничаго въ то время повторяютъ: *Юровъ* (А.)—1840, 1841 и 1842 г.г. на Кавказѣ (Кавказскій сборникъ, X, 226—227), *Олшевскій* (М. Я.)—Кавказъ съ 1841 по 1866. (Русская старина, 1893, № 8, 287—289).

⁴⁹⁾ *Юровъ*: 1840—42 г.г. на Кавказѣ (Кавказскій сборникъ, XI, 197, примѣчаніе). Интересныя цифры о смертности войскъ на Кавказѣ находимъ у *Реклю* (Земля и люди. Всеобщ. геогр., VI, 204): въ 1837 г. одинъ смертный случай на 9 больныхъ, въ 1846—на 17 больныхъ, въ 1862 г.—на 41 больного.

⁵⁰⁾ Дѣло штаба команд. войсками въ Дагест. обл., 1839, № 70.

Въ виду такого состоянія укрѣпленія, командиръ корпуса, генераль Головинъ, предположилъ отдѣлить часть чеченскаго отряда на его устройство, но это предположеніе не удостоилось Высочайшаго одобренія ⁵¹⁾, почему Головинъ писалъ военному министру 9 іюля 1840 г.: „Низовое укрѣпленіе и Т.-Х.-Шура будутъ еще долгое время служить главнѣйшимъ основаніемъ дѣйствій нашихъ въ цѣломъ сѣверномъ Дагестанѣ и единственнымъ складомъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, но они находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Т.-Х.-Шура есть ничто иное, какъ окруженная рвомъ штаб-квартира полка, съ нѣсколькими вышками по угламъ для фланговой обороны. Если бы Шамиль съ своими скопищами ворвался въ шамхальскія владѣнія, то укрѣпленія эти подверглись бы очевидной опасности ⁵²⁾.“ Опасенія Головина сбылись уже въ то время, когда онъ ихъ высказывалъ: 7 іюля 1840 г. Шамиль вторгся въ шамхальство, а 10 числа Кюки нанесли ему рѣшительное пораженіе при Ишкартахъ и тѣмъ заставили имама отказаться отъ дальнѣйшихъ предпріятій въ шамхальствѣ и отъ нападенія на Шуру. Положеніе послѣдней было въ то время очень опасно: въ ней оставались только учебная команда, 229 рекрутъ, инвалидная и нестроевая роты, которые содержали денные и ночные караулы и должны были быть въ готовности защищать Шуру и обширный ея форштадтъ ⁵³⁾.

Опасность, отъ которой спасъ Шуру ея основатель, „въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ бывший, такъ сказать, альфой и омегой всего русскаго управленія въ Дагестанѣ ⁵⁴⁾“, выказавшій еще разъ подъ Ишкартами свою блистательную храбрость ⁵⁵⁾,—обратила вниманіе правительства на ея устройство,

⁵¹⁾ Акты, IX, 260.

⁵²⁾ Акты, IX, 262.

⁵³⁾ Рапортъ полк. Симборскаго отъ 10 іюля 1840. Акты, IX, 338.

⁵⁴⁾ *Зиссерманъ*: 25 лѣтъ. Кавказскія воспоминанія (Русскій архивъ, 1885, I, 82).

⁵⁵⁾ *Околицкій*, Военный сборникъ, 1859, № 3, 11.

которое все еще находилось въ неудовлетворительномъ состояніи, какъ относительно укрѣпленій, такъ и помѣщенія войскъ, что вмѣстѣ съ нездоровымъ климатомъ причиняло большую смертность въ войскахъ: такъ, съ іюля по декабрь 1842 г. включительно умерло въ шуринскихъ лазаретахъ 4 оберъ-офицера и 540 нижнихъ чиновъ ⁵⁶⁾. Поэтому Государь Императоръ приказалъ: „исчислить немедленно сумму, потребную на возведеніе въ Шурѣ всѣхъ заведеній, нужныхъ для удовлетворительнаго размѣщенія Апшеронскаго полка, съ его штабомъ, а также для улучшенія оборонительныхъ верковъ этого укрѣпленія ⁵⁷⁾.“ Въ исполненіе Высочайшей воли въ началѣ того же года „были окончены укрѣпленія вокругъ обширнаго новаго шуринскаго форштадта, а работы около новаго госпиталя въ Т.-Х.-Шурѣ приведены къ близкому окончанію ⁵⁸⁾.“ На этотъ разъ юго-восточный фась верковъ вокругъ форштадта былъ отнесенъ до „Аварскихъ воротъ“ (на нынѣшнемъ городскомъ бульварѣ) ⁵⁹⁾, дальше которыхъ, до окончательнаго замиренія Дагестана, Шура не раздвигалась. Важно было учрежденіе въ 1842 г. въ Шурѣ почтоваго отдѣленія, впоследствии переименованнаго въ почтовую контору ⁶⁰⁾. Новымъ сооруженіямъ въ Шурѣ пришлось скоро сослужить службу въ злосчастный для Дагестана 1843 годъ. Прибывъ, послѣ разгрома нашихъ укрѣпленій въ горахъ, въ селеніе Большой Дженгутай, Шамиль поднялъ все шамхальство и Мехтулу; 9 ноября его мюриды атаковали въ нѣсколькихъ

⁵⁶⁾ *Окопничій*, Военный сборникъ, 1859, № 1, 168; *Юровъ*: 1843 г. на Кавказѣ (Кавк. сборн., VI, 38). Еще чрезъ двадцать лѣтъ *П. Е. Усларъ* писалъ: „Я объѣхалъ весь Кавказъ, и, по моему убѣжденію, нѣтъ мѣста нездоровья Т.-Х.-Шуры. Это просто помойная яма...“ (Письмо къ А. П. Берге отъ 18 февраля 1865 г. въ *Этнографіи Кавказа. Чеченскій языкъ*, Т. 1888, 45).

⁵⁷⁾ Чернышевъ—Головину отъ 20 февраля 1842 г. Акты, IX, 351, № 318.

⁵⁸⁾ Рапортъ Фезе отъ 5 апрѣля 1842 г. Акты, IX, 366, № 329.

⁵⁹⁾ *Бостемеровскій*, Кавказъ, 1858, № 4.

⁶⁰⁾ *Ibid.*

верстахъ отъ Шуры *оказію*, отправленную за фуражомъ въ ближайшій хуторъ ⁶¹⁾, а 11 числа Шамилъ, прибывъ въ сел. Большіе Казанищи, прекратилъ сообщеніе Шуры даже съ ближайшими деревнями, такъ что 12-го пресѣлось сообщеніе ея съ прочими пунктами Дагестана и лѣваго фланга „Кавказской Линіи“ ⁶²⁾. Между тѣмъ Шура, гдѣ находилось значительное количество провіанта и всякаго рода запасовъ, сверхъ того 1000 больныхъ и до 1000 человекъ христіанскаго населенія, принадлежавшаго преимущественно къ торговому и промышленному сословію, приводилась по возможности въ лучшее оборонительное положеніе. Ровъ былъ углубленъ, исправлены батареи и построено нѣсколько новыхъ, на что былъ употребленъ матеріалъ, заготовленный на устройство штабъ-квартиры полка и для госпиталя; съ трехъ доступныхъ сторонъ были устроены волчьи ямы, фугасы и т. д.; ближайшія къ брустверу строенія были разобраны; внутри укрѣпленія, въ разныхъ мѣстахъ, устраивались редуты, преимущественно изъ обывательскихъ строеній ⁶⁴⁾. Сосредоточенныя въ Шурѣ войска ⁶⁵⁾ были распределены на фасахъ бивуаками; казеннымъ деньщикамъ, госпитальной прислугѣ и даже больнымъ, состоявшимъ на первой порціи, были розданы ружья; торговцы составили волонтерскій отрядъ, получившій тоже казенное оружіе ⁶⁶⁾. По повѣркѣ оказалось, что способныхъ защищаться за стѣ-

⁶¹⁾ Акты, IX, 784.

⁶²⁾ Акты, IX, 788.

⁶³⁾ *Околицій*: Перечень (Военн. сборникъ, 1859, № 6, 386).

⁶⁴⁾ Н., 359; *Юровъ*: 1843 г., Кавк. сборн., VI, 148 153. Нейдгардтъ—Чернышеву 6 декабря 1843 г., Акты, IX, 794, № 673.

⁶⁵⁾ Въ Шурѣ ко времени ея блокады находились: Апшеронскій полкъ, за исключеніемъ двухъ ротъ; 1 бат. Тифлискаго полка; 3 роты Навагинскаго полка; 2½ роты Кабардинскаго полка; 1 рота Грузинскаго линейнаго № 14 бат., команда отъ разныхъ частей, расположенныхъ на другихъ пунктахъ; 10 долевыхъ орудій, кромѣ гарнизонной артиллеріи; 2½ сотни казаковъ. *Околицій*: Военн. сб., 1859, № 6, 322.

⁶⁶⁾ *Костемеровскій*, Кавказъ, 1858, № 4.

нами крѣпости было до 4000 человекъ, а могущихъ дѣйствовать въ ноябѣ—2500 ⁶⁷⁾.

Мѣсячная блокада Шуры не сопровождалась штурмами и грозными для ея защитниковъ дѣйствіями врага ⁶⁸⁾, а прошла, такъ сказать, въ партизанскихъ схваткахъ. Изъ укрѣпленія выслались подвижныя колонны, которыя каждый разъ сгоняли съ поля рыскавшихъ около него непріятельскихъ наѣздниковъ; но какъ-только колонна отправлялась обратно въ Шуру, тучи этихъ наѣздниковъ опять появлялись около нея и производили время отъ времени перестрѣлку, а всего болѣе перебранку съ выѣзжавшими и выходившими противъ нихъ изъ Шуры наѣздниками и пѣшими охотниками изъ обывателей ⁶⁹⁾. 14-го ноября между аулами Кафырь-Кумыкомъ и Му-

⁶⁷⁾ Приготовленія къ осадѣ сопровождался и нѣкоторыми, трагическими случаями; такъ, Клугенау, во время своего еще не потрясеннаго господства надъ шамхальцами, отдалъ жителямъ аула Кафырь-Кумыка на прокормленіе и воспитаніе весьма большое стадо гусей. Теперь онъ вспомнилъ о своихъ гусяхъ и послалъ за ними пѣлый батальонъ. Послѣдній, въ происшедшей схваткѣ съ кафырь-кумыками потерявъ до 40 человекъ, овладѣлъ, однако, гусинымъ стадомъ и въ цѣлости доставилъ его въ крѣпость. Гуси были съѣдены Ключи и его гостями въ теченіе осады. *Торновъ* (Ө. Ө.): Гергебиль. Изъ воспоминаній (Русскій архивъ 1881, II, 461). Часть этой статьи была напечатана раньше въ сборникѣ „Складчина“, 1874 г.

⁶⁸⁾ Такимъ образомъ г. *В. Каченовскій* (Начало конпа. Эпизодъ изъ Кавказской войны. Изъ воспоминаній стараго кавказца, —Московскія вѣдомости, 1892, № 36) увлекается, говоря: „Гарнизонъ, состоявшій изъ одного баталіона Апшеронскаго полка, нашелъ себѣ подкрѣпленіе во всемъ народонаселеніи: даже женщины съ чанами горячей воды стояли на валу форштадта и обливали ею осаждавшія толпы изувѣровъ.“ Точно также не извѣстно, на основаніи какихъ источниковъ г. Потто (Боевая хроника полковъ 21 пѣх. дивизіи Т. 1888, 19) мрачно, хотя краснорѣчиво, описываетъ положеніе Шуры во время осады и даже сообщаетъ о рѣшеніи начальниковъ покинуть ее и пробиться сквозь непріятеля, который, кстати сказать, сосредоточивался совсѣмъ не по дорогѣ, а въ Казанищахъ, и т. п. Ничего подобнаго не сообщаетъ ни одинъ изъ историковъ того времени. Гаджи-Али Чохскій, одинъ изъ сподвижниковъ Шамиля, говоритъ, (Сказаніе очевидца о Шамилѣ, въ Сб. свѣд. о Кавк. горц., VII, отд. 1, 27), что Шамиль только совѣщался съ наибами о средствахъ взять Шуру, около которой развѣзжалъ Мухаммедъ-бекъ съ конницею и заводилъ перестрѣлки.

⁶⁹⁾ *Бостемеровскій*, Кавказъ, 1858, № 4.

селымъ-ауломъ произошла перестрѣлка; 17-го казаки и шамхаль съ своими нукерами потѣснили горцевъ до Кафырь-Кумыка; 18-го была произведена рекогносцировка, обнаружившая огромныя кучи хвороста и кольевъ; 21-го числа казаки и волонтеры изъ торговцевъ прогнали 300 чеченцевъ вблизи озера Агъ-куль, при чемъ было ранено 3 нижнихъ чина и 5 волонтеровъ. Хотя Шамиль, у котораго въ сел. Большихъ Казанищахъ было до 20000 съ 5 орудіями, повидимому, готовился къ штурму Шуры, ибо приказалъ въ названномъ селеніи и въ Дженгутаѣ заготовить туры и щиты ⁷⁰⁾; но привести въ исполненіе свой проэктъ онъ не рѣшился, и блокада Шуры прекратилась съ прибытіемъ съ „Линіи“ отряда генерала Фрейтага 14 декабря. На слѣдующій же день между Халимбегъ-ауломъ, Кафырь-Кумыкомъ и Муселимъ-ауломъ скопища Шамиля потерпѣли рѣшительное пораженіе, при чемъ значительная доля успѣха была достигнута блестящими атаками линейныхъ и донскихъ казаковъ подъ личнымъ начальствомъ Фрейтага; вторая изъ этихъ атакъ, по показанію лазутчиковъ, навела сильнѣйшій страхъ на горцевъ, которые увѣряли, что казаки въ этотъ день были руководимы шайтаномъ ⁷¹⁾. Горцы оставили безъ боя сел. Большіе Казанищи и разсѣялись по направленію къ Эрпели и Зырянамъ ⁷²⁾.

Выдержанная Шурую осада, сопровождавшаяся, какъ мы видѣли, улучшеніемъ ея обороны, мало, повидимому, помогла, ибо уже 23 апрѣля 1844 г. генераль Нейдгардтъ доносилъ военному министру: „Верки Темиръ-Ханъ-Шуры, главнаго и почти единственнаго нашего опорнаго и складочнаго пункта въ сѣверномъ Дагестанѣ, находятся въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи, что за обезпеченность онаго

⁷⁰⁾ Акты, IX, 789, 795.

⁷¹⁾ *Гминсикій*: Служба генеральнаго штаба при Кавказскихъ войскахъ съ 1832 по 1853 г., (Военный сборникъ, 1888, № 8, 262).

⁷²⁾ Акты, IX, 796.

вовсе нельзя ручаться, если для обороны не будетъ оставленъ весьма сильный резервъ ⁷³⁾“; а 21 іюня того же года онъ пишетъ: „съ наступленіемъ жаровъ число больныхъ въ войскахъ такъ увеличилось, что въ Т.-Х.-Шурѣ находится ихъ до 1800, которые, по недостатку здѣсь помѣщеній, располагаются весьма тѣсно ⁷⁴⁾.“ Весною того же года были, по крайней мѣрѣ, усилены укрѣпленія пристройкою одного новаго фаса ⁷⁵⁾, гарнизонъ же Шуры послѣ осады былъ усиленъ помѣщеніемъ въ ней штаба Донскаго казачьяго полка, назначеннаго для прикрытія станцій, конвоированія почтъ и проѣзжающихъ ⁷⁶⁾. Собственно штабъ-квартира Апшеронскаго полка была къ этому времени достаточно устроена, какъ видно изъ письма отъ 4 марта 1844 г. В. Пассека, принимавшаго въ то время полкъ: „Хозяйничая, и хозяйство пребольшое: швальни, кузницы столлярни, слесарни, славный домъ, кладовая, огромный погребъ въ 600 воровъ льда, огородъ, садъ и даже 70 ульевъ пчель ⁷⁷⁾.“

Въ 1845 г. вновь назначенный намѣстникъ, графъ (потомъ князь) М. С. Воронцовъ, объѣзжая ввѣренный ему край, посѣтилъ и Шуру (12—16 іюня) и писалъ военному министру: „Въ концѣ прошедшаго и зимою нынѣшняго годовъ въ войскахъ, въ сѣверномъ Дагестанѣ расположенныхъ, развилась цынготная и другія болѣзни. При тѣсномъ и дурномъ состояніи большей части госпитальныхъ помѣщеній въ Т.-Х.-Шурѣ, смертность чрезвычайно увеличилась. Теперь въ госпиталѣ состоитъ 1345 человекъ, изъ нихъ цынготныхъ—678 ⁷⁸⁾.“ Укрѣпленія въ Шурѣ находились въ весьма дурномъ состояніи ⁷⁹⁾, а безопасность въ окрестностяхъ плохо обезпече-

⁷³⁾ Акты, IX, 824.

⁷⁴⁾ Акты, IX, 734.

⁷⁵⁾ Акты, IX, 861.

⁷⁶⁾ *Костомеровскій*, Кавказъ, 1858, № 4.

⁷⁷⁾ *Пассекъ* (Т. П.): Воспоминанія (Русская старина, 1876, № 6, 319).

⁷⁸⁾ Акты, X, 363.

⁷⁹⁾ Воронцовъ—Чернышеву 5 августа 1845. Акты, X, 397.

на: 2-го августа партія горцевъ напала на транспортъ, шедшій изъ Шуры въ Кумтеркале безъ прикрытія; 3-го числа горцы напали на табунъ лошадей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія и на транспортъ съ сѣномъ, шедшій изъ Ишкартовъ⁸⁰). Посѣщеніе Шуры княземъ Воронцовымъ повлекло за собою нѣкоторое улучшеніе верковъ: южный фасъ былъ отодвинутъ далѣе и началъ обстраиваться оборонительными казармами.

Вообще, 1845-й годъ ознаменовался оживленіемъ Шуры. Въ ней были помѣщены временные штабы нѣсколькихъ пѣхотныхъ полковъ 5-го пѣхотнаго корпуса, пришедшаго изъ внутреннихъ губерній Россіи, а также учрежденъ постоянный штабъ первой бригады 20-й пѣхотной дивизіи (потомъ 21-й). Госпиталь изъ военно-временнаго сдѣланъ постояннымъ, III класса, на 600 человекъ и усиленъ многими вновь выстроенными флигелями для помѣщенія больныхъ. Въ это же время были приняты и многія частныя постройки, въ особенности около церковной площади, гдѣ купецъ Азаровъ первый началъ строить каменные лавки⁸¹).

Въ 1846 г., при сформированіи Дагестанскаго и Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, поднятъ былъ вопросъ о выборѣ для нихъ штабъ-квартиры, при чемъ первый изъ нихъ предполагалось помѣстить въ Шурѣ. Поэтому поводу князь Воронцовъ писалъ: „Помѣщеніе въ Т.-Х.-Шурѣ двухъ штабовъ, Апшеронскаго и Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, произведетъ стѣсненіе дня для обоихъ. Недостатокъ строевого лѣса причиною, что Апшеронскій полкъ, хотя водворенъ здѣсь болѣе 14 лѣтъ, не могъ устроить выгодныхъ для себя помѣщеній, а неудобство это увеличивалось бы потребностью въ казармахъ и офицер-

⁸⁰) Ibid.

⁸¹) *Костемеровскій*, Кавказъ, 1858, № 4. По словамъ Боденштедта (*Les peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance*, trad. franç., P. 1859, 283) шуринскій госпиталь могъ вмѣстить 6000 больныхъ, что, конечно, преувеличено. Основаніе К. Шуры онъ же относитъ къ 1832—1833 годамъ.

скихъ домахъ для новаго полка. Отдаленность сѣнокосныхъ и пастбищныхъ мѣстъ и безъ того уже чувствительна для войскъ, расположенныхъ въ Шурѣ, и принуждаетъ отдѣлять въ прикрытіе табуновъ и косцовъ значительныя команды ⁸²⁾.“ Вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ основанія для Дагестанскаго пѣхотнаго полка новой штабъ-квартиры, около аула Ишкарты, подъ этимъ же именемъ, куда въ послѣдствіи суждено было перейти Апшеронскому полку; подготовительныя работы для основанія новой штабъ-квартиры начались 3 іюня 1846 г., когда изъ Шуры къ Ишкартамъ выступила колонна, подъ командою полк. Евдокимова, чтобы вырубить лѣсъ между названными пунктами по обѣ стороны дороги на дальній ружейный выстрѣлъ ⁸³⁾.

Несмотря на всѣ, не разъ указываемыя, недостатки своего устройства, Шура въ это же время пріобрѣтаетъ новое важное значеніе не только военнаго центра, но и гражданскаго, въ смыслѣ резиденціи начальника управленія всѣмъ Дагестаномъ.

Высочайше утвержденнымъ 14 декабря 1846 г. „Положеніемъ“ была образована Дербентская губернія, ввѣренная военному губернатору, съ предоставленіемъ ему управленія и гражданскою частью. Въ составъ новой губерніи вошли: уѣзды Дербентскій, Кубинскій, округа Самурскій и Даргинскій, ханства Кюринское и Казикумухское и всѣ земли Дагестана, лежавшія на югъ отъ Аварскаго Койсу. Такимъ образомъ шамхальское владѣніе и Мехтулинское ханство, фактически управляемыя нами, оставались въ вѣдѣніи командующаго войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ, т. е. власти чисто военной, имѣвшей специальное назначеніе, и потому едва-ли могшей имѣть нужное въ нашихъ интересахъ вліяніе и надзоръ за управленіемъ собственно сѣвернаго Дагестана. Къ тому же,

⁸²⁾ Воронцовъ—Чернышеву 16 мая 1846. Акты, X, 318, № 315.

⁸³⁾ К.: Обзоръ событій на Кавказѣ въ 1843 г. (Кавк. сборн., XIV 521).

командующій войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ не имѣлъ при себѣ правильно организованнаго штаба; отъ этого являлась запутанность въ дѣлахъ, неизбежныя отъ того злоупотребленія и неудовольствіе населенія. Поэтому, въ 1847 г., по представленію князя Воронцова, была создана новая крупная административная власть, явившаяся, въ силу военныхъ и политическихъ соображеній, средоточіемъ управленія обширною частью края и военными дѣйствіями въ однѣхъ рукахъ: 8 ноября 1847 г. князь М. З. Аргутинскій-Долгорукій былъ назначенъ командующимъ войсками и управляющимъ гражданскою частью въ Прикаспійскомъ краѣ, въ составъ котораго вошли Дербентская губернія, шамхальство и Мехтулинское владѣніе ⁸⁴⁾. Въ лицѣ его были соединены обязанности, возложенныя до того времени на командующихъ войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ, въ южномъ Дагестанѣ и въ Дербентской губерніи. Хотя въ Высочайшемъ повелѣніи 8 ноября 1847 г. сказано: „Такой порядокъ управленія считать временнымъ, по случаю военныхъ обстоятельствъ Дагестана, и за тѣмъ ни въ „Положеніи объ управленіи Дербентскою губерніею,“ Высочайше утвержденномъ 14 декабря 1846 г., ни въ штатѣ сей губерніи, ни въ названіи правительственныхъ установленій, измѣненій не дѣлать“; но, въ силу необходимости, скоро командующему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ была придана гражданская канцелярія,—по Высочайшему повелѣнію 4 января 1850 г., при командующемъ войсками въ Прикасп. краѣ назначено имѣть, для производства дѣлъ по гражданскому управленію, особаго чиновника, должность котораго въ 1859 г. сравнена съ должностью правителя канцеляріи Кутаисскаго генераль-губернатора (Кавказъ, 1859, № 44, часть офиц.);

⁸⁴⁾ Дѣло гражданской канцеляріи командующаго войсками въ Прикасп., краѣ, 1848, № 1, архивъ канцел. начальника Дагест. обл. Поэтому поводу князь Воронцовъ писалъ Сафонову 12 мая 1848 г. изъ Шуры: „Устроено было управленіе и единство военной и гражданской власти въ Дагест.“ (Архивъ князя Воронцова. М., т. XXXVIII, 1892, стр. 411).

въ 1849 г. организованъ при немъ штабъ, ⁸⁵⁾ и самая должность сохранилась до учрежденія Дагестанской области послѣ покоренія Дагестана ⁸⁶⁾. Послѣ князя М. З. Аргутинскаго ее занимали: князь Г. Д. Орбелiani, баронъ Л. Е. Врангель и, недолгое время, до преобразованія въ область, князь Л. И. Меликовъ. Резиденціей ихъ была Шура, которая, естественно, много выиграла отъ этого и оживилась отъ пребыванія ихъ штаба и канцеляріи. Еще въ 1846 г. одинъ изъ участниковъ въ „кутишинскомъ дѣлѣ“ такъ опредѣлялъ значеніе Шуры: „Вообще же это былъ очень заурядный укрѣпленный пунктъ, съ довольно большимъ, конечно, относительно, форштадтомъ и неизбѣжными армянскими лавками съ наиболѣе необходимыми товарами; но съ какимъ восторгомъ слѣшили въ него войска наши, послѣ экспедицій, въ продолженіи которыхъ они часто по цѣлымъ мѣсяцамъ и даже годамъ не знали иного крова, кромѣ палатки или чистаго неба. Солдата влекла сюда мысль о теплой хатѣ и о покоѣ. Семейные офицеры и солдаты стремились отдохнуть въ родной семьѣ. Холостую молодежь ждали здѣсь радушный пріемъ, пріятные вечера въ кругу знакомыхъ и родныхъ и прелесть незнаемаго ею на бивуакахъ комфорта ⁸⁷⁾.“ Такимъ образомъ Т.-Х.-Шура постепенно развилась въ довольно крупное поселеніе (баронъ А. П. Николаи, бывшій въ ней въ 1847 г., говорить, что она „была, довольно обширное, но мало изящное мѣстечко“ ⁸⁸⁾ съ довольно значительнымъ гражданскимъ населеніемъ, сдѣлалась административнымъ центромъ обширнаго края. Тѣмъ не менѣе управленіе ея сохраняло вполнѣ военный характеръ и состояло (до преобразованія въ городъ) въ завѣдываніи воинскаго начальника, при

⁸⁵⁾ *Глиноецкій*: Служба генер. штаба (Военный сборникъ, 1888, № 9, 12).

⁸⁶⁾ Высоч. утвержд. 1 апрѣля 1858 г. „Полож. объ управл. Кавк. арміею“, § 37-й.

⁸⁷⁾ *Каченовскій*: Начало конца, Московск. вѣдом., 1892, № 35.

⁸⁸⁾ *Николаи* (А. П.): Изъ воспоминаній о моей службѣ. Салтинскій походъ 1847 г. (Русскій архивъ, 1891, II, 135).

которомъ состоялъ плацъ-адъютантъ и полицейская команда нижнихъ чиновъ, „базарныхъ“. На неудобства такого положенія дѣль обратилъ вниманіе князь М. С. Воронцовъ и въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1849—51 г. писалъ: „Жители Т.-Х.-Шуры, состоящіе преимущественно изъ людей торговаго класса, встрѣчали большое неудобство при разбирательствѣ возникающихъ между ними спорныхъ дѣлъ по обидамъ, ущербамъ и завладѣніямъ имущества; по несуществованію тамъ судебного мѣста, они, по необходимости, должны были или оканчивать эти дѣла судомъ медиаторскимъ, или отправляться въ Дербентъ и Кизляръ и начинать тамъ свои тяжбы. Для отвращенія этого неудобства Ваше Императорское Величество, согласно моему ходатайству, 14 іюля 1849 г. Высочайше повелѣтъ соизволили: предоставить воинскому начальнику въ укрѣпленіи Т.-Х.-Шурѣ, производящіяся въ его управленіи безспорныя дѣла объ обидахъ, ущербахъ, убыткахъ, о насильномъ и самовольномъ завладѣніи и т. п., въ случаѣ предъявленія по симъ дѣламъ споровъ съ которой-либо изъ тяжущихся сторонъ, или пропущенія положеннаго закономъ срока на принесеніе жалобъ полиціи, передавать въ присутственныя мѣста Дербентской губерніи, порядкомъ въ законахъ установленнымъ, не лишая, впрочемъ, Т.-Х.-Шуринскихъ жителей права переносить означенныя дѣла, по желанію своему, въ Кизлярскій уѣздный судъ ⁸⁹⁾“.

Въ тотъ самый годъ, когда, такимъ образомъ, населеніе Шуры было отчасти подчинено гражданскому правленію, введенному уже давно въ Дербентской губерніи, случилось происшествіе, доказавшее, что шамхальство всецѣло находится въ условіяхъ военнаго быта и обстановки. Это было выдающееся по своей смѣлости нападеніе на Шуру знаменитаго наѣздника Хаджи-Мурата, который еще за годъ до этого отбилъ подъ

⁸⁹⁾ Акты, X, 901.

Шурою цѣлый табунъ лошадей, принадлежавшій войскамъ ⁹⁰⁾.

14 апрѣля 1849 г., около полуночи, партія въ 800 человекъ, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата и Мусы Бѣлоганскаго, притаившись недалеко отъ Шуры, у Муселимъ-аула, ожидала болѣе поздняго времени, чтобы ворваться въ укрѣпленіе и разграбить армянскія лавки, а между тѣмъ выслала ѓ всадниковъ на развѣдки. Въ это время кругомъ укрѣпленія въ ночное время выставлялись секреты изъ охотниковъ и стрѣлковъ гарнизона, и вотъ на одинъ изъ этихъ секретовъ натенулись развѣдчики Хаджи-Мурата, были встрѣчены выстрѣлами, потеряли своего возжака и обратились въ бѣгство. Секретъ, снявъ сѣдло съ убитой лошади, вернулся къ укрѣпленію, гдѣ на юго-восточномъ бастионѣ его ждалъ воинскій начальникъ, маіоръ Кендержинскій, прибывшій сюда по выстрѣламъ; послѣдній приказалъ секрету возвратиться въ поле и соединиться съ другимъ секретомъ по направленію къ Кафырь-Кумыку, а самъ остался на бастионѣ съ 30 патрульными. Между тѣмъ Хаджи-Муратъ, отобравъ изъ своей партіи 300 самыхъ отчаянныхъ головъ, приблизился къ укрѣпленію, встрѣтилъ выходявшій секретъ, преслѣдовалъ до рва, при чемъ убилъ 4 человекъ. У рва онъ спѣшилъ часть людей, мгновенно бросился съ ними на восточный фасъ укрѣпленія и полѣзъ черезъ брустверь. Встрѣченные выстрѣлами команды воинскаго начальника, барабанщикъ при которомъ заколотилъ тревогу, горцы частью уклонились въ сторону и бросились къ лазаретному отдѣленію (въ началѣ нынѣшняго бульвара), принявъ его по освѣщеннымъ окнамъ за домъ командующаго войсками. Больные лазарета сбились въ одну комнату, забаррикадировали дверь, которую горцы никакъ не могли отворить, почему послѣдніе, ранивъ изъ ружья одного больного, не могшаго встать и уйти съ другими, забравъ нѣсколько по-

⁹⁰⁾ *Потто*: Хаджи-Муратъ (Военный сборникъ. 1870, № 11, 168); Хаджи-Муратъ,—Русская старина, 1881, № 3, 672, Акты, X, 527.

душекъ, одѣяль и оловянной посуды, привлекушей ихъ своимъ блескомъ, бросились изъ лазарета и были встрѣчены собравшимися по тревогѣ войсками. Вытѣсненные штыками изъ укрѣпленія, горцы, благодаря густому мраку, спаслись отъ преслѣдованія по направленію къ Бурундукъ-кале. Мы потеряли 5 убитыхъ и 8 раненыхъ, горцы—до 20 ч. убитыми и до 40 ранеными. Дерзкое нападеніе Хаджи-Мурата вызвало замѣчаніе Императора Николая Павловича, „что означенное происшествіе доказываетъ чрезвычайную оплошность въ охраненіи укрѣпленія отъ внезапныхъ нападеній, и что онъ надѣется, что князь Воронцовъ поставитъ это на видъ начальству и приметъ необходимыя мѣры, дабы впредь подобнаго случиться не могло.“ Въ отвѣтъ на это замѣчаніе князь Воронцовъ писалъ военному министру: „Потеря, горцами понесенная, слишкомъ ясно свидѣтельствуетъ, что войска исполнили свое дѣло такъ, какъ этого только можно было ожидать. Что касается до состоянія рва и валовъ укрѣпленія, которые такъ мало представили препятствія къ ихъ переходу, то съ самаго вступленія генераль-адъютанта князя Аргутинскаго въ командованіе войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, въ концѣ 1847 г., онъ обращалъ всѣ свободные отъ военныхъ дѣйствій способы на устройство въ Т.-Х.-Шурѣ оборонительныхъ казармъ. По мѣрѣ возможности постройка оборонительныхъ казармъ производится успѣшно, и съ окончаніемъ ихъ устранится, безъ сомнѣнія, поводъ, который до сихъ поръ могъ служить нѣкоторою причиною къ случившемуся происшествію ⁹¹⁾.“

1850-й годъ ознаменовался радостнымъ для Шуры событіемъ, посѣщеніемъ ея Государемъ Наслѣдникомъ Алек-

⁹¹⁾ Воронцовъ—Чернышеву 9 августа 1849 г., Акты, X, 494. Кавказскій сборникъ, VIII, 245—247. По словамъ Хаджи-Мурата, онъ, кромѣ раненыхъ, оставленныхъ въ укрѣпленіи, лишился убитыми 12 изъ числа лучшихъ своихъ мюридовъ. „Записки, составленныя изъ разсказовъ и показаній Хаджи-Мурата гвардіи ротмистромъ Лорисъ-Меликовымъ“, въ Актахъ, X, 526, также въ Русской старинѣ, 1881, № 3, 675, и у Потто, X.-Муратъ (Военный сб., 1870, № 11).

сандромъ, проѣхавшимъ въ сентябрѣ—октябрѣ чрезъ Кубу, Дербентъ, Петровскъ, Шуру, Хасавъ-юртъ и далѣе ⁹²⁾.

Въ 1850 же году построена въ Шурѣ католическая церковь. Въ 1851 г. послѣдовали двѣ важныя для будущаго развитія Шуры мѣры: 23 марта состоялся указъ о торговыхъ льготахъ въ Шурѣ, Петровскѣ, Чирь-Юртѣ и Дешлагарѣ (льготы, отмѣненныя лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ), а 1 апрѣля открытъ почтовый трактъ между Дербентомъ и Шу-рою ⁹³⁾. Сообщение Шуры съ „Линіею“, производившееся, конечно, подъ прикрытіемъ войскъ (оказіи), было довольно затрудни-тельное, что видно изъ того, что пріемъ и отправка почты производилась лишь разъ въ недѣлю ⁹⁴⁾. Къ тому же году относится любопытное описаніе Шуры очевидцемъ: „Т.-Х.-Шура,“ говоритъ онъ ⁹⁵⁾, „страдала недостаткомъ хорошей воды и от-

⁹²⁾ Ко времени пріѣзда Наслѣдника въ Шуру относится курьезная докладная записка тифлискаго гражданина Егора Зурабова Орлова отъ 12 февраля 1854 г. (Акты, XI. № 860, 963): „Въ 1850 г., во время проѣзда Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, для обозрѣнія штаба Самур-скаго пѣхотнаго полка, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года, гдѣ и ваша свѣтлость изволили быть,—отъѣзжая потомъ обратно изъ штаба сказаннаго полка вмѣстѣ съ Е. И. В. въ Т.-Х.-Шуру и на пути слѣдованія въ фазтонѣ генераль-лейтенанта шамхала Тарковского ваша свѣтлость, слѣзая съ фазтона, а возлѣ фазтона стояла почтовая тройка, испугавшись, начала бить, и ваша свѣтлость изволили нечаянно упасть внизъ лицомъ въ грязь. Происшествіе это случилось за Буйнаками; при этомъ несчастномъ случаѣ я удостоился спасти вашу свѣтлость. О такомъ несчастномъ случаѣ извѣст-но Е. И. В. Цесаревичу, утиравшему лицо ваше платками, и кромѣ того можетъ свидѣтельствовать адъютантъ генераль-лейтенанта шамхала. Док-ладывая о семъ вашей свѣтлости, я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить особу вашу о вознагражденіи меня, чѣмъ благоугодно будетъ вашей свѣт-лости.“

⁹³⁾ Акты, X, 831.

⁹⁴⁾ Кавказскій календарь 1852—54 годовъ.

⁹⁵⁾ *Зиссерманъ* (А.): 25 лѣтъ на Кавказѣ (1842—1867) Спб. 1879, II, 4—5 (первоначально въ Русскомъ вѣстникѣ 1876—1878 годовъ). Интересны также воспоминанія г. Зиссермана о любительскихъ спектакляхъ въ Шурѣ въ то время (ib.), рисующія жизнь штабъ-квартиръ стараго времени. Уже потомъ, при князѣ Меликовѣ, по инициативѣ его супруги, образовался кружокъ любителей драматическаго искусства, преслѣдовавшій и благо-творительныя цѣли.

личалась классическою грязью и лихорадочнымъ воздухомъ, вслѣдствіе низменнаго своего положенія и какого-то гнилого озера. Она, впрочемъ, имѣла видъ порядочнаго уѣзднаго города, имѣла площадь съ неизбѣжнымъ базаромъ по воскресеньямъ, нѣсколько правильныхъ улицъ съ изрядными домами, не мало порядочныхъ магазиновъ и лавокъ, нѣсколько трактировъ съ билиардами, и одинъ даже съ машиною. Былъ довольно обширный публичный садъ, гдѣ по праздникамъ играла музыка. Кругомъ Шура была обнесена неглубокимъ ровомъ; по фасамамъ были устроены батареи, на коихъ красовались крупныя крѣпостныя пушки; двѣ или три башни доминировали надъ ближайшею окрестностью; въѣздъ и выѣздъ ограничивался тремя воротами: Дербентскими, Ишкартинскими и Кафырь-Кумыкскими, у коихъ стояли часовые и никогда безъ приказанія не выпускали, особенно въ Ишкартинскія. Населеніе Шуры, понятно, было исключительно военное, съ незначительною примѣсью русскихъ и армянскихъ торговцевъ и подрядчиковъ, да нѣсколько евреевъ ремесленниковъ. Интеллигентное общество составляли чины штаба командующаго войсками, офицеры Апшеронскаго полка, нѣсколько инженеровъ и артиллеристовъ, да значительный медицинскій персоналъ; массу же—люди Апшеронскаго полка и другихъ военныхъ командъ, да женатыя служащія и отставные солдаты, устроившіеся весьма хорошо. Нечего грѣха таить, въ первомъ преобладали карты и сплетни, во второй пьянство.“

Время управленія Прикаспійскимъ краемъ княземъ Аргутинскимъ (12 января 1854 онъ былъ уволенъ въ отпускъ, по болѣзни, а исправленіе его должности поручено князю Г. Д. Орбеліани, который въ слѣдующемъ году и утверждень въ ней) ознаменовалось для Шуры нѣкоторыми улучшеніями и сооружеіями, особенно въ 1852—1854 годахъ. Такъ, были устроены фонари для освѣщенія улицъ, и введено мощеніе ихъ каменною мостовою. Проведена изъ рѣчки канавой и подзем-

ными трубами въ укрѣпленіе хорошая въ изобиліи вода и устроены при этомъ резервуаръ съ прикрывающею его башнею и два общественныхъ фонтана въ городѣ. Выстроено зданіе армянской церкви ⁹⁶⁾. Составлены были планы и смѣты и приступлено къ работамъ по возведенію помѣщенія для командующаго войсками, на каменномъ фундаментѣ изъ жженого кирпича, — гауптвахты съ денежною кладовою и арестантскою, — помѣщенія для штаба командующаго войсками и гражданской его канцеляріи, равно для штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ, при этихъ управленіяхъ состоящихъ. На возведеніе всѣхъ этихъ зданій изъ жженого кирпича было исчислено по смѣтамъ 102.893 руб. 47 ¹/₄ коп. с.; торги на производство работъ были назначены въ управленіи воинскаго начальника укрѣпленія 27 іюля 1852 г. ⁹⁷⁾, а къ 1856 г. зданія были выстроены. Въ то же время, подъ руководствомъ инженеръ-поручика Фалькенгагена, извѣстнаго впоследствии строителя портовъ въ Петровскѣ и Поти ⁹⁸⁾, улучшались войсками крѣпостныя сооруженія: укрѣпленіе было расширено по направленію къ озеру, гдѣ по всему фасу выкопанъ новый ровъ, и насыпанъ высокій валъ, а для фланкированія всѣхъ фасовъ укрѣпленія, кромѣ батарей, сооружено пять двухъэтажныхъ каменныхъ башенъ ⁹⁹⁾. Но едва ли не самою важною услугою князя Аргутинскаго Шурѣ, гдѣ въ 1878 году воздвигнуть ему памятникъ, было осушеніе озера *Акь-Куль*, оконченное къ 1854 году. „Озеро Акь-Куль“, говоритъ Тороповъ ¹⁰⁰⁾, „подъ самою Шурою, было очень не велико, менѣе чѣмъ самый городъ, но до того топко, просѣяно болот-

⁹⁶⁾ *Костемревскій*, Кавказъ, 1858, № 4.

⁹⁷⁾ Объявленіе—вызовъ къ торгамъ въ Кавказѣ, 1852, № 31.

⁹⁸⁾ *Зиссерманъ*: 25 лѣтъ, II, 122.

⁹⁹⁾ *Костемревскій*, Кавказъ, 1858, № 4.

¹⁰⁰⁾ *Тороповъ* (Н.): Опытъ медицинской географіи Кавказа относительно перемежающихся лихорадокъ. Спб. 1864, 178, 201. По *Окольничему*, ст. I, 136, озеро спущено въ 1854 году.

ными растеніями, грязно и вонюче, что сами шурицы единодушно считали его причиною тѣхъ повальныхъ лихорадокъ, отъ которыхъ страдали постоянно. Мѣстность позволила спустить изъ него воду въ протекающую чрезъ шуринскую котловину рѣчку, и бывшее болото превратилось въ огороды.“ Спускъ и осушеніе произведены были по приказанію князя Аргутинскаго, и теперь на мѣстѣ болота находится городской паркъ. Въ 1852 г. Шура принимала участіе даже въ Лондонской всемірной выставкѣ, на которой житель ея Хамовъ удостоился получить за свои издѣлія (какія—не сказано) свидѣтельство и медаль ¹⁰¹⁾.

Но, несмотря на всѣ эти успѣхи Шуры, безопасность ея ближайшихъ окрестностей была еще мало обезпечена. Такъ, 12 января 1852 г. подполковникъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка Соймоновъ, проѣзжая изъ Казанищъ въ Шуру, опередилъ менѣе чѣмъ на версту шедшихъ съ нимъ 7 нижнихъ чиновъ и былъ убитъ 4 горцами, уведшими и его лошадь и снявшими съ него шашку въ серебрѣ ¹⁰²⁾. Утромъ 27 февраля того же года около дороги въ Шуру изъ Агачъ-кале появилась конная партія въ 200 человекъ ¹⁰³⁾, и т. п.

Приобрѣтенное Шурою значеніе центра управленія Дагестана и увеличивающееся населеніе ея заставили обратить вниманіе на вопросъ о постройкѣ въ ней постоянного православнаго храма, достойнаго имени русскаго. Существовавшая до того маленькая изъ сырого кирпича (самана) церковь при 16 линейномъ баталіонѣ, во имя Богоматери—всѣхъ скорбящихъ радости, по своей тѣснотѣ, не могла удовлетворить

¹⁰¹⁾ Кавказъ, 1853, 33. Различныя издѣлія и произведенія Дагестана еще раньше, именно въ 1850 г., фигурировали на выставкѣ въ Тифлисѣ, см. „Каталогъ образцамъ замѣчательнѣйшихъ естественныхъ и промышленныхъ произведеній Закавказскаго края, представленнымъ въ 1850 г. на выставку въ Тифлисѣ“ S. a. et l. Намъ удалось приобрѣсть экземпляръ сего каталога, принадлежавшій академику Гельмерсену.

¹⁰²⁾ *Зиссерманъ*: 25 лѣтъ, II, 112—113.

¹⁰³⁾ Акты, X, 535.

религиозныхъ потребностей гарнизона и населенія. Поэтому въ 1854 г., на имѣвшіяся въ Апшеронскомъ полку церковныя суммы (до 5 тысячъ рублей), при участіи прочихъ войсковыхъ частей, входившихъ въ составъ гарнизона, была заложена церковь на площади, почти въ центрѣ укрѣпленія, изъ жженого кирпича, въ древнемъ грузинско-византійскомъ стилѣ, по проэктѣ инженеръ-подполковника фонъ Миллера и по фасаднымъ чертежамъ князя Гагарина. Работы производились рабочими отъ всѣхъ частей гарнизона и даже всей 21 пѣхотной дивизіи (такъ, замѣчательный по работѣ иконостасъ изъ орѣха рѣзали мастеровые нижніе чины Самурскаго полка).

Въ 1858 г., по уходѣ Апшеронскаго полка въ уроч. Ишкарты, дѣло сооруженія церкви было передано въ вѣдѣніе особой комиссіи изъ представителей войскъ и гражданскаго вѣдомства; комиссія, въ виду недостатка средствъ, составившихся въ значительной части изъ приношеній населенія, исходатайствовала у командующаго войсками заимообразно изъ интендантскихъ суммъ 13 тысячъ рублей. На эту сумму, при участіи въ работахъ Бѣлевскаго пѣхотнаго полка и другихъ частей, зданіе церкви было окончено въ 1861 году, а въ 1862 году она освящена во имя Пресвятой Троицы¹⁰⁴). Храмъ, подъ именемъ „нештатной церкви военнаго вѣдомства при штабѣ войскъ Дагестанской области“, состоялъ сперва при № 16 линейномъ баталіонѣ, затѣмъ (съ 1874 г.) при мѣстной командѣ, а въ 1889 переданъ въ вѣдѣніе Апшеронскаго полка. По

¹⁰⁴) Путешествовавшій по Дагестану въ 1861 г., П. Иоселіани, со свойственною ему высокопарностью, говоритъ о Шуринской церкви: „Основаніе этой церкви положено во время потрясеній на востокѣ и западѣ, въ дни тревогъ вокругъ Кавказа, въ самомъ Дагестанѣ. Къ ужасу и изумленію враждебныхъ горцевъ, посреди бури войны, зданіе это росло въ ширину и высоту, какъ гора Сіонъ, въ знаменіе воинствующаго состоянія церкви Христовой на землѣ и торжествующаго на небесахъ, и въ символъ любви, общенія, единенія и мира, и для всего, пробуждающагося къ цивилизаціи, Дагестанскаго міра“ (Иоселіани: Путевыя записки по Дагестану въ 1861 г. Тифлисъ, 1862, 47—48).

окончаниі постройки, церковь обогащалась и обзаводилась ризницею, утварью и пр., а также уплатила долгъ интендантству изъ собственныхъ доходовъ и приношеній гражданъ; такъ, былъ приобрѣтенъ колоколь за 1600 р., сдѣлана кругомъ церкви чугунная ограда, стоимшая до 5900 р., и т. д.; на собственные же средства церкви былъ произведенъ въ 1890—93 г. капитальный ремонтъ ея, на сумму до 10000 р., при чемъ внутренность ея и куполь были расписаны. Такимъ образомъ, какъ бы въ воспоминаніе о прежнемъ своемъ военномъ значеніи, Шура не имѣетъ своей православной приходской церкви, а удовлетвореніе религиозныхъ потребностей ея гражданъ лежить на военномъ причтѣ и военной церкви.

Замѣнивши кн. Аргутинскаго въ должности командующаго войсками въ Прикасп. краѣ, кн. Г. Д. Орбеліани продолжалъ обстраивать и украшать Шуру. При немъ окончены зданія для командующаго войсками, его штаба и канцеляріи и гауптвахта; заложена, какъ мы видѣли, церковь, сооружены на площадяхъ фантанъ и три бассейна: два для водопоя и одинъ для купанья нижнихъ чиновъ; при послѣднемъ устроены гимнастическіе аппараты; въ трехъ фасахъ укрѣпленія сдѣлано трое каменныхъ съ арками „строгой военной архитектуры“ ворота, въ общественномъ саду устроена обширная ротонда для танцевъ; наконецъ, базаръ перенесенъ на новую базарную площадь близъ Дербентскихъ воротъ. Инженера Фалькенгагена въ это время замѣнилъ инженеръ-подполковникъ Гершельманъ ¹⁰⁵⁾. Князь М. С. Воронцовъ за время управленія Кавказомъ не разъ посѣтилъ Шуру, въ 1856 же году она встрѣтила новаго намѣстника, князя А. И. Барятинскаго, еще изъ Москвы извѣстившаго командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, князя Г. Д. Орбеліани, командующаго лѣвымъ крыломъ, генераль-лейтенанта Евдокимова, и временно исполнявшаго должность начальника штаба войскъ корпуса, генераль-маіора

¹⁰⁵⁾ *Костомеровскій*, Кавказъ, 1858, № 4.

Индреніуса, о своемъ желаніи порѣшить въ Шурѣ нѣкоторые важные вопросы, касавшіеся Дагестана и лѣваго крыла ¹⁰⁶). Высадившись 12 октября въ Петровскомъ укрѣпленіи, князь Барятинскій, среди горячихъ привѣтствій и самой шумной торжественности, прибылъ въ Шуру. Послѣ дневки въ укрѣпленіи, князь, въ сопровожденіи блестящей свиты, въ которой былъ и художникъ Бланшаръ, набросавшій виды для „Иллюстраціи“, отправился на высоты къ Гимринскому спуску. Изъ Шуры чрезъ Дербентъ князь направился въ Тифлисъ.

Слѣдующій, 1857, годъ ознаменовался двумя случаями, показавшими еще разъ, какъ мало безопасны окрестности укрѣпленія. 1-го января 1857 года салатавскій наибъ Гебекъ, съ партіею въ 400 доброконныхъ, сдѣлалъ набѣгъ на окрестности Шуры. Оставивъ большую часть партіи въ засадѣ на ур. Сары-камышѣ, онъ выслалъ около 50 человекъ къ самому укрѣпленію на поиски; эти послѣдніе были открыты около 9 часовъ утра охотниками Дагестанскаго пѣхотнаго полка не вдалекѣ отъ Шуры. По завязавшейся перестрѣлкѣ, на тревогу мгновенно выбѣжали строившіяся къ церковному параду роты Апшеронскаго полка и погнались за хищниками вмѣстѣ съ четвертою сотнею Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка изъ Халимбекъ-аула и казаками Донскаго № 41 полка съ Шуринскаго казачьяго поста. Хищники, не успѣвъ ничѣмъ воспользоваться и видя себя открытыми, обратились въ бѣгство,—съ тѣмъ, чтобы навести нашихъ всадниковъ и казаковъ на засаду. Недалеко отъ Сары-камыша партія была атакована и обращена въ бѣгство. ¹⁰⁷). Другое происшествіе около Шуры случилось 4 іюня

¹⁰⁶) *Солтанъ*: Занятіе Салтавіи въ 1857 г. (Кавказскій сборникъ, VIII, 335). Мѣстомъ дѣйствія одного анекдота изъ жизни князя А. И. Барятинскаго *Н. С. Лѣсковъ* („Голосъ природы“, въ „Осколкахъ“, 1883 г., № 12, и въ собраніи сочиненій, VII, 575—585) дѣлаетъ Шуру, оговариваясь, „если я не ошибаюсь“. Кажется, что г. Лѣсковъ ошибается, ибо, насколько извѣстно, князь бывалъ въ Шурѣ до взятія Гуниба; притомъ, помѣщеніе въ Шурѣ для него всегда бы нашлось въ домѣ командующаго войсками, а на отсутствіи помѣщенія въ городѣ и основанъ весь анекдотъ.

¹⁰⁷) Кавказъ, 1857, № 4.

того же года: въ этотъ день командиръ стрѣлковаго баталіона, подполк. Кобіевъ, ѣхалъ изъ Б. Казанищъ въ Агачъ-каду на хозяйственный баталіонный хуторъ; съ нимъ шла команда стрѣлковъ съ офицерами; но Кобіевъ, приблизясь къ хутору, удался впередъ на версту и былъ окруженъ небольшою конною партією, выскочившей изъ кустовъ. Пока прибѣжали стрѣлки. Кобіевъ былъ уже увлеченъ въ аулъ Аракань (108). Даже сообщенія Шуры съ штабъ-квартирою Дагестанскаго пѣх. полка, въ 14 1/2 верстахъ, хотя были часты, но не безопасны. Для предупрежденія несчастныхъ случаевъ и для извѣщенія о появленіи горцевъ, въ 2-хъ верстахъ отъ Ишкартовъ, на горѣ, по дорогѣ къ Шурѣ, была выстроена казарма на 20 человекъ караула; тамъ постоянно находилась зрительная труба, въ которую смотрѣлъ часовой и, при появленіи горцевъ, поднималъ шары,—одинъ или два, смотря по тому, съ какой стороны показался непріятель. По этому сигналу тотчасъ поднимались шары въ Ишкартахъ и Шурѣ, и войска бѣжали въ обозначенную сторону (109). Впрочемъ, безопасность въ окрестностяхъ Шуры должна была значительно усилиться вслѣдствіе состоявшагося въ 1857 г. занятія Салатавіи. „Т.-Х.-Шуринское торгующее сословіе приняло занятіе Салатавіи, какъ истинное благодѣяніе для себя“, и купцы Давидъ Заргаровъ и Александръ Хатутовъ испросили разрѣшеніе угостить весь отрядъ, по возвращеніи его въ Шуру. 14 ноября въ Шуру начали прибывать передовыя части Салатавскаго отряда; этого числа, 15-го и 16-го названныя лица устраивали угощеніе (водка, хлѣбъ бѣлый, 1 ф. мяса и пшена на солдата и обѣдъ офицерамъ) (110). Тогда же торгующій въ Шурѣ тифлисскій гражданинъ Маркъ Рясенцевъ представилъ командующему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ 700 р. с. для раздачи раненымъ въ

¹⁰⁸⁾ *Солтанъ*: Занятіе Салатавіи (въ Кавк. сборникѣ, VIII, 316).

¹⁰⁹⁾ Кавказъ, № 2, ст. „Ишкарты“.

¹¹⁰⁾ Кавказъ, 1858, № 1, „Вѣсти изъ Дагестана“ Костемеревскаго.

Салатавіи ¹¹¹⁾. Щедрость торгующаго сословія на этотъ разъ, конечно, объяснялась и тѣмъ, что приготовленія къ экспедиціи, сборъ отряда и пр. сильно поднимали торговлю въ Шурѣ. Но и раньше „разныя лица гражданскаго вѣдомства, живущія въ укр. Т.-Х.-Шурѣ и Петровскѣ“, отзывались сочувственно на доброе дѣло, пожертвовавъ, напр., 177 р. 27 коп. въ пользу морскихъ чиновъ и семействъ ихъ, потерявшихъ имущество въ Севастополѣ ¹¹²⁾. Въ началѣ 1858 г. населеніе Шуры торжественно проводило князя Г. Д. Орбеліани и встрѣтило новаго командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, барона А. Е. Врангеля, прибывшаго въ Шуру 17 февраля ¹¹³⁾, а вслѣдъ за симъ разсталось и съ основателями укрѣпленія апшеронцами: приказаніемъ по Кавказской арміи отъ 26 апрѣля 1858 г., по случаю перемѣщенія штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣх. полка во вновь построенное въ Салатавіи укр. Буртунай, Апшеронскій полкъ переведенъ въ Ишкарты, а въ Шурѣ учреждена штабъ-квартира 21 стрѣлковаго баталіона и грузинскаго линейнаго № 12 баталіона ¹¹⁴⁾. Черезъ нѣсколько времени Шура торжественно встрѣчала Великихъ князей Михаила и Николая Николаевичей, прибывшихъ 27 сентября вечеромъ изъ Дешлагара. 28 числа Ихъ Высочества имѣли пребываніе въ Шурѣ, а 29 выбыли въ Ишкарты, откуда 30 прибыли въ Буртунай, около котораго расположенъ былъ лагерь Салатавскаго отряда. Порадовавъ войска словами: „Ребята, Государь Императоръ приказалъ благодарить васъ за службу“, Великіе Князья послѣ обѣда возвратились въ Евгеньевское и 1 октября прибыли въ Чиръ-юртъ ¹¹⁵⁾. Прибытіе князя Барятинскаго на Кавказъ означало, какъ понимали всѣ, начало рѣшительныхъ дѣйствій противъ Шамиля. Въ послѣдовавшихъ

¹¹¹⁾ Кавказъ, 1858, № 15.

¹¹²⁾ Кавказъ, 1856, № 12.

¹¹³⁾ Кавказъ, 1858, № 26.

¹¹⁴⁾ Кавказъ, 1858, № 36.

¹¹⁵⁾ Кавказъ, 1858, № 85.

затѣмъ военныхъ дѣйствіяхъ, повлекшихъ за собою паденіе имама, Шура играла не видную, но необходимую и полезную, роль пункта, гдѣ сосредоточивались войска, запасы разнаго рода, госпитали и т. д., заготовляемые въ обширныхъ размѣрахъ въ виду движенія въ горы. Всѣ эти притотвленія, сборы отрядовъ и т. п., конечно, сильно оживляли укрѣпленіе, благопріятно дѣйствовали на ростъ благосостоянія населенія, торговли и т. д. Послѣ паденія Гуниба, въ память участія въ которомъ Апшеронскаго полка воздвигнуть въ 1893 г. полкомъ на церковной площади Шуры памятникъ, Шурѣ выпало на долю первому изъ русскихъ поселеній принять бывшего имама и его семейство. 27 августа 1857 г. Шамиль съ семействомъ былъ отправленъ съ Гуниба въ Шуру, подъ наблюденіемъ полковника Тромповскаго, съ конвоемъ дивизіона драгунъ и батальона пѣхоты. На послѣдней станціи до Шуры, Шамиль почувствовалъ жестокою боль въ желудкѣ; мюриды его начали его увѣрять, что его отравили, но, по приѣздѣ въ Шуру, врачъ далъ ему капель, отъ которыхъ боль прошла, за что Шамиль очень полюбилъ доктора. Въ Шурѣ, въ домѣ барона Врангеля, онъ пробылъ отъ 29 августа до 3 сентября, ибо его и всѣхъ сопровождавшихъ его горцевъ пришлось одѣть и обуть; онъ очень заботился о своемъ туалетѣ и пожелалъ имѣть непременно черную черкеску; съ удовольствіемъ принималъ посѣщенія дамъ, сталъ рѣже дѣлать намазъ. Изъ Шуры въ тарантасѣ барона Врангеля Шамиль выѣхалъ въ Чирь-юртъ и далѣе, а семейство его оставалось въ Шурѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ ¹¹⁶⁾.

¹¹⁶⁾ *Волжонскій*: Окончат. покореніе восточнаго Кавказа (Кавк. сборникъ, IV, 432); *Зиссерманъ*: Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій М. 1889—91, II, 296; Кавказъ, 1859, № 82, извлеченіе изъ статьи Рыжова. Шамиль, какъ извѣстно, былъ отправленъ на жительство въ Калугу, которая, по замѣчанію *Бутенева* (Воспоминанія, Русскій архивъ, 1881, III, 20), „повидному, предназначалась служить убѣжищемъ для знатныхъ иностранцевъ. Не разъ туда отправляли на жительство плѣнныхъ турецкихъ пашей и въ послѣднее время Шамиля“. Интересный отзывъ о Шамилѣ въ Калугѣ находимъ въ письмѣ *Г. С. Батенкова* отъ 11 ноября 1854 г.

Вскорѣ за Шамилемъ Шуру покинулъ баронъ Врангель¹¹⁷⁾, котораго мѣсто заступилъ князь Л. И. Меликовъ, сдѣлавшійся въ слѣдующемъ году первымъ начальникомъ Дагестанской области. Но прежде, чѣмъ слѣдить за судьбою Шуры послѣ того, какъ она сдѣлалась центромъ областного управленія, ознакомимся съ ея состояніемъ предъ этимъ знаменательнымъ въ ея жизни событіемъ, именно въ 1857 году.

Шура въ то время занимала площадь параллелограмма, съ окружностью въ 3 версты и 150 сажень, защищенную съ двухъ сторонъ высокимъ землянымъ валомъ и глубокимъ ровомъ, а съ 2-хъ сторонъ оборонительными казармами и каменными стѣнами. Всѣ фасы укрѣпленія, кромѣ 3-хъ батарей, фланкировались пятью двухъэтажными башнями. Въ трехъ фасахъ находилось трое воротъ съ каменными арками: Дербентскія, Аварскія и Эрпелинскія; кромѣ того, двое воротъ на спускахъ къ Шурѣ-овени. Улицъ въ укрѣпленіи считалось 23; онѣ образовывали болѣе 70 кварталовъ; изъ числа улицъ 3 имѣли мостовую. Площадей было 6 (церковная, армянская, аварская, апшеронская, плацъ-парадная и базарная), изъ коихъ двѣ первыя высланы каменною мостовою. Строеній въ Шурѣ считалось 686, изъ нихъ казенныхъ или общественныхъ 152, частныхъ 534: домовъ офицерскихъ—72, солдатскихъ—345, торговаго сословія—117 (въ томъ числѣ домовъ каменныхъ—5), лавокъ—108 (изъ нихъ каменныхъ 13). Кромѣ этого имѣлось: трактировъ—2, кондитерскихъ—1, духановъ—40, пивной заводъ—1, булочныхъ—2, цирульня—1, мельницъ водяныхъ—1, кирпичныхъ заводовъ—12, персидскихъ бань—2, русскихъ торговыхъ—3, частныхъ—до 25, прачешныхъ—1.

(Русскій архивъ, 1886, II, 279). Подробныя свѣдѣнія о пребываніи бывшаго имама въ Калугѣ—у *Руновскаго*: Записки о Шамилѣ. Спб. 1861, составившіяся изъ его же статей въ Военномъ сборникѣ (1859, № 11; 1860, № 2, № 5, № 7, 1861, № 1), у *Чичаговой*: Шамилъ на Кавказѣ и въ Россіи. Спб. 1889 (книжка, не внушающая большого довѣрія) и у *Пржемыславскаго*: Шамилъ въ Калугѣ (Русская старина, т. XX—XXI).

¹¹⁷⁾ Кавказъ, 1859, № 72.

Населеніе Шуры состояло изъ военныхъ, въ количествѣ до 5000 чел., и болѣе или менѣе осѣдлыхъ жителей, число коихъ простиралось до 2030 душъ обоего пола; всего Шура имѣла до 7000 человекъ ¹¹⁸⁾. Въ числѣ болѣе или менѣе осѣдлыхъ жителей Шуры считалось: военно-служащихъ, всѣхъ вообще, 487 м. 494 ж.; неслужащихъ: русскихъ—229 м., 108 ж.; грековъ—16 м.; грузинъ—26 м., 2 ж.; армянъ 130 м., 44 ж.; нѣмцевъ—8 м., 6 ж.; евреевъ—45 м., 44 ж.; персіянъ 230 м., 27 ж.; татаръ и горцевъ 107 м., 27 ж.; итого—1278 м., 752 ж. Въ томъ числѣ торговцевъ: русскихъ—60, армянъ—64, грузинъ—23, персіянъ—52, грековъ—3, евреевъ—6.

Увеселенія жителямъ доставляли 2 труппы акробатовъ и волтижеровъ и нѣкій Брикъ, пускавшій воздушные шары и устраивавшій иллюминаціи „на коммерческомъ правѣ.“ Для удовлетворенія умственныхъ интересовъ существовали три бібліотеки: апшеронская, госпитальная и артиллерійская. Было также приступлено къ собиранію Дагестанскаго публичнаго кабинета изъ царствъ природы, искусствъ и ремеслъ ¹¹⁹⁾.

¹¹⁸⁾ Въ 1854 г. въ укр. Шурѣ числилось, кромѣ военнаго населенія, 696 человекъ (Кавказскій календарь на 1854 г.).

¹¹⁹⁾ *Костемеровскій*, Кавказъ, 1858, № 5. Считаемо не излишнимъ привести здѣсь нѣсколько свѣдѣній о штабъ-лѣкарѣ, надв. сов. Иванѣ Семеновичѣ Костемеровскомъ, бывшемъ одною изъ достопримѣчательностей Шуры. Крестьянинъ по происхожденію (род. въ сентябрѣ 1813 г. въ селѣ Костемеровѣ, Скопинскаго уѣзда, Рязанской губ.), онъ съ большимъ трудомъ и лишениями окончилъ въ 1840 г. курсъ въ бывшей Московской медико-хирургической Академіи и сразу попалъ на службу на Кавказъ. Въ 1845 г. мы находимъ его врачомъ въ госпиталѣ въ кр. Внезапной; извѣстный впоследствии генералъ Гейманъ, лѣчившійся въ этомъ госпиталѣ, отъ раны, полученной въ 1845 г. въ Андійской экспедиціи, сохранилъ о немъ слѣдующую симпатичную память: „Много мы ему обязаны, особенно я; положительно онъ спасъ мнѣ жизнь. Костемеровскій кровный руссапетъ; Москву и все русское обожалъ; весьма развитой и хорошо владѣвшій словомъ, онъ, не говоря уже о томъ, что всегда дѣлалъ намъ перевязку собственноручно, просиживалъ у насъ до поздней ночи, говоря безъ умолку; это немало развлекало насъ, при скучной госпитальной обстановкѣ“. Геймана, по его словамъ, онъ спасъ, придумавъ особую перевязку (В. А. *Гейманъ*: 1845 годъ. Воспоминанія, Кавк. сборникъ, III, 352—353). Съ сформированіемъ въ 1852 г. Дагестанскаго конно-иррегуляр-

5 апрѣля 1860 г. князь Бяратинскій утвердилъ проэктъ положенія объ управленіи Дагестанскою областью, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 10 іюня того же года: мѣстопробываніемъ начальника ея, со всѣми состоявшими при

наго полка, Костемеревскій назначается полковымъ врачомъ и остается имъ около 10 лѣтъ. Къ этому времени относится его дѣятельное участіе въ газетѣ „Кавказъ“, куда онъ посылалъ корреспонденціи, сообщавшія интересныя свѣдѣнія о мало тогда извѣстномъ Дагестанѣ. Ему принадлежатъ въ Кавказѣ: Петровское укр., 1856, №№ 72—73; Вѣсти изъ Дагестана, 1858, № 1; Салатавія, 1858, №№ 1, 21; Т.-Х.-Шура, 1858, №№ 4—5; Опытъ распространенія русской грамоты между аварцами, 1848, № 40 (въ этой статьѣ онъ описываетъ экзаменъ въ школѣ, существовавшей при штабѣ конно-гррен. полка для малолѣтнихъ дѣтей и братьевъ всадниковъ, и самихъ всадниковъ, въ которой онъ училъ; замѣтимъ, что онъ училъ дѣтей офицеровъ-горцевъ, изъ которыхъ до сихъ поръ въ полку служить одинъ, обязанный Костемеревскому начальнымъ образованіемъ); Вѣсти изъ Дагестана (Салатавская экспедиція), 1858, № 83—84; Дневникъ изъ Салатавскаго зимняго похода, 1859, № 60—62. Изъ статей Костемеревскаго въ „Кавказѣ“ шестидесятыхъ годовъ намъ извѣстны слѣд.: Петровскъ, 1861, № 64; Поѣздка въ Гунибскій округъ, 1861, № 86; Шура, 1869, № 102. Замѣтимъ ксати, что до конца почти жизни онъ корреспондировалъ въ „Московскія вѣдомости“. Изъ полка онъ перешелъ на должность врача одного изъ округовъ Дагест. области и, выслуживъ пенсію, вышелъ въ отставку и жилъ до смерти въ Шурѣ. По словамъ его некролога, д-ра В. С. Варавина (во „Врачѣ“, 1891, № 10, 284), „происходя изъ крайне бѣдной семьи, покойный понималъ силу денегъ и жилъ крайне расчетливо, даже отказывая себѣ въ необходимомъ; такимъ образомъ изъ жалованья и пенсін ему удалось скопить капиталъ болѣе 20000 р. (не считая 10000 р., которые у него украли за нѣсколько лѣтъ до смерти)“. Вся Шура знала крупную фигуру Костемеревскаго, возсѣдавшего ежедневно на такъ называемой „биржѣ“, т. е. въ собраніи досужихъ людей около церковной площади, горячно разсуждающаго о политикѣ, съ № „Московскихъ вѣдомостей“ въ рубѣ; эти же „вѣдомости“, которыя онъ получалъ даромъ, какъ корреспондентъ, служили ему, говорятъ, и постельнымъ и столовымъ бѣльемъ. Вообще „крайняя расчетливость“ его доходила до скарденности. Но своимъ капиталомъ онъ распорядился достойно памяти, хотя нѣсколько и разбросалъ его; главные отказы его въ завѣщаніи суть: 1) по 1—2 билета внутреннихъ съ выигрышами займовъ 18 высшимъ учебнымъ заведеніямъ, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы билеты, въ надеждѣ на выигрышъ, не были продаваемы; 2) въпользу лучшихъ неимущихъ студентовъ Московскаго университета 2779 р.; 3) на учрежденіе стипендіи его имени въ реальномъ училищѣ въ Шурѣ 1000 р.; 4) на учрежденіе въ Шурѣ ремесленнаго училища имени жертвователя 4000 руб. 5) женской прогимназіи въ Шурѣ, которой онъ еще при жизни пожертвовалъ 2000 р.,—2000 р.; 6) на

немъ учрежденіями, сдѣлалась Шура, жители которой были подчинены дѣйствию общихъ законовъ Имперіи. Полное изъятіе ея изъ военнаго управленія почти совпало съ бѣдствіемъ, перенесеннымъ ею отъ холеры. Прибывшими въ концѣ іюля 1866 г. изъ внутреннихъ губерній Россіи маршевыми баталіонами изъ молодыхъ солдатъ въ Петровскъ, на укомплектованіе Кавказской арміи, занесена была холера въ этотъ городъ, а затѣмъ и въ Шуру. Здѣсь былъ образованъ санитарный комитетъ; къ началу 1867 г. холера прекратилась; за время ея существованія (съ 3 августа по 26 октября) заболѣло ею нижнихъ чиновъ 109, городскихъ жителей 186; умерло: первыхъ 71, вторыхъ 81 ¹²⁰).

29 ноября 1866 г. Шура была возведена на степень города и получила гражданское управленіе въ лицѣ полиціймейстера, правящаго дѣлами города вмѣстѣ съ „депутатами“, избираемыми домовладѣльцами-гражданами изъ своей среды. Ко времени превращенія укрѣпленія Шуры въ городъ состояніе ея представляется въ слѣдующемъ видѣ ¹²¹).

Населеніе ея простиралось до 7100 душъ обоого пола, изъ которыхъ 5594 души постояннаго, а 1506—измѣняющагося. Постоянное населеніе имѣло слѣдующій составъ а) по *сословіямъ*: дворянъ, чиновниковъ, офицеровъ и почетныхъ гражданъ съ семействами—295 м., 215 ж.; купцовъ 2 гильдіи съ сем.—35 м., бесплатныя народныя школы въ Шурѣ и Петровскѣ по 2000 р.; 7) на основаніе музея кустарныхъ производствъ въ Дагестанѣ 2779 р.; 8) на приходскую школу въ родномъ селѣ 200 р.; 9) на народныя школы въ Черногоріи 500 руб.; 10) Московскому славянскому благотворительному обществу 300 р.; 11) обществу для пособія нуждающимся литераторамъ 300 руб.; 12) за лучшее и практически полезное русское изобрѣтеніе 300 р. и 13) Географическому обществу 240 р.

¹²⁰) Отчетъ по управленію Дагестанскою областью съ 1 ноября 1865 года по 1 октября 1869 г. Представленъ Е. И. В. Главнокомандующему Кавказской арміею. Тифлисъ, безъ года, 139—140, и вѣдомость литератора *И.*

¹²¹) Свѣдѣнія 1865—1866 г.; Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ, издаваемый Кавк. отдѣленіемъ Импер. русск. геогр. общества. Тифлисъ, т. I, состав. и изд. Н. В. Вороновымъ, 1869, отдѣл. II, 67, 73—74.

41 ж.; мѣщанъ, крестьянъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ и лицъ прочихъ свободныхъ состояній—1458 м., 698 ж., служащихъ нижнихъ чиновъ съ сем.—1852 м., 525 ж.; иностранцевъ—412 м., 63 ж.; всего 4052 м., 1542 ж.; в) по племенамъ и происхожденіямъ: русскихъ—2482 м., 1054 ж.; грузинъ—149 м., 45 ж.; армяно-григорьянъ—248 м., 77 ж.; армяно-католиковъ 16 м., 12 ж.; поляковъ—331 м., 31 ж.; нѣмцевъ и др. націй лютеранъ—19 м., 18 ж.; евреевъ—226 м., 180 ж.; мусульманъ: закавказскихъ вообще 103 м., 31 ж.; Дагестанской области—73 м., 55 ж.; персидскихъ—396 м., 36 ж., турецкихъ—9 м., 3 ж.; всего 4052 м., 1542 ж. Имѣняющееся населеніе состояло: изъ періодически смѣняющихся войскъ—1200 м., изъ лицъ прочихъ сословій—180 м., 126 ж.; всего—1380 м., 126 ж.

Вольныхъ ремесленниковъ, не принадлежавшихъ къ составу войскъ, было 227 ч. Изъ лицъ, занимавшихся торговлею и промыслами, принадлежали къ уроженцамъ: русскимъ—178, туземнымъ: грузинъ—25, армянъ—120, евреевъ—92, мусульманъ—187, изъ коихъ туземцевъ Дагестанской области—62. Церквей было 3, мечетей 2, синагогъ—2. Домовъ каменныхъ было 18, саманныхъ—1001.

6 февраля 1868 въ Шурѣ открыто телеграфное сообщеніе съ Тифлисомъ, а съ 1 января 1876 г. введены судебно-мировыя учрежденія, дѣйствию которыхъ подчинены не-туземцы и туземцы.

Нѣкоторое оживленіе Шурѣ еще придавало то обстоятельство, что послѣдній шамхаль Тарковский, покинувъ въ 1861 г. свою резиденцію въ Кафырь-Кумыкъ, жилъ въ ней.

Послѣднимъ, такъ сказать, напоминаніемъ о прежде-перезитыхъ военныхъ тревогахъ, было для Шуры возстаніе 1877 г., когда населеніе, охраняемое небольшимъ числомъ войскъ, находилась въ страхѣ, ожидая нападенія бунтовщиковъ; жителямъ были розданы ружья и т. д. Гражданскіе чиновники гото-

вились защищать свои дома; такъ, служившіе въ мужской прогимназіи „изъявили желаніе, въ случаѣ надобности, выйти на помощь войскамъ, почему имъ тогда же были выданы изъ городской полиціи ружья и патроны“. Къ счастью тревога оказалась напрасною ¹²²⁾.

Въ 1868 г. Шуру посѣтилъ Великій князь Алексѣй Александровичъ, въ 1863, 1865 и 1870—Великій князь Михаилъ Николаевичъ, а въ сентябрѣ (8) 1871 г. она имѣла счастье принимать въ своихъ стѣнахъ Царя-Освободителя.

Въ 1880 г. Шура простилась съ княземъ Л. И. Меликовымъ, назначеннымъ помощникомъ главнокомандовавшаго Кавказскою арміею. Постъ его занялъ князь Н. З. Чавчавадзе, которому городъ обязанъ водопроводомъ, мощеніемъ большинства улицъ и т. д. Въ 1892 году городъ постигла холера, хотя въ довольно слабой степени. Она появилась 1 іюля и прекратилась 5 сентября, т. е. прoderжалась 67 дней, въ теченіи которыхъ заболѣло 69, умерло 37, или около 54 %. По отношенію къ численности городского населенія, заболѣваемость выразилась въ 0,8%. Наибольшее число заболѣваній наблюдалось 22 іюля, когда заболѣло 13 человекъ, а наибольшая смертность—23 іюля, когда умерло 4 человекъ. Очистка города и энергическое поддержаніе чистоты, личный надзоръ за продажею съѣстныхъ припасовъ, какъ князя Н. З. Чавчавадзе, такъ и полиціймейстера В. И. Коломейцева, устройство бараконъ, а также дѣятельность врачебнаго персонала города, не дали страшной гостьѣ ни простора, ни силы. Общество также пришло на помощь администраціи: граждане собрали 2055 р. для улучшенія пици бѣднѣйшаго населенія, составилъ частный санитарный отрядъ, преимущественно изъ евреевъ-ремесленниковъ, оказывавшій врачамъ дѣятельное и самоотверженное содѣйствіе оттираніями и т. д. Въ настоящее время состояніе Шуры представляется въ слѣдующемъ видѣ. Жите-

¹²²⁾ Архивъ бывшей Т.-Х.-Шур. прогимназіи.

Умершихъ было: 124 муж. пола, 62 женскаго, всего 186.

Такимъ образомъ, прибыль населенія оказалась въ 44 души.

Холера увеличила число смертныхъ случаевъ на 37; при нормальныхъ условіяхъ прибыль населенія значительнѣе.

Домовъ въ городѣ числится 769; въ томъ числѣ: казенныхъ—61, церковныхъ—5, общественныхъ—1, частныхъ—640 (изъ нихъ 2 деревянныхъ), лавокъ—64.

Объ экономическомъ положеніи населенія города могутъ дать понятіе слѣдующія цифры ¹²³).

Городъ имѣетъ въ своемъ пользованіи 3234 дес. 800 саж. земельныхъ угодій, такъ-что на одну душу коренного населенія приходится 1,38 дес. Жители города посѣвомъ зерновыхъ хлѣбовъ занимаются въ самомъ ограниченномъ количествѣ, воздѣлывая не болѣе $\frac{1}{4}$ всей пахотной земли; подъ фруктовыми садами занято 76 дес. Скота разнаго рода имѣлось 796 головъ, изъ нихъ 279 лошадей и 383 быковъ и коровъ. Промышленная дѣятельность развита весьма слабо: фабрикъ и заводовъ въ городѣ имѣлось всего 7 (2 пивныхъ, 2 кирпичныхъ, 1 известковый, 1 искусств. минер. водъ, 1 мыловаренный) съ 28 рабочими, съ суммою производства до 13760 руб.

Торговыхъ и промышленныхъ свидѣтельствъ выбрано 304.

Городскихъ доходовъ поступило 17421 р. 8 коп., именно: съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и оброчныхъ статей 5999 р. 78 коп., съ документовъ на право производства торговли и промысловъ—1740 р. съ трактирныхъ заведеній, постоянныхъ дворовъ и мясныхъ лавокъ 1360 руб., съ извознаго промысла 287 руб. 50 коп., съ засвидѣт. протеста и представленія ко взысканію различныхъ актовъ—223 р. 80 коп., съ привозимыхъ въ городъ и отвозимыхъ товаровъ—1508 р., мелочные и случайные доходы 10 р., недоимокъ—2311 р. 45 коп.; изъ мѣстныхъ земскихъ сборовъ—550 р., изъ другихъ источ-

¹²³) Эти данныя почерпнуты изъ „Обзоровъ о состояніи Дагест. области за 1892 годъ (Приложенія къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ по гражданскому и военно-народному управленіямъ)“, Т.-Х.-Шура, 1884 г.

никовъ—3430 р. 55 к. Расходъ достигъ 19420 р. 63 к., именно: уплаты суммъ по городскимъ займамъ и обязательствамъ—1000 р., содержаніе учебныхъ заведеній (пособіе женской гимназіи)—300 р., отправленіе воинскаго постоя и другихъ воинскихъ повинностей—2058 р. 25 коп., отопленіе и освѣщеніе тюрьмы 518 р. 85 коп., содержаніе городского врача и др. лицъ медицинской службы—550 р., содержаніе чиновъ городской полиціи—6602 р. 2 коп., квартирныя деньги чинамъ полиціи и пожарной команды—325 р., вещественное довольствіе городской полицейской команды—325 р., устройство и наемъ помещенія для полицейскаго управленія съ отопленіемъ и освѣщеніемъ—951 р. 1 коп., содержаніе и устройство мостовыхъ—693 р. 85 коп., освѣщеніе города—1176 р. 60 коп., по строительной части—325 р., по другимъ городскимъ надобностямъ—4595 р. 5 коп. Сверхъ того, изъ городскихъ суммъ израсходовано на борьбу съ холерною эпидеміею 2921 р. 88 коп. Къ 1 января 1893 г. запаснаго капитала состояло 2357 руб.

Акцизнаго сбора въ казначейство поступило: питейнаго дохода съ напитоковъ и патентнаго сбора—4871 р. 2 коп., табачнаго дохода—3121 р. 89 коп. Питейныхъ заведеній въ городѣ состояло 40. Почтово-телеграфная контора дала дохода: почтоваго 14175 р., телеграфнаго—10356, всего 24531; расходовъ было 17369.

Нравственность городского населенія нѣсколько характеризуетъ слѣдующая статистика дѣлъ, производившихся у мирового судьи города: по оскорбленію полицейскихъ и другихъ стражей 1 случай (осужденныхъ 0), по прочимъ проступкамъ противъ порядка управленія 8 сл. (ос. 5 лицъ), по проступкамъ противъ благочинія, порядка и спокойствія—12 (ос. 17), противъ общественнаго благоустройства, народнаго здравія и личной безопасности—54 (ос. 49), по нарушенію устава о паспортахъ—3 (ос. 3), по нарушенію устава казенныхъ управленій—6 (ос. 5), по оскорбленіямъ чести, угрозамъ и насиліямъ—58 (ос. 2), по самоволь-

нымъ пользованіямъ чужимъ имуществомъ и поврежденію онаго—2 (ос. 0), по похищеніямъ и поврежденіямъ лѣса—40 (ос. 56), по кражамъ, мошенничествамъ и обманамъ 71 (ос. 33), по преступленіямъ и проступкамъ, изъятымъ по судебнымъ уставамъ изъ вѣдомства мировыхъ судей, но мировымъ судьямъ закавказскаго края подвѣдомымъ—11 (ос. 6).

Общественная благотворительность въ городѣ довольно развита. Въ немъ состояло: 1) мѣстное управленіе и дамскій комитетъ Россійскаго общества Краснаго Креста, въ которое въ теченіе года поступило 1462 р. 79 к.; 2) благотворительное общество, съ поступленіемъ въ теченіе года въ 1307 р. 21 к.; на средства общества содержится, между прочимъ, лѣчебница для приходящихъ, составляющая единственное лѣчебное заведеніе въ Шурѣ, кромѣ военнаго лазарета; къ ней обратилось въ 1892 г.—1157 больныхъ, изъ числа которыхъ 676 чело-вѣкъ получили лѣкарства и перевязочныя средства бесплатно; дежурятъ въ лѣчебницѣ бесплатно врачи гарнизона; 3) попечительный совѣтъ женской прогимназіи, члены котораго вносятъ ежегодно по 10 р.; 4) общество вспомошествованія нуждающимся ученикамъ реальнаго училища, съ приходомъ въ 455 р.

Ученыхъ обществъ, музеевъ и публичныхъ библіотекъ въ Шурѣ, какъ и во всей области, не имѣется. Периодическихъ изданій никакихъ не издается.

Учебныхъ заведеній въ 1892 г. состояло: реальное училище, женская прогимназія, церковно-приходская школа и частное училище III разряда, съ общимъ числомъ учащихся 428: 325 мужскаго пола, 103 женскаго.

Выросшая на чисто военной почвѣ, возникшая исключительно въ силу стратегическихъ соображеній и условій, Шура, сдѣлавшись центромъ управленія сначала Прикаспійскаго края, потомъ Дагестанской области, сдѣлалась также центромъ гражданственности въ Дагестанѣ, какъ вообще, такъ и въ

образовательномъ отношеніи, въ частности. Первое русское учебное заведеніе въ Дагестанѣ основано въ 1837-мъ году, именно: уѣздное училище въ Дербентѣ; учебныя заведенія въ Шурѣ значительно моложе; но исторія ихъ представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ матеріаль для исторіи культурнаго воздѣйствія Россіи на Кавказѣ.

Значеніе образовательнаго воздѣйствія на горцевъ путемъ школы сознавалось еще тогда, когда военныя обстоятельства позволяли только мечтать объ его осуществленіи. Въ 1836 г. баронъ Розень, „выскаивая мѣры къ вѣщшему распространенію между жителями Кавказскаго края понятій нашихъ и русскаго языка,“ предполагалъ воспитывать въ школахъ при войскахъ 864 туземца ¹²³⁾. Въ 1844-мъ г. генераль Клугенау писалъ, что „слѣдуетъ въ будущемъ обращать вниманіе на образованіе туземнаго населенія, такъ какъ это, безъ сомнѣнія, долгій и трудный, но тѣмъ не менѣе неизбѣжный и достойный имени русскаго пути къ прочному утвержденію нашей власти въ Дагестанѣ ¹²⁴⁾.“ Въ 1851-мъ г. князь Аргутинскій представлялъ намѣстнику о необходимости помѣщенія дѣтей жителей Прикаспійскаго края въ русскія учебныя заведенія ¹²⁵⁾.

Первое практическое примѣненіе этихъ мыслей сдѣлалъ князь М. С. Воронцовъ учрежденіемъ въ 1847—48 г.г. мусульманскихъ училищъ Алиева и Омарова ученій въ Тифлисѣ исключительно для дѣтей мусульманъ всѣхъ свободныхъ состояній, съ цѣлью „предоставленія дѣтямъ закавказскихъ мусульманъ Алиева и Омарова ученія средствъ приобрѣсть познанія по законамъ ихъ вѣры и изучить русскій языкъ въ объемѣ, потребномъ для нихъ въ общежитіи ¹²⁶⁾.“ „Успѣхъ этой мѣры и общее удовольствіе, съ которымъ она была при-

¹²³⁾ Акты, VIII, 382.

¹²⁴⁾ *Юровъ*: 1843-й г. на Кавказѣ, Кавк. сбор., VI, приложенія, 34.

¹²⁵⁾ Дѣло архива канц. нач. Дагест. обл., 1851, № 156.

¹²⁶⁾ Сборникъ поставленій по министерству народнаго просвѣщенія, II, 2, изд. 1, 683, 750.

нята здѣшнимъ мусульманскимъ населеніемъ“ ¹²⁷⁾, побудили князя Воронцова открыть еще нѣсколько подобныхъ училищъ, въ томъ числѣ въ Дербентѣ ¹²⁸⁾, переведенное потомъ въ Шуру. Въ январѣ 1849 г. князь Воронцовъ, согласно мнѣнію оріенталиста Ханыкова, которому онъ поручилъ разработать вопросъ о мусульманскихъ училищахъ, предписалъ Дербентскому военному губернатору пригласить въ учителя мусульманскаго курса Дженгутаевского Айгуна-кадія, Айнабъ-Ефенди, съ платою, согласно его желанію, по 400 р. въ годъ, и нанять вблизи мечети домъ для помѣщенія, какъ учителя, такъ и приходящихъ изъ провинціи учениковъ, которымъ на пищу отпускать ежедневно по 20 коп.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Воронцовъ, „не желая возбудить въ народѣ какого-либо толка, вреднаго первымъ успѣхамъ этого заведенія,“ предписалъ изученіе русскаго языка не дѣлать въ началѣ обязательнымъ, но все-таки приискать лицо, которое знало-бы русскій языкъ и могло-бы преподавать мусульманамъ правила русскаго языка, за 200 р. жалованья въ годъ, и въ тоже время предложить ученикамъ чрезъ кадія заниматься русскимъ языкомъ, по ихъ желанію; для привлеченія же учениковъ къ этому занятію указать на преимущества, даруемыя окончившимъ курсъ, по уставу тифлискихъ училищъ ¹²⁹⁾. Нанявъ домъ для училища за 300 руб. въ годъ и пригласивъ для преподаванія русскаго и фарсійскаго языковъ подпоручика Мирзу - Мехти - бека - Гашимбекова, Дербентскій губернаторъ оповѣстилъ объ открытіи училища съ комплектомъ 60 воспитанниковъ, и уже въ маѣ для поступленія въ него

¹²⁷⁾ Отношенія князя Воронцова къ предсѣдателю Кавк. комитета, 18-го января 1850. Акты, X, 128—129; Сборникъ постановленій, II, 2, 996.

¹²⁸⁾ Свѣдѣнія о Дербентскомъ мусульманскомъ училищѣ, поздне Шуринскомъ, почерпнуты изъ архива канцеляріи военнаго губернатора Дагест. области, I отдѣл., 1850, № 125; 1851, № 77.

¹²⁹⁾ Производство въ чинъ годомъ раньше противъ срока. Официально право это распространено на окончившихъ курсъ въ другихъ мусульманскихъ училищахъ въ 1853 г. Сборн. пост. II, 2, 1247.

прибыли въ Дербентъ 30 человѣкъ, изъ которыхъ 8 изъ Акуши, 4 изъ ханства Мехтулинскаго, 4 изъ шамхальскихъ владѣній, 3 изъ Табасарани, 1 кумыкъ и 10 уроженцевъ города Дербента.

Въ числѣ желавшихъ поступить были и совершенно взрослые молодые люди, нѣкоторые имѣли 23—35 лѣтъ, но на первое время губернаторъ не хотѣлъ быть слишкомъ разборчивымъ. Многихъ, какъ сознавало само начальство, привлекала въ школу не жажда ученія, а матеріальная выгода: изъ 20 коп., выдаваемыхъ на пищу, многіе ученики экономили и на другія свои потребности; сверхъ того, при открытіи школы, было сшито платье для 12-ти человѣкъ, а въ 1850 г. князь Воронцовъ разрѣшилъ двумъ третямъ наличныхъ учениковъ, болѣе нуждающимся, сшить платье и обувь въ счетъ суммы, отпускаемой на содержаніе училища. Какъ-бы то ни было, но уже въ декабрѣ 1849 г. въ училищѣ состоитъ 64 ученика, изъ которыхъ 43, кромѣ арабскаго языка, изучаютъ и русскій, при чемъ „нѣкоторые довольно свободно уже читаютъ: одни склады, а другіе даже басни.“ Въ концѣ 1850 г. въ училищѣ было 42 уч., въ концѣ 1851—56 уч., изъ которыхъ горцевъ 48, жителей Дербента—8; но съ этого времени число это все уменьшается, такъ что въ 1854 году учащихся было всего 20 ¹⁸⁰⁾. Уменьшенію числа учениковъ много способствовалъ новый способъ ихъ продовольствія: вмѣсто выдачи денегъ на руки, былъ заведенъ хозяйственный способъ продовольствованія учениковъ. Къ тому же въ августѣ 1852-го г. умеръ Айгунъ-кадіи, преемникъ же его въ должности учителя арабскаго языка Акъ-Кобскъ-Акъ-Мирза-оглы, житель Кафыръ-Кумыка, не пользовался въ народѣ извѣстностью, почему число учениковъ у него было гораздо меньше, чѣмъ у покойнаго Айгуна-кадія. Между тѣмъ содержаніе школы обходилось 2000 слиш-

¹⁸⁰⁾ Кавказскій календарь на 1854 г. (стр. 481) невѣрно показываетъ число учениковъ въ 67 человѣкъ.

комъ рублей въ годъ ¹³¹⁾, почему военный губернаторъ въ февралѣ 1854 года вошелъ къ намѣстнику съ представленіемъ о закрытіи школы; онъ писалъ: „учрежденная въ Дербентѣ въ 1849 г. школа для образованія, для горскихъ обществъ, мулла Омарова ученія не оказала до сихъ поръ никакого успѣха, не общая доставить пользу и въ будущемъ, потому что отдаленность Дербента отъ главныхъ пунктовъ суннитскаго населенія и жаркій климатъ удаляютъ желающихъ къ постоянному ученію, такъ что рѣдкій ученикъ, пробывъ въ школѣ одинъ годъ, приходитъ и на другой.“ Поэтому губернаторъ предлагалъ, закрывъ школу въ Дербентѣ, открыть двѣ другія въ селеніяхъ: Ахты и Большомъ Дженгутаѣ. Но командовавшій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, князь Орбеліани, взамѣнъ закрытія школы, представилъ о переводѣ ея изъ Дербента въ Шуру, что и было утверждено намѣстникомъ, отпустившимъ на содержаніе Т.-Х.-Шурина мусульманскаго училища средства изъ экстраординарной суммы, находившейся въ его распоряженіи. Князь Орбеліани свое представленіе основывалъ на слѣдующихъ мотивахъ: „такъ какъ въ окрестностяхъ Шуры есть много почетныхъ лицъ и служащихъ офицеровъ изъ мусульманъ, дѣти которыхъ нуждаются въ обученіи ихъ арабскому и русскому языкамъ; притомъ же въ Дербентѣ лѣтомъ отъ сильныхъ жаровъ воспитанники болѣютъ, отчего многіе неохотно отдаютъ дѣтей своихъ туда для обученія. Ознакомленіе учениковъ съ русскимъ языкомъ возможно только тамъ, гдѣ живутъ и русскіе въ значительномъ числѣ, чтобы ученики могли сближаться. Этому условію удовлетворяетъ Шура, населеніе которой, состоящее пока, кромѣ военно-служащихъ, только изъ торговаго населенія, все-почти

¹³¹⁾ Содержаніе Дербентской мусульманской школы обошлось правительству: въ 1849 г.—2202 р. 55 коп., въ 1850 г.—2090 р. 16 коп., въ 1851 г.—2187 р. 57 коп., въ 1852 г.—2830 р. 48 коп., въ 1853 г.—2191 р. 48 коп., въ 1854 г. до 15-го января 1855 г.—1602 р. 11 коп., всего же въ 13104 руб. 35 коп.

русское. При этомъ, Шура, по случаю квартированія здѣсь командующаго войсками съ своимъ штабомъ и одного полка войскъ, не лишена нѣкотораго военнаго блеска, а онъ будетъ очень впечатлителенъ для молодыхъ герцевъ и послужить имъ выраженіемъ силы и величія нашего правительства, о которомъ будутъ имъ внушаться понятія въ школахъ.“

15-го января 1855 года школа въ Дербентѣ была закрыта и 25-го числа открыта въ Шурѣ. Для школы былъ купленъ домъ и приготовлены (на 153 р. 48 к.) мебель и утварь для 20 учениковъ, которыми былъ ограниченъ комплектъ ея. Къ открытію явился изъ Дербента учитель арабскаго языка Акъбекъ-кадій, учителемъ же русскаго языка былъ назначенъ юнкеръ артиллеріи Мальфино ¹³²⁾.

Въ школу поступило 13 учениковъ изъ Дербентской школы (4 акушинца, 2 аварца, 3 табасаранца, 1 шамхалець, 2 кумыка и 1 мехтулинецъ) и 7 вновь прибывшихъ изъ шамхальцевъ и мехтулинцевъ. Половина учениковъ выразила желаніе учиться русскому языку. Съ теченіемъ времени программа была расширена, такъ что въ 1857 г., кромѣ чтенія и письма, ученики обучались грамматикѣ, ариѳметикѣ и начальнымъ свѣдѣніямъ изъ географіи и исторіи ¹³³⁾. Въ такомъ видѣ, съ 20 учениками, и существовала школа до 1859 года, когда приступлено было къ болѣе широкой организаціи дѣла образованія горцевъ, вслѣдствіе чего школа и вошла въ составъ открывшейся горской школы ¹³⁴⁾.

¹³²⁾ Иванъ Карловичъ Мальфино 3-го февраля 1858 г. произведенъ въ прапорщики въ Апшеронскій полкъ, откуда перешелъ въ 1859 г. въ 1 кавк. саперный бат.

¹³³⁾ Въ 1858 г. для школы было куплено учебныхъ пособій на 58 р. 90 к., въ томъ числѣ: географіи Ободовскаго 10 экземпляровъ, ариѳметики — 20 экземп., нѣмья дарты, исторіи Смарагдова — 10 экземп., исторіи Устрялова — 10 экземп., Басеня Крылова 5 экземп., христоматія Галахова, грамматика и глобусъ.

¹³⁴⁾ На Т.-Х.-Шуринскую школу было израсходовано: въ 1855 г. — 1945 руб. 12 коп. въ 1856 г. 3578 руб. 88 к., въ 1857 г. — 3019 р. 78 коп.

Одновременно съ мусульманскимъ училищемъ нѣкоторое время существовала въ Шурѣ школа военныхъ воспитанниковъ при Апшеронскомъ полку.

3-го августа 1836 г. Высочайше утверждено было „Положеніе о военныхъ школахъ при войскахъ кавказской арміи“¹³⁵). Этимъ „Положеніемъ“, „дабы доставить возможность юношеству изъ бѣдныхъ дворянъ и другихъ почетныхъ сословій Закавказскаго края и горскихъ племенъ получить нѣкоторое образованіе, предполагается, не учреждая особыхъ дорого стоящихъ заведеній, принимать дѣтей на воспитаніе и обученіе въ полки и батальоны кавказской арміи, возложивъ попечительство о нихъ на полковыхъ и батальонныхъ командировъ, которые займутся съ ними наравнѣ съ дѣтьми солдатскими.“ Дѣти, въ числѣ 10 воспитанниковъ на батальонъ, опредѣляются главнокомандующимъ и называются „военными воспитанниками,“ 19-го апрѣля 1857 г.¹³⁶) исправляющій должность начальника главнаго штаба Кавказской арміи запросилъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ о томъ, не найдеть-ли онъ

Въ ней, кромѣ 20 казенныхъ воспитанниковъ, бывали и своекоштные, которыхъ, напримѣръ, въ 1857 г. было 3. Большинство изъ учившихся въ ней впоследствии занимали различныя должности по военно-народному управленію (переводчиковъ и проч.); одинъ изъ учившихся въ 1857 г.—Дада Мустафа-оглы, изъ сел. Большихъ Казаничъ, состоитъ и въ настоящее время учителемъ мусульманскаго закона въ Т.-Х.-Шуринскомъ реальномъ училищѣ, а одинъ—Ейдеръ-бекъ-Темиръ-Булатъ-оглы, изъ сел. Кафыръ-Кумыка, изъ городской школы перешелъ въ Ставропольскую гимназію и умеръ студентомъ Московскаго университета.

¹³⁵) Положеніе это вошло въ Сводъ военныхъ постановленій, часть первая, книга III, раздѣлъ IV, гл. X: образованіе учебныхъ заведеній при Кавказской арміи. изд. 1839, ст. 3510—3524 (по изданію 1838 г. ст. 1747—1762).

¹³⁶) Свѣдѣнія объ апшеронской школѣ почерпнуты изъ дѣла штаба командующ. войсками въ Прикасп. краѣ, строев. отдѣл., 1857, № 11; дѣла канцеляр. военнаго губ. Дагест. обл., по учебной части, 1859, № 25; дѣла горской школы, 1861, № 2, и приказовъ по Апшер. полку 1858, 1859 и 1860 г.г. Къ сожалѣнію, дѣло о школѣ не сохранилось въ архивѣ полка, а въ приказахъ по полку имѣются свѣдѣнія лишь объ увольненіи и опредѣленіи воспитанниковъ.

полезнымъ, въ виду поступающихъ въ штабъ просьбъ объ опредѣленіи дѣтей въ войсковыя школы въ Закавказьѣ, которыя болѣе принимать воспитанниковъ не могутъ, учредить во ввѣренныхъ ему войскахъ таковыя школы на основаніи „Положенія“ 1836 г. На это командующій войсками 21-го мая отвѣтилъ, что онъ находитъ полезнымъ и необходимымъ учредить во ввѣренномъ ему краѣ для дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ и офицеровъ, а также дѣтей почетныхъ жителей покорныхъ намъ горскихъ племенъ, три военныя школы: въ Т.-Х.-Шурѣ —при Апшеронскомъ полку, въ Дешлагарѣ—при Самурскомъ полку и въ Кусарахъ—при Ширванскомъ, каждую на 50 воспитанниковъ, при чемъ на обзаведеніе каждой испрашивалъ по 500 р., и на основаніяхъ „Положенія“ 1836 г., на которыхъ учреждена уже школа при Кавказской гренадерской дивизіи. Ходатайство командующаго войсками осуществилось лишь отчасти. 17-го іюня 1857 г. князь Барятинскій предписалъ на первое время открыть только одну школу военныхъ воспитанниковъ при 81 Апшеронскомъ полку, почему предложилъ: 1) устроить или приспособить нѣкоторыя полковыя зданія для помѣщенія 50 воспитанниковъ и для классовъ, а также для хозяйственныхъ нуждъ; 2) завести для воспитанниковъ постели, класные столы и прочія учебныя принадлежности и книги; 3) по изготовленіи помѣщенія и всего необходимаго, пригласить желающихъ поступить въ школу и назначить способнаго изъ офицеровъ для завѣдыванія школою, а въ помощь ему дать нѣсколько учителей изъ юнкеровъ или вольноопредѣляющихся изъ унтеръ-офицеровъ и нѣсколько инвалидовъ для присмотра. Школа на первое время должна была состоять изъ одного класса, но потомъ, по мѣрѣ успѣховъ, ее слѣдовало раздѣлить на три класса и преподавать предметы, которые положены по Высочайше утвержденной программѣ, при поступленіи вольноопредѣляющихся въ военную службу унтеръ-офицерами. На первоначальное обзаведеніе школы

князь Барятинскій разрѣшилъ 500 р.; все же содержаніе школы должно было быть на счетъ казны.

Хотя объ открытіи школы было объявлено приказомъ по 21-й пѣхотной дивизіи и войскамъ Прикаспійскаго края отъ 9-го іюля 1857 (за № 171), но открыта она, какъ видно изъ приказа по Апшеронскому полку, лишь 1-го января 1858 г., въ оборонительной казармѣ, при чемъ завѣдывать ею былъ назначенъ подирапорщикъ Пышкинъ¹³⁷⁾, а въ помощь ему данъ унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся Яковъ Лата. При открытіи, въ школѣ было 8 воспитанниковъ (всѣ русскіе, сыновья чиновниковъ), въ январѣ поступило еще 2, въ февралѣ 1, въ апрѣлѣ 1, въ іюлѣ 1, между ними горцевъ не было ни одного.

Съ переходомъ въ 1858 г. полка въ Ишкарты перешла туда же и школа, но такъ какъ полкъ постоянно отсутствовалъ изъ штабъ-квартиры, по нахожденію въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, и, слѣдовательно, нельзя было приступить къ возведенію особаго зданія для школы, а готоваго не было, то и тамъ она помѣщалась крайне тѣсно и неудобно, въ оборонительной казармѣ. Содержаніе воспитанниковъ равно было крайне скудное, какъ видно изъ слѣдующаго разсчета: на одежду отъ комиссаріатскаго вѣдомства—3 р. 48 к. въ годъ, на довольствіе (муки и крупы)—15 руб. 93 к., на приварокъ и опрятность—6 руб., на „учебные припасы“ 1 руб. 50 к., всего 27 р. 41 к. въ годъ на человѣка. Поэтому не удивительно, что уже въ іюлѣ 1859 г. командиръ полка, полковникъ Тергукасовъ, обратился къ командиру войсками въ Прикаспійскомъ краѣ съ рапортомъ, въ которомъ заявлялъ о крайней недостаточности отпускаемыхъ средствъ на школу, чему онъ старался помогать хотя отчасти выпискою книгъ и улучшеніемъ пищи на собственный счетъ, и о крайнемъ не-

¹³⁷⁾ Василій Николаевичъ *Пышкинъ* произведенъ за отличіе изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики 16-го октября 1857 г., умеръ 4 мая 1876 г.

удобствѣ помѣщенія для школы; вслѣдствіе всего этого онъ просилъ о прибавкѣ средствъ на школу и присоединялъ, что въ школѣ находится 14 воспитанниковъ, изъ которыхъ болѣе половины 7-ми и 8-ми-лѣтняго возраста, „будучи крайне неразвиты, слабы и, нуждаясь болѣе въ присмотрѣ женщины, няньки, далеко не оправдываютъ успѣхами тѣ ожиданія, которыя начальство имѣло въ виду; основывая школу.“ Въ виду такого положенія школы, командующій войсками въ іюль мѣсяцѣ 1859 г. предписалъ не принимать въ нее болѣе воспитанниковъ, а въ февралѣ мѣсяцѣ 1860 г. онъ донесъ намѣстнику, что „недостатокъ средствъ былъ причиною, что школа не могла достигнуть своего назначенія. Въ нее стали поступать дѣти бѣдныхъ офицеровъ и чиновниковъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, изъ почетныхъ же туземцевъ никто не изъявлялъ желанія помѣстить своихъ дѣтей.“ Хотя, вслѣдствіе донесеній о недостаточности средствъ, князь Барятинскій въ январѣ 1860 г. увеличилъ отпускъ на пищу воспитанниковъ по 3 руб. на каждого, а на „учебные припасы“ по 60 к. въ годъ, а также на ремонтъ помѣщенія и мебели 50 р., изъ суммы на военныя въ краѣ предпріятія, но все это мало помогло школѣ, на которую отпускалось всего по 1650 р. 50 к. въ годъ. Въ такомъ видѣ школа просуществовала до 1 января 1861 г., когда, по приказанію Главнокомандующаго Кавказскою арміею, она была закрыта. Воспитанники ея были отпущены къ родителямъ и родственникамъ впредь до опредѣленія казеннокоштными воспитанниками въ имѣвшую открыться Т.-Х.-Шуринскую горскую школу,—тѣ изъ нихъ, которые подойдутъ подъ условія, постановленныя для приѣма въ эту школу; остальныхъ же предполагалось помѣстить въ школы военныхъ воспитанниковъ, въ закавказскомъ краѣ существующія, или въ другія учебныя заведенія. Имущество школы предписано было передать въ горскую школу ¹³⁸⁾. Ко времени

¹³⁸⁾ Вотъ списокъ имущества военной школы, характеризующій отчасти ея состояніе: Смарагдова средней исторіи 10 экземп., его-же все-

закрытія школы Апшеронскаго полка въ ней состояло 18 воспитанниковъ.

Всего за время ея существованія (съ 1 января 1858 г. по 1 января 1861 г.) въ школѣ военныхъ воспитанниковъ при Апшеронскомъ полку училось 22 мальчика, изъ которыхъ 5 уволено по болѣзни, одинъ поступилъ въ корпусъ графа Аракчеева, одинъ въ школу кавказскихъ межевщиковъ и одинъ вольноопредѣляющимся въ Апшеронскій полкъ; остальные поступили во вновь открытую горскую школу.

Горская школа, по уставу 20-го октября 1859 г., открыта въ Шурѣ 16 мая 1861 г.; 14-го сентября 1874 г. она преобразована въ прогимназію, которая, въ свою очередь, преобразована съ 1 іюля 1880 г. въ реальное училище ¹³⁹⁾.

На женское образованіе обратила вниманіе супруга перваго начальника Дагестанской области, княгиня А. М. Меликова, и по ея инициативѣ и подъ ея покровительствомъ 24 мая 1864 г. было открыто училище для бѣдныхъ дѣвицъ всѣхъ сословій, первоначальныя средства для открытія и содержанія котораго дала общественная благотворительность ¹⁴⁰⁾.

Уставъ Т.-Х.-Шуринской женской бесплатной школы былъ утвержденъ намѣстникомъ 25 марта 1865 г. Въ школу принимались дѣти бѣдныхъ родителей, не моложе 8 и не старше 12 лѣтъ, въ числѣ, на первое время, девяти, на полное содержаніе; эти пансіонерки жили въ школѣ, получали столъ, одежду и учебныя пособія, при чемъ содержаніе каждой

общей—9 эк., Шульгина новой—10, Устрялова русской—10, ариметики—10, грамматикъ—10, азбукъ—49, прописей—11, географій—9, аспидныхъ довокъ—3, класныхъ столовъ—4, кроватей—17, столовъ—8, скамеекъ—2, ведеръ—2, ушатовъ—2, шкафа 1, табуретовъ—2.

¹³⁹⁾ Подробности о горской школѣ, прогимназіи и первомъ десятилѣтіи реального училища можно найти въ составленной мною „Исторической запискѣ о первомъ десятилѣтіи Т.-Х.-Шуринскаго реального училища 1880—1889“ Петровскъ 1890, стр. 211+XXXIII.

¹⁴⁰⁾ Свѣдѣнія объ этой школѣ заимствованы изъ дѣлъ архива канцеляріи военнаго губернатора Дагест. области за разные годы.

не должно было обходиться дороже 50 руб. въ годъ. Могли быть и своекоштные пансіонерки, съ платою по 60 р. въ годъ. Приходящія ученицы обучались бесплатно. Школою завѣдывали надзирательницы. Курсъ—трехлѣтній; предметы обученія: Законъ Божій, письмо и чтеніе, первыя 4 дѣйствія ариѳметики, рукодѣліе и домашнее хозяйство (приготовление пищи, печеніе хлѣба, стирка бѣлья и проч.).

Въ 1865 г. школа обзавелась собственнымъ домомъ, постройка котораго обошлась въ 3156 р. 82 коп., но уже въ маѣ 1866 г., когда надзирательница Ульяновская оставила свое мѣсто, комитетъ школы, не будучи въ состояніи найти взамѣнъ ея другое лицо, вошелъ въ сношеніе съ содержательницею частнаго пансіона, г. Лосевой, которая согласилась принять школу въ свое управленіе, но подѣ условіемъ перевода ея въ ея домъ. Здѣсь школа оставалась до 1-го мая 1870 г., когда перешла снова въ собственный домъ на попеченіе комитета, которому пришлось, поэтому, капитально исправить домъ и завести снова все хозяйство.

Средства училища представлялись въ слѣдующемъ видѣ: къ 1 мая 1870 г. на лицо было 2776 руб. 49 коп., съ 1 мая 1870 г. по 1 мая 1871 годъ поступило 2056 руб. 51 коп., всего 4833 р. 6 коп., расходъ же составлялъ 2358 р. 10 к., такъ что къ 1 мая 1871 г. оставалось 2474 р. 96 к. Школа получала пособія: въ 1866 г. горское управленіе изъ запаснаго капитала горскихъ школъ выдало ей 200 р., въ 1869 г. Великій Князь Намѣстникъ изъ экстраординарныхъ суммъ —200 р., а въ 1871 г. Государь Императоръ, въ бытность свою въ Шурѣ, пожаловалъ ей 300 р.

Съ 15-го мая 1872 г. училище, въ видахъ предоставленія возможности большему числу дѣвицъ получать болѣе основательное образованіе, было преобразовано въ бесплатную школу для приходящихъ, съ раздѣленіемъ на 2 класса или отдѣленія. Курсъ былъ установленъ слѣдующій: законъ Божій, русскій

языкъ, ариеметика, географія, чистописаніе, рукодѣліе и хоровое пѣніе. Съ 1874 г. было открыто „высшее отдѣленіе для подготовки ученицъ къ слушанію прогимназическаго курса.“ Обученіе рукодѣлію давало и практическіе результаты: съ 15 сентября 1872 г. по 1 января 1874 г. ученицами было выработано вещей на 345 р. Средства училища къ 1 июня 1872 г. состояли въ 4180 р. 68 к. наличными, съ 1 мая 1872 г. по 1 января 1874 г. поступило 1649 р. 97 коп., израсходовано въ это же время 2388 р. 3 к., остатокъ къ 1 января 1874 г. —3442 руб. 62 коп. Въ 1874 г. приходъ былъ 4946 руб. 8 коп. расходъ 807 руб.

Первоначально комплектъ пансіонерокъ былъ 10, но въ 1870—71 году число ихъ дошло до 14, изъ которыхъ 5 мусульманокъ. Среднее число приходящихъ было 30 въ годъ. До 1871 г. выпущено изъ школы 6 ученицъ, изъ нихъ 2 мусульманки. Съ 15 сентября 1872 г. по 1 января 1874 г. ученицъ всего было 64, изъ нихъ выбыло 13, къ 1874 г. осталось 48 приходящихъ и 3 пансіонерки, которыя распредѣлялись по сословіямъ такъ: офицерскихъ дѣтей 13, солдатскихъ 17 и мѣщанокъ 21; по національностямъ: русскихъ 33, армянокъ 9, евреекъ 8 и татарка 1. Къ 1 января 1875 г. состояло 50 ученицъ, изъ нихъ дворянокъ—17, городскихъ сословій—33, православныхъ—36, армянокъ—6, лютеранокъ 2, евреекъ 3 и магометанокъ—3.

Безплатная школа, составляя частное, необезпеченное ничѣмъ учебное заведеніе, не могли удовлетворять возраставшей потребности въ образованіи, почему въ 1875 г. съ 1 сентября, на основаніи Высочайше утвержденнаго 29 іюля мнѣнія государственнаго совѣта, была преобразована въ 4-хъ классную прогимназію, съ отпускомъ ей изъ мѣстныхъ доходовъ Закавказскаго края по 1500 р. въ годъ. Покрывая свои расходы преимущественно суммою, собранною за право ученія, прогимназія къ 1893 г. обладала уже основнымъ капиталомъ

до 9000 руб., собраннымъ главнымъ образомъ благодаря энергіи бывшаго съ 1884 по 1892 г. предсѣдателемъ попечительнаго ея совѣта князя М. А. Накашидзе, склонившаго между прочимъ и И. С. Костемеровскаго къ пожертвованію прогимназіи 4000 р. с.

Имѣя среднимъ числомъ по 92 ученицы въ годъ, прогимназія къ 1888-му году выпустила 79 дѣвицъ, изъ которыхъ 25 поступило въ гимназіи другихъ городовъ для окончанія курса, а 21—получили свидѣтельство на званіе начальныхъ учительницъ.

Увеличившееся къ концу 50-хъ годовъ населеніе Шуры и отсутствіе въ то время казенныхъ учебныхъ заведеній вызвало 1 іюля 1859 г. открытіе Надеждою Васильевною Есиповой и сестрою ея Александрою В. Лосевою перваго частнаго учебнаго заведенія въ укрѣпленіи. Въ іюнѣ 1864 г. первая передала пансіонъ второй ¹⁴¹⁾.

Г-жа Есипова обратилась къ командующему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ съ просьбою о разрѣшеніи открыть частный пансіонъ для обученія дѣтей. Попечитель кавказскаго учебнаго округа, которому была передана ея просьба, нашель, „что ей слѣдовало бы подвергнуться испытанію на званіе домашней учительницы, но, принимая во вниманіе, что въ Т.-Х.-Шурѣ нѣтъ никакого учебнаго заведенія, тогда—какъ потребность въ ученіи ощущается“, нашель возможнымъ ходатайствовать предъ намѣстникомъ объ облегченіи для Есиповой условій, требуемыхъ для желающихъ открыть частное учебное заведеніе, на что въ ноябрѣ 1858 г. послѣдовало разрѣшеніе намѣстника.

Въ пансіонъ, открытый, какъ сказано, 1 іюня 1859 года, принимались мальчики и дѣвочки, послѣднія и пансіонерками,

¹⁴¹⁾ Свѣдѣнія о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Шурѣ почерпнуты изъ архивовъ канцеляріи военнаго губернатора и бывшихъ горскихъ школъ и прогимназій.

съ платою по 120 р. (съ 1860—200 р.) въ годъ; приходящіе ученики платили 60 р. (съ 1860—100 р.). Въ пансіонѣ съ шестилѣтнимъ курсомъ преподавались въ объемѣ уѣздныхъ училищъ: законъ Божій, языки русскій и французскій, ариѣтика, географія, исторія, танцы, чистописаніе и рукодѣліе. Первое время преподаваніе велось самой Есиповой съ сестрами и братомъ офицеромъ, которые „хотя не имѣютъ права преподавать, но допущены къ преподаванію, по неимѣнію въ Т.-Х.-Шурѣ лицъ, имѣющихъ право заниматься преподаваніемъ.“ Разрѣшеніе это было дано командующимъ войсками. Позднѣе преподавали учителя горской школы, какъ кажется, не совсѣмъ добровольно; по крайней мѣрѣ 1862 году, въ отчетѣ о пансіонѣ содержательница его пишетъ: „учителей двое, изъ которыхъ учитель русскаго языка г. Бехтеревъ, по распоряженію Его Сіятельства князя Джорджадзе, правителя канцеляріи Начальника области, занимается въ двухъ отдѣленіяхъ безвозмездно, учитель математики г. Сѣверовъ занимается въ старшемъ отдѣленіи и, какъ приглашенный безъ воли мѣстнаго начальства, то я должна платить ему по рублю за урокъ.“ Составляя единственное учебное заведеніе для дѣвочекъ въ Дагестанѣ до открытія Дербентской и Т.-Х.-Шуринской женскихъ школъ, пансіонъ Лосевой существовалъ до августа 1875 года, когда, вслѣдствіе открытія мужской и женской прогимназій, число учениковъ настолько сократилось, что она должна была закрыть учебное заведеніе въ Шурѣ и перенести его въ Дешлагарь гдѣ, впрочемъ, оно тоже не долго существовало (не болѣе года). Долговременная дѣятельность Лосевой въ Шурѣ была 1871 году награждена подаркомъ въ 200 руб. отъ Великаго Князя Намѣстника за труды по содержанию пансіона въ теченіе 10 лѣтъ.

При открытіи пансіона въ него поступило 9 ученицъ (изъ нихъ дворянокъ—7, духовнаго званія—2; пансіонерокъ—6, полупансіонерокъ—3) и учениковъ 5 (дворянъ 4, гражданъ 1),

всего 14 уч. Въ 1860 году было 18 ученицъ (пансіонерокъ 6; полупансіонерокъ 12), учениковъ 4, всего 22 чел. Въ 1861 году—19 ученицъ (пансіон. 6, полуп. 13), учениковъ 4, всего 23 уч. Въ 1862 г.—25 ученицъ и 7 учениковъ, всего 32 уч. Приблизительно на этихъ цифрахъ число учащихся держалось все время, такъ что къ 1 января 1875 года учащихся было 21, изъ нихъ 10 дѣвочекъ и 11 мальчиковъ.

Къ шестидесятымъ годамъ относится неудавшаяся попытка открыть другой пансіонъ въ Шурѣ, именно, въ іюнѣ 1864 года Кавказскій Намѣстникъ разрѣшилъ женѣ вольнонаемнаго оружейнаго мастера кавказскихъ линейныхъ №№ 16 и 17 батальоновъ, г. Венденъ, открыть частный женскій пансіонъ для дѣтей „не только благородныхъ родителей, но и изъ почетныхъ гражданъ.“ Но пансіонъ, насколько извѣстно, открытъ не былъ. Потребность въ образованіи, вызвавшая въ Шурѣ основаніе прогимназій для обоихъ половъ, вызвала въ въ семидесятыхъ годахъ и нѣсколько частныхъ учебныхъ заведеній.

Въ 1872 году дѣвица Котляревская получила разрѣшеніе открыть въ Шурѣ частное женское училище, съ пансіономъ, но въ 1875 году, вслѣдствіе выѣзда ея, оно закрылось.

Одновременно съ прогимназіей возникъ и модный въ то время „дѣтскій садъ.“ По словамъ инспектора прогимназій, „первою заботою прогимназій было открытіе здѣсь дѣтскаго сада. Дѣтскій садъ легкимъ, забавнымъ, послѣдовательнымъ и разумнымъ трудомъ, пѣніемъ, дѣтской гимнастикой займетъ ребенка въ продолженіи 5—6 часовъ дня, разумно поведетъ развитіе его мыслительныхъ способностей, исправитъ то, что испорчено въ немъ; сообщеніемъ рассказовъ изъ священной, русской и пр. исторій, нагляднымъ обученіемъ по элементарнымъ предметамъ образуетъ его такъ, что онъ войдетъ въ школу, какъ въ свою сферу; школа не будетъ для него дика и трудъ, предлагаемый ею, для него будетъ легокъ.“ Дѣтскій садъ былъ открытъ княжною М. Г. Макаевой, помощницею

которой была Е. В. Георгизонъ; въ него принимались дѣти съ 6 лѣтъ, которыя обучались также грамотности по звуковому методу и рѣшенію легкихъ, начальныхъ ариѳметическихъ задачъ по наглядному способу. Плата была по 5 руб. въ мѣсяцъ, и при поступленіи въ школу вималось по 5 руб. на учебныя пособія. Но надежды, возлагаемыя Георгизономъ на дѣтскій садъ, не оправдались; по заявленію кн. Макаевой, „садъ трудно прививается, и пока нельзя ожидать особеннаго успѣха въ его развитіи, тѣмъ болѣе, что польза въ развитіи дѣтей неосязательна, она проявляется только впослѣдствіи, а требованіе общества ограничивается умѣніемъ ребенка читать и писать.“ Въ мартѣ 1876-го года, послѣ двухъ лѣтъ существованія, садъ былъ закрытъ. Къ 1 января 1875 года въ немъ было 14 дѣтей (6 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ), а къ 1 января 1876 года—13 (8 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ).

Заботы Георгизона о начальномъ обученіи не ограничивались дѣтскимъ садомъ: по его личному разрѣшенію, Над. Вас. Андреева (урожденная Есипова), послѣ закрытія пансіона Лосевой, открыла школу для приходящихъ малолѣтнихъ дѣтей обоого пола и всѣхъ сословій, въ которой съ 1 сентября 1875 года по 1-ое января 1876 года обучалось 6 дѣтей (5 дѣвочекъ и 1 мальчикъ). Но уже въ 1877 году г-жа Андреева перенесла свою дѣятельность въ Дешлагаръ, гдѣ получила разрѣшеніе открыть начальное двухклассное училище съ пансіономъ и дѣтскимъ садомъ.

Къ частнымъ же учебнымъ заведеніямъ можно отнести и церковныя армянскія школы, которыя стали устраивать при армяно-григоріанскихъ церквяхъ съ 1868 года, по распоряженію патріарха-католикоса Геворка IV.

При армянской церкви въ Шурѣ школа была заведена еще въ 1857 году на средства ея старосты Давида Заргарова, принявшаго на себя наемъ дома на 20 учениковъ и содержаніе учителя, который долженъ былъ преподавать языки русскій и армянскій и первыя четыре дѣйствія ариѳметики. Но эта

школа существовала только годъ. Далѣе, на церковныя суммы и въ церковномъ домѣ, при церкви существовала школа въ теченіе 1872—76 годовъ, съ среднимъ числомъ 15 учениковъ въ годъ, которымъ преподавали русскій и армянскій языки и ариѳметику лица, добровольно принявшія на себя эту обязанность.

Съ 1880 по мартъ 1885 года школа существовала непрерывно въ церковномъ домѣ и на церковныя средства. На ея содержаніе и жалованіе учителю расходовалось до 300 р. въ годъ. Число учениковъ въ 1885 году, когда она была закрыта, было отъ 15 до 20.

На основаніи правилъ 1884 г., школа была снова открыта въ октябрѣ 1886 года въ составѣ одного класса. Содержаніе ея и жалованіе учителю (всего до 400 р. въ годъ) покрывалось изъ церковныхъ суммъ и изъ пожертвованій армянскаго общества. Въ 1892 году школа закрылась.

Въ 1879 году въ Т.-Х.-Шурѣ была основана еврейская школа имѣющимъ званіе учителя сельскаго приходскаго и начальнаго народнаго училища Тамушевымъ, которому въ 1885 году было разрѣшено открыть частную еврейскую школу III разряда. Учениковъ у него было: въ 1883 г.—11 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, въ 1884 г.—22, въ 1885—29 м. и 9 д., въ 1886—21 м. и 7 д. и въ 1887 г.—18 м. и 7 д. Изъ этой школы нѣсколько учениковъ поступили въ число учениковъ реального училища.

Наконецъ, въ 1892 году при православной церкви была основана церковно-приходская школа на 25 мальчиковъ, въ которой занимаются полковой священникъ и офицеры, и для которой на церковныя суммы былъ приобрѣтенъ домъ.

Въ Шурѣ въ значительной степени протекла дѣятельность барона П. К. Услара. Поэтому, какъ матеріалъ для будущей біографіи этого приснопамятнаго дѣятеля, кажется умѣстнымъ привести здѣсь тѣ свѣдѣнія о немъ и его дѣятельности, которыя намъ удалось найти въ архивѣ канцеляріи военнаго губернатора области. Для связи этихъ свѣдѣній не-

обходимо коснуться кое-чего и изъ того, что уже извѣстно въ печати; но, намъ кажется, повторять и извѣстное о такомъ лицѣ, какъ покойный Петръ Карловичъ, никогда не излишне.

Послѣ изученія чеченскаго языка ¹⁴²⁾, Усларь съ іюня мѣсяца 1863 г. приступилъ къ изученію языковъ Дагестана, которымъ онъ посвятилъ свою научную дѣятельность до самой смерти. Началъ онъ съ языка аварскаго, какъ наиболѣе распространеннаго въ Дагестанѣ, и уже 16 сентября того же года писалъ изъ Шуры А. П. Берже: „благодаря отличнымъ помощникамъ, пріисканнымъ мною, аварская грамматика вышла у меня весьма полная.“ Главнымъ сотрудникомъ его въ изученіи аварскаго языка былъ Айдемиръ Чиркеевскій, окончившій свою карьеру въ Турціи. Кромѣ грамматики аварскаго языка, Усларь вмѣстѣ съ Чиркеевскимъ издалъ нѣсколько книжекъ на аварскомъ языкѣ (сказки, букварь) для удовлетворенія потребности въ чтеніи. Вслѣдъ за аварскимъ языкомъ, Усларь изучилъ казикумухскій (лакскій) языкъ, главнымъ образомъ при помощи служившаго при кумухскомъ народномъ судѣ Абдуллы-Омаръ-оглы. Въ 1865 г. Омаръ-оглы, по рекомендаціи Услара, былъ командированъ въ Тифлисъ для наблюденія за печатаніемъ казикумухскаго букваря, составленнаго Усларомъ, котораго было напечатано 300 экземпляровъ; изъ нихъ 200 были присланы въ Дагестанъ для распространенія между лаками ¹⁴³⁾.

Вслѣдъ за симъ. Усларомъ были изучены языки хюркилинскій и кюринскій; наконецъ, онъ принялся за изученіе языка табасаранскаго и въ январѣ 1875 г. окончилъ обработку

¹⁴²⁾ Генераль Карцевъ писалъ князю Барятинскому 22 іюля 1862 г.: „чеченцы въ восторгѣ отъ азбуки Услара, и есть надежда, что русскій алфавитъ скоро заставитъ забыть арабскія буквы“. *Зиссерманъ*: „Фельд. князь Барят.“, II, 428.

¹⁴³⁾ Дѣла канц. нач. Даг. об., II отд., 1865, №№ 127 и 193.

его грамматики. Смерть застигла его за литографированіемъ этого труда.

Состоя по кавказской арміи, Усларь каждую зиму, начиная съ 1863 года, проводилъ въ Дагестанѣ ¹⁴⁴⁾, изучая языки при помощи туземцевъ. Интересныя подробности о своихъ занятіяхъ съ ними сообщаетъ онъ въ докладной запискѣ князю Л. И. Меликову отъ 23 марта 1874 года: „не могу не сознаться, „пишетъ онъ ¹⁴⁵⁾,“ что работа, налагаемая мною на горцевъ, для нихъ весьма тягостна. Нѣкоторые чужды всякихъ грамматическихъ понятій; другіе, изучившіе арабскую грамматику по невѣжественной методѣ, не допускаютъ даже существованія другой грамматики для родного языка. Ежедневныя занятія мои, въ продолженіе четырехъ, а иногда и болѣе часовъ, для нихъ, особенно сначала, совершенное истязаніе, котораго многіе не переносили и впадали въ полную апатію къ дѣлу, думая только о томъ, какъ бы отъ меня избавиться. Я вынужденъ бывалъ отсылать ихъ и опять начинать дѣло съ новыми, что влекло большую потерю денегъ и особенно времени. Такимъ образомъ, у меня перебивало пять смѣнъ табасаранцевъ. Много энергіи и усердія требовалось со стороны тѣхъ, которые доводили со мною дѣло до конца. Къ этому долженъ добавить, что кромѣ трудности занятій, пребываніе у меня горцевъ въ продолженіе цѣлыхъ годовъ сопряжено было для нихъ съ большими невыгодами. Въ продолженіе одиннадцатилѣтняго пребыванія моего въ Дагестанѣ въ занятіяхъ

¹⁴⁴⁾ Горское Управленіе, сознавая важность его занятій, отпускало ему изъ своихъ экстраординарныхъ суммъ пособія; такъ, въ 1875 г. ему для разтѣздовъ было отпущено 1000 руб., изъ которыхъ 3 мая 1875 г. онъ получилъ 500 руб. Дѣло канц. нач. области. 1875, II отд., № 48. При штабѣ войскъ Дагестан. области была заведена типографія, издавшая, между прочимъ, и нѣсколько книжекъ усларовскимъ шрифтомъ. Съ упраздненіемъ въ 1883 г. должности командующаго войсками Дагест. области типографія безслѣдно исчезла,—такъ же, какъ и довольно богатая (еще въ 1881 г.) бібліотека штаба.

¹⁴⁵⁾ Дѣло канц. нач. Даг. обл., II отд., 1874, № 69.

моихъ, болѣе или менѣе, участвовало около 20 горцевъ.“ Въ то время, когда Усларъ писалъ докладную записку, изъ нихъ осталось въ Дагестанѣ только двое: „житель Кюринскаго округа, сел. Мамрачь, писмоводитель словеснаго окружнаго суда, Казанфаръ-Зильфугаръ-оглы, съ 1867 г., когда только я нахожусь въ Дагестанѣ, командирруется въ мое распоряженіе. При исключительной помощи его я успѣлъ составить обширную грамматику, хрестоматию и словарь кюринскаго языка. Вполнѣ ознакомившись съ грамматическимъ и фонетическимъ строеніемъ горскихъ языковъ, онъ служить мнѣ дѣятельнымъ помощникомъ при изслѣдованіи табасаранскаго языка. Теперь онъ усердно трудится надъ постепеннымъ пополненіемъ составленнаго нами кюринскаго словаря. Сверхъ того, для упражненія кюринцевъ въ чтеніи, написалъ книгу, которая готова для печати. Табасаранецъ селенія Хяняль, Мулла-Абдуль-Селимъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ моихъ съ другими табасаранцами, усердіемъ своимъ успѣлъ въ продолженіе трехъ лѣтъ довести разслѣдованіе необыкновенно труднаго табасаранскаго языка до конца.“ Въ письмѣ къ начальнику Горскаго Управленія, отъ 30 декабря 1873 года ¹⁴⁶⁾ Усларъ сообщаетъ, что онъ своимъ помощникамъ туземцамъ платилъ по 1¹/₂ рубля въ сутки, и что Селимъ „одинъ изъ пяти табасаранцевъ, находившихся у него, не бросилъ дѣла.“

Важная учебно-практическая сторона лингвистическихъ изслѣдованій Услара состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, туземные языки Дагестана не имѣютъ своей письменности, а пользуются арабскимъ алфавитомъ ¹⁴⁷⁾. Такимъ образомъ изученіе арабскаго языка или, по крайней мѣрѣ, арабскаго алфавита въ мечетскихъ школахъ является необходимостью для горца. „Кромѣ моральнаго вліянія и монополіи воспита-

¹⁴⁶⁾ Дѣло канц. Нач. Дагест. обл., II отд., 1874, № 69.

¹⁴⁷⁾ О примѣненіи арабскаго алфавита къ горскимъ языкамъ см. изслѣдованіе Л. П. Загрускаго: „Кавказско-горская письменность“ (Сб. свѣд. о кавк. горцахъ, V).

ніа, у знатоковъ арабскаго языка есть и другія весьма могучія средства. Уже много вѣковъ назадъ горцы сознали необходимость письменности для скрѣпленія разнаго рода гражданскихъ договоровъ. Но письменность въ горахъ лишь одна; нотаріусами лишь знатоки арабскаго языка. Безъ таковыхъ ученыхъ горцы обойтись не могутъ. Для нашихъ административныхъ распоряженій въ горахъ необходима письменность; русская чужда горцамъ, туземной не существуетъ, существуетъ лишь одна арабская. Въ Дагестанѣ встрѣчаются горцы, воспитанники бывшихъ кадетскихъ корпусовъ, знающіе свой родной языкъ и языкъ русскій, но не знающіе арабскаго. Они могутъ занять лишь второстепенныя мѣста словесныхъ переводчиковъ. Волей или неволей мы сами поощряемъ изученіе враждебнаго намъ арабскаго языка. Такимъ образомъ, письменность, относящаяся даже до самыхъ необходимыхъ потребностей жизни, производится не иначе, какъ на языкѣ мертвомъ, весьма трудно изучаеомъ и въ лингвистическомъ отношеніи совершенно не сходномъ съ языками туземцевъ ¹⁴⁸⁾.”

Составляя алфавиты для изученныхъ имъ горскихъ языковъ, Усларъ въ основу ихъ клалъ алфавитъ русскій съ дополненіями знаковъ, вызываемыхъ звуками горскаго языка. Поэтому, введеніе такой письменности, почти одинаковой съ русской, могло имѣть весьма важныя послѣдствія. „Если удастся намъ ввести ее,“ пишетъ начальникъ области ¹⁴⁹⁾, „она можетъ не только остановить дальнѣйшее распространеніе арабскаго языка, совершенно непонятнаго массѣ, но и со временемъ вытѣснить его изъ употребленія по гражданскимъ дѣламъ и этимъ она дастъ намъ возможность сносятся съ народомъ не черезъ духовныхъ лицъ на арабскомъ языкѣ, а черезъ людей, обучившихся аварской грамотѣ, и со временемъ

¹⁴⁸⁾ Усларъ: о распространеніи грамотности среди горцевъ (Сборн. св. о Кавк. горцахъ, III, горская лѣтопись, 6).

¹⁴⁹⁾ Отчетъ начальника области по 1-е ноября 1869 г.

Значительно ослабить существующую нынѣ связь между дагестанскимъ и остальнымъ мусульманскимъ міромъ, поддерживаемую не одною только религіею, но большимъ распространениемъ въ здѣшнемъ народѣ арабской литературы. Кромѣ того, распространение аварской грамоты по составленной генераломъ Усларомъ азбукѣ окажетъ пользу и въ томъ отношеніи, что всякій выучившійся ей уже знаетъ русскую азбуку... Если народъ дошелъ уже до такого развитія, что уже имѣетъ письменность, то, конечно, будетъ гораздо благоприятнѣе для нашихъ видовъ, если письменность эта будетъ не арабская, которая усиливаетъ связь дагестанскихъ обществъ съ мусульманскимъ Востокомъ, и изъ которой почерпаются и начинаются всѣ возникающія въ Дагестанѣ фанатическія ученія, столь сильно задерживающія стремленія наши къ прочному водворенію въ немъ нашей власти. Если бы въ настоящее время была возможность думать о замѣнѣ арабской письменности прямо и непосредственно русскою, то, разумѣется, не было бы никакой надобности въ созданіи новой. Между тѣмъ эта письменность, основаніемъ которой послужила русская азбука, постепенно вытѣсняя арабскую, значительно облегчитъ распространение въ народѣ русской грамоты.“

Въ виду такихъ соображеній были приняты мѣры для распространенія грамотности на туземныхъ языкахъ по системѣ Услара, но, къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ, а можетъ быть и энергіи, помѣшалъ довести дѣло до конца, и попытки парализовать вредное вліяніе арабской письменности такъ и остались попытками.

Въ концѣ лѣта 1865 года, какъ только былъ отпечатанъ аварскій букварь барона Услара, и были ассигнованы, съ разрѣшенія В. Кн. Намѣстника, 2000 руб., изъ запаснаго капитала горскихъ школъ на расходы въ теченіе двухъ лѣтъ по обученію новой грамотѣ; въ Хунзахѣ, какъ центрѣ аварскаго племени, была открыта школа на 15 человекъ, въ которую преподавателемъ былъ назначенъ Айдемиръ Чиркеев-

скій. Затрудненіе въ пріисканіи помѣщенія для школы, въ особенности на наступавшую зиму, дороговизна топлива и другія обстоятельства были причиною, по которой къ осени того же 1865 года школа была переведена изъ Хунзаха въ Шуру, гдѣ и началось обученіе аварской грамотѣ. Первоначально проектировалось принять сюда 15 молодыхъ людей, чтобы они могли потомъ распространить грамотность между аварскимъ населеніемъ. Но практическія соображенія взяли верхъ; имѣя въ виду, что первымъ практическимъ результатомъ обученія новой грамотѣ должно быть введеніе официальной переписки нашей на аварскомъ языкѣ, начальникъ области вызвалъ въ школу, по очереди, письмоводителей наибскихъ управленій и судовъ Гунибскаго, Аварскаго и Андійскаго округовъ; кромѣ того, были приняты въ школу и другіе горцы, желавшіе учиться аварской грамотѣ.

Несмотря на преклонность лѣтъ многихъ, ученики этой школы выучивались въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ свободно читать и писать по аварски, и письмоводители, возвратившись къ своимъ должностямъ, уже могли вести официальную переписку на природномъ языкѣ. Еще скорѣе выучивались новой грамотѣ почти всѣ переводчики изъ туземцевъ.

Учащихся было вызвано нѣсколько смѣнъ, но чрезъ два года школа закрылась. Несмотря на свое недолгое существованіе, школа научила грамотѣ 100 человекъ, въ числѣ которыхъ были и молодые люди, и служащіе, были и муллы пожилыхъ лѣтъ, и несовершеннолѣтніе ¹⁵⁰⁾. Еще эфемернѣе было существованіе открытыхъ наподобіе шуринской школы—школъ въ Гунибѣ (аварской письменности) и Казикумухъ (для обученія казикумухской письменности также по алфавиту Услара). Гунибская школа была открыта 1 февраля 1867 года, но

¹⁵⁰⁾ Отчетъ за 1869 г., также „Библиограф. замѣтки“ въ Сб. св. о Кавк. горцахъ, I, 1868, и III, горская лѣтопись, 25—26.

существовала лишь до 16 июня того же года. Нѣсколько продолжительнѣе было существованіе Казикумухской школы, открытой 11 сентября 1866 г.: она закрылась 1 июня 1867 года. Учителемъ въ нее былъ назначенъ состоявшій при горскомъ управленіи юнкеръ милиціи Абдулла-Омаръ-оглы. При открытіи школы въ нее было принято 15 учениковъ, изъ нихъ 1 переводчикъ, 5 письмоводителей набобовъ и 9 жителей округа. Въ январѣ 1867 года ученикамъ было произведено испытаніе, послѣ котораго всѣ были выпущены изъ школы, за исключеніемъ двухъ жителей, знанія которыхъ были признаны недостаточными, почему они были еще оставлены въ школѣ. Взамѣнъ выпущенныхъ было принято 13 новыхъ жителей сел. Кумуха, Кулы, Бухты, Каа, Кара и Кунды.

Существованіе школъ обошлось въ 2005 р. 27 к., изъ нихъ на Гунибскую израсходовано 473 р. 21 коп., на Казикумухскую 1145 р. 14 коп. и на Шуринскую 386 р. 92 к. ¹⁵¹⁾.

Сверхъ устройства школъ, распространенію аварской и казикумухской письменности помогали выдачею денежныхъ премій: В. Кн. Намѣстникъ разрѣшилъ выдавать по 5 р. за каждаго мальчика или взрослога, обученнаго новой грамотѣ. Въ 1870 году на награды и вознагражденіе тѣмъ лицамъ, которыя занимаются распространеніемъ грамотности на туземныхъ языкахъ, была ассигнована 1000 рублей.

Дѣло распространенія усларовской письменности на томъ и остановилось. „Разумѣется, дѣло это“, пишетъ начальникъ области въ 1869 году, „по новизнѣ и трудности его, не могло имѣть замѣтныхъ успѣховъ въ такое короткое время. При томъ ученые и духовныя лица, завидѣвъ въ немъ большую опасность для своей профессіи, отнеслись къ нему весьма враждебно и тайно стараются противодѣйствовать распространенію въ народѣ аварской грамоты.“

¹⁵¹⁾ Дѣло канц. Нач. Даг. обл., по учебн. части, 1866, № 12.

Съ закрытіемъ школъ прекратилось и дѣло обученія. „Хотя ученики,“ доносить военный начальникъ средняго Дагестана въ 1870 году ¹⁵²⁾, „обучавшіеся въ означенныхъ школахъ, по возвращеніи въ селенія, съ охотою были готовы передавать свои знанія другимъ, но, по новости письма отъ лѣвой руки къ правой, и такъ какъ все здѣшнее народонаселеніе предпочитаетъ учиться читать и писать на арабскомъ языкѣ, то желающихъ изучить аварскую и казикумухскую азбуки было очень мало, а въ послѣдствіи и вовсе не было, между тѣмъ многіе ученики Гунибской и Казикумухской народныхъ школъ также оставили заниматься чтеніемъ и письмомъ на мѣстныхъ языкахъ, поэтому нужно полагать, что теперь немногіе изъ учившихся удовлетворительно могутъ читать и писать.“ При этомъ начальникъ средняго Дагестана прибавляетъ, что „первоначально, съ открытіемъ народной школы въ среднемъ Дагестанѣ, въ теченіе 8 или 9 мѣсяцевъ, легкая офиціальная переписка производилась на мѣстныхъ (аварскомъ и казикумухскомъ) языкахъ, но, впослѣдствіи, по невозможности письменно выражать на этихъ языкахъ нѣкоторыя мысли, какія легко выразить на арабскомъ, офиціальныя отношенія на аварскомъ и казикумухскомъ языкахъ почти прекратились, и въ настоящее время переписка ведется преимущественно на арабскомъ языкѣ.“ Въ то же время начальникъ западнаго Дагестана доносилъ, что „переписка на аварскомъ языкѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, не производится по слѣдующимъ причинамъ: тѣ изъ горцевъ, какъ, на примѣръ, письмоводители, кои изучили новую грамотность, уже зная арабскую, предпочитаютъ эту послѣднюю, во 1-хъ, потому, что она, вслѣдствіе долгой практики, усвоена ими гораздо тверже первой, во 2-хъ, приходится чаще писать къ такимъ лицамъ, которыя не знакомы съ новою грамотностью. Другіе

¹⁵²⁾ Дѣло канц. Нач. Даг. обл., по учеб. части, 1869, № 19.

горцы, которые изучили новую письменность при управленіяхъ, не зная арабской, забываютъ ее по истеченіи извѣстнаго времени по возвращеніи домой, вслѣдствіе неимѣнія практики, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣя дѣло съ лицами, незнакомыми съ новою письменностью, они должны прибѣгать къ помощи писцовъ на арабскомъ языкѣ.“ По свѣдѣніямъ, доставленнымъ военными начальниками средняго и западнаго Дагестана, лицъ, знавшихъ въ 1870 г. новую грамотность, было: въ Гунибскомъ округѣ—63 (изъ нихъ 3 училось въ Т.-Х.-Шуринской школѣ, 10 у учившихся въ школѣ, 50 въ Гунибской школѣ), въ Казикумухскомъ округѣ—51 (изъ нихъ 43 въ Казикумухской школѣ, 8 у учившихся въ школахъ), въ Аварскомъ округѣ—45 и въ Андійскомъ округѣ—10, всего—169 человекъ. Таковъ былъ результатъ пропаганды усларовскаго алфавита, теперъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ забытаго въ Дагестанѣ.

Этимъ мы оканчиваемъ наши очерки исторіи города Темиръ-Ханъ-Шуры: будущіе историки Дагестана, располагающіе бблшимъ матеріаломъ, разовьютъ и уяснятъ то, что нами лишь намѣчено, и исправятъ невольныя неточности и ошибки.

Мы видѣли, что Шура, основанная и выстроенная русскимъ солдатомъ среди враждебнаго населенія, выполнила свою историческую задачу: она поддержала русское господство въ Дагестанѣ, служила точкою опоры для этого господства, столь благотѣльнаго въ интересахъ цивилизаціи и культуры. Отживъ свой героическій, военный періодъ, она сдѣлалась центромъ гражданскаго строя и гражданственности, которая стала распространяться изъ нея не только путемъ административнаго воздѣйствія, но, что еще болѣе важно, путемъ образованія, исходящаго изъ ея среднихъ учебныхъ заведеній, единственныхъ въ Дагестанѣ. Остается пожелать, чтобы память о научной дѣятельности П. К. Услара способствовала

Шуръ сдѣлаться центромъ и по изученію исторіи и природы, языка и жизни обитателей Дагестана. Учрежденіе въ ней губернской архивной комиссіи, на основаніи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 6 мая 1884 г. (№ 10), было бы важнымъ шагомъ въ этомъ отношеніи.

Е. Козубскій.

ИЗЪ ДРЕВНОСТЕЙ СЕЛЕНІЯ ЧЕНАХЧИ

(Елисаветпольской губерніи, Шушинскаго уѣзда).

Кусанацъ анапатъ *).

Монастырь „Кусанацъ анапатъ“ находится въ селеніи Ченахчи. Онъ построенъ на самомъ краю селенія, на отдѣльно возвышающейся скалѣ, у подошвы которой протекаетъ рѣчка, образуя въ своемъ теченіи нѣсколько незначительныхъ водопадовъ, которыми пользуются жители для устройства своихъ незатѣйливыхъ мельницъ. Съ южной стороны скала эта совершенно отвѣсно спускается къ рѣчкѣ; восточная сторона ея раздѣлена трещинами на нѣсколько частей, грозящихъ паденіемъ, а западная опирается на древнія крѣпостныя ворота, оканчивающіяся „кашкатумомъ“ (т. е. домою чертей). Селеніе соединяется съ монастыремъ довольно доступною дорогою.

Во имя какого святого или въ память какого событія построенъ монастырь,—нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній; точно также не извѣстенъ и годъ его основанія, но преданіе считаетъ строителемъ монастыря агванскаго (албанскаго) царя Вачагана III, который, принявъ магометанство, въ послѣдствіи раскаялся въ своемъ заблужденіи, построилъ монастырь и провелъ въ немъ остатокъ жизни въ чтеніи евангелія; съ этихъ поръ и селеніе стало называться „Аветараноцъ“, т. е. мѣстность, гдѣ хранится евангеліе.

Монастырь съ давнихъ временъ служилъ пріютомъ сестеръ-монахинь, проводившихъ безмятежно время въ чтеніи евангелія. Но эта тихая жизнь прерывается нашествіемъ

*) Дѣвичій монастырь.

Ага-Магометъ-шаха въ 1797 году. Преданіе говоритъ, что, когда персидскіе сарбазы (солдаты) ворвались въ селеніе, монахини успѣли скрыться въ сосѣдній лѣсъ. Только одна изъ нихъ вернулась за какой-то оставленной ею второпяхъ нужною вещью. Какъ только она вышла изъ монастыря, надъ самою ея головою засверкалъ мечъ сарбаза. Улучивъ минуту, она прибѣжала на край скалы, призвавъ на помощь Св. Троицу и Богоматерь, бросилась со скалы, съ помощью невидимой силы безъ вреда опустилась со страшной высоты на землю и скрылась въ лѣсъ. Во время этого же нашествія между прочей драгоцѣнной утварью монастыря была унесена и часть отъ Животворящаго креста, вдѣланная въ серебряную оправу. Но спустя шесть мѣсяцевъ, крестъ этотъ, преобразившись въ сокола, улетѣлъ изъ плѣна, прилетѣлъ въ родное мѣсто и принялъ первоначальную форму.

Другое преданіе гласитъ, что по Свѣтлымъ Воскресеньямъ ежегодно къ монастырю являлся добровольно, какъ свыше посланная жертва, олень и подставлялъ свою шею подъ ножъ; но въ настоящее время за грѣхи народа Богъ прекратилъ свою милость.

Монастырь построенъ изъ мѣстнаго тесанаго камня, по мѣстамъ сплошной кладкой съ известковой заливкою. Зданіе имѣетъ форму базилики съ простой крышей на два ската, обросшей мохомъ, травой и кустами шиповника. На восточномъ углу крыши укрѣпленъ прямоугольный камень, на которомъ изображенъ крестъ. Планъ монастыря представляетъ форму креста. Длина строенія—12 арш., а ширина—8. Монастырь имѣетъ одинъ притворъ съ юго-западной стороны. Здѣсь погребены нѣкоторые благочестивые изъ монахинь и меликовъ. Кромѣ притвора, имѣется еще отдѣльная пристройка, въ которой жили сестры. Южная стѣна имѣетъ одно, а восточная—три узенькихъ окна, безъ всякихъ украшеній, сквозь которыя проходитъ скудный свѣтъ. Алтарная часть, съ двухъ сторонъ

которой находятся два тайника, скрыта въ толщѣ стѣны. По срединѣ ея находится каменный престолъ, на которомъ укрѣплена икона Скорбящей Божіей Матери. Два столба изъ тесаного камня поддерживаютъ стрѣльчатые своды. Три арки между столбами выложены гладкими каменными поясами, покрытыми множествомъ мелкихъ надписей, которыя разбираются весьма трудно, какъ по причинѣ высоты арокъ и царящаго подъ ними сумрака, такъ и, главнымъ образомъ, по причинѣ древности письменъ. Въ наружныя стѣны вставлены большіе камни съ прекрасными орнаментами. Монастырь передѣланъ, при чемъ вставленъ новый наддверный камень (см. рис. 2). Кругомъ монастыря была высокая каменная ограда, но нынѣ видны только жалкіе слѣды ея.

„Кусанацъ анапатъ“ никогда не былъ да и нынѣ не служитъ приходской церковью. Иногда только совершается въ немъ мѣстными священниками молебствіе для избавленія отъ Богомъ посланной кары, какъ-то: засухи, града, заразительныхъ болѣзней, полевыхъ мышей, саранчи и т. д. Небольшая ровная площадь передъ монастыремъ служитъ мѣстомъ увеселеній сельской молодежи обоюга пола въ праздничные дни.

Древнее кладбище.

Къ юго-западу отъ сел. Ченахчи находится древнее кладбище. Оно занимаетъ огромное пространство, по которому разбросаны во множествѣ простыя каменные глыбы, не имѣющія никакого сходства съ надгробными камнями позднѣйшихъ временъ. Незнакомецъ весьма трудно убѣждается въ томъ, что эти глыбы суть надгробные камни, но стѣдуетъ немного выкопать подъ ними землю, какъ покажется какая-нибудь часть скелета; по этимъ камнямъ онъ ясно представляетъ то далекое прошлое, съ которымъ связана исторія села. Среди этихъ глыбъ попадаются надгробные памятники съ такими

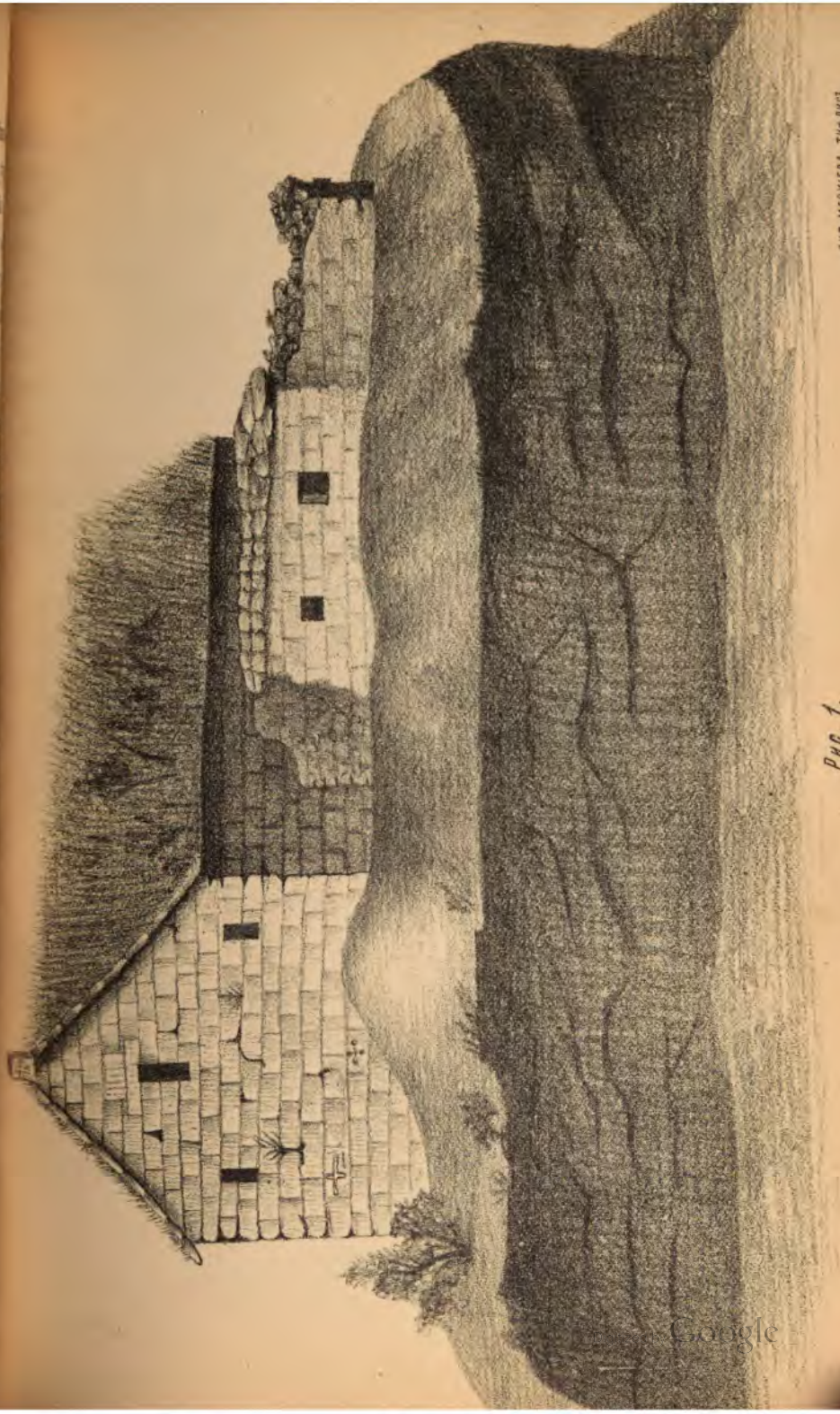

Рис. 1.

Д-р. МЕХИЕВА ТИФЛИС

Рис. 2.

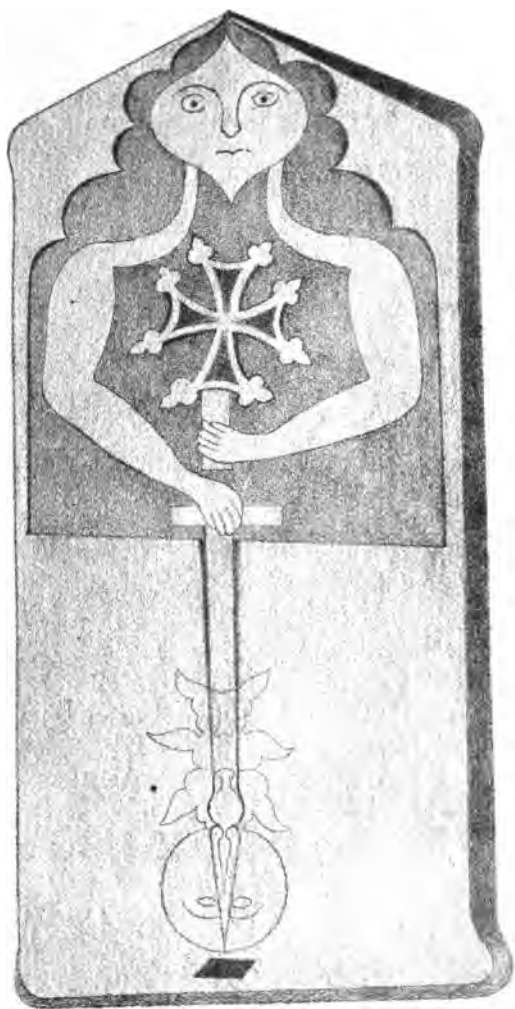

Рис. 3.

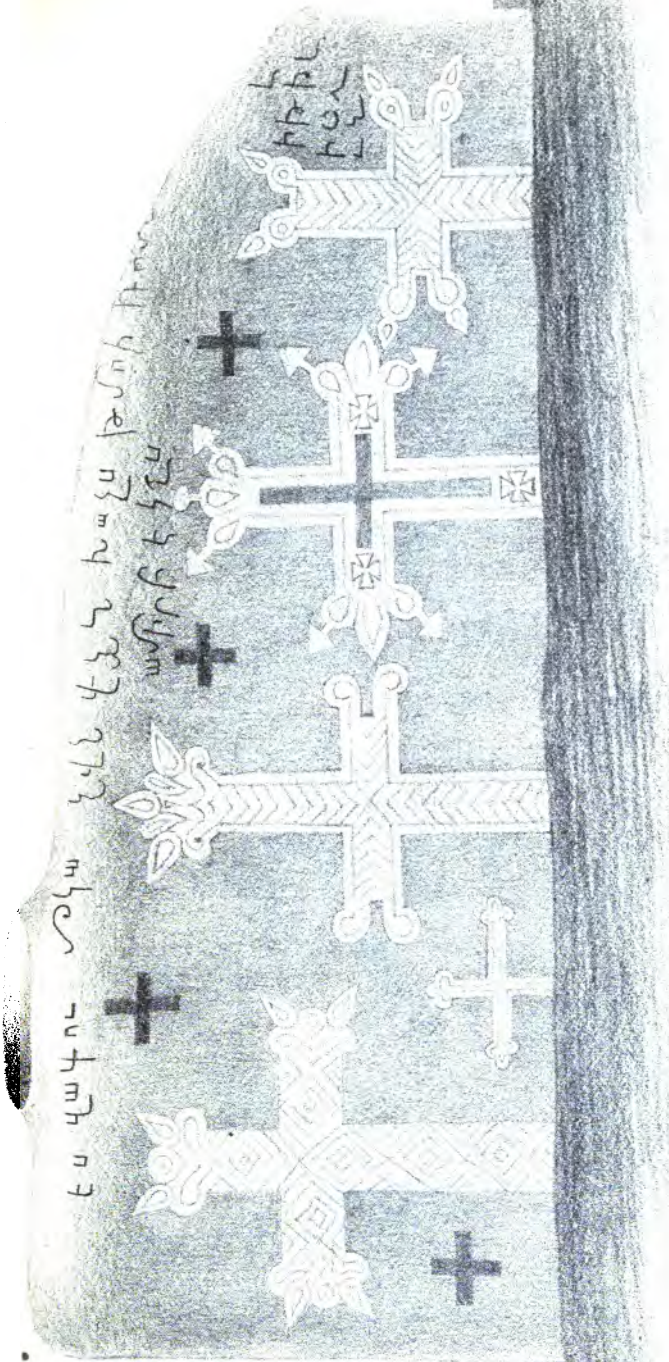
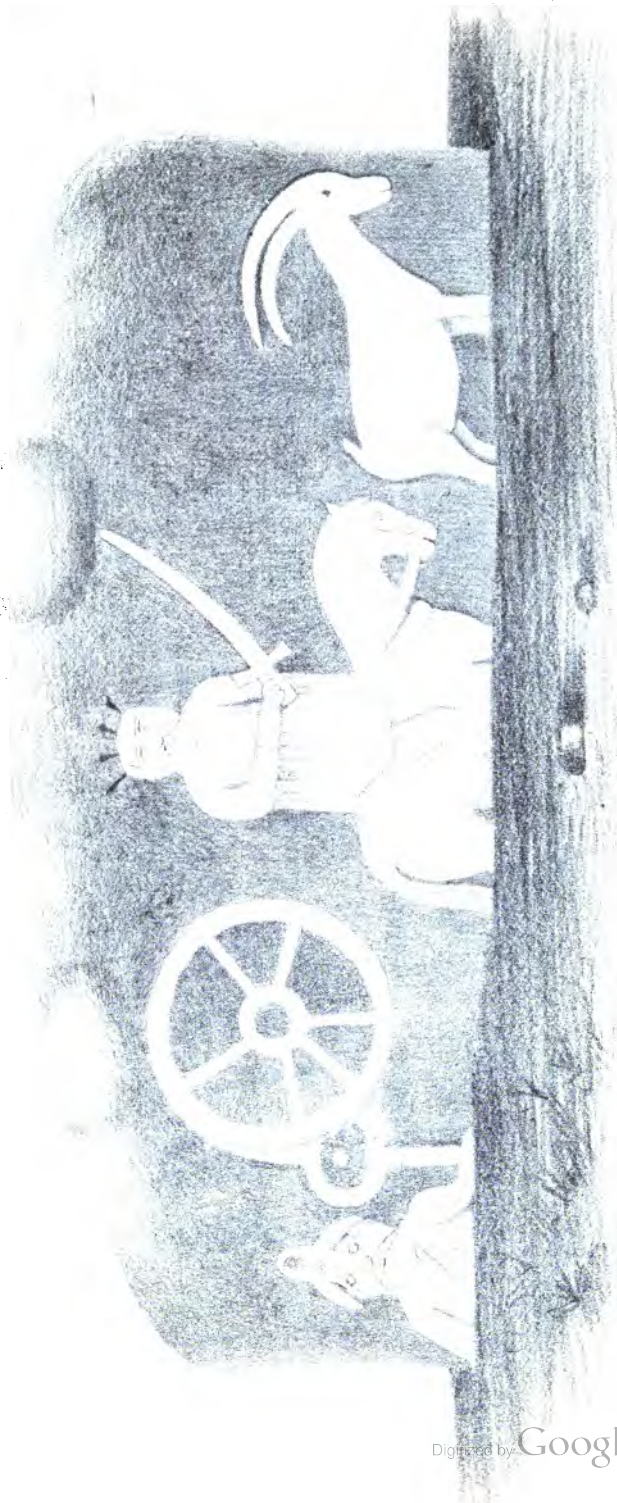

Рис. 4.

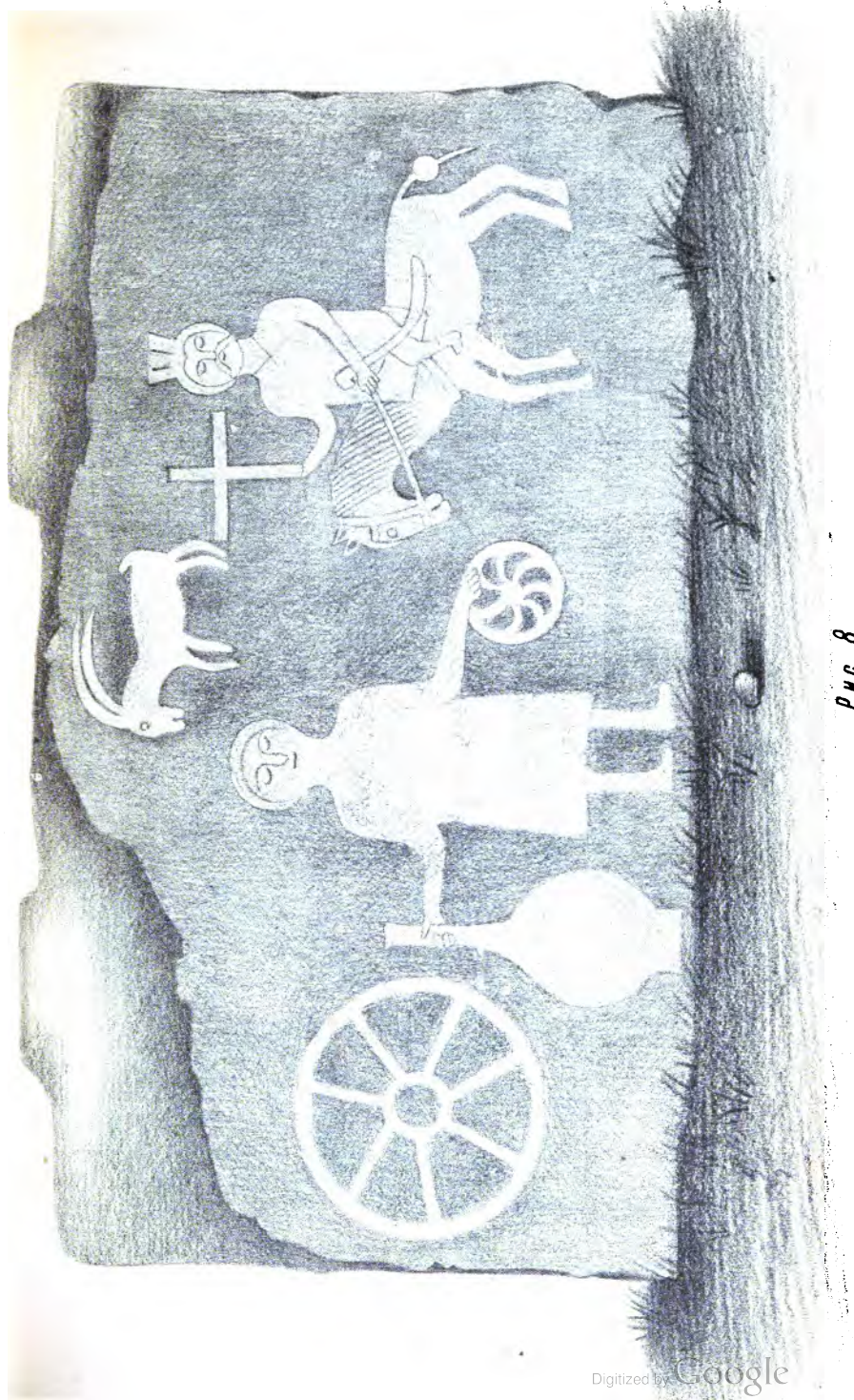
Pl. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

पृ. ८.

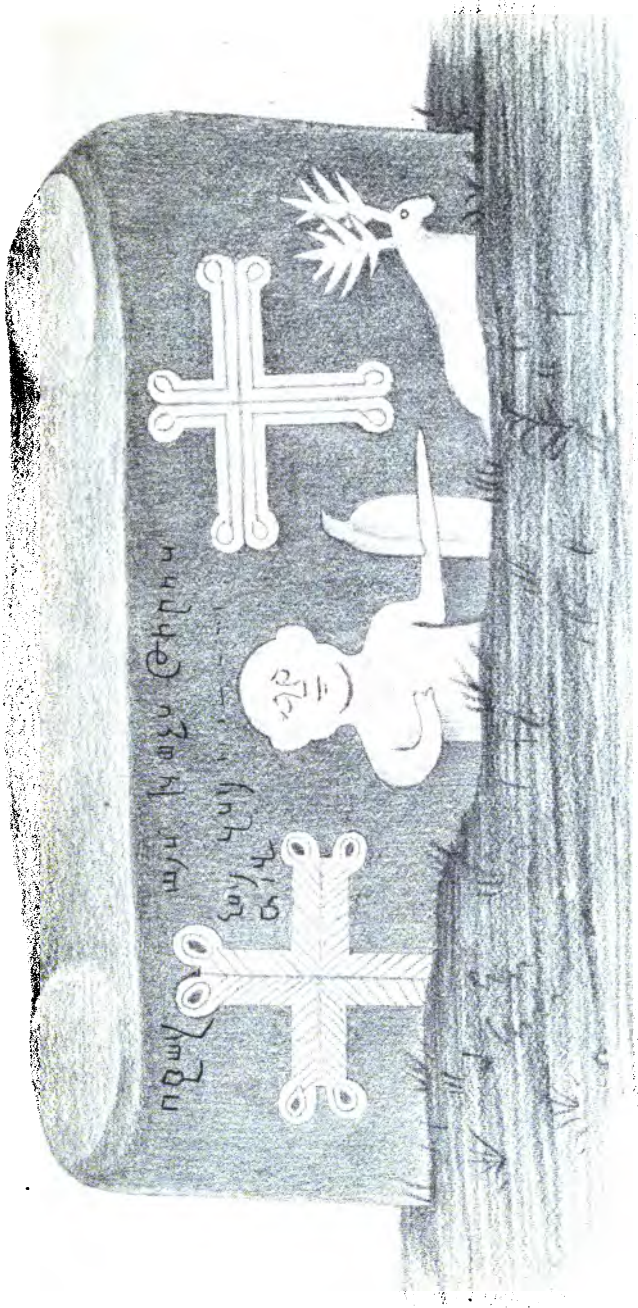

Рис. 9.

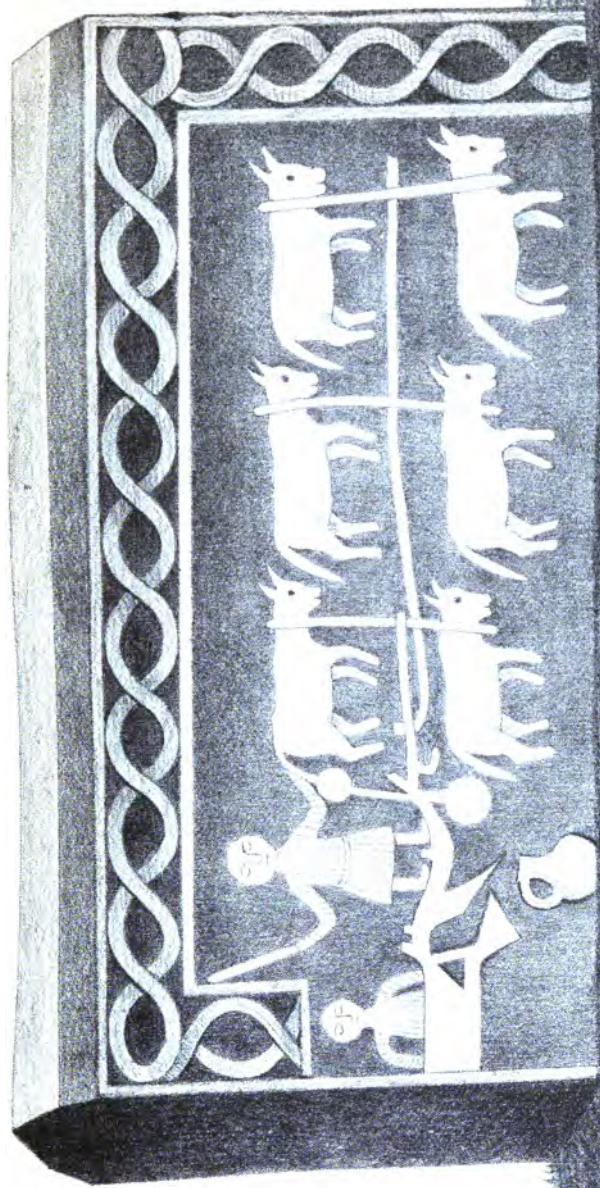
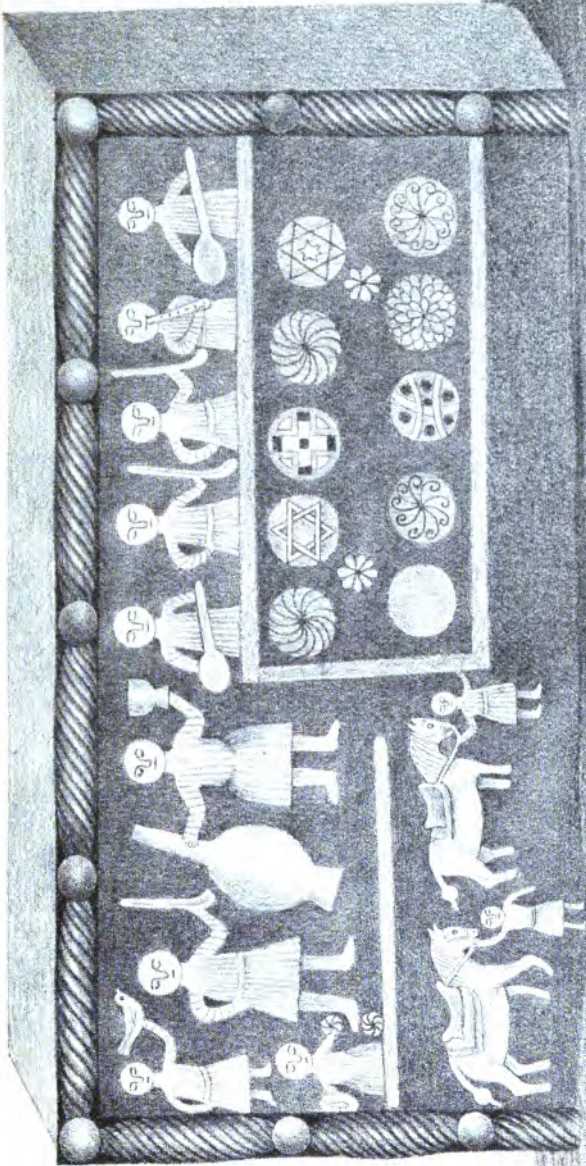

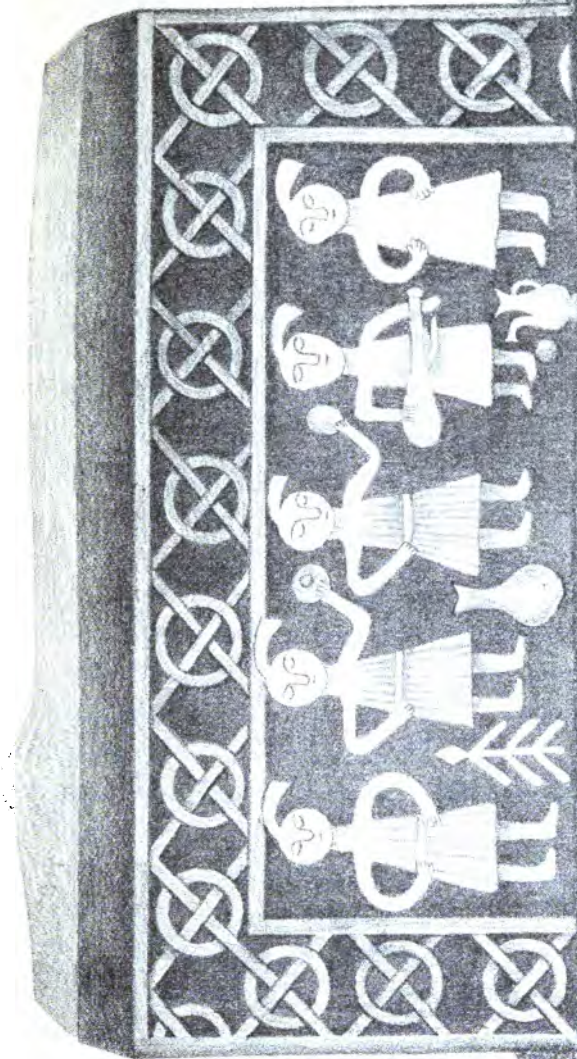
Рис. 10.

ANT. TESSIEREYER 1910/11

Plac. II.

ANT. MUS. BRIT. MUSEUM.

THE MIDDLE "MIDDLE"

PH. 12.

красивыми орнаментами, которые трудно поддаются описанію.

Ченахчинцы увѣряютъ, что селеніе когда-то нѣсколько вѣковъ сряду служило резиденціей албанскихъ царей и католикосовъ страны. Это увѣреніе жителей не лишено вовсе основанія: доказательствомъ можетъ служить то, что нынѣшній Варандинскій участокъ (Шуш. уѣз.), въ которомъ находится и сел. Ченахчи, когда-то составлялъ часть древней Албаніи; почему же не предположить, что удобная и защищенная природой мѣстность селенія, вслѣдствіе исторически-сложившихся обстоятельствъ, могла побудить албанскихъ царей къ перенесенію резиденціи именно сюда. Къ тому же нѣкоторые надгробные камни съ изображеніемъ челоуѣка въ коронѣ указываютъ на царскихъ особъ или знаменитыхъ князей страны. Каждое такое изображеніе представляетъ охоту на оленей, сернь и дикихъ козъ, встрѣчаемыхъ въ изобиліи еще и теперь, въ здѣшнихъ мѣстахъ. Такой охотой могли заниматься лишь знатныя особы. Нѣкоторые говорятъ, что на кладбищѣ погребены и католикосы, но едва ли изображенія, о которыхъ здѣсь рѣчь, могутъ относиться къ нимъ (вѣнцы). На многихъ камняхъ изображены концентрическіе круги съ неправильно расходящимися отъ меньшаго центральнаго круга радіусами. Такіе волесовидные круги означаютъ хлѣбъ тогдашней эпохи. Если такой хлѣбъ изображенъ на камнѣ, то значитъ, погребенный подъ нимъ отличался особенной щедростію. Камни, такъ стерты, что вовсе не представляется возможности не только снимать калькой надписи, но и читать.

Надгробный камень, изображенный на рисункѣ 3-мъ находится въ притворѣ монастыря „Кусанацъ-анапата“. Подъ нимъ, говорятъ, погребена дочь царя Вачагана, строителя монастыря; она же—первая монахиня „Кусанацъ-анапата“.

Остальные камни находятся на общемъ кладбищѣ. На нихъ не указаны ни годы погребенія, ни имена погребенныхъ. Только на одномъ памятникѣ (рис. 4-й), обратная сторона ко-
в. XIX, отд. I.

тораго представлена на рис. 5-мъ, разбирается слово Ամիր-բեկ... т. е. „я, Амиръ-бекъ...“ Остается неизвѣстнымъ, погребень-ли подь камнемъ самъ Амиръ-бекъ, или Амиръ-бекъ въ честь своего отца, дѣда или кого-нибудь другого воздвигъ сей памятникъ. Подобныхъ надгробныхъ камней на армянскихъ кладбищахъ встрѣчается много.

На рисункѣ 6-мъ изображенъ человекъ на конѣ, съ короной на головѣ и обнаженной саблей въ рукѣ, намѣревающийся убить дикаго козла. За нимъ изображенъ знакъ его щедрости—хлѣбъ.

На рисункѣ 7-мъ изображенъ также человекъ на конѣ и съ короной на головѣ. Онъ держитъ въ правой рукѣ крестъ; съ боку виситъ шашка; подь передними ногами лошади—змѣя; лошадь въ полной сбруѣ; корона напоминаетъ царскую. Человекъ этотъ (можетъ быть царь) былъ, очевидно, християнинъ, храбръ, побѣждалъ враговъ, на что указываетъ раздавленна копытами лошади голова змѣи,—олицетвореніе врага, и вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ охоту и веселье (вино и балалайка). По срединѣ изображенъ, должно полагать, одинъ изъ придворныхъ, который въ одной рукѣ держитъ глиняный кувшинъ съ виномъ, а въ другой—кубокъ.

На рис. 8-мъ изображенъ такой же человекъ, какъ на предыдущемъ камнѣ, съ нѣсколько видоизмѣненной короной и подвязаннымъ въ узелъ хвостомъ коня.

Изображеніе на рисункѣ 5-мъ почти не различается отъ первыхъ двухъ, за исключеніемъ видоизмѣненной короны. Оно также представляетъ человека въ коронѣ, съ обнаженной саблей, готовый поразить козла. За нимъ, должно быть, его тѣлохранитель держитъ въ рукѣ незнакомый намъ предметъ.

На надгробномъ камнѣ, представленномъ на рисункѣ 9-мъ, разбираются слова „...սյս խաչի Թորոս...“, т. е. „...сей крестъ (памятникъ) Торось...“ (Теодоръ). По всей вѣроятности, эти слова, по значенію, подобны вышесказаннымъ: „я, Амиръ-бекъ...“ Изображенный держитъ лукъ, употреблявшійся на охотѣ.

Рисунокъ 10-й изображаетъ распашку поля. Въ соху запряжены три пары быковъ. Возлѣ сохи—кувшинъ съ водой.

На надгробномъ камнѣ, который представленъ на рисунокѣ 11-мъ изображена сцена свадьбы или, вообще, пирушки. Съ одной стороны накрытъ столъ, и на немъ разставлены разноцвѣтныя тарелки; по двумъ концамъ стола поставлено по солонкѣ. Пирующие танцуютъ подѣ звуки балалаекъ извѣстный среди туземцевъ старинный танецъ „или“. Одинъ изъ нихъ держитъ на лѣвой рукѣ сокола, а двое конюховъ держатъ за узду двухъ осѣдланныхъ лошадей.

На надгробномъ камнѣ, изображеномъ на рисунокѣ 12-мъ, также представлена сцена пирушки.

Весьма живописныхъ по отдѣлкѣ надгробныхъ камней на кладбищѣ сел. Ченахчи очень много, но они уже относятся къ позднѣйшей эпохѣ, поставлены лѣтъ 200—250 тому назадъ, каковы надгробные памятники нѣкоторыхъ меликовъ, бывшихъ владѣтелей Варанды. Между ними отличаются изяществомъ и величиною памятники надъ могилами Меликъ-Шахназара и его отца Меликъ-Гусейна.

Смотритель Арцеваницкаго

училища *Е. Мемкъ-Шахназаровъ*

СЕЛЕНІЕ СОРИ

(Рачинскаго уѣзда, Кутамской губерніи).

Положеніе границы поверхность.

Село Сори лежитъ на правомъ берегу р. Ріона, въ 12 верстахъ отъ м. Они, къ юго-западу отъ него *). Оно граничитъ съ в. горою „Чались-мта“ и отчасти р. Ріономъ, съ з. Лихетскою горою, съ с. горою „Купрись-цвери“, а съ ю. р. Ріономъ, на лѣвомъ берегу которой возвышается отрогъ Пощхревскихъ горъ. Всѣ вышеозначенныя возвышенности составляютъ продолженіе горныхъ цѣпей главнаго Кавказскаго хребта.

Всѣ владѣнія села Сори занимаютъ около 190 к. в. пространства (19 в. длиною и 10 в. средней ширины) и дѣлятся на двѣ части: сѣверную и южную; между ними лежитъ возвышенность, называемая „Гадамшко-Урекаульской“ цѣпю, которая отдѣляется отъ г. „Купри“, составляющей вѣтвь главнаго Кавказскаго хребта.

Сѣверную часть владѣній села составляетъ узкое ущелье, подъ названіемъ „Мигмрти“; оно служитъ долиною рѣчки Сонтарули, праваго притока р. Ріона. Сонтарули вытекаетъ изъ горы Купри и впадаетъ въ р. Ріонъ въ самомъ селеніи. Мигмрти находится между двумя цѣпями горъ: Чалско-Гадамшко-Урекаульской и Лихетскою, и тянется въ длину на 16 верстъ. Ущелье это сплошь покрыто прекраснымъ строевымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ дуба, липы, граба, сосны, бука, клена, вяза, кашта-

*) Подъ 60° 56' восточной долготы, считая отъ меридіана, проведеннаго черезъ остр. Ферро, и 42° 34' сѣверной широты, на высотѣ 2650 футовъ отъ уровня моря.

новаго дерева и нѣкоторыхъ другихъ. Лучшія по положенію и почвѣ мѣста этой лѣсной дачи съ годами все больше и больше обращаются жителями въ пашни, которыя здѣсь называютъ „ахо.“ Ахо можетъ давать урожай не болѣе 10—12 лѣтъ сряду; истощенное ахо оставляется на отдыхъ дѣтъ на 15. Нѣкоторыя мѣста, будучи оставлены на отдыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ для сѣнокоса и пастбищъ.

Южную часть владѣній Сори составляетъ равнина, которая тянется отъ востока къ западу, до лѣваго берега р. Сонтарули, въ длину на 5 версты и въ шир. до одной версты. Восточная половина этой равнины, называемая „Цинети“, служитъ выгономъ для скота; западная же половина занята пахатными землями, пространствомъ въ 250 десятинъ. Большая часть поселянъ села Сори живетъ въ сѣверной части этой мѣстности, которая называется „Земо-Сори (верхній Сори).

По правому берегу рѣчки Сонтарули, къ западу отъ нея, тянется другая равнина, имѣющая въ длину 3 версты, а въ ширину до $\frac{3}{4}$ версты. Эта мѣстность немного (футовъ на 30) выше равнины занятой Земо-Сори, но чѣмъ западнѣе, тѣмъ больше понижается, дѣлается шире и оканчивается равнинами, обращенными въ пахатныя поля и пастбища; она носитъ названіе „Скадора.“ Въ восточной части этой равнины, близъ рѣчки Сонтарули, расположена другая часть селенія Сори, называемая „Квемо-Сори“ (нижній Сори); къ Квемо-Сори же относится нѣсколько дворянскихъ дворовъ, находящихся на лѣвомъ берегу рѣчки.

Во всю длину мѣстности, занятой Земо-Сори, съ южной стороны, тянется верстъ на 5 въ длину и на $\frac{1}{2}$ версты въ ширину полоса, покрытая пескомъ и камнями, называемая „рике“ (мель); около $\frac{2}{8}$ ея поросло лѣсомъ изъ ольхи, колючимъ кустарникомъ и др. растеніями. Эта песчаная равнина 20 лѣтъ тому назадъ представляла культурную площадь, служившую пашнею, но, будучи ежегодно затопляема р. Ріономъ,

она превратилась въ его временное русло, загроможденное его наносами и изрѣзанное его рукавами. Имѣя множество болотъ и ключей, „рике“ отличается влажностью почвы, благопріятствующею произрастанію травъ и другихъ растений, и потому, даже и во время продолжительной засухи, служитъ хорошимъ выгономъ для скота, а равно и мѣстомъ охоты, какъ на перелетную, такъ и на зимующую птицу.

Вообще, село Сори, по устройству поверхности представляетъ котловину. На югѣ этой котловины, по лѣвому берегу р. Ріона, тянется, какъ сказано выше, вѣтвь Кавказскаго хребта, подъ названіемъ „Поцхреви“; на сѣверномъ склонѣ ея, противъ села Сори, расположились села Шардомети и Парахети. Но сообщенія между Сори и означенными селами, по причинѣ бурнаго теченія р. Ріона, не бываетъ, за исключеніемъ времени зимняго мелководья, хотя разстояніе между ними не превышаетъ 1½ верстъ. Къ востоку отъ с. Сори, на разстояніи 20 верстъ отъ него, на горизонтѣ, надъ сказанною Поцхревскою возвышенностью, имѣющею высоту отъ уровня моря 7000 ф., виднѣется голая, крутая скала „Шкмерись-кде“, которая поднимается на 880 фут. надъ Поцхреви. Почти по срединѣ скалы „Шкмерись-кде“ видна каменная постройка въ 9 кв. арш.; прижавшаяся къ скалѣ наподобіе птичьяго гнѣзда. По народному преданію, постройка эта относится ко времени царствованія грузинской царицы Тамары и служила для нея церковью; это—„дедоплись сактари“ (დედაპლის საკთარი), т. е. церковь царицы. По недоступности „дедоплись сактари“, какъ построенной на высокой скалѣ, о внутренней ея обстановкѣ ничего не извѣстно. Разстояніе отъ всѣхъ краевъ скалы до постройки будетъ не меньше 15 саж.

Жители Сори живутъ отдѣльными группами, по фамиліямъ; эти поселки называются „убани“ (უბანი). Въ „Земо—Сори“ такихъ убани пять; а въ „Квемо-Сори“—два. Кромѣ этихъ жителей, въ ущельи „Мигмрти“, на правомъ берегу р. Сонта-

рули, находится 4 двора. Группы эти посредством узких и кривых дорожек, называемых „шара“, соединяются съ главною Военно-осетинскою дорогою, пролегающею по срединѣ села, отъ запада къ востоку.

Дворовъ жители села, за исключеніемъ зажиточныхъ дворянъ, не имѣютъ, а если имѣютъ, то весьма узкіе: отъ 10 до 20 кв. саж.; большую же часть своей усадебной земли жители обращаютъ въ пашни или виноградники. Эти пашни, находящіяся близъ самыхъ усадебъ, называются здѣсь „карзекана“ (зэбъг-зэбъ), т. е. пашня около дверей, а виноградники — „карзе-венахи“, т. е. виноградникъ около дверей.

К л и м а т ъ и п о ч в а .

Климатъ села Сори—умѣренный; температура воздуха въ жаркое лѣтнее время колеблется между 16 и 20° R. въ тѣни, а зимою иногда понижается до—5°. Вода въ рѣкахъ замерзаетъ зимою рѣдко и то лишь у береговъ, фута на 1½ или на 2. Это объясняется отчасти быстрымъ теченіемъ здѣшнихъ рѣкъ, но, главнымъ образомъ, происходитъ вслѣдствіе отсутствія суровыхъ морозовъ.

Расположеніе села въ котловинѣ, между горными цѣпами, защищаетъ его отъ сильныхъ вѣтровъ. Да, вообще, въ Рачинскомъ уѣздѣ сильные вѣтры составляютъ очень рѣдкое явленіе. Дующіе иногда въ селѣ восточные и сѣверо-восточные вѣтры происходятъ отъ снѣжныхъ горъ, занимающихъ восточную и сѣверо-восточную части уѣзда и, по мѣсту происхожденія, они называются у народа „картлись-кари“ или зеда-кари“, т. е. карталинскій вѣтеръ или верхній вѣтеръ. Чаше другихъ дуютъ здѣсь западные вѣтры, имѣющіе мѣстное названіе „кведа-кари“ (нижній вѣтеръ). „Кведа-кари дуетъ съ Чернаго моря и проникаетъ чрезъ горныя ущелья, расположенныя по р. Ріону. Какъ дующій съ близкаго моря, онъ приноситъ влагу и полѣзень

для посѣвовъ; восточный же вѣтеръ, напротивъ, сухъ и портитъ всходы хлѣбовъ и всякую растительность.

Зима здѣсь бываетъ непродолжительна: первый снѣгъ выпадаетъ большею частью въ послѣднихъ числахъ ноября мѣсяца, а послѣдній—въ концѣ февраля. Бывали, впрочемъ, примѣры, что первый снѣгъ выпадалъ въ сентябрѣ, а послѣдній въ маѣ, но подобные случаи составляютъ здѣсь исключительное явленіе. Снѣгъ выпадаетъ неглубокій: отъ $\frac{1}{2}$ до одного аршина; глубже этого снѣгъ бываетъ весьма рѣдко.

Глубокимъ снѣгомъ жители пользуются для охоты на дикихъ козъ. Когда снѣгъ выпадаетъ выше аршина, всѣ жители села Сори, отъ мала до велика, отправляются на лыжахъ въ лѣсъ, на ловлю дикихъ козъ, „мшвели“ (მშველი), которыхъ бываетъ много въ Сорской лѣсной дачѣ. Высокія и тонкія ноги, помогавшія козамъ въ другое время быстро исчезать отъ непріятелей, теперь, при глубокомъ снѣгѣ, оказываются безсильными: козы вязнутъ въ невылазномъ рыхломъ снѣгу. Во время глубокаго снѣга козы стремятся съ вершинъ возвышенностей въ долины рѣкъ, гдѣ снѣгъ бываетъ менѣе глубокъ. Отыскиваніе дичи по слѣдамъ въ это время не представляетъ никакой трудности: находятъ ихъ или завязнувшими въ глубокомъ снѣгу и тогда ловятъ живыми и держатъ у себя дома, или находятъ бѣгающими по сельской дорогѣ или по рѣкѣ; такая бродячая дичь дѣлается жертвой ружейныхъ выстрѣловъ. Ловятъ козъ въ это время и съ помощью собакъ, даже простыхъ дворовыхъ. Добычу дѣлятъ жители между собою поровну, и малые и большіе, по числу присутствующихъ на охотѣ лицъ. Даютъ долю дичи не только присутствовавшимъ при поимкѣ козъ, но и такимъ, которые вмѣстѣ съ другими отправились-было на охоту, но, по болѣзни или другой какой-нибудь причинѣ, вернулись домой, не принявъ участія въ поимкѣ. Живьемъ пойманную дичь при убоѣ не рѣжутъ ножомъ или какимъ-нибудь оружіемъ, какъ домашнихъ

животныхъ, а закручиваютъ ей голову на сторону, пока она не издыхаетъ... Рѣзать дичь оружіемъ, по народному повѣрью, грѣшно, и полагаютъ, что „ангелъ дичи“ накажетъ нарушителей этого обычая.

Такая охота за козами здѣсь называется джелгоба (ჯელგობა).

Почва въ селѣ глинисто-песчаная или глинистая, но довольно рыхлая. Дождевые осадки быстро просачиваются въ землю, и послѣдняя скоро высыхаетъ. Если здѣсь весною, лѣтомъ или осенью будетъ стоять ясная погода сряду хоть три—четыре дня, то земледѣльцы, обыкновенно, начинаютъ жаловаться на засуху. Послѣдняя, особенно лѣтомъ, составляетъ здѣсь частое явленіе, и отъ нея портятся и даже вовсе уничтожаются кукуруза, виноградъ, огородныя овощи и нѣкоторыя другія растенія. На пшеницу и ячмень засуха не такъ часто оказываетъ дурное вліяніе, какъ на кукурузу, виноградъ и овощи, такъ-какъ они успѣваютъ созрѣть еще до наступленія лѣтнихъ жаровъ.

Занятія жителей.

Главное занятіе жителей села Сори составляютъ хлѣбопашество и винодѣліе. Сѣютъ здѣсь и озимый и яровой хлѣбъ. Озимый хлѣбъ составляетъ пшеница известнаго сорта, называемая дола пури (დოლა პური), и другого сорта—хулуго (ხულუგო), безъ усиковъ. Послѣдній сортъ пшеницы сѣется и яровымъ посѣвомъ. Къ яровымъ же посѣвамъ принадлежатъ пшеница называемая дика (დიკა), ячмень, кукуруза и просо.

Изъ огородныхъ растеній воздѣлываются: лобія, бобы, и горохъ (трехъ видовъ: собственно горохъ—გუბუღო, барда—ბარდა и цулисъ-пира—ცულის-პირა, чечевица, картофель, тыквы. Тыквы разводятся трехъ видовъ: татрули квахи (ტატრული კვახი), это лучший сортъ, съѣдобный; сагоре (საგორე), т. е. тыква для свиней (ею, дѣйствительно, кормятъ зимою свиней, но, иногда, употребляютъ онѣ и народомъ въ пищу); сарцхули квахи (სარ-

ცხელი კვახი), т. е. тыква для воды; онъ служить посудой для воды; употребляется подобная посуда и для доставки вина изъ большихъ глиняныхъ кувшиновъ (ხურო—чури). Такой сосудъ называется хрика (ხრიკა). Къ огороднымъ же растеніямъ принадлежатъ: дыни, арбузы, огурцы, земляныя яблоки (ფიჭობ ვაშლი) и подсолнечникъ. Изъ овощей извѣстнѣйшія суть: кишинецъ, чаберъ, петрушка, сельдерей, укропъ, эстрагонъ, мята, шафранъ, помидоры, рѣдка, рѣдиска, салатъ, кресалатъ, лукъ, лукъ сѣянецъ, чеснокъ, свекла, капуста и др.

Здѣсь ведется плодoperемѣнная система посѣвовъ: послѣ пшеницы и ячменя сѣютъ кукурузу и наоборотъ. На посѣвы пшеницы и кукурузы обращено большое вниманіе, особенно на обрабатываніе послѣдней, такъ-какъ она, при благопріятной погодѣ, даетъ обильные урожаи. Пшеницы и кукурузы собираются жителями ежегодно столько, сколько достаточно бываетъ для прокормленія ихъ собственныхъ семействъ до будущаго урожая и для уплаты казенныхъ и общественныхъ долговъ. Ячменя собираются вдвое меньше, чѣмъ пшеницы, а проса—еще меньше, чѣмъ ячменя. Ячмень идетъ и въ пищу людямъ, и на кормъ лошадей и домашней птицы; изъ проса бѣднѣйшіе пекутъ себѣ хлѣбъ, другіе выкармливаютъ имъ свиней, молодыхъ цыплятъ (пока они начнутъ глотать болѣе крупныя зерна кукурузы и ячменя); рѣдко кормятъ имъ и лошадей. Урожай пшеницы колеблется между самъ 5 и самъ 20. Ячмень родится немного обильнѣе пшеницы, а просо лучше ячменя: отъ самъ 6 до самъ 25. Кукуруза родится отъ самъ 15 до самъ 60. Просо бываетъ двухъ сортовъ: черное и красноватое. Оно скоро поспѣваетъ: не позже двухъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ посѣва; сѣютъ его въ послѣднихъ числахъ іюня, даже на той землѣ, съ которой только-что сжали пшеницу, а собираютъ въ первыхъ числахъ сентября.

Къ враждебнымъ элементамъ, съ которыми приходится

бороться земледѣльцу въ Сори, нужно отнести, кромѣ медвѣдей и барсуковъ, усердно опустошающихъ кукурузныя поля и пшеницу (хулугу) и нападающихъ также и на виноградники, 1) полевыхъ мышей, годами опустошающихъ поля пшеницы и ячменя, 2) частыя градобитія, мѣстами истребляющія посѣвы буквально до послѣдней былинки. Простой народъ считаетъ врагами хлѣбопашества и зарницу, твердо вѣруя, что она выжигаетъ поля.

Винодѣлемъ занимаются всѣ крестьяне села Сори; состоятельные дворяне отдаютъ свои виноградники въ арендное содержаніе крестьянамъ. Виноградный садъ имѣется у каждого жителя, при чемъ у бѣднѣйшихъ не менѣе одной кцевы (900 кв. саж.), а у состоятельныхъ отъ 5 до 12 кцевъ. По мѣрѣ увеличенія спроса на вино, въ послѣднее время число виноградныхъ садовъ съ каждымъ годомъ значительно стало увеличиваться. Каждая пустошь, по видимому, самая неудобная для обрабатыванія, покрытая множествомъ камней и даже съ каменною подпочвою, искусно превращается мѣстными крестьянами въ виноградникъ, и на мѣстѣ бесплоднаго пустыря у крестьянина чрезъ два—три года получается славный виноградный садъ. Для виноградниковъ выбираютъ покатоности преимущественно съ глинистою почвою. Ровныя мѣста съ плодородною почвою берегутъ для посѣвовъ. Виноградники уваживаютъ, но не часто: въ пять лѣтъ однажды. Въ виноградникѣ между лозами сѣютъ кукурузу. Это дѣлается изъ экономіи, чтобы имѣть поводъ вмѣстѣ съ кукурузой окапывать землю и вокругъ лозъ и такимъ образомъ получить двойную выгоду—урожай кукурузы и освобожденіе лозъ отъ сорныхъ травъ. Въ виноградникахъ съ рѣдкою посадкою лозъ посѣвы кукурузы защищаютъ лозы отъ зноя, особенно въ засуху. Чтобы лучше разрыхлить землю подъ виноградникомъ, иногда ее копаютъ заступомъ въ полъ-аршина глубиною. Лучшіе виноградники, по

качеству получаемого отъ нихъ вина, нѣкоторые жители имѣютъ въ сосѣднемъ селѣ Цеси, въ 9 верстахъ отъ Сори. Количество вина, добываемого каждымъ винодѣломъ, т. е. отдѣльнымъ дворомъ, среднимъ числомъ составляетъ около 100 касръ *). Есть помѣщики, которые въ урожайный годъ получаютъ до 800 касръ вина. Часть вина жителями расходуется дома же, а часть продается. Покупателями этого вина, обыкновенно, бывають жители нагорной части Рачи и содержатели питейныхъ домовъ въ м. Они.

Къ великому сожалѣнію жителей, лучшіе сорта виноградныхъ лозъ, дававшіе до послѣдняго времени обильные урожаи, вотъ уже шестой годъ, перестали вознаграждать труды жителей. Здоровая, повидимому лоза, покрытая листьями иногда и ягодами, вдругъ начинаетъ вянуть, и затѣмъ вовсе засыхаетъ. Такой болѣзни подвергается преимущественно одинъ сортъ виноградныхъ лозъ, называемыхъ рцхили (რცხილი), дающій черныя ягоды, а вино—красное. Прежде, бывало, виноградники гибли отъ нацари (ბაცარი), но въ послѣднее время этой болѣзни нѣтъ.

Вотъ мѣстныя названія различныхъ видовъ виноградныхъ лозъ, разводимыхъ въ Сори и, вообще, въ цѣломъ Рачинскомъ уѣздѣ: татреабистони (თერეაბისტონი), шавкабистони (შავკაბისტონი), мцване (მცვანე), чигвинаури (ჩიგვინაური), тетра (თერა), ткапуна (თკაუნა), картуда (კართულა), рко (რკო), перуани (პერუანი), рцхили (რცხილი), мцвивана (მცვივანა), тита (თითა), хроди (ხროდი), хариствала (ხარისტვალა), алексаudreули (ალექსანდრეული) и др. Послѣдній видъ составляетъ высшій сортъ изъ поименованныхъ. Изъ этого вида и готовится превосходное и по вкусу, и по аромату, и по крѣпости вино, извѣстное подъ именемъ Кипіановскаго (чернаго цвѣта). Изъ прочихъ сортовъ самое крѣпкое вино, бѣлаго цвѣта, даетъ „мцване.“

*) Касра—1 $\frac{1}{3}$ ведра, или иудъ вѣсу.

Виноградъ начинается созрѣвать въ послѣднихъ числахъ іюля, а вполне созрѣваетъ въ первыхъ числахъ сентября. Въ виноградникахъ, лежащихъ близъ Сори, уборку начинаютъ съ 8 сентября *); а въ расположенныхъ близъ селенія Цеси — мѣсяцемъ позже, хотя здѣсь раньше поспѣваетъ виноградъ; очевидно, сборъ замедляется для улучшенія качества вина. Собираютъ виноградъ въ деревянные давилъни; затѣмъ, собранный виноградъ начинаютъ выжимать ногами. Вино изъ давилъни стекаетъ въ глиняный кувшинъ чури (ხური) **), а выжимки, или чепру, переносятъ въ особо-устроенные тиски цбери (წბერი или წბერი) и выжимаютъ изъ нея послѣдній сокъ. Вино на цѣлый годъ оставляютъ въ томъ кувшинѣ, въ который поступило оно изъ давилъни, въ немъ (въ чури) происходитъ и броженіе. Во время броженія, кувшинъ съ молодымъ виномъ замазываютъ сверху глиною, оставляя маленькое отверстіе въ $\frac{1}{3}$ дюйма въ діаметрѣ, чтобы изъ вина выдѣлялся газъ; а чтобы вмѣстѣ съ газомъ и вино не вылилось, въ отверстіе, предназначенное для выхода газовъ, вдѣваютъ измочаленную хворостину, которая, пропуская сквозь свои поры газъ, не даетъ вину вылиться.

Собравъ весь урожай, жители устраиваютъ свадьбы, крестины, просятъ священника служить литургію за живыхъ или за умершихъ, иногда на общій счетъ устраиваютъ жертвоприношенія Богу, при чемъ рѣжутъ быка или корову, купленныхъ на общія деньги, а священникъ служитъ, по просьбѣ приносящихъ жертву, литургію въ воздаяніе благодарности Богу за ниспосланный урожай; мясо жертвеннаго животного, кромѣ плеча, головы и ногъ, которыя даются священнику за служеніе литургіи, дѣлятъ всѣ жители между собою поровну,

*) При уборкѣ винограда праздники не соблюдаются народомъ.

**) Вѣстимостью бываютъ отъ 1 до 100 касръ (до 133 ведеръ). Маленькіе чури называютъ (квеври) კვევრი, (часовали) ჩახვალნი; моются чури корою вишневаго дерева.

кожу продають и вырученныя деньги жертвуютъ въ пользу „церкви, называя ихъ „деньгами за свѣчи“ (სამტლიც პული). Животному, предназначенному для жертвы, по обычаю, священникъ предъ убоемъ обжигаетъ восковою свѣчею крестообразно волосы на лбу, произнося вмѣстѣ съ тѣмъ отъ имени народа молитву къ Богу о принятіи благодарственной жертвы.

Л ъ с ъ .

Около $\frac{3}{4}$ земли, принадлежащей селенію Сори, занимаетъ лѣсъ, составляющій одно изъ важнѣйшихъ богатствъ и средствъ къ жизни его (села). Весь бассейнъ р. Сонтарули и всѣ возвышенности, лежащія къ сѣверу отъ села, покрыты лѣсомъ, преимущественно строевымъ. Въ этой лѣсной дачѣ, называющейся „Сорисъ-мта“, растутъ слѣдующія деревья: букъ, дубъ, грабъ, сосна, вязъ, липа, ольха, осина, каштанъ, кленъ, ива и др.

Лѣсъ этотъ принадлежитъ не однимъ жителямъ Сори, но имъ владѣютъ и жители сосѣднихъ селъ. Всѣхъ соучастниковъ во владѣніи лѣсами считается около ста, и число ихъ ежегодно увеличивается: по сосѣдству съ Сори есть села, не имѣющія лѣса, годнаго даже на топливо, вотъ они и покупаютъ у владѣльцевъ извѣстную долю лѣса и пользуются его богатствами.

Въ лѣсахъ въ дикомъ видѣ растутъ здѣсь слѣдующія плодовые деревья и ягодныя растенія: яблоня, груша, орѣхъ, орѣшникъ, გოგონხში (родъ чернослива), алыча (ტყეპლი), кизиль, шелковичное дерево, мушмула (ზგმარტლი), виноградъ, смородина, ежевика, клубника, земляника, мжахвела (მჯახველა) — родъ крыжовника, съ тою только разницею, что у мжахвелы и ягоды крупнѣе, и кисти больше, и растетъ она вчетверо выше, чѣмъ крыжовникъ.

Домашнія и дикія животныя.

Изъ домашнихъ животныхъ въ селѣ разводятъ быковъ, коровъ, свиней; состоятельнѣйшіе держатъ и лошадей, катеровъ;

для домашняго обихода держать и овецъ въ маломъ количествѣ. Собака и кошка въ Сори, какъ и вездѣ, неразлучные друзья человѣка. Собаки, кромѣ того, что стерегутъ дома, охраняютъ еще и поля отъ медвѣдей, особенно, засѣянные кукурузой и находящіяся въ лѣсу, иногда въ разстояніи отъ 1 до 5—версть отъ деревни. Собакамъ приходится защищать виноградники и кукурузныя поля и отъ барсуковъ, которые не меньше медвѣдей любятъ лакомиться плодами.

Изъ домашнихъ птицъ разводятъ куръ, индѣекъ, гусей, отчасти и утокъ; гусей держать преимущественно ради пуха, которымъ набиваютъ подушки и пуховики; этимъ промысломъ занимаются дѣвушки, съ цѣлью, ко времени выхода замужъ, запастись пуховикомъ и подушками.

Въ лѣсахъ изъ дикихъ звѣрей водятся: медвѣди, волки, лисицы, куницы, барсуки, барсы, дикія козы, сѣрны, туры, зайцы и др.

Дикія птицы встрѣчающіяся здѣсь суть: воробьи, синицы, черныя и сѣрыя дрозды, сойки, удода, дятлы, щеглы, ласточки, соловьи, жаворонки, голуби, горлицы, перепела, иволги, кукушки, коршуны, ястреба, вороны, вѣроны, совы, филины, кулики, цапли, бекасы, журавли, гуси, утки и др. Журавлей, дикихъ утокъ и гусей, скворцовъ, куликовъ и нѣкоторыхъ другихъ птицъ можно видѣть здѣсь только пролетомъ, весной, когда онѣ прилетаютъ изъ теплыхъ странъ, и осенью, когда онѣ улетаютъ обратно. Птицы начинаютъ прилетать въ Рачинскій уѣздъ, обыкновенно, съ первыхъ чиселъ марта, а улетаютъ, начиная съ первыхъ чиселъ сентября до половины ноября. Зимующія птицы суть: дрозды, сойки, воробьи, коршуны, ястреба, вороны и сѣрыя дрозды.

Много мелкихъ перелетныхъ птицъ ловится весной дѣтьми и даже юношами села Сори, когда эти птицы садятся на окрестныхъ поляхъ или болотахъ, для отдыха и для подкрѣпленія себя пищею. Завидя такихъ птицъ, дѣти ставятъ

недалеко отъ нихъ, въ разстояніи саженой десяти, силки, (махе): зѣе это есть веревочка изъ пеньки или изъ конскихъ волосъ, длиною до сажени, къ которой прилетены петли изъ конскихъ волосъ. Разставивъ силки, дѣти обходятъ птицъ съ противоположной къ силкамъ стороны и начинаютъ гнать ихъ къ послѣднимъ. При этомъ дѣти поютъ протяжнымъ голосомъ, вѣрнѣе сказать, гудятъ въ одинъ голосъ, какъ колоколь, прикрывая ротъ обѣими руками, слѣдующую пѣсню, если ловятъ нибора („нинора“—родъ воробья): нибора, нибору, ала-лала, нибору; даладала, нибору; гавгогмели, нибору; гасасмани, нибору; мახиствалში, нибору; дელა შენი, нибору; მამა შენი, нибору, მახისტვალში, нибору; გამპულიყმენ, нибору. По-русски это значитъ: „нинора, нинора, ступай къ петлямъ силка, и отецъ и мать твой тоже попали въ петли силка.“ Также поютъ и другимъ птицамъ: скворцу (კიუტი—კიუტი), сѣрому дрозду (გნოლი—გნოლი), кіали (კიალი), харочали (ხაროქალი), замѣнивъ только названіе „нинора“ названіемъ той птицы, къ которой обращаются. Кулику поютъ: „читала, галь галь“ (ჩიტალა, ღალ, ღალ), перепелу— „цкерь, горъ, горъ“ (ცკერ, ვორ, ვორ). Птицы, будучи пугаемы сзади, кляя пищу, медленно идутъ по направленію къ силку, не ожидая бѣды; наконецъ, нѣсколько птичекъ съ разбѣгу запутались въ силокъ, начинаютъ рваться, во все стороны, но поздно: подбѣгаютъ дѣти, выпутываютъ ихъ и ощипываютъ у нихъ маховыя перья на одномъ или обоихъ крыльяхъ, чтобы лишить ихъ способности летать. До Пасхи каждый мальчишка успѣетъ наловить, такимъ образомъ, нѣсколько десятковъ птицъ, которыхъ коптятъ и берегутъ къ этому празднику. Въ день Пасхи копченую дичь несутъ въ церковь и подносятъ священнику для освященія, а потомъ раздаютъ народу по крошечному кусочку (въ золотникъ): по древнему обычаю, жители раньше всякой скромной пищи стараются разговѣться пернатою дичью

Въ р. Ріонѣ водятся слѣдующія породы рыбъ: форели

(კლმხი), усачи (წვერა), топи (ტაპი, —вродѣ усача), болоцителі (ბოლოციტელი, —тоже вродѣ усача), кашапи (კაშაპი, сельдь), напота (ნაპოტა, —вродѣ сардинки) и горджо (ღორჭო). Послѣднія двѣ породы рыбы бывають величиною отъ 2 до 4 дюймовъ, а первая—отъ одного до 1½ фута.

Эти виды рыбъ встрѣчаются и въ р. Сонтарули, особенно въ большомъ количествѣ весною и лѣтомъ, а форелей особенно много встрѣчается осенью, въ періодъ, когда онѣ мечуть икру. По величинѣ рыба въ Сонтарули и въ Ріонѣ не разнится. Форели водятся въ р. Сонтарули только выше средняго теченія, до самого истока, и въ ея маленькихъ притокахъ, изъ коихъ нѣкоторые лѣтомъ совсѣмъ высыхаютъ; другія рыбы живутъ въ нижнемъ и отчасти среднемъ теченіяхъ. Въ Сонтарули рыба заходитъ изъ Ріона.

Рыболовствомъ занимаются здѣсь жители лѣтомъ, во время мелководья, и больше молодежь. Обыкновенный способъ ловли рыбы у молодыхъ людей слѣдующій: идя по рѣчкѣ, ошупью отыскивають рыбу подъ камнями и, нашедши, вытаскивають руками. Иногда изъ подъ одного только камня достаютъ нѣсколько десятковъ рыбъ. Ловятъ рыбу и посредствомъ удочки, посредствомъ корзины (გაღარი, годори—верша), или посредствомъ отвода воды всторону отъ рѣчки, или посредствомъ отравленія воды гашеной известью. Послѣдній способъ примѣняется слѣдующимъ образомъ: выбравъ предварительно въ рѣчкѣ мѣсто, гдѣ замѣчено было присутствіе большого количества рыбы, жители сыплють въ то мѣсто нѣсколько пудовъ извести. Разведенная въ водѣ известь дѣйствуетъ на рыбу, какъ отравя; подъ вліяніемъ отравы полумертвая рыба выплываетъ къ берегу и, выбросившись на безводное мѣсто, лежитъ безъ чувствъ, въ состояніи одуренія; рыболовамъ остается лишь безъ труда подбирать ее. Но забавнѣе и даже выгоднѣе, въ смыслѣ хорошаго улова, всѣхъ другихъ способовъ рыболовства ловля посредствомъ „лешки“:

„лешкаоба“ (ლეშკობა). Лешки (ლეშკი) есть кустарникъ, листья котораго обладаютъ сильнымъ наркотическимъ свойствомъ. „Лешкаоба“ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ одинъ праздничный день, лѣтомъ, во время мелководья, всѣ жители села, всякаго сословія, пола и возраста, идутъ къ извѣстному мѣсту рѣчки, гдѣ предполагаютъ ловить рыбу. „Лешки“ растутъ по берегамъ Сонтарули. Прибывъ на мѣсто, рыболовы начинаютъ собирать молодые, еще липкіе, сочные листья „лешки“, наполняютъ ими яму (длиною до 2, шириною до 1½ арш.), которая вырывается одновременно съ собираніемъ листьевъ. Затѣмъ, человекъ 8—10 молодыхъ парней вырубаютъ себѣ по дубинѣ въ 2½ арш. длиною; съ одного конца дубины заостряютъ, на подобіе лезвія стамески, и этимъ концомъ толкутъ листья въ ямѣ, пока не изрубятъ ихъ очень мелко; для этого надобно не менѣе 3—4 часовъ. Когда отравы готова, всѣ присутствующіе садятся обѣдать. Предъ обѣдомъ готовятъ себѣ ловушки для рыбы,—нѣкоторые изъ куска сѣти, прикрѣпляя его къ палочкѣ съ развилиной, иные—изъ древесной коры (липы, вяза), а нѣкоторые—изъ какой либо ткани, не жалѣя для этого и своего бѣлья. Послѣ обѣда достаютъ истолченную массу, издающую острый, удушливый, одуряющій запахъ, и всѣ одновременно брасаютъ ее въ рѣчку. Отъ „лешки“ вода окрашивается въ темно-зеленый цвѣтъ. Спустя 2—3 минуты, рыба отравляется: она теряетъ зрѣніе и, плавая плашмя, стремится къ берегу, гдѣ ложится почти безъ движенія на голыхъ камняхъ. Отравленную рыбу собираютъ иные руками, иные ловушками. Поймавшіе большее количество рыбы приобрѣтаютъ себѣ вниманіе и похвалу, какъ болѣе расторопные. Какъ-только вода, послѣ осажденія лешки на дно, становится болѣе или менѣе прозрачною, то ловля рыбы прекращается; артель рыбаковъ сходится вмѣстѣ; всю пойманную рыбу собираютъ въ одну кучу и дѣлятъ на равныя части, по числу присутствовавшихъ на ловлѣ лицъ, и по жребію опредѣляютъ, кому какую часть

братъ. Каждому лицу, при удачной добычѣ, достается рыбы отъ 10 до 20 штукъ. Нанизавъ свою рыбу на прутики и одѣвшись въ платье, жители, съ веселыми пѣснями, возвращаются домой. На отравленномъ посредствомъ „лешки“ мѣстѣ новая рыба не живетъ, пока оно не бываетъ смыто разлитіемъ рѣки.

Пчеловодство въ селѣ не составляетъ спеціальнаго занятія кого-либо изъ жителей; дворовъ 10 имѣютъ ульевъ отъ 5 до 15 каждый. Медъ употребляютъ въ пищу, а изъ воска дѣлаютъ свѣчи, которыя обязательно доставляются ими въ церковь по праздникамъ и зажигаются предъ иконами. Жители Сори часто находятъ ульи въ дикомъ видѣ, въ лѣсу, въ дуплахъ деревьевъ; такіе ульи содержатъ въ себѣ гораздо больше меду и воску, чѣмъ домашніе.

Н а с е л е н і е .

Число душъ населенія Сори въ 1889 году, по церковнымъ статистическимъ документамъ, равнялось 494. Изъ нихъ 252 мужскаго пола, а 242 женскаго. Всѣ они составляютъ 62 двора; въ каждомъ дворѣ—отъ 1 до 20 душъ.

По сословіямъ населеніе Сори подраздѣляется на духовныхъ, дворянъ и крестьянъ. Духовное сословіе составляетъ одинъ дворъ, дворянское—15, а крестьянское—46. Изъ 46 дворовъ крестьянъ 28—временно-обязанныхъ, 15—выкупившихъ свои земли, т. е. собственниковъ, а 3—находящихся на казенной землѣ. Всѣ жители—православнаго исповѣданія. Изъ нихъ грамотныхъ на русскомъ языкѣ—11 душъ мужскаго пола и 2 женскаго; грамотныхъ на одномъ грузинскомъ языкѣ—17 мужскаго и 25 женскаго.

Движеніе населенія за послѣднія 6 лѣтъ представляется, на основаніи церковныхъ документовъ села Сори, въ слѣдующей таблицѣ.

	РОДИЛОСЬ.			У М Е Р Л О .			Наросто обоого пола.
	МУЖ.	ЖЕН.	Итого.	МУЖ.	ЖЕН.	Итого.	
Въ 1884 году . .	8	6	14	2	4	6	8
„ 1885 „ . .	7	11	18	5	1	6	12
„ 1886 „ . .	15	14	29	2	6	8	21
„ 1887 „ . .	8	12	20	4	3	7	13
„ 1888 „ . .	8	15	23	2	9	11	12
„ 1889 „ . .	10	6	16	6	7	13	3
Итого. . .	56	64	120	21	30	51	69

По сословіямъ населеніе распредѣлялось въ 1889 году слѣдующимъ образомъ.

Духовныхъ.		Дворянъ.		Крестьянъ.		Всѣхъ сословій.		Обоего пола.
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	
11	9	25	23	216	210	252	242	494

Жители Сори имѣютъ плотное тѣлосложеніе, средній ростъ, широкія плечи, лицо—умѣренное и овальное, лобъ—плоскій, высокій или средній, глаза—черные, брови и волосы—черные или каштановые, рѣдко—русые; волосы у нѣкоторыхъ—курчавые, мягкіе; борода—густая и жесткая, носъ—прямой, умѣренный; губы—тонкія, ротъ и подбородокъ—умѣренные; цвѣтъ кожи—смуглый; умственные способности обнаруживаютъ среднія.

Всѣ постройки, имѣющіяся у жителей, исключительно деревянныя, съ драневою крышею; онѣ выстроены или изъ тесаныхъ досокъ, или изъ круглыхъ нетесаныхъ бревенъ, съ которыхъ лишь снята кора. Большая часть зданій выстроена изъ дубоваго дерева; нерѣдко строятъ изъ сосны, липы и вяза.

У каждаго отдѣльнаго двора—отъ 3 до 9 построекъ, какъ то: жилище для семьи, амбаръ, хлѣвъ рогатаго скота, конюшня, свинарня, курятникъ, саманникъ, сѣнникъ и кукурузникъ.

Жилой домъ у состоятельныхъ жителей строится и меблируется по-европейски; устраивается при немъ и кухня. Бѣдные же изъ дворянъ и крестьянъ строятъ себѣ жилища съ землянымъ поломъ, безъ потолка, съ отверстіемъ въ крышѣ для выхода дыма. Огонь въ такихъ жилищахъ разводится по срединѣ дома: дрова кладутся на каменный очагъ, имѣющій видъ неглубокой четырехугольной жаровни, на каменныхъ краяхъ которой вырѣзываются разныя фигуры. Надъ очагомъ, подвѣшивается особое приспособленіе, называемое „оджинджари“ (αχουζαρι); оно представляетъ деревянную раму, состоящую изъ двухъ параллельныхъ досокъ, соединенныхъ въ раму нѣсколькими (4) продѣтыми черезъ нихъ подъ прямымъ угломъ шестами; посредствомъ четырехъ деревянныхъ шестовъ эта рама въ горизонтальномъ положеніи подвѣшивается къ потолку; шесты эти бывають продѣты черезъ доски перпендикулярно къ рамѣ; длина ихъ, смотря по высотѣ дома, бываетъ отъ 1 до 3 арш. Назначеніе оджинджари состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать надъ очагомъ котель: это дѣлается съ помощью желѣзной цѣпи, одинъ конецъ которой, снабженный крючкомъ, зацѣпляется за ручку котла, а другой, имѣющій желѣзную палочку, укрѣпляется посредствомъ послѣдней на деревянныхъ шестахъ, связывающихъ доски. На оджинджари ставятъ пшеничное тѣсто, чтобы оно, подъ дѣйствіемъ теплоты, вскисло. Въ такихъ домахъ крестьяне устраивають также „корети“ (καρυδο), т. е. потолокъ, прилаженный у какой-либо стѣны дома, во всю ея длину, отъ 1 до 3 аршинъ шириною, съ досчатыми перилами; въ общемъ „корети“ имѣеть сходство съ полатами русскихъ избъ и служить кладовой для разнаго скарба.

Доски или бревна, изъ коихъ строятъ крестьяне свои дома, бывають пригнаны не плотно, грубо. Въ стѣнахъ остается много щелей, пропускающихъ во внутренность жилища холодъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отлично вентилирующихъ жилье.

Въ такихъ домахъ теплота не можетъ поддерживаться равномерно, и бываетъ тепло лишь тамъ, гдѣ горитъ огонь; поэтому обитатели такихъ жилищъ зимою садятся, обыкновенно, вокругъ огня, при чемъ мужчины сидятъ на низкихъ скамейкахъ, а женщины—прямо на землѣ. Проводя жизнь преимущественно въ сидячемъ положеніи и, притомъ, на голой землѣ, женщины, поэтому, часто простуживаются и подъ влияніемъ сырости получаютъ ревматизмъ. Эта болѣзнь очень распространена среди женщинъ,—иныя отъ ревматизма въ ногахъ подъ старость совсѣмъ лишаются способности ходить.

Мебель бѣднаго класса составляютъ: грубо сбитаая изъ досокъ тахта (нары); табуреты съ тремя ножками, отъ одного до полуторыхъ футовъ вышиною; „сакарцхули“ (საქარცხული), или кресло съ дугообразною дощатою спинкою; „супра“ (სუფრა), или длинный, узкій столъ, играющій роль обѣденнаго стола. Длинною супра бываетъ отъ одного до 10 аршинъ, шириною отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ арш., при высотѣ отъ 6 до 10 вершковъ. Супра дѣлается низкою съ тою цѣлью, чтобы огонь, разводимый на очагѣ, могъ освѣщать столъ, и чтобы въ другомъ освѣщеніи не представлялось обѣдающимъ надобности. Для освѣщенія жилища, кромѣ огня въ очагѣ, встарину служила горящая лучина изъ смолистаго дерева, а лѣтъ 8 назадъ вошли въ употребленіе нефтяныя лампы, которыя, будучи зажигаемы безъ стеколь, распространяють смрадъ и копоть и скорѣе ухудшили, нежели улучшили условія жизни мѣстныхъ крестьянъ.

Посуду составляютъ мѣдные котлы (კვაბი, კარდალი), тазъ (ტაშტი), сковорода (ტაფა), мѣдный кувшинъ (თუნგი), стеклянные стаканы, бутылки, графины, фарфоровыя и фаянсовыя тарелки, глиняныя горшки, кувшины, чашки; деревянныя стаканы, миски, кула (კულა) съ серебрянною оправою и безъ нея, употребляемая лѣтомъ для вина *).

*) Кула дѣлается и изъ известнаго вида тыквы (სარწყული კვაბი); поверхность ея, обыкновенно, украшается красивыми узорами.

жать и рога: бычачьи, туры, коровьи; изъ нихъ пьютъ вино въ компаніяхъ, при торжественныхъ случаяхъ.

Въ селѣ имѣются двѣ церкви: одна штатная, во имя Креста Христова, которая 35 лѣтъ тому назадъ служила монастыремъ, съ кельями для трехъ монаховъ, другая церковь—приписная, во имя архангела Михаила. Сори составляетъ одинъ приходъ, причтъ котораго состоитъ изъ одного священника и одного причетника. Они получаютъ отъ казны содержаніе въ размѣръ 130 руб., изъ коихъ 100—священникъ, а остальные 30 руб.—причетникъ; кромѣ того, причтъ получаетъ по два рубля съ каждаго крестьянскаго дыма, что составляетъ около 100 р., и около 50 руб.—за исполненіе разныхъ требъ; четвертая часть изъ этихъ доходовъ дается причетнику. Круглымъ числомъ, годовое содержаніе священника составляетъ около 212 руб., а причетника—около 80 р. Дворяне не платятъ денегъ на содержаніе священника,—они платятъ ему только за исполненіе для нихъ какихъ-либо требъ, по своему усмотрѣнію.

Въ селѣ есть два питейныхъ дома, по Военно-осетинской почтовой дорогѣ, двѣ кузницы, одинъ гончарный заводъ, на которомъ приготовляются мелкая посуда и винные кувшины различной величины. Содержателями завода одно время были нѣкоторые изъ дворянъ, а въ другое время онъ былъ въ завѣдываніи духовныхъ лицъ; мастера, работавшіе на немъ, занимались хозяевами изъ Шораланскаго или изъ Кутаисскаго уѣздовъ. Питейные дома даютъ въ годъ до 400 р. валового дохода каждый, кузницы—по 150 р., а гончарный заводъ—до 200 р.

Однимъ изъ болѣе распространенныхъ занятій у мужчинъ, послѣ хлѣбопашества и винодѣлія, является плотничество, а у женщинъ—ткачье изъ хлопчатобумажныхъ нитокъ мѣстной матеріи „самосели“ (სამსელი). Плотничествомъ занимается человекъ 30. Развитію этого промысла способствовало обиліе хорошаго лѣса. Ткачествомъ занимаются во многихъ

домахъ. Самосели—грубая но прочная матерія, изъ коей бѣдный классъ народа шьетъ себѣ бѣлье, а изъ самосели болѣе тонкой и чистой работы женщины шьютъ себѣ платье, а мужчинамъ архалухи (ახალუხი, ხაგულე). Самосели, предназначенная для женскихъ платьевъ и архалуховъ, предварительно окрашивается въ красильняхъ въ синій цвѣтъ. Красильщики умѣютъ придавать ткани и нѣкоторый глянецъ: для этого выкрашенную самосели, колотятъ плоскою дубиною. Приготовленная такимъ образомъ ткань называется „лаини“ (ლაინი). Ткацкихъ станковъ (საფიცრო), на которыхъ жители ткуютъ самосели или „шали“ (грубое сукно), въ селѣ имѣется только шесть. Пряденіемъ, тканьемъ, трепаніемъ хлопчатой бумаги и шерсти занимаются женщины въ свободное отъ полевыхъ или прочихъ домашнихъ работъ время. Изъ шерсти женщинами вяжутся носки, „паичи“ (პაიჭები), т. е. поножи для мужчинъ) и перчатки. Всѣ эти издѣлія женщинъ потребляются дома же, членами семьи, и рѣдко идутъ въ продажу.

Изъ полевыхъ работъ женщинъ можно отмѣтить слѣдующія: выпалываніе сорныхъ травъ, жатва пшеницы, ячменя и проса, сборъ винограда, лобіи, кукурузы, бобовъ, и всѣхъ огородныхъ растений. Во время паханія и бороненія иногда женщины ходятъ передъ быками въ качествѣ путеvodительницъ, указывая быкамъ путь по пашнѣ, чтобы они не дѣлали поворотовъ въ стороны не вовремя. Нѣкоторымъ крестьянамъ женщины помогаютъ въ очисткѣ кукурузныхъ полей отъ сорныхъ травъ, въ окапываніи земли вокругъ кукурузы (это называется „тѣхна“, თეხნა). Дома мѣстная женщина имѣетъ много дѣла : она печетъ хлѣбъ, таскаетъ воду, приготовляетъ кушанье, разводитъ домашнихъ животныхъ, занимается стиркою бѣлья, молотью, вѣяніемъ, просѣиваетъ пшеницу и другія хлѣбныя зерна сквозь рѣшето (ქრილი), мелетъ муку, ухаживаетъ за огородомъ и т. д. Словомъ, занятія крестьянки даже сложнѣе и труднѣе, чѣмъ крестьянина, и не даромъ мѣстный

мужикъ называетъ свою жену „მეუღლე“ (меугле), т. е. таскающая ярмо вмѣстѣ съ мужемъ (супруга).

Селеніе Сори не составляетъ особаго сельскаго общества, а входитъ въ составъ общества Самтисскаго, удаленнаго отъ Сори верстъ на пять. Сельское управленіе стоитъ между этими двумя селеніями, но предполагается перенести его въ с. Сори, какъ лежащее при почтовомъ трактѣ. Поступающія въ управленіе жалобы преимущественно заключаютъ денежные претензіи и касаются или захвата земли, или потравы полей; рѣдко встрѣчаются другія.

Населеніе Сори не имѣетъ школы, ибо содержать особую школу, по малочисленности жителей, не можетъ; открыть же школу общую съ другими селами одного общества представляется неудобнымъ, потому что она была бы настолько удалена отъ села, что посѣщеніе ея было бы затруднительно. Но въ настоящее время, на общія средства поселянъ Сори, вслѣдствіе неутомимыхъ стараній мѣстнаго священника, при церкви построены каменный домъ о двухъ просторныхъ комнатахъ, въ которомъ предполагается открыть въ недалекомъ будущемъ церковно-приходскую школу. Зажиточнѣйшіе дворяне и мѣстный священникъ обучаютъ своихъ дѣтей въ Рачинско-Михайловскомъ двухклассномъ начальномъ училищѣ или въ училищахъ другихъ уѣздовъ; такихъ учащихся нынѣ можно насчитать человекъ 8; изъ крестьянскихъ же дѣтей никто ни раньше не учился, ни теперь не учится.

Объ экономическомъ состояніи населенія Сори можно судить отчасти по слѣдующимъ даннымъ:

На каждаго жителя среднимъ числомъ приходится одна десятина земли и пахатной, и виноградниковъ, и луговъ, и всякихъ другихъ угодій. Пшеницы на каждую душу родится по 10 кодь (20 пуд.), кукурузы по 15 кодь (30 п.), ячменя по 2 коды (4 п.) и лобіи по 1 кодь, вина по 7 касръ ($9\frac{1}{8}$ ведра). Пудъ пшеницы цѣнится 1 р. 20 к., кукурузы—80 к., ячменя—1 р., лобіи—1 руб.

Пшеницы, кукурузы, ячменя и других съѣстныхъ припасовъ можетъ быть продано ежегодно во всемъ селѣ рублей на 1000, вина—на 800 р., лѣсного матеріала—на 500 р. Лошадей въ цѣломъ селѣ насчитывается до 12, воловъ—70 парь, коровъ—60 головъ, овецъ—20, свиней—150; куръ у каждаго двора бываетъ отъ 20 до 150, гусей въ цѣломъ селѣ—до 100, индѣекъ—до 60. Жилыхъ домовъ въ селѣ—до 70, скотныхъ—60, амбаровъ—50, свинныхъ закутъ—60, курятниковъ—30, сѣнниковъ—60, саманниковъ—60, кукурузниковъ—60, мельницъ (водяныхъ) на р.р. Сонтарули и Ріонѣ—8; нѣкоторыя изъ нихъ о двухъ поставахъ. Приблизительная стоимость всѣхъ зданій простирается до 10.000 рублей.

Въ каждую пятницу (базарный день м. Они) изъ с. Сори отправляются въ м. Они, находящееся въ 12 вер. отъ Сори, до 20 женщинъ и нѣсколько мужчинъ, изъ коихъ первыя несутъ на продажу разныя ягоды и фрукты, смотря по времени года, какъ-то: яблоки, груши, персики, черносливъ, вишню, черешню, лычу (ტყეზლი), алучу, тутовья ягоды, айву, орѣхи крупные и домашніе, кизиль, виноградъ, дыни, огурцы, арбузы, тыквы, кромѣ того, — „самосели“, и носки шерстяные и пайчи и т. п. Мужчины же несутъ на продажу пшеницу, кукурузу и др. На вырученныя деньги женщины покупаютъ чаще всего хлопчатую бумагу и шерсть.

П и щ а и п и т ь е.

Обыкновенную пищу жителей составляетъ хлѣбъ пшеничный и кукурузный. Бѣднѣйшіе довольствуются однимъ кукурузнымъ хлѣбомъ, а иногда ѣдятъ и ячменный хлѣбъ или изъ проса. Но какъ бы ни былъ бѣденъ крестьянинъ, онъ въ праздничные и торжественные дни кормится пшеничнымъ хлѣбомъ. Пекутъ хлѣбъ, вообще, въ „кеци“ (კეცი): это глиняныя чашки съ плоскимъ дномъ, съ загнутыми на полъ-вершка или на цѣлый вершокъ краями, отъ 1 до 1½ фута въ діа-

метрѣ *). „Кеци“ лѣплятся и выжигаются самими жителями, исключительно женщинами. Пекуть хлѣбъ, особенно у состоятельныхъ, и въ „торне“ или „ртоне“ (თორნე, რთონე). „Ртоне“—это цилиндрической кувшинъ съ открытыми отверстиями сверху и снизу, отъ 1 до 2 аршинъ вышиною и до 1½ аршина въ діаметрѣ. Верхнее отверстие дѣлается уже, чѣмъ нижнее. Ртоне вставляется въ землю на четверть аршина и больше, кругомъ обмазывается грязью или обводится плетнемъ и промежутокъ между „торне“ и этимъ плетнемъ (въ ¼ аршина) наполняется землею. Въ торне пекутъ только пшеничный и кукурузный хлѣбъ. Хлѣбъ изъ ячменя и проса можно печь только въ кеци. Въ торне пекутъ пшеничный хлѣбъ трехъ видовъ: რგვალი პური (круглый хлѣбъ), მურასა (наподобіе котлетъ) „лаваши“ (ლავაში—лепешки). Лаваша пекутъ въ важныхъ случаяхъ: во время свадьбы, похоронъ, крестинъ и разныхъ торжественныхъ собраній. Въ кеци пекутъ круглый хлѣбъ „шекецили“ (შეკეცილი) въ переводѣ значитъ „слоеный“ вродѣ вотрушки, круглой формы, и ბოხჩური (бохчури). Бохчури—четыреугольная вотрушка; названъ такъ этотъ видъ хлѣба по сходству съ мѣстнымъ кошелькомъ, называемымъ „бохча“, представляющимъ подобіе конверта. Шекецили и бохчури пекутъ съ начинкою, которую приготавливаютъ изъ яицъ съ сыромъ, изъ творога, лобіи, гороха, конопляныхъ и тыквенныхъ семянъ, картофеля, свиного сала съ мукою, изъ толченой кукурузы съ свинымъ же саломъ, изъ разныхъ травъ и т. п.

Пшеничный, ячменный и просяной хлѣбы пекутся на дрожжахъ; лаваша же, иногда впрочемъ и другой пшеничный хлѣбъ, пекутъ безъ дрожжей, съ одною водою; такой хлѣбъ называютъ здѣсь „цклись пури“ (წყლის პური).

Для приготовления похлебки употребляются лобія, бобы, горохъ, чечевица, зеленые стручки лобіи; кромѣ того, въ отварномъ видѣ употребляется въ пищу крапива, фіалка, лебе-

*) Какъ поддонники подъ глиняныя цвѣточныя банки.

да, листья свеклы и многих других растений *).

Лобія у жителей находится въ большомъ почетѣ. Она, какъ выражается самъ народъ, не замѣнима никакою другою похлебкою, ни постною, ни, даже, скоромною; всякая пища, по мнѣнію народа, отъ частаго употребленія, пріѣдается, но лобія—никогда. Скоромная пища употребляется, особенно въ бѣдномъ классѣ, только въ праздничные дни, но съ лобією жители не хотятъ разставаться и по праздникамъ. „Шекецили“ съ лобією подается на столъ, какъ самый лакомый хлѣбъ. Чтобы „шекецили“ вышелъ вкуснѣе и пріятнѣе на видъ, для этого лобію, предназначенную въ приправу къ нему, предварительно очищаютъ отъ кожицы. Это дѣлается такъ: варятъ лобію слегка въ водѣ, смѣшанной съ золою; кожица отъ этого скоро начинаетъ отставать; тогда, обливъ лобію холодной водою, начинаютъ растирать ее между пальцами, причѣмъ кожица отстаетъ и плаваетъ вверху, а на днѣ сосуда остается бѣлая лобія; ее снова варятъ, прибавляютъ свиного сала и приготавливаютъ густую изъ этого кашу; затѣмъ расплющиваютъ тѣсто въ видѣ круга, кладутъ на него кашу и загибаютъ края къ центру круга; на поверхности дѣлаются (тупымъ ножомъ) насѣчки вродѣ радіусовъ, съ краевъ же — зубчики (пальцами). Приготовленный такимъ образомъ „шекецили“ кладутъ на горячій кеци, сверху закрываютъ другимъ горячимъ кеци, краями внизъ. Черезъ четверть часа „шекецили“ уже испечены; доставъ его изъ кеци, мажутъ сверху свинымъ саломъ, и „шекецили“ уже готовы. Приготовленіе шекецили и бохчури производится на тонкой легкой дощечкѣ въ $\frac{3}{4}$ аршина длиною и $\frac{1}{2}$ аршина шириной, которая называется у народа ороми (ორომი); ее предварительно посыпаютъ мукою, чтобы тѣсто не приставало

*) Таковы: ქალშავა, ვატყვა ვილა, ზილარა, თივნიხყურა, მოლოქა, მსუქანა, რუხვი ფხალი ანუ კიკლაყა, წითელი ფხალი, ყველერწო, ხვართ-ქლა, ზერჩო, (спаржа) სეინტრი, შეკანძალა, ფშალა (хмель) ქალაკოლა. Последняя употребляется и въ сушеномъ видѣ.

къ дереву. При приготовленіи шекецили, женщины обыкновенно садятся на землю, а ороми кладутъ къ себѣ на колѣна.

Тѣсто мѣсятъ въ корытѣ или на „буджери“ или „варцли“ (ბუჯერი или ვარცლი). Послѣднія два названія обозначаютъ доску длиною до 3, шириною до 1 арш., съ однимъ или двумя углубленіями, изъ коихъ одно выдолблено для пшеничнаго, а другое для кукурузнаго тѣста, на обоихъ или на одномъ концѣ у „варцли“ дѣлается плоскость въ $\frac{3}{4}$ кв. аршина, для расплющиванія на ней лаваша или хлѣба. Буджери поддерживается на ножкахъ, чтобы на немъ можно было мѣсить тѣсто стоя. Печеніемъ хлѣба занимаются и нѣкоторые мужчины, — тѣ, которые служили у помѣщиковъ еще во время крѣпостного права.

Мясная пища употребляется состоятельнѣйшими почти каждый скоромный день, а прочими — въ праздничные дни и въ другихъ важныхъ случаяхъ. Для мясныхъ кушаньевъ употребляется: свинина, курятина, говядина и др. Свинину предпочитаютъ всякой другой мясной пищѣ только бѣдные. Свинину, курятину, иногда говядину и др. мясо жители солятъ и коптятъ въ дыму. Копченая свинина называется здѣсь „лори“ (ლარი), а прочіе виды копченаго мяса — „пашхи“ (შაშხი).

Изъ напитковъ народъ употребляетъ только вино. Постоянно пьется оно лишь въ двѣнадцати богатѣйшихъ семействахъ. Прочіе жители пьютъ вино не часто; состоятельнѣйшіе крестьяне, кромѣ праздниковъ и важныхъ случаевъ, пьютъ вино и при полевыхъ работахъ.

Одежда и обувь.

Одежду мужчинъ у всѣхъ сословій составляютъ черкеска, называемая здѣсь „чохою“, архалухъ (საგულე, ახალუბი), папаха или, вмѣсто нея, войлочная шляпа, войлочная шапка, рѣдко доскутъ сукна овальной формы, съ подкладкой, прикрывающей только темя и поддерживаемый шнуркомъ подъ подбородкомъ; костюмъ дополняютъ шаровары, которые поддерживаются

шнуромъ *ხვანჯარი* (хванджари), который завязывается у пупка; вяжутъ его женщины изъ хлопчатой бумаги или изъ шелковыхъ нитокъ. У богатыхъ, преимущественно изъ привилегированнаго сословія, платье отличается и лучшимъ покроемъ, и качествомъ матеріала, и шьется нерѣдко изъ дорогой, шелковой или шерстяной, матеріи, тогда-какъ у бѣдныхъ оно шьется изъ грубой шерстяной или бумажной ткани и часто испещрено заплатами. Бѣлье шьютъ богатые люди изъ коленкора, миткаля и ситца, а бѣдняки изъ мѣстной матеріи „самосели“ или изъ бязи и рѣже изъ кумача и ситца. Однимъ изъ самыхъ главныхъ украшеній является поясъ. У богатыхъ онъ бываетъ убранъ серебряными съ чернью, или съ позолотою пряжками, или разными украшеніями изъ кости, рога и перламута. Чаше украшенія дѣлаются только на бедрахъ и спереди. Изъ украшеній пояса обращаютъ на себя вниманіе, какъ остатки старины, огниво (квеси—*კვესი*) и сальница (саконе—*საქონე*). На концахъ огнива дѣлаются приспособленія для развинчиванія и чистки ружья (отвертка и др.). Сальница предназначалась, конечно, для сала, нужнаго для смазки оружія. Поясъ украшаютъ еще кинжаломъ въ серебряной оправѣ. Поясъ съ украшеніями, но безъ кинжала обходится щеголю отъ 10 до 50 руб., а съ поясомъ—вдвое больше. Иные носятъ еще шашку, которая дѣлается также съ дорогою оправою (ножны, рукоятка, ремни, которыми она надѣвается на плечо). Черезъ плечо для украшенія надѣваютъ еще позументъ, къ которому привязываютъ *საძრაპო*, или сапирисцамле (*საპირისცამლე*). Это роговая въ серебряной оправѣ или вся серебряная посуда для пороха. Она также представляетъ остатокъ старины: служила прежде для того, чтобы насыпать порохъ на полку кремневки. Грудь украшаютъ газырями (*ქაღები*—вилеби), оправленными въ серебро.

Бѣдные опоясываются простымъ кожанымъ поясомъ, большую часть своей работы; на поясѣ носятъ огниво, ножъ, съ

кожаными ножнами собственной же работы, кожаную сумочку для кремня, трута, огнива (если оно не висит отдѣльно), иногда и для табаку. Для табаку употребляется обыкновенно кисеть („киса“—ქისა) изъ какой-либо недорогой ткани; онъ вѣшается на поясъ.

Обувь богатыхъ парней составляютъ башмаки безъ подметокъ, при которыхъ надѣваются еще кожаные голенищи съ позументомъ; носятъ также и чуваки съ подметками; рѣдко употребляются сапоги. Бѣдные надѣваютъ лапти разной кройки: квахунджи (კვახუნჯი), чарули (ჭარული) и картули (ქართული). Лапти шьютъ изъ кожъ бычачьихъ и коровьихъ. Стоитъ только высушить кожу, и она для приготовления лаптей дальнѣйшей отдѣлки не требуетъ; даже и волосъ иные не соскабливаютъ съ кожи, предназначенной для лаптей. Зимой надѣваютъ иногда, особенно въ дальнй путь, другого рода обувь: бандули (ბანდულები). Бандули—родъ чувяковъ изъ тонкой волосатой коровьей кожи, или, чаще, изъ козьей, бараньей или телячьей, волосами наружу. Носки употребляются исключительно шерстяныя; на голени надѣваются пайчи: это—голенища, которыя вяжутъ изъ черной или сѣрой шерсти. Чтобы пайчи не падали внизъ, верхнйе края ихъ вмѣстѣ съ нижними краями штановъ завязываютъ узорчатой, шерстяной или бумажной, мѣстной работы, лентой, называемой „леквертхеби“ (ლევერტხები).

Для поддерживаня въ ногахъ зимою теплоты, а лѣтомъ прохлады, лапти и бандули надѣваютъ не иначе, какъ подложивъ въ нихъ соломы, называемой „томи“ (თომი—лучшй сортъ) и „мечечури“ (მეჩეური—нишй сортъ). Крестьяне твердо вѣрують, что солома умѣряетъ лѣтомъ жаръ, а зимою холодъ. Томи и мечечури крестьяне достаютъ нарочно для этой цѣли изъ далекихъ мѣстъ, съ подошвъ снѣговыхъ горъ.

Платье богатыхъ женщинъ привилегированнаго сословія—чисто европейское. Иногда, однако, надѣваютъ и мѣстное пла-

тье. Оно состоитъ изъ юбки со шлейфомъ и лифа съ открытою грудью и широкими, отъ локтя разрѣзанными спереди, рукавами. Къ лифу всегда надѣваютъ нагрудникъ (გულსპირი), рукава (საბელოები—обшлага) и поясъ (საჯეული). Нагрудникъ, рукава и поясъ носятъ по большей части ярко-краснаго, темно-краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. иногда употребляются и другіе цвѣта. Шьютъ ихъ изъ атласной или другой цѣнной шелковой матеріи и часто вышиваютъ золотомъ. Верхняя часть нагрудника, около горла, устраивается съ вырѣзкою; часть шеи, не закрытая этой вырѣзкою, украшается золотымъ крестикомъ или медальономъ. Поясъ состоитъ изъ узкой, въ одинъ дюймъ шириною, ленты, огибающей стань, и двухъ широкихъ кусковъ, въ полуфута шириною, которые спереди свѣшиваются до ступни. Самую дорогую часть этого костюма составляетъ лифъ съ поясомъ. Головной уборъ составляютъ: тавсакри или тавсераки (თავსაკრი, თავსერაკი), лечаки (ლეჩაკი), тавсапари или платокъ (თავსაფარი), багдади, или шелковый платокъ (ბადადი), дараа, или большой шелковый платокъ (დარაი), гарусъ, т. е. шелковый или шерстяной (გარუსი), два локона длиною отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ аршина и болѣе (კვეპი), чихта или копи (ჩიხტა или კოპი), гаурджела (გაურჯელა), киндзись-тави (ქინძისთავი—золотая булавка) и, наконецъ, серги. Тавсераки или тавсакри есть полоска дорогой бархатной атласной или другой шелковой ткани, вышитой золотомъ; пожилыя женщины носятъ тавсакри безъ вышивки. Длина тавсакри—отъ 10 до 14 вершковъ, ширина 1 верш. Тавсакри выбираютъ такого цвѣта, который болѣе идетъ къ лицу, чаще фіолетоваго. Лечаки—ткань вродѣ вуали, трехугольной формы. Чихта—картонный кругъ, въ $\frac{1}{4}$ арш. въ діаметръ оклеенный простою матеріею. Половина этого круга дѣлается отвѣсною, а у другой половины верхній край постепенно загибается вовнутрь. Когда женщины надѣваютъ на голову кони или чихта, отвѣсная часть его приходится надъ лбомъ, и захватывается половину его, загнутый же край доходить до темени.

Къ чихта прикрѣплены шнурки, которые завязываются подъ волосами, сзади, чѣмъ она укрѣпляется на головѣ. На чихта надѣвается „лечаки“ однимъ угломъ, а остальные два угла спускаются сзади. Пустое мѣсто, оставшееся внутри чихта, наполняютъ „гаурджелой“. Это согнутый полукругомъ валикъ, наполненный ватой, на концахъ онъ суживается и оканчивается остріями; онъ обшивается шелковою матеріею. Порядокъ надѣванія—такой: сперва укрѣпляютъ на головѣ „кавеби“; затѣмъ накладываютъ „чихта“; на нее надѣваютъ „тавсакри“ и, наконецъ, накрываются „багдади“ или „дарая“, или „лечаки“. Такой головной уборъ называютъ „тавхурва“ (თავხურვა). Багдади, дарая и гарусъ надѣваютъ только зимою, по большей же части, и зимою, и лѣтомъ ходятъ въ одномъ „лечаки“. Такой головной уборъ употребляется женщинами въ важныхъ случаяхъ, когда имъ приходится быть въ обществѣ, а дома ходятъ или съ обнаженной головой, или въ дамскомъ башлыкѣ, или въ одномъ платкѣ—бумажномъ, шерстяномъ (маниной—მანიბოლი) или шелковомъ, или, наконецъ, въ гарусѣ. Платье надѣваютъ дома простое ситцевое или шерстяное, простой кройки.

Одежду крестьянокъ составляютъ: „каба“ (კაბა)—платье наподобіе русскаго сарафана, юбка (იუბკა), архалухъ (არხალუხი, ახალუხი), сатбури (საბურბი). Каба шьется длиною до ступни, изъ недорогой матеріи, большею частью изъ ситца или изъ „лаини“ (см. выше), или изъ бумазеи. Между праздничною и обыденною одеждою крестьянокъ и крестьянъ разницы почти не бываетъ. Въ обновки они наряжаются только къ Пасхѣ, и какъ бы ни былъ бѣденъ крестьянинъ, все-таки этотъ торжественный праздникъ онъ считается долгомъ встрѣтить въ новомъ платьѣ. Это платье служитъ ему и праздничнымъ, и будничнымъ до слѣдующей Пасхи; въ праздники, обыкновенно, надѣваютъ одежду лицевою стороною, а въ будни—на изнанку. Юбка дѣлается или изъ ситца, на ватѣ, или изъ бумазеи, а иногда изъ одного миткала. Сатбури—пальто, дѣлается изъ какой-

либо недорогой матеріи, на ватѣ, и надѣвается для защиты отъ зимняго холода. Архалухъ шьютъ изъ ситца, бумазеи, рѣдко изъ шерстяной матеріи и изъ „лаини“. Архалухъ надѣваютъ только пожилыя женщины. На голову крестьянки, обыкновенно, надѣваютъ бумажный платокъ, а въ праздники — шерстяной (маниной) или шелковый платокъ (багдади) или гарусъ, или дарая; другого головного убора онѣ не дѣлаютъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ.

Бѣлье шьютъ большею частью изъ мѣстной бумажной матеріи, „самосели“, и предварительно ее красятъ для молодыхъ въ красный цвѣтъ, а для пожилыхъ въ синій (въ красный цвѣтъ женщины красятъ сами). Шьютъ бѣлье также изъ кумача и синей бязи. Бѣлье окрашивается для того, чтобы на немъ меньше была примѣтна грязь, и чтобы часто не приходилось мыть. Моютъ бѣлье у крестьянъ въ году разъ, два, рѣдко до трехъ разъ. Для удаленія насѣкомыхъ изъ бѣлья, его почти каждую недѣлю вытряхиваютъ надъ огнемъ.

Обувь женщинъ привилегированнаго сословія составляютъ полусапожки и туфли; дома иногда надѣваютъ и „коши“ (ქოშბი, это туфли безъ задковъ). Крестьянки же обуваются въ башмаки, чусты, лапти, а больше всего ходятъ босикомъ.

Лицо свое женщины бѣлятъ бѣлилами, называемыми „умарули“ (უმარული), а румянятъ лицо красною краскою, называемою „пери“ (ფერი). Умарули готовится изъ олова съ примѣсью яичнаго бѣлка, бѣлаго ручнаго мыла и др. веществъ или изъ ртути. Изъ ртути умарули готовятъ такъ: берутъ по равному вѣсу ртути и азотной кислоты, или немного больше кислоты (иногда и вдвое больше, если кислота не крѣпкая), смѣшиваютъ вмѣстѣ въ стеклянной посудѣ, при чемъ ртуть въ кислотѣ превращается въ бѣлую, какъ молоко, жидкость. На эту смѣсь наливаютъ воду, смѣшанную съ солью, взбалтываютъ, и потомъ оставляютъ посуду въ покоѣ; черезъ нѣсколько часовъ бѣлила осаждаются на дно посуды, воду отли-

вають и доливають опять свѣжею водою, опять съ солью; такимъ образомъ „моются бѣлила“ въ теченіе 8 дней, при чемъ перемѣняется вода каждый день. Послѣдній разъ, вмѣсто соленой воды, въ бѣлила наливають розовую воду, а гдѣ ея нѣтъ, простую прѣсную.

Я з ы к ъ.

Особенности языка жителей Сори, какъ и, вообще, почти цѣлаго Рачинскаго уѣзда, состоятъ въ томъ, что въ немъ употребляются нѣсколько рѣченій, которыхъ у карталинцевъ не встрѣчается; таковы слова: *ззз* (кве), *ѵо* (чи), *уу* (ке), *ооу* (име), суффиксы *уба*, *уза* (уна, ука). *ѵо*—это сокращенное *ѵебо* *ѵо* (шени чириме)—пожалуйста. Напр.: *ѵо* (моитане чи)—принеси; пожалуйста—*ѵебо* *ѵо* (чаме чи)—кушай пожалуйста и т. п. *ззз* (кве) значитъ „уже“ или „же“; напр.: *ѵе* *ззз* *ѵо* (квеве)—я уже принесъ; *ззз* *ѵо*—когда же? и т. д. *ооу* (име) выражаетъ удивленіе: *ооу*!—ну, зачѣмъ? *уу* (ке) употребляется при повелительномъ или изъявительномъ наклоненіи и замѣняетъ мѣстоимѣнія: „ихъ“, „его“. Напр.: *ѵе* *уу*—возьми или поведи ихъ; *ѵе* *уу*—я привелъ ихъ. *уба*, *уза*, *ука*, (уна, ука, ука) суть окончанія уменьшительныхъ и уничижительныхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ: *ука* (катуна)—кошечка, *ѵе* (кудуна)—шапочка, *ѵе* (пацаина), *ѵе* (пацауна)—малюсенькій, *ѵе* (шаука)—черненькій, *ѵе*—блѣнный и т. д.

Б о л ѣ з н и.

Изъ болѣзней села обращаютъ на себя вниманіе: ревматизмъ, зобъ, судороги и лихорадка.

Ревматизмомъ болѣютъ исключительно крестьянскія женщины, вслѣдствіе сырости жилищъ, какъ объ этомъ сказано выше. Зобъ обнаруживается слѣдующимъ образомъ: съ одной или съ обѣихъ сторонъ дыхательнаго горла, ниже адамова яблока, появляется мясистый наростъ, вродѣ птичьего зоба,

различной величины: отъ 1 до 6 дюймовъ длиною и отъ 1 до 3 въ ширину и толщину *). Длинный зобъ дѣлается уже всячимъ. Зобъ называютъ здѣсь *zozzo* (кикви). Причину появленія зоба приписываютъ качеству родниковой воды, употребляемой для питья, что подтверждается тѣмъ, что зобъ появляется и у женщинъ, вышедшихъ замужъ за мужчинъ с. Сори, чрезъ два или три года по пріѣздѣ ихъ въ село. Этою болѣзнию страдаютъ жители села не повсемѣстно, а только въ двухъ частяхъ его, имѣющихъ свои колодцы. Впрочемъ и въ этихъ мѣстахъ не всѣ болѣютъ зобомъ: въ послѣднее время жители этихъ частей села стали употреблять воду изъ р. Ріона или изъ родниковъ другихъ частей Сори, и потому, вѣроятно, зобомъ стали болѣть меньше и не въ такой сильной степени, какъ прежде болѣли. Зобъ, впрочемъ, встрѣчается и у жителей сосѣднихъ съ Сори сель, именно: въ сел. Цеси и Лихети. У больныхъ зобомъ голосъ бываетъ нечистъ и неблагозвученъ.

Историческіе памятники.

Изъ историческихъ памятниковъ с. Сори, во первыхъ, обращаетъ на себя вниманіе штатная церковь, называемая „Джварисъ монастыри“ (*ჯვარის მონასტერი*), что въ переводѣ значитъ: монастырь креста. Она, какъ видно изъ этого названія, построена во имя креста Господня и прежде, 35 лѣтъ назадъ, служила монастыремъ. Длина ея съ притворомъ—7, а безъ притвора—5 саж. 1 ар., ширина съ боковой пристройкой—5 саж. 1 ар., а безъ пристройки—3 саж. 2 ар. Она построена изъ нетесаного камня, доставленнаго изъ р. Сонтарули; вѣнецъ имѣетъ изъ тесаного камня. Сводъ у нея каменный, полъ изъ извести и песку; оштукатурена внутри алебастромъ, а снаружи известью. Стѣны ея сплошь исписаны картинами, представляющими историческія лица и событія ветхаго и

*) Десять лѣтъ назадъ тому были въ селѣ двѣ женщины, у которыхъ зобъ былъ длиною въ одинъ футъ и висѣлъ, какъ сумка, на груди.

новаго завѣта, въ греческомъ стилѣ, и портретами рачинскихъ владѣтельныхъ князей и княгинь, по фамиліи „Эристава“, въ національныхъ ихъ костюмахъ тогдашняго времени. Надписи подъ каждымъ изображеніемъ сдѣланы грузинскими церковными буквами, а подъ нѣкоторыми князьями — гражданскими *). О времени построения этой церкви не имѣется никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній; извѣстно только, по преданію, что она построена княземъ Эристави — калѣкой, который и нарисованъ на сѣверной стѣнѣ церкви; подъ изображеніемъ его имѣется слѣдующая надпись грузинскими гражданскими буквами: წმინდაო: გიორგი: მრავალძელობაო: მეოხ:: დამფარველ: ექმენ: წინაშე: ღვთისა: პარიელის: ძესა ქველსა: Въ переводѣ это значитъ: „Святый Георгій Мравалдзальскій! **) будь ходатаемъ и покровителемъ предъ Богомъ Квелу, Чаріелову сыну“. Церковь эта, по словамъ стариковъ, была крестообразная, и съ южной, сѣверной и западной стороны имѣла пристройки, которыя уступали главной церкви и по высотѣ, и по длинѣ своей. Изъ этихъ пристроекъ сѣверная была по какой-то причинѣ разрушена монахами (вѣроятно, какъ не нужная), остальные же продолжаютъ существовать. Южная пристройка, съ каменнымъ сводомъ, раздѣлена на двѣ части каменной перегородкой; одна изъ нихъ, что пообширнѣе другой, по преданію, служила гробницею мѣстныхъ владѣльцевъ, князей. Западная пристройка также о двухъ отдѣленіяхъ, которыя, какъ видно, были раздѣлены каменною же перегородкою (нынѣ она замѣнена деревянной); каменный сводъ ея на половину разрушенъ и замѣненъ драневою крышею. Южная пристройка имѣетъ въ длину—5 саж. а въ ширину 5 арш.,

*) Одинъ изъ этихъ князей держитъ въ рукѣ планъ церкви; онъ считается обновителемъ ея; имя этого князя Шошита, фамилія Эристави; у другого, стоящаго съ нимъ рядомъ, въ рукѣ крестъ.

**) Мравалдзали или Бравалдзали (მრავალძალი) — село въ южной части Рачинскаго уѣзда, съ церковью св. Георгія, въ которой находится чудотворная его икона.

высоту больше 1 сажени; западная въ длину—3 саж. 2 ар., въ ширину—4 арш., а въ высоту—до 4 арш. Каждое отдѣленіе означенныхъ построекъ служило придѣломъ главной церкви, какъ это ясно видно по оставшимся въ нихъ до настоящаго времени престоламъ, пристроеннымъ къ стѣнѣ, и другимъ частямъ алтаря. Когда Джварись-монастери служилъ монастыремъ то, какъ въ главномъ храмѣ, такъ и въ его придѣлахъ, одновременно отправлялись монахами церковныя службы.

Старыя книги этой церкви всѣ—рукописныя и писаны на пергаментѣ. Изъ нихъ болѣе всѣхъ обращаетъ на себя вниманіе евангеліе своими картинами, писанными съ удивительнымъ искусствомъ, красками съ золотомъ. Къ сожалѣнію отъ этого евангелія осталось только нѣсколько листовъ. Изъ церковныхъ вещей замѣчательнъ одинъ крестъ высотой въ 4 арш., шириною въ 2 арш.; ширина доски этого креста—четверть аршина, толщина—3 вершка. Какъ и теперь видно, этотъ крестъ прежде весь былъ оправленъ въ серебро, но эта оправа была снята врагами христіанства, когда ими была ограблена церковь. На оставшейся оправѣ видны надписи, вытисненныя церковными буквами; разобрать ихъ нѣтъ возможности.

Обращаютъ на себя вниманіе также двѣ иконы Спасителя, имѣющія по $1\frac{1}{2}$ арш. высоты и до одного арш. ширины; обѣ эти иконы оправлены кругомъ въ золото, каймою въ 2 и 3 вершка ширины; на этой оправѣ видна надпись церковными грузинскими буквами; кромѣ того, эти иконы украшены крупными (въ орѣхъ величиною) драгоценными камнями: яхонтами, изумрудами и другими.

Одна изъ этихъ иконъ состоитъ собственно изъ 3-хъ иконъ, представляющихъ Спасителя: одна изъ нихъ—главная, въ нее вставлена вторая икона Спасителя, меньшей величины; во вторую же вставлена еще третья икона. Всѣ эти три иконы съ лицевой стороны украшены драгоценными камнями

различной величины: главная икона—крупными, а маленькія —мелкими. Всѣ онѣ съ лицевой стороны оправлены по краямъ въ золото; на главной иконѣ эта оправа, какъ видно изъ оставшихся слѣдовъ, испещрена была надписями сдѣланными церковно-грузинскимъ шрифтомъ; но изъ этой оправы большая часть снята и замѣнена впоследствии простыми листами золота, а потому не было возможности прочесть надпись на главной иконѣ. Каждая изъ остальныхъ двухъ иконъ съ задней стороны покрыта сплошь золотой оправой. На задней оправѣ второй иконы, во всю величину послѣдней, изображенъ крестъ, вокругъ котораго имѣется слѣдующая надпись крупными буквами церковно-грузинскаго шрифта:

მოსდრიკენ: ცანი: ვითარცა: კამარანი: და: გარდამო ზედ: ძიებად:
შეტომილთა: ჩვენცა: მიძიენ: ცხოვარნი: *) მირიან: და: ნათლ:
შვილითურთ: ჩვენით: არსთა: არს მქნელი ჯვარცმისა**).
Далѣ видны верхнія части отъ буквъ двухъ или трехъ словъ, которыхъ, за отпаденіемъ оправы, нельзя прочесть.

Переводъ (дословный).—„Ты согнулъ небеса, какъ своды, и нисшелъ искать преступившихъ (заповѣдь),—найди и насъ —животныхъ, низкихъ: Миріана съ его свѣтлыми дѣтьми! Сдѣлано сіе распятіе...“

На третьей иконѣ сзади изображенъ крестъ, а вокругъ него надпись: რომელი: ჩვენთვის: ჯვარს: ეცი: ქრისტე: ღმერთო:
ჩვენა: მეოზ: მეყავი: ჭარელის ძესა: ქველსა: მირიანს: და: ცოლსა: ჩემსა:
მარიამსა:

Переводъ.—„Насъ ради распявшійся на крестѣ Христось, Богъ нашъ, будь ходатаемъ Чаріелову сыну—Квели Миріану и женѣ моей Маріи!“

У третьей вставленной иконы есть углубленіе, прикрываемое двустворчатыми дверцами, изъ которыхъ на одной изображенъ апостоль Петръ, на другой—апостоль Павелъ. Въ

*) Здѣсь не разобраны два слова; кажется: „ვითარცა მდაბალნი.“

***) Не разобрано.

этомъ углубленіи хранятся въ маленькихъ деревянныхъ коробкахъ изъ дѣльнаго дерева, закрываемыхъ серебряными пластинками, мощи св. Николая, Іоанна и друг. Коробочки имѣютъ въ длину по 1 дюйму, въ ширину и высоту—по 3 линіи.

Во вторую изъ главныхъ иконъ тоже вставлена икона, на которой съ задней стороны, на серебряной оправѣ, изображенъ крестъ, а вокругъ креста есть надпись грузинскими гражданскими буквами слѣдующаго содержанія:

გი: რომელი: მოხვედ პირველ ცთომისა: დახსნად: იესო: ძეო: ღვთისა ცხოველისაო: შემოწყალე: მე: ერისთავის: შვილი: ხოსია, რომელმაც: კელ ვყავ: მკობად: ხატსა: ამას: შენსა: რათა: ღირს: მყო: მე: მარჯვენით: შენს დადგომად: დღესა: მას: დიდსა: განკითხვისასა: ამინ: გი: მაცხოვარო: მშვიდობით: დაიციე: ერისთავის: შვილი: ქაიხოსრო: ამინ:

Переводъ.—„Иисусе, Сыне Бога живаго, Который пришелъ избавить отъ первороднаго грѣха, помилуй меня, сына Эристави Хосіа, который сдѣлалъ оправу на сей иконѣ, дабы Ты удостоилъ меня стать одесную Тебя въ день страшнаго суда, Аминь“.

„Спаситель, сохрани въ мірѣ сына Эристави Кайхосро! Аминь“.

Годъ изготовленія этихъ иконъ нигдѣ не обозначенъ; по виду онѣ весьма древни.

Замѣчательна еще икона св. Георгія, высотой въ поларшина, шириною въ 1 футъ, вся оправленная въ серебро; какъ утверждаетъ надпись (гражданскими буквами), на ней находящаяся, она пожертвована этой церкви отъ Хосіа Эристава.

По своей древности выдаются также плащаница, епитрахиль и архіерейскій омофоръ. На нихъ весьма живописно вышиты шелкомъ и серебромъ историческія лица и картины историческихъ событій; шитье украшено множествомъ драгоценныхъ камней—разнаго достоинства: жемчугомъ, яхонтами, изумрудами, бирюзой и др.

Сохранилось преданіе, что Джварисъ-монастери вста-

рину былъ однимъ изъ богатѣйшихъ, но, во время вторженія какихъ-то враговъ христіанства, часть его вещей была перенесена монахами въ Гаенатскій монастырь, что близъ Кутанса, а часть была унесена непріятелями.

Кромѣ этой, штатной, есть въ селѣ еще приписная церковь, во имя архангела Гавріила, построенная, по преданію, одновременно съ „Джварисъ-монастери“ нянею того князя Эристави, которымъ былъ построенъ послѣдній. Размѣръ этой церкви не великъ: длина— $2\frac{1}{2}$ сажени и ширина $1\frac{1}{2}$ сажени; она каменная, съ каменнымъ же сводомъ и съ одною дверью.

Въ окрестностяхъ Сори видны развалины трехъ церквей, изъ коихъ одна находится въ самомъ селѣ, другая въ мѣстности „Скадоръ“, на разстояніи трехъ верстъ отъ Сори; послѣдняя—въ глухомъ лѣсу, на разстояніи трехъ же верстъ отъ села. При этой послѣдней развалинѣ, называемой „Гадамшисъ-на-савдри“ (გადამშის ნახევარი), по имени Гадамшской горы, до сихъ поръ лежатъ желѣзный лукъ съ цѣпью и желѣзная стрѣла. Въ самомъ селѣ стоятъ развалины четырехъ башенъ; изъ нихъ двѣ уже обваливаются.

Въ трехъ верстахъ отъ Сори, къ западу, на лѣвомъ берегу р. Ріона, возвышается крутая скала „Магалтисъ-кде“, высотой въ 20 саж. и длиною столько же. У ея подножія течетъ шумный Ріонъ. Почти по срединѣ этой скалы, наподобіе птичьяго гнѣзда, въ стѣнѣ видна каменная постройка, длиною до трехъ, а высотой до двухъ аршинъ; она имѣетъ отверстіе для входа и выхода, шириною и высотой по $1\frac{1}{2}$ арш. Черезъ это отверстіе видна маленькая пещера, въ которой, какъ видно издали, даже и человѣку низкаго роста можно только сидѣть или лежать, но не стоять. Снизу видно, что три стѣны этой пещеры составляетъ скала, а одну—помянутая каменная постройка; больше этого объ ея внутренней обстановкѣ и объемѣ ничего нельзя сказать, такъ какъ она, по недоступ-

ности, никѣмъ не изслѣдована. Какимъ образомъ строитель этой пещеры туда доставлялъ строительные матеріалы,—не извѣстно. Существуетъ преданіе, что въ этой пещерѣ жилъ встарину одинъ великанъ, по имени Кайси (Кайси), родомъ осетинъ. Онъ грабилъ путешественниковъ, проходившихъ мимо этой пещеры по дорогѣ, проложенной по правому берегу Ріона, на мѣстѣ которой теперь находится Военно-осетинская дорога. Говорятъ, у Кайси ноги были такъ длинны, что онъ, для переправы чрезъ Ріонъ, не нуждался въ мостѣ, а двумя, тремя шагами переходилъ на другую сторону рѣки, ступая по камнямъ, образующимъ и теперь подъ этой скалой порогъ. Въ этомъ мѣстѣ Ріонъ имѣетъ въ ширину сажени пять. Наконецъ, Кайси, говорятъ, былъ убитъ изъ ружья какимъ-то соперникомъ, шедшимъ мимо скалы.

Къ западу отъ „Магалтисъ-кде“, иначе называемой „Кайсисъ-кде“, у самой оконечности „Лихетско-Магалтской“ возвышенности, надъ Военно-осетинскою дорогою, на большой высотѣ, почти на границѣ селъ Сори и Цеси, построена большая крѣпость, называемая „Минда-цихе“ или „Миндлисъ-цихе“ (მინდაციხე, მინდლისციხე). О ней существуетъ слѣдующее преданіе.

Строители этой крѣпости, при возведеніи ея стѣнъ, поймали мальчика въ сосѣднемъ селѣ, Цеси, по фамиліи Миндели, и живьемъ заложили его въ стѣну строившейся крѣпости. Въ народѣ есть повѣрье, что при постройкѣ какого-либо большого зданія, напр.: крѣпости, церкви, моста и др., строители изъ грековъ или татаръ всегда въ стѣну постройки замуровываютъ живого человѣка, и, по большей части, жертвами этого суевѣрія, говорятъ, дѣлаются дѣти, какъ болѣе слабыя существа. Въ крайнемъ случаѣ, если нѣтъ возможности поймать человѣка, то закладываютъ въ стѣну птицу или четвероногое домашнее животное. Вотъ что разсказывается народомъ о поимкѣ мальчика для Миндацихе: когда строители

этой крѣпости поймали помянутаго мальчика и стали вставлять въ стѣну крѣпости, объ этомъ узнала мать ребенка и поспѣшила къ мѣсту постройки, чтобъ освободить сына; но было уже поздно, ее не допустили къ сыну; она, въ отчаяніи, стоитъ поодаль стѣны и, наблюдая надъ работою строителей, замуровывающихъ въ стѣну ея живое дитя, съ рыданіями, спрашиваетъ своего сына: до какого мѣста заложили его; сынъ отвѣчаетъ сперва, что его заложили до колѣнъ, потомъ, на новыя вопросы матери, — до живота, — до груди, — до головы и, наконецъ, объявляетъ, что все кончилось *). Подъ впечатлѣніемъ этого горя, она рыдаетъ около крѣпости и въ стихахъ оплакиваетъ свое несчастіе:

„მინდლის ციხე მინდია,
ჩემის ცოდვით სავსეა:

თავ-წითელა მინდლის შვილი
კირწისთავით ასვია“.

Т. е.: „Ми́нда-цихе полна грѣхами чрезъ жестокое обращеніе со мною: красноголовое дитя Миндели вставлено въ нее внизъ головою“ **).

На крышѣ штатной церкви с. Сори, „Джварись-монастери“, поставленъ мѣдный крестъ, вышиною въ одинъ аршинъ съ лишнимъ, шириною $\frac{3}{4}$ арш.; на концахъ этотъ крестъ

*) Мать спрашиваетъ:

შვილო, სადნამდი?
შვილო, სადნამდი?
შვილო, სადნამდი?
შვილო, სადნამდი?
შვილო, სადნამდი?

Сынъ отвѣчаетъ:

დედა, მუზლამდი!
დედა, მუკლამდი!
დედა, გულამდი!
დედა, თავამდი!
დედა, გავთვდი!

**.) Есть нѣкоторое противорѣчіе между діалогомъ сына и матери и плачемъ послѣдней.

Насколько сильна и теперь въ народѣ вѣра въ этотъ предрасудокъ — о замуровываніи строителями въ зданіе людей, это подтверждается слѣдующимъ фактомъ, очевидцемъ котораго былъ пишущій эти строки. Въ 1863 году строили греки на Военно-осетинской дорогѣ мостъ чрезъ Ріонъ, какъ разъ у подножія „Магалтись-кде.“ Вблизи этой скалы у жителей Сори имѣются пастбищныя мѣста, подъ названіемъ „Скадора“. Во все время, пока продолжалась постройкаэтого моста, жители Сори, изъ боязни, чтобы кто-либо изъ дѣтей не былъ пойманъ греками, заставляли ихъ гонять скотъ на пастьбу не въ Скадоръ, а на другое отдаленное пастбище и, кромѣ того, строго — настрого воспрещали имъ выходить одними со двора. Когда мостъ былъ конченъ, и опасность похищенія дѣтей миновала, народъ распространилъ слухъ, что, не имѣя возможности поймать ребенка, греки заложили въ устои моста живого цѣтуха.

იმბეთ შარს, მუთნე ვ სერედინი, ველიჩინო სუ გუსინოე იაიწო. პლასტინკა მუდი, იავ კოტოროი სდუანუ კრესუ იმბეთ შირინუ ვერშკა ვ დვა, ა თოლცინუ ვ პოლ-დუიმა. ვოტ კაკოე პრედანიე იბუ ეტო მ კრესუ სოხრანილსუ ი სორცევ.

ეტოტ კრესუ, გოვარუთ ინი, პრინადლეჯალთ გადამშსკოი ცერკვი, კოტორაი, კაკუ ვიშე სკაზანო, სოიწუ ნა გორუ ვ ლუსუ, ვ ტრეხ ვერსახუ იტ სორი, ვ რავალინახუ. უ რავალინი ეტოი ცერკვი პრეტეკაეწ რუკა სონტარული, კოტორაი პოტომუ, იროშაი ვსე უშელე „მიგმარტი,“ პრეტეკაეწ ი მიმო „დუვარის-მონასტერი“, სოიწაგო ნა ლუვომ, ნიშმენომ ბერეგუ სონტარული, ვ 12-ტი საჯენახუ იტ ნეა. მეჯუ რავალინაიმი გადამშსკოი ცერკვი ი „დუვარის-მონასტერი“ — იკოლო 5 ვერსუ. რავ, პერედაეწ ნაროდუ სო სლოვ მონახოვ, ჯივშიხუ პრი „დუვარის-მონასტერი“, რუკა სონტარული რავილასუ ტაკუ სილნო, კო ვოდა ვუსტუპილა ივ ბერეგოვ, პოდნილასუ დო იფონავანი „დუვარის-მონასტერი“ ი იკრუჯილა იგო. ვ ეტო ვრეია სონტარული სნესლა სუ გადამშსკოი ცერკვი პომანუტუ მუდნი კრესუ, სოიწაჟი თეპერუ ნა კრუშუ „დუვარის-მონასტერი.“ კოგდა ეტოტ კრესუ ბულ დოტაშენუ ვოდო დო პოსლუდნიაგო, თო ვდუს ინი ნაჩალ კრუჯიწუ ნა პოვერხნოსი რუკი; ეტო ჯამბილი ჯივშიე ვ ტომ მონასტრუ მონახი ი ნემედლენო ვიტაცილი იგო ივ რუკი. ტაკუ ბულ დოსტავლენუ, პო ბოჟუეი ვოლუ, კუდესნი მობრამო მ, იშაჩენნი კრესუ ივ გადამშსკოი ცერკვი ვ „დუვარის-მონასტერი.“ ეტო პრედანიე სოხრანილსუ ვ ვიდი სლუდუოწეი პისნი.

სონტარულს შემოუთვლია:
 მოვალ და მოველალები,
 ვეხუ არ მინდა ნალები.
 ვისკილი ბევრი წავილე
 ზედ დაჯედილი კარები.
 მონასტერს მოუახლოვდი
 ზედ გადავხვიე მკლავები,
 ქარგი ჯვარი ქვე მივართვი

ბუშტები აქვს და თვალები.
 ანდრია მინდელს ხუცესსა
 ზადაურიე ქალები;
 იმას ბოსტანი მოვსტაცე
 ძინძი, ქონდარი, კამები;
 რცხალის ლეინო ბევრი ჰქონდა,
 ვითელი იყო ლალები.
 მინდო და შინ წევსრულიყო,

შენა მათი ქალები:

შიშვრებზე რომ დამინახეს,

შიცხლათ მოკეტეს კარები,

ჩიხაბადის ვენახს ვეცი,

შოვილიზე მისი ვახები;

ჩიონო! ჩამომეცალე

ხკოდორას მივექანები.

Переводъ.— „Сонтарули дала знать: „иду—шествую; ноги мои не нуждаются въ подковахъ. Много я снесла мельницъ и прикованныхъ къ нимъ дверей. Приблизившись къ монастырю, обняла его рукавами и поднесла ему хорошій крестъ съ шарами и камнями. У священника Андрея Миндели, я напугала женщинъ. Снесла его огородъ съ кишнецомъ, чаберомъ и укропомъ. Много у него было вина „рцхили“, красного, какъ рубинъ. Хотѣла зайти къ нему въ домъ,—по-смотриѣть его женщинъ. Но, завидѣвъ меня у воротъ, онѣ быстро притворили двери. Потомъ бросилась я на виноградникъ Чичабадзе и повырвала его лозы. Посторонись Ріонъ! —направляюсь къ Скадору!“

П р а з д н и к и .

Кромѣ всеобщихъ праздниковъ, жители села Сори празднуютъ еще нѣсколько мѣстныхъ, каковы: Нацихуроба (ნაციხურობა), Ахалквире (ახალკვირე), Гочисъ хутшapati (გოჩის ხუტაპათი), Бослоба (ბოსლობა), Еліоба (ელიობა), Читапанаоба (ჩიტაფანაობა) и нѣкоторые другіе.

Съ наибольшею торжественностью и веселіемъ изъ праздниковъ проводятся народомъ первый и второй дни Пасхи, Нацихуроба, Ахалквире и Еліоба, который празднуется здѣсь пять разъ въ году: въ три первые четверга отъ св. Пасхи, 20 іюля и въ сентябрѣ. Ахалквире называется воскресенье Өоминой недѣли, называемое еще иначе „второй Пасхой“. Гочисъ-хутшapati празднуютъ въ четвергъ, на недѣлѣ мясопустной, предъ масляницей, а Бослоба на той же недѣлѣ, въ субботу вечеромъ. Нацихуроба празднуютъ на четвертый по-недѣльникъ послѣ Свѣтлаго Воскресенія Христова, и всѣ три

понедѣльника до него въ честь Нацихуроба считаются также праздниками.

Къ празднику „Нацихуроба“ жители села Сори приглашаютъ гостей изъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Наканунѣ его (въ воскресенье вечеромъ), послѣ ужина, жители, болѣею частью вмѣстѣ съ своими гостями, начинающими собираться уже съ воскресенья, идутъ въ извѣстное мѣсто, называемое „Нацихури“, которое представляетъ маленькую площадку, лежащую на вершинѣ Гадамшско-Урекаульской возвышенности, у самой оконечности ея. На площадкѣ „Нацихури“, какъ болѣе или менѣе видной изъ всѣхъ частей Сори, стоитъ колокольня штатной церкви, чтобы оттуда лучше былъ слышенъ всѣмъ жителямъ звонъ колокола; сама же церковь стоитъ ниже этой площадки, у сѣверной подошвы возвышенности, на лѣвомъ берегу р. Сонтарули (за селомъ). Названіе этой площадки „Нацихури“, правильнѣе „Намцихвари“ (ნამციხვარი), въ переводѣ значить: „мѣсто бывшей крѣпости“. Тамъ и теперь видны остатки какой-то каменной постройки, которая, по преданію, и составляла прежде крѣпость. Говорятъ, тамъ прежде стояла и церковь.

Названіе свое праздникъ Нацихуроба получилъ, по всей вѣроятности, отъ названія этой площадки, такъ какъ жители Сори имѣли и имѣютъ обыкновеніе наканунѣ праздника собираться на ней. Существуетъ преданіе, что праздникъ Нацихуроба установленъ былъ въ честь мальчиковъ села Сори, или выражаясь народнымъ языкомъ, на счастье мальчиковъ, „ვაჟების ბეზბე“.

Собравшіеся на Нацихури жители молятся иконѣ св. Георгія, приносимой сюда къ этому случаю священникомъ изъ церкви. Молящіеся, преимущественно мѣстные жители, ставятъ иконѣ свѣчи; нѣкоторые жертвуютъ деньгами; послѣ молебна собравшіеся, въ числѣ которыхъ бываютъ и женщины, устраиваютъ хороводы, поютъ пѣсни, пляшутъ, веселятся до са-

наго разсвѣта, а къ разсвѣту возвращаются по домамъ. Утромъ, послѣ плотнаго завтрака, жители съ гостями, полушьяныне, отправляются въ церковь. Послѣ обѣдни священникъ устраиваетъ крестный ходъ вокругъ церкви, обнося иконы и крестъ два раза. Во время этого шествія, священника сопровождаетъ все мужское населеніе прихода; изъ постороннихъ и женщинъ никто не имѣетъ права участвовать въ этомъ шествіи. Во время крестнаго хода поется „Христосъ воскресъ“. Одинъ изъ участвующихъ въ этой процессіи держитъ въ рукѣ „буки“, трубу изъ красной мѣди съ узкимъ горлышкомъ (одинъ дюймъ въ діаметрѣ), въ два аршина длиною, съ конусообразнымъ рупоромъ на нижнемъ концѣ, и трубитъ, что есть силы, по три раза у каждаго угла церкви. Труба эта издаетъ рѣзкій, оглушительный звукъ.

Послѣ крестнаго хода священникъ съ причтомъ, съ иконами въ рукахъ, становится и читаетъ всенародно списокъ лицъ живыхъ и умершихъ, какъ своихъ прихожанъ, такъ и постороннихъ, жертвовавшихъ въ пользу церкви деньгами, животными или вещами. „*Такимъ-то* пожертвовано *столько-то*; да благословитъ его Господь (დაღვაც ღმერთმა)!“ говоритъ священникъ, когда жертвователъ живъ. „*Такой то-столько то*; да прости его Господь (ბეუბღვაც ღმერთმა)!“ говоритъ онъ, поминая усопшаго. За священникомъ повторяютъ то же самое и присутствующіе. Послѣ этого жители съ гостями собираются въ самомъ селеніи, на извѣстномъ мѣстѣ: устраиваютъ хороводы съ пѣніемъ разныхъ пѣсень, пляшутъ, занимаются стрѣльбой въ цѣль, которую представляетъ, обыкновенно, яйцо, а затѣмъ, чрезъ 2—3 часа, возвращаются домой. Въ весельи принимаютъ участіе и мужчины, и женщины. Въ подобныхъ же забавахъ жители проводятъ и послѣобѣденное время до самаго поздняго вечера.

Изъ прочихъ праздниковъ обращаетъ на себя вниманіе Бослоба—праздникъ хлѣва. По случаю Бослобы, какъ и

при другихъ подобныхъ случаяхъ, пекутъ много „шекецили“. Ночью предъ ужиномъ одинъ или нѣсколько изъ мужчинъ вмѣстѣ съ дѣтми, изъ коихъ маленькія берутся взрослыми на спину, отправляются въ хлѣвъ къ скоту, при чемъ берутъ бутылку вина, одинъ шекецили, называемый въ этомъ случаѣ „ганатехи“, одно яйцо и немного свиного сала. Отворивъ двери хлѣва, первый изъ входящихъ, а за нимъ и всѣ сопровождающіе его кричатъ: „босель, босель, бу!“ (ბოსელ, ბოსელ, ბუ!). Словомъ „бу“ зовутъ, особенно дѣти, быка или корову. Слова, произносимыя при этомъ случаѣ, означаютъ лишь обращеніе къ хлѣву и скоту. Войдя въ хлѣвъ съ зажженною восковою свѣчою, всѣ становятся вмѣстѣ; одинъ изъ старшихъ подходитъ по очереди къ каждому быку и коровѣ и, глядя ихъ яйцомъ по спинѣ, говоритъ: „медвѣдъ худой, а ты жирный; разжирѣешь, какъ это бѣлое яйцо“ (დათვი მკლე და შენ სუქნი ასე თეორად გასუქდები). Кромѣ того, говорящій эти слова мажетъ скоту саломъ рога и шею. Окончивъ эту церемонію, онъ приказываетъ другимъ, стоящимъ тамъ, чтобы всѣ закрыли глаза, и, чтобы это приказаніе было исполнено точнѣе, одинъ изъ присутствующихъ закрываетъ другимъ головы полами своей одежды и самъ замуривается; въ это время, распорядитель, обыкновенно, прячетъ въ ясляхъ въ саманѣ яйцо. Кто на другое утро отыщетъ это яйцо, тотъ будетъ считаться счастливымъ. Когда яйцо спрятано, по приказу распорядителя, всѣ открываютъ глаза, начинаютъ ѣсть ганатехи и пьютъ вино, при чемъ молятся: „ангелъ скота, избавь нашъ скотъ отъ звѣрей“ (ანგელოზო საქონლისაო, შენ დეიფარე ხადობისაგან ჩვენი საქონელი)! Одинъ маленькій кусокъ отъ ганатехи не ѣдятъ, а оставляютъ въ хлѣвѣ, забивъ его куда-нибудь, въ потолокъ или въ стѣну. Затѣмъ возвращаются домой. Между тѣмъ до ихъ возвращенія, двери дома запираются изнутри, и у дверей дожидается одна изъ женщинъ; когда извнѣ къ дверямъ подходитъ старшій изъ бывшихъ въ хлѣвѣ и обращается къ находя-

щимся дома съ словами: „желѣзная дверь (კარი ზკიბისა)! женщины отвѣчаютъ: „не господа (არა მეუფისა)!“ Затѣмъ женщина начинаетъ предлагать ему слѣдующіе вопросы, на которые онъ долженъ отвѣчать обычными фразами.

Вопросы женщины: Отвѣты мужчины отъ лица животныхъ и женщинъ:

Что быки сказали? „Приготовьте соху и ярмо, а мы готовы“.

Что коровы сказали? „Приготовьте помѣщеніе для телятъ, а мы готовы“.

Что лошади сказали? „Приготовьте помѣщеніе для жеребятъ, а мы готовы“.

Что свиньи сказали? „Приготовьте свинятню, а мы готовы“.

Что женщины сказали? „Приготовьте колыбели, а мы готовы“. *)

и т. д. Не забываютъ никого изъ живыхъ существъ: предлагаютъ вопросы и на счетъ куръ и другихъ птицъ. Послѣ этого отворяется дверь, и входятъ возвратившіеся изъ хлѣва. Какъ только они начинаютъ вступать въ домъ, то кто-нибудь бросаетъ въ каждаго изъ входящихъ отруби, смѣшанные съ водою, и пачкаетъ всѣхъ. Праздникъ этотъ заканчивается ужиномъ.

„Гочисъ хучапати“ отличается только тѣмъ, что въ этотъ день каждый отдѣльный дымъ рѣжетъ по откормленному поросенку. Этотъ обычай крѣпко держится еще между крестья-

*) Вопросы женщины:

Отвѣты мужчины:

სარებმა რა შამოსთვალეს?

„სახენელ უღელი დაამზადეთ და ჩვენ მზათა ვართო.“

ძროხებმა რა შამოსთვალეს?

„სახბორეები დაამზადეთ და ჩვენ მზათა ვართო.“

ქცენებმა რა შამოსთვალეს?

„საკვიცეები დაამზადეთ და ჩვენ მზათა ვართო.“

ღორებმა რა შამოსთვალეს?

„საღორეები დაამზადეთ და ჩვენ მზათა ვართო.“

ქალებმა რა შამოსთვალეს?

„აკვნები დაამზადეთ და ჩვენ მზათა ვართო.“

янами. Но, вообще, старья увеселенія и забавы, съ которыми прежде народъ встрѣчалъ каждый праздникъ, теперь съ каждымъ годомъ стали исчезать все больше и больше, уступая мѣсто житейскимъ заботамъ и труду.

Похороны и поминки.

Въ случаѣ смерти кого-либо, домашніе умершаго поднимаютъ громкій плачь и рыданія: это называется „განცხადება“ (ганцхадеба)—объявленіе несчастія. На плачь домашнихъ собираются въ домъ покойника прежде сосѣди, а потомъ прочіе жители села и оплакиваютъ умершаго. Это оплакиваніе называется „შაშობი ტირილი“ (шошоби тирили),—плачь на скорую руку, безъ соблюденія всѣхъ правилъ оплакиванія. Послѣ „шошоби тирили“, всѣ собравшіеся жители или большая ихъ часть остаются съ цѣлью оказать хозяину дома умершаго, т. е. „პირის უფალი“ (чирись упали), помощь въ приготовленіяхъ къ оплакиванію. Назначается день для оплакиванія. Къ этому дню приглашаются родственниками умершаго всѣ односельцы и всѣ родственники, живущіе въ другихъ селахъ, какъ кровные и по свойству, такъ и духовные, при чемъ приглашенія дѣлаются у привилегированнаго сословія письменно, а у крестьянъ словесно. Исполнителями всякаго рода порученій у родственниковъ умершаго по приготовленію къ похоронамъ бываютъ, обыкновенно, ихъ односельцы. Одни изъ нихъ посылаются къ родственникамъ, для приглашенія ихъ къ назначенному дню. другіе везутъ пшеницу на мельницу и мелютъ, третьи пекутъ хлѣбъ, четвертые варятъ разныя постныя кушанья. Впрочемъ у богатыхъ кушанья приготовляются хорошими поварами. Стряпаньемъ кушаньевъ въ подобныхъ случаяхъ почти исключительно занимаются женщины. Рыбная пища даже богатѣйшими въ это время готовится рѣдко; въ такихъ случаяхъ кушанья преимущественно бываютъ изъ лобіи въ разныхъ видахъ, изъ чечевицы, гороха, бобовъ, маринованной

капусты, риса, грибовъ и т. п. Пекуть въ это время хлѣбъ двухъ видовъ (въ торне): лаваша и „ргвали пури“ (круглый хлѣбъ) или „мураса“; но лаваша при всѣхъ подобныхъ случаяхъ предпочитаютъ другимъ видамъ хлѣба. При этомъ расходуется хлѣба, смотря по состоянію „чирись упали“, отъ 3 до 10 кодь (отъ 6 до 20 п.),—сверхъ того хлѣба, что поступаетъ, въ видѣ приношеній, по общему обычаю уѣзда, отъ cadaго двора съ односельцевъ „чирись упали“. Такое приношеніе называется здѣсь „шесацевари“ (შესაწავარი)—вспомоществованіе *). Это приношеніе одни дѣлають зерновымъ хлѣбомъ (отъ 20 фунтовъ до 2 пудовъ), другіе—печенымъ хлѣбомъ (отъ 3 до 5 *девяткох* **), т. е. отъ 27 до 45 хлѣбовъ); иные—виномъ (отъ 1/2 до цѣлаго касри), лобіей сырой или вареной и разными другими кушаньями. Подобныя приношенія даютъ семьѣ умершаго и пріѣзжающіе изъ другихъ сель родственники, но не натурою, а деньгами,—отъ 40 коп. до 2 рублей каждый; это вспомоществованіе называется не шесацевари, а сапени (საპენი). Шесацевари и сапени, по обычаю края, считается долгомъ cadaго. По порученію семьи умершаго, однимъ изъ родственниковъ или знакомыхъ, помогающихъ по устройству обряда, записывается въ особый списокъ, кто сколько принесъ шесацевари или сапени. Этотъ списокъ хранится хозяиномъ дома умершаго, чтобы современемъ заплатить этотъ долгъ, когда представится подобный случай. Заботы по пріему и расходованію приношеній, обыкновенно, распредѣляются между нѣсколькими лицами: одинъ смотритъ за приходомъ и расходомъ печенаго хлѣба, другой стоитъ въ „марани“ (винномъ погребѣ) и смотритъ за приходомъ и расходомъ вина, третій—за приходомъ и расходомъ похлебки, четвертый—за посудой и др. вещами; нѣкоторые изъ присутствующихъ принимаютъ на себя обязанность прислуживать за столомъ и т. д.

*) Шесацевари приносятъ другъ другу и по случаю свадьбы.

***) Печеный хлѣбъ считается здѣсь по девятеричной системѣ.

Утромъ въ назначенный для оплакиванія день, „чирисъ-ушали“ приглашаютъ изъ своихъ односельчанъ хоръ пѣвцовъ, называемыхъ *дѣбѣж* (мозаре): при оплакиваніи умершаго каждымъ отдѣльнымъ лицомъ хоръ предшествуетъ ему до входа въ домъ, при чемъ тянетъ заунывнымъ напѣвомъ выражающія горе восклицанія: *зѣо, зѣо* (вай, вай). Въ связи со всею обстановкою, это пѣніе усиливаетъ чувство скорби въ присутствующихъ. Въ назначенный день, до прибытія родственниковъ изъ другихъ селъ, оплакиваютъ умершаго односельцы, а пріѣзжающіе оплакиваютъ его по времени своего прибытія. Плачущихъ вводятъ къ умершему двое провожатыхъ: мужчины или женщины, привилегированнаго или низшаго сословія, смотря потому, къ какому полу или сословію относится оплакивающее лицо. Обязанность провожатыхъ—удерживать плачущихъ, чтобы они не наносили себѣ ударовъ руками, не ударялись головой о что-либо, не рвали волосъ на себѣ и не царапали кожи на лицѣ. Провожатые сопровождаютъ плачущаго до гроба, предъ которымъ оплакивающій падаетъ на колѣни и начинаетъ рыдать, выхваляя въ красивыхъ и трогательныхъ фразахъ лучшія качества его, припоминая разныя событія изъ его жизни, описывая его красоту, способности, благородство, семейное и общественное положеніе, словомъ, представляя полный его некрологъ. Все это время провожатые стоятъ по сторонамъ оплакивающаго и слѣдятъ, чтобы онъ не причинилъ себѣ боли и вреда, мозаре все это время продолжаютъ пѣть. Въ случаѣ продолжительности плача, провожатые предлагаютъ плачущему встать. Оплакавъ покойника, плачущій, опять въ сопровожденіи провожатыхъ, подходитъ къ каждому изъ родственниковъ покойника, которые въ это время, въ траурѣ, съ босыми ногами, обнаженной головой, распущенными волосами, нерѣдко съ обнаженной грудью, сидятъ около трупа, въ порядкѣ, соответствующемъ близости ихъ родства съ умершимъ: близъ самаго гроба сидятъ, обыкновенно, супруги или родители умершаго, а дальше

—другіе; послѣдними же сидятъ духовные родственники и родственницы (кумовья, крестные братья и сестры и т. д.) Число „ქობის უფალი“ постепенно увеличивается, потому что, съ прібытіемъ родственниковъ изъ другихъ сель, они также присоединяются съ чирись-упали. Подходя къ нимъ плачущіе выражаютъ всѣмъ имъ свое соболѣзнованіе и утѣшеніе. Пріѣзжающіе изъ другихъ сель родственники большею частью бываютъ тоже въ траурѣ и берутъ съ собой нѣсколькихъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ для оплакиванія умершаго. Такая свита носитъ названіе „ასაბია“ (асабія). Чѣмъ многочисленнѣе она, тѣмъ больше, по мѣстнымъ понятіямъ, оказываетъ сопровождаемый ею уваженія къ умершему и къ чирись-упали. Для большей торжественности своей свиты, родственники берутъ съ собою также своего священника и собственныхъ мозаре. Обязанность священника при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы предшествовать плачущимъ своего прихода до трупа; при чемъ онъ надѣваетъ на себя или одну эпитрахиль, или и фелонь. Мѣстный приходскій священникъ, въ эпитрахили и фелони, обязанъ стоять, съ крестомъ и кадильницею въ рукахъ у гроба, до окончанія всей церемоніи плача, и по временамъ долженъ кадить умершаго. По окончаніи оплакиванія всѣмъ собравшимся даютъ обѣдать; послѣ обѣда всѣ сопровождаютъ трупъ до могилы, а затѣмъ, умывъ, по народному обычаю, руки, возвращаются во свояси. Богатые дворяне на похороны приглашаютъ мѣстнаго благочиннаго, иногда и другихъ благочинныхъ, архимандрита ближайшаго монастыря и нѣсколькихъ священниковъ, давая первымъ за это отъ 5 до 15 руб., а послѣднимъ—отъ 2 до 5 рублей каждому.

Въ домѣ умершаго раньше семи дней послѣ смерти его не ѣдятъ мясного или, вообще, скоромнаго. На седьмой же день домашніе умершаго, обыкновенно, устраиваютъ „агапи“ (აღაპი) или „хелись гахсна“ (ხელის გახსნა), что въ переводѣ значитъ „открытіе руки.“ На этотъ день чирись-

рисъ-упали просяты священника служить заупокойную литургию и устраиваютъ обѣдъ для причта, пригласивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько лицъ изъ своихъ односельцевъ обоого пола. На „агапи“ непременно требуется зарѣзать барана, но если имѣютъ въ виду пригласить много гостей и бараньей туши не считаютъ достаточной для угощенія, то прибавляютъ говядину, курятину, иногда и свинину, хотя она для этого случая считается неприличной. Если до истеченія семидневнаго срока послѣ смерти кого-либо случается какой-нибудь важный праздникъ, то „агапи“ устраивается и раньше седьмого дня, а если случится постъ Великій или успенскій то „хелись-гахсна“ отлагается на слѣдующій за постомъ праздникъ. Во время же рождественскаго поста и петровкъ „агапи“ устраивается на 7 день, при чемъ ѣдятъ рыбную пищу. На „агапи“ нѣкоторые изъ домашнихъ покойника, согласно обычаю, отказываются ѣсть скоромную пищу и принимаютъ ее только по нѣкоторомъ увѣщаніи священника и родственниковъ—гостей. Иные не поддаются такимъ увѣщаніямъ и не разговляются въ теченіе мѣсяца и болѣе. Изъ мяса барана, зарѣзываемаго для „агапи“ и для всякаго рода поминокъ, священнику подается на столъ непременно „сатбило“ (სათბილო), филейная часть съ почками, а плечо одно, голову, ноги и шкуру, въ сыромъ видѣ, даютъ причту на домъ.

На агапи и, вообще, при всѣхъ поминкахъ по умершимъ, когда гости или домашніе покойника пьютъ первый стаканъ вина, то, обыкновенно, проливаютъ изъ него нѣсколько капель вина въ воспоминаніе умершихъ, при чемъ говорятъ: „да помилуетъ Господь его душу (ღმერთმა შეიწყალოს მისი სული)“ или „да проститъ Богъ (ღმერთმა შეუბღოს)“. Этотъ обычай соблюдается въ домѣ покойника его домашними и за простымъ столомъ въ теченіе цѣлаго года послѣ его смерти.

Поминки въ родѣ „აღაპი“ справляются нѣсколько разъ въ теченіи года послѣ смерти кого-либо, именно: первые—на седь-

мой день (აღაპი), вторые—въ 40-й день, „ормоцись гадахда“— (ორმოცის გადახდა, что значить—отбивать сороковицу), третьи—на праздникъ Рождества Богородицы, четвертые—на Рождество Христово, пятые—на Крещеніе Христово; въ 6-й, 7-й, 8-й 9-й, и 10-й разъ покойника поминають въ каждую изъ 5-ти субботъ, установленныхъ церковью для поминовенія усопшихъ; 11-й разъ поминають на Пасху (объ этомъ днѣ будетъ сказано особо, ниже); 12-й—на Благовѣщеніе, если оно приходится послѣ Пасхи; 13-й—на Вознесеніе Христово, 14-й—въ день Петра и Павла, 15-й—въ день Успенія Богородицы и 16-й—въ концѣ года со дня смерти покойника, это—საწლო (сацло), или годовые поминки.

Между сказанными поминками съ особенно большими расходами сопряжены тѣ, которые устраиваются въ день Пасхи; они называются „чамосариги“ (ჩამოსარიგი—подлежащій раздачѣ). Къ этому дню въ домѣ покойника рѣжутъ крупную скотину: корову или быка, нѣкоторые, кромѣ того, и овцу; пекутъ „лаваши“, по числу жителей въ селѣ, не исключая и грудныхъ дѣтей, на что выходитъ до 5 кодь (10 п.) пшеницы; мясо варятъ заблаговременно, накануне Пасхи, а утромъ въ самый день Пасхи всю эту провизию и, кромѣ того, до пяти касръ (6²/₃ вед.) вина, везуть въ церковь на арбѣ, запряженной быками. Послѣ литургіи „чамосариги“ освящается священникомъ и, затѣмъ, раздается всѣмъ присутствующимъ въ этотъ день въ церкви. При этомъ всѣ усаживаются за длинными мѣстными столами (супра) или безъ нихъ, кладя предъ собою доску или дрань; каждому изъ сидящихъ подается отъ раздающаго по лепешкѣ (женщинѣ съ груднымъ ребенкомъ—двѣ лепешки и, вообще, по двѣ порціи всего), по куску говядины почти въ одинъ фунтъ и понемногу баранины, если есть; даютъ пить каждому вина около 5 винныхъ стакановъ или бычачьихъ роговъ. При этомъ разносятъ красныя яйца и даютъ каждому главѣ дома, такъ что на каждый отдѣльный дымъ

села распределяется по одному яйцу *). Однимъ изъ прислуживающихъ „чирсъ-упали“ подносится каждому сидящему за столомъ, по порядку, восковая свѣча, къ которой тотъ непременно долженъ прикоснуться рукой и сказать при этомъ: „да помилуетъ Богъ“ или „да проститъ Богъ“ (ღმერთმა შეიწყალოს или ღმერთმა შეუბღოს). Чамосариги въ день Пасхи бываютъ со всѣхъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ въ теченіе года, отъ Пасхи до Пасхи, кто-нибудь умеръ въ возрастѣ свыше пяти лѣтъ. Остатки хлѣба и прочей провизіи послѣ угощенія жители (но никакъ не хозяинъ) берутъ себѣ домой. Богатые уступаютъ остатки своей порціи бѣднымъ.

Въ день Пасхи, какъ въ день общаго веселья и торжества, вообще, всѣ поселяне поминаютъ своихъ умершихъ предковъ, какъ бы желая раздѣлить съ ними чувства радости, вызваннаго торжественнымъ праздникомъ. Въ этотъ день жители приносятъ на могилу своихъ усопшихъ по два яйца и привѣтствуя мертвыхъ словами: „Христось воскресе!“ кладутъ ихъ на могилу, а также зажигаютъ на нихъ свѣчи. Послѣ службы, священникъ, освятивъ чамосариги, ходитъ по могиламъ и читаетъ молитвы по усопшимъ, яйца же собираются и идутъ въ пользу причта.

Изъ скотины, убиваемой для чамосариги, священнику дается, обыкновенно, одна лопатка, голова и ноги. Этими, такъ называемыми, большими поминовеніями не ограничиваются жители, но устраиваютъ еще малые поминки, т. е. соединенныя съ меньшими расходами. Въ каждую субботу, въ теченіе цѣлаго года, и во всѣ праздники, кромѣ Новаго года, приносятъ въ церковь „сакуртки“ (საკურთხი), т. е. хлѣбъ (простой, качапури или бохчури), мясо (большею частью курятану), сыръ, яйца, вино и плоды, а въ постный день—рыбу и другую

*) Въ случаѣ, если раздающій не дастъ кому-нибудь слѣдующей по обычаю порціи, то послѣдній начинаетъ требовать ея, отъ кого слѣдуетъ, какъ *уплаты дома*.

постную пищу. Каждымъ приносится провизіи на „сакуртки“ столько, сколько довольно для 2—3 человекъ. По освященіи этой провизіи, которой по субботамъ собирается довольно много, причтъ, вмѣстѣ съ лицами доставившими „сакуртки“, устраиваетъ себѣ вкусный и сытный обѣдъ. Вообще, поминки по усопшемъ обходятся богатымъ около 200, а бѣднымъ около 100 рублей.

Какъ ни старается мѣстное духовенство, согласно циркулярному предписанію имеретинскаго епископа Гавріила, избавить народъ отъ подобной, бесполезной для умершихъ и разорительной для живыхъ, траты, но всѣ старанія остаются безплодными. Подобные обряды и обычаи искореняются въ народѣ лишь постепенно, при помощи просвѣщенія, влияние котораго очевидно и теперь, ибо въ нѣкоторыхъ, болѣе образованныхъ, домахъ, подобные расходы замѣтно сокращаются.

Заговоры.

Въ заключеніе настоящаго обзора правовъ и обычаевъ обитателей села Сори, предлагаемъ нѣкоторые образчики на-народнаго чернокнижія. Заклинанія, собранныя здѣсь, пользовались и пользуются въ народѣ большою популярностью и считаются самымъ надежнымъ средствомъ противъ болѣзней и разныхъ другихъ золь, постигающихъ мѣстнаго поселянина.

1. Заговоръ отъ рожи.

წითელი ქარის (ბატონების) ლოცვა. სახელითა მამითა, ძითა, სულთა წმინდითა, უფალმა ხარი დაკლა მასა გალიასა, სატკივარმა სატკივარს შეუთვალა, რათ არ მეწვევიო. „მისთვის არ გეწვევიო: ადამიანისასა, აურჩანებ, ატირებ, აკივლეფ, ძვალსა ხრამ, ბილსა სკამ, სისხლსა სვამ, ტვინსა ხვრეტ, „არა მამამ, ძემ და სულმა წმინდამ, არც ჩვეიდე ადამიანისასა, არც ვაჟრინო, არც ვატრო, არც ვაკივლო, არც ბილი ვკამო, არც ძვალი ვხრა, არც სისხლი ვსვა, არც ტვინი ვხვრიტო“. ალამსა, კლამსა, მოვიტან შავ-ტარიან ჩემსა დანასა, აგპრი, დავპრი, ჩავადგამ

ქებასა რვალისასა, ცეცხლს დაევანთებ წილმისასა, ამოხვალ ვარდის ფურცლურად, ჩაშტები (ჩააშტობ) ქერის ქატურად. ქრისტეს დედა გამომდგარა: „მარიაჲ! რათ ატირებ მაგ ყმაწვილსა?—არა მამამ, ძემ და სულმა წმინდამ, არც ვაჟრინო, არც ვატრო, არც ვაკიელო. სამი დანები დადიან ქალაქის ქალაქამდი, კრეფენ წამალსა: სისივნისასა, სიტკივნისასა, წითელი ქარისასა, თეთრი ქარისასა, ლურჯი ქარისასა, შავი ქარისასა, რუხვი ქარისასა, ქარისა-ქარსაყმაწვილოსასა, ყოველისფერი თავი ტკივილისასა. ავი თავი ზნე ხარ, რათა ფრინამ ქორივითა, რათ დაძვრები გვეღვივითა, რათ არ გამოხვალ მდინარე წყალივითა. ღმერთო! არგე ჩემი ვედრება (ლოცვა) (სახელი ავადმყოფისა) დასწერე შენი ჯვარი, გადაავლე შენი წყალობის თვალი. (სამჯერ ითქმის).

Переводъ.—Во Имя Отца, Сына, Св. Духа. Господь за рѣзалъ быка въ оной Галилеѣ. Одна болѣзнь спрашиваетъ другую: „отчего не приходишь ко мнѣ въ гости?“ Она отвѣчаетъ: „не иду къ тебѣ въ гости потому, что ты входишь въ человѣка и заставляешь его беспокоиться, плакать, кричать; грызешь у него кости, ѣшь тѣло, пьешь кровь, сверлишь мозгъ“. „Клянусь Отцомъ, Сыномъ, Св. Духомъ, что я не войду въ члены человѣка, не заставлю его ни беспокоиться, ни плакать, ни кричать; не буду грызть костей, ни ѣсть тѣла, ни пить крови, ни сверлить мозгъ. Алами, калами 1). Принесу мой ножъ съ чернымъ черенкомъ 2), изрѣжу тебя (въ куски), укладу въ металлическій котелъ, разведу огонь изъ вѣтвей лозъ (цилоши), выйдешь (т. е. обратишься), какъ лепестки розы (блѣднымъ), исчезнешь, уничтожишься, принявши видъ отрубей ячменя. Мать Христа Марія, стоя на высотѣ, спрашиваетъ: „зачѣмъ, ты заставляешь плакать этихъ дѣтей?“ — „Нѣтъ, клянусь Отцомъ, Сыномъ, Св. Духомъ, что не буду заставлять ихъ ни беспокоиться, ни плакать, ни кричать“. Три сестры ходятъ изъ города въ городъ, собираютъ (срываютъ) лекарства противъ опухоли, противъ болѣзни, противъ „ци-

1) Эти слова непонятны, вѣроятно подобраны для римы.

2) При заклинаніяхъ знахарки употребляютъ такой ножъ.

тели кары“ краснаго, чернаго, бѣлаго, сѣраго, дѣтскаго кары и всякаго рода болѣзней. Тяжелая (трудная) ты (падучая) болѣзнь! зачѣмъ летаешь ястребомъ, влѣзаешь змѣемъ, отчего не выходишь рѣкой? Боже, сдѣлай мою молитву цѣлебною для (имярекъ), осени крестомъ Твоимъ и взгляни окомъ милостивымъ!

2. Заговоръ противъ дурного глаза. ნ ა ა ვ თ ვ ა ლ ი ს ლ ო ც ვ ა .

სახელითა ღვთითა: მამითა, ძეთა, სულითა წმინდითა. ვიჯექი სახლსა სამოთხისასა; ქსელსა ვქსელავდი ძოწისასა, სავარცხელს ვაწყობდი ოქროსასა, ჩამოიარა ურია ქეტელმა, შემთვალა, შემემათა, მამომივარდა მხარი. დაჯდა დედა მარიამ და სტირის. მობრძანდა ქრისტე მეუფე და ჰკითხავს: „დედა, მარიამ, რა გატირებს?“ „რავა არ მათირებს: ვიჯექი სახლსა სამოთხისასა, ქსელსა ვქსელევედი ძოწისასა, სავარცხელს ვაწყობდი ოქროსასა, ჩამოიარა ურია ქეტელმა, შემთვალა, შემემათა, ჩამომივარდა მხარი,“ „დედა მარიამ, ნუ სტირი, მე გასწავლი მაგის წამალს: ცეცხლი დაამთე, წყალი დაადგი (დაასხი), თოგორც ის ღულს, როგორც ის ქუხს, ისე იღულა შენმა ავის თვალით შემომხედავმა“.

Переводъ.—Во имя Бога Отца, Сына, Св. Духа. Сидѣлъ я въ райскомъ домѣ, моталъ я нитки для „двоци“, складывалъ золотой гребень (для тканья); прошелъ мимо еврей Кетели: посмотрѣлъ на меня,—сглазилъ, и опало у меня плечо (опустилось внизъ). Сѣла Матерь Господа Марія и плачетъ. Приходитъ Христось-Владыка и спрашиваетъ: „о чемъ плачешь, Матерь Марія?“—„Какъ мнѣ не плакать (отвѣчаетъ она): сидѣла я въ райскомъ домѣ, мотала нитки для двоци, складывала золотой гребень, прошелъ еврей Кетели, посмотрѣлъ на меня,—сглазилъ, и опало (у меня) плечо“.—„Не плачь, Матерь Марія, —Я укажу лекарство противъ этого: разведи огонь, поставь на него воду, какъ она будетъ кипѣть—клокотать, пусть такъ кипятить тотъ, кто на тебя посмотрѣлъ дурнымъ глазомъ.“

3. Заговоръ для беременной женщины, которой случится упасть, и это вызоветъ преждевременные роды.

ორსული ქალის შელოცვა.

ეფრემის ხილსა შვილმა დედას მიჯნურობა სთხოვა, დედამ შვილს არ ზისცა: ანი იძრა, ბანი იძრა, განი იძრა, დონი იძრა, ე, ვ. ზ, ც, თ, ი, კ, ლ, მ, ნ, კ, ო ჰ, ზ იძრა, უძრავი იძრა, ნაძრავი დადგა. ამ ქალის მუცელნი, შვილო, დრომდი დადექი. სახელითა ღვთითა: მამით, ძითა, სახელირა წმინდითა.

Переводъ. На Ефремовскомъ мосту *) сынъ просилъ свою мать, чтобы она сдѣлалась его любовницей (чтобы сдалась). Мать не позволила (не сдалась). Сдвинулась съ мѣста буква а, сдвинулось б, сдвинулись всѣ буквы: в, г, д, ж, неподвижный сдвинулся, сдвинувшійся остановился. Дитя, оставайся въ утробѣ матери до должнаго времени! Во Имя Бога: Отца, Сына, Св. Духа.

Этотъ заговоръ читывается 3 раза надъ кускомъ хлѣба или чего другого съѣдобнаго, и потомъ этотъ кусокъ съѣдается беременной.

4. Заговоръ отъ водянки или опухоли женскихъ грудей.

აკინკარი, მაკინკარი, აღმა კული, დაღმა კული, სპარტის **) მაკრატელი, ოქროს სამართებელი ჩავადგი წყალში ფოფინარეში, ისეც დულს, ისეც ფოფინობს, ისეც გაკრება წყლისა, გამპარავისა (ტკივილი) ამის ტანში.

Переводъ. Ачинчари, мачинчари, хвостъ кверху, хвостъ книзу!.. Ножницы „спарцись“ (вѣроятно—стригуція), бритву золотую положимъ вариться въ воду, въ кипящую, клокочущую; пусть такъ кипить, пусть такъ клокочетъ и пусть уничтожится (исчезнетъ) водянка (боль) въ тѣлѣ этого (имя-рекъ).

*) Не извѣстно, что это за мостъ.

**) Слова აკინკარი, მაკინკარი и სპარტის непонятны.

5. Заговоръ отъ глазной боли.

სახელითა ღვთითა: მამითა, ძითა, სულითა წმიდითა. თვალო ოქრო, თვალო ვერცხლო თვალო მარგალიტო, სიმწრით მობძანებულხარ, სიამით წაბრძანდი. (სამჯერ უნდა წაიკითხო)

Переводъ. Именемъ Бога: Отца, Сына, Св. Духа. Глазь—золото, глазь—серебро, глазь—жемчугъ! пришелъ съ горькою болью, изволь уйти спокойно.

При этомъ вѣшаютъ надъ больнымъ глазомъ новую иглу съ красною ниткою.

6. Заговоръ отъ мигрени.

შაკიკი შემოჩვევია სათიბისა ბოლოსა, აგრე სკამდა რკინასა, როგორც ხარი თივასა. გაუწყრეს წმინდა გიორგი, გაიპარება დილასა.

Переводъ.—Мигрень повадилась на край сѣнокоса *). Такъ ѣла желѣзо, какъ вошь ѣсть сѣно. Да проклянетъ ее св. Георгій, и пусть она къ утру исчезнетъ.

Слова эти должны быть произнесены около больного надъ новою иголкою съ красною ниткою, иногда надъ подковой лошади, и нитка эта вѣшается на голову больному.

7. Еще заговоръ отъ мигрени.

სახელითა ღვთითა: მამითა, ძითა, სულითა წმინდითა, ჩვენ ზეით ტბა არის, შიგ დგას ერთი ხე, ზედ სამი ფრინველი ბუდობენ: წითელი, თეთრი, შავი. მათ უფალი გაუწყრა, გაიპარენ დილასა. წითელმა წითელი წაიღო, თეთრმა თეთრი. შავი ისევე ზედ დარჩა. ასე ქრება შაკიკი. დმერთო, ულხინე ამას (სახელი).

Переводъ. Во имя Бога: Отца, Сына, Св. Духа. Выше насъ стоитъ озеро, въ немъ стоитъ одно дерево, на немъ гнѣздятся три птицы: красная, бѣлая и черная. На нихъ разгнѣвался Господь; красная взяла краснаго, бѣлая бѣлаго, а черная осталась опять на немъ же. Пусть такъ исчезнетъ и мигрень. Боже, помоги ему (имя-рекь)!

*) Подъ сѣнокосомъ подразумѣвается голова, покрытая волосами.

Эти слова должны быть написаны на бумаге, которую нужно обмочить въ уксусѣ и приложить ко лбу.

8. Заговоръ для избавленія скота отъ звѣрей, читаемый въ томъ случаѣ, если скотъ остается на ночь въ лѣсу.

1) ეკენია, ბეკენია¹⁾, ბერს ხატი სვენებია. ღმერთო, ღმერთო! ჩამოყარე ცხრა კლიტონი, კლიტონია (კლიტენი) ნადირს კბილი შეუკარი, მეკობლეს²⁾ ხელ მხარია, ჩაადგე ზღვაში, ნუ გაუშვებ გზაში. ღმერთო, დაიფარე ჩვენი საქონელი ნადირისაგან.

2) Подобное же заклинаніе ორენია³⁾ ორი წლისა. მეუფემა ჩამოაგდო სიბარკუნი⁴⁾ (კლიტე ბოქლომი) რკინისა. ნადირს კბილი აუკარი, მეკობლესა ხელ მხარია, ჩაადგე ზღვასა, ნუ აუშვებ ეამსა. ღმერთო შენ ააცილე ჩვენს საქონელს უწვევ უხარზვის კბილი.

Переводъ. 1. Эженія, бекенія ¹⁾. У монаха была икона. Боже, Боже! сбрось девять замковъ, завяжи (запри) звѣрямъ зубы, а „мекобле“ ²⁾ (завяжи) руку съ плечомъ, брось его въ море, не пускай на дорогу. Боже, избавь нашъ скотъ отъ звѣрей!

2) ორენია ³⁾ двухлѣтній Царь (небесный) бросилъ „сибаркухи“ ⁴⁾ (замокъ) желѣзный. Завяжи зубы звѣрямъ, а мекобле — руку съ плечомъ, брось въ море, не пусти на (известное) время! Боже, спаси нашъ скотъ отъ зубовъ не жареннаго и невареннаго (звѣря)!

Эти заклинанія читаются надъ ножницами и гребешкомъ, завязанными поясомъ женщины, сдѣланнымъ изъ тѣани. Священные вещи эти кладутся гдѣ-нибудь наверху, чтобы не развязалъ кто-либо, и развязываются только по отысканіи хозяевами скота.

¹⁾ Первые два слова не понятны.

²⁾ „Кобали“—*пастушья палка*, „мекобле“—*въроятно, пастухъ. Собратель.*

Быть можетъ, здѣсь слѣдуетъ читать მეკობლე—разбойникъ? *Ред.*

³⁾ Непонятно. Быть можетъ, ორი ება, т. е. иное чтеніе. *Ред.*

⁴⁾ Въроятно—замокъ.

Нѣкоторыя заклинанія состоятъ изъ словъ татарскихъ или персидскихъ, а иногда изъ набора словъ, не имѣющаго даже смысла.

Вотъ, напр., заклинаніе, укрощающее змѣю, которую послѣ этого заклинанія, можно взять въ руки безъ всякой, какъ говорятъ, опасности: змѣя не жалитъ никого и во всемъ покоряется человѣку.

ჩიხ, ჩიხ, ქაფარ ჩიხ, სულეიმან, ალაილან, ყარაილან, თალისმან, თალხაილან, სუჯემან, სუდი მართალია, ავაიქუ-ქუ, ბაღდობან, ილან, მორ-ზილან, ჰეურზილან, ჩიხ, ქაფარ ჩიხ, სულეიმან.

Помощникъ смотрителя Рачинско-Михайловскаго училища
священникъ *Н. Минделт.*

СЕЛЕНІЕ ЦАЛЕНДЖИХА

Зугдидскаго уѣзда, Кутаисской губерніи.

Названіе села, мѣстоположеніе, границы, внѣшній видъ, историческіе памятники.

Селеніе Цаленджиха лежитъ къ сѣверо-востоку верстахъ въ 25-ти отъ М. Зугдидъ и въ 15-ти верстахъ отъ селенія Корихели, чрезъ которое проходитъ колесная проселочная дорога, ведущая на Мухури, Цаленджиху и далѣе въ Джгали и Джвари. Селеніе это окружено горами и само расположено на горахъ. Съ нимъ граничатъ селенія: съ востока—Зумы, съ запада—Чкадуаши, съ сѣвера—Джвали и съ юга—Обуджи. Изъ 800 дымовъ, находящихся въ сел. Цаленджихѣ, 760—крестьянскихъ, 30—принадлежатъ дворянамъ, 5—князьямъ и пятилицамъ духовнаго званія. Въ составъ селенія Цаленджиха входятъ, какъ части его, поселки: Пуки, Мазандара и Накепоу, которые и составляютъ вмѣстѣ съ нимъ одно общество. Дома въ Цаленджихѣ строятся, большею частью, изъ каштановаго лѣса, которымъ богато селеніе это съ давнихъ временъ. Они состоятъ изъ одного или двухъ отдѣленій; въ послѣднемъ случаѣ одно служитъ, преимущественно, жилищемъ для хозяина, а другое назначается для храненія домашнихъ пожитковъ.

Изъ мѣстныхъ древностей заслуживаетъ вниманія мѣстный Спасскій храмъ. О времени построенія его нѣтъ свѣдѣній. Онъ построенъ на горѣ посреди селенія Цаленджиха, на самомъ доступномъ мѣстѣ. Онъ окруженъ древними гробницами князей и знатныхъ лицъ Мингреліи; вокругъ этихъ гробницъ расположены простыя могилы. Стѣны храма сложе-

ны изъ тесанаго камня; по внѣшнему измѣренію онъ имѣетъ въ длину 10 сажень, а въ ширину и вышину по 5-ти. Планъ храма представляетъ, такимъ образомъ, четырехугольникъ, съ однимъ куполомъ. Онъ имѣетъ трое деревянныхъ дверей: съ западной стороны, съ сѣверной и съ южной. Крыша сдѣлана изъ желѣза. Внутри, вокругъ стѣнъ, имѣются изображенія разныхъ святыхъ.

По правую сторону царскихъ дверей для сидѣнья устроено довольно возвышенное мѣсто, на которое въ древности, какъ говоритъ преданіе, во время богослуженія садился католикосъ Мингрелии. Кромѣ того, къ храму съ восточной стороны пристроены двѣ маленькія комнатки,—одна изъ нихъ, служитъ мертвецкою, въ ней оставляють покойниковъ до преданія ихъ землѣ; другая же комната служитъ кладовою,—въ ней хранятся священническія ризы и другая церковная утварь, какъ, напр.: купель, кадила и т. п. Снаружи стѣны церкви кое-гдѣ разукрашены рѣзными изображеніями людей и крестами. Въ куполѣ имѣется нѣсколько стрѣльчатыхъ оконъ. Форма крыши купола пирамидальная. Алтарь имѣетъ прямое сообщеніе съ жертвенникомъ и діаконникомъ. Посреди алтаря находится престоль, сдѣланный изъ обтесаннаго камня. Внутреннее украшеніе храма составляютъ дорогія иконы въ ризахъ изъ чистаго золота и серебра. На этихъ иконахъ изображено слѣдующее: на одной—сорокъ мучениковъ въ Каппадокіи, на второй—бракъ въ Канѣ Галилейской, на третьей—свв. Константинъ и Елена, на четвертой—Божія Матерь среди апостоловъ Петра и Павла и архангела Гавріила, на пятой—св. Іоанъ Златоустъ, на шестой—св. Василій Великій, на седьмой—снятіе Спасителя со креста, на восьмой—св. Николай Чудотворецъ. Остальныя изображенія опредѣлить трудно. Изъ числа иконъ особенно замѣчательна икона Спасителя, въ честь котораго и сооруженъ храмъ. Она обдѣлана вся въ золото и украшена брилліантами и другими драгоценными камнями; она

помѣщается въ алтарѣ храма, въ шелковомъ чехлѣ и приставлена къ иконостасу. При этомъ храмѣ, среди гробницъ, вышпается красивая колокольня. Она выстроена также изъ камня, и, судя по ветхости ея, можно предположить, что она построена одновременно съ храмомъ. Подлѣ колокольни построены двѣ кельи для мѣстныхъ монахинь, число коихъ колеблется отъ двухъ до четырехъ. Кругомъ храма имѣется каменная ограда, вышиною, приблизительно, въ $1\frac{1}{2}$ сажени; въ оградѣ этой находится кладбище; внѣ ея для кладбища также отведено порядочное пространство земли.

Въ двухъ верстахъ отъ Цаленджихской Спасской церкви видны остатки древняго храма, и на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, въ настоящее время стоитъ крестъ. По вѣрованію народа, на этомъ мѣстѣ зарыта чудотворная икона Спасителя, почему жители Цаленджихи приносятъ на этомъ мѣстѣ жертвы: свѣчи, животныхъ и деньги. Близъ этой мѣстности, къ сѣверо-западу отъ храма, находилась крѣпость, построенная, не извѣстно когда, однимъ изъ правителей Мингрелии, крѣпость эта служила мѣстомъ храненія пороха и оружія. Въ ней находились караульные, которые сторожили окрестности Цаленджихи отъ нападенія непріятелей. Во время войны крѣпость снабжала жителей порохомъ и другими боевыми припасами.

Климать, почва, орошеніе.

Климать селенія Цаленджихи считается однимъ изъ самыхъ здоровыхъ. Это—мѣстность, гдѣ лихорадки встрѣчаются рѣдко и если бывають, то, обыкновенно, лѣтомъ, съ іюня по сентябрь. Но погода здѣсь непостоянная. Постепеннаго, незамѣтнаго перехода отъ тепла къ холоду и обратно не бываетъ,—температура измѣняется и быстро, и неожиданно. Зима здѣсь бываетъ суровая и начинается рано, иногда снѣгъ выпадаетъ даже въ октябрѣ мѣсяцѣ. Средняя температура зимы, приблизительно, 4, 47° R. Весна начинается съ марта мѣсяца и про-

должается до іюня. Весенніе утренники довольно значительны. Лѣто—сухое и знойное, съ малымъ количествомъ дождей. Средняя температура лѣта достигаетъ до +22, 43° R. Осень дождливая и сырая. Средняя температура осени составляетъ +10, 28° R. Господствующій вѣтеръ—восточный. Эпидемическихъ болѣзней здѣсь не замѣчается.

Почва—черноземная, съ значительною примѣсью глины и песку. Подпочва—глинистая, а горныя породы преобладаютъ третичныя.

Селеніе Цаленджиха орошается рѣкою Чени-цкари, названною такъ по имени народа „чени“, который, согласно народному преданію, въ древности населялъ берега этой рѣки, занимаясь рыболовствомъ и охотой. Рѣка эта беретъ начало изъ горъ Скуріи и, протекая чрезъ пять селеній: Джгали, Цаленджиху, Обуджи, Чаквинджи и Хибулу, впадаетъ близъ селенія Абастуманъ въ рѣку Хоби. Она даетъ цаленджихцамъ прѣсную здоровую воду для питья и служитъ хорошимъ мѣстомъ для рыбной ловли и лѣтняго купанья. Иногда лѣтомъ, во время сильныхъ дождей, она разливается и затопляетъ прибрежныя мѣста Цаленджихи. Глубина рѣки Чени-цкари очень измѣнчива.

Флора и фауна.

Растительное царство въ сел. Цаленджихѣ и въ окрестностяхъ его очень разнообразно. Липа растетъ преимущественно на горахъ. Дубъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуетъ пѣлыя рощи. Изъ кустарниковъ, растущихъ на полянахъ, нужно отмѣтить красную и черную смородину и малину. Изъ плодовыхъ деревьевъ въ Цаленджихѣ растутъ: персиковое, орѣховое, грушевое, гранатовое и вишневое; но больше всего каштановыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ. Послѣднія встрѣчаются часто и въ дикомъ состояніи. Вина производится до-

статочное количество, и оно отличается хорошим вкусомъ, почему вывозится и въ другія мѣста для продажи.

Окрестности сел. Цаленджихи изобилуютъ дикими животными. Чаще другихъ встрѣчаются: волки, лисицы, медвѣди, зайцы и бѣлки. Изъ земноводныхъ водится гадюка, ужъ, черепаха, жаба, лягушка.

Изъ домашнихъ млекопитающихъ водятся: лошадь, корова, буйволъ, коза, овца, свинья, кошка, собака.

Изъ птицъ водятся: а) домашнія—курица, утка, гусь, индѣйка; б) дикія—утка, гусь, голубь, лебедь, куропатка, перепель, кукушка, ворона, ястребъ, коршунъ, сова, соловей, дроздъ (черный и сѣрый), ласточка, малиновка, сорока.

Занятія и промыслы цаленджихцевъ.

Главными занятіями цаленджихцевъ служатъ: земледѣліе, шелководство и табаководство. Земледѣліе имѣетъ здѣсь широкое развитіе и составляетъ для жителей главный источникъ пропитанія. Земля здѣсь довольно плодородна только по прибрежью р. Чени-цкари и мало плодородна въ другихъ мѣстахъ. Сѣютъ, обыкновенно, весною кукурузу, томи и пр. на одномъ и томъ-же мѣстѣ года 4—5; отдыху даютъ землѣ только годъ, много—два. Пашутъ чаще сохой, иногда плугомъ; боронятъ деревянною бороной. Полевая работа производится на быкахъ. Въ соху запрягаютъ одну пару быковъ. Для вспахиванія полей хозяева всегда соединяются въ товарищества, по два или по три человекъ. Огородничествомъ не занимаются. Шелководствомъ заняты преимущественно женщины. Эта отрасль промышленности весьма мало развита за недостаткомъ техническихъ свѣдѣній. Уходъ за червями и ихъ выкармливаніе ведется неумѣло, первобытнымъ, можно сказать, способомъ. Лишь за послѣдніе два года населеніе понемногу и весьма туго начинаетъ перенимать усовершенствованные способы ухода за червями, практикуемые въ мѣстномъ сельскомъ

училищъ. Добываемаго шелка хватаетъ только для собственного потребленія.

Разведеніе табаку производится въ широкихъ размѣрахъ и идетъ успѣшно. Табакъ здѣшній по цвѣту и вкусу не уступаетъ табаку турецкому. При хорошемъ урожаѣ, мѣстные хозяева собираютъ съ своихъ плантацій до 1500, иногда и болѣе, пудовъ табаку. Большую часть урожая табаку Цаленджиха продаетъ фабрикантамъ Кавказскаго края.

Скотоводствомъ жители Цаленджихи не занимаются за неимѣніемъ удобныхъ мѣстъ для пастбищъ.

Сбытъ вина, кукурузы, гоми и другихъ произведеній земледѣлія производится въ м. Зугдидахъ и въ другихъ близлежащихъ мѣстечкахъ и городахъ.

Всѣ жители, по роду ихъ занятій, подраздѣляются такъ: землепашцевъ 500, купцовъ 15, кузнецовъ 3, пильщиковъ 100, плотниковъ 100, столяровъ 6, сапожниковъ 4, кровельщиковъ 100, мясниковъ 1, каменщиковъ 1, мельниковъ 1, табаководовъ до 150.

Въ Цаленджихѣ есть сельскій базаръ, который состоитъ изъ 25 лавокъ, въ числѣ которыхъ 6 мануфактурныхъ, 4 сапожныхъ, 3 кузнечныхъ, 5 питейныхъ заведеній, 3 пурни (печарни) и 2 бакалейныхъ лавки.

Училище, правительственныя и другія общественныя учрежденія въ с. Цаленджихѣ.

Сельское училище, одноклассное сперва, существуетъ лѣтъ 25. Въ 1888 году былъ составленъ общественный приговоръ преобразовать Цаленджихское одноклассное училище въ двухклассное, на что и послѣдовало разрѣшеніе учебнаго начальства. Съ 1-го Сентября 1889 года цаленджихское общество содержитъ трехъ преподавателей: 2-хъ учителей и законоучителя. Въ настоящее время общество построило новое школьное зданіе для двухъ классовъ училища, вмѣсто прежняго

старого зданія, находящагося рядомъ съ сельскимъ управленіемъ. Постройка школы обошлась обществу въ 2555 рублей. Число учениковъ въ Цаленджихскомъ училищѣ за послѣдніе три года (1889, 90, 91) колеблется между 110 и 130-ью.

Селеніе Цаленджиха составляетъ административный центръ участка, заключающаго тринадцать обществъ, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ 2-хъ, 3-хъ и даже 5-ти селеній. Въ Цаленджихѣ, какъ въ главномъ пунктѣ участка, находятся слѣдующія учрежденія: участковое управленіе, мировой судъ и сельское управленіе. Зданія, въ которыхъ помѣщаются эти учрежденія, наняты у мѣстныхъ жителей. Въ Цаленджихѣ есть и аптека; она помѣщается также въ наемномъ домѣ.

Одежда, вѣрованія, повѣрья и праздники цаленджихцевъ.

Всѣ жители селенія Цаленджихи, какъ мужчины, такъ и женщины, не смотря на свою бѣдность, любятъ носить дорогія украшенія, что заставляеть вновь прибывшаго челоуѣка составлять о средствахъ цаленджихцевъ ошибочное мнѣніе: внѣшній блескъ скрываетъ часто нищету. Какъ бы ни былъ бѣденъ крестьянинъ, онъ старается приобрѣсти для себя возможно больше украшеній и черезъ то часто впадаетъ въ долги. Одеждой у мужчинъ служатъ: чоха (одѣяніе, перенятое отъ черкесовъ), которая готовится изъ шерстяной матеріи мѣстными женщинами; архалукъ, надѣваемый подъ чоху, съ которою имѣетъ большое сходство (онъ немного короче ея); шаровары изъ мѣстной „шали“. Голову покрываютъ палахой; на плечи накидывается башлыкъ, дѣлаемый изъ сукна или изъ другой какой-нибудь матеріи. Непремѣнною принадлежностью костюма цаленджихца служатъ кинжалъ, пашка и пистолеть.

Въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, какъ, напр.: въ соблюденіи постовъ и т. п., населеніе проявляетъ большое усердіе, хотя церковное богослуженіе по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ посѣщается весьма немногими, кромѣ дней

храмовыхъ праздниковъ и, въ послѣднее время, тѣхъ дней, когда въ церкви поетъ хоръ учениковъ мѣстнаго училища. Къ религіознымъ понятіямъ народа примѣшиваются разныя суевѣрія, остатки язычества. Онъ вѣритъ, что нѣкоторые люди обладаютъ сверхъестественною силою: это чародѣи, они дѣлаютъ зло другимъ, тогда-какъ знахари и знахарки, также люди, обладающіе сверхъестественными знаніями, помогаютъ избавляться отъ чародѣйства и дурного глаза. Кромѣ того, есть еще ворожеи, гадатели, предугадывающіе будущее, открывающіе потерянные или похищенные вещи. Потеря здоровья, дурное поведеніе, разладъ въ семьѣ и т. п. бѣды часто приписываются святому, ниспосылающему ихъ людямъ въ наказаніе за содѣланные ими грѣхи. Проклинать людей предъ святымъ—дѣло обычное у цаленджихцевъ. Чаще всего въ такихъ случаяхъ цаленджихцы, какъ и вообще всѣ мингрельцы, обращаются къ св. Георгію, иногда—къ Іоанну Крестителю и пророку Іліи. Посредствомъ проклятія цаленджихцы легко могутъ находить украденныя вещи и обнаруживать многіе злонамѣренныя поступки своихъ недоброжелателей. Если случайно у цаленджихца похищена лошадь, или украдено что-нибудь, то въ такомъ случаѣ ему нѣтъ надобности отыскивать вора: онъ прибѣгаетъ тотчасъ къ святому, падаетъ предъ нимъ ницъ и проклинаетъ причинившаго ему зло. Виновный, будучи убѣжденъ, что святой тяжко покараетъ его, или прямо является къ потерпѣвшему и сознается въ своемъ проступкѣ, или тайно отъ него приноситъ ночью украденныя вещи и разбрасываетъ ихъ по двору; если же уворована лошадь, то приводитъ и привязываетъ ее близко отъ дома потерпѣвшаго, а самъ скрывается.

Разныя суевѣрія примѣшиваются и къ обрядамъ нѣкоторыхъ праздниковъ. Такъ, на примѣръ, наканунѣ праздниковъ Успенія Богородицы и Іоанна Крестителя, вечеромъ, собираются жители Цаленджихи, не исключая женщинъ и дѣтей, въ

одно мѣсто и проводятъ кануны этихъ праздниковъ въ пляскѣ, играхъ и пѣсняхъ. Вечеръ этотъ извѣстенъ у нихъ подъ названіемъ „Чечетоба-сери“ (ночь чародѣевъ). Названіе такое дано потому, что, по вѣрованію народа, въ этотъ вечеръ собираются всѣ нечистыя силы въ образѣ кошекъ, собакъ и даже женщины—вѣдьмы, извѣстной подъ названіемъ „менцари“, и ночью, тайкомъ пробравшись въ домъ, вынимаютъ у дѣтей, а и иногда и у взрослыхъ души христіанскія и несутъ ихъ на гору, извѣстную подъ названіемъ „Табакона“, къ великану, который привязанъ цѣпью къ скаламъ этой горы святымъ Георгіемъ. Великанъ этотъ имѣетъ при себѣ помощниковъ, которые и стараются въ этотъ день доставлять ему христіанскія души. Каждый изъ нихъ обязанъ въ эти вечера давать отчетъ великану въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ-какъ помощники эти, или „менцари“, собираются на добычу ночью, когда всѣ предаются сну, то народъ, во избѣжаніе посѣщенія „менцари“, старается не спать и проводить для того ночь въ пѣсняхъ, пляскѣ и играхъ. Чтобы напугать нечистыя силы, сельчане стрѣляютъ изъ ружей, поютъ громко и т. д. „Менцари“ считаются и мѣстныя бабы, которыя замѣчены народомъ въ колдовствѣ.

Кромѣ того, жители Цаленджихи имѣютъ еще слѣдующія повѣрья и примѣты.

1) Когда чижъ начинаетъ щебетать,—значить, будетъ какая-то непріятность.

2) Звонъ въ ушахъ—признакъ смерти кого-нибудь изъ родственникововъ.

3) Если лягушку убить, то быть дождю.

4) Если курица опуститъ крыло внизъ, то видѣтъ вооруженнаго человѣка.

5) Когда лошадь вытягиваетъ заднюю ногу, то значить—придется ѣхать.

6) Если кошка умывается, обратившись мордой къ морю, то это признакъ наступленія дурной погоды.

7) Если чешется у человѣка лѣвая рука, то, значить, будутъ деньги; если же—правая, то—придется отдавать ихъ.

8) Если чешется носъ, то будетъ гость.

9) Если дѣвушка желаетъ увидѣть во снѣ будущаго своего жениха, то она должна на ночь покушать соленаго гоми и не пить воды.

10) Если ворона перелетаетъ чрезъ домъ, то это признакъ, что въ семьѣ, живущей въ немъ, кто-либо умретъ.

11) Если курица взмахнетъ крыльями предъ человѣкомъ, то это не къ добру.

12) Когда корова замычитъ въ лицо стоящему около нея человѣку, то съ послѣднимъ случится несчастье.

13) Видѣть рано утромъ лису—признакъ *побѣды*; напротивъ, увидѣть зайца—потерпѣть неудачу.

14) Когда надъ молодыми совершается обрядъ вѣнчанія, то присутствующимъ при этомъ лицамъ надо стоять прямо и ни обо что не опираться: иначе—можетъ произойти разводъ между брачующимися.

15) Кто чихнетъ при покойникѣ, тому неудача въ жизни.

16) Если кто въ день Новаго года получить отказъ въ своей просьбѣ, то тому въ продолженіе цѣлаго года терпѣть неудачи; подобнымъ образомъ, если въ этотъ день или украдена, или потеряна какая-нибудь вещь, то потерпѣвшему слѣдуетъ опасаться въ продолженіе цѣлаго года подобныхъ случаевъ.

17) Когда собака воетъ, то это—признакъ несчастья.

18) Когда поетъ на порогѣ пѣтухъ, то, значить, гости будутъ.

19) Нельзя переступать чрезъ новорожденнаго ребенка, иначе—ребенокъ перестанетъ расти.

20) Чтобъ избавиться отъ вліянія дурнаго глаза, къ волосамъ приклеиваютъ кусочекъ воску.

21) Кто соберется въ путь и утромъ встрѣтитъ колдуна, съ тѣмъ въ этотъ день случится несчастье.

22) Если особа женскаго пола хочетъ видѣть призракъ своего суженаго, то ночью должна запереться въ комнату одна,—такъ, чтобы ея никто не видѣлъ, и, держа предъ собою блестящую вещь, смотрѣть въ зеркало до тѣхъ поръ, пока предъ ней не явится ея суженый.

С в а д ь б а.

Свадьба въ Цаленджихѣ совершается во всякое время года, но большею частью подъ осень, когда вина и хлѣба имѣется достаточное количество. Женятъ въ Цаленджихѣ молодыхъ парней, обыкновенно, на двадцать первомъ году, невѣсты же бывають года на два—на три моложе своихъ жениховъ. Въ прежнее время родители жениха и невѣсты не спрашивали о желаніи послѣднихъ соединиться узами брака; но въ настоящее время, съ тѣхъ поръ, какъ уничтожено крѣпостное право, сыновья сами избирають себѣ невѣсты и женятся, при чемъ иногда и не спрашиваютъ объ этомъ своихъ родителей, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда на согласіе ихъ не рассчитываютъ. Молодой человѣкъ задумавшій жениться на какой-нибудь дѣвушкѣ, выбираетъ опытныхъ и свѣдущихъ лицъ, мужчинъ или женщинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „маробели“ или „мачанкали“ (что значитъ свать, сваха), и посылаетъ ихъ въ домъ невѣсты съ предложеніемъ руки. На ихъ обязанности лежитъ хвалить какъ можно больше жениха, дабы добиться этимъ согласія родителей невѣсты, за что сваты и получаютъ приличное вознагражденіе. Родители дѣвушки, хотя бы имѣли самое пламенное желаніе видѣть свою дочь замужемъ за предлагаемымъ молодымъ человекомъ, все же начинаютъ „ломаться“: обыкновенно, они отговариваются тѣмъ, что еще не видѣли жениха, а потому просятъ „маробели“ привести его въ слѣдующій разъ, что и

исполняется. Тутъ родители невѣсты заранѣе готовятъся въдоволь угостить жениха. Если послѣдуетъ обоюдное соглашеніе на бракъ, то женихъ здѣсь же уговаривается съ родителями невѣсты на счетъ приданаго, которое дается жениху деньгами или вещами, а также домашнимъ скотомъ. Послѣ соглашенія съ обѣихъ сторонъ на бракъ, выбираютъ и день свадьбы.

Предъ свадьбой женихъ заблаговременно покупаетъ беконъ, овецъ, барановъ и всякіе другіе съѣстные припасы; богатые женихи приглашаютъ музыкантовъ, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ,—зурначей и хорошихъ пѣвцовъ мѣстныхъ пѣсенъ. За недѣлю до свадьбы одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха разноситъ пригласительныя письма отъ имени послѣдняго къ его родственникамъ и знакомымъ. То же самое дѣлается со стороны родителей невѣсты. Наконецъ, настаетъ день вѣнчанія молодыхъ. Женихъ заранѣе увѣдомляетъ мѣстнаго священника о томъ, и послѣдній за недѣлю до свадьбы производитъ въ церкви оглашеніе. Затѣмъ, женихъ выбираетъ двухъ свидѣтелей изъ знатныхъ лицъ и нѣсколькихъ друзей, такъ называемыхъ „мақарі“, на обязанности которыхъ лежитъ во время пира быть постоянно веселыми, забавлять собравшихся гостей, стрѣлять изъ ружья, скакать на лошадяхъ, пѣть и пить. Выбравъ хорошихъ „мақарі“, женихъ вмѣстѣ съ ними и съ родителями отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ и совершается торжественная встрѣча жениха. Домашніе невѣсты въ свою очередь тоже выбираютъ „мақарі“ изъ лицъ, извѣстныхъ умѣньемъ хорошо пить, пѣть и развлекать общество. Пріѣхавъ въ домъ невѣсты, родители жениха вмѣстѣ съ родителями невѣсты и ихъ „мақарі“ отправляются въ церковь, для совершенія обряда вѣнчанія. Кромѣ приглашенныхъ къ бракосочетанію, стекается въ церковь много постороннихъ лицъ, съ цѣлью посмотреть на жениха и невѣсту.

По совершеніи таинства, родители молодыхъ и всѣ бли-

жайшіе ихъ родственники поздравляютъ новобрачныхъ, по очереди цѣлуя ихъ. Послѣ поздравленій, новобрачные, приближаясь къ выходнымъ дверямъ церкви, должны пройти подъ обнаженными кинжалами, которые держатъ два человека крестообразно; это дѣлается для того, чтобы отогнать отъ нихъ нечистую силу и не дать другимъ ихъ сглазить. При выходѣ молодыхъ изъ церкви, магарі открываютъ торжественную стрѣльбу, — кто — изъ ружья, кто — изъ пистолета, и съ обычною пѣсней, такъ называемой „Кучха-бедінера“ (что значитъ — „счастливая нога“), провожаютъ ихъ до дома родителей новобрачной, гдѣ ожидаетъ ихъ веселое общество приглашенныхъ. Между тѣмъ изъ дому отряжается кто-нибудь, преимущественно изъ деревенскихъ шутовъ, въ качествѣ вѣстовщика; на обязанности его лежитъ — во время извѣстить гостей о приближеніи свадебнаго поѣзда, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе успѣли сораться вмѣстѣ и приготовиться къ торжественной встрѣчѣ молодыхъ. По прибытіи новобрачныхъ, подъ громкіе звуки пѣсни „Кучха-бедінера“, которую поютъ магарі, жениха и невѣсту вводятъ въ домъ родительскій, гдѣ уже накрытъ столъ („супра“) и уставленъ разными напитками и сластями. Между прочимъ, на немъ лежатъ два кусочка сахару, которые тутъ же подаются новобрачнымъ, и послѣдніе кладутъ ихъ въ ротъ въ знакъ предстоящей счастливой, „сладкой“, семейной жизни. Затѣмъ молодые проходятъ дальше и садятся на устроенномъ для нихъ мѣстѣ, и въ это время къ нимъ подходятъ гости съ поздравленіями. По окончаніи поздравленій хозяинъ и прислуживающіе приглашаютъ молодыхъ и гостей въ особое, для настоящаго случая сооруженное, зданіе, такъ называемое „сепна“. Зданіе это, имѣющее видъ обыкновеннаго просторнаго балагана, наскоро сколачивается изъ шелевокъ и покрывается сверху какою-нибудь плотною тканью. Въ немъ стоятъ накрытые столы, за которые и усаживаютъ на первомъ мѣстѣ — новобрачныхъ, а потомъ — гостей, — послѣднихъ въ

опредѣленномъ порядкѣ, по старшинству, чину и сословію. Когда всѣ усядутся, то подаются кушанья, и начинается свадебный пиръ. Вино при этомъ должно быть лучшаго качества и быстро опьяняющее.

При самомъ началѣ пира одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха или невѣсты подноситъ молодымъ поздравительный подарокъ,—въ видѣ ли вещи, или деньгами (рублей 25—30). За нимъ такіе подарки дѣлаются всеми приглашенными, не исключая даже молодежи, при чемъ самые подарки, вмѣстѣ съ именами лицъ, ихъ приподнесшихъ, записываются въ особый списокъ, для того, чтобъ помнить цѣнность подарка каждаго лица и въ свою очередь отплатить ему, при подобномъ же случаѣ, равно-цѣннымъ подаркомъ. Послѣ этого идетъ выборъ главы пиршества, такъ называемаго „тамады“, и его помощниковъ. Тамадой избирается, обыкновенно, лицо, отличающееся рѣчиственностью, остроуміемъ, находчивостью, умѣющее воодушевить и подпойть гостей, и вмѣстѣ съ тѣмъ само могущее выпить много вина, не пьянѣя. Подобными тамадѣ должны быть и его помощники. Когда тамада избранъ, онъ первый беретъ бокаль и провозглашаетъ тостъ за здоровье молодыхъ, а потомъ предлагаетъ и другимъ по порядку выпить по стакану вина. Затѣмъ слѣдуютъ другіе тосты—за здоровье присутствующихъ. Спустя нѣсколько времени, чинное въ началѣ пиршество дѣлается; подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, слишкомъ шумнымъ; тогда невѣсту уводятъ въ комнату на покой; гости же продолжаютъ пировать: пьютъ, ѣдятъ, шутятъ, пляшутъ лезгинку, разговариваютъ и такимъ образомъ проводятъ цѣлую ночь. Иногда же кутежъ продолжается сразу два—три дня; нерѣдко пьяные гости производятъ драку, шумъ и беспорядокъ, разбивая и уничтожая все, что попадется подъ руку. На третій или на второй день гости расходятся по своимъ домамъ. Черезъ нѣсколько времени молодой мужъ, взявъ приданое (деньгами, или вещами или домашними

животными), собирается со своей женой въ домъ своихъ жителей, куда тоже приглашаетъ своихъ ближнихъ родственниковъ и знакомыхъ и устраиваетъ маленькую попойку. И въ домѣ молодого, какъ это было въ домѣ его жены, поздравляютъ новобрачныхъ, даря деньгами и вещами.

Свадьба обходится дорого, даже жениху, который долженъ только купить невѣстѣ къ вѣнцу одежду и устроить въ своемъ домѣ одинъ свадебный пиръ, по прибытіи въ него съ молодою женой. Во время свадьбы выпивается до 50 пудовъ вина, съѣдается масса хлѣба, мяса и другихъ продуктовъ. Вообще, рѣдкая свадьба обходится дешевле 500 рублей. Хотя все это ложится страшнымъ бременемъ на семью, которая устраиваетъ свадьбу, однако никто изъ цаленджихцевъ не рѣшится отступить отъ обычая дѣдовъ и сыграть свадьбу какъ-нибудь, лишь бы вышло подешевле.

Болѣзнь, смерть и похороны.

Больныхъ въ Цаленджихѣ лечатъ, обыкновенно, бабы-знахарки, а также ворожеи, которыя находятся въ большомъ почетѣ у цаленджихцевъ. Къ нимъ послѣдніе обращаются во время всевозможныхъ болѣзней, когда необходима помощь врача. Уваженіе къ ворожеямъ держится на томъ убѣжденіи, что всѣ болѣзни посылаются, какъ наказаніе за какіе-либо проступки, и что умилостивить святого, пославшаго болѣзнь, можетъ только ворожея. Когда больной не подаетъ никакой надежды на выздоровленіе, то всѣ родные его, чтобъ умилостивить святого, котораго считаютъ виновникомъ болѣзни, собираются и тутъ же приносятъ ему жертву: деньги и свѣчу, и если послѣ того больной выздоровѣетъ, то они даютъ обѣщаніе исполнить подобное жертвоприношеніе нѣсколько разъ въ году.

Погребеніе покойниковъ совершается съ большою церемоніею, въ особенности въ высшихъ сословіяхъ. Предъ погребеніемъ покойника, его близкіе покупаютъ хлѣбъ, вино и другіе

вѣстные припасы, увѣдомляютъ мѣстнаго священника, а также священниковъ другихъ ближайшихъ сель о смерти и, выбравъ двухъ или трехъ лицъ изъ родственникововъ, рассылаютъ чрезъ нихъ ко всѣмъ знакомымъ и роднымъ пригласительныя письма, въ которыхъ дается знать о днѣ похоронъ. Въ день похоронъ родные покойника приглашаютъ 10 или 12 пѣвцовъ, такъ называемыхъ „мезаре“, на обязанности которыхъ лежить—каждаго новаго, обязательно при этомъ плачущаго, посѣтителя сопровождать со двора до дома, гдѣ лежитъ покойникъ, съ обычнымъ при этомъ пѣніемъ. Послѣ произведеннаго надъ покойникомъ оплакиванія, „мезаре“ подводятъ посѣтителя къ накрытому столу, за которымъ онъ немного чего-нибудь съѣдаетъ, а потомъ встаетъ и подходитъ къ писцу, который ведетъ списокъ лицамъ, жертвующимъ деньги въ пользу семьи покойника; записавъ 20 или 50 копеекъ, онъ возвращается къ толпѣ, гдѣ заводитъ рѣчь о разныхъ предметахъ и о личныхъ своихъ дѣлахъ. Такъ поступаетъ каждый новый посѣтитель. Послѣ того, какъ всѣ совершатъ оплакиваніе покойника, на слѣдующій день его несутъ хоронить. Гробъ обиваютъ разными дорогими матеріями, смотря по состоянію родственникововъ покойника. Когда погребальное шествіе идетъ изъ дому въ церковь, а изъ церкви на кладбище, то родные все время голосятъ и „причитываютъ“. Какъ въ день похоронъ, такъ и на 3-й и 40-й день послѣ похоронъ, а также въ день ангела покойника родные послѣдняго приглашаютъ его ближнихъ на поминки. Въ поминальные дни приглашенный священникъ служитъ заупокойную литургію, а родные готовятъ обѣдъ, на которомъ присутствуетъ человекъ до ста. Поминки, въ общей ихъ сложности, обходятся, обыкновенно, рублей до 400 и разорительны для народа.

Учитель Хоршинскаго сельскаго
училища *А. Гвасалія*.

МѢСТЕЧКО КВИРИЛЫ

Кутаисской губерніи, Шорапанскаго уѣзда.

Мѣстоположеніе и границы.

Мѣстечко Квирилы лежитъ на линіи Закавказской желѣзной дороги *), почти въ одинаковомъ разстояніи отъ Сурама и Кутаиса. Оно получило свое названіе отъ рѣки Квирилы, протекающей чрезъ него. Слово это въ буквальномъ переводѣ значить „ревуно“ или „крикунъ“: это названіе вполне характеризуетъ рѣку, потому что она, при своемъ быстромъ теченіи, сильно шумитъ и реветъ въ горахъ и утесахъ верхней Имеретіи. Это названіе мѣстечка, однако, недавнее и дано ему со дня проведенія Закавказской желѣзной дороги, когда этимъ именемъ была названа станція послѣдней, расположенная близъ устья рѣки Квирилы. Мѣстное населеніе и теперь называетъ его не „Квирилами“, а „Зеста-Пони“, что значить—„верхній бродъ“. Старожилы говорятъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь устроены желѣзные мосты чрезъ р. Квирилу, былъ мостъ деревянный, и близъ него—бродъ, гдѣ, до устройства желѣзнаго моста, и переправлялись чрезъ рѣку; этотъ бродъ назывался „Зеда-пони“, въ отличіе отъ „Кведа-пони“ (нижняго брода), который былъ около теперешней мельницы, отстоящей отъ мѣстечка на полверсты.

Мѣстечко Квирилы есть правительственный центръ Шорапанскаго уѣзда и основано недавно: лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ тутъ путешественникъ могъ видѣть только почтовую станцію и два грязныхъ духана. Но, благодаря проведенію

*) Подъ 42° 6' сѣв. широты и 60° 45' вост. долготы, верстахъ въ 36 къ юго-востоку отъ г. Кутаиса.

желѣзной дороги и марганцевой промышленности, мѣстечко это выдвинулось въ рядъ богато-населенныхъ и промышленныхъ уголковъ нашей окраины. На мѣсто прежнихъ деревянныхъ и грязныхъ духановъ теперь въ Квирилахъ красуются двухъ и трехъ-этажныя каменныя зданія и хорошія лавки. Количество населенія замѣтно увеличилось, такъ-что два года тому назадъ жители даже обратились къ кутаисскому губернатору съ просьбою о предоставленіи мѣстечку правъ уѣзднаго города; только просьба эта оставлена безъ послѣдствій.

Мѣстечко Квирилы занимаетъ почти котловину: съ трехъ сторонъ оно граничитъ такъ называемыми Лосіантхевскими и Квалитскими горами, которыя служатъ продолженіемъ Ахалцихскихъ горъ, съ четвертой же стороны его раскинулась прекрасная Квирильская долина, на которой расположены богатныя и плодородныя села: Терджола, Аргвети, Гванкити, Сакара и другія.

Краткія историческія свѣдѣнія.

До проведенія линіи Закавказской желѣзной дороги центромъ Шорапанскаго уѣзда служило нынѣшнее село „Шорапани“, куда были перенесены изъ сел. Диликаури всѣ административныя учрежденія. Село Шорапани расположено на томъ мѣстѣ, гдѣ въ рѣку Квирилу впадаетъ притокъ ея Дзирула. Здѣсь, на возвышеніи, расположенъ былъ въ древности городъ Сарапана, процвѣтавшій нѣкогда всемірною торговлею; отъ этого города и уѣздъ получилъ свое названіе. „Нынѣ тутъ вѣтъ и слѣдовъ прежняго богатства и величія, кругомъ развалины царствуетъ могильная пустота; видны только груды разсыпанныхъ камней и мѣстами уцѣлѣвшія отъ времени стѣны крѣпости“ *). Построеніе крѣпости Шорапани относятъ къ V вѣку и приписываютъ царю Фарнаозу. Она, по словамъ кн. Баратова, служила складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, шед-

*) Руков. къ познанію Кавказа. Селезнева, часть 2-я, стр. 69 и 70. в. XIX, о. I.

шихъ изъ Индіи въ Европу *). Страбонъ увѣряетъ, что эта крѣпость могла бы вмѣстить въ себѣ населеніе цѣлаго города **). Въ древнія времена, р. Ріонъ была судоходна, до самой Сарапаны, и послѣдняя, такимъ образомъ, была въ выгодныхъ условіяхъ для торговли ***). Въ настоящее время о судоходствѣ по Ріону и рѣчи не можетъ быть, и проводникомъ торговли служить желѣзная дорога, а потому мѣстечко Квирилы отодвинуло на задній планъ сел. Шорапанъ.

Величина и внѣшній видъ.

Площадь, занимаемая мѣстечкомъ, пока никѣмъ не измѣрена, приблизительно же она составляетъ не болѣе шестидесяти или семидесяти квадратныхъ десятинъ. Внѣшній видъ его не привлекателенъ: во время перевозки марганца, дома, деревья и плоды въ садахъ такъ чернѣютъ и такимъ покрываются толстымъ слоемъ марганцевой пыли, что плодовъ безъ предварительнаго тщательнаго обмыванія и очищенія нѣтъ возможности въ ротъ брать; а само селеніе, въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, особенно съ мая до конца августа, окутанное густымъ слоемъ черной марганцевой пыли, наводитъ на душу полнѣйшее уныніе. До 1888 года мѣстечко было центромъ марганцевой промышленности, и въ немъ можно было встрѣтить промышленниковъ изъ всѣхъ націй, какъ то: нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, грековъ, итальянцевъ, и представителей всѣхъ кавказскихъ народностей. Существовало до четырехъ иностранныхъ компаній, не говоря уже о множествѣ мелкихъ промышленниковъ, занимавшихся этимъ дѣломъ. Но послѣ временнаго прекращенія марганцевой промышленности и закрытія по близости станціи жел. дороги шумныхъ кабаковъ,

*) Исторія Грузіи кн. Баратовъ стр. 35.

***) См. Сборн., вып. IV, о. I, стр. 64.

***) Тамъ же, стр. 67.

въ мѣстечкѣ царствуетъ мертвая тишина, прежняго шуму и движенія совсѣмъ не замѣтно.

Постройки расположены по одну сторону шоссе и соединены между собою самыми грязными и сорными улицами. Мѣстами предъ лавками и духанами стоятъ никогда не промывающія лужи, наполняемая всякими помоями. Въ нихъ часто гниютъ дохлыя животныя или грязныя тряпки и заражаютъ окрестность вредными испареніями. До 1888 года въ мѣстечкѣ не было ни одного фонаря и ночью трудно, даже опасно было проходить по улицамъ, потому что было можно сдѣлаться жертвой голодныхъ собакъ, шатавшихся безпрестанно по улицамъ м. Квириль. И лишь въ послѣднее время стали замѣтно сглаживаться недостатки мѣстечка и вводиться лучшіе порядки.

Вода въ мѣстечкѣ имѣется въ изобиліи. Правда, рѣчная квирильская вода не годна для питья, но и нѣтъ надобности пить ее, потому что почти предъ каждымъ духаномъ или лавкой имѣются колодцы, и, кромѣ того, есть въ мѣстечкѣ три колодныхъ родника, которые снабжаютъ водою все населеніе мѣстечка. Колодцы здѣсь бываютъ неглубокіе и отличаются прекраснымъ качествомъ воды.

Дома большею частью деревянные и крыты черепицею или жестью, а многіе и дранью. Тротуары встрѣчаются очень рѣдко. Каменные дома строятъ изъ мѣстнаго камня, который по прочности во многомъ уступаетъ привознымъ сортамъ, какъ, напр., красному или бѣлому ектарскому камню, изъ Кутаисскаго уѣзда, или бѣлогорскому, изъ котораго выстроено много станціонныхъ и другихъ зданій Закавказской желѣзной дороги. Сажень мѣстнаго камня стоитъ 7—8 руб., тогда какъ ектарскій камень въ три—четыре раза дороже этого.

Климатъ, почва, растенія и животныя.

Мѣстечко Квирилы лежитъ въ центрѣ Шораланскаго уѣзда, который охватываетъ всю верхнюю Имеретію, начи-

ная съ границъ Кутаисскаго уѣзда и кончая сурамскими горами. Верхняя Имеретія гориста, и равнины попадаютъ очень рѣдко, за исключеніемъ долины р. Квирилы.

Благодаря преобладанію горныхъ странъ и отсутствію болотъ и сырости, мѣстный климатъ несравненно здоровѣе и прохладнѣе климата другихъ уѣздовъ Кутаисской губерніи, за исключеніемъ Рачинскаго и Лечхумскаго, и здоровье населенія находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; исключеніе составляютъ обитатели квирильской долины.

Пахатныхъ земель очень мало, и онѣ находятся въ рукахъ помѣщиковъ или такъ называемыхъ деревенскихъ „кулаковъ“. Поэтому, полученіе земли въ аренду сопряжено съ большими затрудненіями: когда кончается осень, крестьянинъ готовитъ разные подарки, или, по мѣстному, „рдзвени“ (ოდვენი), и отправляется къ землевладѣльцу съ просьбою дать ему въ аренду участокъ пахатной земли. Землевладѣлецъ, послѣ многократныхъ отказовъ и отговорокъ, наконецъ, соглашается, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы крестьянинъ отдавалъ ему, владѣльцу, половину урожая, а другою пользовался самъ. Изъ этой половины, за вычетомъ расходовъ на рабочія руки на загораживаніе канаша и на другія мелкія надобности, крестьянину-арендатору не остается даже и четвертой части урожая. Но не хлѣбопашество, а винодѣліе составляетъ главное занятіе мѣстнаго населенія. Въ верхней Имеретіи по берегамъ р. Квирилы, въ особенности по правому, предъ глазами путешественника на каждомъ шагу красуются виноградники, и винодѣліемъ занимается рѣшительно все населеніе. У крестьянина нѣтъ, напр., ничего, кромѣ одной или двухъ кцевъ земли, и на всемъ своемъ участкѣ онъ разводитъ только виноградъ,—въ виду того, что винодѣліе въ Шорапанскомъ уѣздѣ гораздо больше вознаграждаетъ трудъ, чѣмъ какое-нибудь другое занятіе. Не смотря на то, что винодѣліе здѣсь въ самомъ первобытномъ состояніи, Шорапанскій уѣздъ снабжаетъ виномъ лучшаго качества, какъ по вкусу, такъ и

по аромату, почти всю Кутаисскую губернію съ Батумскою областью. Каждый крестьянинъ, среднимъ числомъ, въ годъ продаетъ вина на 150—200 руб. Но этотъ доходъ не обезпечиваетъ крестьянина, такъ-какъ изъ этой суммы онъ долженъ покрыть расходъ на покупку хлѣба, на уплату долговъ, пошлинъ и податей, и, въ концѣ концовъ, самъ остается ни съ чѣмъ. Притомъ, къ великому несчастію населенія, два года тому назадъ на виноградныхъ лозахъ появилась болѣзнь, называемая „милдью“. Болѣзнь эта съ каждымъ годомъ распространяется все больше по мѣстнымъ виноградникамъ и оставляетъ замѣтные губительные слѣды на лозахъ.

Вино хранится въ глиняныхъ кувшинахъ, специально для вина приготовленныхъ и зарытыхъ въ землю. Отъ качества почвы зависитъ, поэтому, и состояніе вина. Если почва сухая или слишкомъ влажная,—вино подвергается окисленію и окончательно портится. Но населеніе, зная это, для храненія винныхъ кувшиновъ нарочно выбираетъ мѣста, защищенные отъ вѣтровъ и отъ прямыхъ лучей солнца, и не отличающіяся избыткомъ влажности. Продажа вина начинается въ началѣ весны и оканчивается осенью. Вино перевозятъ въ бурдюкахъ и мѣряютъ пудами или „чапами“. Здѣшняя „чапа“ вмѣщаетъ въ себѣ 17 бутылокъ. Одинадцать такихъ „чапъ“ составляютъ одно „сапалне“, или одинъ вьюкъ. Цѣна каждого вьюка доходитъ отъ 20 р. до 35 р. и даже до 40 руб.

Вообще, хозяйство у мѣстныхъ крестьянъ идетъ неудовлетворительно и не обезпечиваетъ ихъ. Особенно не благоприятно бываетъ положеніе ихъ къ концу хозяйственного года, т. е. весною: къ этому времени у большинства населенія дождаются остатки кукурузнаго хлѣба, и приходятъ къ концу сдѣланные запасы корма для скота.

Но на счастье мѣстнаго населенія зима бываетъ непродолжительна. И хотя три мѣсяца: декабрь, январь и февраль, считаются здѣсь зимними, но часто эти мѣсяцы бываютъ похожи на весенніе, и скотъ цѣлый годъ пасется на поляхъ.

Снѣгу зимою бываетъ очень мало. Холода достигаютъ до—10° В. Только въ 1881 и 1886 году были необыкновенно суровыя зимы, подобныхъ которымъ ни одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ не помнитъ. Но суровыя зимы, вообще, бываютъ очень рѣдко.

Изъ деревьевъ, которыми особенно изобилуютъ лѣса, находящіеся въ окрестностяхъ Квириль, замѣчательны: дубъ, клень, ель, сосна, грабъ, ольха, верба, осина, пальма (самшитъ) и другія. Изъ животныхъ держатъ лошадей, быковъ и коровъ мѣстныхъ, такъ какъ чужестранный рогатый скотъ съ трудомъ акклиматизируется здѣсь. Буйволы почти совсѣмъ не держатъ за неимѣніемъ равнинъ и болотъ. Кромѣ того, и надобности въ нихъ очень мало, такъ какъ здѣшняя почва очень легкая, и пахать ее плугомъ нѣтъ необходимости. Тутъ землю пахутъ легкою сохою, которая беретъ слой верхка въ два глубины, и въ которую запрягаютъ одну пару быковъ.

Н а р о д о н а с е л е н і е .

Теперешніе жители м. Квириль переселились сюда изъ разныхъ деревень Шорапанскаго уѣзда. Попадаются, впрочемъ, и переселенцы изъ городовъ и мѣстечекъ, какъ, напр., изъ города Кутаиса, изъ Ахалциха, изъ м. Сачхери и др.

Народонаселеніе въ м. Квирилахъ состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, но, въ общемъ, преобладаетъ элементъ имеретинскій.

По посемейнымъ спискамъ, составленнымъ въ 1886 году, въ м. Квирилахъ считалось жителей:

Всѣхъ жителей.	Мужск.	Женск.	НАЦИОНАЛЬНОСТИ.									
			Русскихъ.		Имеретинъ.		Армянъ.		Татаръ.		Иностран.	
			м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
659	543	116	24	29	508	79	4	3	2	1	5	4

Въ продолженіе шести лѣтъ, съ 1883 по 1888 г., въ м. Квирилахъ родилось и умерло нижеслѣдующее количество:

Г о д ы:	1883		1884		1885		1886		1887		1888		За шесть лѣтъ.								
	м. ж.	Ов. П.	м. ж.	Ов. П.	м. ж.	Ов. П.	м. ж.	Ов. П.	м. ж.	Ов. П.	м. ж.	Ов. П.	м. ж.	Ов. П.							
Родилось .	4	5	9	5	2	7	9	2	11	8	3	11	9	6	15	2	2	4	37	20	57
Умерло: .	1	2	3	1	1	2	—	1	1	3	4	7	1	6	7	—	1	1	6	15	21
Наросло .	3	3	6	4	1	5	9	1	10	5	—	4	8	—	8	2	1	3	31	5	36

По вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ населеніе м. Квирилъ въ 1888 году распредѣлялось слѣдующимъ образомъ *).

П о л ь:	ВѢРОИСПОВѢДАНІЯ.					СОСЛОВІЯ.									
	Православнаго.	Римско-католическаго.	Армяно-григоріанскаго.	Магометанск.	И Т О Г О.	Кнѣзей.	Потомственныхъ дворянъ.	Чиновниковъ.	Бѣлаго духовенства.	Купцовъ.	Крестьянъ.	Военныхъ ниж. чиновъ.	Отставныхъ нижнихъ чиновъ.	Иностранно по-двинныхъ.	Итого всѣхъ.
Мужчинъ . .	331	10	4	2	347	1	27	5	7	33	115	150	4	5	347
Женщинъ . .	102	5	3	1	111	2	23	3	3	18	56	—	2	4	111
Обоего пола .	433	15	7	3	458	3	50	8	10	51	171	150	6	9	458

Число зданій въ м. Квирилахъ.

Въ м. Квирилахъ въ 1888 году считалось зданій 326: православныхъ церквей—1 (деревянная), домовъ каменныхъ—106, деревянныхъ—219.

Промышленныхъ, торговыхъ и ремесленныхъ заведеній въ м. Квирилахъ въ 1888 году считалось 104; въ томъ числѣ:

*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ черновыхъ метрическихъ книгъ Квирильской церкви и изъ посемейныхъ списковъ 1886 года.

марганцевыхъ конторъ—5, трактирныхъ заведеній—23, оптовыхъ складовъ для спирта—1, кирпичныхъ заводовъ—1, заводовъ минеральныхъ водъ—1, винныхъ складовъ—4, гостиницъ—3, мануфактурныхъ магазиновъ—23, бакалейныхъ лавокъ—39, желѣзныхъ—2, фруктовыхъ—1, рыбныхъ—1.

Ремесленниковъ: хлѣбниковъ—15, рѣзниковъ—3, сапожниковъ—9, башмачниковъ—20, серебряныхъ дѣлъ мастеровъ—2, часовыхъ дѣлъ мастеровъ—1, лудильщиковъ—2, портныхъ—25, модистокъ—2, шапочниковъ—2, красильщиковъ—4, кузнецовъ—28, печниковъ—2, столяровъ—9, плотниковъ—3, цирюльниковъ—3.

Другихъ профессій: адвокатовъ—3, нотаріусовъ—1, врачей—2 (одна женщина-врачъ), офицеровъ—3, учителей—4.

Народное образованіе.

Лѣтъ двадцать тому назадъ о народномъ образованіи въ м. Квирилахъ и помину не было. Но съ 1871 года, со времени проведенія линіи Закавказской желѣзной дороги, мѣстечко начинаетъ постепенно наполняться переселенцами, среди которыхъ возникла и потребность въ образованіи. Населеніе обратилось къ начальству съ просьбою объ открытіи здѣсь начального двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія. Правительство разрѣшило открыть въ м. Квирилахъ названное сельское училище съ тѣмъ условіемъ, чтобы общество дало землю и выстроило помѣщеніе для училища. Сообразно съ этимъ на средства общества было выстроено двухэтажное каменное зданіе, и съ 1877 года въ немъ помѣщается нормальное училище министерства народнаго просвѣщенія. Со дня открытія училища число кончившихъ курсъ и получившихъ надлежащее свидѣтельство доходитъ до 62 чел. Изъ нихъ поступило въ учительскія семинаріи и кончило курсъ семь человѣкъ, въ городское училище поступило три и въ фельдшерскую школу—два человѣка.

Дѣтей школьнаго возраста, желающихъ учиться, много. Со дня обнародованія ВЫСОЧАЙШАГО указа по отбыванію воинской повинности, число желающихъ учиться еще болѣе увеличилось; вслѣдствіе этого въ мѣстечкѣ открылось частное одноклассное училище третьяго разряда, куда уже въ день открытія поступило до 35 учениковъ, а въ 1888 году обучалось болѣе пятидесяти воспитанниковъ. Въ этихъ школахъ обучаются исключительно дѣти мужскаго пола. Для обученія же дѣвочекъ нѣтъ ни одной школы, ни общественной, ни частной.

Свадьба и различные обряды при рожденіи дѣтей.

Въ Квирилахъ молодые люди очень рано вступаютъ въ бракъ: четырнадцати и пятнадцатилѣтнія дѣвушки и шестнадцати—семнадцатилѣтніе молодые люди считаются совершеннолѣтними и способными ко вступленію въ законный бракъ. Когда сынъ достигаетъ совершеннолѣтія, и для него настаетъ время женитьбы, отецъ наводитъ справки о невѣстахъ для своего сына: въ домъ жениха въ это время начинаютъ ходить такъ называемые „машвлеби“ (посредники), уговаривая жениться на извѣстной имъ невѣстѣ. Посредниками или сватами являются специально этимъ занятые люди, и хорошіе посредники рѣдки и пользуются извѣстностью на нѣсколько селъ. „Машвали“ долженъ быть человекъ хитрый, ловкій, услужливый и вмѣстѣ съ тѣмъ мастеръ приврать. „Если машвали не будетъ много лгать“, говорятъ объ нихъ, „то и дѣло успѣхомъ не кончится“. Въ домѣ жениха машвлеби расхваливаютъ невѣсту и ея родителей, а въ домѣ невѣсты, въ свою очередь, расхваливаютъ жениха.

Послѣ долгаго молчанія отецъ невѣсты отвѣчаетъ машвали приблизительно слѣдующими фразами. „Дочь моя“, говоритъ онъ, „во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненная дѣвушка, по характеру смиренная и кроткая. Она служитъ опорой моего семейства. Она воспитана нѣжно, согрѣта материнскою ласкою;

потому, если женихъ въ состояніи содержать мою дочь сообразно ея воспитанію, соглашусь выдать за него; но предвѣрительно я желалъ бы знать, сколько у него братьевъ, имѣетъ ли онъ состояніе, податного-ли сословія, не находится ли подъ судомъ и слѣдствіемъ, каковъ по характеру,—не деспотъ-ли будетъ въ семейномъ быту“ и т. п.

На это машвали отвѣчаетъ, расхваливая жениха всѣчески,—увѣряя, что дѣвушка вполне будетъ счастлива, вышедши за его кліента за мужъ. Послѣ такихъ переговоровъ стовариваются относительно дня свиданія съ „домомъ“ невѣсты. Отправляются въ домъ невѣсты сперва одни только родители жениха и при этомъ, главнымъ образомъ, знакомятся съ матеріальнымъ состояніемъ родителей ея, съ тѣмъ, чтобы не промахнуться при переговорахъ относительно приданого. Родители невѣсты въ свою очередь дѣлаютъ то же самое въ домѣ будущаго зятя. Но все это еще не есть обрядъ осматриванія невѣсты, а лишь переговоры о приданомъ. Когда вопросъ этотъ улаженъ, назначается время осмотра невѣсты; обрядъ осматриванія невѣсты называется „пирись-нахва“. Зная напередъ чрезъ „машвали“ о пріѣздѣ гостей, женщины—старухи, а иногда подруги невѣсты, одѣваютъ ее въ новое платье, лицо раскрашиваютъ бѣлилами („ума-рули“), сажаютъ ее по срединѣ „дарбаза“ *) на деревянной тахтѣ, а около нея садится или мать, или другая пожилая женщина. Когда все готово, зовутъ гостей въ дарбазъ и на стульяхъ сажаютъ насупротивъ невѣсты. Послѣ долгаго молчанія встаетъ отецъ жениха, подходитъ къ матери невѣсты и обращается къ ней съ такими словами.

—„Просимъ, сударыня, чтобы ваша дочь сказала что-нибудь“.

*) Дарбазъ—туземная деревянная комната, съ земляною кровлею и землянымъ поломъ; у крестьянъ она бываетъ очень часто единственнымъ жилищемъ помѣщеніемъ.

— „Сегодня была прекрасная погода!“ съ большимъ стѣсненіемъ произносить на это невѣста.

— „Теперь, нельзя-ли попросить вашу дочь встать и пройти?“ спрашиваетъ отецъ жениха, обращаясь къ матери невѣсты.

И эта просьба исполняется невѣстой. Все это дѣлается съ тѣмъ, чтобы не обмануться въ выборѣ невѣсты: чтобы она впослѣдствіи не оказалась нѣмою, хромою или умственно больною. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ достоинствахъ невѣсты, родители безъ вѣдома жениха и невѣсты дѣлають обрученіе ихъ и назначаютъ день свадьбы. Бываетъ часто и такъ, что женихъ и невѣста впервые разъ видятъ другъ друга только въ день своей свадьбы.

Назначеніе дня свадьбы зависитъ отъ родителей невѣсты, потому что продолжительность срока для свадебныхъ приготовленій имѣеть для нихъ особую важность: къ свадьбѣ они должны готовить какъ приданое для невѣсты, такъ и разные съѣстные припасы, и чѣмъ длиннѣе будетъ срокъ, тѣмъ выгоднѣе для нихъ.

Въ день свадьбы женихъ отправляется въ домъ невѣсты. Его сопровождаютъ туда молодые люди, называемые по-грузински „макреби“. Эта процессія отправляется верхомъ или пѣшкомъ, смотря по сословію и состоянію жениха. На пути они ничего не поютъ, но шествіе ихъ тотчасъ можно узнать по безконечнымъ шуткамъ и наряднымъ одеждамъ. Между тѣмъ въ домъ невѣсты уже собрались всѣ знакомые и родственники жениха и невѣсты, и въ домѣ все убрано по возможности. Нужно сказать, что дарбазъ крестьянскаго дома замѣняетъ и спальню, и кабинетъ, и гостиную и даже кухню. И потому, чтобы имѣть больше мѣста для гостей, ко дню свадьбы изъ дарбаза выносятъ все, кромѣ одной тахты; тахту же покрываютъ ковромъ и по серединѣ дарбаза устраиваютъ на

ней сидѣніе для молодыхъ; оно дѣлается изъ подушекъ или мутакъ. Затѣмъ, насупротивъ тахты приготовляютъ мѣста для гостей; они дѣлаются изъ длинныхъ досокъ, укрѣпленныхъ въ трехъ мѣстахъ на коляхъ, вбитыхъ въ землю; доски эти служатъ вмѣсто стульевъ. Въ особой комнатѣ „мдаде“, дружка со стороны невѣсты, убираетъ ее къ вѣнцу. Прежде всего ей умываютъ лицо, потомъ красятъ бѣлилами, смѣшанными съ румянами; эта смѣсь называется „перъ-умарули“ (ფერ-უმარული). Потомъ, невѣстѣ дѣлаютъ головной уборъ, который состоитъ изъ шолковаго платка (ბაღდათი), изъ „лечака“, или тюлевой головной косынки, изъ бархатной ленточки съ разными вышивками, называемой „тавсраки“ (თავსრაკი), двухъ локоновъ (კვავბი). Когда невѣста совсѣмъ одѣта, мать даетъ ей разныя, весьма подробныя, наставленія о томъ, какъ ей вести себя.

— „Не осрами меня предъ своими и чужими“, говоритъ ей мать, „веди себя такъ, какъ слѣдуетъ примѣрной царицѣ; не поднимай глазъ верхъ, не смотри ни на кого и не оглядывайся по сторонамъ; старайся даже не моргать глазами; губы должны быть закрыты; отъ этого будешь казаться привлекательнѣе. Когда въ церковь зайдешь, держи себя смѣлѣе, чтобъ злой духъ не могъ тебя побѣдить. На вопросъ священника: желаешь-ли вступить въ законный бракъ съ женихомъ своимъ, отвѣчай смѣло, съ восторгомъ и отчетливо: „да“, ибо этимъ ты побѣдишь своихъ недоброжелателей. По окончаніи бракосочетанія стань на колѣна предъ иконою Божьей Матери и помолись о ниспосланіи тебѣ легкихъ родовъ впослѣдствіи. Она есть покровительница всѣхъ беременныхъ“.

Когда мать окончитъ всѣ свои наставленія, невѣсту и жениха въ сопровожденіи нѣсколькихъ подругъ ея или одной пожилой женщины, „мдаде“, ведутъ въ церковь. Во время и послѣ совершенія религиозныхъ обрядовъ наблюдается много суевѣрныхъ обычаевъ и примѣтъ. Когда, напр., отправляютъ невѣсту въ церковь, насыпаютъ ей въ чулки проса, съ увѣренностью,

что сколько зеренъ проса окажется въ чулкахъ, столько лѣтъ не будетъ у нея дѣтей. Когда молодые возвращаются изъ церкви, ихъ останавливаютъ у дверей дома, и надъ дверями его шаферъ дѣлаетъ обнаженнымъ кинжаломъ крестообразный знакъ и тѣмъ, какъ полагаютъ крестьяне, выгоняетъ изъ дому злыхъ духовъ. Когда женихъ переступить чрезъ порогъ, подъ его ногами раздается трескъ,—это ломается заранѣе приготовленная для того тарелка: по убѣжденію народа, это необходимо, чтобы, подобно разбитой тарелкѣ, были уничтожены всѣ враги и недоброжелатели дома новобрачныхъ. Во время совершенія таинства брака никому изъ зрителей не позволяется прикасаться къ стѣнѣ церкви, изъ опасенія того, что впослѣдствіи роды у новобрачной будутъ неправильные и затруднительные. Между женихомъ и невѣстой никто не осмѣлится пройти, боясь того, чтобы не послѣдовалъ между ними разводъ. Между двумя лицами невѣста не пройдетъ, думая, что въ такомъ случаѣ первый, имѣющій родиться у нея, ребенокъ, будетъ дочь. Когда въ дарбазѣ сядутъ вмѣстѣ женихъ и невѣста, то какая-нибудь изъ женщинъ беретъ ребенка мужескаго пола и усаживаетъ его на колѣнахъ невѣсты, съ пожеланіемъ, чтобы первенецъ былъ мужескаго пола.

По окончаніи обрядовъ вѣнчанія, выходятъ изъ церкви и нѣсколько разъ стрѣляютъ изъ ружья, съ пожеланіемъ, чтобы первенецъ у молодыхъ былъ мужественъ и служилъ истиннымъ защитникомъ своей родины и отечества.

Кончивъ дѣло съ успѣхомъ, обвинявъ молодыхъ и возвращаясь домой, макреби теперь начинаютъ веселиться и пѣть свадебныя пѣсни. На дорогѣ поютъ пѣсню подъ названіемъ „Макрули“, т. е. пѣсня макребовъ. Часто послѣдняя поется безъ всякихъ словъ, а иногда употребляютъ слѣдующія слова:

შოკვავს და მოკვიბარიან

მისი უცხო ფრინველია;

Ѣдемъ и веземъ

Двухъ дорогихъ птицъ.

ბალიაში გაზრდილები,
მით მაისის ბულბულია.
ისე ვაჭმევდით შაქარსა,
როგორც ყველი და პურიან.
მავთა ჩვენნი ძმის წული
ძალი თქვენნი ასულიან.

Мы ихъ ледѣяли,
Какъ въ клѣткѣ майскаго со-
ловья.
Не жалѣли для нихъ ни сы-
ру, ни сахару, ни хлѣба *).
Изъ нихъ одна—нашъ племян-
никъ, а другая—ваша дочь.

У дверей дома молодыхъ встрѣчаетъ одна изъ старухъ съ кускомъ сахару и съ папахою на головѣ и даетъ имъ откусить понемножку сахару, съ пожеланіемъ пріятно и сладко состарѣться обоимъ. Потомъ молодыхъ ведутъ въ домъ, сажаютъ по срединѣ дарбаза и по очереди поздравляютъ, давая имъ подарки, кто—деньгами, а кто—вещами.

Еще до обѣда или ужина, смотря по тому, когда бываетъ свадьба, молодое поколѣніе раздѣляется на двѣ партіи. Одну составляютъ дѣвушки, а другую молодые парни. Дѣвушки выбираютъ изъ своей среды болѣе смѣлую и знающую много пѣсень подругу. Въ свою очередь то же самое дѣлаютъ и парни. И вотъ между этими партіями дѣвушекъ и парней начинается что-то вродѣ состязанія: дѣвушки поютъ одну пѣсню, парни отвѣчаютъ имъ также пѣсней и т. д., пока не истощится запасъ пѣсень.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ для примѣра. Дѣвушки начинаютъ:

თქვენ ილიას დაუხურავს
ძული შავი კრაველია;
ნიკაპი გაგრძელებია—
ცხვირი სამი მტკაველია.

Вотъ Илья для красоты надѣлъ
Черную барашковую папаху,—
Подбородокъ у него удлинился,
А носъ въ три четверти аршина.

Пѣсня парней.

შოველი ჩიტო ბუდეს დგამს,
შველა და გუგული არა;

Всѣ птицы строятъ гнѣзда, всѣ,
а кукушки—нѣтъ.

*) „Такъ давали имъ въ кормъ сахаръ, какъ сыръ и хлѣбъ“.

მე ბევრი ქალი მინახავს
შენსავით ლამაზი არა.
თეთრ ქორათ გარდამატცია,
შენ წინა დამაბზიალა;
მართს ლამეს შენთან მამყოფა
შომკლა და არ მაზიარა.

Я много женщин видывалъ, но
красивѣе тебя—нѣтъ.

Желалъ бы обратиться въ бѣ-
лаго ястреба и предъ тобою
встрепенулся,—

Быть съ тобою одну ночь, а по-
томъ хоть умереть безъ св.
причастія.

Письма двушекъ.

ხელო! რას იპრანჭებო,
მასრას გიგავს კანჭებო;
ათასი რომ გადიპრანჭო
შაინც არ წამოგყვებო.

Душечка! зачѣмъ попусту чва-
нишься!? Знай, что этимъ ме-
ня не соблазнишь, и я твоею
никогда не буду.

Письма парней.

პირველიდგან სევდა ვნახე,
წიად რომ თვლით დაგინახე;
თუ სიყვარული არ გქონდა
ღმერთს მოვეკალ არ გენახე.

Когда увидѣлъ я тебя первый
разъ,

Сердце мое любовью забилось;

Но зная, что ты этому не со-
чувствуешь,

Я предпочелъ бы умереть.

Письма двушекъ.

იასა და ვარდსა შუა
მე ყაყაჩო მიკრეფია
მაგ თქვენი წრის ბიჭებშია
მე გიორგი მირჩენია.

Въ числѣ прекрасныхъ розъ и
фіалокъ

Я часто макъ собирала,

А между вашими товарищами

Я бы Георгія предпочла.

Письма парней.

ქაპასი ქალის ქმარსაო
რა გამოუღევეს ჯავრსაო;
მეზობლებს წაეკიდება
შინ დედამთილს და რძალსაო;

Мужъ капризной жены вѣчно
долженъ быть печальнымъ, по-
тому что капризная жена или
дома ссорится съ домашними,
или дѣлаетъ непріятности со-

ბგულიანებს ქმარსაო
ზამოეყვი ძმასაო,
თუ გაეყოფო ძმასაო,
მაშინ ვაჯობებთ სხვასაო.
ქმარს სამუშევრათ გაგზავნის,
ზამოუკეტავს კარსაო,
ჩაიკვამს და დაიხურავს
ამთვალეირებს სხვასაო.

сѣдкамъ, уговариваетъ мужа
раздѣлиться съ братомъ, у-
тверждая, что тогда они бу-
дутъ богаче и счастливѣе
жить; мужа она отправляетъ
на работу, а сама одѣвается
въ нарядное платье, притво-
ряетъ двери дома и на улицѣ
высматриваетъ проѣзжихъ.

При пѣнии этихъ пѣсень, какъ парни, такъ и дѣвушки
пляшутъ.

Между тѣмъ столъ сервированъ; выходитъ одинъ изъ
хозяевъ или, скорѣе, распорядитель пира и приглашаетъ гостей
къ ужину. Всѣ садятся за столъ; только женщины очень рѣдко
сидятъ за однимъ столомъ съ мужчинами, и почти всегда
составляютъ отдѣльную компанію; мужчины садятся на зар-
нѣе для нихъ приготовленныхъ доскахъ, а женщины или на
тахтѣ, около невесты, или же на земляномъ полу. На ужинъ
подаютъ обязательно свинину: безъ свинины и свадьба „не го-
дится“, по убѣжденію крестьянъ. Ложки, вилки и ножи у
мѣстнаго простонародья совѣмъ не въ употребленіи, а по-
тому ихъ и на свадьбѣ не бываетъ.

Если свадьба происходитъ въ зажиточномъ семействѣ, то
на другой день рѣжутъ корову: ее должны зарѣзать непре-
мѣнно макреби жениха. Когда корова бываетъ пригнана во
дворъ, изъ дому выходятъ всѣ и малые, и взрослые, и гости,
и хозяева и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ момента зарѣзыванія.
Одинъ изъ макреби, болѣе смѣлый, опытный, бывалый на
такихъ торжествахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо владѣющей
кинжаломъ, берется за дѣло: онъ долженъ однимъ взмахомъ
кинжала отрѣзать голову у коровы. Въ случаѣ удачнаго вы-
полненія раздаются со всѣхъ сторонъ одобрительные крики,
шумъ и рукоплесканія.

— „Молодецъ, братецъ мой! ты осчастливилъ меня се-

годня!“ говорить ему женихъ. Въ случаѣ промаха макари, „побѣда“ считается на сторонѣ невесты, и женихъ осрамленъ на все село.

На ужинъ подаютъ свинину кусками и раздаютъ или отдѣльно каждому, или двумъ вмѣстѣ. Куски эти называются словомъ „ულუფა“, т. е. порція, и разносятся человѣкомъ, называемымъ „მორიგე“ (мориге). Мориге замѣняютъ лакеевъ и пользуются большимъ уваженіемъ въ селѣ.

Спустя нѣсколько времени, одинъ изъ пожилыхъ гостей встаетъ и съ бокаломъ въ рукахъ произноситъ слѣдующія слова:

გიდება ღმერთსა,
შამბადებელი ღმერთო!
შაბედნიერე დღევანდელი
შეოჯახის მეფე და დედოფალი;
ქედნიერი ცხოვრებით,
ეთილ წარმატებით.
გაბეროსთ ერთი ერთმანეთი
შე როგორც მზე და მთვარე.
გაბერთმა ყველას გაუმარჯოს,
გენდობა მამაო!

Слава тебѣ, Боже, сотворитель
міра сего! Дай счастья царю
(жениху) и царицѣ (невестѣ)
дома сего, чтобы они жили
въ любви, состарѣлись, какъ
луна и солнце! Кромѣ того,
дай всѣмъ присутствующимъ
здравія и долголѣтія! Благо-
слови, Владыко!

Затѣмъ, каждый беретъ бокаль и провозглашаетъ тостъ за здоровье жениха и невесты (მეფე და დედოფლის სადღევანდელი). Далѣе слѣдуютъ тосты за здоровье остальныхъ присутствующихъ; предпочтеніе при этомъ всегда отдается не дамамъ, какъ принято въ образованномъ обществѣ, а мужчинамъ: прежде пьютъ за здоровье мужчинъ, а потомъ за женщинъ. Каждый тостъ сопровождается пѣніемъ многолѣтія (მრავალ ვამიერ თქვენი სიცოცხლე—мраваль жаміерь тквиени сицоцхле). По окончаніи всѣхъ тостовъ шаферъ (სმადი) встаетъ и произноситъ: მეფე სალამს არის!, т. е. царь (женихъ) усталъ и проситъ спокойствія. На это всѣ хоромъ отвѣчаютъ: გაუმარჯოს, გაუმარჯოს! т. е. да здравствуетъ, да здравствуетъ! Жениха и

невѣсту выводятъ изъ дому въ особо-назначенную для нихъ комнату, называемую: „სახთობო“, а гости своимъ порядкомъ продолжаютъ свой кутежъ до самаго утра. Въ комнату, назначенную заранѣе для молодыхъ, новобрачную вводитъ мѣдаде, раздѣваетъ ее и читаетъ слѣдующую молитву:

დასწვება, დაეძინება,
პირჯვარი დაესწვრება.
ცხრა ხატი, ცხრა ანგელოზი
თავ-ფეხით დაესვენება.
ჯვარი სწყალობს ჯვარცმული,
ვერას ავნებს მადღური.

Ляжетъ, заснетъ, осѣнится крестнымъ знаменіемъ. Девять иконъ, девять ангеловъ осѣнятъ ея ноги и голову. Милуетъ ее крестъ и на немъ распятый, и потому не можетъ вредить ей искуситель.

Уложивши ее въ постель, она тушитъ свѣчку и приглашаетъ жениха войти. Оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ новобрачная на первые вопросы его должна ни слова не отвѣчать, пока отъ мужа не получитъ подарка „за удостоеніе мужомъ отвѣтомъ“ (ხში სგამოსაღები). Мужъ даетъ ей въ этомъ случаѣ рублией пять, десять, или больше. Но часто дарятъ заранѣе купленные для этого золотыя или серебряныя вещи. Не получить такого подарка нельзя, потому что на другой день по другимъ невѣстамъ собираются и спрашиваютъ у нея, чтб она получила за удостоеніе мужа въ первую ночь разговоромъ.

На имеретинской свадьбѣ нѣтъ конца нѣнію, пляскамъ подъ звуки бубна и гармоники и разнымъ другимъ забавамъ.

Первое время послѣ свадьбы молодая не покидаетъ родного крова, и только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, иногда и чрезъ нѣсколько лѣтъ, молодой мужъ увозитъ жену къ себѣ домой. До этого мужъ только по временамъ прѣзжаетъ къ своей женѣ и, пробывъ нѣсколько дней въ домѣ тестя, опять уѣзжаетъ. Когда онъ окончательно увозитъ жену домой, ему дается отъ тестя списокъ вещей, принадлежащихъ его женѣ. На этомъ списокѣ расписывается или отецъ

тя, называемый „მძახლო“, или же самъ зять въ полученіи значенныхъ въ спискѣ вещей. Списокъ этотъ остается у родителей невѣсты и хранится до того времени, пока у молодыхъ не родятся дѣти. Въ случаѣ же преждевременной смерти дочери, если послѣ нея не останется дѣтей-наслѣдниковъ, родители невѣсты предъявляютъ эту расписку въ судъ и берутъ назадъ все, что только отдали въ приданое своей дочери.

У простого народа кровати и диваны очень рѣдки, а у большинства по всей длинѣ дома бываетъ устроена деревянная тахта, на которой и спать ночью и большіе, и малые. На той тахтѣ не позволяется беременной разрѣшиться отъ бремени. Для этого заблаговременно до родовъ, бабка устраиваетъ родильную постель на землянномъ полу: она дѣлаетъ крестообразный знакъ на немъ, читая при этомъ какую-то молитву, которая составляетъ секретъ бабокъ; потомъ кладетъ сѣно или мягкую солому и постилаетъ постель для роженицы, и на той-то постели совершаются роды.

При родахъ присутствуютъ многія женщины, родныя и знакомыя роженицы, и бабка, на которой, главнымъ образомъ, и лежитъ попеченіе о больной. Въ приемахъ бабокъ много и до сихъ поръ такого, что обнаруживаетъ или суевѣріе и невѣжество, или шарлатанство.

Если рождается дѣвочка, то отцу, который, обыкновенно, при родахъ не присутствуетъ, даже и не сообщаютъ объ этомъ. Зато рожденіе сына составляетъ семейное торжество. Послѣ своего выздоровленія, мать новорожденного должна отпраздновать день рожденія своего ребенка. Праздникъ этотъ носитъ названіе „მესამე დღე“, т. е. третій день, или „ძეობა“ (ძეობა) и состоитъ въ слѣдующемъ: въ одинъ день, по выбору, конечно, бабки, мать новорожденного дѣлаетъ большой круглый пирогъ съ сыромъ (ხაჭაპური) и приглашаетъ только тѣхъ, кто присутствовалъ при родахъ. Этотъ пирогъ поступаетъ въ пол-

ное распоряженіе бабки. Бабка беретъ его, ставитъ вокругъ пирога восковыя свѣчки, держитъ въ рукахъ стаканъ съ виномъ и, двигая пирогъ слѣва направо, читаетъ слѣдующую молитву:

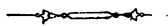
შოვლად მარჯალეო ღმერთო!
აღზარდე ყმაწვილი ესე!
ბამოიყვანე კაცი გონიერი,
ბედნიერი, დედ-მამის მონა-მორჩილი,
ტან-მრთელი და გული მზიარული
წადმათ დააბრუნე მისი ცხოვრება
და წაღმართიანათ! ამინ.

Боже многомилостивый! возра-
сти ребенка сего! произведи
изъ него человека разумнаго,
счастливаго, отцу и матери по-
слушнаго, здороваго, крѣпка-
го и веселаго, чтобы счаст-
ливо жилось ему вездѣ и
всегда! Аминь.

Потомъ вырѣзываетъ середину пирога, — то мѣсто, гдѣ больше сыру, и кладетъ себѣ, а остальное передаетъ другимъ. Другія же дѣлятъ остальной пирогъ по числу присутствовавшихъ на родахъ и, съ повтореніемъ вышесказанныхъ словъ молитвы, доѣдаютъ его. На этотъ праздникъ постороннія не допускаются; равнымъ образомъ, постороннимъ не позволяется и ѣсть этого пирога.

Въ извѣстный срокъ обрѣзывается у младенца пуповина. Обрядъ этотъ сопровождается нѣкоторыми суевѣрными дѣйствіями. Такъ, когда у ребенка мужскаго пола обрѣзываютъ пуповину, мать беретъ ее, завертываетъ въ бумажку и кладетъ мужу въ карманъ, и когда отецъ ребенка идетъ въ городъ, то беретъ ее и подбрасываетъ къ какому-нибудь дому, по своему выбору, — думая, что вслѣдствіе этого его сынъ, когда вырастетъ, научится въ этомъ городѣ тому или другому ремеслу. Пуповину же дѣвочки зарываютъ въ землю у очага, съ пожеланіемъ, чтобы она вышла хорошею хозяйкою и не любила ходить по чужимъ дворамъ.

Учитель Квирильскаго училища *Ө. Хускивадзе.*

ОТДѢЛЪ II.

ИМЕРЕТИНСКІЯ СКАЗКИ.

1. Богатырь Леванъ Датвись-швили.

Однажды по дорогѣ шелъ священникъ. Вдругъ изъ лѣсу выскочила громадная медвѣдица и преградила ему дорогу.

— „Слушай“, обратилась она къ священнику, „ты долженъ непременно раздѣлить со мною любовь,—иначе я тебя растерзаю!“

И, прежде чѣмъ испуганный священникъ могъ прійти въ себя, медвѣдица вскинула его себѣ на спину и быстро скрылась въ чащѣ непроходимаго лѣса. Въ тотъ же день возвратился изъ лѣса священникъ невредимымъ въ свою деревню и сталъ жить по прежнему. Черезъ нѣсколько времени къ священнику снова явилась медвѣдица и на этотъ разъ принесла съ собою ребенка.

— „Вотъ тебѣ твой сынъ!“ сказала медвѣдица, отдавая священнику ребенка, „поручаю тебѣ заботиться о немъ и воспитывать его, я же больше беспокоить тебя не буду.“

Сказавъ эти слова, медвѣдица скрылась.

Ребенокъ, принесенный медвѣдицей, былъ только-что родившійся, но на видъ ему можно было дать лѣтъ пять,—такъ онъ былъ силенъ и великъ. Священникъ долго не зналъ, какое дать ему имя, а потомъ рѣшилъ назвать его Леваномъ, по прозвищу Датвись-швили *).

Леванъ развивался не по днямъ, а по часамъ, и, что особенно поражало священника въ ребенкѣ, имѣлъ ужасный аппетитъ. Когда еще онъ питался только однимъ молокомъ, то и тогда уже стала сказываться его прозорливость: не

*) Датвись-швили значитъ медвѣжий сынъ.

прошло и нѣсколькихъ дней, какъ для прокормленія Левана потребовалось молоко нѣсколькихъ козъ, а затѣмъ и цѣлаго стада; когда же онъ немного подросъ и могъ питаться пищею взрослыхъ, то навинудся на мясо и сталъ его пожирать въ такомъ огромномъ количествѣ, что не успѣвали заготавливать. Соразмѣрно аппетиту Левана въ немъ росла страшная, не человѣческая сила: еще будучи ребенкомъ, онъ свободно могъ выворачивать съ корнями небольшія деревья и легко переносить ихъ съ одного мѣста на другое. Когда сынъ медвѣдицы настолько выросъ, что могъ уже считаться юношею, въ деревнѣ и въ окрестностяхъ не осталось больше скота, — все это было переѣдено острыми зубами молодого богатыря. Наконецъ, не имѣя больше возможности держать Левана у себя и кормить, отецъ рѣшилъ отвезти его къ царю.

— „Милостивый царь!“ сказалъ священникъ, пріѣхавъ къ царю, „я привезъ тебѣ моего сына-богатыря; у меня нѣтъ больше средствъ его кормить; возьми его себѣ въ услуженіе: онъ можетъ быть полезенъ тебѣ своею необыкновенною силою.“

Царь подумалъ и согласился взять Левана. Но не прошло и мѣсяца, какъ царь уже сталъ раскаяваться: необыкновенная прожорливость Левана грозила уничтожить въ непродолжительномъ времени всѣ царскія стада, а его необычайная сила стала приводить въ ужасъ весь народъ и самого царя. Долго думалъ царь о томъ, какъ бы избавиться отъ Левана Датвись-швили, но, сколько ни думалъ, все не могъ найти средствъ къ избавленію себя и своего царства отъ опаснаго богатыря. Наконецъ, посовѣтовавшись со своими царедворцами, царь рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости: дать Левану такое трудно-исполнимое порученіе, которое должно было привести его къ неминуемой гибели. И вотъ царь призвалъ юношу и приказалъ ему отправиться въ непроходимый лѣсъ, сдѣлать тамъ изъ самыхъ толстыхъ деревьевъ собственноручно срубъ для дворца и принести его въ городъ.

— „А если ты этого не исполнишь“, сказалъ царь, „тогда пеняй на себя: мой мечъ отрубить тебѣ голову!“

Леванъ немедленно тронулся въ путь. Долго шель онъ по непроходимымъ дорогамъ. Добравшись, наконецъ, до густого лѣса, онъ, не долго думая, принялся за богатырскую работу: съ страшной быстротой валились кругомъ вѣковья деревья; далеко разносился трескъ и шумъ отъ ихъ паденія. Уже всѣ почти необходимыя для сруба дерева были повалены, когда изъ лѣса послышались грозные голоса какихъ-то невидимыхъ существъ:

— „Кто смѣетъ нарушать покой нашего жилища, и какъ этотъ дерзкій проникъ въ наше царство? Развѣ ему не извѣстно, что еще ни одно живое существо не рѣшалось переходить границы нашихъ владѣній?“

Выслушавъ спокойно эти грозныя слова, богатырь громко воскликнулъ:

— „Кто вы,—я не знаю, а меня-то вы должны знать: я Леванъ Датвисъ-швили.“

Не успѣлъ онъ произнести своего имени, какъ изъ чащи къ нему вылетѣли четыре крылатыхъ коня и, окруживъ силача, вступили съ нимъ въ борьбу; но, не прошло и минуты, какъ Леванъ всѣхъ четырехъ коней съ таковой силой хватилъ о землю, что всѣ они вошли въ нее по самыя головы. Медвѣжій сынъ сталъ на ихъ спинахъ возводить срубъ дворца. Когда дѣло было окончено, Леванъ усѣлся на крышѣ дворца, взявъ въ руки чунгури и привязавъ конямъ везти себя къ царю. Кони распустили свои крылья и быстро понеслись. Дорогою они обратились къ Левану и сказали:

— „Теперь мы признаемъ въ тебѣ Медвѣжьего сына и готовы служить тебѣ. Вырви по одному волоску изъ нашихъ хвостовъ и спрячь за пазуху; когда, въ неминуемой бѣдѣ, тебѣ понадобится наша помощь, завяжи узелки на этихъ волоскахъ, и мы въ мигъ явимся къ тебѣ на выручку.“

Леванъ поблагодарилъ за предложеніе, выдернулъ изъ хвостовъ крылатыхъ коней по волоску и спряталъ выдернутые волосы за пазуху. Прилетѣвъ на мѣсто, кони осторожно поставили срубъ на землю, а сами незамѣтно исчезли.

Когда царь увидѣлъ предъ собою дворець, онъ просто не вѣрилъ своимъ глазамъ и подумалъ, что ужь если Леванъ способенъ на такіе подвиги, то тѣмъ болѣе опасно его имѣть у себя: царь придумалъ тогда для Медвѣжьяго сына новое порученіе, настолько трудное и опасное, что, по его расчету, Леванъ неизбѣжно долженъ былъ погибнуть.

— „Я доволенъ твоею службою“, сказалъ царь, „теперь прошу тебя исполнить еще одно порученіе. Ты вѣрно слыхалъ, что есть на свѣтѣ царевна-красавица Мзисъ-нахави *). Ее ты долженъ привезти ко мнѣ,—я хочу на ней женить своего сына. Если исполнишь это приказаніе, будешь моимъ лучшимъ другомъ, а не исполнишь,—пеняй на себя: быть тебѣ тогда безъ головы!“

Выслушавъ приказаніе царя, Леванъ немедленно отправился въ путь. Долго онъ ѣхалъ, ни на минуту не останавливая коня, какъ вдругъ увидѣлъ толпу крестьянъ и, подѣхавъ ближе, замѣтилъ въ ней человѣка, съ остервенѣніемъ глотавшаго вспаханную землю и кричавшаго:

— „Я голоденъ! я ѣсть хочу!“

Услышавъ эти восклицанія, Леванъ подумалъ: „такой человѣкъ, пожалуй, полезенъ мнѣ будетъ; надо его съ собою взять“. На предложеніе юноши—ѣхать съ нимъ къ царской дочери Мзисъ-нахави—голодный изъявилъ готовность, и они поѣхали вмѣстѣ. Долго-ли, коротко-ли ѣхали они, только видятъ на пути человѣка, пьющаго изъ ручья воду. Подѣхавъ ближе, они услышали, какъ онъ, не переставая пить воду, выкрикивалъ:

— „Ахъ какая жажда! какъ я хочу пить!“

*) Невидѣнная солнцемъ.

„Ну, и этот мѣй будетъ полезенъ при случаѣ“, сказалъ себѣ Леванъ и пригласилъ его ѣхать съ собою. Человѣкъ съ неутолимой жаждой согласился, и Медвѣжій сынъ съ двумя спутниками поѣхалъ дальше. Черезъ нѣсколько времени Леванъ увидѣлъ въ сторонѣ отъ дороги какого-то человѣка, который, низко пригнувшись къ землѣ, что-то внимательно слушалъ. Сойдя съ коня и приблизившись къ нему, богатырь спросилъ, что онъ дѣлаетъ.

— „Да, вотъ, въ муравьиномъ царствѣ безпорядки; такъ я разбираю ихъ дѣла и водворяю миръ“, послышался отвѣтъ.

„И этотъ мѣй пригодится“, подумалъ Леванъ и взялъ съ собою третьяго спутника. Ёхали они, ёхали, только видятъ — по полю скачетъ цѣлое стадо зайцевъ, а за ними съ палкою гоняется хромоногій пастухъ. Рѣшили Леванъ взять съ собою и хромого пастуха заячьяго стада.

Такъ, въ сопровожденіи четырехъ спутниковъ, пріѣхалъ Медвѣжій сынъ въ предѣлы того царства, гдѣ жила красавица-царевна Мзисъ-нахави. Скоро Леванъ представился самому царю и сказалъ ему, что онъ присланъ отъ своего царя сватомъ къ его дочери и безъ нея не уѣдетъ изъ его царства.

— „Хорошо“, сказалъ, подумавъ, царь, „я не прочь выдать замужъ свою дочь за вашего царевича; но прежде ты и твои товарищи должны будете принять мое угощеніе. Если все то, что вамъ будетъ подано, вы поѣдите и выпьете, то я отпущу съ вами мою дочь, а если нѣтъ, то я распоряжусь съ вами по-своему.“

На другой день во дворцѣ готовился большой пиръ: цѣлую ночь множество поваровъ безъ отдыха стряпали всевозможныя кушанья; на столахъ возвышались цѣлыя горы хлѣба и мяса; слуги то и дѣло приносили все новые и новые запасы вина; можно было подумать, что этотъ пиръ готовился на все царство, а не на пять человѣкъ. Когда все было готово, позвали Левана и его четырехъ товарищей; царь при-

гласилъ ихъ занять мѣста за столомъ и отвѣдать его угощеніе. Не заставивъ себя долго просить, проголодавшіеся гости усѣлись и принялись съ жадностью за ѣду и питье. Видя, съ какой быстротой уничтожалась заготовленная пища и напитки, царь просто не вѣрилъ своимъ глазамъ: не прошло и часа, какъ на столѣ остались только обглоданныя кости и пустые винныя кувшины.

— „Ты, царь, хорошо угостилъ насъ“, сказалъ послѣ ѣды Леванъ, „и мы тебѣ очень благодарны; только жаль, что за твоимъ столомъ не было нашего любимаго еушанья, заячьяго мяса,—безъ него мы какъ будто немного голодны.“

Услышавъ, что гости его еще не сыты, пораженный царь не зналъ даже, что сказать въ отвѣтъ Левану.

— „Но ты не безпокойся“, продолжалъ Леванъ, „мы достанемъ зайцевъ: у моего товарища есть ихъ нѣсколько стадъ, и ему ничего не стоитъ пригнать сюда одно изъ нихъ.“

При этихъ словахъ хромоногій пастухъ сорвался съ мѣста и быстрѣе вихря выскочилъ изъ дворца, и скоро цѣлое стадо зайцевъ, пригнанное хромоногимъ, жарилось на кухнѣ.

— „Ну, теперь, царь, ты не имѣешь права не отдать твою дочь; намъ пора въ путь, и мы ждемъ только царевны“, сказалъ Леванъ послѣ того, какъ всѣ зайцы были съѣдены.

— „Хорошо, я отдамъ мою дочь вамъ, но только завтра, а теперь я вамъ совѣтую хорошенько отдохнуть и собраться съ силами для предстоящаго путешествія“, отвѣтилъ царь.

На другой день Леванъ и его товарищи долго ждали царевны, но не только ея, а даже и никого изъ царскихъ слугъ не было видно во всемъ дворцѣ. Тишина и безлюдье, господствовавшія вездѣ, стали, наконецъ, безпокоить Левана, и онъ приказалъ своему товарищу, обладавшему тонкимъ слухомъ, послушать, что происходитъ во дворцѣ. Тотъ послушалъ и объявилъ, что царь со всей семьей и слугами заперлись во внутреннихъ по-

вояхъ за желѣзными стѣнами и рѣшили сидѣть тамъ до тѣхъ поръ, пока не уѣдутъ незваные гости.

— „Если бы онъ зналъ мою силу, то не сталъ бы разсуждать такъ“, сказалъ Леванъ и отправился въ тѣмъ комнатамъ дворца, гдѣ сидѣло царское семейство. Обхвативъ руками стѣны, богатырь встряхнулъ ихъ, и стѣны рухнули и задавили всѣхъ, кто былъ въ комнатахъ, кромѣ красавицы царевны. Выхвативъ ее изъ обломковъ дворца, Леванъ, не медля, снарядилъ лучшихъ лошадей и поѣхалъ со своими товарищами и царевной въ обратный путь.

Не доѣзжая до границы владѣній своего царя, Леванъ сдалъ царевну на руки своихъ четырехъ товарищей, а самъ отправился впередъ, чтобы предупредить царя о прїѣздѣ невѣсты и приготовить ей торжественную встрѣчу. Распорядившись, какъ было нужно, Медвѣжій сынъ снова вернулся къ отставшимъ товарищамъ и продолжалъ съ ними путь къ царскому дворцу. По распоряженію царя, Леванъ долженъ былъ въѣзжать въ городъ первымъ, черезъ устроенныя на тотъ случай ворота, а за нимъ уже слѣдовала царевна съ четырьмя спутниками. Едва конь богатыря ступилъ на землю, гдѣ начинались ворота, какъ земля провалилась, и Леванъ съ лошадыю полетѣлъ стремглавъ внизъ, прямо въ котель съ кипящею водою. Котель былъ врытъ, по приказу царя, чтобы погубить Левана. Тутъ вспомнилъ Медвѣжій сынъ про четыре волоска, вырванные изъ хвостовъ крылатыхъ коней, быстро вынулъ ихъ изъ-за пазухи и завязалъ на нихъ узелки, и тотчасъ явились предъ нимъ четыре коня.

— „Чѣмъ прикажешь служить?“ спросили они Левана.

— „Прежде всего вытащите меня изъ котла, а затѣмъ хорошенько расправьтесь съ царемъ, который за всю мою службу хотѣлъ меня живого сварить.“

Царь былъ немедленно растерзанъ со всѣмъ его семействомъ, а дворецъ разрушенъ до основанія, и на его мѣстѣ

Леванъ Датвисъ-швили построилъ новый роскошный дворецъ, въ которомъ отпраздновалъ свою свадьбу съ красавицею-царевною Мзисъ-нахави.

Записана *М. А. Васильковой* со словъ жительницы м. Хони, Кутаисскаго уѣзда, *Нины Цулукидзе*.

2. Сказна о девятиглавомъ орлѣ и охотникѣ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ одинъ охотникъ съ женою. Они существовали единственно тѣмъ, что зарабатывалъ охотою мужъ. Онъ былъ прекрасный охотникъ и рѣдкій день возвращался домой съ пустыми руками, въ большинствѣ же случаевъ приносилъ съ охоты полную сумку самой разнообразной дичи, которую жена его аккуратно каждое утро относила на продажу въ городъ. На выручаемыя деньги они могли жить безбѣдно. Мужъ и жена были довольны своею жизнью, никогда не жаловались на свою скромную долю и только горевали о томъ, что Богъ имъ не даетъ дѣтей.

Разъ охотникъ пошелъ на свой обычный промыселъ, но для него выпалъ несчастливый день: сколько онъ ни бродилъ, сколько ни выслѣживалъ, все время его преслѣдовала неудача. День уже склонялся къ вечеру, а у измученнаго охотника сумка по прежнему оставалась пуста. Убѣдившись, что ему, видно, не суждено ничего убить, онъ рѣшилъ итти домой, тѣмъ болѣе, что усталыя ноги просились на повою. Подойдя почти къ самому дому, онъ увидѣлъ на деревѣ какую то большую птицу. Осторожно приблизившись, охотникъ разглядѣлъ среди вѣтвей огромнаго орла, и такого диковиннаго, кабого ему никогда не приходилось встрѣчать: у него было девять головъ.

— „Ну“, подумалъ охотникъ, „эта птица одна стоитъ“

цѣлаго дня неудачной охоты!“ и сталъ прицѣливаться изъ ружья; но только что хотѣлъ онъ спустить буровъ, какъ орелъ сказалъ человѣческимъ голосомъ:

— „Добрый человѣкъ, не убивай меня,—у меня и такъ на тѣлѣ восемь ранъ, отъ девятой же раны я погибну; лучше ты осторожно сними меня съ дерева и отнеси къ себѣ въ домъ, и если ты залѣчишь всѣ мои раны и не причинишь мнѣ никакого зла, то я тебя за это отблагодарю по-царски.“

Пораженный охотникъ долго не могъ прійти въ себя отъ удивленія, но, наконецъ, успокоившись, далъ слово орлу не убивать его. Снявъ осторожно съ дерева удивительную птицу, охотникъ принесъ ее къ себѣ въ жилище, гдѣ, при помощи жены, заботливо омылъ и перевязалъ раны орла. Во все время пребыванія въ домѣ охотника больной орелъ пользовался самымъ лучшимъ уходомъ: мужъ и жена наперерывъ старались угодить своему пернатому гостю. Когда орелъ совершенно оправился и почувствовалъ прежнюю силу въ своихъ крыльяхъ, онъ обратился къ охотнику съ слѣдующими словами:

— „Я обѣщаль вознаградить тебя по-царски и исполню свое слово, но для этого тебѣ надо самому со мной отправиться за полученіемъ обѣщаннаго. У меня есть три сестры; старшая сестра замужемъ за царемъ бѣлаго моря, средняя—за царемъ краснаго моря, а младшая—за царемъ синяго моря. Я тебя отнесу къ моимъ сестрамъ, и тамъ ты получишь мой подарокъ.“

Охотникъ согласился. Орелъ посадилъ его къ себѣ на спину, широко распустилъ свои гигантскія крылья, быстро взвился на воздухъ и плавно полетѣлъ вдаль. Отъ быстроты движенія и отъ страха охотникъ почти потерялъ сознание, и, когда очнулся, они уже приближались къ бѣлому морю, гдѣ жила замужемъ старшая сестра орла. Предъ глазами охотника разстилалась необъятная морская ширь. Кристальные воды были такъ прозрачны, что все находившееся на днѣ мс-

ря было такъ же хорошо видно, какъ на землѣ. Среди моря, выходя изъ самыхъ волнъ, поднимался дворець, таковой ослѣпительной бѣлизны,—точно онъ былъ построенъ изъ одной морской пѣны. Восхищенный охотникъ не могъ оторвать глазъ отъ этого чуднаго чертора. Подлетѣвъ къ самому дворцу, орелъ быстро ринулся внизъ и очутился предъ своей сестрой. Морская царица, увидѣвъ брата, очень обрадовалась и пригласила гостей во внутренніе покои дворца. Здѣсь глазамъ охотника предстала такая роскошь, какой онъ даже и во снѣ не видывалъ: все убранство комнатъ состояло изъ однихъ алмазовъ и брилліантовъ, блескъ которыхъ положительно слѣпилъ глаза. Скоро царица повела гостей за столъ, уставленный всевозможными яствами и напитками, и стала усердно угощать брата и охотника. Но орелъ на всѣ упрашиванія сестры говорилъ, что онъ ничего не станетъ ѣсть и пить, пока она не дастъ ему свой волшебный ящичекъ.

— „Какъ мнѣ ни грустно огорчать тебя отказомъ“, воскликнула царица со слезами на глазахъ, „но, тѣмъ не менѣе, я не могу отдать тебѣ этой завѣтной вещи.“

Видя, что нѣтъ никакой возможности получить просимый ящикъ, орелъ поблагодарилъ сестру за радушный пріемъ, снова посадилъ охотника къ себѣ на спину и, попрощавшись съ царицею, взвился въ небо, подъ самую облака. Они направились въ красному морю.

Этотъ перелетъ былъ сдѣланъ такъ же быстро, какъ и первый. Взорамъ охотника вдругъ открылось широкое пурпурное море. Посреди моря возвышался чудный дворець, построенный изъ однихъ лишь коралловъ. Встрѣча орла съ среднею сестрою была такъ же сердечна, какъ и со старшею. Царица горячо обняла брата, а затѣмъ пригласила его вмѣстѣ съ охотникомъ въ комнаты, убранство которыхъ по роскоши не уступало палатамъ царицы бѣлаго моря. Здѣсь было все сплошь покрыто розовыми рубинами и кровавыми гранатами, горѣв-

шими, какъ самыя яркія звѣзды. Наговорившись съ братомъ, царица повела гостей къ столу, гдѣ красовались самыя дивовианныя кушанья и напитки. Но и здѣсь орелъ ни къ чему не притронулся, упрасывая и эту сестру подарить ему ея волшебный ящичекъ. Однако и на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу: сестра рѣшительно отказалась исполнить его просьбу. Наскоро попрощавшись съ сестрою и поблагодаривъ ее за гостепріимство, орелъ съ охотникомъ помчались къ синему морю.

Скоро предъ охотникомъ засіяли, точно лазурь небесная, волны синяго моря; онѣ были такъ нѣжны и прозрачны, что казались сотканными изъ луннаго свѣта. Тамъ, посреди лазурнаго моря и вздымавшейся жемчужной пѣны, высился прекрасный дворецъ, сдѣланный изъ бирюзы. Не успѣлъ орелъ съ охотникомъ спуститься въ самый чертогъ, какъ навстрѣчу съ криками радости выбѣжала младшая сестра. Крѣпко обнимались и цѣловались долго не видавшіеся другъ съ другомъ братъ и сестра. Послѣ первыхъ привѣтствій царица синяго моря пригласила своихъ неожиданныхъ гостей въ покои дворца.

Если роскошное убранство царскихъ палатъ старшей и средней сестры поражало и ослѣпляло охотника своей рѣзкой, сверкающей красотой, зато здѣсь, у младшей сестры, все ласкало и успокаивало глазъ: голубыя волны свѣта, врывающіяся въ широкія окна дворца, придавали какой-то нѣжный блескъ драгоценнымъ сапфирамъ, украшавшимъ стѣны его. Когда путники прошли всѣ парадные покои дворца, предъ ними гостепріимно распахнулись широкія двери, за которыми нѣдалеко роскошно сервированный столъ, уставленный яствами и увитый гирляндами разнообразныхъ цвѣтовъ. Но и здѣсь, прежде чѣмъ отвѣдать что-либо, орелъ сталъ просить царицу подарить ему ея волшебный ящичекъ.

— „Милый братъ“, отвѣтила царица, „моя любовь къ тебѣ такъ велика, и радость свиданія такъ безгранична, что

я за счастье сочту сдѣлать пріятное тебѣ; будь покоенъ, ты немедленно получишь мой волшебный ящичекъ.”

Подвѣривъ себя пищей и поотдохнувъ съ дороги, орель сталъ прощаться съ сестрою. При разставаніи царица подала брату таинственный ящичекъ. Обнявшись еще разъ съ сестрою, орель съ охотникомъ вылетѣлъ изъ дворца. Пролетѣвъ небольшое разстояніе, орель спустился на землю и здѣсь отдалъ охотнику волшебный ящичекъ.

— „Только смотри, раньше, чѣмъ придешь домой, не открывай его“, сказалъ орель охотнику, прощаясь съ нимъ; потомъ взвился высоко надъ землей и быстро скрылся изъ виду.

Охотникъ, оставшись одинъ, рѣшилъ скорѣе итти домой, горя нетерпѣніемъ узнать, что скрывается въ этомъ таинственномъ ящичкѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, нетерпѣніе его росло все больше и больше и наконецъ до такой степени овладѣло всѣмъ его существомъ, что дальше онъ не могъ бороться съ искушеніемъ: сѣвъ подъ первое попавшееся дерево, охотникъ осторожно приподнял крышку маленькаго ящичка. Каковы же были его испугъ, изумленіе и радость, когда предъ его глазами раскинулся цѣлый громадный городъ съ дворцами, башнями, церквами и другими постройками; самого же себя онъ увидѣлъ въ роскошной одеждѣ, съ короною на головѣ, на драгоценномъ царскомъ тронѣ, среди обширной бѣломраморной залы. Не успѣвъ охотникъ притти въ себя отъ удивленія, какъ громно зашумѣли крылья и въ открытыя двери этой залы стремительно влетѣлъ девятиглавный орель.

— „Такъ-то ты исполнилъ мое приказаніе не раскрывать ящичка до прихода домой?!“ сказалъ орель. „Ты знаешь, что эта земля принадлежит мнѣ, и я не позволю тебѣ на ней царствовать. Немедленно собрай весь свой городъ и уходи изъ моихъ владѣній; иначе ты погибнешь!“

— „Сжался надо мною!“ испуганно воскликнулъ охот-

никъ, „какъ я могу сложить такой большой городъ въ такой маленькій ящичекъ?“

— „Хорошо, я пощажу тебя“, сказалъ орелъ послѣ нѣкотораго размышленія, „и самъ тебѣ уложу весь городъ; но за это ты долженъ исполнить то, чего я отъ тебя потребую.“

— „Все, что въ моихъ силахъ, я исполню для тебя“, смиренно отвѣтилъ охотникъ.

— „Ты долженъ дать мнѣ клятву, что прилетишь ко мнѣ того, кого ты не знаешь и кого не оставялъ дома.“

Охотникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на орла, но тѣмъ не менѣе далъ клятву. Послѣ этого орелъ моментально заключилъ весь городъ въ ящикъ и отдалъ охотнику.

— „Смотри же“, крикнулъ орелъ, „не забывай своей клятвы.“

Спрятавъ волшебный ящикъ, охотникъ быстро зашагалъ по дорогѣ, все время думая о словахъ орла; но сколько онъ ни размышлялъ, стараясь отгадать, кого имѣлъ въ виду орелъ, все было напрасно. Придя домой, онъ былъ встрѣченъ радостно улыбавшейся женой, на рукахъ которой покоился ребенокъ.

— „Богъ услышалъ наши молитвы и послалъ намъ сына“, воскликнула жена.

Охотникъ съ восторгомъ прижалъ къ своей груди новорожденнаго, но потомъ вдругъ поблѣднѣлъ и задрожалъ, — онъ догадался, кого подъ клятвою обѣщалъ онъ отдать орлу.

— „Что съ тобою?“ крикнула жена, замѣтивъ непонятное для нея состояніе мужа.

Охотникъ сначала не рѣшался открыть женѣ, какую участь онъ подготовилъ для сына опрометчивымъ обѣщаніемъ орлу, но, подумавъ немного, рѣшилъ подѣлиться съ женою своимъ горемъ и рассказалъ ей подробно обо всемъ, что съ нимъ случилось, и о томъ, какъ орелъ принудилъ его дать страшную клятву. Долго горевали мужъ съ женою и, лаская своего маленькаго сына, часто обливались горькими слезами.

Подаренное орломъ большое царство и замѣна скромной крестьянской обстановки царскою не въ состояніи были заставить новаго царя и царицу забыть свое тайное горе.

Время однако не ждало; шли годы за годами, и малютка превратился въ красиваго стройнаго юношу, не по годамъ умнаго и развитаго. Видя часто слезы родителей и слыша ихъ тяжкіе вздохи, царевичъ сталъ упрашивать отца и мать по дѣлиться съ нимъ ихъ горемъ. Долго родители отказывались открыть сыну причину своей скорби, но царевичъ такъ упрашивалъ, что невозможно было отказать ему.

— „Ну это еще не горе!“ воскликнулъ юноша, выслушавъ рассказъ родителей, „если ты, отецъ, дашь клятву прислать меня орлу, то ты, конечно, долженъ исполнить ее; но я сумѣю скоро освободиться изъ подъ власти орла и вернусь къ вамъ невредимымъ.“

Наскоро собравшись и простившись съ родителями, тронулся царевичъ въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли шель юноша, только вдругъ навстрѣчу ему идетъ скорбленный старикъ.

— „Куда путь держишь, прекрасный юноша?“ спросилъ прохожій поровнявшася съ нимъ молодого человѣка.

Царевичъ подробно рассказалъ все старику. Внимательно выслушавъ, старикъ далъ ему такой совѣтъ:

— „Скоро на твоёмъ пути будетъ рѣчка, возлѣ которой растутъ густыя деревья; придя туда, ты спрячешься за дерево и жди. Къ вечеру прилетятъ три молодыя орлицы, дочери девятиглаваго орла. Одна орлица будетъ покрыта мѣдными перьями, другая—серебряными, а третья—золотыми. Онѣ сядутъ на дерево, сбросать свои верхніе покровы, превратятся въ прекрасныхъ дѣвушекъ и начнутъ купаться. Ты же въ это время потихоньку возьми золотыя перья младшей сестры и спрячь ихъ. Послѣ купанья она начнетъ тебя умолять, чтобы ты отдалъ ей перья; но ты не соглашайся до тѣхъ поръ, пока она не дастъ клятвы выйти за тебя замужъ.“

Поблагодаривъ добраго старика за совѣтъ, царевичъ пошелъ дальше. Скоро онъ дѣйствительно увидѣлъ, какъ говорилъ ему старикъ, широкую рѣку, на берегу которой росли деревья. Спрятавшись возлѣ дерева, юноша сталъ терпѣливо ждать вечера. Только-что солнце стало садиться, къ рѣкѣ прилетѣли три орлицы; спустившись на дерево, возлѣ котораго сидѣлъ царевичъ, онѣ сбросили съ себя верхніе покровы, обратились въ молодыхъ красавицъ и, съ звонкимъ смѣхомъ, бросились въ прозрачныя волны рѣки. Въ это время юноша осторожно взлѣзъ на дерево и снялъ золотой покровъ младшей орлицы. Едва успѣлъ онъ возвратиться на прежнее мѣсто, какъ красавицы вышли изъ воды и стали надѣвать свои одежды; младшая же красавица, не найдя своего покроя, стала горько плакать и, увидѣвъ молодого человѣка, обратилась къ нему съ просьбою отдать ей взятую имъ одежду. Царевичъ отвѣтилъ, что онъ возвратитъ ей золотыя перья только въ томъ случаѣ, если она дастъ клятву быть его женою. Послѣ долгихъ колебаній дѣвушка согласилась.

— „Призываю Бога во свидѣтели“, торжественно произнесла она, „отнынѣ ты мой женихъ! Отдай мою одежду, и я поведу тебя къ моему отцу и объявлю ему о своемъ желаніи выйти за тебя замужъ.“

Юноша возвратилъ золотыя перья дѣвужкѣ, и она снова обратилась въ орлицу.

— „Я перенесу тебя въ нашъ дворецъ“, сказала орлица, „только помни: что бы тебѣ ни приказывалъ мой отецъ, ни отъ чего не отказывайся, а объ остальномъ не заботься.“

Прилетѣвъ во дворецъ девятиглаваго орла, орлица велѣла царевичу лечь отдыхать, а на утро выйти на балконъ. Утромъ, едва только царевичъ вышелъ на балконъ, какъ къ нему подлетѣлъ девятиглавый орелъ.

— „Это хорошо“, сказалъ орелъ, „что твой отецъ исполнилъ свою клятву; я долго ждалъ тебя и уже началъ

было думать, что ты не придешь. Теперь сослужи мнѣ три службы: на первый разъ даю тебѣ привязаніе къ завтрашнему дню построить такую церковь, въ которой сами звонили бы колокола, шла служба и раздавалось пѣніе.“

Сказавъ это, орелъ улетѣлъ, а юноша отправился къ орлицѣ и передалъ ей слова ея отца.

— „Не печалься“, успокоила она царевича, „ложись спать,—къ утру все будетъ готово.“

Оставшись одна, орлица обратилась въ женщину, надѣла на палецъ кольцо, произнесла волшебныя заклинанія, и вдругъ ее окружила цѣлая толпа добрыхъ духовъ; выслушавъ привязаніе красавицы, они немедленно принялись за работу. Едва только первые лучи солнца скользнули по землѣ, какъ раздался мелодичный перезвонъ колоколовъ. Царевичъ поскорѣе выбѣжалъ на балконъ, куда слетѣлъ и девятиглавый орелъ. Каково же было изумленіе орла, когда онъ увидѣлъ прекрасную церковь, построенную такъ искусно, какъ невозможно сдѣлать человѣческими руками: сквозная колокольня позволяла видѣть, какъ серебряные колокола и колокольчики, нигдѣмъ не управляемые, издавали веселые звуки; открытыя двери храма давали возможность слѣдить за происходившею внутри службою и слышать сладкое пѣніе невидимаго хора, немолчно лившееся изъ храма.

— „Первое мое приказаніе ты исполнилъ“, сказала орелъ, обращаясь къ юношѣ, „посмотримъ, какъ-то исполнишь второе. Къ завтрашнему дню ты долженъ устроить большой фруктовый садъ и при этомъ на однихъ деревьяхъ должны висѣть совершенно созрѣвшіе фрукты, на другихъ должна быть только завязь, а третьи должны быть покрыты лишь цвѣтами.“

Сказавъ эти слова, орелъ скрылся. Снова пошелъ юноша къ прекрасной орлицѣ и передалъ ей слова орла.

— „Не горюй“, отвѣтила она, „все будетъ сдѣлано, какъ того желаетъ мой отецъ.“

Опять тѣ же добрые духи, вызванные красавицей, принялись за работу. Утромъ, прилетѣвъ на балконъ, орелъ увидѣлъ предъ собою чудеснѣйшій садъ, состоявшій изъ рѣдкихъ породъ фруктовыхъ деревьевъ; среди изумрудной зелени на однихъ деревьяхъ видѣлись въ изобиліи уже вполне созрѣвшіе плоды; на другихъ деревьяхъ была замѣтна лишь одна завязь, обѣщавшая скоро обратиться въ прекрасные сочные фрукты; на третьихъ красовались одни только цвѣты, блѣдно-розовые лепестки которыхъ, трепеща подъ легкимъ дуновеніемъ вѣтерка, издавали ароматъ. Посреди всего этого фонтаны, журчавшіе тамъ и сямъ, освѣжали воздухъ своими прозрачными брызгами. Орелъ съ не скрываемою досадою смотрѣлъ на это чудо.

— „Ты и на этотъ разъ“, сказалъ онъ, обращаясь къ царевичу, „исполнилъ въ точности, что я тебѣ приказалъ; посмотрю, какъ ты справишься съ послѣднею задачей: въ завтрашнему утру ты долженъ перебраться черезъ широкую рѣку висячій песочный мостъ, и такой прочный, чтобы по немъ могли ѣздить безопасно самые тяжелые экипажи.“

Сказавъ это, орелъ быстро скрылся, а юноша немедленно отправился къ орлицѣ, которой и передалъ слова ея отца.

— „Не горюй, царевичъ, все будетъ сдѣлано; спи себѣ спокойно!“ сказала она.

И дѣйствительно, когда, на слѣдующее утро, орелъ и его свита пришли къ рѣкѣ, то глазамъ ихъ представился прекрасный мостъ; работа была такъ тонка и изящна, что, казалось, весь мостъ висѣлъ на воздухѣ, не касаясь земли. По приказанію орла, стали пробовать прочность моста, пустивъ по немъ заранѣе нагруженные экипажи; въ радости царевича мостъ выдержалъ испытаніе. Злобѣ орла не было предѣла: онъ теперь догадался, что всѣ его приказанія выполняла для царевича его младшая дочь, при помощи волшебныхъ чаръ.

— „Я, какъ видишь, исполнилъ всѣ твои трудныя зада-

чи“, сказалъ юноша, обращаясь къ орлу. „Теперь я жду отъ тебя награды: твоя младшая дочь обѣщала выйти за меня замужъ; остановка только за твоимъ согласіемъ.“

Услышавъ слова царевича, орелъ вскипѣлъ гнѣвомъ, но потомъ, сдержавъ себя, сказалъ:

— „Я не прочь выдать за тебя мою дочь, и твоя женитьба будетъ зависѣть отъ самого тебя. Приходи завтра ко мнѣ, я дамъ тебѣ на выборъ три яйца; въ одномъ изъ нихъ будетъ заключена твоя невѣста. Если ты выберешь именно это яйцо, то я выдамъ замужъ свою младшую дочь, въ противномъ же случаѣ тебя ожидаетъ лютая казнь.“

Царевичъ передалъ невѣстѣ свой разговоръ съ орломъ и просилъ ея совѣта.

— „Не безпокойся“, сказала орлица, „только, когда тебѣ поднесутъ яйца, внимательно посмотри на нихъ: то яйцо, въ которомъ я буду заключена, чуть-чуть пошевелится, и ты тогда смѣло выбирай его.“

Благодаря совѣту орлицы, царевичъ, позванный на другой день къ орлу, сдѣлалъ вѣрный выборъ яйца.

— „Хорошо“ сказалъ орелъ въ гнѣвѣ, „иди и готовься къ свадьбѣ.“ Про себя же онъ рѣшилъ погубить юношу, а съ нимъ и свою родную дочь, которая стала внушать ему зависть своими успѣхами въ волшебствѣ.

Вечеромъ орелъ отдалъ приказъ казнить на слѣдующее утро царевича и его невѣсту. Но орлица, съ помощью волшебства, проникла недобрые замыслы своего отца и немедленно предупредила жениха обо всемъ, что ихъ ожидаетъ, если они не будутъ искать спасенія въ бѣгствѣ. На утро, когда все было готово для казни, обреченныхъ на смерть не оказалось. Орелъ собралъ цѣлую рать и понесся за бѣглецами въ погоню, но царевичъ съ своею невѣстою, при помощи чаръ ея, незамѣтно перелетѣли въ царство его отца, гдѣ съ распростертыми объятіями были встрѣчены царемъ и царицею. Долго лились

разсказы изъ усть царевича про испытанныя имъ приключенія и про то, какъ онъ былъ спасенъ своею невѣстою отъ неминуемой гибели. Обрадованные родители съ любовью и благодарностью отнеслись къ своей будущей невѣстѣ, и немедленно была устроена пышная свадьба, на которой много дней пировали созданные съ разныхъ концовъ царства гости, любясь царевичемъ и его прекрасной молодой женой.

Изложена *М. А. Васильковой*, со словъ ученика Кутанскаго городского училища, *И. Лиховича*, слышавшаго эту сказку отъ жительницы г. Кутанса, *М. Ардишвили*.

3. Воспитанница орла.

Въ одной деревнѣ жила вдова. Дѣтей у нея не было, и единственнымъ ея помощникомъ былъ швилобили (усыновленный *). Отъ этого юноши вдова прижила ребенка. Но, чтобы въ деревнѣ не знали, что у нея есть незаконный ребенокъ, она рѣшила родившуюся дѣвочку немедленно погубить. Въ то время на дворѣ у вдовы лежалъ большой ворохъ шелухи отъ лобіи; вдова, не раздумывая, разрыла эту шелуху и закопала въ нее свою новорожденную дочку. Скоро прилетѣлъ во дворъ дроздъ и сталъ рыться въ шелухѣ, съ цѣлью отыскать себѣ тамъ корму. Долго онъ разбрасывалъ клювомъ въ разныя стороны шелуху и наконецъ увидѣлъ маленькую дѣвочку. Дроздъ, въ испугѣ отъ неожиданности, вспорхнулъ и быстро улетѣлъ въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько времени прилетѣла на дворъ сорока и тоже хотѣла поискать себѣ пищи въ шелухѣ; но увидѣвъ ребенка, она, подобно дрозду, улетѣла прочь.

*) У имеретинъ весьма распространенъ обычай усыновленія. Обрядъ усыновленія состоитъ въ томъ, что усыновляющая женщина даетъ усыновляемому или усыновляемой пососать грудь, при чемъ священникъ читаетъ особую молитву. Усыновленный такимъ образомъ приобретаетъ права самаго близкаго родства не только по отношенію къ усыновившей его женщинѣ, но и по отношенію къ ея мужу и дѣтямъ.

Наконецъ прилетѣлъ большой орелъ. Увидѣвъ ребенка, онъ осторожно ухватилъ его своими могучими лапами и, поднявшись на воздухъ, быстро понесся въ густой лѣсъ, гдѣ было его жилище. Долго онъ летѣлъ, пока не достигъ родного дерева, на верхушкѣ котораго было свито большое гнѣздо. И здѣсь то, въ этомъ орлиномъ гнѣздѣ, должна была расти выброшенная дѣвочка.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ орелъ все время неустанно ухаживалъ за своею приѣмной дочерью. Дѣвочка, благодаря попеченію орла, росла, ни въ чемъ не зная недостатка: она была сыта, всегда хорошо одѣта и пользовалась полной свободой; одно, чего не позволялъ ей орелъ, это—слѣзать съ дерева. Наконецъ маленькая дѣвочка превратилась въ чудную красавицу съ золотыми волосами. Ко дню ея совершеннолѣтія орелъ принесъ въ подарокъ своей воспитанницѣ рѣзную золотую кровать и золотую же чонгури. Однажды, когда орелъ полетѣлъ, по обычаю, на поиски добычи, красавица отъ скуки принялась наигрывать на чонгури. Въ это время въ лѣсу охотился молодой царевичъ съ своими царедворцами. Услышавъ мелодичные звуки чонгури, царевичъ обратился къ своимъ спутникамъ и сказалъ, что онъ, во что бы то ни стало, хочетъ найти того, кто такъ прекрасно играетъ. Долго бродили по лѣсу царскіе слуги и самъ царевичъ прежде, нежели увидѣли на полянѣ громадное дерево, а на самой верхушкѣ его—сверкающую золотую кровать. Златоудрая красавица такъ увлеклась игрой, что совершенно не слышала ни ржанія коней, ни разговоровъ, происходившихъ между царевичемъ и его слугами, и продолжала по прежнему наигрывать чудную мелодію. Наконецъ царевичъ не выдержалъ и крикнулъ:

— „Кто бы ты ни была, покажи намъ свое лицо, чтобы мы могли поблагодарить тебя за то удовольствіе, которое ты намъ доставила своею игрой.“

Сначала красавица сильно испугалась, а потомъ перетнулася съ своей постели и съ любопытствомъ стала разглядывать неизвѣстныхъ ей людей. Царевичъ, увидѣвъ необыкновенную красоту дѣвушки и ея золотые волосы, захотѣлъ непременно взять ее себѣ въ жены и сталъ просить красавицу, чтобы она сошла на землю. Но дѣвушка, вѣрная обѣщанію не сходить съ дерева, данному ея пріемному отцу, на всѣ просьбы царевича отвѣчала отказомъ.

— „Отчего ты не хочешь сойти къ намъ?“ спросилъ ее царевичъ, „зла тебѣ мы никакого не сдѣлаемъ; мы только хотимъ видѣть тебя ближе и полюбоваться твоею рѣдкой красотой.“

— „Нѣтъ“, отвѣтила дѣвушка, „я не могу послушаться воли моего пріемнаго отца; онъ мнѣ строго запретилъ не только сходить на землю, но даже спускаться на нижнія вѣтви дерева.“

Услышавъ таковой отвѣтъ, царевичъ приказалъ своимъ слугамъ взлѣзть на дерево и силою взять дѣвушку. Но взлѣзть не было никакой возможности: дерево было слишкомъ высоко и гладко и внизу—совсѣмъ безъ вѣтвей. Тогда царевичъ приказалъ принести къ дереву маленькаго барашка и полегоньку колоть его ножами. Услышавъ жалобное блеяніе барашка и видя какъ его мучаютъ, дѣвушка стала умолять царевича, чтобы онъ прекратилъ эту жестокую забаву.

— „Я исполню твое желаніе, но не прежде, чѣмъ ты сойдешь съ дерева“, отвѣтилъ царевичъ.

Красавица растерялась и не знала, что ей дѣлать: непрерывный крикъ барашка терзалъ ея сердце, и ей хотѣлось сойти съ дерева и избавить отъ охотниковъ несчастную жертву, а влятва, данная орлу, удерживала ее отъ этого. Ломая руки, она не переставала просить царевича о прекращеніи мученій барашка и общала за это сойти на нижнія вѣтви дерева. Царевичъ согласился. Со страхомъ повинула молодая

дѣвушка свое родное гнѣздо и спустилась по вѣтвямъ до середины дерева.

— „Сойди совсѣмъ съ дерева, и я клянусь, что не трону тебя“, произнесъ тогда царевичъ, „а не то мы снова примемся мучить барашка.“

И слуги опять стали безжалостно колоть барашка ножами. Несчастное животное корчилось въ мученіяхъ и оглашало воздухъ жалобнымъ блеяніемъ. Тогда красавица, повѣривъ вѣтвѣ царевича, прыгнула, наконецъ, съ дерева. Царевичъ тотчасъ же схватилъ дѣвушку и, вскочивъ на коня, поскакалъ въ своему дворцу. Сколько ни плакала, сколько ни просила дѣвушка, царевичъ ее не выпустилъ. Приѣхавъ во дворецъ, царевичъ устроилъ пышную свадьбу.

Молодая жена царевича, несмотря на всю любовь, заботы и роскошь, какими ее окружали, оставалась холодной, молчаливой и грустной. Прошло уже много времени, а она не переставала тосковать о своей прежней жизни и о покинутомъ пріемномъ отцѣ своемъ, орлѣ. Сначала царевичъ мало обращалъ вниманія на грусть своей жены, но потомъ его стала беспокоить мысль, не происходитъ ли это отъ того, что она его не любитъ, и онъ задумалъ провѣрить свое предположеніе.

Уговорившись обо всемъ съ царедворцами, онъ велѣлъ имъ пойти объявить женѣ о внезапной смерти его. Въ то время, какъ царедворцы отправились съ донесеніемъ, слуги уложили царевича въ парадномъ платьѣ на столъ и стали его оплакивать. Едва только красавица узнала о смерти царевича, какъ въ ней проснулась скрытая любовь, и она въ невыразимомъ горѣ, съ страшными рыданіями, кинулась въ ту комнату, гдѣ лежало тѣло мнимо-умершаго. Распустивъ свои золотые волосы и разрывая на себѣ дорогія одежды, жена царевича стала жалобно причитать. Долго она плакала и металась, но царевичъ лежалъ попрежнему, не шевелясь, въ ожиданіи, что будетъ дальше, и думая, что весь этотъ плачь и терза-

нія притворны. Наконецъ, обезумѣвшая отъ горя красавица выпрямилась во весь ростъ и, простерши впередъ руки, воскликнула:

— „Солнце и мѣсяцъ, вы мои отецъ и мать! видите ли муки вашей дочери? верните же мнѣ любимаго мужа!.. Буйные вѣтры, мои могучіе братья! яркія звѣзды, мои милыя сестры! услыште мой вопль и воскресите моего друга!.. Востокъ и западъ, сѣверъ и югъ, мои любимые дядя! вы видите страданія моего сердца! сжальтесь же надо мной, оживите моего мужа!.. Моря, рѣки и океаны и ты суша,—всѣ мои близкіе и дальніе родные! возвратите мнѣ царевича и прекратите мои терзанія!..“

Услышавъ эти жалобныя причитанія, царевичъ вполнѣ убѣдился въ любви своей жены и, сорвавъ съ себя покрывало, быстро соскочилъ на землю.

Нельзя описать радости красавицы, когда она увидѣла предъ собою любимаго мужа живымъ. Не успѣлъ пройти первый восторгъ, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ орелъ, воспитатель златокудрой красавицы, и, поздравивъ царевича и его прекрасную жену съ наступленіемъ полного счастья, попросилъ у нихъ разрѣшенія поселиться съ ними. Царевичъ съ радостью принялъ въ себѣ орла и, сдѣлавшись царемъ, поставилъ его первымъ министромъ.

Записана *М. А. Васильковой* со словъ жительницы г. Кутаиса, *С. Бабунашвили*.

4. Сказка о недогадливомъ бѣднякѣ.

Жилъ на свѣтѣ одинъ очень бѣдный человѣкъ. Сколько онъ ни работалъ, сколько ни трудился, всѣ его труды пропадали даромъ: онъ не только не могъ скопить копейки про запасъ, а даже и ѣлъ-то не каждый день. Сначала сосѣди пе-

могали ему, но съ теченіемъ времени всѣ отъ него отшатнулись, и рѣшилъ тогда бѣднякъ итти искать Бога и попросить Его объ улучшеніи своей участи.

Не велики были сборы обнищавшаго человѣка: перекинулъ черезъ плечо котомку и—готовъ въ дорогу. Пройдя нѣсколько верстъ отъ родной деревни, бѣднякъ крѣпко задумался о томъ, гдѣ искать Бога, и наконецъ рѣшилъ, что, вѣрно, Богъ обитаетъ за моремъ, и, чтобы прійти къ нему, нужно выбрать ту дорогу, которая ведетъ къ морю. Подкрѣпивъ себя скудной пищей, поплелся странникъ въ томъ направленіи, гдѣ, по его расчету, находилось море.

Долго онъ шелъ, нигдѣ не встрѣчая ни людей, ни селъ, ни городовъ; предъ нимъ все время разстилалась безконечная скучная равнина. Наконецъ вдали увидѣлъ онъ двѣ высокія горы и между ними узкое, глубокое ущелье. Подойдя къ самому ущелью, бѣднякъ вдругъ увидѣлъ впереди бѣжавшаго звѣря; всмотрѣвшись внимательнѣе, онъ узналъ волка; сильно испугавшись, онъ поскорѣе спрятался за выступомъ скалы и оттуда сталъ наблюдать за звѣремъ, но, по мѣрѣ того, какъ онъ слѣдилъ за волкомъ, испугъ бѣдняка постепенно смѣнялся удивленіемъ, и онъ даже вышелъ изъ своего убѣжища. Его удивляло то, что звѣрь непрерывно бѣгалъ взадъ и впередъ по ущелью. Волкъ замѣтилъ человѣка и на бѣгу сталъ спрашивать его, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Бѣднякъ откровенно повѣдалъ волку о цѣли своего путешествія и при этомъ спросилъ бѣгающаго звѣря, почему онъ непрерывно мечется изъ стороны въ сторону.

— „О если бы ты зналъ только, какое это мученіе!“ воскликнулъ волкъ. „Но въ томъ-то мое и горе, что я не могу остановиться ни на одну минуту и вотъ уже сколько лѣтъ я безъ отдыха бѣгаю въ этомъ проклятомъ ущельѣ. Если бы ты, добрый человѣкъ, сжалился надо мною и передалъ о моихъ страданіяхъ Богу, быть можетъ, Онъ помиловалъ бы меня и прекратилъ мои страданія.“

Выслушавъ волка, бѣднякъ обѣщалъ непремѣнно разсказать все Богу и попросить у Него милости для волка. Послѣ этого они разстались. Снова зашагаль по дорогѣ бѣднякъ. Давно скрылись изъ виду высокія горы, и попережнему разстилалась необозримая равнина съ кое-гдѣ торчавшими деревцами и кустарникомъ. Подъ вечеръ истомленный путникъ пришелъ къ берегу маленькой рѣчки. Утоливъ голодь и жажду, онъ уже хотѣлъ лечь отдохнуть, какъ его вниманіе привлекъ развѣсистый дубъ, росшій на другомъ берегу. „Ну, ужь если отдыхать“, подумалъ бѣднякъ, „то лучше подъ деревомъ, чѣмъ здѣсь“, и немедленно вплавь переправился на другую сторону. Пообсушившись, онъ удобно улегся подъ густолиственными вѣтвями прекраснаго дуба. Но едва только бѣднякъ склонился усталую головой къ корнямъ дерева, какъ вдругъ послышался голосъ:

— „Куда ты идешь, добрый человѣкъ?“

Это говорилъ дубъ. Путникъ отвѣтилъ ему такъ же откровенно, какъ и волку. Узнавъ, что бѣднякъ идетъ за помощью къ самому Богу, дубъ очень обрадовался.

— „Если ты найдешь Бога, то попроси у Него милости и мнѣ!“ воскликнулъ дубъ.

— „Ты тоже нуждаешься въ помощи?!“ съ удивленіемъ спросилъ бѣднякъ.

— „Не удивляйся этому“, возразило дерево, „правда, на видъ я прекрасно, моя сочная зелень ласкаетъ глазъ, тѣнь отъ моихъ широкихъ вѣтвей манить къ себѣ путника, но внутри меня скрыта тяжкая болѣзнь, причины которой я не знаю. Обрати хорошенько свое вниманіе на тѣ изъ моихъ вѣтвей, которыя наклонены къ рѣкѣ; не правда ли, — онѣ имѣютъ жалкій видъ? не замѣчаешь ли ты тамъ, среди листьевъ, непріятной желтизны? и я чувствую, какъ половина моего существа начинаетъ мертвѣть... это тѣмъ ужаснѣе, что я еще очень молодо, и мнѣ такъ хочется жить! Снеси же, будь добръ,

къ Богу мою жаркую мольбу: пусть Онъ сжалятся надо мною и избавить меня отъ преждевременной смерти!“

— „Хорошо“, сказала бѣднякъ, „я исполню твою просьбу и принесу тебѣ отвѣтъ.“

На утро бѣднякъ пошелъ дальше. Не задолго до заката, вдали, подъ лучами солнца блеснула вода. Путникъ ускорилъ шаги, въ надеждѣ увидѣть море, и, дѣйствительно, вскорѣ предъ нимъ зашумѣло, заплѣнилось необъятное темное море. Долго стоялъ бѣднякъ, любясь чудной картиной и прислушиваясь къ шуму волнъ. Всмотриваясь вдали, бѣднякъ замѣтилъ въ морѣ какой-то блестящій предметъ, необыкновенно быстро приближавшійся къ тому мѣсту берега, гдѣ онъ стоялъ. Это заинтересовало бѣдняка, и онъ сталъ внимательно слѣдить за этимъ предметомъ; вскорѣ онъ убѣдился, что блестящій предметъ есть не что иное, какъ гигантская рыба, покрытая прекрасной чешуей, отливавшей всѣми цвѣтами радуги. Подплывъ къ самому берегу, рыба обратилась къ путнику съ такою рѣчью:

— „Въ этой мѣстности я ни разу не видѣла людей. Что привело тебя сюда, добрый человѣкъ, и куда ты теперь держишь путь-дорогу?“

Бѣднякъ разсказалъ о себѣ чудной рыбѣ.

— „Какъ же ты меня обрадовалъ!“ воскликнула рыба, выслушавъ разсказъ бѣдняка, „значить ты и мою просьбу передашь Богу.“

— „Какъ? да развѣ и ты чѣмъ-нибудь недовольна?“ спросилъ бѣднякъ.

— „О, я очень страдаю! Вотъ уже сколько лѣтъ, какъ я не смѣю опускаться на дно моря и все время должна плавать на поверхности воды, подъ обжигающими лучами солнца! Если ты найдешь Бога и передашь Ему мою мольбу о помилованіи, то, я знаю, Онъ сжалятся надо мною.“

— „Я съ радостью передалъ бы о тебѣ Богу“, отвѣтилъ

бѣднякъ, „но дѣло въ томъ, что мнѣ не суждено дойти до него.“

— „Почему?“ въ испугѣ спросила рыба.

— „Да потому, что Богъ живетъ за этимъ моремъ, а здѣсь нѣтъ, какъ сама видишь, ни кораблей, ни лодокъ, на чемъ бы я могъ переправиться.“

— „Ну, это что за горе!“ засмѣялась рыба, „садись-ка на мою спину,—я живо тебя доставлю на тотъ берегъ моря.“

Бѣднякъ очень обрадовался предложенію рыбы и довѣрчиво усѣлся на ея широкую спину; не успѣлъ онъ хорошенько оглядѣться кругомъ, какъ уже былъ на другомъ берегу. Выйдя на сушу, путникъ поблагодарилъ рыбу и пошелъ дальше.

— „Смотри же“, крикнула въ догонку ему рыба, „не забудь про меня, я же тебя буду здѣсь ждать.“

Нѣсколько дней свитался бѣднякъ въ пустынной, дикой мѣстности; наконецъ онъ набрелъ на высокую гору. Дѣло было къ вечеру, и бѣднякъ рѣшилъ переночевать на этой горѣ: взобравшись на нее и положивъ подъ голову свою котомку, усталый путникъ улегся на голой землѣ. Долго ли, коротко ли спалъ бѣднякъ, только вдругъ онъ проснулся и увидѣлъ воглѣ себя какое-то таинственное существо, въ человѣческомъ образѣ. Сердце бѣдняка затрепетало, но не отъ испуга, а отъ какой-то необъяснимой радости.

— „Кто ты таковой?“ тихо спросилъ бѣднякъ.

— „Я—Тотъ, кого ты искалъ, Я—Богъ.“

Путникъ благоговѣнно склонился къ стопамъ Бога и повѣдалъ ему про свою бѣдность и про горе тѣхъ, кого онъ встрѣтилъ на пути. Богъ милостиво выслушалъ разсказъ бѣдняка и сказалъ ему, что свое богатство онъ найдетъ на обратномъ пути. На вопросъ бѣдняка, почему рыба не можетъ опуститься въ глубину моря, Богъ отвѣтилъ, что внутри ея

заключено много жемчуга, и пока она его не выбросит из рта, до тѣхъ поръ не опустится на дно.

— „А что нужно сдѣлать дереву, чтобы избавиться отъ преждевременной смерти?“ спросилъ бѣднякъ.

Богъ отвѣтилъ, что въ дуплѣ дерева находится много золота, которое и причиняетъ болѣзнь дубу, но если вынуть все золото, дерево снова оживетъ.

— „А что сдѣлать несчастному волку, чтобы прекратить свой непрерывный бѣгъ?“ снова спросилъ бѣднякъ.

Богъ отвѣтилъ, что страданія волка до тѣхъ поръ не прекратятся, пока онъ не съѣстъ самаго глупаго человѣка. Послѣ этого бѣднякъ поблагодарилъ Бога и спустился съ горы. Помня обѣщаніе рыбы ждать его у берега, онъ направился къ морю.

— „Ну, что? принесть мнѣ спасеніе?“ спросила съ нетерпѣніемъ рыба, какъ только увидѣла приближавшагося путника.

— „Я научу тебя, что сдѣлать“, отвѣтилъ послѣдній, „только ты сперва переправь меня на ту сторону моря.“

Рыба исполнила его просьбу. Выйдя на берегъ, бѣднякъ передалъ ей слова Бога. Рыба немедленно выбросила изъ рта большое количество самаго лучшаго жемчуга и послѣ этого сразу почувствовала себя способною спуститься въ глубину моря. Поблагодаривъ бѣдняка, она шумно плеснула хвостомъ и исчезла въ волнахъ моря. Бѣднякъ сначала хотѣлъ-было взять съ собою жемчугъ, но, вспомнивъ про то, что Богъ обѣщалъ ему дать богатство, рѣшилъ, что теперь жемчугъ ему не нуженъ. Оставивъ жемчугъ на берегу моря, путникъ пошелъ дальше. Скоро онъ пришелъ къ той рѣчкѣ, возлѣ которой росъ дубъ.

— „А, добрый человѣкъ, ты уже возвращаешься? ну что, принесть ли мнѣ исцѣленіе?“

Бѣднякъ передалъ дереву слова Бога.

— „Если моя болѣзнь отъ золота“, сказалъ дубъ, „то ты легко можешь вылѣчить меня: стоитъ только тебѣ очистить мое дупло.“

Бѣднякъ тотчасъ принялся за работу; долго онъ выгребалъ руками сверкающее золото, пока на землѣ не образовался цѣлый золотой холмикъ.

— „Возьми себѣ за труды это золото!“ воскликнуло благодарное дерево, когда работа была окончена, „здѣсь вѣдь цѣлое состояніе.“

Но бѣднякъ отказался и отъ золота, въ надеждѣ на обѣщанное ему Богомъ богатство.

Попрощавшись съ дубомъ, бѣднякъ поспѣшилъ дальше и, наконецъ, достигъ того ущелья, гдѣ бѣгалъ несчастный звѣрь. Волкъ очень обрадовался, еще издали увидѣвъ бѣдняка, и сталъ просить, чтобы онъ скорѣе разсказалъ, нашелъ ли Бога и что узналъ отъ Него. Бѣднякъ подробно разсказалъ волку про всѣ свои встрѣчи въ дорогѣ и про то, какъ онъ нашелъ Бога.

— „Ну, что же, Богъ далъ тебѣ богатство?“ нетерпѣливо спросилъ волкъ.

— „Да, Онъ сказалъ, что я найду его въ дорогѣ.“

— „А облегчилъ ли Онъ страданія рыбы и дерева?“

Бѣднякъ разсказалъ волку, какъ онъ, наученный Богомъ, спасъ рыбу и дерево, и при этомъ упомянулъ, что жемчугъ и золото онъ не взялъ съ собою, такъ-какъ надѣется и безъ нихъ быть вполне счастливымъ при томъ богатствѣ, которое Богъ обѣщалъ ему.

— „А мнѣ что нужно сдѣлать, чтобы избавиться отъ муки?“ спросилъ съ замираніемъ сердца волкъ.

— „Тебѣ Богъ велѣлъ съѣсть самаго глупаго человѣка, и ты перестанешь послѣ того страдать.“

— „Ну, братъ, извини“, засмѣялся звѣрь, „я долженъ съѣсть тебя, потому что ты, безъ сомнѣнія, самый глупый человѣкъ въ свѣтѣ.“

И съ этими словами волкъ растерзалъ недогадливаго искателя богатства.

Изложена *М. А. Васильковой* по наброскамъ ученика Кутаисскаго городского училища, *М. Кублашвили*, со словъ жителя гор. Кутаиса, *В. Гветадзе*.

5. Кто глупѣе?

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ съ женою и тремя дочерьми. Они были очень бѣдны. Крестьянинъ цѣлые дни трудился, чтобы прокормить свою семью: у него былъ ключокъ пахатной земли, обрабатывать который ему приходилось совершенно одному, потому что, по бѣдности, онъ не могъ держать работника. Все хозяйство бѣдной семьи заключалось въ лошади, которая помогала хозяину пахать землю, и въ коровѣ, молокомъ которой питалась семья. Лишь только наступало утро, крестьянинъ ужъ былъ на ногахъ; послѣшно собравшись, онъ уѣзжалъ на цѣлый день въ поле. Тамъ-какъ его полоса земли лежала довольно далеко отъ деревни, то крестьянину приходилось обѣдать въ полѣ, куда ему, по очереди, одна изъ дочерей приносила пищу.

Однажды жена крестьянина, собираясь готовить обѣдъ, хватилась воды, но ея не оказалось въ домѣ; тогда она велѣла своей старшей дочери сбѣгать съ кувшиномъ на рѣчку и принести воды. Прийдя къ рѣкѣ, уставшая дѣвушка присѣла у воды и взглянула на противоположный берегъ. Вдругъ ея вниманіе привлекло росшее тамъ большое дерево; взглянувъ на его вершину, дѣвушка подумала: „а что, если я выйду замужъ, и у меня родится сынъ, который вздумаетъ, играя, взлѣзть на это дерево, — вѣдь онъ навѣрное сорвется съ вершины и расшибется на смерть!“ И, вообразивъ себѣ, что все это уже случилось, дѣвушка начала громко рыдать съ при-

читаніями, при этомъ схватила кувшинъ и, въ знакъ печали разбила его въ дребезги. Мать долго поджидала посланную дочь, но потерявъ терпѣніе, кривнула средней дочери, чтобы она взяла другой кувшинъ и поскорѣе принесла воды. Вторая сестра, прибѣжавъ къ берегу рѣки, увидѣла свою старшую сестру въ горькихъ слезахъ.

— „Милая сестра!“ воскликнула въ испугѣ прибѣжавшая дѣвушка, „о чемъ ты плачешь, и почему разбить твой кувшинъ?“

— „Какъ же мнѣ не плакать и не убиваться?! видишь это большое дерево, что растеть на томъ берегу? представъ же себѣ, что я вышла замужъ, и у меня родился сынъ, и вдругъ мой ребенокъ полѣзъ на это дерево, упалъ съ него и расшибся... Развѣ это не горько?!“

Средняя сестра, выслушавъ старшую, тоже разбила свой кувшинъ и начала оплакивать смерть своего воображаемаго племянника.

Не дождавшись посланныхъ дочерей, мать отправила младшую, съ приказаніемъ принести скорѣе воды и позвать сестеръ. Но и эта дочь не возвратилась домой: разузнавъ отъ сестеръ, что съ ними случилось, она заразилась ихъ печалью, тоже разбила свой кувшинъ и присоединилась къ ихъ плачу.

Оставшись одна въ домѣ, мать никакъ не могла понять причины долгаго отсутствія всѣхъ трехъ дочерей. Пора уже было относить мужу въ поле обѣдъ, а у нея еще ничего не было готово. „Вѣрно съ ними приключилось какое-нибудь несчастіе“, подумала женщина, „пойду посмотрю, что съ моими дочками, да заодно и захвачу сама поскорѣе воды. И, взявъ кувшинъ, она поспѣшила къ рѣкѣ. Найдя всѣхъ трехъ дочерей плачущими и причитающими, мать страшно испугалась.

— „Что съ вами, мои милыя дочери, и отчего разбиты ваши кувшины?“ спросила она.

— „Дорогая матушка!“ воскликнула старшая дочь, „какъ

же мнѣ не плакать и не убиваться? разсуди сама: выйду я замужъ, у меня родится сынъ, и, когда онъ подростетъ и полѣзетъ на то дерево, что на томъ берегу, упадетъ и ушибется до-смерти,—развѣ можно спокойно пережить такое несчастіе!? Вѣдь и ты, матушка, будешь оплакивать своего внука.”

— „Ахъ, горе мнѣ!“ крикнула старуха и, разбивъ свой кушпиль, начала громче дочерей кричать и рвать на себѣ волосы.

Вдоволь наплакавшись, мать повела дочерей домой. Прийдя во дворъ, онъ прежде всего закололи единственную свою корову и стали устраивать поминки, совершенно позабывъ о крестьянинѣ, ожидавшемъ въ полѣ обѣда.

Проработавъ цѣлый день, истомившійся и голодный крестьянинъ спѣшилъ домой, безпокоясь, не случилось ли чего въ семьѣ. Войдя въ домъ, онъ засталъ всю семью въ сборѣ, за поминальнымъ обѣдомъ. На его вопросъ, почему его оставили цѣлый день безъ пищи, жена и дочери наперерывъ стали рассказывать ему со слезами о своемъ воображаемомъ семейномъ горѣ. Крестьянинъ страшно разсердился и началъ всячески ругать дочерей и выжившую изъ ума старуху-жену.

— „Вы всѣ такъ глупы, что я больше не хочу съ вами жить!“ закончилъ онъ свою ругань, „пойду бродить по свѣту: если встрѣчу кого-нибудь глупѣе васъ, тогда вернусь къ вамъ, а если такого человѣка не окажется, то больше вы меня не увидите.“

Съ этими словами крестьянинъ вышелъ на улицу и сердито хлопнулъ дверью. Долго онъ скитался по бѣлу свѣту, приглядываясь къ людямъ, но глупѣе своей жены и дочерей еще никого не встрѣтилъ, и сталъ уже подумывать, что, вѣрно, глупѣе ихъ никого и нѣтъ на свѣтѣ. Но вотъ разъ ему пришлось проходить по лѣсу, къ которому съ одной стороны примыкала обѣдная деревенька. Подходя къ деревнѣ, крестьянинъ услышалъ жалобный женскій плачь и причитанія во дворѣ самаго крайняго дома. Онъ остановился за деревьями

и стала слушать, что приговаривала плакавшая женщина. Изъ первыхъ же словъ крестьянинъ понялъ, что женщина оплакивала своего покойнаго мужа; она перечисляла всѣ его достоинства и тѣ оставшіяся отъ него вещи, которыя онъ любилъ.

— „И кто будетъ распоряжаться и владѣть твоимъ любимымъ серебрянымъ поясомъ, и золотыми часами, и новою чохомъ, и дорогимъ винжаломъ, и острою пашею, и шелковымъ кошелькомъ, въ которомъ лежатъ пятьсотъ рублей?“ жалобно причитала вдова.

Услышавъ эти слова, крестьянинъ подумалъ, что ему представляется удобный случай провѣрить еще разъ, есть-ли на свѣтѣ люди глупѣе его жены и дочерей. Съ этой цѣлью онъ вошелъ во дворъ вдовы, поклонился ей и сказалъ:

— „Я пришелъ съ того свѣта; тамъ недавно я видѣлъ твоего мужа; онъ велѣлъ кланяться тебѣ и просить прислать ему всѣ оставленные имъ здѣсь богатства.“

И крестьянинъ перечислилъ всѣ тѣ вещи, которыя называла вдова въ своемъ причитаніи.

— „Эти богатства нужны твоему покойному мужу, чтобы выкупить себя съ того свѣта,“ сказалъ онъ. „Если ты хочешь видѣть его живымъ, то собирай ихъ скорѣе и передай мнѣ, а я въ цѣлости отнесу ему.“

Вдова очень обрадовалась и, собравъ всѣ драгоценности, отдала ихъ посланнику съ того свѣта, для передачи ея мужу, съ наказомъ, чтобы покойникъ возвращался скорѣе домой.

— „Будь покойна, добрая женщина, ты скоро его увидишь!“ сказалъ хитрый крестьянинъ и, поклонившись, пошелъ, по дорогѣ въ поле.

У этой вдовы былъ деверь, который въ это время работалъ на своей пашнѣ; вечеромъ, придя домой и видя свою невестку веселою и довольною, онъ очень удивился и спросилъ ее о причинѣ радости. Счастливая вдова рассказала подробно деверю, что съ нею случилось, и какъ теперь она готовится во

встрѣчѣ своего умершаго мужа. Деверь выслушалъ разказъ невѣстки, сразу понялъ, что она одурочена какимъ-то мошенникомъ, и, ни слова не говоря, осѣдлалъ самаго лучшаго своего коня и поскакалъ вслѣдъ за обманщикомъ. Обманщикъ же тѣмъ временемъ шель-себѣ, не снѣша, по дорогѣ, довольный, что ему такъ легко удалось провести глупую женщину. Вдругъ, идя полемъ, онъ услышалъ вдали стукъ лошадиныхъ копытъ; догадавшись, что это, вѣрно, за нимъ ногоня, онъ сталъ придумывать, гдѣ бы укрыться объ бѣды. Неподалеку отъ него въ полѣ пахалъ мужикъ; крестьянинъ подошелъ къ пахарю и сказалъ:

— „Ты видишь, по дорогѣ скачетъ посланный самого царя: онъ ищетъ плѣшивыхъ и, по царскому указу, рубить имъ головы.“

— „Что же мнѣ дѣлать?“ спросилъ испуганный мужикъ, „вѣдь у меня и половины волосъ нѣтъ на головѣ!“

— „Если хочешь спастись, то полѣзай скорѣе на дерево и сиди тамъ, пока не пройдетъ царскій посланецъ; а я за тебя буду пахать, встати у меня нѣтъ плѣши.“

Обрадованный мужикъ немедленно взлѣзъ на дерево, а хитрецъ-крестьянинъ принялся старательно пахать. Въ это время подѣхалъ деверь ограбленной вдовы и, увидѣвъ пахавшаго крестьянина, сталъ его спрашивать, не проходилъ-ли здѣсь какой-нибудь человекъ.

— „Какъ же! недавно тутъ прошелъ какой-то крестьянинъ и, слышавъ стукъ лошадиныхъ копытъ, спрятался вонъ на то дерево“, отвѣтилъ хитрецъ.

Деверь вдовы соскочилъ съ лошади, подошелъ къ указанному дереву и сталъ требовать отъ сидѣвшаго на ней пахаря, чтобы тотъ немедленно сошелъ на землю, угрожая, что иначе онъ его стащитъ силою. Но испуганный мужикъ началъ кричать, что было голосу, и биться головою о дерево, приговаривая:

— „Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не сойду! я не намѣренъ отдать свою голову на отсѣченіе!“

Тогда родственникъ вдовы самъ полѣзъ на дерево, а тѣмъ временемъ крестьянинъ, обманувшій вдову, вскочилъ на оставленнаго коня и быстро помчался по дорогѣ, крикнувъ довѣрчивому преслѣдователю, что онъ-то и есть тотъ самый воръ, который ограбилъ глупую вдову, и посоветовалъ оставить въ покоѣ бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго, пахаря.

Со стыдомъ вернулся домой деверь и на вопросъ невѣстки, гдѣ его конь, съ усмѣшкой отвѣтилъ, что конь посланъ ей мужу чрезъ того же человѣка, которому она отдала вещи.

Въ то время, какъ обокраденный деверь, по возвращеніи, тужилъ о своихъ убыткахъ, хитрый крестьянинъ весело везъ домой чужія богатства на чужомъ же добромъ конѣ, удивляясь людской глупости и довѣрчивости.

— „Да, думалъ онъ, моя жена и дочери еще не такъ глупы, какъ я полагалъ,—есть люди и поглупѣ ихъ.“

Изложена *М. А. Васильковой*, по наброску ученика Кутаисскаго городского училища *М. Кублашвили*, слышавшаго ее отъ жителя селенія Кисорети, Кутаисскаго уѣзда, *И. Ломтадзе*.

6. Сказка о дочери царскаго эконома.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ мудрый и справедливый царь; всѣ за счастье для себя считали служить ему; если кто и выходилъ въ отставку, такъ только по болѣзни или по причинѣ дряхлости. Въ числѣ служащихъ отличался своею преданностью царю и особеннымъ усердіемъ экономъ, который уже много лѣтъ несъ свои многотрудныя обязанности. Сдѣлавшись дряхлымъ старикомъ, онъ былъ уже не въ состояніи работать такъ ревностно, какъ въ

былые годы, да и тоска по покинутомъ семействѣ давала себя чувствовать: онъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ не бывалъ на родинѣ. И надумалъ старый экономъ просить царя, чтобы онъ разрѣшилъ ему передать должность другому и удалиться на покой. Улучивъ удобную минуту, экономъ изложилъ предъ царемъ свою просьбу.

— „Ты былъ мнѣ вѣрнымъ слугою“, сказалъ царь, „годы твои преклонные, и я вѣрю тебѣ, что тяжелый трудъ не по твоимъ силамъ; я согласенъ отпустить тебя, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты, взявънъ себя, на должность эконома прислалъ своего сына; если же почему-либо тебѣ нельзя будетъ этого сдѣлать, то ты снова вернешься и будешь служить, какъ служилъ до сихъ поръ.“

Преданный экономъ далъ слово исполнить царскую волю. Онъ скоро снарядился въ путь-дорогу и поѣхалъ, горя нетерпѣніемъ обнять своихъ дѣтей. Экономъ былъ вдовъ, и отъ покойной жены у него остались сынъ и три дочери. Каково же было горе старика-отца, когда онъ, войдя въ родной домъ, узналъ печальную вѣсть, что его единственный сынъ, надежда и утѣха старости, умеръ въ его отсутствіе. Онъ испытывалъ двойное горе: во-первыхъ, онъ лишился любимаго сына и, во-вторыхъ, ему теперь надлежало, по данному слову, снова ѣхать на службу къ царю и брать въ свои старческія руки трудное дѣло. Дочери эконома не могли, конечно, не видѣть печали отца и, замѣчая, что она не только не ослабѣваетъ отъ времени, а, напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше увеличивается, стали упрашивать его, чтобы онъ подѣлился съ ними своимъ горемъ. Старику долго не соглашался, будучи увѣренъ, что дочери безсильны помочь ему, но, наконецъ, думая, что все-же легче подѣлиться своей печалью съ близкими людьми, рассказалъ дочерямъ о томъ, что его мучитъ. Рассказъ отца выслушали всѣ три дочери, и старшая изъ нихъ сказала:

— „Дорогой отецъ! этому горю легко помочь: вмѣсто себя ты можешь отправить меня; только справь мнѣ мужскую одежду и дай лошадь, и я поѣду.“

— „Милая дочь!“ отвѣтилъ ей на это отецъ, „какъ можешь ты это говорить, да и куда тебѣ ѣхать? На первомъ перекрѣсткѣ ты испугаешься и вернешься назадъ.“

Но дѣвушка продолжала настаивать, увѣряя отца, что она не трусиха и благополучно доѣдетъ до царскаго дворца. Тогда отецъ уступилъ ей просьбамъ: приготовилъ для нея мужской костюмъ, далъ лучшаго коня и отпустилъ, а самъ, желая испытать храбрость дочери, еще раньше ея отъѣзда залегъ въ кустахъ у одного перекрѣстка, и, какъ только дѣвушка поравнялась съ нимъ, онъ быстро выбѣжалъ на дорогу и загородилъ ей путь. Въ большомъ испугѣ она даже не узнала отца: ей показалось, что это былъ самъ лѣшій, и дѣвушка поскорѣе повернула коня обратно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ неудачной поѣздки старшей дочери стала проситься въ отъѣздъ средняя: она также увѣряла отца, что она не трусиха и что прекрасно доѣдетъ до мѣста. Старикъ-отецъ рѣшилъ испытать и эту дочь такъ же, какъ и старшую, и въ результатѣ получилось, что и эта дѣвушка постыдно бѣжала съ перваго перекрѣстка.

Послѣ этихъ двухъ неудачныхъ попытокъ старикъ загрузилъ еще больше: теперь у него не оставалось никакой надежды на избавленіе отъ обязанностей эконома, и нужно было слѣзнуть въ путь. Правда, у него была еще младшая дочь, но отецъ никогда не рѣшился бы отпустить ее, потому что любилъ ее больше всѣхъ другихъ дѣтей, и старикъ очень боялся, какъ-бы и она не стала просить его о томъ же, о чемъ просили старшія дочери. Опасенія старика оправдались: дѣвушка стала настойчиво просить отца, чтобы онъ отпустилъ ее. Рѣшительные отказы нисколько не смущали ее; она продолжала настаивать на своемъ. Долго бился съ нею отецъ, отговаривая всячески

отъ поѣздки, но все было напрасно: ни угрозы, ни ласки не дѣйствовали на неугомонную дѣвушку, и, наконецъ, онъ уступилъ, втайнѣ надѣясь, что она, какъ и старшія дочери, испугается и вернется.

Нарядилась дѣвушка въ мужской костюмъ, затянула свою стройную талию рѣзнымъ поясомъ, надѣла на свою кудрявую голову шапку, вскочила на коня, дала ему шпоры и вихремъ понеслась по дорогѣ, — только пыль закружилась изъ-подъ копытъ ея лошади.

Распѣвая звонкимъ голосомъ любимыя пѣсни и нисколько не думая ни о какихъ опасностяхъ, дѣвушка быстро доѣхала до лѣса, гдѣ у перекрѣстка подкарауливалъ ее отецъ. Желая хорошенько испугать дочь, онъ свистнулъ такъ, какъ свиститъ въ лѣсу лѣшій, но безстрашная наѣздница не обратила даже и вниманія на этотъ свистъ, продолжая пѣть. Видя, что это нисколько не испугало ее, старикъ, стоя за деревомъ, сталъ угрожать, что растерзаетъ ее, если она не остановится. Слыша провозносимыя угрозы, но никого вокругъ себя не видя, дѣвушка сказала:

— „Кто-бы ты ни былъ, чортъ или человѣкъ, выходи на дорогу, — я тебя не боюсь!“

Тутъ только старый эконокъ убѣдился, что его младшая дочь — храбрая дѣвушка, и что ей можно смѣло довѣрить всякое трудное дѣло. Отецъ вышелъ изъ-за дерева, горячо обнялъ дочь и благословилъ на дальнѣйшій путь.

— „Только запомни мои слова“, сказалъ на прощанье отецъ, „на дорогѣ, по которой ты поѣдешь, встрѣтится еще одинъ перекрѣстокъ: ты не раздумывай, какую дорогу тебѣ избрать, — какъ сердце твое тебѣ подскажетъ, такъ и поѣзжай.“

Еще разъ вѣжливо обнялись отецъ и дочь, и она поѣхала дальше. Долго-ли, коротко-ли ѣхала молодая дѣвушка, только вдругъ очутился предъ нею тотъ самый перекрѣстокъ, о которомъ говорилъ ей отецъ. На самомъ распутии четырехъ до-

рогъ она попридержала коня, сердце подсказало ей ѣхать прямой дорогой, дѣвушка тронула поводья, и конь стрѣлой помчался по выбранной дорогѣ. Долго ѣхала она, не встрѣчая на пути ни одной живой души. Чѣмъ дальше шла дорога, тѣмъ пустыньѣ и безотраднѣе становилась мѣстность; горѣда и деревни далеко остались позади; но смѣлая наѣздница не унывала. Уже время близилось къ вечеру, когда она увидѣла вдали очертанія какаго-то дворца; въ надеждѣ найти тамъ гостеприимный кровъ, дѣвушка чаще стала погонять усталого скакуна. Дворецъ, вообще, смотрѣлъ мрачно. Подъѣзжая ближе къ нему, она увидѣла страшныхъ драконовъ съ разинутыми пастьми; они цѣпью окружали все зданіе. Дѣвушка догадалась, что здѣсь, вѣрно, живетъ царь-драконъ, о которомъ она много слышала въ дѣтствѣ. Въ это время изъ воротъ вышелъ какой-то человѣкъ, подошелъ къ ней и сказалъ:

— „Вотъ славный завтракъ будетъ для моего царя!...“

Эти слова, однако, не испугали наѣздницы; она быстро соскочила съ лошади и, глядя на незнакомаго ей человѣка, смѣло сказала:

— „Веди меня въ комнаты твоего царя!“

Дѣвушка поступила такъ въ той увѣренности, что ей все равно не позволятъ ѣхать дальше. Слуга повелъ ее во внутренніе покои дворца. Словно издѣваясь надъ ней, дорогою онъ сказалъ ей:

— „А жаль будетъ изжарить на вертелѣ такого прекраснаго юношу для царскаго стола!“

И на этотъ разъ дѣвушка, повидимому, не обратила никакого вниманія на его слова и шла дальше, переходя изъ одной залы въ другую и вездѣ удивляясь той необыкновенной роскоши, какая царила здѣсь. Нѣкоторыя комнаты дворца были сдѣланы изъ чистаго золота, другія—изъ однихъ драгоценныхъ каменьевъ, третьи съ верху до низу были обиты сребротканной парчой и освѣщены множествомъ факеловъ,—

все это сверкало, переливалось разными цвѣтами и производило восхитительное зрѣлище. Дочь эконома съ восторгомъ любовалась всѣмъ видѣннымъ. Наконецъ слуга ввелъ ее въ самую послѣднюю комнату.

— „Здѣсь, юноша, ты можешь отдыхать“, сказалъ слуга, „а я доложу о тебѣ царю.“

Затѣмъ, заперши за ней дверь, онъ удалился. Дѣвушка даже не замѣтила этого,—такъ она была поражена обстановкой этой послѣдней комнаты: стѣны были обиты какой-то необыкновенной матеріей, по которой то тутъ, то тамъ сверкали громадные драгоценные каменья и золотыя звѣзды; весь полъ былъ покрытъ диковиннымъ ковромъ, на которомъ были разбросаны букеты точно-живыхъ цвѣтовъ; вокругъ стѣнъ стояли пышныя тахты, почти скрывавшіяся въ зелени развѣсистыхъ деревьевъ, вѣтви которыхъ были покрыты золотыми и серебряными яблоками; воздухъ былъ напоенъ сладчайшимъ ароматомъ. Долго любовалась дочь эконома, переходя отъ одного предмета къ другому, и такъ устала за этимъ занятіемъ, что должна была прилечь на одну изъ тахтъ, которыя давно уже манили къ себѣ утомившуюся дѣвушку.

Наступила уже ночь, а въ комнату къ ней все еще никто не входилъ; это стало удивлять ее, и она задумалась о своей судьбѣ. Въ это время двери внезапно открылись, и въ комнату вошли шесть красавицъ, одѣтыхъ въ серебрястыя прозрачныя одежды. Въ рукахъ каждой вошедшей дѣвушки было золотое блюдо съ диковинными сластями и фруктами, съ искрометнымъ виномъ и благовонными сладкими напитками. Поставивъ всѣ блюда на золотой столъ, красавицы, съ поклонами стали приглашать мнимаго юношу поуживать. Истомленная долгимъ путемъ дѣвушка чувствовала голодь и жажду и потому немедленно принялась за ѣду. Тогда одна изъ вошедшихъ, самая красивая, выступила на средину комнаты и приказала остальнымъ пѣть и играть. Красавицы немедленно при-

ялись пѣть, подыгрывая себѣ на своихъ инструментахъ. Пошла веселая музыка, подъ звуки которой первая изъ красавицъ начала одушевленный танецъ: движенія танцовщицы были такъ граціозны и быстры, и сама она была такъ прекрасна, что пораженная дочь эконома, забывъ про ѣду, не отрывала глазъ отъ нея. Послѣ танцевъ красавицы стали усиленно просить мнимаго юношу выпить принесеннаго ими вина; дѣвушка не отказывалась, такъ-какъ чувствовала сильную жажду; но скоро она такъ ослабѣла отъ выпитаго ею вина, что, склонившись на мягкое ложе, немедленно уснула глубокимъ сномъ.

Когда, на другой день, она проснулась, былъ уже полдень; дочь эконома стала припоминать все, что съ нею произошло, потѣмъ перекрестилась и пошла въ дверямъ; но только-что отворила она дверь, какъ въ ужасѣ отскочила прочь: возлѣ самаго входа въ комнату лежали ужасные драконы. Въ безсиліи несчастная дѣвушка опустилась на тахту и горько заплакала; плакала она не о себѣ,—ей вспомнился добрый отецъ, веселыя сестры и всѣ радости оставленной родины... Долго она плакала и не замѣтила, какъ наступила ночь. Снова, какъ и наканунѣ, отворились двери и пропустили шесть вчерашнихъ красавицъ; съ ними вошла еще одна красавица, лицо которой было такъ прекрасно, что заключенная дѣвушка не могла даже сповойно смотрѣть на нее; нѣжныя ткани ея одежды пышными складками ниспадали вдоль ея стройнаго стана; черныя косы змѣями вились до самаго пола; глаза блистали подобно звѣздамъ; алыя губки, складываясь въ обворожительную улыбку, открывали два ряда жемчужныхъ зубовъ. Пораженная дочь эконома соскочила съ тахты и, подойдя къ царственной красавицѣ, смиренно склонилась у ея ногъ, какъ бы ожидая казихъ-либо приказаній. Красавица ласково взяла ее за руку и, подведши къ тахтѣ, знѣкомъ велѣла ей сѣсть и сама заняла мѣсто возлѣ нея, съ очаровательной улыбкой гля-

дя на мнимаго юношу; увидѣвъ на лицѣ его слѣды печали, красавица въ надеждѣ развеселить печальнаго гостя, дала знакъ своимъ подругамъ, чтобы онѣ пѣли и играли; но ни игра, ни пѣніе не разсѣяли грусти заключенной дѣвушки; тогда красавица сама начала танцовать и танцовала такъ изумительно-прекрасно, что невольно вызвала восторгъ въ глазахъ печальной дѣвушки, хотя все-таки видъ танцующей красавицы не развеселилъ ея, и она попрежнему была задумчива. Убѣдившись, что и танцы не могутъ развеселить гостя, красавица дала знакъ подругамъ, чтобы онѣ ушли и оставили ихъ вдвоемъ. Когда дѣвушки ушли, красавица воскликнула:

— „Еще не было случая, чтобы юноша, увидѣвъ меня, не упалъ къ моимъ ногамъ, прося моей любви!..“

— „Я вѣрю твоимъ словамъ“, печально проговорила дочь эконома, „я сама восхищаюсь тобою, но восхищаюсь какъ женщина женщиной, потому что я также дѣвушка, какъ и ты.“

Красавица, дочь дракона, была поражена этимъ открытіемъ.

— „Что же тебя принудило бросить домъ твоего отца“, спросила она, „и идти на вѣрную смерть? Неужели ты догадываешься, чей это дворецъ? Вѣдь ты находишься во дворцѣ царя-дракона, моего отца, и не было еще ни одного живого существа, вошедшаго въ этотъ дворецъ, которому онъ подарилъ бы жизнь. Принимая тебя за юношу, твой отецъ прислалъ вчера къ тебѣ шесть лучшихъ красавицъ, чтобы плѣнить тебя, когда же это не удалось, онъ велѣлъ идти мнѣ, чтобы чарами моей неотразимой красоты зажечь огонь въ твоемъ холодномъ сердцѣ. И будь ты юноша,—мнѣ удалось бы это! Но все равно, какъ бы то ни было, тебѣ не мѣшать своей участи: хотя ты храбра и умна, но ты обречена на смерть!“

— „Смерти и мученій я не боюсь“, съ грустью сказала дочь эконома, „но меня приводитъ въ отчаяніе мысль о томъ, что я не исполню возложеннаго на меня порученія.“

И она стала рассказывать дочери дракона, что заставило ее предпринять это путешествіе.

— „Молю тебя, царевна!“ съ рыданіемъ воскликнула, въ заключеніе, дѣвушка, „помоги мнѣ исполнить мой долгъ!“

Царевна задумалась, потомъ сказала:

— „Не знаю почему, но я тебя полюбила съ перваго взгляда, и мнѣ будетъ очень отрадно спасти тебя. И я спасу тебя, но однимъ условіемъ: когда ты превратишься въ мужчину, ты должна будешь жениться на мнѣ. Поклянись мнѣ въ этомъ!“

— „Зачѣмъ ты шутишь надо мной?“ съ грустной улыбкой сказала дочь эконома, „вѣдь ты отлично знаешь, что мужчиной я никогда не буду.“

— „Ты будешь мужчиной!“ воскликнула красавица, „и будешь, притомъ, великимъ человѣкомъ, повѣрь мнѣ! Но тебѣ придется сперва испытать много разныхъ бѣдствій.“

— „Клянусь тебѣ“, сказала тогда дѣвушка, „что если только твои слова исполнятся, то я приѣду за тобой, несмотря ни на какія препятствія, и женюсь на тебѣ.“

— „Я вѣрю твоей клятвѣ“, отвѣчала красавица. „Завтра утромъ“, продолжала она, „тебя будетъ ждать мой конь; въ трудныя минуты обращай къ нему за совѣтами; кромѣ того, возьми вотъ этотъ перстень; въ немъ заключенъ смертельный ядъ; онъ пригодится тебѣ въ минуту страшной опасности. Отцу же своему я скажу, что избрала тебя своимъ женихомъ, и онъ тебя отпуститъ.“

Послѣ этихъ словъ царевна ушла изъ комнаты. На разсвѣтѣ она отправилась къ своему отцу и объявила ему, что избрала гостя своимъ женихомъ; потомъ она велѣла слугамъ вывести къ воротамъ дворца ея коня, а заключенной дѣвушкѣ отослала въ подарокъ роскошную одежду, расшитую золотомъ и украшенную драгоценными камнями.

Дочь эконома, выйдя къ воротамъ, увидѣла, что весь путь отъ дворца былъ усыянъ прекрасными цвѣтами; она

вскочила на приготовленного ей коня и, пославъ прощальный привѣтъ царевнѣ, поспѣшно удалилась отъ страшнаго жилища драконовъ. Проѣхавъ довольно значительное разстояніе, дѣвушка стала недовѣрчиво оглядывать мѣстность; „туда-ли ѣду я“, подумала она; потомъ, вспомнивъ наставленія царевны—въ трудныя минуты обращаться въ коню, она спросила его:

— „Приведетъ-ли эта дорога къ тому дворцу, куда я стремлюсь?“

— „Развѣ я повезъ бы тебя по иной дорогѣ!“ возразилъ ей на это конь.

Дѣвушка успокоилась; но, спустя нѣкоторое время, она снова стала волноваться: ей послышался позади какой-то шумъ.

— „За нами погоня!“ крикнула она своему коню.

И дѣйствительно, чуткій слухъ не обманулъ наѣздницы: хотя царь-драконъ и обѣщаль своей дочери не трогать ея жениха, но кровожадность заставила его измѣнить данному слову, и онъ съ своей свитой, состоявшей изъ драконовъ, погнался за уѣхавшей дѣвушкой. Храбрая дочь эконома могла уже рассмотретьъ вдали грозно-двигающуюся массу.

— „Обнажи свой мечъ и защищайся!“ сказалъ ей конь.

Тогда она ловко повернула коня, понеслась стрѣлой навстрѣчу драконамъ, врѣзалась въ самую средину этихъ чудовищъ и начала рубить мечомъ направо и налево; десятками посыпались головы ужасныхъ драконовъ. Видя это, самъ царь напалъ на безстрашную дѣвушку, но она однимъ взмахомъ своего оружія отрубила ему оба крыла; теперь онъ уже былъ безсиленъ и только въ слѣпой ярости открывалъ свою ужасную пасть. Конь сталъ совѣтовать храброй побѣдительницѣ добить дракона и тѣмъ освободить свою будущую невѣсту отъ кровожаднаго отца.

— „Но только твой мечъ для этого не годится“, сказалъ онъ, „возьми кинжалъ и ударь его прямо въ глазъ.“

Дѣвушка послѣдовала совѣту вѣрнаго коня и однимъ

ловкимъ ударомъ покончила съ царемъ-дракономъ. Послѣ этого конь быстрѣе вѣтра помчался дальше, и не успѣла дочь эконома притти въ себя, какъ онъ уже остановился противъ какого-то дворца.

— „Мы пріѣхали“, сказалъ конь.

Дѣвушка стала внимательно оглядывать со всѣхъ сторонъ дворецъ и мысленно сравнивать съ тѣмъ описаніемъ, какое часто, еще въ дѣтствѣ, слыхала отъ старика-отца. Осмотръ вполне убѣдилъ ее, что это былъ тотъ самый дворецъ, въ который ей нужно было пріѣхать.

Сойдя съ коня, дѣвушка позвала слугу и приказала ему доложить царю о пріѣздѣ сына эконома. Царь очень обрадовался и велѣлъ немедленно ввести къ себѣ мнимаго юношу. Дочь эконома вошла въ комнату и почтительно поклонилась царю; онъ сталъ милостиво спрашивать ее о здоровьѣ отца и о дорогѣ. Дѣвушка отвѣчала умно, толково и сразу произвела хорошее впечатлѣніе на царя. Послѣ этого ей объяснили ея новыя обязанности царскаго эконома, которыя раньше лежали на ея отцѣ. Новый экономъ такъ хорошо исполнялъ свое дѣло, что скоро попалъ въ особую милость къ царю и пользовался любовью придворныхъ.

Въ трудахъ и удовольствіяхъ своего новаго положенія дѣвушка постепенно забыла всѣ недавнія приключенія, даже предсказаніе дочери царя-дракона не приходило ей больше на память. Если что и было непріятно для дочери эконома, такъ это разлука съ родиной и постоянныя встрѣчи съ царицей. Царица была женщина дурная, капризная, привыкшая, чтобы исполнялись всѣ ея капризы, и не признававшая никакихъ препятствій. Увидѣвъ новаго эконома и не подозрѣвая въ немъ дѣвушки, она влюбилась въ него и захотѣла, чтобы и онъ ей отвѣчалъ тѣмъ же, но, не добившись отъ мнимаго юноши взаимности, царица стала дѣйствовать хитростью и насиліемъ. Однажды она вошла къ царю и сказала:

— „Вотъ уже сколько лѣтъ, а у насъ все нѣтъ дѣтей, и меня это очень сокрушаетъ, но, быть-можетъ, мои надежды на потомство сбудутся; сегодня я видѣла во снѣ какаго-то старца, который сказалъ мнѣ: „пускай царь доставитъ для тебя сердце и кровь того кабана, котораго до сихъ поръ еще никто изъ смертныхъ не могъ убить; если тебѣ добудутъ то и другое, то ты будешь имѣть дѣтей.“ Итакъ, если хочешь сдѣлать меня счастливою, то немедленно исполни мое желаніе.“

— „Твое желаніе, царица, едва ли исполнимо“, грустно отвѣтилъ царь, „тебѣ извѣстно, сколько людей уже погибло въ борьбѣ съ дикимъ кабаномъ, и врядъ ли я найду новаго смѣльчака на это трудное дѣло, да если и найдется такой человѣкъ, то, все равно, онъ погибнетъ.“

— „А ты прикажи пойти нашему новому эконому“, вкрадчивымъ голосомъ сказала царица.

Такое предложеніе царицы возмутило добраго царя.

— „Какъ можешь ты это говорить! неужели я рѣшусь послать преданнаго мнѣ человѣка на вѣрную смерть? Да никогда этого не будетъ!“ раздраженно воскликнулъ царь.

Отказъ царя привелъ въ сильный гнѣвъ злую царицу; она дала себѣ слово, непременно добиться своего, и достигла таки: при помощи хитрости и угрозъ, царица заставила уступчиваго царя исполнить ея требованіе,—приказали явиться эконому. Увидѣвъ его, царь сказалъ:

— „Вѣрный слуга! въ короткое время своей службы ты успѣлъ доказать свою честность и преданность, и поэтому мнѣ особенно тяжело требовать отъ тебя исполненія того труднаго и опаснаго дѣла, котораго желаетъ царица. Какъ видишь, у насъ нѣтъ дѣтей, и это причиняетъ большое горе царицѣ; но если ты добудешь кровь и сердце того ужаснаго кабана, про кровожадность и непобѣдимость котораго ты, вѣроятно, знаешь, то царица тогда будетъ имѣть дѣтей. Вотъ то порученіе, для котораго я звалъ тебя. Когда пойдешь въ дорогу,

требуй отъ меня всего, что тебѣ будетъ нужно, и ты ни въ чемъ не встрѣтишь отказа.“

Горько заплакала-было дѣвушка, возвратившись отъ царя къ себѣ, но вспомнила о своемъ вѣрномъ конѣ, побѣжала въ конюшню и, нашедши тамъ своего любимца, съ рыданіями передала ему царское приказаніе.

— „Добрый другъ!“ воскликнула несчастная дѣвушка, „выручи меня изъ этой бѣды, какъ выручалъ до сихъ поръ!“

— „Зачѣмъ же плавать и убиваться?“ весело отвѣтилъ конь, „возвращайся скорѣе къ царю и потребуй отъ него семь алмазныхъ ножей, золотую сѣтку для сердца и серебряный кувшинъ для крови. Когда все это дадутъ тебѣ, приходи ко мнѣ, и поѣдемъ.“

Черезъ нѣсколько дней требуемые предметы были сдѣланы и вручены эконому, и онъ немедленно собрался въ путь. Каково же было удивленіе и гнѣвъ царицы, когда она изъ огня увидѣла выѣзжавшаго мнимаго юношу! Придумывая свое ужасное порученіе, царица рассчитывала напугать юношу и тѣмъ заставить его, хоть изъ страха, принять ея любовь. Видя, что онъ увѣжасъ, царица не могла сдержатъ своего гнѣва и крикнула изъ окна:

— „Если ты предпочитаешь свою гибель моей любви, то поѣзжай на вѣрную смерть!“

Конь вихремъ помчался и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже недалеко отъ дремучаго лѣса, въ которомъ жилъ кабанъ.

— „Мы на мѣстѣ“, сказалъ онъ дѣвушкѣ, „слѣзай съ меня и ступай въ глубину лѣса; тамъ ты увидишь большое болото, къ которому въ полночь приходитъ кабанъ пить воду; до его прихода ты сядь за дерево и жди, пока онъ напьется и уснетъ; тогда ты выходи изъ своей засады и храбро нападай на него съ своими алмазными ножами, но постарайся нанести ударъ въ самое сердце, иначе кабанъ тебя растерзаетъ. Я же останусь здѣсь и буду ждать тебя.“

Дѣвушка такъ и поступила, какъ научилъ ее конь: отыскавъ болото, она сѣла вблизи его за развѣсистое дерево и стала терпѣливо ждать полночи. Въ самую полночь послышались тяжелые шаги ужаснаго звѣря, и скоро онъ самъ показался изъ-за деревьевъ. Видъ его невольно заставилъ вздрогнуть смѣлую дѣвушку: кабанъ величиною былъ съ гору; его громадное туловище было утыкано жесткою щетиной, точно острыми гвоздями; изъ его пасти, торчали ужасные клыки, толщиною съ дерево; съ ужаснымъ храпомъ, отъ котораго дрожала земля и колебались деревья, кабанъ пришелъ къ болоту и сталъ тянуть воду. Долго, не отрываясь, пилъ онъ, пока въ болотѣ не осталось ни капли воды; тогда онъ улегся тутъ же, въ болотѣ, и заснулъ. Дѣвушка вышла тогда изъ-за дерева и, хотя при видѣ ужаснаго звѣря смутилось ея храброе сердце, всё-таки овладѣла собою и стала наносить ему удары; долго, однако, не могла она попасть кабану въ сердце; уже шесть ножей были сломаны, и дѣвушка стала терять надежду; наконецъ выхватила она седьмой ножъ и, собравъ всю силу, нанесла ударъ кабану прямо въ сердце, и изъ него фонтаномъ хлынула черная дымящаяся кровь. Обрадованная дочь эконома подставила серебряный кувшинъ и до краевъ наполнила свѣжей кровью, потомъ разрубила грудь кабана, вынула сердце его и опустила въ золотую сѣтку; послѣ всего этого она побѣжала къ коню и поѣхала въ обратный путь.

Когда побѣдительница кабана возвратилась во дворецъ и велѣла доложить о себѣ царю, онъ чрезвычайно обрадовался, что его любимецъ остался невредимъ, да еще, вдобавокъ, привезъ кровь и сердце страшнаго кабана. Слава о побѣдѣ эконома разнеслась по всему царству; всѣ стали завидовать царю, что у него служить такой замѣчательный человѣкъ; дѣвушки всего царства спѣшили взглянуть на молодого человѣка, и каждая изъ нихъ сочла бы за особенное счастье сдѣлаться его женой.

Кровь и сердце кабана не оказали, однако, никакого дѣйствія на бесплодную царицу,—она попрежнему не имѣла дѣтей. Между тѣмъ гнѣвъ ея противъ молодого эконома росъ не по днямъ, а по часамъ, и она придумывала новыя возни противъ него. Снова царица явилась къ царю и на этотъ разъ стала требовать, чтобы онъ послалъ храбраго эконома въ окаменѣлое царство, гдѣ есть источникъ живой воды, которая, будто бы, можетъ излѣчить ее отъ безплодія. Царь отвергъ просьбу царицы. Тогда она подослала къ мужу знахарей, которые стали увѣрять его, что если исполнять желаніе царицы,—добудутъ ей живой воды, то она непременно родитъ сына. Царь долго не соглашался, но и на этотъ разъ уступилъ неотвязчивымъ просьбамъ царицы и знахарей. Снова позвалъ царь къ себѣ эконома и со слезами высказалъ ему свою просьбу.

Мнимый юноша почтительно выслушалъ просьбу царя и хотѣлъ-было сказать ему, что никакой воды не нужно царицѣ, и что все это дѣлается изъ ненависти къ нему за отвергнутую любовь ея, но, жалѣя добраго царя, дѣвушка не рѣшилась разоблачить истину и тѣмъ причинить ему горе.

— „Все, что необходимо для дороги,“ добавилъ царь, „бери свободно: моя казна въ полномъ твоемъ распоряженіи.“

Когда эконома вывели изъ царскихъ покоевъ, царь невольно подумалъ:

— „Бѣдный юноша! никогда больше я его ужь не увижу; онъ, какъ и сотни другихъ до него, долженъ окаменѣть.“

Дѣвушка немедленно отправилась въ конюшню къ своему совѣтчику-коню и все ему рассказала.

— „Кручиниться не о чемъ,“ сказалъ ей конь, „мы съ тобой совершали и не такія опасныя дѣла; только ты потребуй, чтобы самъ царь опоясалъ тебя своимъ золотымъ поясомъ.“

— „О, что ты совѣтуешь мнѣ?“ вскричала дѣвушка, „развѣ я смѣю надѣть на себя царскій поясъ!“

— „Какъ знать,—можетъ-быть ты и будешь царемъ,“ загадочно отвѣтилъ конь.

Дѣлать было нечего, и дѣвушка отправилась къ царю съ дерзкимъ требованіемъ, чтобы онъ опоясалъ ее царскимъ поясомъ. Царь, не колеблясь, сдѣлалъ это. Послѣ того дѣвушка сѣла на коня и поѣхала въ путь-дорогу.

Долго-ли, коротко-ли ѣхала она,—только конь примчалъ ее къ воротамъ окаменѣлаго царства.

— „Ну,“ сказалъ конь, „мы доѣхали; теперь слѣзай съ меня, выслушай мои слова и запомни ихъ: иди прямо въ городъ; на пути своемъ ты встрѣтишь такой домъ, у котораго дверь сама отворяется и затворяется чрезъ извѣстные промежутки времени; выжди, когда дверь отворится, и войди; предъ тобою будетъ высокая лѣстница, по которой ты взойдешь во внутреннія комнаты; въ одной изъ комнатъ ты увидишь царя этого царства, сидящаго на золотомъ ложѣ и до половины окаменѣлаго; возлѣ царя увидишь золотую чашу, наполненную до краевъ живою водою; больше я тебѣ ничего не скажу: то, что ты тамъ увидишь, подскажетъ тебѣ, какъ поступать.“

Дѣвушка пошла по улицамъ окаменѣлаго города; все, что она встрѣчала на пути, было точно-мертвое, и повсюду царяла полнѣйшая тишина: люди, животныя, деревья,—все это застыло въ неподвижности. Долго бродила дѣвушка въ этомъ мертвомъ городѣ; наконецъ она увидѣла домъ съ отворяющейся и затворяющейся дверью; она выждала, когда дверь открылась, и смѣло вошла: предъ ней была высокая лѣстница, по которой она быстро вбѣжала во внутренніе покои дома; тамъ она увидѣла посреди комнаты, на золотомъ ложѣ, до половины окаменѣлаго царя, а возлѣ него—золотую чашу съ живою водою, къ которой окаменѣлый царь простиралъ свои руки. Когда царь увидѣлъ входящее живое существо, то онъ съ ужасомъ воскликнулъ:

— „О, юноша! зачѣмъ ты пришелъ сюда, въ это царство

«Смерти?! развѣ ты не знаешь, что здѣсь царствуетъ злой духъ?»

— „Я не боюсь злого духа,“ отвѣтила царю храбрая дѣвушка.

— „Какъ, безумный!? ты не боишься того, кто уже столько людей обратилъ въ камень за ихъ дерзость? неужели ты будешь сильнѣе ихъ?“ спросилъ царь.

Дѣвушка снова отвѣтила, что она не боится злого духа.

— „Прячься скорѣе!“ закричалъ вдругъ царь страшнымъ голосомъ, „тамъ, около моего ложа, есть глубокая ниша... я чувствую приближеніе духа.“

Но дѣвушка даже не тронулась съ мѣста и безстрашно сказала царю:

— „Сначала, царь, ты долженъ разсказать мнѣ всю правду и, главнымъ образомъ, объяснить, за что ты и твое царство несете на себѣ такую страшную кару.“

— „Я вижу, юноша“, отвѣтилъ царь, „что ты, дѣйствительно, ничего не боишься; въ такомъ случаѣ выслушай меня. Много лѣтъ тому назадъ я былъ, какъ и ты въ настоящее время, прекраснымъ юношею; мнѣ полюбилась одна царевна рѣдкой красоты, и, чтобы жениться на ней и сдѣлаться царемъ, я продалъ свою душу злему духу. Послѣ этого я женился на этой царевнѣ и сдѣлался царемъ. Много лѣтъ мы наслаждались полнымъ счастьемъ: царство мое расширилось, богатства умножились, повсюду народъ благоденствовалъ, меня прославляли. Но пришелъ срокъ, и этого счастья не стало. Злой духъ явился за моей душой; но такъ какъ я все время велъ благочестивую жизнь, то злой духъ не могъ меня окончательно умертвить, а только сдѣлалъ наполовину окаменѣлымъ; зато онъ выместилъ весь свой гнѣвъ на неповинныхъ моихъ подданныхъ, превративъ въ камни ихъ и все, что ни находилось въ моемъ царствѣ. Но и теперь мой врагъ не оставляетъ меня въ покоѣ и каждый день приходитъ сюда, чтобы терзать

меня. Но довольно,—я чувствую, что онъ у дверей!“ прошепталъ царь упавшимъ голосомъ.

Едва успѣла дѣвушка спрятаться въ указанное мѣсто, какъ въ комнату ворвалось страшилище,—это былъ ужасный огненный змѣй, со свистомъ и шумомъ открывавшій свою громадную пасть, изъ которой вырывались пламя и срадь.

— „О, не мучь меня!“ въ ужасѣ простоналъ несчастный царь.

Но змѣй уже обвился вокругъ его шеи и началъ давить своими огненными кольцами; потомъ, превратившись въ не мѣтѣ страшную птицу съ желѣзнымъ клювомъ, сѣлъ на его плечо, вонзилъ острые когти въ его тѣло и сталъ клювомъ наносить удары въ голову царя. Несчастный царь въ ужасныхъ мученіяхъ молилъ о пощадѣ, но птица не повидала его и попрежнему влевала его въ голову. Тогда дѣвушка больше не могла смотрѣть на эту сцену, выскочила изъ своей засады, и, выхвативъ мечъ, сразу сбила страшную птицу съ плеча царя и уже замахнулась вторично, чтобы убить ее. Увидѣвъ это, царь закричалъ:

— „Не убивай ея! сначала надо спасти всѣхъ насъ!“

Въ это мгновеніе птица опять превратилась въ змѣя и огненными кольцами обвилась вокругъ стана дѣвушки; еще минута, и послѣдняя упала-бы бездыханной, но она вспомнила про перстень, подаренный ей дочерью дракона: сорвала съ пальца этотъ перстень и ядомъ, въ немъ заключавшимся, брызнула на душившаго ее змѣя. Какъ только ядъ коснулся его тѣла, змѣй упалъ на полъ и въ предсмертныхъ корчахъ прошепталъ проклятіе дѣвушкѣ:

— „Если ты мужчина, то обратись въ женщину, а если женщина, то стань мужчиной!“

Хотя змѣй и страшно мучился, однако не издыхалъ,—очевидно, ядовитая жидкость отъ времени потеряла свою первоначальную силу. Видя это, юноша, какъ-то вслѣдствіе про-

влятія злого духа стала дочь эконома, взялъ мечъ и уже хотѣлъ отрубить голову змѣя. Змѣй началъ тогда молить о пощадѣ, обѣщая исполнить всякое его желаніе.

— „Хорошо“, сказалъ юноша, „я пощажу тебя; но раньше ты долженъ исцѣлить этого царя и возвратить ему его царство въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ годы благоденствія. Если же ты не исполнишь моего требованія сейчасъ же, то я отрублю тебѣ голову.“ И онъ снова взмахнулъ мечомъ.

— „Слушай!“ сказалъ злой духъ, „возьми эту чашу,—въ ней налита живая вода, и все, на что ни брызнешь этой водой, оживетъ и приметъ свой прежній видъ.“

Лишь только змѣй проговорилъ послѣднее слово, какъ юноша сильнымъ ударомъ меча отсѣкъ ему голову. Послѣ этого онъ взялъ въ руки чашу съ живой водой и прежде всего брызнулъ на окаменѣлыя ноги царя; въ одинъ мигъ царь превратился въ здороваго человѣка, бросился на колѣни предъ юношею и со слезами сталъ благодарить его за свое спасеніе.

— „Останься въ моемъ царствѣ“, воскликнулъ царь въ порывѣ великодушія и благодарности, „прими отъ меня въ свои руки царскую власть! я старъ и для меня будетъ утѣшеніемъ на закатѣ дней моихъ быть при тебѣ въ качествѣ твоего самаго преданнаго друга.“

Юноша сердечно поблагодарилъ царя за оказанную ему высокую честь. Потомъ царь и юноша, взявъ чашу, пошли брызгать живою водою по всему дворцу, а потомъ стали ходить по всему городу: переходя изъ одной улицы въ другую, они всюду вызывали жизнь. Скоро зашевелился народъ: одни спѣшили на работу, другіе прогуливались, третьи собирались на площадяхъ поговорить о своихъ дѣлахъ. Шумъ, говоръ, движеніе наполнили дотолѣ безмолвныя улицы окаменѣлаго города. Голодные животныя спѣшили утолить свой голодъ и жажду и разнообразными звуками оглашали воздухъ; на деревьяхъ затрепетали листья подъ дуновеніемъ легкаго вѣтерка;

мелодично зажурчали кристальные ручейки; повсюду разлилась жизнь, довольство, счастье...

Когда все ожило, юноша попрощался съ царемъ, вышелъ изъ города, сѣлъ на коня и поѣхалъ обратно къ своему царю. Прибывъ во дворецъ, онъ велѣлъ доложить царю о своемъ возвращеніи. Радости царя, при видѣ невредимаго юноши, не было предѣла. Когда же царица узнала, что юноша благополучно вернулся во дворецъ, то она едва не умерла отъ злости. Пылая безсильнымъ гнѣвомъ, она пошла въ комнату царя, гдѣ былъ и эконоомъ, въ рукахъ котораго находился сосудъ съ живой водой.

— „Вотъ вода, которой ты требовала,“ сказалъ царь-вошедшей царицѣ. Но она въ отвѣтъ не могла вымолвить ни слова, потому что злость душила ее.

— „Милостивый царь!“ сказала тогда эконоомъ, „теперь я кончилъ свою службу и исполнилъ всѣ трудныя порученія, которыя ты мнѣ давалъ; настала пора мнѣ покинуть тебя. Но, уѣзжая, я не могу умолчать объ одномъ обстоятельстве. Прежде всего ты долженъ знать, что я, принимая на себя должность эконоома, былъ дѣвушкой. Съ первыхъ-же дней моего появленія во дворцѣ царица воспыкала страстью ко мнѣ, не догадываясь, что я былъ женщиной. Я всячески сторонился отъ нея и избѣгалъ встрѣчъ съ нею; тогда она изъ мести начала придумывать разныя козни подъ предлогомъ выдѣчиться отъ безплодія: изъ мести она склонила тебя послать меня за сердцемъ и кровью ужаснаго кабана; изъ мести же потребовала, чтобы ты меня отправилъ въ окаменѣлое царство за живой водой. Все это дѣлалось съ тѣмъ расчетомъ, чтобы погубить меня; но, какъ видишь, ея ожиданія не сбылись, и, вмѣсто гибели, я нашелъ свое счастье; въ окаменѣломъ царствѣ я чудесно былъ превращенъ въ мужчину и теперь могу жениться на своей невѣстѣ, которая съ нетерпѣніемъ ждетъ меня.“

Высказавъ все это, юноша поклонился и вышелъ изъ комнаты.

Узнавъ истину, царь немедленно осудилъ свою жену на ужасную казнь: велѣлъ вывести изъ своей конюшни самаго горячаго коня, привязать къ его хвосту преступную царицу и гонять его по улицамъ города, пока отъ нея не останется и слѣда. Узнавъ объ этомъ распоряженіи, экономъ сталъ молить царя, чтобы онъ смилословился и сохранилъ жизнь царицѣ; но всѣ просьбы были напрасны: царь выполнилъ свое намѣреніе въ глазахъ всего народа, чтобы всѣ знали, какъ онъ справедливъ. Послѣ казни во дворецъ былъ позванъ экономъ.

— „Дорогой другъ!“ обратился къ нему царь, „до сихъ поръ я еще не отплатилъ тебѣ за всѣ твои подвиги: не откажись принять изъ рукъ любящаго тебя царя все его царство!“

Благодарный юноша, однако, отказался отъ такого дара и сказалъ, что онъ ѣдетъ жениться на прекрасной царевнѣ, дочери убитаго имъ царя-дракона.

— „Въ такомъ случаѣ позволь мнѣ называть тебя своимъ сыномъ и снабдить тебя въ дорогу, какъ подобаетъ царственной особѣ.“

Юноша согласился. Скоро было собрано войско, чтобы сопровождать пріемнаго царскаго сына къ его невѣстѣ; самого царевича окружала почетная свита, состоявшая изъ самыхъ важныхъ царедворцевъ. По пріѣздѣ во дворецъ царя-дракона, гдѣ уже давно томилась ожиданіемъ прекрасная царевна, была отпразднована пышная свадьба. Пропировавъ нѣсколько дней, счастливые новобрачные поѣхали во дворецъ царя, усыновившаго юношу. Здѣсь имъ была приготовлена торжественная встрѣча, закончившаяся шумнымъ пиромъ. Послѣ этого молодые вернулись въ свой дворецъ и стали жить да поживать, до добра наживать.

Изложена *М. А. Васильковой* по наброскамъ ученика *Сергеева*, со словъ жительницы гор. Кутаиса *М. Квернадзе*.

7. О трех братьяхъ и сестрѣ-дурочкѣ.

Жилъ былъ купецъ, у котораго было два сына и одна дочь. Отецъ очень любилъ своихъ сыновей и гордился ими, зато на единственную свою дочь не обращалъ ровно никакого вниманія и считалъ ее дурочкою. Вслѣдъ за отцомъ и братья стали относиться къ своей сестрѣ также пренебрежительно. Но вотъ Богъ послалъ купцу третьяго сына; всѣ въ домѣ радовались появленію на свѣтъ новаго члена семьи, и больше всѣхъ выказывала свою радость сестра новорожденнаго; когда она слишкомъ шумно стала рѣзвиться, отецъ очень рассердился на нее и больно прибилъ ее. Бѣдная дурочка, вся въ слезахъ, избитая и напуганная, вырвалась изъ рукъ отца и убѣжала изъ дому. Неподалеку отъ дома купца была старая церковь, окруженная густыми деревьями; здѣсь-то, у полуразрушенной церковной ограды, нашла себѣ пріютъ обиженная дѣвочка. Долго лились безутѣшныя слезы изъ ея глазъ, пока крѣпкій сонъ не смежилъ ея вѣки; но и во снѣ часто вырывались тихія жалобныя всхлипыванія изъ груди встревоженнаго ребенка.

Ровно въ полночь сонъ дѣвочки былъ прерванъ какимъ-то неяснымъ шумомъ и тихимъ разговоромъ; она раскрыла глаза и увидѣла странный свѣтъ, который шелъ какъ-бы отъ дерева, близъ котораго она лежала. Каково же было ея изумленіе, когда, взглянувъ пристальнѣе, она различила среди вѣтвей бѣлыя одежды ангеловъ и ихъ прекрасныя свѣтлыя лики. Маленькая дурочка съ восхищеніемъ смотрѣла на это чудное явленіе и чутко прислушивалась къ таинственному шелесту ихъ бѣлоснѣжныхъ крыльевъ. Сначала ея слухъ не могъ уловить тѣхъ словъ, которыя говорили ангелы, но мало-по-малу она сосредоточилась и очень удивилась, когда услышала, что рѣчь шла объ ея братьяхъ. Одинъ изъ ангеловъ сказалъ, что судьба всѣхъ трехъ братьевъ будетъ

несчастная, — что всё они обречены на преждевременную смерть въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ. Второй ангелъ обратился въ первому, произносившему столь грозный приговоръ, и сказалъ:

— „Твой приговоръ слишкомъ суровъ: если отнять жизнь у всѣхъ трехъ сыновей, то что станетъ съ несчастными родителями, когда они состарѣются и не въ состояніи будутъ работать? кто будетъ имъ зарабатывать хлѣбъ и покоить ихъ старость? Смягчи, если можно, ихъ судьбу и оставь хоть одного для утѣшенія родителей.“

— „Измѣнить ихъ судьбу не въ нашей власти,“ сказалъ первый ангелъ, „мы можемъ оказать имъ только такую помощь: подъ этимъ деревомъ лежитъ ихъ сестра, ей я открою судьбу ея братьевъ и объясню, чего должны остерегаться они въ своей жизни; но за это дѣвочка должна дать намъ обѣщаніе, что никогда никому не выдастъ этой тайны; если же она преступитъ свое обѣщаніе, то немедленно сама обратится въ каменный столбъ.“

Послѣ этихъ словъ ангелы слетѣли съ вершины дерева и приблизились къ маленькой дурочкѣ.

— „Запомни мои слова!“ сказалъ ей первый ангелъ, „твой старшій братъ долженъ погибнуть на охотѣ, твой средній братъ долженъ погибнуть на рыбной ловлѣ, а твой младшій братъ долженъ умереть въ день своей свадьбы: въ то время, какъ онъ будетъ надѣвать новую обувь, изъ нея выползетъ змѣя, отъ жала которой онъ и погибнетъ. Въ твоихъ рукахъ тайна судьбы твоихъ братьевъ, и отъ тебя зависитъ воспользоваться этой тайной, для ихъ спасенія; если же ты кому-либо выдашь наши слова, то, въ наказаніе, обратишься въ каменный столбъ.“

Послѣ этого ангелы скрылись изъ глазъ изумленной дѣвочки, и только вдали ясная полоса свѣта на темномъ небѣ обозначала полетъ ихъ. Возвращаясь въ родительскій домъ, ду-

рочка дала себѣ слово оберегать братьевъ и тѣмъ отвести отъ нихъ удары неумолимой судьбы.

Когда подростъ старшій братъ, въ немъ стали проявляться наклонности охотника, и сестра, видя его съ ружьемъ, всякій разъ вспоминала слова ангела и глубоко вздыхала. Она постоянно упрашивала брата, чтобы онъ далъ ей слово никогда не ходить на охоту; но братъ, въ отвѣтъ на мольбы сестры, или смѣялся, или съ бранью гналъ ее отъ себя прочь. Когда подростъ средній братъ, дѣвочка точно такъ же стала предостерегать и его, какъ предостерегала старшаго брата, но и онъ не обращалъ ровно никакого вниманія на ея слова. Сестра съ грустью видѣла, что всѣ ея старанія напрасны, и что врядъ ли ей удастся спасти старшихъ братьевъ отъ грозной судьбы. Тогда она всѣ свои попеченія сосредоточила на меньшомъ братѣ. Когда онъ лежалъ еще въ колыбели, убаюкивая его, она всегда приговаривала одно и то же: „когда ты вырастешь, станешь прекраснымъ юношей и задумаешь жениться, тогда не забудь пригласить твою бѣдную сестру на свою свадьбу.“

Однажды дурочка увидѣла, что старшій братъ собирается на охоту; она, по обыкновенію, стала уговаривать и упрашивать его, чтобы онъ остался дома, но юноша, не обративъ вниманія на ея слова, молча, перекинувъ ружье черезъ плечо, отправился въ сосѣдній лѣсъ. Долго безъ успѣха бродилъ онъ по лѣсу, среди густо разросшихся деревьевъ, съ трудомъ пролагая себѣ путь въ колючихъ кустахъ,—ни одинъ звѣрь не попадался ему навстрѣчу. Молодой охотникъ хотѣлъ уже возвратиться домой, какъ вдругъ увидѣлъ вдали, среди зелени, вѣтвистые рога прекраснаго оленя; радостью забилося сердце охотника, и онъ бросился на красиваго звѣря; но олень быстро удалился въ чащу лѣса, ломая своими огромными рогами вѣтви деревьевъ. Юноша погнался за нимъ. Долго продолжалась эта погоня; казалось бы, что вотъ-вотъ еще нѣсколько шаговъ, и животное будетъ убито; но все было напрас-

но: олень не давался въ руки. Вдругъ онъ круто повернулъ назадъ и понесся на молодого охотника, и не успѣлъ тотъ спустить курокъ, какъ былъ поднятъ на могучіе рога разсвирѣпѣвшимъ звѣремъ. Такъ кончилъ жизнь старшій братъ дурочки, и надъ нимъ сбылось предсказаніе ангела.

Прошло нѣсколько времени. Разъ, въ отсутствіе сестры, средній братъ пошелъ на рѣку удить рыбу. Уловъ былъ плохой: рыба съѣдала приманку и ухлывала прочь. Нетерпѣливый рыболовъ, въ досадѣ на неудачу, рѣшилъ въ послѣдній разъ закинуть удочку, насадилъ на крючокъ самую лучшую приманку и сталъ внимательно слѣдить за поплавкомъ; вдругъ поплавокъ стремительно опустился въ воду; юноша обрадовался и, вскочивъ съ мѣста, сталъ осторожно тянуть къ себѣ удочку; но не тутъ-то было: удочка не поддавалась его усилямъ, а все глубже и глубже опускалась въ воду. „Ну“, подумалъ молодой рыболовъ, „вѣрно, очень большая поймалась рыба“, и, собравъ всѣ силы, потянулъ удочку; но въ это мгновеніе его нога, опиравшаяся о камень, поскользнулась и, потерявъ равновѣсіе, юноша стремглавъ пометѣлъ въ темныя воды рѣки. Такъ кончилъ свою жизнь средній братъ, и надъ нимъ также исполнилось предсказаніе ангела.

Долго горевали родители о своихъ безвременно погибшихъ сыновьяхъ, но ихъ слезы не могли воскресить умершихъ юношей. Послѣ этого прошло нѣсколько лѣтъ. Меньшому сыну исполнилось пятнадцать лѣтъ, и онъ смотрѣлъ вполне взрослымъ мужчиною. Родители задумали женить его и подыскивали невѣсту. Когда узнала объ этомъ сестра, она стала упрашивать брата, чтобы онъ непременно взялъ ее съ собою на свадьбу, но тотъ не соглашался, отговариваясь тѣмъ, что ему стыдно будетъ показать людямъ и невѣстѣ сестру-дурочку. Дѣвушка продолжала настаивать на своемъ и предложила, чтобы, если ужъ ему стыдно взять ее какъ сестру, онъ повезъ ее въ качествѣ прислуги, и она помогала бы

ему одѣваться къ вѣнду. Послѣ долгихъ упрашиваній братъ, наконецъ, согласился; тогда дѣвушка еще до отъѣзда завала для него такую точно обувь, какую онъ везъ съ собою для свадьбы. Въ день свадьбы, незадолго до вѣнчанія, женихъ легъ отдохнуть и, ложась, поставилъ возлѣ себя новую обувь. Когда онъ уснулъ, сестра потихоньку вошла въ его комнату, взяла обувь и, выйдя на дворъ, заглянула въ нее, все еще не вѣря, чтобы тамъ могла быть змѣя; но внутри обуви, дѣйствительно, свернувшись кольцомъ, лежало ужасное чудовище. Испуганная дѣвушка бросила обувь со змѣею въ ярко пылавшую печь. Изъ огня раздался протяжный жалобный крикъ; онъ былъ такъ пронзителенъ, что его услышали всѣ въ домѣ; въ это время проснулся женихъ и, не нашедши возлѣ себя обуви, сталъ громко звать сестру. Дѣвушка прибѣжала на его зовъ и подала ему приготовленную ею обувь, но она оказалась узка. Въ это время въ комнату вошла невѣста и объявила, что она видѣла, какъ служанка жениха спалила его обувь и что, вѣроятно, она сдѣлала это съ цѣлью колдовства. Женихъ страшно разсердился на сестру и сталъ требовать отъ нея объясненія. Дѣвушка упорно молчала.

— „Хорошо“, сказалъ братъ, „послѣ свадьбы я, во что-бы то ни стало, добьюсь отъ тебя истины, или, въ противномъ случаѣ, убью тебя!“

Когда окончился свадебный пиръ, братъ снова сталъ спрашивать сестру, но она и на этотъ разъ отказалась дать объясненіе своего поступка; тогда братъ занесъ надъ нею оружіе; дѣвушка стала просить его, чтобы онъ не убивалъ ея по крайней мѣрѣ въ чужомъ домѣ, а если хочетъ лишить ее жизни, то сдѣлалъ бы это дома. Братъ согласился, и они поѣхали. По дорогѣ бѣдная дѣвушка мысленно прощалась съ жизнью. Не доѣзжая немного до родного дома, братъ остановилъ лошадь и сталъ снова спрашивать сестру, чтобы она сказала правду; долго она отказывалась, но, наконецъ, не удер-

жалась и передала брату все, что слышала отъ ангеловъ. И вдругъ, въ то мгновеніе, какъ было произнесено ею послѣднее слово, дѣвушка свалилась съ лошади и обратилась въ каменный столбъ.

Братъ былъ страшно пораженъ случившимся и въ горькомъ раскаяннѣ и слезахъ повлялся до тѣхъ поръ не возвращаться на родину, пока не достанетъ средства, чтобы возвратить сестрѣ жизнь. Онъ велѣлъ женѣ своей, чтобы она одна ѣхала къ отцу, а самъ, вскочивъ на коня, быстро удался прочь отъ родныхъ мѣстъ.

Долго ѣхалъ молодой человѣкъ по незнакомымъ дорогамъ и, наконецъ, видитъ предъ собою необъятную равнину, покрытую густою, въ поясъ человѣку, шелковистою травою, испещренною прекрасными душистыми цвѣтами.

Путникъ пустилъ своего коня по этой равнинѣ; вскорѣ онъ увидѣлъ среди зелени пасущагося быка, который, не переставая, щипалъ сочную траву, а самъ былъ до такой степени худъ и изможденъ, что на него нельзя было смотрѣть безъ сожалѣнія. Пораженный юноша невольно приостановилъ коня и спросилъ пасущагося быка, почему онъ такъ худъ, питаясь такой чудной травой.

— „Это мнѣ въ наказаніе“, отвѣтилъ быкъ, „поѣзжай дальше: ты еще и не то увидишь.“

Юноша поѣхалъ дальше и вскорѣ настигъ идущую женщину, которая несла полныя руки хлѣба и кричала, что она очень голодна.

— „Чего ты кричишь и жалуешься“, сказалъ ей юноша, „когда у тебя столько хлѣба?!“

— „Это мнѣ въ наказаніе“, отвѣтила женщина, „поѣзжай дальше,—увидишь еще и не то.“

Дальше поѣхалъ путникъ и вскорѣ увидѣлъ домъ, вокругъ котораго безпрестанно дулъ сильный вѣтеръ: на порогъ дома стояла женщина и все старалась вымести соръ, но вѣтеръ всякій разъ заносилъ его снова въ комнату.

— „Почему ты такъ трудишься?“ спросилъ ее юноша. Женщина заплакала и отвѣтила, что она наказана Богомъ и уже много лѣтъ несетъ эту муку.

— „А ты кто?“ спросила его женщина, „я еще ни разу не видѣла здѣсь никого.“

Но юноша ничего ей не отвѣтилъ и, молча, поѣхалъ дальше. Черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ оленя съ ужасными рогами: одинъ рогъ былъ воткнутъ глубоко въ землю, а другой вошелъ въ самое небо. Олень страшно стоналъ и рвался во всѣ стороны, но никакъ не могъ вытащить роговъ.

— „Скажи мнѣ, почему ты такъ страдаешь“, спросилъ оленя подѣхавшій юноша.

— „Я не могу тебѣ сказать, за что я наказанъ“, сказалъ олень, „а лучше ты расскажи, что тебя привело въ это ужасное мѣсто.“

Юноша откровенно рассказалъ про себя и про цѣль своего скитанія. Выслушавъ разговоръ, олень сказалъ:

— „Оставь здѣсь своего коня, а самъ по моимъ рогамъ взбирайся на небо; тамъ ты, быть-можетъ, найдешь средство для спасенія сестры; не забудь и про насъ, страдающихъ: авось ты и намъ принесешь съ неба спасеніе.“

Юноша поступилъ сообразно совѣту оленя. Взобравшись на небо, онъ увидѣлъ громадную поляну и вдали свѣтлый чертогъ. Войдя въ чертогъ, онъ встрѣтилъ старушку и сталъ ей рассказывать про свое горе и тутъ-же упомянулъ про то, что онъ видѣлъ на своемъ пути, и сталъ просить, нельзя ли найти ему средство для спасенія сестры и всѣхъ встрѣченныхъ имъ страдальцевъ. Старушка подумала и отвѣтила:

— „Скоро въ этотъ чертогъ прилетятъ тѣ самые ангелы, которые назначили судьбу твоимъ братьямъ, тебѣ и твоей сестрѣ. Эти ангелы каждую ночь слетаютъ на землю, а къ утру возвращаются на небо. Ты пока скройся, а я спрошу ихъ сама о судьбѣ твоей сестры и обо всѣхъ, видѣнныхъ тобою.“

Послѣ полуночи зашелестѣли въ воздухѣ крылья, ангелы спустились въ чертогъ и стали передавать другъ другу о томъ, что они видѣли и что сдѣлали за ночь. Одинъ изъ ангеловъ сказалъ, что дочь купца, которой они предсказали судьбу ея братьевъ, обратилась въ камень, но что ей удалось спасти меньшого брата. Тогда другой ангелъ сказалъ, что дѣвушку можно было бы оживить, если бы брызнуть на нее хоть одной каплей той воды, которой они будутъ омывать земной прахъ съ ногъ своихъ. Старушка, слушавшая ихъ разговоры, спросила ангеловъ:

— „Я слышала, что на землѣ есть тучная равнина, сплошь покрытая чудной травой; но быкъ, который тамъ пастется, едва не умираетъ отъ голода и истощенія,—отчего это?“

— „Это отъ того“, сказалъ одинъ изъ ангеловъ, „что этотъ быкъ былъ плохой работникъ у своего хозяина,—за это онъ теперь несетъ наказаніе.“

— „А можно ли облегчить его участь?“ спросила старушка.

— „Можно“, сказалъ ангелъ,—„стоитъ только ему пойти къ чистымъ водамъ родника и оттуда напиться.“

— „А правда ли“, снова спросила старушка, „что тамъ ходить женщина съ полными руками хлѣба и кричить, что она голодна?“

— „Правда“, отвѣтили ангелы, „это ей за то положено такое наказаніе, что она никогда не подавала милостыни.“

— „А можно ли облегчить ея участь?“

— „Можно,—для этого ей слѣдуетъ раздать весь свой хлѣбъ нищимъ, и женщина будетъ тогда сыта.“

— „А правда ли, что есть таковой домъ, вокругъ котораго постоянно дуетъ вѣтеръ и мѣшаетъ женщинѣ вымести соръ?“

— „Правда. Это ей положено въ наказаніе за то, что она всю жизнь дѣлала только одно зло.“

— „И долго она будетъ такъ мучиться?“ спросила старушка.

— „Стоить ей только вымести соръ въ заднюю дверь, и всѣ ея мученія окончатся“, отвѣтили ангелы.

— „А правда ли, что есть такой олень, рога котораго застряли одинъ въ землѣ, а другой въ небѣ, и онъ не можетъ никакъ освободиться и по этой причинѣ терпитъ большія страданія?“

— „И это правда. Этотъ олень, когда былъ на волѣ, многихъ погубилъ; отъ его роговъ погибъ и старшій братъ той дѣвушки, про которую мы говорили.“

— „А можно ли облегчить его страданія?“

— „Можно: для этого олень долженъ заложить на спину тотъ рогъ, который вошелъ въ небо; тогда онъ легко вытащить и другой рогъ, воткнутый въ землю.“

Послѣ этихъ разспросовъ ангелы приказали старушкѣ привести воды для омовенія; она принесла и, омывъ ею ступни ангеловъ потихоньку наполнила этой водой маленькій сосудъ.

— „Вотъ,“ сказала старушка, придя къ юношѣ и подавая ему сосудъ, „здѣсь спасеніе твоей сестрѣ: достаточно одной капли этой влаги, чтобы камень ожилъ.“

Послѣ этого она передала, какъ можно спасти всѣхъ встрѣченныхъ имъ на пути страдальцевъ. Юноша отъ всего сердца поблагодарилъ добрую старушку и, попросившись съ нею, спустился на землю по вѣтвистымъ рогамъ оленя. Ступивъ на землю, онъ сказалъ оленю, что ему нужно сдѣлать для освобожденія, и потомъ, вскочивъ на коня, отправился въ обратный путь, рассказывая по дорогѣ, что кому дѣлать для избавленія отъ страданій. Возвратившись къ тому мѣсту, гдѣ онъ оставилъ сестру, обращенную въ камень, юноша немедленно брызнулъ на нее водою, и вмигъ предъ нимъ встала ожившая сестра.

— „Ахъ, какъ долго и какъ сладко я спала!“ воскликнула дѣвушка.

Братъ съ любовью обнялъ сестру и съ торжествомъ повелъ ее въ домъ родителей, гдѣ и разсказалъ все, что съ нимъ случилось. Отецъ былъ несказанно обрадованъ и, созвавъ всѣхъ сосѣдей, задалъ большой пирь.

Изложена *М. А. Васильковой* по наброскамъ ученика *Сергея*, со словъ жительницы Кутаиса *М. Зезеурии*.

8. Наслѣдство богача.

Жилъ одинъ очень богатый человѣкъ съ женою и маленькою дочерью. Однажды этотъ богачъ, по совѣту своей жены, отправился къ знахарю, — погадать о томъ, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ. Знахарь, по обыкновенію, сначала говорилъ богачу все пріятное, а въ концѣ сказалъ, что его большимъ имѣніемъ завладѣетъ сынъ его близкаго сосѣда. Богачъ сильно огорчился и сталъ съ этого дня думать о томъ, какъ бы избѣжать исполненія предсказанія знахаря.

Однажды богатый увидѣлъ ребенка своего близкаго сосѣда: мальчикъ игралъ на дворѣ. Богатый, подумавъ, что это и есть будущій наследникъ его состоянія, взялъ этого мальчика, унесъ въ дремучій лѣсъ и оставилъ тамъ одного, надѣясь, что ребенокъ будетъ растерзанъ звѣрями. Но Богъ спасъ мальчика отъ гибели: на другой день онъ былъ найденъ охотникомъ, который, сжалившись надъ плачущимъ ребенкомъ, взялъ его къ себѣ, усыновилъ и сталъ воспитывать. Охотникъ далъ ему имя Найденышъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, случилось богачу познакомиться съ охотникомъ, усыновившимъ брошеннаго имъ мальчика. Однажды, будучи въ гостяхъ у своего новаго знакомаго, онъ увидѣлъ красиваго молодого человѣка; узнавъ, что его звали Найденышемъ, богачъ удивился и спросилъ у хо-

злина, почему ему дали такое странное имя. Охотникъ разсказалъ богачу, гдѣ и какъ нашелъ онъ усыновленнаго юношу. Богатый догадался, кто былъ этотъ юноша, и сталъ придумывать новую хитрость, чтобы избавиться отъ него. Онъ написалъ письмо, запечаталъ его сургучомъ и попросилъ хозяина, чтобы тотъ отправилъ это письмо къ нему въ домъ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго звали Найденышемъ. Хозяинъ, не подозрѣвая злого умысла, приказалъ юношѣ отправиться съ письмомъ. Когда Найденышъ былъ на половинѣ пути, ему явился Св. Духъ, въ образѣ священника, поздоровался съ нимъ и сталъ спрашивать, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Найденышъ отвѣтилъ, что онъ несетъ письмо отъ богатаго человѣка къ его женѣ. Священникъ попросилъ показать письмо. Найденышъ не посмѣлъ отказать священнику въ его просьбѣ и показалъ. Священникъ незамѣтно вынулъ изъ конверта письмо, въ которомъ богачъ приказывалъ женѣ, чтобы она немедленно убила этого юношу, и замѣнилъ другимъ письмомъ, въ которомъ было написано, чтобы тотчасъ же обвиняли молодого человѣка, принесшаго письмо, съ дочерью богача. Жена не могла ослушаться приказанія мужа и женила Найденыша на своей дочери. Когда мужъ вернулся домой и спросилъ у жены, что она сдѣлала съ посланнымъ юношею, она сказала, что женила его на дочери, согласно письму. Богачъ еще больше разсердился на Найденыша и рѣшилъ, во что бы то ни стало, погубить его.

У него былъ на дворѣ заводъ, гдѣ жгли известь. Разъ, вечеромъ, богатый пошелъ на этотъ заводъ и приказалъ рабочимъ, чтобы они въ эту ночь сожгли въ раскаленной печи безъ разбору всякого, кто ни явится къ нимъ до разсвѣта, а если они не исполнятъ этого приказанія, то за ослушаніе обѣщаль подвергнуть ихъ самихъ такой же казни. Рабочіе поехали въ точности исполнить его приказаніе. Богачъ предостерегъ всѣхъ домашнихъ, чтобы въ эту ночь никто не яв-

ялся къ рабочимъ на заводъ. Послѣ ужина онъ приказалъ своей дочери, чтобы она послала мужа до полночи на заводъ къ рабочимъ узнать, будутъ ли они работать или нѣтъ. Дочь обѣщала отцу исполнить приказаніе. Въ полночь богачъ позвалъ свою дочь и спросилъ её, послала ли она своего мужа на заводъ. Дочь, къ своему счастью, забыла исполнить приказаніе отца, но, боясь отцовскаго гнѣва, сказала, что уже давно послала мужа. Отецъ повѣрилъ ей и очень обрадовался, думая, что теперь, наконецъ, онъ избавился отъ опаснаго челоуѣка. Поскорѣе всталъ онъ и самъ пошелъ къ рабочимъ посмотрѣть, какъ они сожгли его зятя. Когда онъ пришелъ на заводъ, то рабочіе схватили его, связали и бросили въ горячую печь. Какъ ни умолялъ онъ рабочихъ о пощадѣ, увѣряя, что онъ ихъ хозяинъ, они не обратили никакого вниманія на его вопли и выполнили свое обѣщаніе.

По смерти богача наслѣдниками его остались дочь и зять, и такимъ образомъ предсказаніе знахаря богачу сбылось: сынъ его сосѣда завладѣлъ всѣмъ его богатствомъ.

Записалъ со словъ жителя села Ахалдаба, Кутаисскаго уѣзда, *М. Кублашвили* ученикъ Кутаисскаго городского училища *М. Кублашвили*.

9. Царская дочь.

Жилъ-былъ царь. Когда у него родилась дочь, начались для него разныя бѣдствія: царство стало уменьшаться, народъ страдалъ отъ голода и болѣзней. Царь тогда обратился къ знахарямъ, спрашивая, что ему дѣлать. Знахари, погадавши, отвѣтили царю: „пока ты не удалишь изъ своего царства дочь свою, до тѣхъ поръ не избавишься отъ бѣдъ.“ Царская дочь была такъ красива и отецъ такъ любилъ её, что онъ долго не могъ расстаться съ нею. Но изъ любви къ народу, онъ долженъ былъ

ею пожертвовать. Царь приказалъ дать ей усыпительное лѣкарство и, когда она уснула, велѣлъ слугамъ своимъ отнести ее въ дремучій лѣсъ, на сѣденіе звѣрямъ.

Но дѣвушка не суждено было погибнуть: проѣзжіе купцы, заблудившись въ дорогѣ, попали въ чащу лѣса, гдѣ была брошена царевна. Увидѣвъ ее, они были поражены ея красотой и сначала приняли ее за привидѣніе, но потомъ, подойдя ближе, убѣдились, что это живой человѣкъ. Старшій купецъ взялъ ее къ себѣ въ услуженіе. Она долго служила у него, а когда ее, бывало, спрашивали, чья она дочь, то она только горько плакала въ отвѣтъ. За кротость и усердную службу хозяйка ее очень полюбили. Разъ хозяйка спросила ее:

— „О чемъ ты, красавица, все плачешь и горюешь? Ты, вѣроятно, дочь знатнаго отца, и тебя постигло какое-нибудь несчастье? Мнѣ тебя очень жаль, и я хотѣла бы тебѣ помочь. Попытайся, можетъ быть, ты и найдешь свое счастье. Выслушай меня и сдѣлай такъ, какъ я тебя научу: испеки два хорошихъ пирога съ сыромъ, изжарь жирную курицу и отнеси эту жертву въ горы, тѣмъ двумъ старикамъ, которые раздають людямъ счастье. Ты попроси ихъ хорошенько, и они, можетъ быть, тебѣ не откажутъ.“

Красавица такъ и сдѣлала: испекла два пирога, изжарила курицу и пошла въ горы. Долго она шла, пока, наконецъ, увидѣла двухъ стариковъ, которые записывали что-то въ большую книгу.

Старики, увидѣвъ ее, замахали на нее руками и закричали:

— „Уходи, уходи!“

Со слезами возвратилась домой царская дочь и рассказала обо всемъ хозяйкѣ.

— „Не печалься, попробуй еще разъ пойти за счастьемъ; авось старики и смилуются надъ тобою,“ сказала ей хозяйка.

Черезъ недѣлю красавица опять понесла такую же жер-

ту старикамъ. На этотъ разъ, увидѣвъ ее, одинъ изъ стариковъ сказалъ другому:

— „Пожалѣемъ несчастную и сдѣлаемъ что-нибудь для нея.“

Они подозвали ее и сказали:

— „До сихъ поръ ты была несчастна. Но вотъ тебѣ клубокъ шелку! Онъ тебѣ принесетъ пользу: когда царскій сынъ будетъ шить себѣ кафтанъ и станетъ искать подходящаго шелку, то ты отдай ему этотъ клубокъ, только съ такимъ условіемъ, что, если клубокъ окажется тяжелѣе тебя, то царевичъ долженъ на тебѣ жениться.“

Дѣвушка взяла клубокъ шелку, поблагодарила стариковъ и возвратилась домой. Она передала слова стариковъ своей хозяйкѣ, а та ей посовѣтовала беречь этотъ шелкъ, такъ-какъ въ немъ, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ заключается ея счастье.

Послѣ того прошло много лѣтъ, и несчастная красавица совсѣмъ забыла о клубкѣ шелку. Въ это время въ одномъ царствѣ сынъ царя задумалъ шить себѣ роскошный кафтанъ, но никакъ не могъ найти шелку подъ цвѣтъ матеріи. Царевичъ послалъ слугъ въ другое царство; посланные пришли въ вущу, у котораго жила красавица, и спросили, нѣтъ ли у него такого шелку. Купецъ перерылъ весь свой магазинъ и, не найдя подходящаго шелку, сказалъ, что у него нѣтъ требуемаго сорта. Тогда жена его вспомнила про клубокъ, данный стариками ихъ служанкѣ. Она бросилась къ дѣвущкѣ, говоря:

— „Давай скорѣе свой шелкъ; можетъ быть, онъ подойдетъ къ кафтану царевича.“

Дѣвушка дала клубокъ, и шелкъ оказался вполнѣ подходящимъ. Тогда красавица сказала посланцѣмъ:

— „Я не могу этотъ клубокъ продать ни за какія деньги; такъ вы и передайте своему царевичу.“

Слуги возвратились и доложили царевичу о чудесной кра-

сотѣ дѣвушки, у которой нашли, подходящій шелкъ, и ея отвѣтъ на предложеніе продать его. Царевичъ велѣлъ слугамъ собираться въ дорогу и самъ поѣхалъ покупать шелкъ. Приѣхавъ къ купцу, онъ спросилъ, почему тотъ не согласился продать свой шелкъ. Купецъ отвѣтилъ:

— „Шелкъ этотъ принадлежитъ не мнѣ, а бѣдной дѣвушкѣ, которую я нашелъ въ лѣсу. Кто она такая, я не знаю, но думаю, что она не должна быть изъ простыхъ.“

Царевичъ сталъ просить, чтобы ему показали эту дѣвушку, и когда увидѣлъ ее, то былъ пораженъ ея красотой. Онъ сказалъ дѣвушкѣ:

— „У тебя нашелся шелкъ, подходящій къ моему кафтану. Я столько лѣтъ искалъ его по всему свѣту и не могъ найти. Продай мнѣ его.“

Дѣвушка отвѣтила:

— „Продать я не могу; но если ты согласишься на мое условіе, то я тебѣ отдамъ этотъ клубокъ: я сяду на одну чашку вѣсовъ, а на другую положу клубокъ, и если клубокъ перетянетъ меня, то ты долженъ будешь на мнѣ жениться.“

Царевичъ на это предложеніе согласился и невольно подумалъ: „неужели клубокъ шелку будетъ тяжелѣе ея?“ Дѣвушка сѣла на одну чашку вѣсовъ, а на другую положила шелкъ, и шелкъ перевѣсилъ ее. Царевичъ съ восторгомъ объявилъ ее своею невѣстою.

Женившись на ней, онъ былъ очень счастливъ, но она часто тосковала и о причинѣ своей тоски не говорила мужу. Мужъ не разъ заставлялъ ее горько плачущей и, наконецъ, сталъ ее упрашивать, чтобы она отерла ему тайну своего горя, и обѣщавъ, что все сдѣлаетъ, если только въ силахъ помочь ей. Тогда жена сказала ему, что она была не простая служанка торговца, а дочь царя, что принуждена была покинуть отца, потому-что царство его съ ея рожденіемъ стали посѣщать несчастія.

— „Какъ бы я желала обнять моего отца!“ сказала она, „хоть я и счастлива, но меня все-таки огорчаетъ, что я изгнанница.“

Царь собралъ большое войско и въ сопровожденіи его отправился съ возлюбленной женою и самыми знатными вельможами въ царство отца ея. Подъѣзжая къ царству, онъ послалъ знатныхъ вельможь съ подарками во дворець, а самъ остался съ войскомъ въ ожиданіи. Вельможи, явившись къ царю, сказали, что *такой-то* царь со своей супругой идетъ къ нему въ гости. Сначала царь испугался-было и не хотѣлъ пускать гостей, но потомъ, взглянувъ на подарки, вышелъ самъ встрѣчать прибывшихъ. Но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ свою дочь, шедшую къ нему съ могучимъ царемъ, котораго онъ боялся больше всѣхъ, какъ своего опаснѣйшаго врага. Дочь рассказала отцу все, что съ ней было. Радость царя-отца была безпредѣльна; онъ долго обнималъ дочь и зятя и, на радости, устроилъ пиръ на весь міръ.

Записалъ со словъ жительницы гор. Кутаиса *М. Квернадзе* ученикъ Кутаисскаго городского училища *М. Сергеевъ*.

10. Лиса и мельникъ.

Жилъ одинъ мельникъ; у него были три жирныя курицы. Однажды къ мельнику пришла лиса и сказала:

— „Мельникъ, дай мнѣ одну курицу!“

Мельникъ взялъ одну курицу и далъ лисѣ. Тоже самое повторилось на другой и на третій день. Съѣвши послѣднюю курицу, лиса сказала мельнику:

— „За твою доброту я окажу тебѣ большую услугу.“

Послѣ этого она отправляется къ царю и говоритъ:

— „Я нашла богатаго жениха для твоей дочери; хочешь ли,—я приведу его къ тебѣ?“

Царь согласился. Лиса достала хорошую одежду, пришла къ мельнику и сказала:

— „Я для тебя нашла невѣсту, дочь царя. Одѣвайся въ эту одежду, и пойдемъ къ ней.“

Мельникъ обрадовался и вмѣстѣ съ лисою пошелъ къ царю. Когда они вошли во дворецъ, мельникъ, никогда не видавшій богатой обстановки, съ удивленіемъ сталъ осматриваться во всѣ стороны. Тогда царь спросилъ лису:

— „Почему онъ такъ удивленно осматривается?“

— „Потому“, отвѣтила лиса, „что ему не нравится твой дворецъ.“

Мельникъ женился на дочери царя. Отпировали свадьбу; молодые собрались въ путь, въ домъ жениха. Мельникъ растерялся и не зналъ, что дѣлать,—не везти же царевну на мельницу! Но лиса и тутъ помогла ему: она отправилась впередъ, подбѣжала къ роскошному дому, гдѣ жили богатыри, и закричала:

— „Спасайтесь скорѣе!—сюда идетъ сильный царь со своей свитой, хочетъ убить васъ...“

Богатыри испугались и спросили лису:

— „Куда намъ укрыться?“

Лиса посоветовала спрятаться въ сѣно; богатыри исполнили ея совѣтъ. Когда они спрятались, лиса сожгла сѣно вмѣстѣ съ богатырями. Потомъ пришли въ этотъ домъ царскій зять съ женою и поселились въ немъ.

Черезъ нѣсколько недѣль лиса захотѣла испытать мельника и сказала ему:

— „Когда я умру ты положи меня въ золотой гробъ.“

Мельникъ обѣщалъ это. Лиса притворилась тогда мертвой; мельникъ взялъдохлую лису и хотѣлъ бросить въ яму,—какъ вдругъ та вскочила и сказала:

— „Зачѣмъ же ты обманулъ меня? обѣщалъ положить въ золотой гробъ, а хотѣлъ бросить въ яму!...“

Мельникъ въ смущеніи отвѣтилъ:

— „Я забылъ свое обѣщаніе; другой разъ положу въ золотой гробъ.“

Лиса вторично притворилась мертвой, но мельникъ опять обманулъ ее. Чтобы отомстить за это, она донесла царю, что его зять—простой мельникъ. Царь разсердился и убилъ лису за то, что она обманула его, высватавъ ему такого зятя.

Записалъ со словъ жителя г. Кутаиса *М. Моцонелидзе* ученикъ Кутаисскаго городского училища *А. Моцонелидзе*.

11. Царь и крестьянинъ.

Одинъ крестьянинъ служилъ у царя долгое время. Когда онъ состарѣлся и не могъ уже исполнять своихъ обязанностей, царь отпустилъ его. Черезъ нѣсколько времени, гуляя съ тремя министрами, царь встрѣтилъ отпущеннаго на волю крестьянина, узналъ его и началъ спрашивать о томъ, какъ онъ живетъ. Изъ отвѣтовъ крестьянина видно было, что онъ живетъ бѣдно. Царь пожалѣлъ его, а потомъ, подумавъ немного, обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— „Что,—уже выпалъ на горахъ снѣгъ?“

Крестьянинъ догадался, о какомъ снѣгѣ спрашиваетъ царь, и отвѣтилъ:

— „Снѣгъ выпалъ не только на горахъ, но и на равнинахъ.“

Царь предложилъ другой вопросъ:

— „Темно вдали?“

Догадливый крестьянинъ отвѣтилъ:

— „Милостивый царь! не только вдали темно, но и вблизи не ясно“.

Тогда царь предложилъ ему третій вопросъ:

— „Какъ работаетъ пара?“

— „Къ царѣ приставили третью“, отвѣтилъ крестьянинъ.

— „Я доволенъ твоими отвѣтами“, сказалъ царь, „и за это пришлю тебѣ трехъ овецъ, а ты остриги ихъ такъ, чтобы шерсти хватило и тебѣ, и твоимъ потомкамъ.“

Вернувшись во дворецъ, царь позвалъ къ себѣ трехъ министровъ, которые сопровождали его, и сказалъ имъ:

— „Если вы не разъясните слышанныхъ вами отвѣтовъ крестьянина, то я лишу васъ жизни.“

Сколько ни старались министры, никакъ не могли разъяснить отвѣтовъ. Наконецъ они пошли къ крестьянину и стали его упрашивать, чтобы онъ помогъ имъ.

— „Я даромъ не помогу вамъ“, отвѣтилъ крестьянинъ.

Министры, послѣ продолжительнаго торга, согласились уплатить ему за помощь три милліона (?). Тогда крестьянинъ сказалъ имъ.

— „Снѣгъ выпалъ не только на горахъ, но и на равнинахъ“,—значить, что у меня посѣдѣли волосы не только на головѣ, а и въ бородѣ. „Не только вдали темно, а и вблизи не ясно“—означаетъ, что мое зрѣніе совсѣмъ притунилось. „Къ царѣ приставили третью“—значить, что къ своимъ ногамъ прибавилъ я палку, для облегченія ходьбы. А слова: „Я пришлю къ тебѣ трехъ овецъ, а ты остриги ихъ такъ, чтобы овечьей шерсти хватило и тебѣ, и твоимъ потомкамъ“,—означаютъ, что царь собирался послать васъ ко мнѣ, чтобы я взымалъ съ васъ такую сумму денегъ, что ей хватило бы и моимъ потомкамъ.“

Министры возвратились къ царю и повторили объясненія крестьянина; царь остался доволенъ ихъ объясненіями и даровалъ имъ жизнь.

Записана со словъ жителя Кутаисскаго уѣзда, села Чунеша, А. Кутателадзе ученикомъ Кутаисскаго городского училища Е. Лорджитанидзе.

12. Сказка о двухъ упорныхъ людяхъ.

Жили были два челоѣка, Иванъ и Петръ. Иванъ былъ долженъ Петру двадцать-пять копеекъ.

— „Мы съ тобой товарищи“, сказалъ однажды Петръ Ивану, „и потому должны знать характеръ другъ друга.“

Иванъ сказалъ въ отвѣтъ своему товарищу:

— „У меня такой характеръ, что, когда я беру у кого-нибудь деньги въ долгъ, никогда не отдаю.“

— „А я“, говоритъ Петръ, „всегда помню того, кто мнѣ долженъ и никогда не отстаю отъ такого челоѣка, пока онъ не заплатитъ мнѣ долга.“

И, дѣйствительно, Петръ постоянно напоминалъ Ивану о деньгахъ, только Иванъ, по своему характеру, все время отказывалъ ему. Петръ продолжаетъ напоминать. Иванъ, видя, что Петръ не отстаетъ отъ него, рѣшилъ какъ-нибудь отъ него отдѣлаться и придумалъ вотъ-что: пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Петра и угостилъ его очень хорошо; онъ думалъ, что этимъ угощеніемъ заплатитъ долгъ Петру, и Петръ больше не будетъ беспокоить его. Но Иванъ ошибся въ своемъ расчетѣ: на другой день Петръ снова попросилъ Ивана заплатить ему долгъ. Иванъ отвѣтилъ тогда:

— „Мнѣ кажется, что свой долгъ я уже заплатилъ тебѣ тѣмъ, что вчера хорошо угостилъ тебя.“

— „Я за уплату не принимаю угощенія“, отвѣтилъ Петръ, „отдай мои деньги.“

Когда Петръ ушелъ въ свой домъ, Иванъ сказалъ своей женѣ.

— „Видишь-ли, какой у него несносный характеръ?— онъ не отстаетъ отъ меня. Чтобы избавиться отъ его приставанья, я придумалъ средство: я лягу въ гробъ, какъ мертвецъ, а ты напиши письмо Петру и увѣдомь, что мужъ твой умеръ.“

Петръ, узнавъ о смерти Ивана, не повѣрялъ извѣстію; онъ пришелъ въ домъ своего должника, взялъ гробъ и поставилъ въ церковь, а самъ вошелъ въ алтарь и спрятался. Въ эту ночь разбойники напали на домъ какого-то богача и ограбили его. Свою добычу они хотѣли раздѣлить при свѣтѣ огня и, увидѣвъ издали свѣтъ въ церкви, вошли туда. Раздѣливши деньги, они заспорили о дорогой шашкѣ. Одинъ разбойникъ сказалъ:

— „Если я разрублю гробъ съ мертвецомъ тремя ударами этой шашкой, то пусть эта шашка достанется мнѣ.“

Иванъ слышалъ эти слова, но не пошевелился. Другой разбойникъ сказалъ:

— „Если я разрублю съ двухъ ударовъ, то дайте эту шашку мнѣ.“

— „А я однимъ ударомъ разрублю“, сказалъ третій разбойникъ и уже поднималъ шашку, чтобы перерубить гробъ съ мертвецомъ пополамъ. Но не успѣлъ еще онъ ударить, какъ ложный мертвецъ высочилъ изъ гроба, а изъ алтаря въ то же время выбѣжалъ Петръ, и оба закричали:

— „Встаньте всѣ, новые и старые мертвецы, и помогите намъ поймать этихъ разбойниковъ!“

Разбойники такъ испугались, что, оставивши въ церкви шашку и деньги, убѣжали. Тогда Иванъ и Петръ раздѣлили добычу между собою. Но когда кончили дѣлежъ, Петръ опять просить Ивана:

— „Отдай же мнѣ мои двадцать-пять копеекъ!“

Иванъ снова отказывается въ уплатѣ. Въ это время разбойники послали одного своего товарища посмотреть, что дѣлаютъ умершіе. Не успѣлъ посланный разбойникъ заглянуть въ окно, какъ Иванъ схватилъ съ него шашку и, отдавая ее Петру, сказалъ:

— „На тебѣ твои двадцать-пять копеекъ! Видишь, я съ

тобой расплатился. А все-таки^а, прибавилъ онъ, „денегъ тебѣ я не далъ, и не вышло ни по-твоему, ни по-моему.“

Записалъ со словъ жителя г. Кутаиса *И. Манатдзе* ученикъ Кутаисскаго городского училища *К. Микаутдзе*.

ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ

грузинъ Телавскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.

Предлагаемыя примѣты и повѣрья грузинъ сообщены собирателю частью старшими учениками Телавскаго городского училища, частью, и больше всего, ихъ родителями, а также и нѣкоторыми изъ крестьянъ подгороднихъ селъ и деревень, гдѣ случалось собирателю вступать съ жителями въ разговоры. Надобно замѣтить, что большая часть предлагаемыхъ примѣтъ и повѣрій одинаково раздѣляется и мѣстными армянами, сильно ассимилировавшимися съ грузинами и заимствовавшими отъ нихъ многое въ своемъ быту; вмѣстѣ съ другими сторонами быта, надо полагать, и нѣкоторыя изъ суевѣрій и предрасудковъ грузинъ также перешли къ армянамъ и наоборотъ.

1. Появленіе кометы, затменіе солнца и луны, а также и сѣверное сіяніе предвѣщаютъ несчастіе для міра.

2. Если въ появившейся на небѣ радугѣ больше выдѣляется зеленаго цвѣта, то предвѣщается хорошій урожай хлѣба; если больше будетъ краснаго цвѣта, то предвѣщается урожай винограда и обиліе вина, а если—желтаго,—урожай кукурузы.

3. Землетрясеніе происходитъ отъ того, что пошатывается чудовищная рыба, на которой держится земля. Землетрясеніе предвѣщаетъ хорошій урожай.

4. Число звѣздъ на небѣ соотвѣтствуетъ количеству населенія земного шара: съ рожденіемъ на землѣ ребенка на небѣ появляется новая звѣзда, а когда падаетъ звѣзда, то это значитъ, что въ этотъ моментъ кто-то изъ людей умеръ. При

видѣ паденія звѣзды слѣдуетъ три раза проговорить: „ты иди, я останусь.“

5. Когда небо чисто, безоблачно, а между тѣмъ падаютъ дождевыя капли или идетъ легкій дождь, то это значитъ, что солнце умывается.

6. Луна имѣетъ мать; однажды послѣдняя мѣсила тѣсто, и въ это время, за что-то разсердившись на луну, дала ей пощечину; вслѣдствіе этого отпечаталась на лицѣ луны испачканная въ тѣстѣ рука матери,—вотъ чѣмъ и объясняется происхожденіе пятенъ на поверхности луны.

7. Затменія солнца и луны происходятъ отъ того, что ихъ хватаетъ своимъ чудовищнымъ ртомъ драконъ (𐌆𐌆𐌆𐌆𐌆𐌆), намѣреваясь проглотить ихъ; чтобы освободить эти свѣтила отъ чудовища, слѣдуетъ стрѣлять изъ ружей въ затмившіяся свѣтила, чтобы застрѣлить дракона.

8. Не должно считать звѣзды на небѣ, ибо на рукѣ появляются бородавки.

9. Кто впервые услышитъ весною громъ, тотъ долженъ поскорѣе поднять съ земли камень и нѣсколько разъ стукнуть имъ себя въ спину,—это укрѣпляетъ здоровье человѣка.

10. Если кто-нибудь рано утромъ, не успѣвши умыться, увидитъ яркое, восходящее солнце, подающее надежду на погожій день, и выскажетъ свои виды на хорошую погоду; то эту свою поспѣшностью онъ слазитъ погоду, и послѣдняя не замедлитъ измѣниться къ худшему.

11. Въ семь лѣтъ разъ небо раскрывается, и, кто увидитъ его въ такомъ раскрытомъ видѣ, тотъ непременно получить все, чего въ этотъ моментъ попроситъ у неба.

12. Если луна свѣтитъ ярко, это предвѣщаетъ на слѣдующій день хорошую погоду, а если она затуманена, то будетъ непогода.

13. Для того, чтобы во время засухи испросить у Бога дождь, а съ нимъ вмѣстѣ и хорошій урожай, собираются жен-

щины цѣлаго села или даже нѣсколькихъ селеній, и цѣлюгурьбою, съ босіими ногами, ходять по разнымъ дворамъ, выпрашивая подобно нищимъ и собирая милостыню, въ видѣ денегъ или же восковыхъ свѣчей. При такомъ хожденіи толпа женщинъ хоромъ распѣваетъ слѣдующую пѣсню Лазаря:

„ლახარ მადგა კარსა, მიდგა მადგა თაროსა, დემკუნასა მთვარესა, ცხაკი აცხაკებულა, წვიმა დაჩქარებულა. აჰა, წმინდა ელიაო, რას მადგინაო?! თუთი თიკან-ბატკანი შენთვის მადგინათქვიანო; შენ მადგინ წვიმასო, ჩვენ დავიკლამთ თიკანსო!“ („Лазарь подступилъ къ дверямъ, походилъ у тара *), сталъ похожъ на луну; рѣшето расходилось, дождь поспѣшилъ. О, св. Илья, что пригорюнился?! бѣлыхъ возять съ ягнятами тебѣ мы приносимъ; ты пошлешь дождь, а мы тебѣ зарѣжемъ козленка!“)

Собранныя при такомъ хожденіи свѣчи зажигаются въ церкви, а деньги употребляются на покупку барашковъ и возять, которые и приносятся въ жертву Богу, т. е. рѣжутся и поѣдаются ходившими женщинами сообща, съ выдѣленіемъ при этомъ части, конечно, и церковному причту. Такимъ же путемъ крестьянками испрашивается у Бога вѣдро, при продолжительныхъ дождяхъ, вредящихъ урожаю; но при этомъ распѣвають другую хоровую же пѣсню, а именно:

„ჰაი ლახარე, ლახარე, რას დრებელი აქვარე, ლარ გვინდა რის ხაი; დემკოთა, მადგე შვის თვლი!“ („О Лазарь, Лазарь, сними съ неба тучи! Больше не желаемъ атмосферной влаги. Боже, дай намъ солнечный глазъ!“)

14. Чтобы прекратить продолжительно дующій вѣтеръ, должно взять изъ ступки толкачъ и вмѣстѣ съ вѣникомъ привязать къ дереву, — тогда вѣтеръ перестанетъ.

15. Если сжечь вѣникъ, то на дворѣ подымется вѣтеръ.

16. Чтобы пересталъ итти градъ, для этого должно выбросить на дворъ желѣзный таганъ (треножникъ). Градъ перестанетъ также и тогда, если первенецъ подниметъ съ земли градинку и положить себѣ за пазуху.

*) „Таро“ (thago) — полки для посуды.

17. Чтобы прояснилась погода, во время непрерывных дождей, записывают на бумаге имена нѣсколькихъ плѣшивыхъ людей и эту бумажку надѣваютъ на палочку, которую втыкаютъ на перекрѣстѣ.

18. Если кто увидитъ новую луну въ тотъ моментъ, когда возлѣ него стоитъ богачъ, то и ему самому сдѣлаться богачомъ, если же увидитъ ее при бѣднякѣ, то и самому обѣднѣть; если увидитъ при вшивомъ,—у самага заведутся вши, а если увидитъ при лѣнтяѣ,—самъ будетъ лѣниться въ теченіе всего луннаго мѣсяца.

19. Какъ-только рождается человекъ, уже съ того момента у него бываетъ *на лбу написано* все, что случается съ человекомъ въ жизни, то должно было случиться съ нимъ: это его судьба (ἄρσ), которая неизмѣнна.

20. Если до среды страстной недѣли ребенокъ будетъ оставаться не выкрещеннымъ, то его должно пронести подъ желѣзнымъ таганомъ, чтобы къ нему не прикоснулись нечистыя силы.

21. Чтобы ребенокъ былъ спокоенъ и не подвергался вліянію нечистой силы, должно класть ему въ колыбель куски желѣза, ибо нечистая сила избѣгаетъ желѣза.

22. Когда приходится идти куда-нибудь ночью и съ собою брать ребенка, то, чтобы послѣдняго предохранить отъ „порчи“, т. е. отъ оскверненія нечистыми силами, должно къ ребенку положить въ пеленки ножикъ съ углемъ, ибо нечистыя силы боятся этихъ вещей.

23. Ночью, въ страстную среду, всѣ нечистыя силы бѣгаютъ въ суматохѣ и нападаютъ на всѣхъ и на все; поэтому въ эту ночь, во 1-хъ, стрѣляютъ изъ ружей, чтобы какъ-нибудь перебить ихъ; во 2-хъ, на дворѣ зажигаютъ кучу сухой травы или хвороста и перепрыгиваютъ чрезъ огонь, дабы не дать чертямъ возможности скрываться подъ платьемъ, и, въ

3-хъ, на всякія вещи въ домѣ набрасываютъ обрѣзки вѣтокъ колючаго шиповника, посредствомъ которыхъ и предохраняютъ эти вещи отъ привосновенія чертей.

24. Если въ страстную среду стать на перекрѣсть двухъ дорогъ и тамъ взглянуть въ сито, то можно увидѣть чорта.

25. Послѣ перваго удара въ церковный колоколь дѣлается пауза для того, чтобы въ это время разбѣжались злые духи; въ это время не должно совершать крестнаго знаменія.

26. Не должно поздно вечеромъ вносить въ домъ сосудъ съ принесенною изъ родника водою, ибо въ это время, вмѣстѣ съ водою, можетъ войти въ домъ и нечистый духъ; но если ужь безусловно необходимо внести эту воду въ домъ, то должно тотчасъ же, какъ внесутъ, отлить небольшое количество ея въ печь, куда и уйдетъ нечистая сила.

27. Если ночью кто-нибудь ходилъ за водою, то, по возвращеніи оттуда, не долженъ прямо входить въ домъ до тѣхъ поръ, пока у порога дома не подбросятъ ему подъ ноги угольевъ, — иначе, съ ничѣмъ вмѣстѣ, войдетъ въ домъ нечистая сила.

28. Когда кусокъ камня, найденнаго въ руслѣ рѣчки, или гдѣ-бы то ни было, просверленъ насквозь, то это значить, что на немъ мочился чортъ.

29. Душою утопленника завладѣваетъ водяная нечистая сила, и чтобы освободить эту душу, должно у берега той рѣки, въ которой онъ погибъ, зарѣзать козла и бросить его, вмѣстѣ съ вытекшею изъ него кровью, въ рѣку, при чемъ должно проговорить: „вотъ тебѣ козель, освободи утопленника!“

30. Не должно посвистывать въ домѣ, въ особенности ночью, ибо это посвистываніе вызываетъ нечистыя силы. Если въ домѣ посвистываетъ дѣвица, то у нея начнутъ выпадать волосы.

31. Если кто-нибудь перешагнетъ чрезъ спящаго ребенка или чрезъ какое-нибудь платье, то и ребенокъ тотъ, и то

шате будутъ испорчены (ἄσβεστος), и чтобы исправить это, должно заставить перешагнуть обратно.

32. Не должно раскачивать пустую, безъ ребенка, колыбель, ибо этому радуются злые духи.

33. Когда лошадь пасется на полѣ ночью, то нечистая сила заплетаетъ у нея гриву.

34. Если ночью кто-нибудь будетъ спать на спинѣ, то на него наляжетъ нечистая сила и станеть его душить.

35. Если въ домѣ имѣется заряженное ружье; то его не должно оставлять въ такомъ видѣ къ Новому году, а непременно должно выстрѣлить ночью, подѣ Новый годъ, — иначе въ этомъ ружьѣ поселится нечистая сила.

36. Если со стѣны упадетъ повѣшенная икона, то это предвѣщаетъ несчастіе, и упавшую икону больше не слѣдуетъ вѣшать на прежнее мѣсто, ибо этимъ мѣстомъ, тотчасъ, какъ упала икона, завладѣваетъ нечистая сила.

37. Когда мы входимъ въ какую-нибудь церковь въ первый разъ въ своей жизни, то Богъ исполнить все, о чемъ только попросимъ Его въ это время.

38. Пока еще покойники лежатъ въ домѣ, ихъ лицо прикрываютъ на ночь ситомъ, такъ какъ существуютъ особья кошки („кошки мертвыхъ“), которыя подкрадываются ночью къ покойникамъ и отъѣдаютъ у нихъ носъ и губы. При этомъ на сито кладется и печеный хлѣбъ, который вслѣдствіе того приобретаетъ такое свойство, что тотъ, кто скушаетъ кусокъ этого хлѣба, не будетъ бояться мертвыхъ.

39. Обрѣзывать въ первый разъ ногти у ребенка даютъ лицу образованному; тогда и изъ этого ребенка выйдетъ человекъ образованный. Въ это время ногти обрѣзываютъ при помощи ножа и серебряной монеты, а обрѣзанные ногти кладутъ самому же ребенку въ пазуху или подѣ его постельку, а не бросаютъ на землю.

40. Кто чихнетъ во время разговора о покойникѣ, тому

умереть; чтобы избавить его отъ такого несчастья, для этого ударяють рукою сначала по его плечу, а потомъ по землѣ, приговаривая: „твоя бѣда—твоему тескѣ!“

41. Наканунѣ Нового года певуть въ торнѣ колобки (~~кошки~~), впередъ назначивъ каждый изъ нихъ для того или другого изъ дѣтей: чей колобокъ упадетъ во время печенія въ огонь, тому дитяти умереть.

42. Мать не должна бить своего ребенка, когда онъ лежитъ въ колыбели, потому что, вмѣстѣ съ ея ударами, наноситъ ему удары и ангель, а ударъ ангела бываетъ такъ силенъ, что иногда ребенокъ умираетъ отъ него.

43. Когда изъ дома выносятъ покойника, то священникъ не долженъ въ это время оборачиваться назадъ, ибо смерть можетъ вернуться къ тому же дому и унести еще новую жертву.

44. Кто послѣ заката солнца будетъ жевать жвачку, у того умретъ братъ.

45. Если кто чихнѣтъ въ день Нового года, тотъ будетъ жить долго.

46. Сновидѣнія предвѣщаютъ обратное видѣнному: кто увидитъ во снѣ радость, тотъ долженъ ждать наяву печали, видѣвшій смерть—ждать долговѣчности и т. п.

47. Кто во снѣ видитъ себя летающимъ, тотъ, значитъ, растетъ, т. е. увеличивается въ объемѣ.

48. Кто во снѣ лишается зуба, у того умретъ кто-нибудь изъ близкихъ.

49. Не должно работать въ субботу вечеромъ, а кто будетъ работать, значитъ, тотъ нечестивъ.

50. Кто въ дни четырехдесятницы будетъ работать послѣ того, какъ зазвонятъ къ вечернѣ тотъ наживетъ глазную болѣзнь.

51. Если предъ началомъ предпріятія неожиданно чихнетъ кто-нибудь одинъ разъ, это предвѣщаетъ несчастье, а

потому слѣдуетъ отложить предпріятіе; если же чихнуть два раза, то, наоборотъ, предзнаменуется благопріятный исходъ дѣла, и можно дѣйствовать съ полною надеждою на успѣхъ.

52. Не должно подметать жилища послѣ заката солнца, а ужь если подмели, то не должно выбрасывать сору на дворъ, ибо этимъ соромъ засыплется, затуманится солнце.

53. Если кто страдаетъ головными болями, то, чтобы излѣчиться, долженъ въ день Пасхи три раза собственноручно позвонить въ церковный колоколъ.

54. Чтобы избавить больныхъ дѣтей отъ коклюша, имъ на шею вѣшаютъ на нитѣ просверленные плоскіе камешки темнаго цвѣта, добытые изъ русла рѣки Алазани.

55. Чтобы избавить дѣтей отъ зараженія коклюшемъ, ихъ проносятъ по три раза подъ выдавшеюся изъ-подъ земли вѣтвью корня орѣховаго дерева, и это повторяютъ въ три субботнихъ вечера.

56. Чтобы вылѣчить больного отъ лихорадки, должно сильно испугать его.

57. Чтобы избавиться отъ болѣзни глазъ, должно носить при себѣ куски змѣиной кожи. Полезно также этой кожей обтирать больные глаза.

58. Чтобы избавиться отъ насморка, должно высморкнуться такъ, чтобы тайкомъ замарать платье того лица, которому желаешь передать свой насморкъ.

59. Человѣческіе волосы, опавшіе съ головы отъ болѣзни или снятые ножницами, должны быть бросаемы въ огонь или тщательно прибираемы подъ заборы и въ другіе укромные уголки, а не рассыпаемы по землѣ, гдѣ ихъ топтали бы ногами: иначе тотъ, чьи волосы топчутъ, начнетъ страдать головными болями.

60. Чтобы отучить ребенка отъ обыкновенія мочиться въ постели, его сѣдутъ зажженнымъ вѣшникомъ.

61. Чтобы избавиться отъ бородавокъ, тотъ, кто ихъ имѣ-

еть, долженъ во время новолунія выйти на перекрёстокъ и, ставъ спиною къ мѣсяцу, а на бородавки присыпавъ немного зола, три раза проговорить: „*ბოგარეკი სხვად, სხვად! მკვდარე — ბოგად, ბოგად!* („Луна новая, новая! бородавка—зола, зола!). Это онъ долженъ повторить три новолунія.

62. Когда ребенокъ не спитъ, то ему въ колыбель кладутъ твердую куколку наставомаго, называемую *ბოგობ გუგობ* (сонный мѣшокъ).

63. Когда по улицѣ несутъ покойника мимо дома, гдѣ въ это время стоитъ колыбель съ ребенкомъ, то родители спѣшатъ приподнять эту колыбель со стороны изголовья и держать ее въ приподнятомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока пронесутъ мертвеца. Если колыбели не приподнять, то лежащій въ ней ребенокъ получить поврежденіе (*გაღვსებდა*) и лишится силъ въ ногахъ, такъ что не научится ходить и даже становится на ноги, пока его не подержать въ стоячемъ положеніи надъ какимъ-нибудь покойникомъ.

64. Когда въ домѣ есть ребенокъ, у котораго еще не появлялись зубы, то изъ того дома никому не позволяютъ брать огня, ибо, въ противномъ случаѣ, у того ребенка зубы будутъ прорѣзываться съ большими страданіями.

65. Когда у кого-нибудь начинается икота, это значитъ, что въ тотъ моментъ кто-то изъ отсутствующихъ вспоминаетъ его.

66. Кто будетъ причесываться въ тотъ моментъ, который составляетъ середину Великаго поста, у того начнутъ выпадать съ головы волосы.

67. На масляницѣ непременно всякій долженъ покачаться на качеляхъ, иначе въ теченіе цѣлаго года будетъ страдать головокруженіемъ.

68. Когда весною въ первый разъ начнетъ сверкать молнія, должно взять въ ротъ иголку или другую металлическую вещь,—это укрѣпляетъ зубы.

69. Если беременная женщина будет жевать жвачку, то родить ребенка слюняваго. Чтобы вылѣчить подобнаго ребенка отъ слюнявости, должно у его крестнаго отца урвать платокъ и этимъ платкомъ утереть слюни ребенка.

70. Если женщина надѣнетъ шапку мужчины, то у нея начнутъ лѣзть волосы.

71. Если ребенокъ не становится на ноги и не выучивается ходить, то, чтобы ускорить пріобрѣтеніе навыка къ этому, ребенка, съ ложкою въ рукахъ и придерживая за руки, три раза обводять, вокругъ торна.

72. Кто на масляницу побрѣтся, у того начнутъ сѣдѣть и лѣзть волосы.

73. Когда въ чьемъ-нибудь домѣ болѣны тифомъ, то смежные сосѣди, чтобы не заразиться, владуть на заборѣ или, вообще, на границѣ съ больными сосѣдами телѣжное колесо.

74. Не должно давать цвѣтовъ въ руки ребенку, которому еще не исполнилось одного года отъ роду, потому что онъ начнетъ страдать худосочиѣмъ.

75. Кто не будетъ обрѣзывать у себя ногтей по средамъ и пятницамъ, у того никогда не будутъ болѣть зубы.

71. Особенно чтимыя въ краѣ святыя иконы имѣють обыкновеніе посылать на человѣка разные недуги, требуя тѣмъ самымъ, чтобы заболѣвшій немедленно отправился къ нимъ для поклоненія и приношенія жертвъ; поэтому, какъ-только кто-нибудь заболѣетъ, долженъ обратиться къ ворожейкѣ, которая можетъ опредѣлить, отъ какого святого страдаетъ больной; при этомъ больной или его родные должны произнести обѣтъ непременно посѣтить ту церковь, которую укажетъ ворожея; въ подкрѣпленіе своего обѣта родные больного должны отложить на имя той церкви пару восковыхъ свѣчей; при первой возможности, затѣмъ, припасаютъ барана, вино или другого рода жертвы и отправляются съ ними и съ больнымъ вмѣстѣ къ указанному святому. Въ этомъ случаѣ страдающій

отъ воли святыхъ называется рабомъ иконы (საგობ ძაბს). „Рабы“ св. Георгія, слывущаго въ народѣ еще подѣ именемъ „Бѣлаго“, облачаются съ ногъ до головы въ бѣлую одежду.

77. Недуги посылаеть на извѣстнаго человѣка преимущественно та икона, къ которой ѣздили на поклоненіе его предки; поэтому, когда кто заболѣеть, то окружающіе больного и безъ ворожеекъ, сами опредѣляютъ, что отъ больного требуется жертвы *такая-то* икона, и немедленно отеладываютъ на ея имя свѣчи и даютъ обѣтъ предстать предъ ней съ жертвоприношеніями.

78. Никто не долженъ отправляться на поклоненіе къ такимъ иконамъ, къ которымъ не ѣздили и его родители, такъ-какъ такимъ своимъ посѣщеніемъ онъ ставитъ себя въ зависимость и отъ этой иконы, и послѣдняя по временамъ станетъ требовать его къ себѣ, т. е. станетъ посылать на него разныя болѣзни.

79. Всѣ эпидемическія болѣзни имѣютъ своихъ ангеловъ или „господь“ (სხველსუბი, სხუ პატონები), отъ присутствія которыхъ и заболѣваютъ оспой, тифомъ, скарлатиной и т. п. болѣзнями; поэтому, когда кто-нибудь заболѣеть ими, не должно обращаться къ врачамъ и ихъ лѣкарствамъ, ибо тѣмъ самымъ можно оскорбить и озлобить ангеловъ болѣзни, отчего и болѣзнь непременно приметъ острый характеръ; напротивъ, чтобы счастливо избавить больного отъ страданій, должно только прославлять пребывающихъ въ домѣ ангеловъ и дѣлать только то, что имъ пріятно,—иначе эти ангелы не уйдутъ изъ дому безъ человѣческой жертвы. При этомъ угожденіе ангеламъ болѣзни разнообразится до безконечности, но всегда комнату стараются украсить вещами яркихъ цвѣтовъ, а ангеловъ забавлять специально для того существующими ублаживающими пѣснями, называемыми „Іавъ, нана“ (ავ, ნანა).

80. Въ домѣ, гдѣ лежитъ оспенный больной, не должно шить, потому что иголкой можно какъ-нибудь уколоть анге-

ловъ, а тѣ въ свою очередь начнутъ колотъ самихъ больныхъ и притомъ прямо въ глаза.

81. Въ домѣ, гдѣ лежитъ больной оспою, не должно рѣзать куръ или другихъ домашнихъ животныхъ, ибо рѣзущимъ орудіемъ можно зацѣпить ангеловъ, не должно также ничего ни варить, ни жарить, ни даже выпятить воду, потому что можно кипяткомъ обварить ангеловъ,—все это будетъ озлоблять послѣднихъ, а злоба эта будетъ вымещаться на больныхъ.

82. Не должно даже подметать комнату, въ которой больны оспою, такъ-какъ вѣвникомъ можно задѣтъ ангеловъ и озлобить ихъ противъ больного.

83. Если въ какомъ-нибудь домѣ больны оспою, то никто изъ того дома не долженъ зажигать восковой свѣчи, ибо у ангеловъ ноги восковыя, эти ноги растають, и, вслѣдствіе того, искалѣчатся и самъ больной.

84. Для того, чтобы не заразиться при посѣщеніи оспенныхъ больныхъ, должно для такого посѣщенія выбирать воскресный день, потому что въ такой день ангелы оспы не пристають къ посѣтителямъ.

85. Чтобы доставить ангеламъ оспы удовольствіе и тѣмъ достигнуть благополучнаго исхода болѣзни, женщины, окружающія больного, раздѣваются догола и начинаютъ приплясывать по комнатѣ.

86. Если одержимый какою-нибудь болѣзнию, подойдетъ къ мертвому священнику, наложить на него руку и скажетъ: „возьми съ собой мои страданія“, то исцѣлится отъ своихъ болѣзней.

87. Чтобы приворожить къ себѣ кого-нибудь, т. е., чтобы заставить полюбить себя, для этого слѣдуетъ тайкомъ присыпать къ пицѣ или питью того лица, любви котораго добиваются, порошокъ, сдѣланный изъ высушеннаго скелета зеленой лягушки.

88. Чтобы свести своего противника съ ума, должно тай-

комъ примѣшать къ пищѣ или питью противника головного мозгу сороки.

89. Когда у лошади болить животь, ее проводятъ чрезъ владбище. Съ тою же цѣлью къ хвосту лошади привязываютъ посредствомъ красной нитки куриное перышко.

90. Не должно разорать гнѣзда ласточки и не должно убивать ужа; оба эти поступка влекутъ за собою несчастье для совершившаго.

91. Не должно убивать кошки, ибо на томъ свѣтѣ заставляютъ за это выстроить девять церквей.

92. Крикъ филина или совы предвѣщаетъ смерть кого-либо въ томъ домѣ, къ которому обращены эти птицы въ то время, когда издають крикъ. Чтобы предотвратить предвѣщаемыя несчастія, должно бросить въ тѣхъ птицъ тлѣющую головню.

93. Если воетъ собака, то, значить, умретъ кто-нибудь изъ семьи того дома, у котораго воетъ она, а чтобы отвратить бѣду, должно прикрикнуть на собаку или побить ее, дабы она замолчала, или же слѣдуетъ и вовсе убить ее.

94. Встрѣча по дорогѣ священника или зайца предвѣщаетъ несчастье.

95. Если ребенокъ родится въ рубашкѣ, то онъ будетъ счастливъ. Если эту рубашку, высушенную, будетъ держать при себѣ отецъ ребенка, то онъ будетъ выигрывать тяжбы въ судѣ. Чтобы выиграть въ судѣ тяжбу, считается также полезнымъ средствомъ держать при себѣ высушенный змѣиный языкъ.

96. Если вѣнникомъ бить скотину, то ее съѣстъ волкъ.

97. Мать, у которой когда-нибудь умиралъ малолѣтній сынъ, не должна есть мяса домашняго голубя, какъ птицы, олицетворяющей невинныхъ дѣтей, а если съѣсть, то, значить, совершить грѣхъ.

98. Когда курица кричитъ пѣтухомъ, это предвѣщаетъ хозяйскому дому несчастье.

99. Только-что родившагося теленка посыпають солью и, подпустивъ къ нему мать, даютъ ей облизать его соленое тѣло: отъ этого она будетъ давать много молока.

100. Карканье вороны предвѣщаетъ дождь.

101. Въ мясной пищѣ отдѣльными кускамъ мяса дается особое значеніе, напр.: если селезенку съѣсть беременная женщина и вскорѣ послѣ того коснется (напр., почесеть) рукою какой-нибудь части своего тѣла, то у ея плода на томъ же мѣстѣ появится темно-красное пятно; если же кто изъ малолѣтнихъ, обоого пола, съѣсть селезенку или желудокъ четвероногаго животнаго, или незрѣлыя яйца курицы, то ему придется почернѣть подъ вѣнцомъ; по этой причинѣ такіе куски ѣдятъ только взрослые члены семьи.

102. Когда кричитъ сорока, то предвѣщаетъ приходъ гостей, или, вообще, какую-нибудь радостную вѣсть для тѣхъ, возлѣ кого она кричитъ.

103. Когда въ овчарнѣ вдругъ начинаютъ блѣять овцы, то умереть кто-нибудь изъ членовъ хозяйской семьи.

104. Если ночью въ курятникѣ съ напести вдругъ упадетъ курица, то это предвѣщаетъ несчастье, и упавшую курицу немедленно рѣжутъ.

105. Убить змѣю—богоугодное дѣло, а если кто-нибудь убьетъ ее во время засухи, то пойдетъ проливной дождь.

106. Для того, чтобы волку „связать зубы“, т. е. чтобы онъ не могъ съѣсть пропавшей коровы, должно на зубья гребешка намотать нитку.

107. Если пѣтухъ начинаетъ кричать не въ урочный часъ, напр., рано вечеромъ, то это предвѣщаетъ войну.

108. Пѣтухъ изрѣдка несетъ яйца, и если такое пѣтушиное яйцо, завернувъ въ вату, зарыть въ землю у воротъ, то оно превратится въ золото.

109. Когда завоютъ шакалы, то настанетъ хорошая погода.

110. Дятель кричитъ предъ наступленіемъ дурной погоды.

111. Если въ день Новаго года скотину чистить щеткою, то она заболѣетъ паршами.

112. Если въ день Новаго года раздувать огонь въ печи, то начнутъ раздуваться и издыхать цыплята въ курятникѣ.

113. Въ день Новаго года вынимаютъ изъ печки горящую головню, тушатъ и сохраняютъ, а на день, слѣдующій послѣ Крещенія, чрезъ эту головню заставляютъ перешагнуть домашнюю скотину; тогда эта скотина не будетъ подвергаться болѣзнямъ.

114. Если около дома завоетъ лисица, то умретъ кто-нибудь въ томъ домѣ.

115. Если на домъ сядетъ и начнетъ выкрикивать угодъ, то въ томъ домѣ будетъ покойникъ.

116. Если во дворъ какого-нибудь дома внести дохлую сову, то въ послѣднемъ появится тифъ.

117. Если въ чьемъ-нибудь дворѣ подерутся вороны, то умереть хозяину или хозяйкѣ.

118. Если лошадь, стоя въ водѣ, помочится въ ней, то, значить, у этой лошади помретъ хозяинъ, а, чтобы избѣгнуть смерти, онъ долженъ поскорѣе продать эту лошадь.

119. Если перебѣжить дорогу лисица, когда кто-нибудь идетъ искать пропавшую скотину, то послѣдняя непременно найдется.

120. Не должно кушать куриного сердца, а кто его съѣстъ, тотъ не въ состояніи будетъ пріобрѣтать расположе-ніе другихъ.

121. Жѣнщина, желающая нравиться, должна у живого зайца вырѣзать языкъ и, сильно высушивъ его, брать его съ собою: когда она положитъ его себѣ въ ротъ, тотчасъ покажется красавицею и будетъ казаться таковою до тѣхъ поръ, пока будетъ его держать во рту.

122. Если въ какое-нибудь дерево воткнуть заячій зубъ, то оно засохнетъ.

123. Ящерица имѣетъ обыкновеніе долго глядѣть на солнце, не моргая. Этотъ пристальный взглядъ ея доставляетъ солнцу большое мученіе; поэтому, кто убьетъ ящерицу, тотъ, въ награду, получить долгодѣтельную жизнь.

124. Если въ домѣ начинается чихать кошка, то въ этомъ домѣ заболѣютъ коклюшемъ.

125. Если кошка умываетъ себѣ лапками морду, то будетъ хорошая погода, а если умываетъ, кромѣ морды, и уши, то пойдетъ дождь. Нѣкоторые же въ умываніи кошки усматриваютъ предзнаменованіе того, что придутъ гости.

126. Когда лимонное дерево впервые начинаетъ приносить плоды, то первый плодъ съ него должно дать сорвать лицу, имѣющему много дѣтей; тогда и это дерево приобретаетъ способность приносить много плодовъ.

127. Для того, чтобы бесплодное дерево заставить приносить плоды, должно поступать такъ. Въ день Вознесенія, рано утромъ, два человека, которые еще не произнесли ни слова въ тотъ день, должны молча отправиться къ бесплодному дереву, при чемъ одинъ изъ нихъ долженъ имѣть съ собою топоръ. Когда они подойдутъ къ намѣченному дереву, то лицо, держащее топоръ, должно замахнуться имъ на дерево, какъ-бы намѣреваясь рубить его; но другое лицо должно тотчасъ остановить его, говоря: „нѣтъ, не руби: оно впередъ будетъ приносить плоды!“ Послѣ этой церемоніи, они должны вернуться домой, и дерево, полагаютъ, станетъ приносить плоды.

128. Въ день Вознесенія между травами, гдѣ много растетъ трилистника, стараются отыскать четырехлистникъ. Этотъ четырехлистникъ, который должно сорвать не иначе, какъ съ помощью золотой вещи, служить источникомъ всякаго рода счастья для владѣющаго имъ.

129. Кто въ страстную пятницу поѣсть бураковъ, тотъ не встрѣтитъ змѣй.

130. Когда въ горящую печь положить полѣно рябины, то, пока въ той печи будетъ держаться зола отъ этого полѣна, до тѣхъ поръ въ томъ домѣ будетъ держаться какая-нибудь болѣзнь.

131. Кто хочетъ не заражаться тифомъ, тотъ долженъ ночью, наканунѣ Великаго поста, зажечь вѣтки алычи и во-кругъ пламени нѣсколько разъ обвести своею шапкою и поясомъ.

132. Кто въ первый день Великаго поста скунаетъ под-жаренной кукурузы (бзѣо-бѣѣо), у того не появится во рту дурного запаха.

133. Если бесплодная женщина хочетъ родить дѣтей, то должна надѣть на себя священническую ризу.

134. Подкравшись къ беременной женщинѣ, тайкомъ на-сыпаютъ ей на голову соли и выжидаютъ, какія движенія руеъ вызоветъ эта соль со стороны беременной женщины: е-сли она свою руку подниметъ выше пояса, то родить сына, а если сдѣлаетъ движеніе книзу, — дочь.

135. Если на платьѣ невѣсты, приготовленномъ для нея въ приданное, замѣтятъ вошь, то это значить, что невѣстѣ предстоитъ послѣ брака родить дочь, появленіе же блохи пред-вѣщаетъ сына.

136. Если у какихъ-нибудь родителей дѣти не живутъ, то чтобы они не умирали, прибѣгаютъ къ слѣдующимъ спо-собамъ: а) на новорожденного ребенка надѣваютъ рубашку, спитую изъ рубашки священника; б) воспріемникомъ ново-рожденного выбираютъ лицо, когда-нибудь мѣнявшее религію; с) мать, передавъ своего новорожденного ребенка кому-нибудь на руки, беретъ отъ него обратно съ такими переговорами, какъ-будто покупаетъ его; поэтому такому ребенку даютъ имя Насвидъ, что значить „купленный“.

137. Для того, чтобы къ родиньницѣ не подходили нечистыя силы, ей подъ подушку кладутъ обнаженный кинжалъ или саблю.

138. Для того, чтобы не рождались дѣти слишкомъ часто, въ саду выбираютъ молодое дерево, которое только въ первый разъ приносить плоды, и изъ этихъ плодовъ даютъ матери скушать столько штукъ, чрезъ сколько лѣтъ она желала-бы родить дитя.

139. Пупокъ, отрѣзанный у новорожденнаго, посылаютъ въ церковь, чтобы припрятать тамъ у стѣны; тогда ребенокъ вырастетъ въ любви къ церкви, а если этотъ пупокъ забросить гдѣ нибудь дома, то ребенокъ выйдетъ бродягою. Иные отрѣзанный пупокъ сохраняютъ до того времени, пока ребенокъ подрастетъ настолько, что будетъ ходить. Тогда онъ самъ долженъ снести свой пупокъ и подбросить къ какому-нибудь ремесленному заведенію, смотря по тому, какое ремесло онъ желалъ бы усвоить.

140. Когда женщина рождаетъ съ трудомъ, то зовутъ мужа: онъ долженъ принести въ подолѣ своей нижней рубашки воды и этой воды дать выпить родиньницѣ. Съ этою же цѣлью иногда приглашаютъ таковаго человѣка, которому довелось высвободить изо рта змѣи лягушку, и онъ, подошедши къ страдающей родиньницѣ, подаетъ ей воды, чтобы она выпила, и при этомъ приговариваетъ: „отдѣлись, дитя, отъ матери, какъ я отдѣлилъ лягушку отъ змѣи!“

141. Если двухмѣсячный или трехмѣсячный ребенокъ въ колыбели начинаетъ приподнимать свою голову, то это значить, что мать скоро должна забеременѣть.

142. Когда ребенокъ только-что начинаетъ говорить, то его спрашиваютъ о томъ, кого онъ больше любитъ: мать или отца; если ребенокъ назоветъ отца, то его мать, забеременѣвъ, родитъ сына, а если онъ назоветъ мать, то она родитъ дочь.

143. Къ родильницѣ не должно итти съ пустыми руками и съ пустымъ желудкомъ: первое—для того, чтобы родильница смогла хорошо выкормить своего ребенка, а второе,—чтобы ребенокъ не вышелъ жаднымъ.

144. Когда ребенокъ родится безъ признаковъ жизни, то, чтобы его оживить, должны съ поспѣшностью помочиться на него; это должна исполнить баба, а въ крайнемъ случаѣ и кто-нибудь другой изъ присутствующихъ при родахъ.

145. Возвратившись изъ церкви послѣ вѣнчанія и вводя въ свой домъ молодую жену, женихъ разбиваетъ въ дверяхъ ногою тарелку, которую нарочно кладутъ туда въ этому времени. Это дѣлается для того, чтобы предохранить молодыхъ отъ „порчи.“

146. Стоя въ церкви подъ вѣнцомъ, женихъ старается наступить на ногу невѣсты, чтобы не попасть подъ ея башмакъ, а, напротивъ, самому господствовать надъ нею.

147. Стоя въ церкви подъ вѣнцомъ, женихъ тайкомъ понемногу растворяетъ замокъ, который передъ тѣмъ, какъ отправляться въ церковь, подъ вѣнецъ, ему кладется въ карманъ закрытымъ. Это дѣлается женихомъ для того, чтобы нечистыя силы не связали плода невѣсты, т. е. чтобы не сдѣлали ее безплодною.

148. Когда молодые послѣ вѣнчанія приходятъ изъ церкви домой, то новобрачной сажаютъ на колѣни мальчика,—чтобы она родила сына, а не дочь.

149. Молодая ничего не должна ѣсть въ теченіе двухъ дней послѣ вѣнчанія; нарушить этотъ обычай—грѣхъ; говорить въ это время она должна весьма тихо,—иначе у нея пойдутъ дѣти кривливыя.

150. Когда, послѣ вѣнчанія, вводятъ въ домъ новобрачныхъ, то кто-нибудь изъ близкихъ, привѣтствуя ихъ у порога дверей, кладетъ невѣстѣ въ ротъ кусокъ сахару, который она должна немедленно вынуть изо рта и спрятать въ кар-

манъ. Затѣмъ, послѣ свадьбы, когда новобрачная, освоившись съ домою и хозяйствомъ, въ первый разъ станетъ готовить обѣдъ, она должна этотъ сахаръ бросить въ приготовленное ею кушанье, и послѣ того всякая пища, какую только приготовить она въ домѣ, всѣмъ будетъ казаться сладкою, пріятною.

151. Для того, чтобы насѣдка благополучно вывела цыплятъ изъ положенныхъ подъ нее яицъ, необходимо, чтобы хозяйка, посадивши насѣдку и подложивши ей яйца, тутъ же, въ курятникѣ, сама присѣла и помочилась. Затѣмъ, входя въ домъ, она должна со двора принести щеповъ и бросить ихъ въ печь, а сама присѣсть на тахту, поджавъ подъ себя ноги, и сидѣть такъ до тѣхъ поръ, пока сгорятъ эти щепки.

152. Если приходится подметать комнату ночью, то сора не должно выбрасывать на дворъ, равно какъ не слѣдуетъ вытряхивать туда скатерть, убранную послѣ ужина,—ибо, вмѣстѣ съ соромъ, уйдетъ изъ дому и все добро.

153. Не должно въ домъ вносить на спинѣ пустой судъ для воды.

154. Если въ сосудахъ истощилось вино, или въ амбарахъ не стало хлѣба, то, указывая на это обстоятельство кому-нибудь, должно, вмѣсто слова „нѣтъ“, говорить: „полно“ (всѣмъ полно).

155. Если воры возьмутъ горсть земли со свѣжей могилы покойника, который былъ похороненъ недавно; за нѣсколько дней раньше, и еще не успѣлъ пролежать въ землѣ ни одного изъ субботнихъ вечеровъ, то съ этою землею они смѣло могутъ войти въ чужой дворъ или домъ и не будутъ ни чѣмъ услышаны, такъ какъ этою могильною землею воры могутъ усыпить глубокимъ сномъ всѣхъ, на кого только тайкомъ посыплютъ ею.

156. Кто достаетъ для стола изъ кувшина, зарытаго въ землю, вина и тутъ же самъ не отвѣдаетъ его, тотъ даетъ чорту поводъ посмѣяться надъ собою.

157. Когда въ домѣ разбивается какая-нибудь посуда, то это предвѣщаетъ радость.

158. Если въ день Нового года разлить въ домѣ воду, то появится много муравьевъ.

159. Когда изъ печки выпадетъ на полъ горящая головня, то это предвѣщаетъ, что принесутъ гостинецъ (дѣлѣба).

160. Кто съѣстъ черстваго и заплѣсневѣлаго хлѣба, тотъ найдетъ деньги.

161. Если за обѣдомъ замѣтятъ, что ломоть хлѣба сталъ на свою корку, то говорятъ, что придутъ гости.

162. Послѣ заката солнца никому не должно одалживать сита, иначе хозяевамъ не удастся выдать дочь замужъ; если же почему-либо сито необходимо одолжить, то нужно потребовать возвращенія его непременно въ ту же ночь.

163. Никому не одалживаютъ закваски тѣста, а если, уступая просьбамъ, и одолжили, то, отдавая закваску, отрываютъ отъ нея кусочекъ и оставляютъ у себя, дабы въ домѣ не извелось тѣсто. Въ тѣхъ же видахъ отрываютъ частицу и отъ краюхи печенаго хлѣба, когда одалживаютъ его кому-нибудь.

164. День Нового года имѣетъ свойство создавать въ людяхъ привычки на весь годъ, т. е. кто въ этотъ день что сдѣлаетъ, то будетъ дѣлать и цѣлый годъ (дѣлѣба); поэтому, напр., каждый въ день Нового года долженъ быть веселымъ, работать, внести въ домъ что-нибудь и т. д., дабы и цѣлый годъ быть веселымъ, трудолюбивымъ, вносящимъ въ домъ заработки.

165. Если кто пьетъ вино и съ виномъ случайно проглотитъ виноградную косточку, то, значитъ, Богъ даруетъ ему сына.

166. Въ день Нового года, входя со двора въ свой домъ, должно внести съ собою поленце или хотъ сучекъ дерева и, подойдя къ печкѣ, поковырять этимъ сучкомъ въ горящихъ головняхъ и, когда отъ нихъ станутъ взлетать искры въ боль-

шомъ количествѣ, приговаривать: „столько же денегъ, столько пшеницы, столько ячменя, столько коровъ, барановъ (и т. д.), даруй намъ, Боже, на сей годъ!“ Эта молитва будетъ исполнена.

167. Въ день Новаго года, имѣя дѣло къ какому-нибудь дому, должно прямо входить въ тотъ домъ, а не оставившись у воротъ и не вызывая оттуда кого-либо по имени, въ особенности не должно при этомъ произносить имени дѣвушекъ, — иначе въ томъ домѣ будетъ непрерывно въ течение цѣлаго года разбиваться посуда.

168. Въ понедѣльникъ на масляницѣ, т. е. за семь дней до Великаго поста, должно сварить мамалыгу (оузозъ) изъ пшеничной муки и, помазавъ ею по щепкамъ, выставить эти щепки на заборы и приговаривать при этомъ: „вотъ, воробьи, скушайте этой мамалыги и больше не трогайте нашихъ нивъ!“ И посѣвы будутъ спасены отъ воробьевъ.

169. Если случайно ножъ ляжетъ не плашмя, а лезвиемъ вверхъ, то это значить, что онъ требуетъ жертвы, т. е. кто-нибудь будетъ пораненъ или зарѣзанъ.

170. Если крестьянка надѣнетъ новое платье и въ этомъ платьѣ не пойдетъ за водою и не принесетъ въ домъ воды, то у нея скоро „сгоритъ“ это новое платье.

171. Ночью подъ Новый годъ комнату выметають начисто, а къ утру ищутъ на полу зеренъ и, смотря потому, какія при этомъ найдутъ зерна (пшеничныя, ячменныя или другія), догадываются, что у нихъ въ томъ году на извѣстный родъ хлѣба будетъ лучшій урожай.

172. Если кто-нибудь, сидя спокойно, вдругъ невольно засмотрится пристально на какой-либо предметъ, не моргая глазами, то это значить, что къ нему придутъ гости.

173. У кого на ногтяхъ появляются бѣлыя пятна, тому предстоитъ надѣть новое платье.

174. Если изъ чьего-нибудь дома украдутъ закваску тѣста, то, значить, въ томъ домѣ изведется хлѣбъ.

175. Если разбить яйцо, *снесенное птухомъ*, то въ немъ окажется или орелъ, или змѣя, или ягненокъ; первый и второй случай предвѣщаетъ хозяевамъ несчастье, а послѣдній — благоденствіе.

176. Если какое-нибудь лицо въ теченіе одной недѣли само убираетъ скатерть послѣ ѣды и, затѣмъ, положить тайкомъ ту скатерть подъ подушку дѣвушкѣ или юношѣ, то эти послѣдніе увидятъ во снѣ „свое счастье“, т. е. первая увидитъ своего жениха, а второй — невѣсту.

177. Если во время ѣды передаешь кому соль, то долженъ во время передачи засмѣяться, иначе поссоришься съ тѣмъ лицомъ.

178. Въ первый день Великаго поста прядутъ изъ ваты немного нитокъ и кладутъ ихъ по разнымъ угламъ дома, — это дѣлается для того, чтобы въ домѣ не завелась моль.

179. Чтобы приучить къ своему дому чужого котенка, должно обмыть ему лапки у печки (очага), — иначе онъ убѣжитъ.

180. Если кто-нибудь начинаетъ раздувать огонь въ печи или кочергою разбивать горящія головни, и въ это время отъ послѣднихъ отскакиваютъ искры и падаютъ прямо на него, то это предзнаменуетъ, что онъ долженъ будетъ подраться съ кѣмъ-нибудь.

181. Когда случится постороннему присутствовать при доставаніи изъ печи хлѣба, то хозяйка непременно предложитъ ему отвѣдать теплаго хлѣба, а если онъ не будетъ принимать, то начинаетъ настоятельно просить его, чтобы онъ откушалъ хоть немного, такъ какъ въ противномъ случаѣ ей не удастся выдать свою дочь замужъ.

182. Нѣкоторыя лица, обладающія дурнымъ глазомъ, посѣщая чью-нибудь черводню, могутъ сглазить тамъ здоровыхъ шелковичныхъ червей, послѣ чего эти черви начинаютъ болѣть и быстро вымирать.

183. Не должно воровать шелковичныхъ червей, грены или нитокъ, ибо на томъ свѣтъ у этого вора изъ внутренностей вытянуть все уворованное,—вымотаютъ въ видѣ нитки, чрезъ ротъ.

184. Чтобы изъ грены благополучно вылупились шелковичные черви, должно въ оживляемую грену положить кусокъ серебра, а чтобы получить крѣпкіе коконы, должно грену пронести надъ текущею водою.

185. Шелковичные черви послѣ каждаго линянiя занимаютъ все-большую площадь,—это, полагаютъ, происходитъ отъ того, что въ это время личинки ихъ рождаютъ новыхъ молодыхъ личинокъ, т. е. размножаются въ числѣ.

186. Изъ уворованныхъ щенцовъ всегда выходятъ злыя собаки; поэтому, если кто желаетъ имѣть злыхъ дворовыхъ псовъ, то не долженъ ни выпрашивать щенцовъ, ни покупать ихъ, а долженъ ихъ красть.

187. Съ какой стороны весною будетъ услышанъ первый громъ, на той сторонѣ въ томъ году получится лучший урожай.

188. Во время масляничнаго заговѣнья владутъ на окно дома „вада“ (𐌆𐌆𐌆—слоеный пирогъ), а ребятишки, держа въ рукахъ колючіе прутики шиповника, бѣгаютъ вокругъ дома и бьютъ по его стѣнамъ шиповникомъ, приговаривая: „мышки, мышки, выходите! ангелы, войдите!“ Обѣжавъ такимъ образомъ нѣсколько разъ, дѣти хватаютъ съ окна пирогъ, убѣгаютъ куда-нибудь подальше и съѣдаютъ его. Такимъ способомъ изводятся въ домѣ мыши.

189. Если ребенокъ взглянетъ въ зеркало и увидитъ себя въ немъ, то впослѣдствіи будетъ бояться воды.

190. Когда ребенкомъ восхищаются, то этимъ могутъ его сглазить: отъ этого ребенокъ начнетъ болѣть, кричать и плакать. Чтобы вылѣчить таковаго заболѣвшаго отъ дурного глаза ребенка, родители обращаются къ знахаркамъ, которыя

и лѣчать его разными напѣптываніями. Также точно можно сглазить и лѣчить отъ глазу и каждое изъ домашнихъ животныхъ.

191. Если звенить въ ухахъ, то это предвѣщаетъ несчастье.

192. Если на комъ штопаютъ платье, то въ это время ему даютъ держать въ зубахъ какую-нибудь деревянную вещь, — иначе онъ можетъ лишиться памяти, или, какъ говорятъ, „защется его счастье.“

193. Когда хвалятъ ребенка, то, чтобы его не сглазить, сплевываютъ въ сторону.

194. Если два лица вымоютъ свои ноги одною и тою же водою и въ одномъ и томъ же тазѣ, то они возненавидятъ другъ друга и впоследствии посорятся.

195. У кого зачешутся ладони, тотъ получить деньги.

196. Если кто-нибудь, идя по дорогѣ, спотыкается о камень, то это значитъ, что въ тотъ моментъ кто-либо упрекнулъ (අප්‍රසාදය) его за что-то.

197. Если дѣвица будетъ вылизывать кислое молоко изъ горшка, обтирая стѣнки его пальцами и облизывая ихъ, то во время ея свадьбы пойдетъ дождь. Если же молодой человѣкъ, съѣвши изъ тарелки всю „любію“ (фасоль), станетъ оближивать самую посуду, то онъ женится на плѣшивой.

198. Когда кто-нибудь затрудняется проглотить разжеванный кусокъ, и послѣдній останавливается у него въ глоткѣ, то это значитъ, что въ это время кто-то его упрекаетъ или поминаетъ лихомъ.

199. Въ семь лѣтъ разъ, ночью, засыпаетъ вода въ родникахъ и ручейкахъ, и если въ это время тайкомъ подѣраться къ ней, — такъ, чтобы она не проснулась, то все, что только будетъ брошено въ спящую воду, превратится въ золото.

200. Если ребенка цѣловать въ шею, то изъ него выйдетъ капризный человѣкъ; если цѣловать ребенка въ задъ, то выйдетъ лѣнтяй, а если—въ подошву ноги, то не скоро научится ходить.

Учитель Телавскаго городского училища *И. Степановъ*.

ГРУЗИНСКІЯ СКАЗКИ.

1. О двухъ братьяхъ: добромъ и зломъ.

У одного царя было два сына. Они не захотѣли больше жить съ отцомъ, потребовали свою долю имущества и отпра- вились въ путь. У каждаго изъ нихъ были съѣстные припа- сы. Вотъ старшій братъ и говоритъ младшему:

— „Послушай, братъ! съѣдимъ прежде твой запасъ, а по- томъ будемъ ѣсть мой.“

Младшій братъ согласился, и, спустя нѣкоторое время, запасъ его весь былъ съѣденъ.

— „Будемъ ѣсть теперь твой запасъ“, сказалъ младшій братъ, проголодавшись, своему старшему брату.

— „Нѣтъ“, отвѣтилъ ему старшій братъ, „дай сперва выколю тебѣ одинъ глазъ, тогда, такъ и быть, накормлю.“

Мучимый голодомъ, онъ согласился заплатить этою цѣ- ною за кусокъ хлѣба. Но этимъ не удовольствовался его же- стокій братъ: онъ лишилъ своего брата и другого глаза и потомъ повинулъ одного на произволь судьбы.

Оставшись слѣпымъ, несчастный шель съ великимъ тру- домъ и, кое-какъ дотащившись до одной полуразрушенной мель- ницы, приютился въ угольѣ. Наступилъ вечеръ. Вотъ прихо- дятъ въ мельницу лиса, волкъ и медвѣдь, садятся одинъ воз- лѣ другого и начинаютъ бесѣдовать. Волкъ говоритъ:

— „Недалеко отъ насъ, вотъ на той полянѣ, пасутся овцы; между ими находится черная овца: если взять у нея печень и намазать глаза слѣпому, то онъ сдѣлается зрячимъ.“

Медвѣдь, въ свою очередь, говоритъ:

— „Вонъ тамъ, у этой мельницы, находится кладъ; вотъ если бы достать его!“

— „Это еще пустяки!“ говорить лиса, „а вотъ здѣсь живетъ мышь, которая днемъ выноситъ на солнце изъ подполья червонцы, а вечеромъ опять уноситъ въ нору.“

Кончили они свою бесѣду и заснули. Слепшой же все слышалъ, что говорили звѣри. На другое утро звѣри ушли, а слѣпой началъ подстерегать мышь, о которой они говорили. И, дѣйствительно, мышь вытащила червонцы, а сама ушла. Слепшой взялъ червонцы и отправился на ту поляну, о которой говорилъ волкъ. Добравшись до поляны, онъ купилъ у пастуха овцу, печень которой, какъ говорилъ волкъ, исцѣляетъ слѣпоту, закололъ ее, вынулъ печень, намазалъ глаза и сдѣлался зрячимъ. Оттуда онъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ, по словамъ медвѣдя, былъ кладъ. Нашедши кладъ, онъ разбогатѣлъ и построилъ тутъ хоромы.

Черезъ нѣсколько времени, вспомнивъ о братѣ, онъ отправился искать его. Вечеромъ онъ пришелъ въ незнакомый городъ и остановился на постояломъ дворѣ переночевать. Оказалось, что здѣсь находился и братъ его, въ качествѣ слуги. Онъ обнялъ своего брата, приказалъ хозяину постоялаго двора одѣть его въ приличную одежду, давъ на это денегъ, и взялъ его къ себѣ домой.

Но зависть къ младшему брату не оставила старшаго брата: узнавъ, какъ его братъ разбогатѣлъ, онъ отправился къ мельницѣ, думая подстеречь мышь, которая вытаскиваетъ червонцы, чтобы разбогатѣть больше брата. Спрятавшись въ уголокъ, онъ услышалъ разговоръ медвѣдя, лисы и волка, когда они пришли, съ наступленіемъ ночи. Волкъ говорилъ:

— „Эхъ, братцы! куда дѣвалась овца, о которой говорилъ я вамъ? я уже давно не видалъ ея.“

— „Я тоже не вижу мыши, выносившей червонцы“, сказала лиса.

— „Да и влада уже нѣтъ“, сказалъ медвѣдь, „а на мѣстѣ его стоять хоромы.“

— „Должно быть, кто-нибудь подслушалъ насъ“, сказала лиса, „а быть-можетъ, и теперь онъ здѣсь. Дай-ка я поищу его!“

Не долго искала лиса: въ одномъ изъ угловъ нашла она завистника, подозвала своихъ товарищей, и они растерзали злого человѣка.

2. Жалоба съ того свѣта.

Жилъ-былъ царь. Онъ очень любилъ свой народъ и смотрѣлъ на него, какъ на своихъ дѣтей. И подданные относились къ нему съ любовью и ничего отъ него не скрывали. Было майское утро. Крестьяне работали на поляхъ; одинъ изъ нихъ нашелъ огромный кувшинъ, наполненный червонцами. Крестьянинъ былъ въ недоумѣннн, что съ кувшиномъ дѣлать. Думалъ, думалъ, и наконецъ, прикрывъ землю кувшинъ, отправился въ царю, которому и объявилъ, что нашелъ кладъ. Государь отправилъ съ мужикомъ визиря, чтобы разслѣдовать дѣло. Спустя немного времени, визирь съ крестьяниномъ дошли до того мѣста, гдѣ былъ кувшинъ. Увидя золото, визирь рѣшился завладѣть имъ и убилъ крестьянина. Предъ смертію крестьянинъ сказалъ убійцѣ:

— „Вотъ ты лишилъ меня и богатства, и жизни; исполни же, по крайней мѣрѣ, мое предсмертное желаніе: поиди къ женѣ моей и скажи ей, чтобы она назвала сыновей-близнецовъ такъ: одного — „о, Боже“, другого — „о, царь.“

Убивъ крестьянина, визирь взялъ золото и отправился. По дорогѣ онъ зашелъ къ женѣ крестьянина и исполнилъ его просьбу. Узнавъ о смерти мужа, она горько плакала, но утѣшенія ни отъ кого не было. Визирь же разбогатѣлъ.

Шли годы за годами: близнецы подрастали. Однажды, по обыкновенію той страны, сдѣлана была сходка; на ней присут-

ствовали всѣ высшія лица въ государствѣ. Тутъ же были и близнецы; они были отгѣснены толпою въ разныя стороны и стали звать другъ друга; одинъ кричалъ другому: „о, Боже!“ а другой— „о, царь!“ Царь услышалъ эти слова и, узнавъ, что таковы были имена близнецовъ, позвалъ ихъ къ себѣ и спросилъ, чьи они сыновья. Близнецы сказали:

— „Мы дѣти одного бѣднаго крестьянина, который нашелъ золото, за что и былъ убитъ визиремъ, желавшимъ завладѣть сокровищемъ.“

Узнавъ объ этомъ, царь припомнилъ, какъ нѣкогда приходилъ къ нему этотъ крестьянинъ, и какъ онъ поручилъ визирю провѣрить слова его о найденномъ кладѣ; царь приказалъ теперь произвести слѣдствіе: визирь оказался виновнымъ и былъ казненъ, а семейство крестьянина было вознаграждено.

Записалъ въ г. Гори со словъ Х. Хорвелашвили воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи
А. Цицани.

3. Дуракъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ одинъ дуракъ. Цѣлый день онъ таскался по дворамъ, выпрашивая милостыню. Этому дураку сильно хотѣлось разбогатѣть, и всякаго онъ спрашивалъ, какъ можно сдѣлать это. Кто-то научилъ его, чтобы онъ ходилъ по улицамъ и кричалъ: „умъ есть, а денегъ нѣтъ!“ и увѣрилъ его, что тогда онъ добьется богатства. Дуракъ обрадовался и тотчасъ послѣдовалъ этому совѣту. Только пользы отъ того не было: всякій, къ кому онъ обращался, билъ и гналъ его. Наконецъ, однажды онъ остановился у большого дома и закричалъ во все горло: „умъ есть, а денегъ нѣтъ!“ На крикъ выглянулъ изъ окна одинъ вупецъ и спросилъ дурака:

— „Голубчикъ, много-ли у тебя ума-то въ головѣ?“

— „Да ума много, а денегъ нѣтъ!“ отвѣтилъ дуракъ.

— „Что же ты сдѣлаешь“, продолжалъ купецъ, „если у тебя будутъ деньги?“

— „Ты давай, если хочешь дать, а что я сдѣлаю, увидишь; только если чрезъ три мѣсяца не возвращу тебѣ вдесятеро, то вели казнить меня!“ сказалъ увѣренно дуракъ.

Купцу понравился этотъ отвѣтъ; онъ далъ дураку четыреста рублей и двухъ верблюдовъ и отправилъ вмѣстѣ съ другими купцами за границу торговать. Дуракъ на прощаньи съ хозяиномъ сказалъ ему:

— „Ты не вѣрь, что-бы ни говорили, ни писали обо мнѣ и моихъ товарахъ, пока не увидишь меня самого“.

Долго купцы, а съ ними и дуракъ, то шли пѣшкомъ, то ѣхали на верблюдахъ и, наконецъ, подошли къ самому морю; купцы оставили дурака у моря стеречь верблюдовъ, а сами поплыли за море; дуракъ согласился на это съ радостью, такъ какъ ему надобно таскаться столько времени. Дуракъ построилъ у моря хату для себя и хлѣвъ для верблюдовъ, приобрѣлъ небольшую лодочку и на ней ватался по морю, когда ему хотѣлось, а, для большей безопасности, привязалъ лодочку веревкой къ берегу.

Разъ, купивши на нѣсколько копеекъ изюму, онъ сталъ ѣсть его и, положивши одну горсть въ ротъ, другую высыпалъ въ воду: множество рыбъ и рыбокъ выплывало на поверхность воды и съ жадностью поглощало изюмъ. Дуракъ обрадовался, что нашелъ занятіе и на другой день купилъ изюму на десять рублей и побросалъ весь изюмъ въ море. На этотъ разъ явилось еще больше рыбъ, что очень обрадовало дурака. Тогда онъ, чтобы доставить больше удовольствія какъ себѣ, такъ и рыбамъ, купилъ изюму на всѣ остальные деньги, высыпалъ его въ море и весело смотрѣлъ на рыбъ всевозможной величины, когда онѣ растаскивали добычу. Послѣ

того, какъ весь изюмъ былъ съѣденъ, „Золотая рыба“, царица всѣхъ рыбъ, сказала другимъ рыбамъ:

— „Такъ какъ этотъ человѣкъ старался доставить вамъ удовольствіе, то и вы должны отплатить ему тѣмъ же: опуститесь на дно моря, захватите драгоценныхъ камней, это сколько можетъ, и выбросьте ему на берегъ!“

Рыбы сейчасъ же разбѣжались во всѣ стороны для исполненія приказанія. Черезъ какихъ-нибудь полчаса на берегу уже находилась огромная куча драгоценныхъ камней.

Увидѣвъ такое несмѣтное богатство, дуракъ чуть съ ума не сошелъ. Пришедши въ себя, онъ сгребъ все и перенесъ въ свое помѣщеніе. Потомъ, купивши нѣсколько возовъ навозу, дуракъ сталъ дѣлать кизяки: бралъ горсть драгоценныхъ камней, клалъ ихъ въ сырой кизякъ и выставлялъ его на солнце для высушки; такихъ кизяковъ дуракъ надѣлалъ 50 вьюковъ; кромѣ того, онъ сдѣлалъ 4 вьюка и простыхъ кизяковъ и сложилъ ихъ отдѣльно.

Когда вьюцы возвратились изъ-за границы, то спросили дурака:

— „Что, дуракъ, дѣлалъ безъ насъ и много-ли денегъ набралъ?“

Дуракъ отвѣтилъ, что на всѣ свои деньги купилъ 54 вьюка кизяковъ. Вьюцы со смѣху животы надорвали, услышавъ о такой покупке. Дуракъ же молчалъ и только думалъ про себя: „я вамъ покажу, какъ смѣяться надо мной“. На другой день вьюцы собрались въ путь на родину. Они навьючили верблюдовъ разными товарами, а дуракъ взялъ свои 54 вьюка кизяковъ. Имъ пришлось переѣзжать черезъ снѣжныя горы. Вьюцы мерзли отъ холода вслѣдствіе неимѣнія дровъ; а дуракъ доставалъ простые кизяки и грѣлся, разводя огонь. Вьюцы просили, чтобы дуракъ удѣлилъ имъ кизяковъ, — давали большія деньги; долго дуракъ оставался равнодушнымъ къ ихъ просьбамъ, но, наконецъ, смиловался: далъ имъ подъ росписку въ

долгъ два вьюка кизяковъ съ тѣмъ, чтобы заплатили ему такими же кизяками. Купцы, выпросивъ у дурака кизяковъ, долго смѣялись: „вотъ ужъ настоящій дуракъ!“ говорили они, „сколько денегъ давали, — не бралъ, а отдалъ за то же количество кизяковъ; поплачетъ его ага (хозяинъ)!“ Дуракъ все терпѣлъ. Приблизившись къ родному городу, они послали гонцовъ увѣдомить о своемъ возвращеніи и, между прочимъ, дали знать хозяину дурака, что тотъ везетъ ему 50 вьюковъ кизяковъ (четыре вьюка простыхъ кизяковъ были употреблены дорогой на топливо). Хозяинъ началъ-было сердиться и горевать, но потомъ, вспомнивъ слова дурака, успокоился. Купцы вѣхали въ городъ торжественно, а дурака всѣ осмѣяли. Дуракъ, какъ бы ничего не замѣчая, пришелъ къ своему хозяину.

— „Ну, сынъ мой, слава Богу, что вижу тебя здоровымъ! что бы ты ни привезъ, я долженъ быть доволенъ, что вижу тебя!“ сказалъ дураку опечаленный хозяинъ.

— „Не горюй, ага! лучше помоги мнѣ снять вьюки, а потомъ посмотримъ и товаръ.“

Сняли вьюки, распоролъ одинъ изъ нихъ и, увы, въ немъ были кизяки!... Хозяинъ уже не могъ удержаться отъ гнѣва и съ горемъ сказалъ:

— „Ты меня осрамилъ! Теперь мнѣ и показаться въ городъ нельзя: всякій будетъ указывать на меня, говоря со смѣхомъ: „вотъ этотъ купецъ покупаетъ заграничный навозъ!“ Будь ты проклятъ за это!“

— „Ну, чего раскричался?!“ возразилъ дуракъ, „на, посмотри сперва, а потомъ плачь, если хочешь!...“

Онъ разломилъ одинъ изъ кизяковъ и показалъ своему хозяину заключавшіеся внутри кизяка алмазы. Купецъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, видя предъ собою блестящіе драгоценные камни.

— „Сынъ мой! хорошо ли я вижу? Дай мнѣ только

«Одинъ такой алмазъ и больше я отъ тебя ничего не хочу!»
воскликнулъ ага.

— „Вотъ видишь, я правъ былъ, когда говорилъ тебѣ, чтобы ты не вѣрилъ никакимъ толкамъ. Весь навозъ такой. И тѣ купцы, виновники твоихъ слезъ, должны мнѣ два вьюка такого навозу! У меня и расписка ихъ есть. Завтра пойдемъ къ царю и потребуемъ, чтобы онъ взыскалъ съ нихъ долгъ.“

На другой день купецъ съ приеащикою отправились къ царю; купецъ дрожащими руками поднесъ царю два кизяка. Царь, увидѣвъ навозъ, бросилъ кизякъ имъ въ лицо.

— „Какъ вы осмѣлились поднести мнѣ такую мерзость!? завтра же велю повѣсить васъ!“ вскричалъ гнѣвно царь.

Брошенные кизяки при паденіи разбились, и изъ нихъ посыпались крупные алмазы. Увидѣвъ высыпавшіяся изъ кизяковъ драгоцѣнные камни, царь сейчасъ же извинился и сталъ подбирать ихъ.

— „Я знаю“, прибавилъ онъ, „вы безъ причины не явились бы ко мнѣ; скажите же, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и я сей же часъ удовлетворю васъ.“

Они изложили царю свою просьбу и представили росписку. Царь приказалъ явиться купцамъ-должникамъ для допроса. Явились купцы, и царь спросилъ ихъ.

— „Правда ли, что вы должны этому человѣку два вьюка кизяковъ?“

— „Повелитель нашъ! „отвѣтили купцы“, стоило-ли изъ-за этого жаловаться? Мы дадимъ ему не два, а сто вьюковъ навозу, если ему нужно!“

— „Нѣтъ, вы не дадите и того, что вы у него взяли!“ сказалъ имъ царь и показалъ свой кизякъ. Они испугались.

— „Нѣтъ, государь, мы такого навозу не получали,“ отвѣтили бѣдные купцы.

Царь показалъ ихъ росписку и велѣлъ завтра же удовлетворить кредитора, подъ угрозою смерти. Несчастные куп-

цы, убитые горемъ, воротились домой. Описали все ихъ имущество, но его не хватило на уплату и половины долга.

Дуракъ, въ счетъ остального долга, заставилъ ихъ въбрать драгоценные камни изъ своихъ пятидесяти вьюковъ навоза и выбросить его, а затѣмъ прогналъ ихъ съ пустыми руками. Послѣ этого купцы пошли съ суммой просить милостыню, а дуракъ зажилъ богачомъ.

Записалъ въ гор. Гори со словъ *С. Гулисашвили* воспитанникъ Закавказской учительской семинарiи *А. Тондзе*.

4. Три брата-царевичи.

Быдо и ничего не было (այդ է ան а҃յդան) ... Былъ одинъ царь. У него было три сына. По смерти отца братья раздѣлили наслѣдство, кромѣ одного золотого, съ алмазнымъ глазкомъ перстня, который укралъ младшій братъ. Начали искать перстень, но не нашли. Братья обвиняли другъ друга въ кражѣ его. Особенно настойчиво обвинялъ въ кражѣ перстня младшій братъ старшихъ и неотступно требовалъ возвращенiя его. Послѣ долгихъ и бесполезныхъ пререканiй, они согласились, для рѣшенiя спора, итти на судъ къ сосѣднему царю.

Былъ полдень, и солнце жгло царевнчей, когда они шли по протоптанной дорожкѣ, среди необозримыхъ полей. Старшій братъ, обратясь къ младшимъ, сказалъ:

— „По этой дорожкѣ шель верблюдъ, навьюченный медомъ и уксусомъ: на одной сторонѣ висѣли мѣхи, наполненные уксусомъ, а на другой сторонѣ—мѣхи съ медомъ.“

На это среднiй братъ замѣтилъ:

— „Этотъ верблюдъ былъ кривой.“

— „На этомъ верблюдѣ сидѣла беременная женщина“, добавилъ младшiй братъ.

Послѣ этой краткой бесѣды они продолжали свой путь. Ихъ встрѣтилъ какой-то татаринъ, который спросилъ ихъ, не видали-ли они его верблюда. Братья отвѣтили, что они видѣть-то никакого верблюда не видѣли, но имъ извѣстно, что по этой дорогѣ шель кривой верблюдъ, навьюченный медомъ и уксусомъ, и что на немъ сидѣла беременная женщина. Татаринъ сталъ тогда обвинять ихъ въ кражѣ верблюда и требовалъ на судъ къ царю. Они согласились, и всѣ четверо пошли къ царю. Татаринъ принесъ жалобу на царевичей. Царь обвинилъ-было ихъ и приказалъ имъ заплатить татарину по сроку рублей. Но они стали оправдываться. Тогда царь спросилъ ихъ:

— „Если вы не видѣли и не укралъ принадлежащаго ему верблюда, то откуда же знаете, что онъ былъ кривой, что онъ былъ навьюченъ медомъ и уксусомъ, и что на немъ сидѣла беременная женщина?“

Старшій изъ братьевъ отвѣтилъ царю:

— „Я узналъ, что верблюдъ этотъ навьюченъ былъ медомъ и уксусомъ потому, что по дорогѣ видны были слѣды верблюда, и съ одной стороны этихъ слѣдовъ виднѣлись капли меду, окруженныя муравьями, а съ другой стороны дороги трава тамъ и сямъ была выжжена, по моему мнѣнію, уксусомъ.“

Средній братъ съ своей стороны прибавилъ:

— „Что верблюдъ былъ кривой, я заключилъ изъ того, что, проходя по дорогѣ, онъ щипалъ траву только съ одной стороны, а на другой сторонѣ трава осталась нетронутой.“

— „Что на этомъ верблюдѣ сидѣла беременная женщина,“ сказалъ младшій братъ, „я заключилъ изъ того, что, когда она слѣзла у рѣчки съ верблюда и, нагнувшись, пила воду, то отъ живота ея на илѣ остался слѣдъ.“

Царь послѣ такихъ объясненій оправдалъ братьевъ. Тогда они попросили царя разрѣшить и ихъ споръ. Царь, вы-

слушавъ ихъ, обѣщалъ исполнить это въ другое время и отвелъ имъ комнаты для житья, а самъ не зналъ, какъ выйти изъ затрудненія: если бы онъ не разрѣшилъ ихъ спора, то слава о его мудрости умалилась бы. Желая вывѣдать хоть что-нибудь для рѣшенія спорнаго вопроса, онъ приказалъ слугѣ слѣдить за юношами и доносить ему о всемъ, что ни скажутъ они. На ужинъ царь прислалъ имъ жаренаго барана, хлѣба и три тунги кахетинскаго вина. Старшій братъ, взглянувъ на мясо, сказалъ:

— „Братья, я не могу ѣсть мяса этого барана, ибо онъ выкормленъ собачьимъ молокомъ.“

Средній братъ сказалъ на это:

— „А я не могу ѣсть этого хлѣба, ибо онъ смѣшанъ съ человѣческой кровью.“

Младшій же братъ воскликнулъ:

— „Братья, этотъ, царь, оказывается, незаконнорожденный!“

Этотъ разговоръ братьевъ слуга передалъ царю. Царь тотчасъ призвалъ пастуха и спросилъ его:

— „Какимъ молокомъ выкормленъ былъ баранъ, котораго вчера зарѣзали?“

— „Повелитель мой, онъ былъ откормленъ собачьимъ молокомъ“, отвѣтилъ пастухъ.

— „Твой хлѣбъ былъ смѣшанъ съ человѣческой кровью?“ спросилъ царь земледѣльца, призвавъ и его къ себѣ.

— „Да, государь! Наши поля съ полями сосѣдняго селенія орошаются однимъ ручьемъ. Въ прошломъ году, во время засухи, мы изъ-за воды подрались съ жителями того селенія; эта драка происходила на моемъ полѣ, и на немъ пролилось много человѣческой крови. Почва, такимъ образомъ орошенная, произвела этотъ хлѣбъ.“

Послѣ этого царь спросилъ свою мать:

— „Мать, кто мой отецъ? Если правды не скажешь, то я убью тебя.“

— „Сынъ мой, выйдя замужь, я долгое время оставалась бездѣтною и, чтобы такую не умереть, вступила въ тайную связь съ нашимъ мельникомъ, у котораго было много сыновей, и отъ этого сожителства родился ты“, отвѣчала мать.

Отвѣтами матери, пастуха и земледѣльца царь былъ озадаченъ: онъ дивился мудрости юношей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся, что они, не получивъ разумнаго рѣшенія своего дѣла, будутъ порицать его. Но, къ счастью для царя, на помощь ему явилась дочь, взявшаяся разрѣшить споръ братьевъ. Она пошла на ужинъ къ юношамъ. Послѣ ужина царевна предложила имъ для развлечения рассказать ей какую-нибудь сказку. Они отказались, ссылаясь на то, что не знаютъ сказокъ. Тогда она сама разсказала имъ слѣдующую сказку:

— „Была одна дѣвица. Она влюбилась въ одного молодого человѣка, который, въ свою очередь, полюбилъ ее. Она повѣлялась ему Богомъ, что первое ложе раздѣлитъ съ нимъ. Но, по волѣ своихъ родителей, она вынуждена была выйти замужь за другого. Послѣ вѣнчанія, когда женихъ и невѣста возвращались домой, она открылась во всемъ мужу и просила его не дѣлать ее клятвopеступницею. Онъ согласился и отпустилъ ее. Дѣвица пришла къ своему возлюбленному и разсказала ему все. Онъ поцѣловалъ ее и сказалъ:

— „Съ этого времени ты мнѣ—сестра, а я—братъ твой“, и отпустилъ ее.

На дорогѣ на нее напали разбойники, но, выслушавъ ее, также отпустили невредимой.

Окончивъ сказку, царевна обратилась къ братьямъ съ вопросомъ:

— „Кто же изъ нихъ болѣе достоинъ похвалы: мужъ-ли, возлюбленный-ли, или разбойники?“

Старшій отвѣтилъ, что болѣе достоинъ хвалы мужъ; средній назвалъ возлюбленнаго, а младшій—разбойниковъ, добавивъ, что нужно имѣть большое терпѣнiе, чтобы отказать-

ся отъ такой поживы. Тогда, по приказанію царевны, младшаго брата обыскали и нашли у него пропавшій перстень.

Записаль въ гор. Гори, со словъ *С. Гулишвили*, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Н. Джинашія*.

5. О царевичѣ и змѣѣ.

Въ одномъ городѣ царствовалъ добрый и умный царь. У царя было два сына. Однажды царь занемогъ и, призвавъ своихъ сыновей, благословилъ ихъ и далъ имъ наставленія: старшему онъ завѣщалъ все государство, а младшему далъ только кожаный мѣшокъ и рогъ, которымъ пьютъ вино.

Вскорѣ царь умеръ, а старшій сынъ его вступилъ на престолъ. Младшій братъ не захотѣлъ оставаться на родинѣ; онъ отправился, куда глаза глядятъ, не забывъ захватить съ собою бутылку вина, хлѣба и немного денегъ на всякій случай; деньги онъ всыпалъ въ свой кожаный мѣшокъ. Къ вечеру царевичъ добрелъ до лѣса и рѣшился тутъ отдохнуть. Свинувъ мѣшокъ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что тотъ полонъ денегъ. Царевичъ догадался, что мѣшокъ имѣетъ свойство наполняться деньгами, лишь только всыплешь въ него немного денегъ. Узнавъ свойство мѣшка, царевичъ захотѣлъ узнать и свойство рога; онъ налилъ въ рогъ вина, и, какъ только выпилъ его, вдругъ появился змѣй, который, павъ предъ нимъ ницъ, ждалъ приказаній. Царевичъ догадался, что змѣй подчиняется владѣльцу рога, и велѣлъ ему перенести себя къ какому-либо городу. Змѣй поднялъ его на воздухъ и скоро опустился съ нимъ на краю незнакомаго города.

Послѣ этого царевичъ отпустилъ змѣя, а самъ направился къ ветхой избушкѣ, стоявшей на окраинѣ города. Онъ постучался, и къ нему вышла старушка, одѣтая въ лохмотья. Царевичъ попросился къ ней на ночлегъ. Старушка согласи-

лась и ввела его въ убогую комнату, гдѣ, накрывъ столъ и положивъ на него нѣсколько кусковъ хлѣба (она была нищая), пригласила его поужинать. Царевичъ, видя это, далъ ей немного денегъ, на которыя она купила разной провизіи для ужина. Проведши у старушки нѣсколько дней, царевичъ полюбилъ ее; она тоже привязалась къ своему гостю; тогда царевичъ остался у нея навсегда и назвалъ ее матерью, она же назвала его сыномъ. Царевичъ съ помощью своего мѣшва собралъ много денегъ и купилъ въ городѣ, близъ царскаго дворца, пустое мѣсто, гдѣ выстроилъ такія палаты, что самъ царь этого города сталъ завидовать ему.

У царя была дочь-красавица; она полюбилась царевичу, и онъ сталъ просить у царя ея руки. Царь согласился выдать за него свою дочь, если онъ въ теченіе трехъ сутокъ исполнить три порученія: построить вокругъ города каменные стѣны, насадить прекрасный садъ и построить зданіе отъ дворца царскаго до дома царевича, чтобы царевна могла пройти въ послѣдній, не выходя на улицу. Давая эти порученія, царь былъ увѣренъ, что царевичъ не сможетъ исполнить всего этого: онъ еще не зналъ происхожденія царевича, и ему непріятно было выдавать дочь свою за своего подданнаго. Царевичъ, однако, согласился исполнить порученія царя.

По наступленіи вечера, царевичъ выпилъ вина изъ рога, и, когда къ нему явился змѣй, передалъ ему порученія царя и просилъ исполнить ихъ. Змѣй обѣщалъ все сдѣлать и улѣтѣлъ, а царевичъ спокойно заснулъ. На другой день онъ увидѣлъ вокругъ города крѣпкія стѣны и пошелъ доложить царю, который, осмотрѣвъ ихъ, остался очень доволенъ. На слѣдующее утро царевичъ увидѣлъ такой садъ, какого онъ еще никогда не видывалъ. Царь, узнавъ объ этомъ, смутился, такъ какъ онъ не намѣренъ былъ выдавать свою дочь за царевича, и, когда, на третье утро, увидѣлъ и требуемое зданіе, рѣшился погубить его. Онъ позвалъ царевича къ себѣ на пиръ и,

когда тотъ опьянѣлъ, спросилъ его, какимъ образомъ онъ исполняетъ такія трудныя порученія. Царевичъ, ничего не подозрѣвая, вынулъ рогъ, который всегда носилъ съ собою, и объяснилъ его свойство. Послѣ этого, когда царевичъ отъ сильнаго опьянѣнія заснулъ, царь, отобравъ у него рогъ, выпилъ изъ него вина и приказалъ явившемуся змѣю унести царевича и бросить въ море. Змѣй поднялъ царевича, но не посмѣлъ бросить его въ море, а отнесъ на одинъ необитаемый островъ.

Проснувшись на этомъ островѣ, царевичъ очень удивился, что очутился тамъ; но, когда не нашелъ въ карманѣ рога, все понялъ. Скоро онъ почувствовалъ голодъ и, отыскивая пищи, набрелъ на финиковое дерево, плодами котораго и утолил свой голодъ. Но какъ-только онъ съѣлъ нѣсколько плодовъ, у него сталъ расти рогъ и чрезъ нѣсколько дней достигъ такихъ размѣровъ, что царевичъ не могъ больше ходить и, мучимый голодомъ, вынужденъ былъ ползкомъ отыскивать себѣ пищу. Такъ онъ добрался до другого финиковаго дерева, съ болѣе мелкими плодами, и когда съѣлъ одинъ изъ нихъ, то рогъ его вдругъ отпалъ. Избавившись отъ рога, царевичъ сталъ помышлять о возвращеніи на материкъ и о мести: онъ снялъ съ дерева кору и сдѣлалъ челнъ; потомъ, захвативъ одинъ большой финикъ и нѣсколько малыхъ, съѣлъ въ челнѣ и поплылъ къ матерiku, котораго и достигъ скоро.

Въ отсутствіе царевича царь рѣшился выдать свою дочь за сосѣдняго царя, но царевна не хотѣла выходить за него замужъ, такъ-какъ она любила царевича. Мѣжду тѣмъ царевичъ достигъ города вѣроломнаго царя и явился къ своей названной матери, которая, считая его погибшимъ, носила по немъ трауръ. Она обрадовалась его появленію. Прибывъ домой, царевичъ отъ имени пріѣзжаго купца послалъ царю большой финиковый плодъ въ подарокъ. Царь принялъ даръ, дивился необыкновенной величинѣ финика и, ничего не подозрѣвая,

съѣлъ его. Но тотчасъ же у него сталъ расти рогъ, который скоро такъ увеличился, что грозилъ раздавить ему голову. Никто не могъ помочь царю. Тогда явился во дворецъ царевичъ и обѣщалъ освободить царя отъ его рога, если тотъ выдастъ за него дочь и отдастъ чудесный рогъ. Царь принялъ эти условія и далъ клятву, что выдастъ за царевича свою дочь, а чудный рогъ отдалъ тотчасъ же. Царевичъ тогда велѣлъ ему съѣсть нѣсколько мелкихъ финиковъ, и рогъ отпалъ.

На другой день сыграли свадьбу. Въ царскихъ палатахъ собралось множество гостей. Столы ломились подъ яствами. Въ разгаръ пира царевичъ объявилъ, кто онъ-такой; въ это-же время пришла вѣсть, что братъ царевича умеръ бездѣтнымъ, завѣщавъ ему престолъ. Вслѣдъ за этой вѣстью пришла и другая, — что сосѣдній царь, за котораго не вышла царевна, идетъ на ея отца войною. Царь очень испугался-было, но царевичъ всѣхъ успокоилъ и, призвавъ змѣя, велѣлъ ему уничтожить враговъ, что и было немедленно исполнено. Послѣ этого царевичъ съ женою и названною матерью поѣхалъ въ свое царство и царствовалъ тамъ долго и счастливо.

Сообщилъ воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Абовяницъ*.

6. Сказка о сынѣ царскаго служителя.

Жилъ одинъ царь. У него былъ старый слуга, имѣвшій красиваго взрослого сына. Однажды царь отправился обозрѣвать свое государство, а царица осталась одна. Тѣмъ временемъ старый слуга умеръ и оставилъ своему сыну въ наслѣдство одну только табакерку. Отдавая ее, онъ сказалъ:

— „Береги, сынъ мой, эту табакерку и положи ее предъ собой тогда, когда будешь въ большомъ затрудненіи, — она тебѣ поможетъ.“

По смерти стараго слуги, должность его перешла къ сыну. Во время путешествія царя, супруга его пожелала, чтобы новый слуга сдѣлался ея мужемъ. Когда онъ на это не согласился, царица разгнѣвалась и, по возвращеніи царя, желая отомстить слугѣ, сказала царю, будто онъ хотѣлъ насильно жениться на ней. Царь, услыхавъ это, рѣшилъ казнить виновнаго и послалъ палачу приказъ, чтобы онъ казнилъ того царскаго посла, который первымъ къ нему явится, а второму отдастъ голову казненнаго. Приговоренный къ смертной казни слуга, идя къ палачу, зашелъ въ церковь помолиться Богу. Между тѣмъ царь вскорѣ по уходѣ его послалъ другого слугу къ палачу за головою казненнаго, и такъ-какъ онъ явился первымъ, то палачъ, согласно приказанію царя, снялъ съ него голову, а когда, чрезъ нѣсколько времени, явился къ палачу юноша, осужденный на казнь, палачъ отдастъ ему отрубленную голову. Когда онъ принесъ царю голову казненнаго и разсказалъ, какъ было дѣло, то царь удивился этому и хотѣлъ-было простить его, но жена настояла, чтобы онъ выгналъ его изъ царства.

Долго онъ шелъ и, наконецъ, достигъ одного государства, въ которомъ царствовала женщина. Онъ здѣсь узналъ, что царица объявила свое намѣреніе выйти замужъ только за того, кто сумѣетъ заставить ее отвѣтить на три вопроса въ продолженіе трехъ сутокъ; въ случаѣ же неудачи, смѣльчака ожидала смерть. Къ ней уже пріѣзжало много царевичей и молодыхъ князей, но никто не возбудилъ въ ней интереса своими вопросами; отрубленныхъ головъ набралось столько, что изъ нихъ былъ построенъ цѣлый дворецъ.

Захотѣлось изгнанному слугѣ тоже попытать счастья. Вотъ онъ приходитъ къ царицѣ; она его усадила съ собою, и онъ началъ говорить; но всѣ его усилія заинтересовать ее разговорами были напрасны. Прошло такъ три дня и подошла къ концу уже и третья ночь. Слуги наточили и пригото-

вили шапку. Несчастнй юноша потерялъ уже всякую надежду, но, вспомнивъ завѣщаніе отца, вынулъ табакерку и положилъ предъ собою. Табакерка открылась, а изъ нея высочили мячикъ и два подсвѣчника съ горящими свѣчами. Мячикъ завертѣлся и вдругъ заговорилъ:

— „Къ одному женатому человѣку пришелъ вечеромъ гость; хозяинъ пошелъ въ духанъ, чтобы купить тамъ чего-нибудь для угощенія. Въ духанѣ оказались разбойники, которые отсѣкли ему голову. Жена съ гостемъ долго ждали его. Наконецъ, гость пошелъ въ духанъ узнать, что случилось съ нимъ. Ему тоже разбойники отсѣкли голову, а сами ушли. Жена, не дождавшись ни мужа, ни гостя, пошла въ духанъ и, увидѣвши ихъ обезглавленными, стала прикладывать отрубленныя головы къ туловищамъ, но, второпяхъ, голову гостя положила къ плечамъ мужа, а голову мужа къ плечамъ гостя. Мужъ и гость ожили. Кто изъ нихъ долженъ быть ея мужемъ?“

— „Мужемъ ея долженъ быть тотъ, у кого голова мужа,“ отвѣтилъ первый подсвѣчникъ, „потому-что голова есть главная часть тѣла.“

Тотъ же самое подтвердилъ и второй подсвѣчникъ. Тогда царица воскликнула:

— „Вотъ еще глупости! Вѣдь тѣло больше головы въ нѣсколько разъ, а потому мужемъ ея долженъ быть тотъ, у кого тѣло мужа.“

— „Это—разъ!“ закричалъ мячикъ и, повертвшись немного, продолжалъ:

— „Однажды должны были дежурить по очереди плотникъ, портной и священникъ,—каждый по одной недѣлѣ. Плотникъ на своемъ дежурствѣ, отъ скуки, сдѣлалъ деревяннаго человѣка; портной сшилъ для него красивую одежду, а священникъ въ свое дежурство горячими молитвами оживилъ деревяннаго человѣка. Кому изъ нихъ долженъ принадлежать этотъ человѣкъ?“

Первый подсвѣчникъ сказалъ, что человѣкъ долженъ принадлежать священнику, потому-что онъ оживилъ его; второй подсвѣчникъ сказалъ, что онъ долженъ принадлежать портному, потому-что портной сдѣлалъ для него красивую одежду. Тогда царица, снова воскликнула:

— „Это глупости! Онъ долженъ принадлежать плотнику, потому-что онъ его сдѣлалъ.“

— „Это—второй разъ!“ закричалъ мячикъ и опять, покрутившись на воздухѣ, началъ говорить:

— „У одного человѣка было такое зеркало, въ которомъ видно было, что дѣлается за нѣсколько тысячъ верстъ; у другого былъ такой коверъ, что въ минуту онъ могъ пролетать на немъ по двадцати-пяти верстъ, а у третьяго человѣка было такое лѣкарство, которымъ можно было воскресить умершаго, даже чрезъ недѣлю послѣ смерти. И вотъ первый человѣкъ увидѣлъ въ зеркалѣ, что за нѣсколько тысячъ верстъ хоронятъ царскаго сына. Тогда они втроемъ сѣли на волшебный коверъ и полетѣли въ ту страну, гдѣ хоронили царевича. Они прилетѣли какъ-разъ въ то время, когда мертваго хотѣли уже опустить въ могилу. По ихъ просьбѣ, остановили похороны, и обладатель лѣкарства воскресилъ имъ царскаго сына. Отецъ ожившаго царевича очень обрадовался и подарилъ имъ много добра. Они раздѣлили дары поровну; но справедливо-ли это?“

Первый подсвѣчникъ сказалъ, что больше долженъ получить обладатель лѣкарства, потому-что онъ воскресилъ царевича. Второй подсвѣчникъ сказалъ, что больше долженъ получить обладатель волшебнаго ковра, потому-что безъ него они не прилетѣли-бы во-время. Царица въ третій разъ воскликнула:

— „Ахъ, какъ это глупо! Конечно долженъ получить больше всѣхъ тотъ, кто увидѣлъ въ зеркалѣ умершаго царевича!“

— „Это—третій разъ!“ закричалъ мячикъ и спрятался въ табакерку; свѣчи потухли и тоже спрятались. Въ это время разсвѣло. Слуга принесъ пашку, но царевна прогнала его, а на другой день устроила свадебный пиръ на весь міръ.

Записаль, со словъ жителя села Калаури, Телавскаго уѣзда, *З. Зурабова*, ученикъ Кутаисскаго городского училища *А. Козодаевъ*.

КАРТВЕЛЬСКІЯ ПѢСНИ.

Рачинцы *), какъ и другіе картвельскіе народы, жившіе въ долинахъ рр. Ріона и Куры, много испытали горя отъ своихъ враговъ: осетинъ, свановъ, лезгинъ, турокъ и др. Нѣкоторые моменты борьбы отразились и въ пѣсняхъ рачинцевъ.

Эти историческія пѣсни поются жителями Рачи больше въ праздничные дни. Каждая отдѣльная пѣсня имѣетъ свой особый напѣвъ. Пѣніе ихъ сопровождается хороводомъ, который бываетъ двухъ родовъ: одинъ называется *ჟუბხისი* или *ჟუბხული* (перхиса или перхули), а другой—*წამოდგოლა* (цѣномдзгола). „Перхиса“ устраивается такъ: изъ числа собравшихся выступаютъ нѣсколько мужчинъ, лучшихъ пѣвцовъ; они берутъ другъ друга за поясъ, а у кого пояса нѣтъ,—за шею, и составивъ, такимъ образомъ, цѣпь, начинаютъ пѣть на мѣстѣ же сначала первую фразу пѣсни, причемъ одинъ изъ нихъ запѣваетъ, другой подтягиваетъ ему, а остальные, сколько бы ни было ихъ, тянутъ басовую ноту. Составляется одновременно и другой хороводъ изъ женщинъ, а если онѣ не желаютъ, то изъ мужчинъ, и становится противъ перваго; хоры поютъ попеременно: по окончаніи первымъ хороводомъ первой фразы, начинаютъ пѣть ту же фразу пѣвцы второго хоровода; затѣмъ, первый хоръ поетъ вторую фразу пѣсни, а потомъ и второй хоръ повторяетъ тоже самое; такъ послѣдній

*) Изъ предлагаемыхъ пѣсенъ первыя девять записаны въ Рачѣ помощникомъ смотрителя Рачинскаго Михайловскаго училища священ. *Н. Миндели*, а послѣднія три—въ Озургетскомъ уѣздѣ учителемъ Микель-Габріельскаго училища *Ө. Каландарашвили*. *Ред.*

хоръ повторяетъ каждую фразу, пропѣтую первымъ хоромъ, пока не окончатся пѣсня или пока не разстроится хороводъ. Пропѣвъ двѣ или три начальныя фразы, оба хора съ пѣніемъ приближаются другъ къ другу и составляютъ общій кругъ; продолжая пѣть по-прежнему, этотъ кругъ начинаетъ хороводную пляску, двигаясь съ лѣвой стороны направо (ᠮᠣᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠭᠤ — цагма). Причемъ стройныя движенія ногъ и жесты выдѣляются одновременно всѣми, въ тактъ пѣсни. Пѣвчіе въ хороводѣ движутся сначала медленно, попеременно ступая то впередь-направо, то назадь-влѣво; такъ какъ шаги, дѣлаемые вправо бывають больше, чѣмъ дѣлаемые назадъ, то хороводъ постепенно двигается вправо. Какъ пѣніе такъ и движеніе къ концу постепенно ускоряется.

Весь успѣхъ хоровода зависитъ отъ точнаго ритма и въ пѣніи, и въ движеніяхъ. ¡Случись въ хороводѣ хоть одинъ неопытный, не умѣющій хороводной пляски, и всякая стройность будетъ потеряна. Хороводнымъ пѣснямъ и пляскѣ выучиваются еще съ дѣтства. Всегда въ срединѣ хоровода, обыкновенно, стоятъ дѣти обоого пола: они внимательно прислушиваются къ пѣснямъ и присматриваются къ движеніямъ пѣвцовъ.

„Цинмодзгола“ (ᠴᠢᠨᠮᠣᠳᠵᠣᠭᠣᠯᠠ) состоитъ въ слѣдующемъ.— Къ одному изъ мужчинъ, твердо знающему и текстъ исторической пѣсни, и ея напѣвъ, прицѣпляются, одинъ за другимъ другіе мужчины, держа другъ друга сзади за пояса, за мужчинами прицѣпляются иногда и женщины. При этомъ передній мужчина, называемый ᠴᠢᠨᠮᠣᠳᠵᠣᠭᠣᠯᠠ (цинмодзголи), передній вожакъ, запѣваетъ одну изъ историческихъ пѣсенъ; второй за нимъ подтягиваетъ ему, а остальные тянутъ басовую ноту. Цинмодзголи поетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пляшетъ, выдѣлявая разныя тѣлдвиженія, то кружится на одномъ мѣстѣ и окружаетъ себя цѣпью, примкнувшею къ нему, образуя изъ нея спираль, то вытягиваетъ цѣпь въ прямую линію, то заставляетъ ее извиваться вродѣ змѣи, то обходитъ

вокругъ разныхъ предметовъ; при этомъ онъ, какъ предводитель, держитъ въ одной рукѣ палку съ привязаннымъ къ ней краснымъ платкомъ, изображающимъ военное знамя. При „динмодзгола“, какъ и при хороводѣ „перхиса“, пѣсни поются въ два хора: каждая фраза пѣсни поется прежде предводителемъ и его хоромъ, затѣмъ та же фраза поется вторымъ хоромъ, составляющимъ одну общую цѣпь съ переднимъ хоромъ.

Печатаемый далѣе грузинскій текстъ пѣсенъ снабженъ переводомъ, который мѣстами, при затруднительности точнаго перевода, замѣняется пересказомъ содержанія пѣсни.

1-ая пѣсня.

Въ Дигоріи *) везири Баде-лидзе предварительно стали совѣтоваться о томъ, какой изъ подвластныхъ имъ горскихъ народовъ славнѣе или храбрѣе другихъ, и какое мѣсто выбрать для битвы. Храбрѣйшимъ народомъ признаны были гебцы **), а мѣстомъ битвы избрано Кинтришо ***). Прибывъ въ Кинтришо, тамъ встрѣтили путь „водянистый“ (болотистый) и песчаный, поля травянистыя. Здѣсь встрѣчаютъ ихъ умный и

დიგორისა დასსდენ კეზინნი
რბეული ბადელუანი.
დასსდენ და ივეზირებდენ.
მათ გამორჩევა შეეჭნა:
მთანი და მთანი სსწონეს —
ღები გეყავს სსხელუანი.
ანბიეს, გამორჩიეს
სამძობათ კინტრიშუანი.
კინტრიშოს რომ ჩამოვიდენ,
გზანი დაუსხდათ წყლიანი,
წყლიანი, ქვიშნარუანი,
მინდარი ბადასუანი.
წინ კაცი შემოეყავათ
ჭკუიანი და სვიანი,
რომელს გავნია ჭკვიანო:
„ღმერთმა იცოდეს, მეწუინს
თქვენი ღებისა ზიანი:
ღები დასწკეს და დასდაკეს,
აღარ გაუშკეს ფთიანი“.

*) Дигорія—по верховьямъ р. Уруха.

**) Геби—село въ Рачинскомъ уѣздѣ, на р. Рионѣ.

***) Также селеніе въ Рачинскомъ уѣздѣ.

степенный человекъ, по имени Гагнйа, со словами:

— „Пусть знаетъ Богъ, какъ мнѣ неприятна была гибель вашего Геби: его сожгли до тла, не оставивъ нигдѣ и пернатога“.

Послѣ этихъ словъ онъ быстро вернулся домой, какъ крылатый сово́ль, поднялся на вершину башни и громко сталъ кричать:

— „Парни! будьте осторожны, — дѣло измѣнительское“ *).

„Настала поведѣльница, — утро солнечное; слышался шумъ войска. Съ запада прибылъ наряженный Джапаридзе, съ нимъ прибыли Гамбрелидзеы. Хвалятъ Гамбрелидзе, по имени Иесе: онъ одолевъ русскою саблей; кровью запачканъ ея обухъ. Враги стали отступать, перебѣжали за горы и лѣса. За ними побѣдители стали кричать:

— „Погодите, осетины, кто изъ васъ зачинщики (храбрые)! Лучше было-бы тебѣ, Джалхетишвили **), если бы ты не нападалъ на Геби! ты бравовалъ тебѣвихъ парней; иди же те-

ფიცხლავ შინისკენ გაბრუნდა, ვით შეკარდენი ფთიანი; ციხის თავზე შევიდა, მალლა დანიწყო ხშიანი:

„კაჟებო! ფრთხილათ იყავით, საჟმეს ღაღატუნანი“.

ორშაფათ დილა გათენდა, დილა გათენდა მზიანი; ღაშკარას გახდა ხშიანი.

ქვემოთით გაცი მოვიდა შეკაზმულ ჯაფარუნანი, მას მოჰყვა გამყრელუნანი.

გამყრელიძეს აჟებენ, რომელს იესე ჰქვიანო:

რუსული რხმალით გასტყეს, სისხლი ეუფას სცხიანო.

უკან დაწვეს შეიქნა:

გადარიბინეს გელ-მთანი;

ოსებო! შემოგვიცადეთ, ვინცა ხარ ვინვილუნანი.

გიჟობდა, ჯალხეთიშვილო, არ მოხტომოდე ღებსაო;

ღებურ ბიჭებს სწუნობდით! მოდი, დასედე მკვდრებსაო:

სამარე გედარ უშოვნეს, ღორის ნათხარში ჰყრიანო.

*) Нарумень миръ.

**) Осетинъ.

перь, — посмотри на мертвых: по
немѣнню могиль, ихъ бросаютъ
въ яму, вырытую свиньями.“

2-ая пѣсня.

„Церетели пригласилъ турец-
кія и татарскія войска. Выѣ-
халъ Джатилуа Серескели.
Прибывъ въ Хетубани, тутъ
сталъ стрѣлять огнемъ; подошед-
ши къ Альской церевѣ *), о-
кружилъ себя войскомъ. Въ ту
ночь онъ видѣлъ сонъ о себѣ:
предстояло пройти большой путь,
все по ущельямъ и труднымъ
дорогамъ; приходилось переби-
раться чрезъ Контохскій пе-
ревалъ. Перешелъ Контохи (весь
хребетъ). И трудная это дорога!
Лошадь вязла въ грязи, которая
заставляла ее закрывать глаза.

Схвава село хорошее, есть
тамъ горный перевалъ. Насталъ
понедѣльникъ. Снѣгъ загоро-
дилъ намъ путь; мы потеряли
предводителя, не нашли его слѣ-
да. Предводителя нашего рани-
ли пулею изъ ружья; мы пе-
ревязали ему руку поясомъ. О-
грабивъ село Схаву и обойдя

*) Али—село въ Горійскомъ уѣздѣ, къ
сѣверу отъ Сурама. По близости есть раз-
валины, сохранившія названія крѣпости и
города Али.

წერეთელმა დაიბარა ოსმანს *) და
თათრის ჯარსი.

წამოვიდა, წამოვიდა, ჯატოლუა
სერესკელი.

ხეთ-უბანში რომ მოვიდა, იქ შე-
უარს გეტხლის ალი.

აღის სასტარზე მივიდა, იქ შამო-
ინგია ჯარსი.

იმღამეს სიზმარი ნახს, სიზმარი
თავის თავისა:

გზა ბეკრი ქონდა სავალი—სულ
სევი და ზვი გზანი,

კონტოხი გადასავალი.

კონტოხი გადმოიარა, სულ სერი
და ზვი გზანი.

ტხენი ტალახში ეფლადა, ფიტხ-
ლად ახუჭვია თვალსი.

სხვაკა კარგი სოფელია, მთა არის
გადასავალი.

არშეთათ დილა გათენდა, თოვლმა
მოკვიჭინა გზანი.

წინამძღვარი დაგვეკარგა, კვლარ
მოუძიეთ კვალი.

(წინამძღვარსა თოფი გვიკუნს
სარტლით შეუხსვიეთ მკლავი.

სხვაკა რომ დავითარქმეთ—სულ
*) Правильнѣе османло (осман),
Турцию.

всѣхъ двѣушекъ и молодыхъ въ немъ, оглянулись, идетъ войско въ два-три ряда. Шибко ѣдетъ Одишели, держа въ рукѣ поводья. Мы смѣшались съ ними безъ страха. Земля тряслась. Кто изъ нихъ (воиновъ Одишели) успѣлъ, сѣли на лошадей и быстро поскакали по подъему. Мусайль *) кричитъ за ними: — „Кто изъ васъ, парни, воинъ хорошій?“

Ардалъ вбѣжалъ въ домъ и ерѣпко притворилъ дверь. Двѣнадцать дней провелъ въ немъ, а на тринадцатый сдѣлали ему насиліе (т. е. вывели силой). Когда Ардалъ выбѣжалъ, была жестокая битва; такъ онъ храбро сталъ сражаться, что совсѣмъ разсѣялъ (непріятельское) войско.

*) Мусайль — турокъ, союзникъ Церетели.

გოგო და პატარძალი, მივიხედეთ) *).

მივიხედეთ, მოვიხედეთ: ორ-სამშინად მოდის ჯარი.

ოდიშელი ფიცხლად მოდის, ხელში უჭირავს ღაჯამი.

უშიშრათ ჩაკერიეთუე, მიწას გაქჷონდა ძანძალი.

გინტ რომ მოასწრო, ცხენს უეჭდა, ზედ საბინას ეუფარი **).

მუსაილა მოიძახის: „გინ ხარ, ბიჭო, მეომარი?“

არდალა სახლში შეკარდა, მაგრა მოხურა კარი.

თორმეტი დღე გათია, მეცამეტეს უეწეს ძალი.

არდალა რომ გამოვიდა, ჯარს ეხვია ცეცხლის ალი.

ერთი მისთანა დაბრუნდა, სულ მთლათ დაახნია ჯარი.

*) Нѣкоторые опускаютъ поставленные въ скобкахъ слова.

**) Здѣсь нѣкоторые прибавляютъ: «არდალას წააცალა ზარბაზანმა ცალი მკლავი».

„Т. е.: у Ардала пушкой оторвало одну руку.“

3-ья пѣсня.

Двинулся великій султанъ,
глава всей Сванетіи.

Въ Лешкети вступало черное
войско свановъ.

в. XIX отд. II.

დიდი აიძრა სულთანნი, სულს სვანეთის თავიო.

ლეშკეთსა შემოდიოდა შავი სვანისა ჯარით.

Въ Эцери послали челоуѣка съ просьбою: „помоги твоею силою“.

Эцери и Ушкули *) составили большое войско.

Прибывъ въ Брилитскую равнину, расположились тутъ.

Выпили по „матарѣ“, приобщились св. тайнъ.

Нельзя было насмотрѣться на брони, панцири, которые они надѣли.

Прошли по верхней части Теврешо, село хорошее.

Достигши до верхней части Холи, помолились Спасителю.

Принесли Ему въ жертву рыжаго съ бѣлыми рогами быка.

Богоматери пожертвовали барана съ завитыми рогами.

Чиора **), верхнее предмѣстье нижележащаго города, хорошее село.

Съ верхнихъ воротъ приступило къ нему черное войско свановъ, а чрезъ нижнія ворота пошелъ потокъ черной крови.

Нога, не скользи по грязи, образовавшейся отъ крови!

Рука, бей! мечъ, рѣжь! сердце, не бойся!

*) Лешкети, Эцери и Ушкули—мѣстности въ Сванетіи. Ред.

**) Чиора—селеніе на р. Ріонѣ, ниже Геби. Ред.

ეცერის კაცი გაგზავნეს: „გახმარე შენი ძალით“.

ეს ეცერი და უშკული შეიქმნა დიდი ჯარით.

ბრილისის ჭაღას ჩავიდენ, მიწას დასსხეს ძალით.

თითო მათარა დალიეს, მათ იზიარეს თავით.

მათ რომ აბჯარი ჩაიცვეს, არ მორდებოდა თვალით.

თუკრეშო—კარგი სოფელი, გადაურჩეს თავით.

ხოლის თავში რომ ჩავიდენ, ახსენეს მაცხოვარით.

მაცხოვარსა მათ მიართვეს რქათოთი ქერა ხარით.

ღვდა ღვთისსა შესწირეს რქა დასვეული ცხვარით.

ჭიორა, კარგი სოფელი, დაბლა ქალაქის თავით (კარით).

ჭემოდგან კარსა მოადგა შვიოსვანისა ჯარით.

ჭემოდან კარსა გავიდა შვიოსვანისა ღვარით.

სისხლისა ნატლანხეუსა, თუხო, ნუ ამიცურდები!

ხელე! ჭკარ, სძალო, გასტყერი, გულე! ნუ შემიშინდები!

4-ая пѣсня.

Григорій съ Бекміемъ заключили союзъ между собою и порѣшили прежде осадить крѣпость Гагнидзевыхъ; они сказали: — „Приступимъ къ крѣпости Гагнидзе, взломаемъ двери. Изъ защитниковъ башни (მეცინუანნი) чарни Гагнидзевыхъ самые главные.

Одна женщина, находившаяся между ними, утратила все наше войско. Камень, брошенный ею, перервалъ шею двумъ изъ нашихъ воиновъ.“

Осетины скоро обратились въ бѣгство, перешли чрезъ горы. Жаты кричалъ имъ сзади:

— „Осетины, обождите! — мы вамъ готовимъ хорошей „очхари“ (пирь), а именно: если немного подождете, ни одного изъ васъ въ живыхъ не оставимъ!“

Когда осетины прибыли въ свое село, помолились Спасителю. Посланный къ нимъ на встрѣчу спрашиваетъ ихъ:

— „Куда дѣли добычу?“

Осетины отвѣчаютъ:

— „Кто же намъ далъ добычу?! напротивъ, много нашихъ пало тамъ мертвыми.“

ამგრიგოლუჟამ და ბეკმიამ ერთმანეთს მისცეს ხელაი *).

გაგნიძის ციხეს მივაღვეთ, შიგას ჩაუჭრათ კარია.

გაგნიძის კარგი ბიჭები მეცინუანის თავია.

მათში რომ ქალი ერია, სულ შეკვიშინა ჯარია.

იმან რომ ქვა გადმოაგდო, ორსა მოსწყვიტა თავია.

ოსები მალე გაიქცნენ, გადაიარეს მთანია.

უბტი უგან მისძახოდათ: „ოსებო, შემოგვიცადეთ,

კარგსა გიპირობთ ოჩხარსა.

თუ უატარას შემოგვიცადით, ერთს არ გაგიშვებთ ცოცხალსა“.

მათ სოფელში რომ ჩავიდნენ, ილოცეს მაცხოვარია.

წინ მკებავი მოეკებათ: „რა უქნენ ნაშოვარია?“

ჩვენ ნაშოვარი ვინ მოგვცა, ბევრი იქ დაგვრჩა მკვლარია“.

*) ზოგი ხმარობს: „ძალია“.

5-ая пѣсня.

Въ Жгеле остановились осетины и двальцы *), цѣлый Двалети-Пайкомели (?). Началась битва выше города, на разсвѣтѣ — при восходѣ солнца, при восходѣ солнца — во время зари. Стали защищаться щитами, махать саблями, махать саблями, бить (копьями). Обломки штыка летѣли на небо. Сабля съ двумя лезвиями плавала въ крови; пушечныя ядра катились на горѣ. Джапарь **), золотой столбъ, побѣжалъ; двали гнался (съ словами):

— „Куда исчезъ, Джапарь? не уйдешь, Джапарь, домой благополучно, не отнесешь женѣ вѣсти о войнѣ, — вѣсти и красного платья!“

Гергиль ***) кричитъ въ пшеницѣ:

— „Куда дѣлись наши мотикулеби (посланные)?“.

(Отвѣчаютъ ему):

— „Они идутъ позади, несутъ мертвецовъ: головы — спинными корзинами, туловища — на носилкахъ, тонкія кишки — ручными корзинками.“

*) Осетины южнаго склона Кавказскихъ горъ.

**) Имя.

***) Также имя.

ქველეს ჩამოდა ოსი და დვალი, სულა დვალები-ფაიკომელი. ომი შეიქნა ქალაქის თავსა, განთენისას, მზის ამოსვლასა, მზის ამოსვლასა — ცისკრისა ჟამსა ფარვა ფარისა, ქნეკა რხმალისა, ქნეკა რხმალისა, (ხანჯლისა), ძველ შუბისა.

შუბის ნაღწი ზეცას ცვიოდა, რხმალი ორპირი სისხლში სწვრევდა;

მუხარადები 3) გორსა გორვედა. ჯათარ გაიქცა, სკუტი ოქროსი, დვალი მოსდევდა: „ჯათარ რა იქნა ჯათარ, ვერ წახვალ შინა მშვიდობით ცოლს ვერ მიუტან ლაშქრულს ან ბავსა,

ლაშქრულ ანბავსა, წითელ კაბასა“ გერგილ იძისის გაღმა ყანასა: „ჩვენი რა იქნენ მოციქულები?“ — უკან მოდიან, მოაქვთ მათ მკვდრები:

თავი გოდრიოთა, ტანი ლაშქოთა, წვრილი წელები ხელ-კალათითა.

3) Вѣроятно — пушечное ядро.

6-ая пѣсня.

Амиранъ и его рабы отпра-
 вились на охоту; они встрѣти-
 ли оленя съ золотыми рогами.
 Амиранъ сталъ на колѣни и
 выстрѣлилъ; ни капли крови
 (не показалось) не упало. Днемъ
 гнались, а ночью остававлива-
 лись, — не потеряли его слѣда.
 Слѣдъ привелъ насъ въ Бал-
 хетское поле, гдѣ стояла баш-
 ня, построенная изъ кирпича.
 Обошли ее кругомъ три раза,
 но дверей не сыскали. Ами-
 ранъ толкнулъ ногою и про-
 билъ ея двери. За дверью сто-
 ялъ гробъ, а въ гробу ле-
 жалъ мертвецъ, державшій ме-
 жду пальцами письмо. Амиранъ
 говорить присутствующимъ:

— „Кто прочтетъ это письмо,
 за того я и выдамъ дочь мою
 Тамару.“

ამირან და ემანი მისნი სანადიროს
 წასრულიყვნენ.
 წინ ირემი შემოაჭყროდათ, რქრო
 ჭქონდა რქანი მისნი.
 დაუხოქა და ესროლა, არ გაკარდა
 ცვარი ხისხლი.
 დღე კდიეთ და ღამე კდექით, არ
 დაკვარეთ კვალი მისი.
 აგვიძვას და ქვე (კვალი) ¹⁾ ჩა-
 გვიძვას, ბაღსეთ მინდორში
 ჩაკვიძვას.
 ბაღსეთ მინდორს კოშკი იდგა,
 აგებულნი ანგურითა.
 სამჯერ გარს შემოურეთ, კერა
 კვოკეთ გარი მისი.
 სად ამირან ჩექმა ჩაჭკრა, ჩაარღვია
 კარი მისი.
 კარებს უგან კუბო იდგა, კუბოში-
 და მკვდარი იდგა,
 თითებ შუა წიგნი ჭქონდა.
 კინც ამ წიგნსა გადიკითხვას,
 იმას მიეცემ თამარ ქალსა“.

1) ზოგი და ქვეა-ს მაგურათ
 ხმარობს „კვალი“.

7-ая пѣсня *).

Одна женщина называлась
 Шрушаной; на пяти пальцахъ
 у ней надѣты были кольца;

ქალს ვისმე ერქვას შრუშანს;
 ხუთსა თითსა ეცვას ბეჭედი;
 ბეჭდისა თვალსა ეთოთ სანმოთელი.

*) Эта пѣсня не имѣетъ внутренней связи; неизвестно, по какому поводу
 она составлена народомъ и съ какою цѣлью.

на камнѣ кольца горѣла свѣ-
ча. Надъ кольцомъ былъ огоро-
дикъ; въ огородѣ выросло „нали“.
Надъ нали выросла ель; на ея вер-
шинѣ находилось гнѣздо коршу-
на; оно было шелковое; въ немъ
лежало яхонтовое яйцо; дѣте-
ныша имѣлъ онъ жемчужнаго.
Подъ тою елью у льва былъ
львенокъ; левъ съ яростью бро-
сался на ястреба.

— „Боже! вырасти мнѣ
одного (ребенка) и дай ему
здоровье, научи его охотни-
чьему искусству, чтобъ я съ
нимъ обѣдалъ выше родника и
охотился, чтобъ послѣ обѣда
мы убили оленя. Жена моя,
фазанъ подстрѣленный, ты сто-
ишь около оленя: вырви у не-
го шерсти и спряди изъ нея
мнѣ чоху, а изъ шерсти съ гру-
дины—носки и „пачи“ *).

— „Мужъ мой, левъ-вели-
канъ (богатырь)! ты стоишь подъ
орѣховымъ деревомъ,—наломай
вѣтвей и выстрой мнѣ изъ нихъ
домъ, а изъ щепокъ его—мель-
ницу и амбарикъ.“

У дверей мельницы жен-
щина прядла на веретенѣ.—

„Женщина, не пряди на ве-

*) Пагоменки.

ბეჭდის *) თავს იდგა ბოსტანს.
ბოსტანსას ნალი **) მოსრულას.
ნალს ზედა ნაძვი ასრულას;
ნაძვის წვეკსა ქორს ბუდე ედგას.
ბუდე ედგა აბრეშუმისა,
ჭვერცხი ედგა იატუნდისა,
შვილი ჭყავდა მარგალიტისა.
იმ ნაძვს ქვეშე ღომს ლეკვი ჭყავდა-
ღომი ქორსა ექვეშებოდა,
ექვეშებოდა, აწერებოდა.
„ღმერთო! ერთი ჩემთვის გაზარდე,
გაზარდე და კარგათ მიმიყოფე;
სანადიროს გზა გაუწაფე.
წუაროს თავს ვისადილეკდეთ;
ვისადილ და ვინადირებდეთ.
ნასადილეკს მოგვლათ ირემი.
ჩემო ცოლო! ხოსხობ დაჭრილო,
მაგ ირემსა გვერდსა უდგინარ,
წაჭარ ხელი, ბეწვი მოგლიჯე.
შენ მაგარი ჩოხს დამიერთი,
ნაგულასი წინდა-პაიჭი“.
„ჩემო ქმარო, ღომი და გმირო!
ღობნის ხეს ქვეშე უდგინარ:
შეჭარ ხელი, შტონი მოსტეხე;
შენ მაგარი სახლი დამიდგი,
ნათოტასი წისქვილ-ბედელას“,
წისქვილ-წისქვილასა კარასა,
ქალი აბრუნებდა ჯარასა.
„ქალო, ნუ რთავ ჯარაიასა,
მე მოგიტან დარაიასა,
ნაქსოუსა და ხათაიასა.

*) Вместо „ბეჭდის თავსა“ поютъ
еще „სანადიროს თავსა“.

**) Колючая трава.

ретенъ!—я принесу тебѣ со-
тканныя даря и хатая *).

*) Шелковыя ткани.

8-ая пѣсня.

Помѣщаемыя далѣ пѣсни связаны съ преданіями объ охотникѣ Иванѣ Квадихели, который сдѣлался жертвою своего охотничьяго увлеченія. Преданіе повѣствуетъ, что охотникъ Иванъ, отправившись однажды, въ осеннее время, на охоту, увидѣлъ на вершинѣ одного утеса нѣсколько туровъ. Но подняться къ нимъ не было никакой возможности: ни дороги, ни даже тропинки не было по отвѣснымъ бокамъ этого утеса. Не долго думая, страстный охотникъ набираетъ комки снѣгу, мочить ихъ водою и, постепенно прилѣпляя ихъ къ скалѣ, дѣлаетъ себѣ ступеньки, по которымъ и поднимается вверхъ. Цѣль достигнута Иваномъ, хотя это стоило ему большого страха: онъ поднялся на вершину скалы, убилъ стрѣлой всѣхъ туровъ и сбросилъ ихъ внизъ. Поднимаясь на вершину, Иванъ не оставилъ внизу своей собаки, своего неразлучнаго друга— „Курша“ (ყურშა): взваливъ ее на шею, онъ поднялъ ее на вершину вмѣстѣ съ оружіемъ. Сбросивъ убитыхъ туровъ, Иванъ собрался спускаться и самъ по тѣмъ ступенькамъ, которыя онъ прилѣпилъ. Но, увы! большая часть изъ нихъ уже отвалилась. Положеніе Ивана стало безвыходнымъ, потому что и кормиться ему было нечѣмъ. Изнуренный голодомъ, чрезъ нѣсколько дней онъ рѣшается зарѣзать своего любимаго „Курша“, но не для утоленія своего голода, а съ намѣреніемъ—не увеличивать своихъ мученій видомъ страданій своего друга, издыхающаго съ голоду. Рѣшаясь зарѣзать Курша, Иванъ предварительно обращается къ нему съ такими словами:

„Черный Курша, рожденный | „შავი ყურშა, ყურშა, შავი
въ несчастный (черный) день, | და შავი დღისა.

принадлежащій несчастному хозяину! обояхъ насъ заморилъ голодъ!... Некуда намъ итти... Долженъ я тебя зарѣзать; другого исхода нѣтъ.“

შავს დღეზე დახადებულა, შენ შავის პატრონისა!
ოწნიკი შიშლიმა შეგებნიდა, გზას აწსადა გვაქვს სავალი:
შენ უნდა დატკლას, უურშას, მეტი არ არის წამალი.“

Наконецъ, онъ рѣжетъ свою собаку; ему очень хочется поѣсть ея мяса, но какое-то чувство заставляетъ его воздерживаться; онъ говоритъ:

„Я зарѣзалъ Курша: онъ лежитъ около меня; на немъ лежитъ у меня алмазный ножъ; отрѣзываю куски, но ѣсть не могу: не хочу заразить грѣхомъ душу.“

„უურშა დაკვალ და გვერდს მიდევს, აღმასის დანაც ზედ მიდევს; მითლია, ვერ მიჭამია, სული ვერ წამიწეუტია.“

Такъ какъ Иванъ долго не возвращался домой, то братья стали разыскивать его. Искали съ недѣлю и, наконецъ, нашли его на вершинѣ скалы, но снять его не было возможности. Они спрашиваютъ брата своего, Ивана:

„Эй, братецъ Иванъ, что ты сдѣлалъ съ турами? зачѣмъ ты сбросилъ твой лукъ и стрѣлу?“

„ქეი შენ, ძმაო ივანე, ჯიხვითათვის რა გქნიაო?
შენი შვილდი და კაპარჭი ნეტავ რათ გადაგიღღიაო?“

Иванъ отвѣчаетъ:

„Идучи по слѣдамъ туровъ, я прибылъ сюда и увидѣлъ туровъ. Сюда я поднялся по камъ (снѣгу) и стрѣлой истребилъ туровъ черной скалы; къ моему возвращенію, вомья рас-

გამოვეუ ჯიხვების კვალსა, ნახტომსა ჟერხებისასა;
აქ დაკინახე ჯიხვები;
ჭანის ხმოველ გუნდითა, ისრით დახლოცე ჯიხვები,
ჯიხვები შავის კლდისაო,

таали, и я не могъ спуститься
внизъ.“

ჩაიას კი გამდნარყო, (მაცრამ გზას
კვლარ ვიშოვნე)
კვლარ ჩამოველ პირსაჲ.“

Не найдя другого средства достать Ивана съ вершины, братья порѣшили пригласить къ скалѣ новообрученную невѣсту Ивана. Они рассчитывали, что, быть можетъ, увидѣвъ ее, изъ любви къ ней или отъ стыда, онъ придумаетъ какое-либо средство спуститься или, по крайней мѣрѣ, сбросится со скалы, чтобы хоть мертвымъ его можно было доставить домой и не дать тѣла его на съѣденіе птицамъ. Невѣста обращается къ жениху:

„Иванъ! ты же говорилъ, что
не боишься ходить по скаламъ;
отчего же ты не могъ сойти,
храбрый мужчина?“

„ივანე! მას არ იტყობდი, კვლავ
არ მეშინიანო?
რათა ვერ ჩამოხველ, ვაჟკაცო, სი-
ცხვილის არ ცხსვენანო?“

Послѣ этихъ словъ Иванъ бросился со скалы и, хотя у подошвы скалы предварительно были настланы солома и сѣно, онъ всё-таки разбился и чрезъ нѣсколько времени скончался. При паденіи, Иванъ схватился за камень, лежавшій на краю вершины; но камень сорвался и упалъ вмѣстѣ съ нимъ. Этотъ огромный камень и теперь лежитъ въ лѣсу, въ семи верстахъ отъ селенія Геби, и называется Квадихе, а отъ него получилъ прозваніе и Иванъ Квацхели.

9-ая пѣсня.

Слѣдующая пѣсня поется народомъ со дня Свѣтлаго Воскресенія Христова до Вознесенія вѣлочительно; текстъ ея, особенно въ концѣ, не совсѣмъ понятенъ, и отдѣльныя строфы не имѣютъ связи между собою.

Христось воскресъ! радуйтесы!
Благодать (благодарность) воз-
вѣстителю, нашему вѣстнику!

ქრისტე აღსდგა, გიხაროდესთ!
მადლი მახარებელსაჲ.
ჩვენსა მახარებელსაჲ.

Да радуется всякая живая душа, и лѣсъ, и горы, и листья, и муравей! да радуется и та женщина, которая зашла въ лѣсъ!

Христось воскресь! радуйтесь!.. Откуда этотъ человекъ, который вчера везъ жену? Онъ тамошній. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлую чоху, въ архалухъ изъ аркани, изъ аркани—атласа, въ рубашку изъ джампаси. Шапка, выкрашенная въ синюю краску, была надѣта набекрень; вѣтеръ сдвинулъ ее.

Христось воскресь! радуйтесь! благодарность возвѣстителю!

Праздникъ любить солнце, а облако — ненастье, дождливый день. Старухѣ я предпочитаю молодую. Старику предпочитаю юношу (молодого парня), и теперь предпочитаю и прежде предпочиталъ маленький чурч *), полный (виномъ), большому, да пустому.

Христось воскресь! радуйтесь! благодать возвѣстителю!

გაიხაროს ყოველმა სულმა, ყოველმა სულმა სულიერმა ტუე და კელმა და ფურცელმა ჭინჭველსა ფოლორცისსა *) ტუეში რომ ქალი შევიდა, იმანჯ გაიხაროს.

ქრისტე აღზდა, გაიხაროდეს!... სხა ურია, ურია, ეს კაცი სდაურია? გუშინ რომ ცოლი მოჰყავდა, ეს კაცი იქაურია.

ტანთა ეცვა თეთრი ჩოხა, ახალუხი არყანისა, ატლასისა, პურანგი აქ ჯამფასისა **), ქუდი, ლილში შეღებული, გვერდზე მოკეპომქოლიკა, ნიკაჲ შეუძირია.

ქრისტე აღზდა, გაიხაროდეს მადლი მახარებელსა. დღესასწაული ***) მკეს ჭეგანობს და ღრუბელი ავსა დარსა, ავსა დარსა, წვიმიანსა. ბუქსა ქაღსა ბუბერასა ახალ — გაზდა მიჩეკნისა. ბუქსა კაცსა ბუბერასა ახალ — უჩა მიჩეკნისა; მიჩეკნისა, მიჩეკნისა.

დიდსა ჯურსა, ცარიელსა, ზატარ სასუე მიჩეკნისა.

*) ფოლორცი (პოლოცი) — растение.
**) არყანი и ჯამფასი — шелковыя ткани мѣстной работы.
***) დღესასწაული — праздничный день.

*) Винный кувшинъ.

ქრისტე აღზდგა, გიზარდესო!
მადლი მასწარბუქსაო.

Помѣщаемыя далѣе три пѣсни поются въ Гуріи во время выпалыванія кукурузы.

10-ая пѣсня.

Черный дроздъ да жаловался...
Желалъ бы знать, на что онъ жаловался!.. Гора и равнина покрыты снѣгомъ; не перейдемъ, не раскопавъ дороги; прокопавъ дорогу, перейдемъ чрезъ высокую гору. Посмотрѣвъ внизъ, на равнину, я увидѣлъ высокое дерево; на немъ вился плющъ, на которомъ росли плоды. Птичка птичкѣ говоритъ:
— „Вставай, птичка, ѣшь плющъ!“

Птичка птичкѣ отвѣчаетъ:
— „На немъ я сѣть ясно видѣла: если сяду, попадусь и пропаду ни за что.“

Душа Богу, благодать Христу! Моя душа пусть будетъ съ тобою! введи ее въ рай!

შავი შაშვი ჩიოდაო.
ნეტაკ, რასა ჩიოდაო?
მთა და ბარი უთოენია,
კერ გადაიართ გადაუთხრელად;
გადავთხაროთ, გადავიაროთ,
მთას შეუდგეთ მთა მალაღსა.
გადვიხედე დაბლა ბარსა;
ხე მადლი აზრდილიყო,
ზედა სურო შექყოლოდა,
მას ვაკლები გამოსხმოდა.
ჩიტო ჩიტსა ეუბნება:
„ადე, ჩიტო, სურო ჭამე“
ჩიტო ჩიტსა ეუბნება:
ზედა ბადე თვალით ვნახე,
ზედ რომ შევჯდე, რომ შევება,
წავს სული მთავარიო.
სული დმერთსა, მადლი ქრისტეს
ჩემი სული შენთან იყოს,
სამოთხეში შეიყვანე.

11-ая пѣсня.

Шли побѣда и счастье... Шла черная вода. Она несла черную змѣю. Змѣя лежала на пескѣ, голову имѣла на пескѣ же.

მოვიდოდა მშვიდობა და გამარჯობა,
მოვიდოდა წყალი შავი,
მას მოჭქონდა გველი შავი;
გველი იწვა სიღასყო,

Дотронулся я кончикомъ копья, изливаться сталь черныи ядъ.	თავი ქეზინდა ქვიშასეო; გადუწვადე შუბის წვერი, აუდინდა შავი შესამი
---	---

12-ая пѣсня.

На одномъ мѣстѣ, на боль- шомъ полѣ я нашель домъ. Желалъ бы я знать, кѣмъ онъ выстроень... Тремя братьями Хурошвили. Три раза обогель вругомъ, не могъ найти его дверей. Ударилъ ногой,—вломил- ся. Когда вломился, посмотрѣлъ: въ немъ мертвыи левъ оказал- ся, не преданныи землѣ. Иди, человѣкъ,—приведи Одишскаго Канделази! „Эй, священникъ! ты соверши надъ нимъ обрядъ погребальныи!“	ერთ ალასსა, დიდ მინდორსსა ვნახე სახლი აგებული. ნეტა, ვისით აგებული? სამნი ძმანის ხუროს შვილის. სამჯერ გარეთ შეურე, ვერა ვნახე კარი მისი, კვარი ფეხი, შიგ შევხეთქე, რამ შევხეთქე, შევიხედე, შითა ლამი მომკვდარიყო, მიწას მიუბარებელი, წადი, კაცო, მომიყვანე ოდიშის კანდელაკი, ხუცესო, შენ აუბე ამას წესი.
--	--

КАРТВЕЛЬСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

1. О пришествіи Христа на землю.

Одинъ человѣкъ продалъ душу свою чорту. Чортъ написалъ на камнѣ: „пока безсмертный не умретъ и нерождающійся не родится, душа эта будетъ принадлежать мнѣ“. Послѣ этого онъ взялъ этотъ камень и бросилъ въ море. Богъ сказалъ:

— „Безсмертный—это Я; нерождающійся—тоже Я; слѣдовательно, чортъ хочетъ, чтобы душа человѣка принадлежала ему всегда! Нѣтъ! Я этого не допущу...“

И, обратившись въ Духа, Онъ вошелъ въ Дѣву Марію.

Въ странѣ, гдѣ жила Марія, царствовалъ Иродъ. Разъ приходитъ къ нему одинъ сердцевѣдецъ и говорить:

— „Въ царствѣ твоёмъ въ недалёкомъ будущемъ родится человѣкъ, который отниметъ у тебя престолъ.“

Иродъ издалъ тогда приказъ: перебить всѣхъ беременныхъ женщинъ и новорожденныхъ дѣтей. Марія въ это время была беременна, а потому, узнавъ о распоряженіи Ирода, сейчасъ же ушла тайкомъ въ горы и тамъ, на ясляхъ, принадлежавшихъ пастухамъ, пасшимъ стада овецъ, родила Христа. Но сыщики Ирода появились и тамъ. Тогда Марія съ ребенкомъ бѣжала въ другое мѣсто. Подошла она къ одной скалѣ и сказала: „отверзись!“ Скала раздвинулась и дала пріютъ ей съ ребенкомъ. Богъ далъ имъ въ пищу мѣдъ и хлѣбъ. Здѣсь-то и выросъ Христосъ.

Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, Христось явился въ Ироду и показалъ ему такія чудеса, что тотъ воселиенуль:

— „А какъ было бы жаль, если бы погибъ такой человекъ!“

Послѣ этого Христось ходилъ всюду и обращалъ людей въ христіанство. Только съ евреями Онъ ничего не могъ сдѣлать. Тѣ возненавидѣли Его, поймали и хотѣли убить; но Онъ убѣждалъ, и отыскать Его никакъ не могли. Тогда евреи обратились къ Іудѣ съ просьбою, чтобы тотъ указалъ имъ, куда скрылся Христось. Іуда исполнилъ ихъ просьбу, и снова схватили Христа. Его распяли на крестѣ, чтобы умертвить такимъ образомъ, но убить Его никакъ не могли. Тогда пришелъ армянинъ и сказалъ евреямъ: „Доставьте четыре гвоздя, прибейте Его этими гвоздями къ дереву, тогда Онъ и умретъ.“ Христось по этому поводу сказалъ: „*ძეგვს ბეჭბო, ძეგვს ბეჭს ბეჭბო*“ *).

Евреи достали-было гвоздей, но мингрелець укралъ ихъ. Христось благословилъ за это мингрельца **).

Но евреи снова достали гвозди, пригвоздили Христа и убили Его.

Возвратившись домой, они, на радости, принялись закусывать. Достали копченаго пѣтуха и, бросивъ его въ кипятокъ, сказали:

— „Христось такъ же воскреснетъ изъ мертвыхъ, какъ и этотъ пѣтухъ!“

Но вдругъ, въ ихъ изумленію, пѣтухъ выпорхнулъ изъ кипятка, обливъ, при этомъ, окружающихъ горячею водою, и запѣлъ. Перепугались евреи ***), пошли ко гробу Христа, но

*) Т. е.: „пришелъ армянинъ и принесъ новую молнію“. Поговорка эта весьма употребительна у грузинъ и говорится тогда, когда кто-нибудь выскажетъ мнѣніе, совершенно оригинальное въ какомъ-либо отношеніи.

**) Среди мингрельскаго простонародья, поэтому, воровство не считается грѣхомъ.

***) Съ того времени, по народному повѣрью, евреи отъ испуга сдѣлались косноязычны.

тамъ Его уже не было: Онъ воскресъ изъ мертвыхъ; отыскалъ того самого чорта, которому человѣкъ продалъ свою душу; заставилъ его принести камень, на которомъ была сдѣлана надпись, и стеръ ее. Затѣмъ, Онъ спустился въ адъ и совершенно разрушилъ его. Но черти упростили Христа, чтобы Онъ оставилъ имъ хоть одинъ уголъ. Въ этомъ углу живутъ черти и теперь.

2. Священникъ и чортъ.

Къ одному царю приходитъ силачъ и говоритъ:

— „Или найди такого человѣка, который одолѣлъ бы меня, или же бери въ свой дворецъ и корми!“

— „Хорошо“, говоритъ царь, „живи у меня.“

Силачъ поселился. За обѣдомъ и ужиномъ онъ съѣдалъ по четыре барана въ день. Надоѣло царю кормить обжору, и шлетъ онъ людей по всему царству, — отыскать человѣка, который могъ бы помѣряться силою съ царскимъ богатыремъ. Все царство обошли и не могли найти такого человѣка: никто не отваживался вступить въ борьбу съ такимъ богатыремъ, который по четыре барана въ день съѣдаетъ. На обратномъ пути посланные съѣли однажды отдыхать у берега рѣки. Вдругъ видятъ: ѣдетъ священникъ на катерѣ; какъ увидѣлъ онъ мостъ черезъ рѣку, соскочилъ съ катера, подогнулся ему подъ брюхо, взялъ на плечи и перенесъ на другой берегъ. Царскіе послы, видя это, и говорятъ между собою:

— „Какого еще намъ надо силача? возьмемъ его!“

Сказано, — сдѣлано. Догнали священника и говорятъ:

— „Все царство обошли, а такого сильнаго, какъ ты, мы еще не видали; пойдемъ къ царю, у него есть богатырь, — бороться съ нимъ будешь.“

— „Господь съ вами“, говоритъ имъ священникъ, „какого вы нашли во мнѣ силача?! Въ жизнь свою ни съ кѣмъ не боролся.“

Но посланные не отстаютъ и берутъ его насильно. Впереди идутъ царскіе посланцы и ведутъ катера, а сзади шетется священникъ. Подходятъ они такъ къ мостику. Катерь заупрямился и не хочетъ идти по мостику,—онъ привыкъ, чтобъ его переносили. Царскіе люди принялись его бить, а катерь перешелъ черезъ мостикъ, но, съ непривычки, сломалъ себѣ ногу. Священникъ пришелъ тогда въ изступленіе и кричить:

— „Да что вы со мною дѣлаете! зачѣмъ вы изувѣчили моего катера?“

— „Да будутъ прокляты всѣ черти на свѣтѣ!“ говорятъ ему царскіе люди, „не мы ему сломали ногу, а самъ онъ сломалъ ее!“

— „Причемъ тутъ черти?“ сказалъ священникъ, „не черти, а вы виноваты.“

Переругиваясь такимъ образомъ, они продолжаютъ путь. Въ это время догоняетъ ихъ сзади какой-то мальчикъ и говоритъ священнику:

— „Возьми меня къ царю,—я буду бороться съ царскимъ силачомъ.“

Священникъ обрадовался и принялъ это предложеніе.

Приходятъ къ царю и докладываютъ о священникѣ. Царь выходитъ и говоритъ:

— „Можешь-ли ты, батька, вступить въ борьбу съ моимъ силачомъ?“

— „Зачѣмъ мнѣ вступать въ борьбу съ нимъ?!“ отвѣчаетъ священникъ, „его можетъ одолѣть и мой причетникъ!“

Царь смѣется, а богатырь изъ себя выходитъ отъ злости. Вышелъ онъ, схватилъ мальчика, поднялъ его выше головы и съ такою силою бросилъ на землю, что бѣдняжка, казалось, долженъ былъ лопнуть, какъ водяной пузырь; но мальчикъ, въ удивленію всѣхъ, не упалъ даже, а сталъ на ноги и смѣется. Богатырь снова бросилъ его на землю, а онъ опять на ногахъ стоитъ. Тогда мальчикъ вскочилъ на плечи богатыря

и сдвинулъ ему шею съ такою силою, что тотъ запросилъ пощады и еле живой спасся отъ страшнаго противника.

Царь призываетъ послѣ того священника и награждаетъ его цѣлыми тюками золота и серебра. Идутъ обратно священникъ и его мнимый причетникъ и везутъ на хромоногомъ катерѣ полученныя сокровища. Какъ подошли къ мостику, переходя который катеръ сломалъ себѣ ногу, священникъ обращается къ своему спутнику и говорить:

— „Все это золото и серебро принадлежитъ тебѣ, мой другъ и спаситель,—не будь тебя, я погибъ бы!“

— „Нѣтъ“, говорить ему спутникъ его, „золото и серебро я дарю тебѣ,—за то, что ты защитилъ чертей. Люди дѣлаютъ глупости, а ругаютъ чертей, какъ-будто они во всемъ виноваты.“

Сказавъ это, мнимый причетникъ скрылся подъ мостикомъ. Оказалось, что это былъ чортъ.

Учитель Кутавскаго городского училища *III. Ломинадзе.*

3. Мужикъ и смерть.

У одного бѣднаго мужика родился сынъ. Онъ и говорить своей женѣ.

— „Пойду поищу крестнаго отца!“

— „Ступай,“ отвѣтила жена, „только найди такого, чтобы онъ былъ богаче всѣхъ.“

Мужъ отправился на поиски. Черезъ два дня встрѣтился онъ съ Иисусомъ Христомъ. Христосъ спрашиваетъ мужика:

— „Куда, мужичекъ, держишь путь?“

— „Вотъ, ищу крестнаго отца для своего ребенка“, отвѣчаетъ мужикъ.

в. XIX отд. II.

— „Если такъ, — возьми меня“, говорятъ Христосъ.
Мужикъ осмотрѣлъ Христа и, увидѣвъ на немъ бѣдную одежду, сказалъ:

— „Нѣтъ, нельзя, — ты бѣденъ“, и отправился дальше.
На третій день онъ встрѣтился съ св. Георгіемъ. Св. Георгій спрашиваетъ его:

— „Куда, мужичекъ, идешь?“

— „Да вотъ, ищу крестнаго отца“, отвѣчаетъ онъ.

— „Возьми меня“, говоритъ Георгій.

Мужикъ, осмотрѣвъ Георгія, сказалъ:

— „Не хочу тебя взять, — ты бѣденъ“, и отправился дальше.

Наконецъ, встрѣтилась съ нимъ смерть. Она тоже спрашиваетъ мужика:

— „Куда, мужичекъ, идешь?“

— „Да вотъ, ищу крестнаго отца“, отвѣчаетъ мужикъ, „но всѣ, кого я встрѣчаю, бѣдны.“

— „Возьми меня“, говоритъ ему смерть.

Мужикъ, увидѣвъ на ней богатую одежду, согласился и воротился съ нею домой къ себѣ. Тамъ они окрестили младенца, и мужикъ, такимъ образомъ, повумился со смертью.

Послѣ крестинъ смерть и говоритъ мужику:

— „А знаешь ли, мужичекъ, кто я? Вѣдь я смерть! Но ты не бойся меня, — я сдѣлаю тебя богатымъ, только поступи такъ, какъ я научу тебя: когда человекъ заболѣетъ, то ты берись лѣчить его, но только въ томъ случаѣ, если увидишь меня у ногъ больного; если же замѣтишь меня у головы, то не берись за лѣченіе, потому что въ этомъ случаѣ больной непремѣнно долженъ умереть.“

Смерть ушла, а мужикъ съ тѣхъ поръ сталъ лѣчить людей: какъ-только войдетъ онъ къ больному, то сейчасъ же увидитъ смерть, и если она у головы больного, то не берется лѣчить, а если — у ногъ, — лѣчитъ. Такимъ образомъ онъ про-

слылъ знаменатымъ лѣваремъ и разбогатѣлъ. Однажды самъ мужикъ заболѣлъ и видитъ, что смерть стоитъ у головы его, — испугался онъ и сталъ просить свою куму:

— „Позволь мнѣ прочитать „Отче нашъ“ и дай мнѣ честное слово, что не умертвишь меня, пока не кончу молитвы.“

Смерть согласилась. Мужикъ сталъ читать: „Отче нашъ“; прочиталъ онъ нѣсколько словъ этой молитвы и остановился. Смерть говорить ему:

— „Читай же скорѣе дальше!“

— „Нѣтъ“, отвѣчаетъ мужикъ, „для чего мнѣ сиѣшнить? — вѣдь я умру, когда прочту до конца.“

Смерть ждетъ два дня, а онъ все не продолжаетъ чтенія. Тогда смерть оставила его и ушла къ другимъ. Прошло пять лѣтъ. Смерть встрѣтилась съ мужикомъ и требуетъ, чтобы онъ кончалъ молитву. Мужикъ говорить:

— „Я остановился на словахъ: „имя Твое“, дальше будетъ: „Да придетъ царствіе Твое.“

Сказавъ это, онъ опять замолчалъ. Смерть подождала, подождала и опять ушла. Прошло еще три года, и смерть снова встрѣтилась съ мужикомъ. Предупреждая ся напоминаніе, онъ читаетъ:

— „Да будетъ воля Твоя“ и опять останавливается.

— „Что же, кумъ“, спрашиваетъ смерть, „неужели это такая трудная молитва, что ты никакъ не можешь ее кончить?“

— „Да! очень трудна стала...“ отвѣчаетъ мужикъ.

Смерть ушла и, потерявъ терпѣніе, придумала, наконецъ, хитрость: приготовила золотой гробъ и поставила его на дворѣ у мужика, а на крышку положила пакетъ, сама же спряталась внутри этого гроба. Утромъ выходитъ мужикъ и видитъ золотой гробъ: подошелъ къ нему, увидѣлъ пакетъ и взялъ, и, такъ какъ, къ несчастію, онъ былъ грамотный, выпувъ изъ пакета бумагу, началъ читать вслухъ:

„Завѣщаніе: „Отче нашъ“ и т. д. Увлекшись, онъ не

замѣтилъ, какъ прочелъ всю молитву до конца. Тогда смерть выскочила изъ золотого гроба и убила его.

Записалъ, со словъ *Гр. Квернадзе*, жителя селенія Маглаки, Кутаисскаго уѣзда, ученикъ Кутаисскаго городского училища *К. Ницжарадзе*.

4. Мужикъ и Соломонъ Мудрый.

Жилъ-былъ на свѣтѣ одинъ бѣдный мужичекъ. Однажды, отправившись въ городъ искать работы, онъ встрѣтился съ Соломопомъ Мудрымъ, который взялъ его къ себѣ въ чело слугъ. Мужикъ усердно служилъ Соломону, и тотъ полюбилъ его. Прошло три года; мужикъ надумалъ вернуться домой. Соломонъ отпустилъ его, а въ награду за усердную службу далъ три мудрыя наставленія: 1) если онъ найдетъ на дорогѣ какую-нибудь рѣдкость, то долженъ поднять ее и отнести домой; 2) не открывать женѣ своей тайны, и 3) никому ничего не давать безъ просьбы.

Мужикъ пошелъ домой. На дорогѣ онъ нашелъ кожицу змѣя, взялъ ее, припесъ домой и бросилъ на дворъ; а самъ вошелъ въ избу. Жена, увидѣвъ его, обрадовалась, собрала ужинать, и долго мужъ съ женой вели разговоры, пока не заснули. Утромъ, когда они встали и вышли на дворъ, къ величайшему своему изумленію, они увидѣли возлѣ избы высокое деревцо, состоявшее изъ множества разноцвѣтныхъ кампей, блестящихъ, какъ молнія. Мужикъ тотчасъ догадался, что деревцо выросло изъ кожицы змѣя, но женѣ объ этомъ не сказалъ, помня второй совѣтъ Соломона.

Въ то время мимо двора мужика проѣзжали купцы, перевозившіе свои товары изъ одного города въ другой; увидѣвъ деревцо, они очень удивились и захотѣли купить его. Но мужикъ не согласился продать, а предложилъ имъ такое условіе: если они угадаютъ, изъ чего деревцо выросло, то даромъ возъ-

муть его; если же не отгадаютъ, то отдадутъ мужику всё свои товары. Купцы согласились и только попросили три дня сроку на отгадку. Прошло три дня: купцы не отгадали загадки, и мужикъ по договору взялъ себѣ ихъ товары, между которыми былъ и одинъ драгоценный ножъ.

Послѣ этого стали прѣзжать къ мужику со всѣхъ сторонъ богатые и бѣдные. Первые,—чтобы разгадать загадку и получить чудное деревцо, а вторые, чтобы полюбоваться имъ. Мужикъ очень разбогатѣлъ, такъ-какъ всегда выигрывалъ у богатей ихъ заклады. Разъ случайно одинъ молодой купецъ встрѣтился съ женою мужика. Ему пришла въ голову мысль попытаться, не скажетъ ли ему она, изъ чего выросло деревцо, и онъ спросилъ ее объ этомъ. Та отвѣтила, что не знаетъ, но, навѣрное, узнаетъ отъ мужа и скажетъ ему. Во время ужина жена стала просить мужа, чтобы онъ открылъ ей, изъ чего выросло деревцо; мужъ долго не соглашался, но она такъ усиленно просила его, что, наконецъ, мужъ не выдержалъ и открылъ ей тайну. Жена тогда во все горло закричала:

— „Какъ! неужели прекрасное деревцо выросло изъ кожи змѣя?“

— „Тише!“ прикрикнулъ на нее мужъ, испугавшись, какъ бы не подслушалъ кто-нибудь словъ жены.

Но было уже поздно: молодой купецъ, который стоялъ въ это время у стѣны избы, все слышалъ. На другой день онъ явился, какъ ни въ чемъ не бывало, къ мужику съ другими купцами отгадывать загадку и, когда дошла до него очередь, спокойно сказалъ:

— „Это блестящее деревцо, вѣроятно, выросло изъ кожи змѣя.“

Мужикъ поблѣднѣлъ, догадавшись о томъ, какъ былъ узнавъ секретъ. Но дѣлать было нечего,—онъ долженъ былъ отдать деревцо выигравшему.

Благодаря богатству, добытому мужикомъ чрезъ деревцо,

слухъ о немъ разнесся повсюду и дошелъ до Соломона, который пригласилъ его къ себѣ въ гости. Мужикъ явился и, по просьбѣ Соломона, рассказалъ ему, какъ разбогатѣлъ онъ и какъ лишился потомъ драгоценнаго деревца. Тогда Соломонъ сказалъ мужику съ упрекомъ:

— „Развѣ я не говорилъ тебѣ, чтобы ты не открывалъ женѣ своего секрета?!“

Въ то время, когда мужикъ бесѣдовалъ съ Соломономъ, послѣдній получаетъ вдругъ отъ сосѣднаго царя приглашеніе пріѣхать въ нему въ гости; отправляясь по приглашенію, онъ взялъ съ собою и мужика. У сосѣднаго царя оказалось такъ много гостей, что во время ужина хозяину не достало ножа. Мужикъ, замѣтивъ это, взялъ свой драгоценный ножъ, тотъ самый, который выигралъ у купцовъ, и подалъ царю. Тотъ взялъ ножъ, посмотрѣлъ на него и восклинулъ:

— „Это мой ножъ! онъ лежалъ у меня вмѣстѣ съ казною и вмѣстѣ съ нею украденъ разбойниками!.. Вѣроятно, и ты одинъ изъ этихъ разбойниковъ!..“ прибавилъ онъ, обращаясь къ мужику.

Мужикъ хотѣлъ отвѣтить что-то, но Соломонъ, зная, что онъ скажетъ какую-нибудь глупость, послѣ которой уже нельзя будетъ поправить дѣло, приказалъ поскорѣе связать его и отвести въ другую комнату. Когда же всѣ легли спать, Соломонъ, находившійся въ комнатѣ, сосѣдней съ тою, гдѣ лежалъ связанный мужикъ, научилъ его чрезъ стѣну, что онъ долженъ говорить на судѣ.

На другой день собрались всѣ министры и царедворцы судить мужика. Привели обвиняемаго. Царь рассказалъ, какъ его ограбили, и какъ украденный у него ножъ оказался въ рукахъ мужика.

Потомъ позволили говорить обвиняемому. Тотъ, наученный Соломономъ, сказалъ:

— „Благодарю Бога, что, наконецъ, нашелся хозяинъ

ножа и прошу васъ выслушать меня внимательно. Мой отецъ былъ купецъ. Разъ онъ отправился по торговымъ дѣламъ съ большою суммою денегъ въ далекій городъ. Прошло три мѣсяца, а онъ не возвращался. Тогда я поѣхалъ искать его и нашелъ зарѣваннымъ въ дремучемъ лѣсу. Этотъ самый ножъ былъ воткнуть ему въ горло, и, слѣдовательно, убійцею моего отца долженъ быть хозяинъ этого ножа. Такъ какъ царь, хозяинъ этого дома, утверждаетъ, что ножъ принадлежитъ ему, то, несомнѣнно, что нашелся, наконецъ, убійца моего отца.“

Смущенные судьи поспѣшили прекратить это дѣло и отпустили мужика.

Записаль, со словъ *И. Долаберидзе*, жителя сел. Маглаки, Кутаисскаго уѣзда, ученикъ Кутаисскаго городского училища *К. Ницжарадзе*.

5. Не работай въ праздникъ.

Однажды, въ субботу вечеромъ, крестьянинъ пахалъ свою землю. Хотя наступалъ уже праздникъ, онъ все-таки не бросалъ работы. Когда же стемнѣло, онъ отпрягъ быковъ и велѣлъ своему сыну отвести ихъ въ лѣсъ, находившійся около того поля, гдѣ онъ пахалъ. Въ это время изъ лѣсу выбѣжалъ волкъ, схватилъ мальчика и унесъ. Отецъ началъ искать сына, но не нашелъ. На другой день жена посоветовала мужу отправиться снова искать пропавшаго сына; онъ послѣдовалъ совѣту жены, но сначала зашелъ въ церковь къ обѣднѣ. Когда окончилась обѣдня, крестьянинъ отправился искать своего сына. Послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, проходя мимо одной маленькой рѣчки, онъ, наконецъ, видитъ, что навстрѣчу ему идетъ старикъ. Они поздоровались. Крестьянинъ разсказалъ старику про свое горе, и потомъ они вмѣстѣ пошли искать пропавшаго мальчика. Долго они ходили, и все напрасно. Насталъ вечеръ. Крестьянинъ хотѣлъ уже возвратиться

домой, но старикъ не отпустилъ его. Вотъ они пришли къ одному богатому человѣку и попросили его дать имъ ночлежь. Хозяинъ исполнилъ ихъ просьбу и принялъ ихъ къ себѣ. У старика, спутника крестьянина, было въ рукахъ Евангеліе; войдя въ домъ, онъ положилъ Евангеліе на столъ, а потомъ оба путника легли спать. На другой день они попрощались съ хозяиномъ и отправились въ путь. Когда они подошли къ рѣчкѣ, около которой крестьянинъ встрѣтился со старикомъ, послѣдній сказалъ ему:

— „Въ томъ домѣ, гдѣ мы провели ночь, осталось на столѣ мое Евангеліе; пойди туда и принеси его мнѣ. Тамъ ты увидишь нѣчто страшное, но не бойся: войди въ ту комнату, въ которой мы спали, возьми Евангеліе и принеси сюда.“

Крестьянинъ пошелъ и, подойдя къ дому, увидѣлъ, что весь домъ горитъ. Но онъ смѣло вошелъ въ комнату, взялъ Евангеліе и возвратился съ нимъ къ старику,—при этомъ разсказалъ все, что видѣлъ тамъ. Тогда старикъ сказалъ ему:

— „Домъ, въ которомъ мы переночевали, построенъ въ праздничные дни и потому онъ горитъ. Теперь ты иди по берегу этой рѣчки и найдешь своего сына; но съ этого времени помни, что работать въ раздичные дни грѣшно.“

Давъ такое наставленіе, старикъ скрылся изъ виду. Крестьянинъ испугался и палъ на землю. Черезъ нѣсколько времени онъ всталъ, пошелъ по берегу рѣки и нашелъ сына, играющимъ на пескѣ. Отецъ перекрестился, взялъ сына и съ радостью пошелъ домой.

Записаль, со словъ жителя г. Кутаиса *Н. Яшвили*,
ученикъ Кутаисскаго гор. училища *П. Яшвили*.

6. Объ Исусѣ Христѣ, пророкѣ Ильѣ и св. Георгіѣ.

Шли дорогою вмѣстѣ Исусъ Христосъ, пророкъ Илья и св. Георгій. Утомленные долгимъ путешествіемъ, они остановились отдохнуть и, между прочимъ, пообедали. Оболо того

мѣста, гдѣ остановились отдохнуть путешественники, пастъ стадо овецъ пастухъ, въ которому они послали пророка Илью выпросить одного барана себѣ на обѣдъ. Пр. Илья пошелъ къ пастуху и говорить ему:

— „Подари мнѣ, добрый пастухъ, одного барана.“

— „Гони хоть полъ-стада“, говорить ему пастухъ, „но только скажи мнѣ, кто ты такой.“

— „Я—пророкъ Илья: я даю вамъ хлѣбъ, посылаю на ваши поля дождь и вообще покровительствую крестьянскому труду“, отвѣчаетъ св. Илья.

— „Охъ! если-бы я не боялся своего Бога, я разбилъ бы вотъ этой палкой тебѣ голову“, говорить пастухъ.

— „За что ты сердить на меня?“ спрашиваетъ св. Илья.

— „А вотъ за что: посѣть несчастная вдова или какой-нибудь другой бѣднякъ полосу земля хлѣбомъ, а ты, ни съ того, ни съ сего, посылаешь градъ именно на ихъ ниву и опустошаешь ее.“

Такъ пророкъ Илья вернулся съ пустыми руками къ своимъ спутникамъ и передалъ имъ разговоръ, который имѣлъ съ пастухомъ. Выслушавъ Илью, Исусъ Христосъ Самъ отправился къ пастуху просить у него барана.

— „Гони хоть полъ-стада“, говорить ему пастухъ, „только скажи, кто ты такой.“

— „Я—Господь вашъ, Творецъ міра.“

— „Охъ! если-бы я не боялся Бога моего я размозжилъ бы тебѣ голову вотъ этой палкой“, говорить пастухъ.

— „А что я тебѣ сдѣлалъ такое?“ спрашиваетъ пастуха Исусъ Христосъ.

— „А то, что Ты губишь молодыхъ людей, между тѣмъ какъ оставляешь въ живыхъ много такихъ стариковъ, которымъ даже надоѣло жить“, отвѣчаетъ пастухъ.

Такимъ образомъ, вернулся ни съ чѣмъ и Исусъ Христосъ. Теперь пошелъ къ пастуху св. Георгій. Когда пастухъ пожелалъ узнать о личности св. Георгія, то онъ отвѣтилъ ему:

— „Я—св. Георгій, котораго вы призываете, находишь въ нуждѣ; я защищаю васъ отъ злыхъ духовъ-дьяволовъ и исторгаю васъ изъ рукъ притѣснителя.“

Выслушавъ св. Георгія пастухъ воскликнулъ:

— „Гони все стадо!“ и палъ предъ нимъ на колѣни.

Послѣ обѣда Иисусъ Христосъ, отряхнувъ прахъ отъ платья, сказалъ:

— „Пусть на этомъ полѣ будетъ отличный урожай,— пусть съ одного снопа падаетъ по сто кодь *).“

Св. Георгій передалъ слова Иисуса Христа пастуху и посоветовалъ ему вспахать это поле. Пастухъ такъ и сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько времени чуднымъ путешественникамъ пришлось проходить по тому мѣсту, гдѣ они недавно обѣдали и гдѣ теперь росъ богатый хлѣбъ. Иисусъ Христосъ, узнавъ отъ св. Георгія, что нива эта принадлежитъ тому пастуху, который въ прошлый разъ отказался подарить Ему барана, сказалъ пророку Ильѣ, чтобы онъ послалъ на ниву пастуха градъ и опустошилъ ее. Св. Георгій немедленно сообщилъ пастуху объ опасности, которая грозитъ его нивѣ, а пастухъ успѣшилъ продать ее одной вдовѣ за два быка. Между тѣмъ пошелъ градъ и до того опустошилъ эту ниву вдовы, что отъ посѣва не осталось и слѣдовъ. Когда Иисусъ Христосъ узналъ о поступкѣ пастуха, то онъ приказалъ пророку Ильѣ возстановить на нивѣ вдовы посѣвъ въ прежнемъ состояніи. Не успѣлъ еще пророкъ Илья привести въ исполненіе приказаніе Иисуса Христа, а пастухъ, по внушенію св. Георгія, ужъ купилъ обратно себѣ ниву отъ вдовы. Когда нива была возстановлена пророкомъ Ильей до прежняго состояніи, то пастухъ приступилъ къ уборкѣ съ нея хлѣба и съ каждаго снопа получилъ по 100 кодь.

Учитель Баралетской сельской школы *И. Санаковъ.*

*) Кода равняется 3 пудамъ.

АРМЯНСКІЯ СКАЗКИ.

1. Царскій сынъ и лягушка.

Жиль-быль одинъ царь; у него было трое дѣтей: Бала, Мегри и Сегранъ. Отецъ ненавидѣлъ младшаго своего сына— Сеграна и всегда наказывалъ его за малѣйшій проступокъ. Долго выносилъ эти наказанія Сегранъ и, наконецъ, вышедши изъ терпѣнія, оставилъ домъ отца и удалился въ лѣсъ. Тамъ онъ нашелъ одну старую избу и сталъ въ ней жить. Каждый день, возвращаясь съ охоты, онъ находилъ избу убранныю, несмотря на то, что по утрамъ все въ ней бывало въ безпорядкѣ. Такое необычайное явленіе изумило его, и, чтобы разоблачить эту тайну, онъ спрятался однажды въ избѣ и сталъ караулить. Къ вечеру онъ увидѣлъ, что вошла въ избу лягушка и, взявъ метлу, стала подметать полъ избы, а потомъ привела и все другое въ порядокъ. Послѣ этого лягушка уже хотѣла-было уйти, но Сегранъ бросился къ ней, чтобы поймать ее. Только, когда онъ подошелъ къ лягушкѣ, вмѣсто гадины, вдругъ очутилась предъ нимъ прекрасная дѣвица. Очарованный ея красотою, Сегранъ женился на этой дѣвушкѣ, и они стали жить весело и счастливо.

Между тѣмъ отецъ Сеграна долго по всему царству искалъ своего сына, но не могъ найти его и, наконецъ, совершенно забылъ о немъ. Но вотъ приходитъ одинъ иностранецъ и рассказываетъ царю, что въ такомъ-то лѣсу, въ избѣ, живутъ два человѣка—мужъ и жена. Царь тотчасъ-же отправляетъ своихъ сыновей въ лѣсъ за этими людьми.

Бала и Мегри находятъ въ указанной иностранцемъ избушкѣ младшаго брата, Сеграна, и требуютъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ женою отправился къ отцу.

Сегранъ согласился. Царь принялъ его радушно и устроилъ пиръ въ честь сына. Во время пира, находясь подъ вліяніемъ вина, царь обѣщаль отдать Сеграну половину своихъ сокровищъ. Когда же прошло нѣсколько дней, царь опять сталъ относиться къ сыну враждебно. Вотъ онъ призываетъ его къ себѣ и говорить ему:

— „Сынъ мой! если хочешь получить обѣщанную мною часть сокровищъ, то сдѣлай, что я скажу тебѣ: иди въ лѣсъ и принеси мнѣ бревно, какъ толщиною, такъ и вышиною въ пятьдесятъ сажень.“

Сегранъ пришелъ къ царю съ радостью, думая, что получить обѣщанное, но теперь возвратился домой совсѣмъ грустный. Когда онъ разсказалъ женѣ своей о волѣ царя, то жена сказала ему, что исполнить это порученіе легко, стоитъ только пойти къ Морю и попросить у нея такого бревна; Море, какъ сестра ея, не откажетъ въ помощи.

Долго Сегранъ не вѣрилъ женѣ своей, наконецъ согласился и отправился къ Морю. И, дѣйствительно, Море дала ему такое бревно и даже обѣщала донести его до самаго царскаго дворца. На другой день послѣ этого царь опять позвалъ Сеграна и сказалъ ему:

— „Я очень благодаренъ тебѣ за то, что ты досталъ бревно, но прошу исполнить еще другое мое порученіе: я намѣренъ накормить пловомъ всѣхъ людей на земномъ шарѣ, но у меня нѣтъ котла, въ которомъ можно было-бы приготовить столько кушанья; надѣюсь, что ты достанешь такой котель.“

Сегранъ пошелъ домой и разсказалъ о новомъ порученіи царя.

Жена посоветовала опять отправиться къ Морю. Сегранъ второй разъ отправился къ свояченицѣ своей и попросилъ у нея такого котла. Море обѣщала принести рано утромъ требуемый котель на царскій дворъ. Когда царь увидѣлъ, что

Сегранъ исполнилъ и это порученіе, то призвалъ къ себѣ его и сказалъ ему:

— „Сынъ мой! ты исполнилъ мои приказанія и достоинъ получить обѣщанную тебѣ часть моихъ сокровищъ, но, къ сожалѣнію, ключъ отъ нихъ находится у твоей матери, которая теперь на томъ свѣтѣ; если ты пойдешь и принесешь ключъ, то непременно получишь свою часть.“

Сегранъ потерялъ совершенно надежду на полученіе сокровищъ и отправился домой. Жена, которая съ нетерпѣніемъ ждала мужа, увидѣвъ Сеграна, спросила о томъ, какъ поступилъ царь съ нимъ. Сегранъ сказалъ ей, что отецъ предлагаетъ ему идти на тотъ свѣтъ, чтобы взять у матери ключъ.

Въ словахъ Сеграна звучало полное отчаяніе, но жена спокойно выслушала его до конца и сказала, что чрезъ сестру ея, Море, онъ можетъ исполнить и это порученіе.

На другой день Сегранъ отправился ко Морю и рассказалъ ей все, какъ было. Море дала ему осла и сказала:

— „Сядь на этого осла и поѣзжай въ томъ направленіи, куда пойдетъ онъ самъ. Прежде всего ты встрѣтишь гору, которая тотчасъ раздѣлится надвое, какъ ты подѣдешь къ ней, — ты отправишься посрединѣ ея; потомъ будутъ встрѣчаться тебѣ, одна за другою, могилы: ты долженъ на каждую изъ этихъ могилъ бросать ячмень, и на какой могилѣ твой оселъ станетъ ѣсть ячмень, значитъ, та и есть могила твоей матери.“

Сегранъ сѣлъ на осла и отправился въ путь. Чрезъ десять дней онъ вступилъ въ гору, которая раздѣлилась на двѣ части, и онъ проѣхалъ по срединѣ ея. Послѣ этого онъ встрѣтилъ одного лежащаго на мосту человѣка, у котораго впадина одного глаза была наполнена водою, и эту воду пили два быка. Сегранъ спросилъ этого человѣка, почему онъ находится въ такомъ состояніи; но тотъ отвѣчалъ, что объяснить ему это на обратномъ пути. Потомъ Сегранъ встрѣтилъ другого, —

съ тяжестью на спинѣ. На вопросъ, почему онъ тутъ стоять, Сегранъ получилъ такой же отвѣтъ, какъ и отъ перваго. Далѣе, онъ встрѣтилъ одну дѣвушку, которая носила на спинѣ воду и кричала:

— „Воды!.. хоть бы мнѣ каплю воды!.. умираю отъ жажды.“

На вопросъ Сеграна, почему она такъ кричитъ, она отвѣтила такъ-же, какъ и первые двое. Наконецъ Сегранъ увидѣлъ двѣ комнаты, свѣтлую и темную, а около нихъ—человѣка, который отправлялъ однихъ людей въ свѣтлую, а другихъ въ темную комнату. Въ первой комнатѣ онъ нашелъ свою мать и, взявъ у нея ключъ, возвратился назадъ. При разставаніи мать сказала Сеграну:

— „Какъ-только пріѣдешь къ отцу твоему и скажешь ему: „крючъ привезъ“, онъ тотчасъ умретъ.“

Прежде, чѣмъ пуститься въ обратный путь, Сегранъ спросилъ человѣка, который отправлялъ однихъ людей въ свѣтлую, а другихъ въ темную комнату,—что онъ дѣлаетъ.

— „Я“, отвѣтилъ онъ, „на томъ свѣтѣ былъ судьей и постоянно рѣшалъ дѣла справедливо, поэтому Богъ назначилъ меня и здѣсь на такую же должность.“

Возвращаясь домой, Сегранъ встрѣтился со всѣми своими прежними знакомыми. При этомъ дѣвушка, которая носила холодную воду и постоянно кричала: „воды! воды! умираю отъ жажды,“ сказала:

— „Я однажды несла домой воду и на дорогѣ отказала нищему, который просилъ у меня позволенія напиться, и вотъ за это Богъ наказываетъ меня здѣсь.“

Человѣкъ съ тяжестью на спинѣ сказалъ:

— „У меня былъ слуга; однажды я разсердился на него и приказалъ положить ему на спину шести-пудовую тяжесть и простоять съ нею два дня. Не прошло и дня, какъ мой слуга упалъ на землю мертвымъ. Богъ теперь и наказываетъ меня за это.“

Человѣкъ, который лежалъ на мосту, объяснилъ свое состояніе такъ:

— „Разъ повелъ я своихъ быковъ на водоной; тамъ я увидѣлъ чужихъ двухъ быковъ, которые пили воду; я прогналъ ихъ и сталъ поить своихъ быковъ. За это Богъ и наказываетъ меня.“

Наконецъ Сегранъ пріѣхалъ домой. Царь вышелъ ему навстрѣчу и съ насмѣшкою спросилъ:

— „Сынъ мой! ты конечно опять исполнилъ мое порученіе?“

Какъ-только Сегранъ произнесъ: „да, я принесъ ключъ“, царь упалъ на землю и умеръ. Послѣ этого Сегранъ и братья его жили вмѣстѣ и никогда не ссорились между собою.

Записалъ въ сел. Улукарабекъ, со словъ *Д. Теръ-Даніелова*, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *С. Табагянцъ*.

2. М а т ь и д о ч ь .

Жили-были мужъ съ женой, а у нихъ была очень красивая дочь. Родители очень любили ее и ни на минуту не спускали съ нея глазъ своихъ. Однажды, когда дочь спала, отецъ же и мать ея, сидя около нея, любовались ея румяннымъ личкомъ, прилетѣли два голубя, сѣли на деревѣ, стоявшемъ на дворѣ, и сказали:

— „Жаль этой дѣвочки: ей суждено свыше семь лѣтъ стеречь мертвеца. . .“

Услышавъ это, родители стали придумывать мѣры, чтобы не случилось этого съ ихъ дочерью. Наконецъ они рѣшились удалиться изъ *этого міра* и переселиться въ *другой міръ*, чтобы такимъ образомъ у нихъ никто не могъ отнять дочь. Они отправились. Много-ли, мало-ли они шли, только, нако-

нецъ, пришли къ одному замку. Замокъ этотъ былъ обведенъ крѣпкими, неприступными стѣнами и имѣлъ желѣзныя запертыя ворота. Они сѣли отдохнуть около стѣны. Вдругъ дочь ихъ безъ посторонней помощи поднялась по стѣнѣ и направилась въ замокъ. Сколько ни рвали на себѣ одежду родители, сколько ни кричали, ничего не могли сдѣлать: дѣвочка скрылась изъ виду. Она поднялась по лѣстницѣ въ комнаты замка и тамъ, въ одной изъ нихъ, увидѣла человѣка, лежавшаго на кровати: онъ былъ безъ признаковъ жизни, въ какомъ-то безчувственномъ состояніи. Этого-то мертвеца ей суждено было стеречь семь лѣтъ. По внушенію свыше, она стала ухаживать за нимъ.

Прошло семь лѣтъ, наступилъ день, когда этотъ человѣкъ пробудился отъ своего сна: онъ всталъ и, познакомившись съ дѣвушкой, женился на ней.

Однажды, спустя нѣкоторое время, мужъ увидѣлъ вдали трехъ пирующихъ великановъ, взялъ лукъ и хотѣлъ пустить въ нихъ стрѣлу. Жена уговаривала его не дѣлать этого, но мужъ не послушался: пустилъ стрѣлу и двухъ великановъ убилъ, а третьяго ранилъ въ голову.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и мужъ умеръ. Раненый великанъ искалъ, между тѣмъ, убійцу своихъ братьевъ, чтобы отомстить ему, и когда, наконецъ, узналъ, кто былъ убійцей, то послѣдняго уже не было въ живыхъ; тогда онъ рѣшился отомстить его женѣ. Онъ подговорилъ одну старуху, чтобы та пошла ко вдовѣ и уговорила ее выйти за мужъ за него, обѣщая награду за услуги. Старуха пошла и поселилась около замка. Однажды, разговаривая со вдовой, стоявшей на стѣнѣ, старуха спросила ее, не пожелаетъ ли она выйти замужъ за великана, и стала хвалить его, какъ очень хорошаго человѣка. Вдова согласилась, по веревкѣ спустилась со стѣны на землю и пошла со старухой въ ея хижину. Скоро пришелъ сюда великанъ, посадилъ невѣсту на крупъ своей лошади

и повезъ. Цѣлый день они ѣхали, не отдыхая ни на минуту, наконецъ невѣста обратилась къ великану и сказала:

— „Отчего ты не хочешь немного отдохнуть?“

— „Я намѣренъ совсѣмъ замучить тебя,“ сказалъ великанъ и, показывая ей рану на своей головѣ, прибавилъ: „видишь-ли эту рану? за нее я долженъ отомстить тебѣ.“

Она вздрогнула отъ ужаса. Послѣ того, связавъ вдову, великанъ избилъ ее до полу-смерти, но, не довольствуясь этимъ, хотѣлъ съжечь ее. Въ то время, какъ великанъ собиралъ дрова для костра, проходилъ караванъ. Женщина молила проходившихъ о спасеніи. Хозяинъ каравана былъ добрый человѣкъ: сжалился надъ нею, взялъ ее и спряталъ въ мѣшокъ съ ватюю. Какъ-только они прошли нѣкоторое разстояніе, вдругъ слышать, —кто-то догоняетъ караванъ и кричить:

— „Эй, караванъ, стой! украли мой товаръ, я хочу обыскать ваши вещи: можетъ быть, вы взяли его.“

— „У насъ ничего твоего нѣтъ, мы ничего не брали,“ отвѣчали великану.

Великанъ догналъ караванъ, остановилъ его и сталъ искать свою невѣсту, но не могъ найти ея и ни съ чѣмъ вернулся назадъ.

Караванъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія. Хозяинъ выѣхалъ измученную женщину, и, когда она выздоровѣла, женился на ней. Молодая жена, несмотря на то, что была окружена ласками и довольствомъ, все время горевала и тосковала. Мужъ не могъ придумать, отчего она постоянно грустна. Наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ мужа, она сама сказала ему:

— „Я тоскую потому, что у насъ на дворѣ, у лѣстницы, нѣтъ пары львовъ: если они будутъ, то я стану покойна душой и весела.“

Она боялась, что великанъ непременно найдетъ ее и будетъ мстить ей. Мужъ такъ любилъ свою жену, что не только готовъ былъ исполнить всякое желаніе ея, но и положить за

нее свою душу. Онъ досталъ пару львовъ и привязалъ ихъ у лѣстницы, по обѣимъ сторонамъ ея. Послѣ этого жена почувствовала себя въ безопасности отъ великана и стала веселѣе.

Между тѣмъ великанъ искалъ эту женщину и, наконецъ, узналъ отъ одной старухи, которая жила въ сосѣдствѣ съ купцомъ, что два года тому назадъ купецъ привезъ съ собою какую-то израненную женщину, вылѣчилъ ее и женился на ней. Великанъ догадался, что это была его невѣста.

— „Можно ли мнѣ пойти къ ней? я имѣю до нея дѣло“, спросилъ великанъ старуху.

— „Это очень опасно“, отвѣтила старуха, — „у нихъ по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, ведущей въ домъ, привязано по льву, и никто не можетъ добраться до дому, кромѣ хозяевъ.“

— „Неужели нельзя какъ-нибудь обмануть львовъ и пройти между ними безъ вреда?“ снова спросилъ великанъ.

— „Разрѣжь барана пополамъ“ сказала ему старуха, „и, какъ подойдешь ко львамъ, брось имъ мясо, а самъ поскорѣе поднимайся по лѣстницѣ.“

Великанъ поблагодарилъ старуху за совѣтъ и ушелъ; онъ досталъ барана, разрѣзалъ его пополамъ и отправился къ дому купца: бросилъ львамъ барана и, пока они ѣли мясо, прошелъ между ними и поднялся по лѣстницѣ. Въ это время жена купца сидѣла въ своей комнатѣ и шила, а мужъ ея въ другой комнатѣ спалъ. Великанъ ступилъ на порогъ ея комнаты. Увидѣвъ великана, жена купца, ужаснулась; отъ испугу у нея даже нижняя губа треснула, и изъ нея показалась кровь. Она вскочила съ мѣста и бросилась къ мужу, спавшему на богато-убранной кровати. Она положила голову на его грудь и горько заплакала, но слезы жены не разбудили его. Великанъ вошелъ вслѣдъ за ней и приказалъ ей идти за нимъ; она повиновалась и вышла на дворъ. Остановившись на минуту, простирая руки и поднимая глаза къ небу, она такъ молилась Богу:

— „О, Боже! Ты далъ мнѣ младенца, который скоро долженъ появиться на свѣтъ: я, посвящаю его Тебѣ, только освободи меня отъ этого великана!“

Какъ-только она сказала это, львы схватили великана и разорвали пополамъ. Увидѣвъ это, женщина такъ громко засмѣялась, что мужъ, котораго не могли разбудить слезы ея, проснулся и выбѣжалъ на ея смѣхъ. Онъ былъ изумленъ, увидѣвъ свою жену смѣющейся, ибо онъ столько времени ни разу не видѣлъ, чтобы она смѣялась. Не дожидаясь вопросовъ со стороны мужа, жена обратилась къ нему и, показывая на великана, сказала, съ улыбкой:

— „Ты все время желалъ, чтобы я была весела и смѣялась; но какъ я могла быть веселой, имѣя врагомъ такое чудовище?!“

Мужъ успѣлъ увидѣть лишь голову великана, которую пожирали въ это время львы.

— „Теперь больше нѣтъ виновника моей печали“, весело добавила она.

Спустя нѣкоторое время жена родила дочь, которую называли Гульназей. Текли дни за днями, а Гульназя росла не годами, а днями. Однажды жена видитъ, что идетъ нищій; она поручила Гульназѣ подать нищему милостыню. Но мнимый нищій въ образѣ котораго явился Самъ Христосъ; возвращая Гульназѣ поданную милостыню, сказалъ ей:

— „Иди, — скажи своей матери, что она обѣщалась подать мнѣ другую милостыню.“

Дочь возвратилась къ матери и передала ей слова нищаго. Мать вспомнила тогда свой обѣтъ и сказала Гульназѣ:

— „Милая, эта милостыня — ты сама, — иди съ нимъ!“

Гульназя безропотно пошла къ нищему и сказала ему:

— „Мама говорить, что я — милостыня, которую она обѣщалась подать тебѣ; возьми же меня, если ты за мною пришелъ!“

Нищій улыбнулся ей, поцѣловалъ ее въ румяныя щеки, далъ ей шелковый платокъ и сказалъ:

— „Возьми этотъ платокъ, — онъ тебѣ пригодится, когда будешь больна: если какое-нибудь мѣсто на твоемъ тѣлѣ будетъ болѣть, ты приложи этотъ платокъ къ тому мѣсту, и боль пройдетъ. Сверхъ того, когда будешь смѣяться, то пусть изъ твоего рта будутъ сыпаться золотыя розы... А теперь иди къ своей матери и скажи, что я второй разъ дарю ей тебя.“

Гульназя возвратилась къ матери, рассказала ей, что случилось, и хотѣла засмѣяться, но вдругъ изъ рта ея посыпались на землю розы. Мать замѣтила въ своей дочери большую переменѣну: она стала красива, какъ ангелъ небесный, и говорила такъ хорошо, такъ пріятно, что мать пришла въ восторгъ. Она убѣдилась, что это былъ не простой нищій, встала съ мѣста и вышла за ворота, чтобы пригласить его въ домъ, но было уже поздно: нищій исчезъ изъ виду.

Гульназя выросла, и пришло время выходить ей замужъ. Царевичъ этой страны, наслышавшись о Гульназѣ, о ея красотѣ и о томъ, что, когда она смѣется, изъ рта у нея сыплются золотыя розы, познакомился съ ней и женился на ней. Долго они жили въ счастьѣ. Царь умеръ, и царевичъ сдѣлался царемъ. Однажды, когда молодой царь поѣхалъ на охоту, царица приказала затопить для себя баню. У нея была служанка, которая обыкновенно ходила съ пей въ баню; эта служанка была очень красива, и ей хотѣлось самой быть царицей; поэтому она рѣшилась погубить Гульназю. Когда царица была въ банѣ, служанка заперла дверь въ баню, переодѣлась въ одежду царицы и пошла во дворецъ; тамъ нашла она ящикъ, гдѣ царица хранила золотыя розы, положила въ карманъ нѣсколько штукъ и опять пошла въ баню, взявъ съ собой служанокъ. Служанки не догадались, что это была не настоящая царица. Въ банѣ, прежде-чѣмъ раздѣться, мнимая царица выразила желаніе посмотрѣть, хорошо ли она вы-

топлена: отперла ее и, увидѣвъ тамъ Гульназю раздѣтой, съ притворнымъ ужасомъ воскликнула:

— „Схватите ее и ослѣпите! она забралась сюда съ цѣлью погубить меня!“

Гульназю схватили и увели на дворъ. Она не знала, что-такое съ ней дѣлается, и не могла понять, наяву ли, или во снѣ все это совершается. Мнимая царица приказала вырѣзать ей глаза и, одѣвши въ лохмотья, отвезти въ отдаленный лѣсъ и тамъ оставить. Изъ дорогихъ для нея вещей Гульназя успѣла взять съ собой только тотъ платокъ, который далъ ей нищій: она постоянно держала его при себѣ и не выпускала его изъ рукъ даже въ банѣ. Царица-самозванка сохранила у себя ея глаза.

Возвратился царь съ охоты и не замѣтилъ, что настоящей его жены нѣтъ. Царица-самозванка каждый разъ, когда случалось смѣяться, незамѣтнымъ образомъ клала въ ротъ одну золотую розу и выпускала ее во время смѣха.

Между тѣмъ Гульназя мучилась въ лѣсу. Вдругъ она слышитъ звукъ топора; она потащилась на стукъ и узнала, что какой-то старикъ рубитъ дрова. Она сказала старику:

— „Возьми меня къ себѣ, ради Бога! я здѣсь умираю, — меня ослѣпили и привели сюда лукавые люди, которые прежде притворялись преданными мнѣ. Возьми меня, не бойся, и ты разбогатѣешь.“

Старикъ не понялъ ея словъ и отвѣтилъ:

— „Голубушка, у меня и безъ тебя семь дочерей; мнѣ нечѣмъ и ихъ кормить.“

— „Богъ поможетъ,“ сказала Гульназя и засмѣялась.

Нѣсколько золотыхъ розъ выпало у нея изо рта; она собрала ихъ и подала старику, говоря:

— „Вотъ, возьми это золото и купи хлѣба.“

Старикъ радостно принялъ подарокъ и привелъ Гульназю къ себѣ домой. Дорогой Гульназя еще не разъ смѣялась

и этимъ дала возможность старику разбогатѣть. Старикъ пошелъ въ столицу продавать золотыя розы, которыхъ Гульназа доставила ему множество. Прощаясь съ нимъ, она сказала:

— „Если у тебя захочетъ купить розы женщина, то скажи ей, что продаешь розы не за деньги, а за глаза: мои глаза вырѣзали и взяли ихъ; можетъ быть, такимъ путемъ тебѣ удастся достать мои глаза.“

Старикъ обѣщаль непременно исполнить ея волю. Онъ ходилъ по всѣмъ улицамъ столицы и кричалъ, что продаетъ золотыя розы. Когда онъ проходилъ мимо дворца, вдругъ видитъ, что сзади зоветъ его женщина; подозвавъ, она сказала ему, что царица требуетъ его. Старикъ смѣло вошелъ къ царицѣ, и между ними завязался обычный въ подобныхъ случаяхъ разговоръ.

— „Ты продаешь золотыя розы?“ спросила она.

— „Да.“

— „Посмотримъ, какія у тебя розы, что ты называешь ихъ золотыми... Мнѣ нужны настоящія золотыя розы.“

Старикъ развернулъ узелокъ. Царица посмотрѣла одну розу и сказала:

— „Мнѣ какъ разъ такія розы и нужны. Сколько стоитъ весь твой узелокъ?“

— „Я розы продаю за глаза“, отвѣтилъ старикъ.

— „Кто же у тебя купить ихъ за глаза?! впрочемъ, у меня есть одна пара глазъ, я ихъ, пожалуй, дамъ тебѣ, но больше негдѣ мнѣ достать глазъ; остальные продавай за деньги: я намѣрена купить всѣ твои розы.“

Старикъ согласился; онъ продалъ всѣ розы и, взявъ у царицы глаза и много денегъ, весело возвратился домой. Гульназа, получивъ свои глаза, вставила ихъ въ глазныя впадины, обвела ихъ тѣмъ самымъ платкомъ, который далъ ей нищій, и тотчасъ же стала видѣть.

Черезъ нѣкоторое время она рассталась съ семействомъ

старика и пошла въ столицу; ей удалось наняться въ служанки къ царю; она до того измѣнилась по наружности, что ее никто не могъ узнать. Вскорѣ она своимъ умомъ снискала такое довѣріе царя, что удостоилась убирать его спальню. Однажды вечеромъ, убирая постель царя, она засмѣялась и уронила на постель нѣсколько золотыхъ розъ. Когда царь улегся спать, то вдругъ почувствовалъ боль въ боку, повелъ рукой по постели и нашелъ розы; онъ позвалъ Гульназю, приказалъ ей снова убрать постель, упрекнувъ ее, что она плохо исполняетъ свое дѣло,—что въ постели оказались какіе-то камни. Гульназя молча освѣтила комнату, и царь увидѣлъ, что въ постели были не камни, а золотыя розы. Царь спросилъ Гульназю, откуда могли попасть въ его постель розы. Въ отвѣтъ Гульназя рассказала царю все, что случилось съ ней, съ того времени, когда, въ роковой для нея день, царь поѣхалъ на охоту.

На слѣдующій день, разобравъ дѣло, царь повѣсилъ царяцу-самозванку, а съ Гульназю послѣ того жилъ въ любви до глубокой старости.

3. Сначала слуга, а потомъ царь.

Жила была старуха со своимъ сыномъ. Когда минуло ему пятнадцать лѣтъ, онъ сказалъ матери:

— „Матушка, я больше не хочу попусту сидѣть дома да скучать,—хочу заняться какимъ-нибудь дѣломъ!“

— „Ну, чѣмъ же ты хочешь заняться?“ спросила его старуха.

— „Пойдемъ вмѣстѣ на базаръ,“ отвѣтилъ сынъ, „и я тамъ выберу себѣ занятіе.“

Пошли они: обошли весь базаръ, но сынъ всё не могъ найти себѣ подходящаго дѣла. Наконецъ они увидѣли одного купца; сынъ сказалъ матери:

— „Матушка, я хочу служить вотъ у этого купца.“

Вошли къ купцу. Старуха предложила ему взять къ се-

бѣ въ ученіе ея сына. Купецъ согласился, но сказалъ старухѣ, что чрезъ нѣсколько дней увезетъ его въ другой городъ, и сынъ ея постоянно тамъ будетъ жить. Старуха ничего не возразила противъ этого. Купецъ сейчасъ же хотѣлъ договориться и относительно годового жалованья юношѣ; онъ сказалъ старухѣ:

— „Что возьмешь: пятнадцать ли копеекъ, заработанныхъ честнымъ путемъ, или сто рублей, заработанныхъ нечестнымъ путемъ?“

Она выбрала первое.

— „Пятнадцать копеекъ, заработанныхъ честнымъ путемъ, въ десять разъ больше стоятъ, нежели сто рублей, добытыхъ нечестнымъ путемъ!“ сказала старуха и, оставивъ сына у купца, направилась къ себѣ домой.

Чрезъ нѣсколько дней, согласно своимъ словамъ, купецъ взялъ юношу и повезъ въ другой городъ, гдѣ была у него обширная торговля. Юноша, по своему характеру, по трудолюбію, такъ понравился купцу, что онъ хотѣлъ даже усыновить его. Прошелъ годъ, — купецъ далъ юношѣ пятнадцать копеекъ и сказалъ:

— „Вотъ твое жалованье! купи на эти деньги для матери, чего хочешь: я на дняхъ ѣду домой.“

Юноша взялъ пятнадцать копеекъ и вышелъ на базаръ. Тамъ онъ купилъ три гранаты за десять копеекъ и ящикъ за пять копеекъ. Положивъ гранаты въ ящикъ, юноша передалъ его своему хозяину, говоря:

— „Я купилъ три гранаты, отвези ихъ матери.“

Купецъ отправился. Ему пришлось проѣзжать чрезъ одинъ городъ. Здѣсь онъ увидѣлъ, что всѣ жители, отъ малаго до стараго, одѣты въ трауръ. Онъ спросилъ у одного человѣка:

— „Почему всѣ одѣты въ трауръ?“

Спрошенный сообщилъ, что царевичъ этого города силь-

но боленъ, такъ что никакія лѣкарства не помогаютъ, и доктора говорятъ, что царевичъ выздоровѣетъ лишь тогда, если поѣстъ гранатъ, а гранатъ нигдѣ не могутъ достать, хотя царь обѣщаетъ полъ-царства тому, кто вылѣчитъ царевича. Купецъ попросилъ незнакомца показать ему дорогу во дворецъ, взялъ съ собой ящикъ, гдѣ хранились гранаты, и вошелъ къ царевичу (къ нему всякій могъ войти, лишь бы вылѣчилъ его). Купецъ вынулъ гранаты и предложилъ царевичу ѣсть ихъ. Царевичъ съѣлъ одну штуку и почувствовалъ себя нѣсколько лучше, съѣлъ другую, третью и совершенно выздоровѣлъ, всталъ съ постели и началъ ходить. Донесли царю, что одинъ иностранецъ вылѣчилъ царевича. Царь позвалъ къ себѣ купца и сказалъ ему:

— „Я обѣщаль дать полъ-царства тому, кто вылѣчитъ моего сына; получи же обѣщанное, я даю отъ чистаго сердца!“

— „Я ничего для себя не желаю“, отвѣтилъ купецъ, „но, какое добро хочешь сдѣлать, сдѣлай хозяину этихъ гранатъ.“

Царь наполнилъ драгоцѣнными камнями тотъ ящикъ, въ которомъ были гранаты, и отдалъ его купцу.

Купецъ приѣхалъ домой. Узнавъ объ этомъ, старуха пришла къ нему:

— „Какъ здоровье моего сына?“ спросила она.

— „Ничего, слава Богу, здоровъ;“ отвѣтилъ онъ, „прислалъ тебѣ ящикъ, но не знаю, что въ немъ находится.“

Старуха взяла ящикъ и унесла къ себѣ домой; но не раскрыла его, а поставила у прядильни и скоро забыла про него. Купецъ опять возвратился въ тотъ городъ, гдѣ была у него торговля. Прошелъ другой годъ. Купецъ снова далъ юношѣ пятнадцать копеекъ, говоря:

— „Я опять ѣду домой, — купи матери что-нибудь; я отвезу ей.“

Взялъ юноша эти деньги и вышелъ на базаръ. На этотъ

разъ онъ купилъ за десять копеекъ кошку, а за пять копеекъ ящикъ, помѣстилъ кошку въ ящикъ и принесъ хозяину.

— „Я ничего не могъ купить для матери, кромѣ этой кошки“, сказалъ онъ. „У насъ въ домѣ нѣтъ кошки, а много мышей; отвези ее матери; кошка пригодится ей.“

Взялъ купецъ ящикъ и отправился домой. Ему пришлось ночью вѣхать въ одинъ городъ. На улицахъ никого онъ не встрѣтилъ. Вдругъ онъ видитъ, — идутъ къ нему три человѣка: подошли къ нему, поздоровались и, узнавъ, что онъ иностранецъ, пригласили его къ себѣ въ гости; купецъ согласился. Они вошли чрезъ ворота въ одинъ домъ и сейчасъ же заперли за собой ворота; вошли, затѣмъ, въ одну комнату и сейчасъ же заперли двери; вошли въ другую комнату, опять заперли двери, и такимъ образомъ прошли нѣсколько комнатъ. Купецъ догадался, что они призвали его не въ гости, а для того, чтобы ограбить. Наконецъ, они вошли въ одну маленькую глухую комнату. Въ этой комнатѣ ничего не было, кромѣ ковра, разостланнаго на голомъ полу. Разбойники сѣли на коврѣ, предложивъ тоже сдѣлать и купцу. Нѣкоторое время они сидѣли молча. Наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ купцу:

— „Мы пригласили тебя не въ гости, а хотимъ убить тебя, и все твое имущество останется намъ; дай намъ, что у тебя есть; чрезъ минуту ты будешь лишенъ жизни.“

Купецъ твердымъ голосомъ отвѣтилъ на эти ужасныя слова слѣдующее:

— „Вы зазвали меня въ гости, а гостя угощаютъ, обыкновенно, обѣдомъ; по крайней мѣрѣ въ теченіе часа поступайте со мною, какъ съ гостемъ; я голоденъ: дайте мнѣ пообѣдать, а потомъ, что хотите, то и дѣлайте со мною.“

Разбойники охотно согласились на это. Принесли обѣдъ. Какъ-только начали наливать тарелки, всѣ разбойники встали съ мѣстъ, взяли по палкѣ и стали вокругъ котла. Купецъ, не

понимая, въ чемъ дѣло, подумалъ, что хотятъ убить его и связать:

— „Ради Бога, дайте мнѣ пообѣдать, а потомъ убейте!“

— „Нѣтъ, мы не хотимъ еще убивать тебя, а приговоряемся отговать тѣхъ маленькихъ животныхъ, которыя выходятъ изъ всѣхъ щелей и таскаютъ у насъ съвѣстное, когда мы собираемся обѣдать.“

Едва они сказали это, какъ изъ разныхъ угловъ комнаты выбѣжали мыши и бросились на столъ. Купецъ тогда выпустилъ изъ ящика кошку, данную ему прикащикомъ; кошка, увидѣвъ мышей, начала уничтожать ихъ десятками. Разбойники пришли въ восторгъ отъ ловкости кошки; они обратились къ купцу и сказали:

— „Дай намъ это животное, и мы не только не убьемъ тебя, но всё, что у тебя есть, оставимъ тебѣ и, сверхъ того, дадимъ тебѣ за него изъ нашего имущества, что самъ захочешь взять“.

— „Я ничего не желаю для себя“, сказалъ купецъ, „а, что хотите дать, дайте ховяину этой кошки.“

Они наполнили ящикъ, въ которомъ раньше была спрятана кошка, серебряными и золотыми монетами, вручили его купцу и на слѣдующее утро съ почетомъ выпустили его на волю.

Купецъ пріѣхалъ домой. Старуха, узнавъ о пріѣздѣ купца, пришла къ нему и начала спрашивать о здоровьи сына. Купецъ далъ ей привезенный имъ ящикъ, ничего не говоря относительно того, что въ немъ находится. Старуха съ этимъ ящикомъ поступила такъ же, какъ съ первымъ. Купецъ же, спустя нѣкоторое время, вернулся назадъ, къ мѣсту своей торговли.

Царица того города, гдѣ торговалъ этотъ купецъ, внезапно умерла. Царь, по смерти первой супруги, хотѣлъ жениться второй разъ. У него была единственная дочь-красавица; она такъ понравилась своему отцу, что онъ хотѣлъ жениться на

ней. Знал, что дочь не согласится на это, онъ придумалъ слѣдующую хитрость: ночью, когда дочь спала, онъ тайкомъ снялъ мѣрку съ ея ноги, а потомъ приказалъ сапожнику шить по той мѣркѣ одну пару полусапожекъ. Когда полусапожки были готовы, царь приказалъ въ опредѣленное время всѣмъ дѣвицамъ города собраться во дворецъ, чтобы онъ могъ выбрать изъ нихъ царицу. Всѣ дѣвицы собрались. Царь приказалъ имъ поочередно примѣривать полусапожки, объявивъ, что та изъ нихъ будетъ царицею, на чьи ноги придутся они, если, притомъ, она понравится царю. Стали дѣвицы примѣривать царскую обувь. Но царь все браковалъ дѣвицъ: одной онъ говорилъ, что полусапожки ей не приходятся, другой, — что она некрасива и т. д. Ни одна изъ нихъ, такимъ образомъ, не годилась въ царицы. Онъ отпустилъ всѣхъ дѣвицъ и, когда ужъ никого изъ постороннихъ не осталось во дворцѣ, обратился къ дочери:

— „Надѣнь-ка ты, милая, — можетъ-быть, хоть тебѣ придутся полусапожки.“

Царевна, ничего не говоря, стала надѣвать; она не думала о томъ, что будетъ, если полусапожки придутся на ея ногу. Какъ-только она надѣла, царь отъ радости воскликнулъ:

— „О, неужели тебѣ суждено быть моею женою?!“

— „Что это ты говоришь, отецъ!“ возразила дочь, „я скорѣе умру, нежели соглашусь быть твоей женой!“.

Сказавъ это, она вышла на улицу, отыскала мастерскую столяра и сказала ему:

— „Ты долженъ въ эту же ночь сдѣлать мнѣ такой комодъ, который можно было бы отпирать и запираť изнутри, и принести ко мнѣ рано утромъ.“

— „Хорошо!“ отвѣчалъ столяръ и немедленно принялся за работу.

Утромъ столяръ принесъ царевнѣ комодъ. Царевна, о-смотрѣвъ его, сказала столяру:

— „Я запрूसъ въ комодъ, а ты возьми его, снеси на базаръ и продай тому, кто первый захочетъ купить его, хотя-бы онъ давалъ только копейку. Если-же не исполнишь моего приказанія въ точности, то я прикажу повѣсить тебя.“

Столяръ обѣщаль повиноваться.

Въ тотъ же самый вечеръ, когда царевна приказала столярю сдѣлать комодъ, юноша получилъ отъ купца пятнадцать копеекъ и утромъ вышелъ на базаръ купить что-нибудь для матери, но на этотъ разъ долго ничего не могъ купить. Вдругъ онъ видитъ, что продають комодъ: онъ подошелъ, началъ осматривать его, ходить кругомъ его, не рѣшаясь спросить о цѣнѣ. Наконецъ столяръ самъ спросилъ его:

— „Что ты любишь комодомъ? можетъ-быть, хочешь купить его?“

— „Хорошій комодъ; онъ мнѣ нравится“, отвѣтилъ юноша, „и я купилъ-бы его съ большимъ удовольствіемъ, но у меня мало денегъ.“

— „А сколько у тебя ихъ?“ спрашиваетъ столяръ.

— „Пятнадцать копеекъ.“

— „Такъ неужели ты думаешь, что за такую цѣну можно купить комодъ?! за пятнадцать копеекъ отдать такую вещь!..“

Юноша отъ стыда уже хотѣлъ уйти, какъ изнутри комода царевна начала стучать. Столяръ вспомнилъ угрозу царевны и позвалъ юношу:

— „Иди, ничего, и за пятнадцать копеекъ можно продать.“

Юноша сначала не повѣрилъ словамъ столяра, но тотъ увѣрилъ его, что онъ не шутитъ, взялъ съ него пятнадцать копеекъ и передалъ ему комодъ. Юноша отнесъ его къ хозяину. Какъ-только онъ принесъ комодъ домой, изъ него вышла царевна и обняла юношу. Тотъ удивился и не зналъ, что это значить. Царевна объяснила ему, въ чемъ дѣло, и пред-

ложила ему свою руку. Онъ согласился, повелъ свою невѣсту къ хозяину, а потомъ заперъ ее въ комодъ и попросилъ хозяина отвезти послѣдній матеря. Хозяинъ отвезъ комодъ и, ничего не говоря о томъ, что находится внутри его, передалъ старухѣ, а та оставила его безъ всякаго вниманія, какъ и другіе подарки своего сына.

Какъ-только старуха ушла изъ дому, царевна вышла изъ комода, подмела комнату, развела огонь, все въ комнатѣ привела въ порядокъ, а потомъ опять заперлась въ комодѣ. Старуха приходитъ и удивляется. „Кто это такъ привелъ все въ порядокъ?“ думаетъ она. Это повторилось нѣсколько разъ. Наконецъ, старуха рѣшилась подкараулить того, кто убираетъ ея комнату; она скрылась за дверью и изъ-за двери подсматривала за тѣмъ, что дѣлается внутри комнаты. Вдругъ она видитъ: изъ комода вышла дѣвица, взяла вѣникъ и начала подметать комнату. Въ это время старуха вышла изъ-за двери и подошла къ царевнѣ.

— „Кто ты такая, милочка?“ спросила она.

— „Я—твоя невѣстка, матушка!“ отвѣтила царевна: „меня прислалъ твой сынъ; я останусь у тебя до его возвращенія.“

— „Я очень рада, голубушка, что вижу свою невѣстку!“ сказала старуха, обнимая царевну.

Послѣ этого царевна стала жить у старухи открыто. Однажды, когда онѣ легли спать, царевнѣ вдругъ бросился въ глаза свѣтъ изъ-подъ прялки. Она полюбопытствовала узнать, что это за свѣтъ, и спросила свекровь:

— „Мама, что-такое находится у прялки?“

— „Это ящики тамъ валяются, которые мой сыночекъ прислалъ мнѣ. Я не смотрѣла, что заключается въ нихъ.“

— „Утромъ я посмотрю“, сказала царевна.

Когда встали, царевна, раскрыла ящики, и нашла въ одномъ драгоценные камни, а въ другомъ серебро и золо-

то. Послѣ этого царевна построила для себя и своей свекрови такія роскошныя палаты, какихъ во всемъ городѣ не было.

У юноши былъ двоюродный братъ, плѣшивый; онъ влюбился въ царевну и захотѣлъ обольстить ее. Однажды онъ приходитъ къ старухѣ и просить, чтобы она отпустила его и царевну въ баню. Старуха отпустила ихъ. На дорогѣ царевна по словамъ его догадалась объ его намѣреніи. Когда они пришли въ баню и двоюродный братъ предложилъ ей первой мыться; то она настояла, чтобы первымъ мылся онъ самъ. Когда же онъ раздѣлся, царевна облила его такою горячею водою, что онъ не могъ двинуться съ мѣста, а сама выбѣжала изъ бани, ушла домой и все, что случилось, рассказала свекрови.

— „Хорошо ты сдѣлала“, похвалила она невѣстку, „вотъ я пойду къ нему, и увидишь, что я сдѣлаю съ нимъ!“

Сказавъ это, старуха направилась къ племяннику. Но въ домѣ его она никого не нашла, ждала его до вечера, но никого не дождалась и ни съ чѣмъ возвратилась домой.

Между тѣмъ плѣшивый, догадываясь, что ему худо будетъ, если онъ останется въ этомъ городѣ, сейчасъ же отправился къ своему двоюродному брату и рассказалъ ему, будто супруга его нечестнымъ путемъ нажила столько денегъ, что и счету нѣтъ, и выстроила такія палаты, какихъ нигдѣ не найдешь. Молодой человѣкъ отъ этихъ словъ, пришелъ въ такую гнѣвъ, что не могъ даже стоять на ногахъ: сейчасъ же онъ отпросился у хозяина на двѣ недѣли, для поѣздки домой, нанялъ лошадей и отправился.

По прибытіи домой, онъ позвалъ царевну, посадилъ на крупъ своей лошади и поѣхалъ обратно. Достигши моря, онъ изрѣзалъ царевну кинжаломъ и бросилъ въ море, а самъ поѣхалъ домой. Какъ-только сынъ воротился, старуха спросила его:

— „А гдѣ же моя голубка? гдѣ моя дорогая невѣстка?“

— „Я прошу тебя про нее ничего не говорить мнѣ!“ мрачно отвѣтилъ ей сынъ.

— „Что ты сдѣлалъ съ нею? скажи!“ съ тревогою стала спрашивать его мать, „я безъ нея часу не могу жить.“

— „Я убилъ ее за невѣрность“, еще угрюмѣе сказалъ онъ ей.

Услышавъ это, старуха чуть не упала въ обморокъ; вскочивъ съ своего мѣста, она приказала сыну вести ее туда, гдѣ онъ убилъ жену. Дорогой старуха рассказала сыну все, что произошло въ его отсутствіе, — какъ плѣшивый хотѣлъ обольстить ее. Сынъ теперь понялъ, что онъ былъ обманутъ, и, торопя мать, быстро шелъ впередъ.

Когда молодой человѣкъ бросилъ свою жену въ море, одинъ старый рыбакъ ловилъ рыбу недалеко отъ того мѣста. Рыбакъ вдругъ замѣтилъ, что море вблизи отъ него покраснѣло, и на покраснѣвшемъ мѣстѣ плавало что-то. Онъ пошелъ туда и увидѣлъ на водѣ трупъ дѣвушки; онъ забросилъ свой неводъ и вытащилъ трупъ на берегъ, и, удостовѣрившись, что дѣвушка еще жива, взялъ ее на руки и поспѣшилъ отнести въ свою избушку, въ которой неподалеку жилъ со своею старухой. У нихъ не было дѣтей. Они положили дѣвушку на постель, ухаживали за ней и со слезами на глазахъ молили Бога, чтобы Онъ даровалъ жизнь этой дѣвушкѣ, излѣчилъ ея раны. Царевна не умерла, а, съ Божіею помощію, чрезъ сорокъ дней совершенно выздоровѣла и стала жить у рыбака, какъ родное дитя. Старикъ и старуха очень любили ее и пытались нѣсколько разъ узнать, что съ ней случилось, кто она такая, но ничего не могли добиться отъ нея. На всѣ ихъ вопросы дѣвушка отвѣчала только, что она ничего не помнить.

Однажды старикъ со старухой ушли куда-то и оставили дома царевну одну. Она сидѣла предъ окномъ и задумчиво смотрѣла на море, которое тогда слегка волновалось. Мысли ея

улетѣли далеко: она вспомнила свою далекую родину и веселое дѣтство, вспомнила своего мужа и свекровь, которая такъ любила ее, и рѣшила, во что бы то ни стало, отыскать своего супруга. Она встала съ мѣста и, оставивъ рыбацью хату, пошла, куда глаза глядятъ.

Много-ли, мало-ли она шла, — Богъ знаетъ; наконецъ, она пришла къ одному пастуху. Собаки бросились-было на нее, но пастухъ поспѣшно отогналъ ихъ. Она сказала пастуху:

— „Я очень голодна: сходи домой и принести мнѣ хлѣба, а такъ какъ мнѣ нечѣмъ заплатить, то возьми себѣ мою одежду и дай мнѣ вмѣсто нея свое рубище; я посмотрю за стадомъ до твоего возвращенія.“

Пастухъ, восхищенный ея красотою, не отрывалъ своихъ глазъ отъ ея лица. Замѣтивъ это, она обѣщала сдѣлаться его женою. Помѣнявшись съ царевной платьемъ, пастухъ поспѣшилъ домой, а дѣвушка, какъ только онъ скрылся изъ виду, оставила стадо и ушла. Не нашедши, по возвращеніи, красавицы, пастухъ бросилъ свое стадо и ушелъ разыскивать её.

Когда, по прошествіи двухъ недѣль, молодой человѣкъ, жившій въ услуженіи у купца, не возвратился изъ отпуска, купецъ поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, чтобы узнать, что съ нимъ случилось. Пріѣхавъ въ свой родной городъ, онъ не нашелъ ни приващива своего, ни его матери-старухи, ни царевны и, узнавъ отъ сосѣдей обо всемъ случившемся, отправился искать ихъ. Въ то время и плѣшивый возвратился домой, чтобы узнать, что двоюродный братъ сдѣлалъ съ царевной, и, развѣдавъ обо всемъ, что произошло въ его отсутствіе, подумалъ: „Дай-во и я пойду искать ее: можетъ быть, она жива, и мнѣ удастся найти ее, а мужа своего она теперь, конечно, не навидѣла-бы.“ Плѣшивый также пошелъ искать ее.

Много-ли, мало-ли шла царевна, это Богъ знаетъ, но, наконецъ, она пришла въ одинъ городъ, гдѣ всѣ были одѣты въ *красную* одежду, веселились, ликовали. Она спросила у

одного человѣка о причинѣ всеобщаго веселья и узнала, что царь этого города умеръ недавно, и теперь выбираютъ новаго царя: выпускаютъ *царскаго орла*, и, на чью голову сядетъ царскій орелъ, тотъ и будетъ избранъ въ цари. Царевна пошла на площадь, гдѣ должны были выпустить орла. Здѣсь было безчисленное множество народу. Среди площади возвышалась каеэдра, а на ней стоялъ высшій сановникъ государства, въ красной одеждѣ, съ золотыми *погонами*; на руцѣ у него сидѣлъ орелъ, съ золотой шапочкой на головѣ, съ золотыми бубенчиками на ногахъ, съ изукрашенными крыльями. Вокругъ каеэдры стояла вся знать, и на колѣняхъ всѣ молились Богу, чтобы Онъ указалъ достойнаго царя. Окончивъ молитву, они поднялись съ колѣнъ. Тогда высшій сановникъ сдѣлалъ знакъ, по которому всѣ замолчали; онъ снялъ шапочку съ головы орла, и орелъ поднялся вверхъ. Всѣ слѣдили за нимъ. Поднявшись до самыхъ облаковъ, орелъ долго кружился надъ городомъ и, наконецъ, опустился внизъ и сѣлъ на голову царевны, которая въ это время была въ пастушьей одеждѣ. Всѣ бросились туда и привели ее къ высшему сановнику. Сановникъ, посмотрѣвъ на нее, подумалъ про себя: „неужели какой-нибудь пастухъ долженъ царствовать надъ нами?“ и, взявъ орла съ ея головы, приказалъ отвести ее куда-нибудь подальше. Приказаніе было исполнено. Чтобы провѣрить свои сомнѣнія, сановникъ рѣшился второй разъ выпустить орла и далъ знать народу объ этомъ. Всѣ опять замолчали. Выпустили вторично орла. Орелъ, сдѣлавъ нѣсколько круговъ подъ облаками, опустился и сѣлъ на голову царевны. Ее снова привели къ сановнику. Сановникъ, увидѣвъ того же самаго пастуха, еще больше остался недоволенъ, чѣмъ въ первый разъ. Онъ взялъ съ ея головы орла, ее приказалъ запереть въ комнатѣ и выпустилъ орла въ третій разъ. Орелъ на этотъ разъ сталъ кружиться надъ тѣмъ домомъ, гдѣ былъ запертъ мнимый пастухъ и, найдя отверстіе,

влетѣлъ въ домъ и снова сѣлъ на готову царевны. Народъ провозгласилъ тогда мнимаго пастуха царемъ: одѣли его въ царскую ожежду и посадили на престолѣ.

Никто не могъ догадаться о томъ, что новый царь— женщина. Она царствовала очень разумно, и всѣ были довольны ею. Но, занимаясь дѣлами государственными, она въ то же время думала и о томъ, какъ найти своего супруга, и придумала слѣдующее средство: она позвала одного *фотографа*, одѣлась въ дѣвичью одежду и приказала ему снять ее, пригрозивъ смертью, если онъ объ этомъ проговорится кому-нибудь; потомъ она одѣлась опять въ свою царскую одежду, сѣла на своемъ престолѣ, позвала своихъ слугъ къ себѣ и сказала:

— „Этотъ портретъ повѣсьте за городскими воротами, надъ родникомъ; поставьте около него стражу и прикажите сторожамъ, чтобы каждаго, кто, при видѣ портрета, издастъ восклицаніе, приводили ко мнѣ.“

Все это было исполнено немедленно. Сторожа день и ночь стояли у родника. Прошло нѣкоторое время. Наконецъ пришелъ пастухъ къ этому роднику: напился воды, потомъ хотѣлъ было встать и продолжать свой путь, но вдругъ увидѣлъ портретъ и невольно воскликнулъ: „Ахъ!“

Тотчасъ-же сторожа схватили его и привели къ царю. Царь приказалъ отвести ему хорошую квартиру и ухаживать за нимъ. На слѣдующій день пришелъ къ роднику плѣшивый; онъ тоже воскликнулъ: „Ахъ!“. Его также привели къ царю, а царь приказалъ посадить его въ тюрьму. На слѣдующій день сторожа привели купца: ему, по царскому приказу, отвели хорошую квартиру. Потомъ привели рыбака и его старуху, которые, возвратившись домой и не найдя дѣвушки дома, путились искать ее. Имъ также отвели хорошую квартиру. Позднѣе всѣхъ пришли супругъ царевны и свекровь. Послѣ всего этого мнимый царь приказалъ народу собраться на слѣ-

дующій день на площадь. Народъ собрался. Царевна велѣла привести всѣхъ людей, схваченныхъ у родника, и, когда привели ихъ, поставила ихъ предъ народомъ и рассказала о своемъ прошломъ, съ того дня, когда она оставила отцовскій домъ. Потомъ она обратилась въ пастуху съ вопросомъ:

— „Твое стадо изъ сколькихъ овецъ состояло?“

— „Изъ пяти-сотъ“, отвѣтилъ онъ.

— „Дайте ему въ десять разъ больше пяти-сотъ!“ приказала она своимъ слугамъ.

— „А тебѣ чего хочется?“ обратилась она къ купцу.

— „Я ничего для себя не желаю и только молил и молю Бога, чтобы мой любезный приказчикъ жилъ въ этомъ мѣстѣ счастливо.“

— „А вы чего хотите?“ обратилась она къ рыбаку и его старухѣ, „если желаете, оставайтесь при мнѣ и замѣните мнѣ моихъ родителей, а если нѣтъ, то берите себѣ, сколько можете, сокровищъ и идите на свою родину.“

Рыбакъ и его старушка-жена согласились оставаться при ней.

— „А съ нимъ какъ поступить?“ обратилась царевна къ народу, показывая на плѣшиваго: „наказать его или отпустить на волю?“

Народъ присудилъ его къ смертной казни, и немедленно, по царскому приказу, поставили висѣлицу и повѣсили плѣшиваго.

— „Я уступаю престолъ своему супругу“, сказала въ заключеніе царевна, „если хотите, чтобы онъ царствовалъ, то изъявите свое согласіе, а если не желаете, то изберите себѣ другого царя, а я уйду отъ васъ.“

Народъ единодушно сталъ упрасивать ее, чтобы она не покидала престола, обѣщая повиноваться ей супругу. И съ того времени они мирно и счастливо царствовали надъ тѣмъ народомъ, до глубокой старости.

4. Рустемъ-Гуль.

Жиль-быль въ одномъ городѣ человекъ, а у него была дочь. Онъ былъ очень бѣденъ. Наслышавшись, что въ сосѣднемъ городѣ очень дешево обходится жить, онъ собрался туда со всѣмъ своимъ семействомъ. Жена его была въ то время беременна, и уже приближалось время родовъ. На дорогѣ жена почувствовала боли, отстала отъ мужа, отошла отъ дороги и родила сына. Въ это время она подумала про-себя: „Лучше мнѣ оставить его здѣсь,—мы и дочь-то одну не въ состояніи кормить, а двоихъ воспитать и подавно не чѣмъ будетъ“. Она оставила въ полѣ новорожденнаго и пошла къ мужу. Мужъ, при видѣ ея, догадался, въ чемъ дѣло, и спросилъ ее, что съ ней было; она рассказала все. Мужъ сильно разгнѣвался на жену и приказалъ ей вернуться туда, гдѣ она оставила младенца, и взять его. Но сколько ни искали они ребенка, никакъ не могли найти его и, потерявъ всякую надежду, пошли своей дорогой.

Въ то самое время, когда женщина оставила младенца, проходила чрезъ это мѣсто львица и, видя младенца, не съѣла его, а унесла къ себѣ въ логовище и стала кормить его. Младенецъ росъ не по годамъ, а по днямъ. Онъ выучился объясняться со львицей. Отъ логовища львицы онъ нигуда не уходилъ, а львица ходила за добычей и приносила ему пищу. Онъ ѣлъ вмѣстѣ съ ней сырое мясо. Однажды его кормилица принесла ему заржавленный кинжалъ и объяснила, что имъ можно дѣлать. Скоро этотъ кинжалъ пригодился ему.

Царь этой страны отправился однажды на охоту. Долго онъ ходилъ и очутился, наконецъ, около логовища львицы. Вдругъ царь видитъ, что львица играетъ съ голымъ мальчикомъ. Онъ тотчасъ же догадался, что львица воспитала этого мальчика. Приѣхавъ домой, онъ отправилъ цѣлый отрядъ воиновъ, чтобы взять воспитанника львицы. Отрядъ, дойдя до

львиного логовища, окружилъ его, думая львицу убить, а мальчика взять къ царю. Но львицы въ это время не было дома; мальчикъ же, увидѣвъ воиновъ, подумалъ, что они изъ тѣхъ животныхъ, которыхъ львица приносить ему каждый день, и, взявъ заржавленный кинжалъ свой, храбро устремился на отрядъ. Своимъ неожиданнымъ появленіемъ онъ навелъ на отрядъ такой ужасъ, что воины разбѣжались и не знали, куда дѣваться отъ его смертельныхъ ударовъ. Лишь немногіе изъ воиновъ возвратились назадъ и донесли царю о случившемся. Царь хотѣлъ отправить второй отрядъ, но никто не захотѣлъ идти.

Между-тѣмъ мальчикъ, одержавши побѣду, тѣла убитыхъ перетаскалъ къ логовищу львицы и, положивъ ихъ одно на другое, сталъ ожидать своей воспитательницы. Львица пришла и удивилась тому, что предъ ея логовищемъ груда человѣческихъ труповъ. Мальчикъ съ гордостью указалъ ей на свою добычу, и львица догадалась, что эти люди хотѣли взять ея воспитанника, но не смогли; она похвалила его за храбрость и совѣтовала ему и впослѣдствіи убивать ихъ, если-бы они пришли.

Не смотря на первую неудачу, царь не отказался отъ мысли овладѣть питомцемъ львицы. Къ нему пришли два чело-вѣка и вызвались привести этого мальчика, если имъ выдадутъ изъ царской казны голову сахару и пудъ изюму. Царь приказалъ дать имъ эти припасы. Они раскололи сахаръ на куски, а самую головку оставили цѣлой и, насыпавъ въ мѣшочки сахару и изюму, пошли туда, гдѣ находилось логовище львицы. На разстояніи ста саженой отъ логовища они вырыли яму, тихонько разложили куски сахара отъ ямы до логовища, одинъ отъ другого на разстояніи аршина, а потомъ сами влѣзли въ яму, прикрывъ ее сверху вѣтвями и положивъ на нихъ головку сахара. Львицы не было въ логовищѣ. Мальчикъ, прогуливаясь около своего жилища, увидѣлъ са-

харъ и, думая, что это кость, бросился къ нему и, по привычкѣ, сталъ пробовать зубами. Сахаръ понравился ему. Онъ видитъ по близости другой кусокъ и также съѣдаетъ, видитъ третій и т. д.; такъ шагъ за шагомъ онъ приближается къ ямѣ; замѣтивъ на ней большой кусокъ, онъ бросается къ этому куску и попадаетъ въ яму. Опомнившись и увидѣвъ предъ собой двухъ человѣкъ, онъ хотѣлъ-было задушить ихъ, но тѣ стали подносить ему сахаръ и изюмъ; воспитанникъ львицы охотно бралъ то и другое и съ жадностью ѣлъ. Продолжая угощать его сахаромъ и изюмомъ, они выманили мальчика изъ ямы и довели до самой столицы. При видѣ множества народа, мальчикъ, наѣвшись по горло сахару и изюму, уже не обращая вниманія на эти лакомства, бросился на народъ, но его схватили, связали руки и привели къ царю. Царь усыновилъ его и сталъ заботливо воспитывать, приучая его къ человѣческой жизни. У царя былъ единственный сынъ, Рустемъ-Заль, а приемышу онъ далъ имя Рустемъ-Гуль. Рустемъ-Гуль оказался въ высшей степени способнымъ мальчикомъ. Въ скоромъ времени онъ совершенно отвыкъ отъ звѣрскихъ привычекъ и выучился говорить, какъ и обыкновенные люди. Царь опредѣлялъ его вмѣстѣ съ роднымъ своимъ сыномъ въ училище, и въ короткое время онъ превзошелъ всѣхъ учениковъ этого училища, такъ-что всѣ удивлялись его способностямъ.

Однажды, возвращаясь изъ училища, Рустемъ-Гуль видитъ на улицѣ мальчика, играющаго мячикомъ. Ему захотѣлось поиграть мячикомъ, и онъ попросилъ у мальчика его игрушку, но мальчикъ не далъ ему. Рустемъ-Гуль разсердился на это, бросился на мальчика, сорвалъ съ него голову и началъ играть ею. Съ голову мальчика въ рукахъ онъ пришелъ и домой. Царь, узнавъ отъ Рустемъ-Зала обо всемъ этомъ, призвалъ къ себѣ Рустемъ-Гуля и сдѣлалъ ему строгое наставленіе. Спустя нѣсколько дней, возвращаясь изъ училища,

Рустемъ-Гуль увидѣлъ другого мальчика, играющаго мячикомъ, попросилъ мячика поиграть, но тотъ не далъ. Рустемъ-Гуль, помня слова царя, ничего ему не сдѣлалъ дурного и даже не сказалъ ничего. Только съ того времени онъ началъ скучать: ничего не ѣлъ, на слѣдующій день не пошелъ въ училище, такъ-что Рустемъ-Залу пришлось итти въ училище одному. На третій день Рустемъ-Гуль также не пошелъ учиться. Учитель спросилъ Рустемъ-Зала, почему Рустемъ-Гуль не приходитъ въ училище; и, узнавши отъ него все, написалъ объ этомъ царю. Царь, прочитавъ письмо учителя, призвалъ сыновей и, распросивъ ихъ, приказалъ мастеру сдѣлать для нихъ два золотыхъ мячика. Рустемъ-Гуль послѣ этого снова началъ посѣщать училище и никогда не выпускалъ изъ рукъ своего золотого мячика.

Однажды, по возвращеніи изъ училища домой, Рустемъ-Гуль игралъ мячикомъ и нечаянно уронилъ его. Мѣсто было покатое, и мячикъ покатился. Рустемъ-Гуль бросился догонять его, но чѣмъ дальше, тѣмъ мячикъ катился все быстрѣе и вскорѣ покатился съ такою скоростью, что даже лошадь не могла-бы догнать его. Рустемъ-Гуль бѣжалъ за нимъ, не переводя духа и не выпуская мячика изъ виду. Мячикъ докатился, наконецъ, до одного дома и попалъ въ кувшинъ, который стоялъ у дверей его. Рустемъ-Гуль видѣлъ это и, вошедши въ домъ, попросилъ у старухи, которая въ это время сидѣла въ первой комнатѣ, позволенія вынуть изъ кувшина мячикъ. Старуха, не зная, кто онъ такой, раскричалась на него:

— „Какой тебѣ мячикъ у меня въ кувшинѣ? уходи отсюда! здѣсь нѣтъ никакого мячика!“

Рустемъ-Гуль сталъ-было объяснять, въ чемъ дѣло, но старуха, вставъ съ мѣста, не дала ему говорить и хотѣла выгнать его изъ комнаты. Рустемъ-Гуль, видя, что тутъ просьбою ничего не добьешься, прибѣгнувъ къ силѣ и такъ уда-

рилъ ее по щекѣ, что она упала безъ чувствъ. Въ сердцахъ онъ поднялъ кувшинъ и такъ хватилъ объ полъ, что кувшинъ разбился, и изъ него высыпались всевозможныя дорогія вещи; между ними находился и его мячиѣ. Этотъ кувшинъ у старухи былъ заколдованъ, и всѣ дорогія вещи, какія только терялись когда-нибудь въ городѣ, попадали въ него. Рустемъ-Гуль взялъ только свой мячиѣ.

Между тѣмъ старуха опомнилась, встала и провляла Рустемъ-Гуля.

— „Прощу Бога“, сказала она, „чтобы ты мучился отъ любви къ красавицѣ съ сорока золотыми косами.“

Эти слова запечатлѣлись въ его душѣ, а сердце воспалилось любовью къ чудной красавицѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ эта любовь въ немъ все болѣе усиливалась: возвращаясь домой, онъ думалъ только о томъ, какъ-бы достать эту красавицу. Прибывъ домой, онъ пошелъ къ царю и спросилъ его:

— „Государь, скажи мнѣ, гдѣ живетъ красавица съ сорока золотыми косами; мнѣ сегодня сказали о ней, и во мнѣ возгорѣлось сильное желаніе добыть ее. Я не успокоюсь, пока не буду владѣть ею.“

— „Не думай объ этомъ“, отвѣтилъ ему царь, „ты не въ состояніи достать ее, а только ради нея погибнешь; много отважныхъ людей, пылая любовью къ ней, погибли безъ вѣсти, на поискахъ за нею; мой отецъ также пытался достать ее, но все войско его погибло, и онъ успѣлъ добыть только ея портретъ. Если тебѣ хочется видѣть ея изображеніе, то я покажу тебѣ его; удовлетворишься портретомъ, а искать ее не отваживайся.“

Царь далъ ему портретъ. Рустемъ-Гуль, посмотрѣвъ на него, почувствовалъ еще болшую любовь къ этой красавицѣ и сказалъ царю:

— „Хоть я и знаю, что мнѣ предстоитъ смерть, но я все-

таки пойду искать эту красавицу и употреблю всё усилія, чтобы хоть разъ посмотрѣть на нее.“

Видя, что никакимъ способомъ нельзя отклонить Рустемъ-Гуля отъ его намѣренія, царь далъ ему свое согласіе.

Рустемъ-Заль, услышавъ, что его братъ ѣдетъ искать красавицу съ сорока косами, пришелъ къ царю и сталъ упрашивать его, чтобы тотъ позволилъ ему сопровождать брата. Царь сначала отказалъ-было ему, но потомъ, уступая его просьбамъ, согласился и снабдилъ ихъ съѣстными припасами, деньгами и самыми лучшими лошадьми.

Братья отправились въ путь и ѣхали, куда глаза глядятъ. Много-ли, мало-ли они ѣхали, наконецъ выѣхали за границы государства и попали въ пустынное мѣсто, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину. Не было здѣсь и слѣдовъ человѣческаго присутствія; кругомъ господствовала гробовая тишина, только слышался стукъ копытъ ихъ коней. Между тѣмъ всё припасы у нихъ истощились, и они стали голодать. Рустемъ-Заль сталъ изнемогать отъ голода, а Рустемъ-Гуль, хоть и чувствовалъ голодъ, но геройски переносилъ его. Наконецъ, они увидѣли издалека какое-то возвышеніе, съ поверхностью блиставшею отъ солнечныхъ лучей, и поѣхали по направленію къ нему. Они увидѣли предъ собою громадное зданіе. Хотя Рустемъ-Гуль зналъ, что въ такихъ зданіяхъ обитаютъ только одноглазые великаны, тѣмъ не менѣе смѣло вошелъ туда и сталъ подниматься по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Рустемъ-Заль слѣдовалъ за нимъ. Они тамъ никого не встрѣтили: на очагѣ, на треножнѣ былъ поставленъ котелъ необыкновенной величины; приподнявши крышку у котла, Рустемъ-Гуль увидѣлъ, что въ немъ варится пловъ, а въ пловѣ—человѣкъ. Рустемъ-Гуль нисколько не смутился этимъ. Онъ отворилъ шкапъ и досталъ оттуда два блюда необыкновенной величины, вынулъ изъ плова человѣка, положилъ его на одно блюдо, а на другое выложилъ плова и пригласилъ

Рустемъ-Зала кушать. Рустемъ-Заль все это время дрожалъ отъ ужаса и не могъ произнести ни единого слова; ему было отвратительно даже и смотрѣть-то на этотъ пловъ. Тѣмъ не менѣе голодь принудилъ и его ѣсть это кушанье. А Рустемъ-Гуль усѣлся у котлица и сталъ ѣсть прямо изъ него. Рустемъ-Заль не успѣлъ и одной четверти своей доли съѣсть, какъ Рустемъ-Гуль съѣлъ весь остальной пловъ и приступилъ къ человѣку. Этотъ обѣдъ поваялся ему чрезвычайно вкуснымъ.

— „Что-за прелесть! какое сладкое мясо! Право, не можетъ быть лучшаго кушанья; я желалъ бы имѣть постоянно за обѣдомъ такой пловъ“, приговаривалъ онъ, уничтожая пловъ съ человѣчиной.

Рустемъ-Заль смотрѣлъ на него, какъ на звѣря, съ ужасомъ и отвращеніемъ; ему думалось, что чрезъ минуту, чрезъ секунду братъ встанетъ и начнетъ и его ѣсть, какъ онъ ѣсть этого человѣка. Рустемъ-Гуль, замѣтивъ его волненіе, сталъ успокаивать его. Послѣ обѣда Рустемъ-Заль попросилъ брата какъ можно скорѣе удалиться, но Рустемъ-Гуль сказалъ:

— „Я долженъ знать, кто хозяинъ этого дома, и извиниться предъ нимъ, что мы безъ спросу вошли въ его домъ и обѣдали у него безъ его вѣдома.“

Чрезъ нѣкоторое время они замѣчаютъ, что домъ колеблется; оглядываются, но никого не видятъ. Вдругъ затрещала лѣстница; они посмотрѣли туда и увидѣли семиглаваго великана съ однимъ глазомъ въ серединѣ лба на средней голвѣ.

— „Тыфу! здѣсь человѣческимъ духомъ пахнетъ! кто это осмѣлился заходить сюда?“ произнесъ великанъ.

Братья вскочили съ мѣстъ своихъ. Великанъ ступилъ на порогъ дома и однимъ глазомъ сталъ обзвѣривать внутренность его. Замѣтивъ царевичей, онъ крикнулъ имъ:

— „Вы какимъ образомъ попали сюда?! Ну, да, все равно, годитесь мнѣ на завтракъ...“

— „Я слыхалъ о твоей славѣ и пришелъ бороться съ тобою“, возразилъ безбоязненно Рустемъ-Гуль на слова великана.

— „Хорошо“, сказалъ великанъ, „выходи на дворъ, и тамъ будемъ бороться.“

Рустемъ-Гуль въ одно мгновеніе схватилъ великана обѣими руками за туловище, поднялъ его на воздухъ, какъ муху, и съ такою силою ударилъ о землю, что тотъ вошелъ въ нее на глубину семи аршинъ. Зарывши великана, братья уѣхали.

Много-ли ѣхали, мало-ли ѣхали они послѣ того по пустынѣ, — наконецъ, они увидѣли домъ и направились туда. Этотъ домъ опять оказался жилищемъ одноглазаго великана. Братья поднимаются по лѣстницѣ и видятъ, что на огнѣ варится въ большомъ котлѣ пловъ. Они съѣли пловъ и стали ожидать хозяина. Хозяинъ дома былъ трехглавый великанъ и на лбу средней головы имѣлъ одинъ большой глазъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ выразилъ свое негодованіе:

— „Тыфу! здѣсь человѣческимъ духомъ пахнетъ!“ и увидѣвъ царевичей, говорить имъ:

— „Кто вы-такіе, что безъ моего вѣдома посмѣли зайти въ мой домъ?“

— „Я—Рустемъ-Гуль“, отвѣтилъ послѣдній, „услышавъ о твоей славѣ, я пришелъ бороться съ тобой и приобрѣсти славу богатыря.“

— „Если такъ, то выйдемъ на дворъ и тамъ будемъ бороться,“ сказалъ великанъ.

— „Кто одолѣлъ семиглаваго великана, тому не трудно одолѣть и трехглаваго“, сказалъ Рустемъ-Гуль, схватилъ его обѣими руками и такъ ударилъ о землю, что тотъ ушелъ въ нее на глубину семи аршинъ. Его тоже братья засыпали землею, а сами уѣхали.

Послѣ продолжительнаго путешествія они увидѣли еще одинъ домъ и повернули къ нему лошадей. Въ этомъ домѣ

также жилъ великанъ. Они поднялись по лѣстницѣ въ домъ, никого тутъ не встрѣтили и увидѣли на треножникѣ, на огнѣ котель; этотъ котель былъ несравненно меньше; въ немъ варился точно также пловъ. Братья съѣли пловъ и стали ожидать хозяина. Черезъ нѣкоторое время пришелъ великанъ: онъ былъ одноглавый и одноглазый. Увидѣвъ царевичей, великанъ сказалъ:

— „Какимъ образомъ вы попали сюда?! здѣсь мѣсто великановъ.“

— „Я слыхалъ о твоей славѣ, пріѣхалъ бороться съ тобой и пріобрѣсти славу богатыря“, отвѣтилъ ему Рустемъ-Гуль.

— „Въ такомъ случаѣ выходи на дворъ“, сказалъ великанъ.

Они вышли. Рустемъ-Гуль не могъ сразу схватить его руками и поднять на воздухъ, но, наконецъ, повалилъ великана на землю и началъ душить его. Видя, что приходится умереть, великанъ сталъ умолять Рустемъ-Гуля о пощадѣ, обѣщая исполнить все, что онъ ни прикажетъ.

— „Хорошо, я тебя пощажу“, сказалъ Рустемъ, „если только ты покажешь мнѣ мѣсто, гдѣ обитаетъ красавица съ сорока золотыми косами.“

Великанъ обѣщаль показать. Тогда Рустемъ-Гуль выпустилъ его изъ рукъ, и борцы пошли въ комнату.

— „Ты для чего хочешь узнать мѣсто, гдѣ живетъ эта красавица?“ спросилъ великанъ Рустемъ-Гуля.

— „Мнѣ сильно хочется овладѣть ею“, отвѣтилъ послѣдній.

— „Этого, пожалуй, ты не достигнешь, потому что есть много препятствій, которыя не позволяютъ тебѣ даже и видѣть ее, и тебѣ придется, можетъ быть, ради нея даже погибнуть. Насъ было семеро братьевъ; всѣ мы пытались овладѣть ею, и четверо изъ насъ погибли, стараясь достать ее.“

— Ничто меня не страшитъ“, возразилъ Рустемъ-Гуль, „лишь-бы увидѣть ее.“

— „Я тебѣ объясню, какъ добратся до красавицы: иди прямо на востокъ, пока не встрѣтишь одного большого зданія, обведеннаго высочайшимъ желѣзнымъ заборомъ, съ громадными желѣзными воротами. На своей лошади ты не доѣдешь туда, но у меня есть прекрасный конь, который уже нѣсколько разъ бывалъ тамъ,—онъ отвезетъ и тебя. Ты долженъ силою отворить эти ворота, войти и оставить ихъ отпертыми, потомъ безъ шума подняться по желѣзной лѣстницѣ; тамъ ты встрѣтишь желѣзныя двери; ты долженъ отворить ихъ такъ тихо, чтобы даже муха не услышала, если-бы она сидѣла на самыхъ дверяхъ: въ противномъ случаѣ на ступѣ выйдутъ сорокъ великановъ, и ты погибнешь тогда. Эти великаны стерегутъ красавицу. Она живетъ въ отдѣльной комнатѣ и не допускаетъ къ себѣ ни одного великана; ее окружаютъ двѣницы столь-же красивыя, какъ и она, и также съ золотыми волосами. Она сидитъ на богато-убранномъ креслѣ, а волосы ея лежатъ на золотомъ подносі, который держатъ двѣ двѣницы. Эти желѣзныя двери прямо ведутъ въ ея комнату. Если тебѣ удастся безъ шума отворить эти двери, и великаны не убьютъ тебя, то, когда войдешь въ комнату красавицы, не увлекайся ея красотой, а схвати ее на руки и спѣши добѣжать и сѣсть на свою лошадь, пока великаны не узнали о похищеніи красавицы и не пустились ловить тебя,—своимъ быстрымъ бѣгомъ мой конь спасетъ тебя отъ нихъ.“

Рустемъ-Гуль поблагодарилъ великана за добрые совѣты и попросилъ его кормить его брата до его приѣзда. Сѣвъ на лошадь, данную ему великаномъ, Рустемъ-Гуль помчался по указанному направленію. Вѣхалъ онъ около недѣли безъ отдыха, будучи увѣренъ, что непременно овладѣетъ красавицею; наконецъ, послѣ недѣльной ѣзды онъ видитъ предъ собой большое зданіе, обведенное высочайшимъ желѣзнымъ заборомъ: онъ былъ у цѣли своихъ желаній. Осмотрѣвшись жругомъ, онъ подошелъ къ воротамъ, перекрестился и при-

вился за дѣло, и чрезъ минуту ворота были отворены; онъ оставилъ лошадь за воротами, тихохонько пошелъ впередъ и безъ шума началъ подниматься по желѣзной лѣстницѣ. Сердце его трепетало, какъ птица въ клеткѣ. Онъ подошелъ къ желѣзнымъ дверямъ. Снова перекрестившись, онъ приступаетъ къ нимъ, и послѣ многихъ трудовъ ему удается отворить ихъ безъ шума. Рустемъ-Гуль направляется внутрь комнаты. Еще нѣсколько шаговъ впередъ, и передъ нимъ сидѣла на богато-убранномъ креслѣ та самая красавица, о которой столько времени онъ мечталъ. Ее окружали дѣвицы; двѣ изъ нихъ, болѣе молодыя, держали золотой подносъ, на которомъ лежали золотыя косы красавицы. Дѣвицы, увидѣвъ Рустемъ-Гуля, поспѣшили къ великанамъ, но онъ, не теряя времени, схватилъ красавицу, въ одинъ прыжокъ очутился на лѣстницѣ, а по другому былъ уже у воротъ; еще секунда — и онъ уже на лошади и мчится назадъ. Великаны еще не успѣли выйти на дворъ, какъ Рустемъ-Гуль былъ уже на разстояніи цѣлой мили отъ ихъ замка, а когда, наконецъ, они выбѣжали на дворъ, Рустемъ-Гуль успѣлъ скрыться изъ виду.

Онъ пріѣхалъ съ красавицей въ домъ одноглаваго великана, возвратилъ ему его лошадь, поблагодарилъ за услуги, а потомъ вмѣстѣ съ братомъ поѣхалъ домой, и братья благополучно вернулись въ столицу. Весь городъ выпшелъ имъ на встрѣчу. Донесли царю, что ѣдутъ его сыновья и везутъ красавицу. Царь, который считалъ ихъ погибшими, не могъ надивиться храбрости Рустемъ-Гуля. Онъ сталъ любить его больше, чѣмъ родного сына, и даже рѣшилъ передать престолъ ему. Скоро Рустемъ-Гуль женился на красавицѣ.

Рустемъ-Заль сталъ, наконецъ, завидовать славѣ и счастьемъ своего брата и рѣшился погубить его и овладѣть его женой. Онъ устроилъ пиръ и на этомъ пиру заставлялъ брата пить сверхъ силъ и довелъ его до того, что онъ опьянѣлъ и лишился чувствъ. Рустемъ-Заль приказалъ своимъ людямъ от-

нести его въ отдаленный лѣсъ и, ослѣпивъ, оставить тамъ. Приказаніе его было исполнено: люди Рустемъ-Зала вырѣзали глаза Рустемъ-Гуля и положили ему правый глазъ въ лѣвый карманъ, а лѣвый глазъ въ правый карманъ. Хотя Рустемъ-Гуль чувствовалъ боль, когда вырѣзывали ему глаза, но не могъ двигаться, потому что всѣ его члены были разслаблены, и онъ, какъ нѣмой, не могъ произнести ни одного слова.

Когда онъ пришелъ въ себя, то почувствовалъ боль и голодь. Раздраженный случившимся, онъ сталъ рвать на себѣ одежду, волосы, ревелъ, какъ звѣрь, наконецъ всталъ и пошелъ впередъ, то ударяясь головою о стволы деревьевъ, то путаясь въ вѣтвяхъ ихъ, то падая на землю. Его лицо было все въ крови. Выбравшись изъ лѣса, онъ вдругъ слышитъ, что недалеко протекаетъ рѣка, подходитъ къ ней и, усѣвшись на берегу, на одномъ камнѣ, начинаетъ слушать, какъ глухо шумятъ волны ея. Успокоившись, онъ вспомнилъ свою жену и горько, горько сталъ плавать. Въ это время пролетѣла надъ его головою голубка съ двумя голубятами. Увидѣвъ Рустемъ-Гуля, голубята обратились къ матери съ такими словами:

— „Посмотри, какъ жалобно плачетъ этотъ человѣкъ! онъ лишился глазъ...“

— „Его глаза у него въ карманѣ“, сказала въ отвѣтъ голубка, „вотъ я бросаю на землю два пера: если онъ возьметъ ихъ, и, вынувъ изъ кармана глаза, вставитъ ихъ на мѣсто, потомъ, помочивъ эти перья, проведетъ ими по глазамъ, тогда онъ прозрѣетъ.“

Это услышалъ Рустемъ-Гуль: пощупалъ въ карманахъ и удостовѣрился, что глаза, дѣйствительно, тамъ; потомъ онъ отыскалъ перья, брошенные голубкою, вставилъ глаза въ глазныя впадины, намочилъ перья водой, провелъ ими по глазамъ и тотчасъ же прозрѣлъ. Только онъ вставилъ правый

глазъ на мѣсто лѣваго, а лѣвый на мѣсто праваго, и потому сталъ кость.

Красавица, узнавъ, что ея мужъ похищенъ разбойниками, одѣлась въ трауръ, приказала оклеить стѣны своей комнаты черными обоями и не выходила изъ нея. По прошествіи нѣкотораго времени, Рустемъ-Заль, думая, что красавица уже забыла о мужѣ, хотѣлъ-было зайти къ ней. Но, узнавъ о его намѣреніи, она приказала передать царю, чтобы онъ приказалъ своему сыну оставить ее въ покоѣ, а въ противномъ случаѣ угрожала уничтожить его государство. Угроза эта была не напрасная: золотоволосая красавица была сильнѣе, чѣмъ Рустемъ-Гуль. Хотя царь и зналъ, что Рустемъ-Гуля погубилъ Рустемъ-Заль, но, по родительской слабости, не наказалъ его.

Между-тѣмъ Рустемъ-Гуль, послѣ своего ослѣпленія, бродилъ по селеніямъ и нищенствовалъ; гдѣ-то досталъ онъ одежду дервиша и въ этой одеждѣ колдовалъ людямъ и; наконецъ, прибылъ въ столицу. Онъ пошелъ во дворецъ. Когда доложили о немъ царю, и царь допустилъ его къ себѣ и сталъ совѣтоваться съ нимъ относительно своей невѣстки, дервишъ попросилъ у царя позволенія поговорить съ красавицей. Царь велѣлъ позвать ее. Красавица, взглянувъ въ дервиша, вдругъ бросилась въ его объятія и начала его цѣловать. Царь былъ удивленъ и долго не могъ повѣрить, что предъ нимъ Рустемъ-Гуль, котораго всѣ считали погибшимъ. Удостоверившись, что это былъ, дѣйствительно, Рустемъ-Гуль, онъ снова усыновилъ его и еще при жизни передалъ ему свое царство.

Сказки: „Мать и дочь“, „Сперва слуга, а потомъ царь“ и „Рустемъ-Гуль“ записалъ въ сел. Енгиджѣ, Джеванширскаго уѣзда, Елисаветопольской губерніи, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *А. Мирзоевъ*.

5. Обиженному людьми Богъ помогаетъ.

Жили-были мужъ съ женою. У этой четы была единственная дочь-красавица. Съ теченіемъ времени жена умерла. Такъ-какъ мужъ очень любилъ жену, то послѣ смерти ея далъ себѣ клятву обвиняться лишь съ той, на которую *придется* одежда его жены. Прошло нѣсколько лѣтъ, а онъ никакъ не могъ найти такой женщины, какой ему хотѣлось. Дома хозяйничала у него въ это время его дочь. Разъ отецъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Оставшись одна, дочь приступила къ мытью своихъ платьевъ; за недостаткомъ чистой пары платья, она переодѣлась въ материнскую одежду; материнская одежда припала какъ-разъ по ней. Возвратившись изъ лѣсу, отецъ засталъ дочь одѣтою въ материнское платье. Увидѣвъ, что оно вполне годилось ей, онъ сказалъ про-себя: „Я не буду преступать своей клятвы; мнѣ суждено обвиняться со своею дочерью, и это непременно должно исполниться.“

Объявивъ дочери о своемъ намѣреніи, отецъ собрался идти за священникомъ. Дочь умоляла отца оставить это безнравственное дѣло, но всѣ мольбы ея были тщетны. Когда отецъ пошелъ за священникомъ, дочь вошла въ домъ, стала на колѣни и начала молиться: „Боже мой!“ говорила она, „избавь меня отъ нечистыхъ обьятій моего отца! я готова отдать Тебѣ душу свою; только помилуй меня, Господи!...“

Въ это время является прадъ нею ангелъ Господень и утѣшаетъ ее, говоря:

— „Не отчаявайся, ты будешь спасена и въ жизни будешь счастлива. Приказываю тебѣ, балка, скрой эту дѣвушку!“ сказалъ ангелъ, обратившись къ балкѣ, и сейчасъ-же исчезъ изъ глазъ дѣвушки.

Въ тотъ-же мигъ балка треснула, дѣвушка помѣстилась въ трещинѣ, а балка сейчасъ же приняла первоначальный свой видъ. Пришелъ отецъ со священникомъ и началъ искать

дочь, но нигдѣ не нашелъ ея. Эта неожиданность привела его въ такое раздраженіе, что онъ сжегъ домъ и дворъ, полагая, что во время пожара погибнетъ и его дочь.

Но Божья милость спасла дѣвushку: та балка, въ которой скрылась она, не сгорѣла. Хозяинъ стащилъ ее въ рѣку; балка плавала по рѣкѣ цѣлыхъ пять недѣль и, наконецъ, волнами была выброшена на берегъ, близъ дворца одного царя. Царь приказалъ своимъ служителямъ притащить ее ко дворцу, чтобы употребить на постройку зданія, только-что начатаго. Повелѣніе царя было исполнено.

Царь этотъ любилъ охотиться и каждую недѣлю по крайней мѣрѣ три-четыре раза ходилъ на охоту. Разъ, по обыкновенію, со своими тѣлохранителями и служителями онъ отправился на охоту. Къ вечеру онъ послалъ своихъ служителей домой убрать домъ, привести все въ порядокъ и приготовить ужинъ. Эти послѣдніе, возвратившись домой, нашли все въ порядкѣ и очень удивились тому, ибо дома никого не было. Они не знали, что послѣ того, какъ царь со своими людьми пошелъ на охоту, балка треснула, красавица вышла изъ нея, привела въ порядокъ домашнюю утварь, приготовила ужинъ и опять скрылась въ своемъ прежнемъ убѣжищѣ. Вечеромъ, какъ-только царь возвратился домой съ охоты, служители извѣстили его о случившемся. Царь на это не обратилъ особеннаго вниманія. Но, когда то же самое повторилось раза три-четыре, царь заинтересовался этимъ и сказалъ своимъ слугамъ:

— „Идите вы на охоту, а я останусь здѣсь и, можетъ быть, что-нибудь узнаю объ этомъ.“

Оставшись одинъ, царь спрятался за дверью той комнаты, гдѣ находилась балка. Къ четыремъ часамъ пополудни балка треснула, красавица вышла изъ нея и начала убирать комнату. Приведя все въ порядокъ, красавица готовилась скрыться; но царь вышелъ изъ-за двери и поймалъ ее. Царь

былъ восхищенъ ея красотою и женился на ней. Жили они счастливо. Спустя два года, у нихъ родился сынъ.

Надо замѣтить, что этотъ царь отличался гостепріимствомъ: странникамъ, даже одержимымъ тяжкими болѣзнями, онъ позволялъ ночевать въ собственной спальнѣ. Вотъ разъ, въ весеннюю пору, приходитъ къ царю какой-то нищій и проситъ у него ночлега. Царица, увидѣвъ нищаго, сейчасъ-же узнала въ немъ своего отца и потому наставляла, чтобы царь не принималъ его, или же распорядился такъ, чтобы нищій былъ помѣщенъ какъ можно дальше отъ нихъ; она боялась, что отецъ причинитъ ей какой-нибудь вредъ. Отецъ ея, дѣйствительно, искалъ ея съ недобримъ намѣреніемъ: послѣ того, какъ сжегъ свой домъ изъ-за нея, онъ обѣднѣлъ, впалъ въ долги и далъ себѣ обѣтъ найти свою дочь, гдѣ-бы она ни была, и отомстить ей.

Царица не сказала царю всей истины, поэтому и царь не обратилъ вниманія на ея просьбу удалить нищаго изъ дворца. Съ позволенія царя, этотъ нищій, какъ и другіе, ночевалъ въ царской спальнѣ, гдѣ спала и царица, и гдѣ стояла также и колыбель съ ребенкомъ-царевичемъ. Ночью нищій всталъ, тайкомъ вынулъ ножикъ изъ кармана у царицы и отрѣзалъ имъ голову ребенку, находившемуся въ колыбели, а ножикъ положилъ опять въ карманъ царицы.

Разсвѣло. Солнце привѣтливо освѣтило землю. Освѣтило оно и колыбель ребенка, котораго душа уже находилась въ объятіяхъ ангела Господня. Проснулся царь, проснулся весь дворецъ. Царю вздумалось поѣхать на охоту. Предъ отъѣздомъ онъ подошелъ къ колыбели и хотѣлъ приласкать ребенка, и вдругъ увидѣлъ, что колыбель полна кровью, и ребенокъ — безъ головы. Царь чуть съ ума не сошелъ при видѣ такого страшнаго зрѣлища. Онъ сейчасъ же далъ приказъ, чтобы всѣ, безъ исключенія, немедленно собрались во дворецъ. Началось слѣдствіе. Найдя въ карманѣ у царицы окровавлен-

ный ножикъ, царь подумалъ, что она совершила это преступленіе, разсредившись на него за то, что онъ не исполнилъ ея просьбы. Царица не сомнѣвалась, что это было дѣло ея отца; однако не выдала его даже и въ то время, когда, по приказанію царя, ее подвергали разнымъ мученіямъ.

Наконецъ, царь приказалъ царицѣ взять зарѣзаннаго ребенка и немедленно удалиться изъ дворца. Надѣясь на Божію милость, царица ушла. Пройдя нѣсколько десятковъ верстъ, она, утомленная и голодная, остановилась у опушки какого-то лѣса. Цѣлый день она плакала и просила Божьей помощи и вдругъ услышала голосъ, который говорилъ:

— „Не плачь! я нѣкогда сказалъ тебѣ, что ты будешь счастлива... Недалеко отъ тебя есть родникъ,—иди, помочи въ немъ свой платокъ, приставь голову ребенка къ шеѣ и привяжи этимъ платкомъ!“

Она такъ и сдѣлала, и ребенокъ тотчасъ ожилъ. День склонялся къ вечеру. Царица вынуждена была почевать подъ открытымъ небомъ. Но утромъ, проснувшись, она увидѣла себя въ богатыхъ палатахъ, среди роскошнаго убранства: одна комната была полна золотомъ, другая—серебромъ, третья—драгоценными каменьями; палаты были окружены безконечно-обширными садами, въ которыхъ находились всякія фруктовыя деревья. Въ палатахъ было множество прислуги: дворецкіе, садовники, простые рабочіе и т. п., только царя надъ ними не было. Царица догадалась, въ чемъ дѣло, и горячо благодарила Бога.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды мужъ этой царицы, по обыкновенію, поѣхалъ на охоту. Охота была удачна: ему посчастливилось застрѣлить оленя. Долгая охота утомила царя. Почувствовавъ усталость и голодъ, онъ приказалъ своимъ людямъ развести огонь и зажарить на угляхъ немного оленьяго мяса. Между тѣмъ вдали видѣнъ былъ дымъ. Царскіе люди, замѣтивъ признаки жилья, взяли мясо, пошли по тому

направленію, гдѣ показывался дымъ, и достигли палатъ отвергнутой царицы. Она радушно приняла гостей и оставалась съ ними, когда они жарили мясо. Такъ-какъ царица была въ высшей степени красива, то царскіе слуги такъ увлеклись ея красотою, что не замѣтили, какъ часть мяса, которое они жарили, подгорѣла.

— „Ничего“, сказала царица, „не горюйте! я такъ сдѣлаю, что вашъ царь не замѣтитъ этого.“

При этихъ словахъ она порѣзала свой мизинецъ и кровью помазала испорченную часть куска, такъ-что эта часть получила красный цвѣтъ и ничѣмъ не отличалась отъ всего куска.

Закусывая, царь нашелъ, что одна часть куска особенно вкусна, и, узнавши о причинѣ, отправился съ своими людьми въ палаты царицы. Царица узнала бывшего своего супруга и захотѣла отомстить ему за его несправедливость. Она приняла его привѣтливо, угостила, но, между прочимъ, сказала царю:

— „Вы смотрите за вашими людьми, чтобы они никакого беспорядка у меня не сдѣлали.“

— „Я за нихъ ставлю голову свою“, отвѣтилъ на это царь.

На другой день, когда царь со своими людьми готовился въ путь, царица приказала своимъ приближеннымъ тайкомъ положить царю въ карманъ ея золотой браслетъ; затѣмъ она объявила, что кто-то изъ царской свиты укралъ у нея браслетъ, и велѣла своимъ людямъ не отпускать никого, пока не найдется пропажа. Произвели обыскъ и нашли браслетъ у самого царя. Царица, увидѣвъ его смущеніе, сказала:

— „Теперь ты понимаешь, какъ тяжело переносить ложныя обвиненія!.. Я—твоя супруга, которую ты наказалъ за мнимое убіеніе своего сына...“

При этихъ словахъ царь прослезился и просилъ у цари-

цы прощенья. Царяца простила его, и съ тѣхъ поръ они жили счастливо.

Записалъ въ с. Улу-Карабекѣ, Джеванширскаго уѣзда, Елисаветопольской губерніи, воспитанникъ Закавказской учительской семинаріи *Т. Юзбашевъ*.

6. Назлу и семь братьевъ ея.

Въ одной семьѣ было семь сыновей, но, къ великому несчастью родителей, не было дочери. Еще больше желали имѣть сестру сыновья ихъ, когда подросли. Желаніе братьевъ имѣть хоть одну сестру долгое время не осуществлялось.

Однажды мать лежала въ родахъ. Когда приближалось время появленія младенца на свѣтъ Божій, сыновья пришли къ матери и говорятъ:

— „Мы пойдѣмъ на сосѣднюю высокую гору, и если ты родишь дочь, то укрѣпи на крышѣ нашего дома красный флагъ, и мы вернемся домой; а если родишь сына, воткни туда палку и надѣнь на нее шапку, и знай, что въ послѣднемъ случаѣ мы навсегда оставимъ родительскій домъ.“

Сказавъ это, братья удалились. Вскорѣ мать разрѣшилась дочерью и приказала повѣсить на крышѣ красный флагъ. Но одна злая старуха сняла красный флагъ, а на мѣсто его воткнула въ землю длинный шестъ съ огромной шапкой. Братья, посмотрѣвъ на родительскій домъ и замѣтивъ шапку, тотчасъ-же догадались, что мать ихъ родила сына, оставили родную землю и пошли странствовать по чужимъ краямъ.

Прошло много времени съ того дня, какъ братья оставили отцовскую кровлю. Прекрасная Назлу (такъ называли ихъ сестру) подрастала. Разъ нѣсколько дѣвочекъ, межъ ними и Назлу, собравшись вмѣстѣ, рассказывали сказки и вязали чулокъ. Одна изъ нихъ потеряла спицу и требовала ее отъ по-

другъ. Всѣ поклялись именами своихъ братьевъ, что онѣ не видѣли спицы; а Назлу, не имѣя братьевъ, какъ она думала, поклялась именемъ своей любимой собаки, Булди. При этомъ имени всѣ дѣвочки засмѣялись, а Назлу, не зная причины ихъ смѣха, покраснѣла.

— „Если у насъ по одному, по два, по три брата, то у тебя ихъ семеро“, сказали дѣвочки Назлу, „изъ за тебя несчастные оставили родную землю, родной домъ, и Богъ знаетъ, гдѣ теперь они свитаются.“

Услышавъ эти слова, Назлу еще больше покраснѣла и со слезами на глазахъ возвратилась къ матери и рассказала ей о случившемся. Мать долгое время не хотѣла открыть ей тайны, но послѣ настойчивыхъ требованій дочери, открыла ей все. Тогда Назлу бросилась къ ногамъ матери и просила позволенія пойти-поискать своихъ родныхъ братьевъ. Напрасно мать уговаривала дочь выкинуть изъ головы пустяки и не подвергать себя опасности и лишеніямъ,—Назлу осталась непоколебимой. Въ одинъ день, взявъ съ собой въ спутники свою вѣрную собаку, Назлу тайкомъ отъ матери пустилась въ далекій путь, искать братьевъ.

Послѣ двухдневной утомительной ходьбы она увидѣла одного человѣка, къ которому и обратилась съ вопросомъ, не знаетъ-ли онъ вблизи человѣческаго жилья. Тотъ отвѣтилъ, что не вдалекѣ за горою есть одинъ домъ, но не знаетъ, кому онъ принадлежитъ. Напрасно она искала человѣчьяго жилья за горою: тамъ ничего не было. Наконецъ, вечеромъ слѣдующаго дня у подошвы одного холма видитъ она прекраснѣйшей архитектуры домъ. Обрадованная, она заходитъ во дворъ, но никого тамъ не видитъ. Не долго думая, Назлу входитъ въ комнату, но тоже никого не встрѣчаетъ. Воспользовавшись отсутствіемъ хозяевъ, она убираетъ комнату, выметаетъ соръ и приготовляетъ кушанье, а сама съ своей вѣрной спутницей прячется такъ, чтобы хозяева не могли видѣть ее.

Вдругъ послышались голоса и топотъ коней. Въ комнату входятъ семь высочихъ, статныхъ богатырей, одѣтыхъ въ одинаковое платье, вооруженныхъ одинаковымъ оружіемъ и поразительно сложихъ между собою. Богатыри, какъ овамѣнные, удивленно смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, старшій прервалъ молчаніе:

— „Кто здѣсь скрывается?“ говоритъ онъ, „не бойся насъ, выходи! Если ты мужчина, будешь нашимъ братомъ или отцомъ, а если женщина, — матерью или сестрою.“

Между тѣмъ никто не показывался. Братья рѣшили по очереди караулить неизвѣстнаго посѣтителя ихъ дома. На другой день, оставивъ младшаго, они пошли на охоту. Но тотъ вскорѣ, по уходѣ ихъ, не долго думая, заснулъ. Назлу же вышла изъ своей засады, убрала комнату, наварила каши и, въдобавокъ, вымыла даже голову спавшему, а сама опять скрылась. Вскорѣ братья вернулись домой и нашли комнату еще лучше убранною. Они спросили караульщика, не видѣлъ-ли онъ кого-нибудь. А тотъ отвѣтилъ, что цѣлый день никуда не выходилъ и не видѣлъ никого. Такимъ образомъ всѣ братья, до седьмого, караулили по очереди, и съ ними тоже самое случилось, что съ младшимъ братомъ. Когда очередь дошла до старшаго, онъ легъ на кровать и притворился спящимъ. Назлу, принимая караульщика за спящаго, вышла, убрала комнату, вымела соръ, поставила котель на огонь и вымыла голову караульщику. Когда она собралась скрыться, богатырь схватилъ ее.

— „Кто ты - такая, ангель мой?“ спрашиваетъ онъ, „къмъ ты послана и какимъ образомъ ты попала въ намъ? Открой ты намъ свою тайну и ничего не скрывай! Кто-бы ты ни была, будь намъ сестрой родной!“

Назлу рассказала ему обо всемъ подробно. Братъ и сестра обнялись и долго плакали отъ радости. Между тѣмъ приближалось время возвращенія братьевъ съ охоты. Назлу опять

спряталась. Тутъ нужно прибавить, что, когда братья повидали родину, они взяли съ собой одну большую грушу, которая висѣла у нихъ въ комнатѣ пятнадцать лѣтъ, какъ единственное воспоминаніе о родительскомъ домѣ. Каждый вечеръ, какъ только они сѣли за столъ ужинать, брали въ руки эту грушу и по очереди цѣловали ее, воображая грушу своей сестрой. Въ этотъ вечеръ, когда груша, по обыкновенію, переходила изъ рукъ въ руки, старшій братъ откусилъ часть ея и съѣлъ. Братья разсвирѣбли и хотѣли даже убить его. Тогда онъ остановилъ ихъ, говоря:

— „Перестаньте сердиться за этотъ ничтожный плодъ, который до сихъ поръ воображали нашей сестрой, вы сейчасъ увидите нашу родную сестру.“

При этихъ словахъ онъ позвалъ Назлу и разсказалъ имъ о случившемся. Когда появилась родная сестра, всѣ пали къ ея ногамъ. Назлу поднимала ихъ и обнимала каждого. Братья поблагодарили Бога, что, наконецъ, удостоились видѣть сестру, которая была ихъ завѣтной мечтой. Разъ, по уходѣ братьевъ на охоту, Назлу подметала комнату. Вдругъ она нашла одинъ кишмишъ и обратилась къ собакѣ съ словами:

— „Будди, я нашла кишмишъ!“

— „Дай его мнѣ, пожалуйста!“ попросила собака.

Но Назлу, не удовлетворивъ желанію Будди, сама съѣла кишмишъ. Будди обидѣлась этимъ, пошла и потушила огонь, на которомъ варилось кушанье для дорогихъ братьевъ. Назлу пришла въ отчаяніе: что она отвѣтитъ братьямъ, когда они вернутся и не найдутъ готоваго обѣда? Задумчиво вышла она на дворъ и видитъ, что гдѣ-то вдали поднимается густой дымъ. Она направилась туда. Взорамъ ея представился прекрасный теремъ, въ которомъ жилъ семиглавый дивъ. Она смѣло заходитъ въ теремъ, обходитъ всѣ комнаты и видитъ въ одной богато-украшенной комнатѣ—сидитъ молодая красивая женщина, а предъ ней пылаетъ огонь.

— „Ахъ, несчастная!“ обратилась она къ Назлу, зачѣмъ ты пришла сюда? Сейчасъ возвратится мой повелитель-семиглавый дивъ и переломаетъ тебѣ всѣ кости. Если хочешь остаться живою, то уходи поскорѣе.“

— „Я пришла сюда за огнемъ“, отвѣчала Назлу, „позволь мнѣ взять нѣсколько горящихъ угольевъ.“

— „Не могу“, отвѣчала женщина, „дивъ сосчиталъ уголь на очагѣ и, если онъ не найдетъ ихъ въ цѣлости, зажаритъ меня на этомъ-же огнѣ.“

Послѣ долгихъ настойчивыхъ просьбъ Назлу, она согласилась и позволила ей взять нѣсколько горящихъ угольевъ, но только бросила въ карманъ Назлу клубокъ тонкой нитки, удержавъ въ своихъ рукахъ конецъ ея, чтобы послѣ по ней легко могла открыть убѣжище неожиданной посѣтительницы, познакомиться съ ней и распросить, какимъ образомъ и зачѣмъ появилась она во владѣніяхъ страшнаго дива.

Вскорѣ возвратился дивъ съ охоты. Онъ сейчасъ же почувялъ запахъ человѣка и потребовалъ отъ жены, чтобы она сказала, кто приходилъ, а въ противномъ случаѣ грозилъ ей смертью. Бѣдная женщина, чтобы не лишиться жизни, вручила ему конецъ нитки и сказала, что по этой ниткѣ онъ можетъ найти того, кого онъ почувялъ. Нитка привела дива прямо въ домъ богатырей. Двери были заперты. Напрасно дивъ старался отворить двери. Убѣдившись, наконецъ, что силой не отворишь ихъ, онъ прибѣгъ къ хитрости: онъ обманулъ бѣдную Назлу тѣмъ, что сказалъ, будто принесъ ей въ подарокъ дорогое кольцо, и потому она должна протянуть ему свой мизинецъ сквозь щель, чтобы онъ могъ надѣть на него кольцо. Назлу протянула мизинецъ. Дивъ взялъ въ ротъ ея палецъ и высосалъ у нея изъ тѣла всю кровь. Бѣдная дѣвушка безъ чувствъ упала на землю. Когда братья вернулись домой, никто не отперъ имъ дверей. Предчувствуя несчастье, они сломали двери и, къ великому смущенію, нашли сестру

въ безчувственномъ состояніи. Послѣ долгихъ усилій, имъ посчастливилось привести ее въ сознаніе. Разузнавъ о причинѣ несчастья, братья порѣшили пригласить дива къ себѣ въ гости и убить его. Съ этой цѣлью они вырыли въ комнатѣ огромную яму и прикрыли ее ковромъ, а младшаго брата послали за дивомъ. Послѣдній съ радостью согласился на приглашеніе, потому что вмѣсто одной жертвы надѣялся имѣть теперь ихъ во семь. Явился дивъ на званый пиръ. Братья встрѣтили его со словами:

— „Добро пожаловать, дорогой гость! давно тебя не видать. Забылъ ты совершенно своихъ одинокихъ сосѣдей. Садись, пожалуйста, на этотъ коверъ, который нарочно разостланъ для такого дорогого гостя, какъ твоя милость.“

Дивъ не заставилъ ихъ долго просить себя и тяжело опустился на предложенное мѣсто; но въ тотъ же моментъ очутился на днѣ ямы. Тотчасъ яма была наполнена камнями и засыпана землей. Прошло нѣсколько времени послѣ смерти дива,—братья внезапно заболѣли всѣ разомъ. Назлу, поэтому, была въ большомъ горѣ. Однажды, когда бѣдная Назлу горько плавала, къ ней подошла одна старуха-колдунья и спросила о причинѣ ея грусти.

— „Какъ же мнѣ не грустить“, сказала Назлу, „когда братья всѣ семеро лежатъ больные, и намъ всѣмъ грозитъ голодная смерть?!“

— „Не унывай, красавица“, сказала колдунья, „нарви той зелени, которая выросла на могилѣ дива, дай понемножку братьямъ, и они чрезъ нѣсколько времени выздоровѣютъ.“

Назлу такъ и поступила. Каково же было отчаяніе несчастной сестры, когда, вмѣсто семи братьевъ богатырей, она увидѣла семь бѣлыхъ овецъ! Назлу долгое время оплакивала несчастье своихъ братьевъ. Но дѣлать было нечего,—должно было покориться судьбѣ... Каждый день она гоняла свое любимое стадо на берегъ моря и вечеромъ, съ грустью въ сердцѣ,

возвращалась домой. Разъ Назлу, сидя на камнѣ, на берегу моря, изливала свою тоску въ пѣснѣ, хватавшей за душу, а въ это время одинъ царевичъ охотился тамъ. Молодому царевичу любопытно стало, кто-такія эта пастушка, а потому онъ направилъ свои шаги къ ней. При видѣ ея, царевичъ былъ пораженъ доголѣ имъ не виданной прелестью пастушки: ему казалось, будто Провидѣніе приложило всё свое стараніе, чтобы создать это чудо красоты. Наконецъ, онъ подошелъ къ ней и дрожащимъ голосомъ спросилъ:

— „О комъ ты грустишь, милая пастушка?“

— „Какъ же мнѣ не плакать, когда злая судьба превратила моихъ дорогихъ братьевъ въ овецъ?! Я пою про свою горькую долю.“

— „Такъ, значить, это твои братья?!“

— „Какъ видишь“. Тутъ она рассказала ему обо всемъ.

— „Не печалься, красавица! я помогу твоему горю“.

При этихъ словахъ царевичъ вынулъ изъ кармана какой-то порошокъ, смѣшалъ съ водой и напоилъ овецъ этой жидкостью. Вдругъ овцы превратились въ прежнихъ богатырей. Радость ея при видѣ этого чуда была безпредѣльна. Она не находила словъ, чтобы излить свою благодарность царевичу. Она пала къ его ногамъ и оросила ихъ своими жемчужными слезами. Царевичъ поднялъ ее и спросилъ, —желаетъ-ли она быть его женою. Она отвѣтила:

— „Я согласна, если только на это будетъ согласіе братьевъ.“

Братья тутъ же изъявили свое желаніе выдать свою единственную сестру за своего спасителя. Скоро сыграли и свадьбу. Свадебный пиръ шелъ семь дней и семь ночей. Вскорѣ умеръ царь, а молодой царевичъ вступилъ на престолъ. Царь съ царицей зажили счастливо, а богатыри сдѣлались приближенными сановниками царя. Вскорѣ послѣ этого братья разыскали мать и перевезли ее въ царскій дво-

рецъ, гдѣ она и провела счастливо остатокъ своей жизни. А женщину, которая сняла флагъ съ ихъ крыши, и изъ-за которой они такъ долго были лишены родительскаго дома, привязали въ хвосту лошади и размыкали по городу.

Записана въ сел. Арцеваникѣ, Зангезурскаго уѣзда, Елисаветопольской губ., учителемъ Х. *Арутюновымъ*.

7. Исторія Мудраго Хикара.

Въ древнія времена у ассирійскаго царя Сеневерима служилъ Мудрый Хикаръ. Онъ имѣлъ шестьдесятъ женъ и дожилъ до шестидесяти-лѣтняго возраста, но у него не было дѣтей, ни мужскаго, ни женскаго пола. Хикаръ ежедневно ходилъ въ ващице боговъ съ дорогими дарами и молился тамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„О боги! вы дали мнѣ умъ, богатство, сдѣлали первымъ любимцемъ моего царя, но не избавили отъ горя: вотъ дни мои идутъ къ концу, и нѣтъ у меня ни сына, который наследовалъ бы мою должность и богатство, ни дочери, которая плакала бы надо мною, когда я умру.“

Въ одинъ день, послѣ такой молитвы, Хикаръ услышалъ голосъ:

— „Хикаръ! тебѣ не суждено имѣть дѣтей; но если хочешь узнать, какъ оплачиваютъ дѣти своимъ родителямъ за ихъ любовь, то усынови поворожденнаго племянника твоего Натана.“

Хикаръ такъ и сдѣлалъ: принялъ къ себѣ и усыновилъ племянника своего Натана, и одѣлъ его въ дорогія одежды и окружилъ родительскими заботами; до семи лѣтъ позволялъ играть и рѣзвиться со сверстниками, а съ семилѣтняго возраста принялся за его образованіе. Хикаръ сперва научилъ пріемнаго сына читать и писать, а когда онъ

нѣсколько подросъ, то и составлять всѣ необходимыя царскія бумаги; потомъ онъ сталъ учить его житейской мудрости.

Въ одинъ день царь призвалъ Хикара къ себѣ и сказалъ:

— „Ты уже старъ, и тебѣ пора бы на отдыхъ; но, къ несчастію, нѣтъ у тебя дѣтей, и я не знаю, кого мнѣ найти вмѣсто тебя, чтобы онъ могъ, какъ ты, быть мнѣ мудрымъ совѣтникомъ.“

— „Государь, живи вѣчно!“ отвѣтилъ Хикаръ, „не безпокойся,—у меня есть сынъ, который мудростью не уступитъ никому въ твоёмъ царствѣ и можетъ править дѣлами государства не хуже меня; имя его Натанъ.“

Царь сильно обрадовался этому и попросилъ представить ему Натана. Хикаръ исполнилъ привязаніе царя, но прежде, чѣмъ отвести его къ царю, далъ ему слѣдующія наставленія.

1. Если услышишь что-нибудь въ домѣ царя или приближенныхъ его, то никому о томъ не говори, пока того-же самаго не услышишь отъ другихъ.

2. Завязаннаго и запечатаннаго другими не развязывай, а развязаннаго не запечатывай.

3. Лучше съ умнымъ человѣкомъ камни таскать, нежели съ глупымъ ѣсть и веселиться.

4. Если тебя посылаютъ куда-нибудь, хорошенько разузнай, за чѣмъ идешь, и что тебѣ нужно сказать, чтобы въ послѣдствіи не стать посмѣшищемъ для другихъ.

5. Если тебя пригласятъ куда-нибудь въ гости или на свадьбу, не садись на первомъ мѣстѣ, а то, когда придутъ постарше тебя, придется тебѣ пересаживаться на низшее мѣсто; лучше садись ниже всѣхъ; тогда тебѣ будутъ предлагать мѣсто все выше и выше, и, такимъ образомъ, ты займешь почетное мѣсто.

6. Когда другъ твой боленъ, то не откладывай посѣщенія до тѣхъ поръ, пока достанешь яблоко или грушу*); больной, ви-

*) У армянъ есть обычай не ходить къ больному съ пустыми руками.

да тебя, обрадуется, а это лучше на него подѣйствуетъ, нежели принесенныя тобою яблоки и груши, изъ-за которыхъ пришлось-бы тебѣ, пожалуй, отложить свиданіе.

7. Не проливай чужой крови, чтобы и другіе не пролили твоей.

8. Не прелюбодѣйствуй съ чужими женами, чтобы и другіе не посягнули на твою жену.

9. Слугѣ лучше чистосердечно раскрыть предъ своимъ господиномъ истину, чѣмъ ложью ввести его въ обманъ и заблужденіе, такъ какъ, въ случаѣ разоблаченія лжи, господинъ прогнѣвается на слугу и больше не будетъ вѣрить ему.

10. Не позволяй товарищу твоему наступать тебѣ на ногу, чтобы онъ впослѣдствіи не ударилъ тебя и въ лицо.

11. Не будь настолько сладокъ, чтобы тебя проглотили, и не будь настолько горекъ, чтобы отъ тебя отплеывались.

12. Пусть лучше не хватаетъ у человѣка глаза, чѣмъ ума.

13. Лучше ребенку умереть во младенчествѣ, чѣмъ жить, служа позоромъ своего рода.

14. Лучше въ своемъ домѣ имѣть козленка, нежели въ чужомъ домѣ быка.

15. Въ чужой домъ на зарѣ не заходи; съ женой сильнаго бесѣды не веди.

16. Глазъ человѣка жаждетъ, но ты не поддавайся ему, такъ какъ онъ не насытится никакими сокровищами, пока не сойдетъ въ могилу.

17. Когда выдаютъ дѣвушку замужъ, то не вмѣшивайся въ это дѣло, потому что, когда женихъ окажется плохъ, то стануť ругать тебя; если же хорошъ будетъ, то о твоёмъ совѣтѣ не вспомнятъ и скажутъ, что таково ея счастье.

18. Если тебѣ придется судиться съ кѣмъ-нибудь, то не говори лишняго и не говори лжи, чтобы въ послѣдствіи за это не поплатиться и не попасть въ тюрьму.

19. Прежде, чѣмъ говорить предъ судомъ, обдумай свой отвѣтъ: если ты хотѣлъ сѣзаять ложь,—оставь, а если правду,—говори; иначе предъ судомъ раскроется истина, и тебѣ придется отвѣчать за свою ложь.

20. Если кого-нибудь ведутъ на казнь, то впереди шествія не иди, иначе осужденный, пожалуй, увидитъ тебя и скажетъ: „вотъ мой соучастникъ.“

21. Если ты приглашенъ на свадьбу или хочешь сопровождать покойника на кладбище, то сначала покушай, а потомъ иди, потому что на свадьбѣ—отъ великой радости, а на похоронахъ—отъ большого горя могутъ позабыть о тебѣ, и ты останешься голоднымъ.

22. Лучше обойти окольнымъ путемъ и перейти рѣку по мосту, чѣмъ по кратчайшему пути пуститься въ бродъ.

23. Будучи судьей, новыхъ законовъ не создавай и изъ предѣловъ справедливости не выходи.

24. Сынъ мой! не увлекайся красивой женщиной, потому что ея лицо и глаза—отрава, и, хотя бы ты отдалъ ей все свое имущество, всё-таки отъ нея получишь то же самое, что дасть тебѣ и жена твоя, а между тѣмъ впадешь въ грѣхъ и будешь очерненъ.

25. Если увидишь въ славѣ и на высочомъ посту юношу и старика, то побратайся со старикомъ, а не съ юношей, такъ-какъ первый приобрѣлъ все опытомъ и трудомъ, а второй случайно.

26. Если бы сынъ твой оказался и очень умнымъ, всё-таки не норучай ему важныхъ дѣлъ, не испытывай его.

27. Съ грубымъ челоуѣкомъ не спорь.

28. Входи въ домъ старшихъ, скромно опустивъ голову.

29. Не обвѣшивай и не обманывай другихъ, такъ-какъ въ противномъ случаѣ Богъ прогнѣвается на тебя и отниметъ у тебя твое богатство.

30. Не клянись и не говори неправды, потому что ложь.

ное слово и ложная клятва причинять тебѣ большія страда-
нія на томъ свѣтѣ.

31. Если хочешь просить у Бога удачу и помощи, то не сходи съ пути Его.

32. Того, что тебѣ самому неприятно, не дѣлай и товарищу своему.

33. Если хочешь, чтобы другіе тебѣ доставляли удовольствіе, то сперва самъ угождай всѣмъ.

34. Никому не говори о долгахъ и недостаткахъ своихъ, потому что люди не только не помогутъ тебѣ, а, напротивъ, будутъ еще смѣяться надъ тобой.

35. Люби жену твою, потому что она „отъ тѣла твоего“ и воспитываетъ дѣтей твоихъ.

36. Люби своего младшаго брата, потому что онъ можетъ тебѣ помогать и радовать тебя, какъ твои собственные дѣти.

37. Познакомь своего сына съ нуждой, чтобы при тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ могъ перенести свою участь безъ ропота.

38. Если человѣкъ не совершаетъ добрыхъ дѣлъ и не пользуется доброй славой, то лучше ему умереть, нежели жить.

39. Не презирай плохого родственника, а радостно принимай его, чтобы видящіе это полюбили тебя.

40. Доставляй всякое удовольствіе женѣ своей, но только не раскрывай предъ ней всѣхъ своихъ тайнъ, такъ-какъ женщина, какъ слабое существо, легко можетъ выдать тебя.

41. Сперва думай, потомъ говори, чтобы не стать посмѣшищемъ собесѣдниковъ.

42. Когда другіе дерутся, то ты не вступайся, а то и тебѣ достанется.

43. Если хочешь прослыть умнымъ, то не влословь.

44. Будь милостивъ къ бѣднымъ и больнымъ, чтобы Богъ спасъ тебя отъ несчастій и напастей.

45. Почитай отца своего и мать свою, чтобы и твои дѣти почитали тебя.

46. Не воруй ничего, потому что на томъ свѣтѣ за это будешь вверженъ въ геенну огненную.

47. Несчастью и погибели врага не радуйся, — тоже самое можетъ случиться и съ тобой.

48. Когда увидишь старика, то встань и поклонись ему, чтобы въ послѣдствіи то же самое и предъ тобою дѣлали.

49. Не связывайся съ блудными, потому что какъ рѣка не остановитъ своего теченія, и какъ черный воронъ не побѣдѣтъ, такъ и онъ не измѣнитъ своего характера.

50. Не пренебрегай домою родственниковъ твоихъ, чтобы они не презирали тебя.

51. Научи языкъ свой говорить доброе предъ всѣми.

52. Если людямъ дать доброе наставленіе, — за добраго прослывешь, такъ-какъ злое всегда отъ злыхъ исходитъ.

53. Пока не кончишь дѣла, о немъ никому не говори, чтобы, въ случаѣ неудачи, не стать посмѣшищемъ людей.

54. Въ случаѣ спора, не прибѣгай къ брани, а оканчивай всякое дѣло пріятными словами, предъ которыми не устоитъ ни одно злобное сердце.

55. Мирюлюбіе — мать всѣхъ добродѣтелей.

56. Послѣ выпивки лучше засни, потому что вино вызываетъ болтливость, которая можетъ повести къ дракѣ.

57. Если ты въ башмакахъ, а товарищъ твой босъ, то иди впереди, — растаптывай колючки, чтобы товарищу твоему легче было идти.

58. Стремись пріобрѣсти доброе имя, потому что красота пропадаетъ отъ болѣзни, богатство переходитъ въ чужія руки, а доброе имя долго живетъ въ памяти людей.

59. Если встрѣтишься съ безнравственной женщиной, то или покорись ей, или убѣги отъ нея.

60. Языка своего бойся больше, чѣмъ враговъ своихъ,

потому что никто тебѣ не можетъ доставить столько несчастій, какъ языкъ твой.

61. Лучше имѣть умнаго врага, чѣмъ глупаго друга.

62. Пьяницѣ дѣла не поручай, потому что онъ напьется и доставитъ тебѣ много несчастій.

63. Для человѣка, не владѣющаго памятью, наставленіе составляетъ то же, что для проточной воды — мука.

64. Глупыхъ и гордыхъ людей въ домъ свой не принимай, потому что отъ нихъ получишь много неприятностей.

65. Какихъ почестей ни достигнешь, всегда помни, что существуетъ смерть, и, чѣмъ старше будешь, тѣмъ ласковѣе будь.

66. Ради веселья пей вино, но слѣди за собой, чтобы оно не завладѣло тобой: вино, обогащая воображеніе, иногда прославляетъ человѣка, иногда же совсѣмъ срамить.

67. Безопаснѣе враждовать съ храбрымъ воиномъ, нежели съ безнравственной женщиной.

68. Плохой человѣкъ, видя товарища своего дерущимся, смѣется надъ нимъ и всѣмъ объ этомъ рассказываетъ, но ты не дѣлай такъ.

69. Не думай, что нищій не можетъ тебѣ повредить: и незначительные люди могутъ причинить много неприятностей.

70. Если чужая жена скажетъ тебѣ: „я люблю тебя“, то не вѣрь ей, потому что такая женщина похожа на собаку, которая связывается со всякой другой собакой; тебя проглотитъ она подобно тому, какъ могила глотаетъ людей.

71. Бесѣдуя съ товарищами, не говори имъ даже и въ шутку глупостей, потому что, если они поссорятся съ тобой, за тѣ же слова будутъ позорить тебя.

72. Человѣкъ, у котораго ненасытное око и жадное сердце, похожъ на живого покойника.

73. Сперва испытай друга своего, а потомъ довѣрай ему свои тайны: хорошій товарищъ тотъ, который, находясь съ тобой во враждѣ, не выдаетъ твоей тайны.

74. Жадность—мать всякихъ грѣховъ, а милосердіе—родительница всѣхъ добродѣтелей.

75. Понапрасну не злословь людей и не слушай злословія на нихъ: это избавить отъ большихъ непріятностей и тебя, и другихъ.

76. Если хочешь кому-нибудь сдѣлать подарокъ, заранѣе о томъ не говори и не гордись имъ, чтобы въ послѣдствіи, если тебѣ это не удастся, не смѣялись надъ тобой.

77. Нехорошаго человѣка презираетъ даже его семья, а хорошаго и посторонніе любятъ.

78. Лучше получить въ подарокъ лѣнливую лошадь, нежели работающаго раба, который жжетъ и воруетъ.

79. Не ручайся за родственника своего въ его долгахъ, потому что, пока твой родственникъ расплатится съ кредиторомъ, много непріятностей получишь отъ него.

80. Не будь злымъ и завистливымъ: злой и завистливый человѣкъ вредитъ не только врагамъ своимъ, но и друзьямъ.

81. Какъ разбойники селятся въ дивихъ скалахъ, такъ и бѣсы въ злыхъ людяхъ.

82. Не связывайся съ посторонней женщиной, такъ-какъ она, подобно соленой водѣ, вызывающей еще болшую жажду, не удовлетворитъ тебя, и ты только приобрѣтешь дурную славу.

83. Глупый человѣкъ, напившись, воображаетъ, что нѣтъ никого сильнѣе его, лѣзетъ въ драку и нерѣдко расплачивается за это жизнью.

87. Какъ земля мать всѣмъ растеніямъ, такъ и пьянство мать всѣмъ спорамъ и дракамъ.

88. Если будешь назначенъ правителемъ, то остерегайся мѣсти, потому что она недостойна человѣка съ высокимъ положеніемъ.

86. Человѣкъ, ничѣмъ не побѣжденный, нерѣдко оказывается безсильнымъ предъ развратной женщиной.

87. Если по причинѣ грѣховъ своихъ упадетъ нечестивый, то онъ не можетъ болѣе подняться, а если, будучи оклеветанъ, упадетъ благочестивый, то скоро подымется вслѣдствіе своихъ добрыхъ дѣлъ.

Натанъ со вниманіемъ слушалъ наставленія отца и, по его требованію, повторялъ услышанное безошибочно, до послѣдняго слова. Но не успѣлъ еще Натанъ вступить въ жизнь, какъ обнаружилось, что въ своихъ мысляхъ онъ крайне далекъ отъ наставленій отца. Получивши мѣсто государственнаго секретаря, Натанъ сталъ обижать бѣдныхъ, моталъ отцовское богатство и большую часть времени проводилъ въ оргіяхъ. Такая жизнь Натана огорчила Хикара, и онъ попросилъ царя, чтобы тотъ запретилъ Натану проматывать его имущество. Царь исполнилъ эту просьбу Хикара, но Натанъ такъ обидѣлся на это, что рѣшилъ, во что бы то ни стало, отмстить Хикару за его поступокъ. Онъ приготовилъ подложную царскую печать и отъ имени царя написалъ Хикару письмо, съ приказаніемъ собрать войско и въ назначенное время отправиться въ походъ противъ египетской арміи. Хикаръ, ничего не подозрѣвая, исполнилъ въ точности царскій приказъ. Между тѣмъ Натанъ явился къ царю и сказалъ:

— „Государь! неблагодарный Хикаръ забылъ твои благодѣянія къ нему и, обиженный тѣмъ, что ты его отстранилъ отъ должности, идетъ на тебя войною; если не вѣришь мнѣ, собери войско, и пойдемъ противъ него: онъ стоитъ близко, и мы скоро встрѣтились бы съ нимъ.“

Царь повѣрилъ хитрому Натану и съ войскомъ пошелъ на Хикара. Хикаръ же, принявъ царскія войска за египтянъ, напалъ на нихъ и прогналъ мнимаго непріятеля. Тутъ царь охотчательно повѣрилъ словамъ Натана и сталъ искать средствъ изловить измѣнника. Натанъ вызвался поймать Хикара и представить царю. Заручившись согласіемъ царя, Натанъ послалъ къ Хикару новое письмо отъ царскаго имени: въ письмѣ этомъ

благодарилъ Хикара за храбрость и приказывалъ распустить войско и вернуться ко дворцу, для полученія великой награды. Хикарь, не подозрѣвая никакихъ козней, распустилъ войско и явился къ царю, а царь приказалъ заковать его въ цѣпи и казнить. Ошеломленный Хикарь, не зная, въ чемъ дѣло, не хотѣлъ и оправдываться, а попросилъ только, чтобы его представили царю, и сказалъ ему:

— „Если твоей царской милости угодно непременно казнить меня, то прошу, ради моихъ заслугъ отечеству, поручи казнить меня главному своему полководцу.“

Царь согласился на эту просьбу Хикара и поручилъ его казнь главному полководцу страны. Хикарь попросилъ полководца, чтобы тотъ взялъ его въ собственный домъ, гдѣ онъ могъ бы еще при жизни справить по себѣ тризну и нанять дѣвицъ, которыя плакали бы по немъ, а потомъ уже казнилъ. Полководецъ охотно исполнилъ просьбу Хикара. Когда приговоренный къ смерти прибылъ домой, приказалъ пригласить всѣхъ дѣвицъ того села, настряпать вкусныхъ кушаньевъ и на обѣдъ подать побольше хорошаго вина. Тризна (*ᠰᠢᠨᠠᠭᠤ ᠰᠢᠩᠭᠤ*) Хикара продлилась до самаго вечера, и всѣ присутствовавшіе напились мертвецки пьяными. Подъ вечеръ Хикарь разбудилъ полководца, которому было поручено казнить его, и сказалъ:

— „Помнишь ли ты, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ повелитель нашъ приказалъ мнѣ казнить тебя, и я этого не сдѣлалъ, а спряталъ тебя въ своемъ домѣ, пока не прошелъ царскій гнѣвъ; когда же наступило военное время, и въ тебѣ появилась нужда, а царь сталъ жалѣть о твоей смерти, тогда я представилъ тебя царю и за то получилъ богатыя награды отъ него? Теперь представляется тебѣ случай за добро отплатить мнѣ добромъ. Ты тоже спрячь меня: можетъ быть и я на черныи день пригожусь царю; вмѣсто меня казни моего раба, который за убійство приговоренъ къ смерти и, притомъ, похожъ

на меня. Переодѣнемъ его въ мою одежду и повѣсимъ; потомъ я спрячусь, а ты разбудишь пьяныхъ воиновъ и скажешь имъ, что Хикарь уже казненъ, и распорядишься похоронить трупъ его.“

Полководецъ такъ и поступилъ, какъ совѣтовалъ Хикарь. Послѣ казни Хикара царь успокоился и передалъ все его состояніе Натану. Но Натанъ не довольствовался смертью своего благодѣтеля и, чтобы увеличить его позоръ, взялъ себѣ въ наложницы его любимую жену.

Спустя нѣкоторое время, египетскій царь узналъ, что Хикарь казненъ, и что у Сенекерима уже нѣтъ такихъ мудрыхъ мужей, которые могли бы разрѣшать вопросы египетскихъ мудрецовъ. Поэтому онъ послалъ въ Сенекериму людей съ требованіемъ или прислать къ нему мастеровъ, которые могли бы въ воздухѣ построить для него дворецъ, или, если не можетъ, покориться его власти и платить дань.

Сенекеримъ сильно обезпокоился и послалъ гонцовъ во всѣ концы своего царства, —искать такихъ мастеровъ. Но всѣ поиски остались тщетными: мастеровъ, умѣющихъ строить дворцы въ воздухѣ, не оказалось; оставалось покориться чужой власти и платить дань. Но вдругъ царь вспомнилъ Хикара и при главномъ полководцѣ, бывшемъ палачѣ Хикара, сталъ громко выражать свое сожалѣніе, что казнилъ человѣка, который одинъ только могъ бы выручить отечество изъ бѣды.

— „Государы!“ сказалъ тогда полководецъ, „если Хикарь окажется живымъ, то накажешь ли ты ослушника твоей воли?“

— „Не только не накажу, а награжу того, кто доставитъ моего Хикара“, отвѣтилъ царь.

Полководецъ чистосердечно признался тогда, что онъ не казнилъ Хикара и, по приказу царя, представилъ его во дворецъ. Царь щедро наградилъ полководца, а Хикару разсказалъ о требованіи египетскаго царя.

— „Не кручинья, государь!“ сказалъ Хикарь, „пошли

сказать египетскому царю, что через годъ представишь требующихъ имъ мастеровъ.”

Царь такъ и сдѣлалъ, а Хикарь между тѣмъ досталъ молодого орленка и двухъ четырехлѣтнихъ мальчиковъ. Когда орленокъ оперился и сталъ летать, Хикарь сажалъ дѣтей ему на крылья и училъ ихъ выкрикивать слѣдующія слова: „Давайте намъ камни и извести, чтобы строить дворецъ!“ Чтобы орленокъ не улетѣлъ совсѣмъ, въ одной его ногѣ Хикарь привязывалъ шнуръ, конецъ котораго держала, обыкновенно, его любимая жена.

Когда насталъ срокъ, назначенный Сенекеримомъ, Хикарь взялъ свою жену, двухъ мальчиковъ и орла и пошелъ къ египетскому царю и объявилъ ему, что скоро начнется постройка дворца на воздухѣ. Въ назначенный день царь со всѣмъ своимъ войскомъ вышелъ смотрѣть на невиданное дотоле зрѣлище.

Между тѣмъ жена Хикара, по распоряженію своего мужа, оставалась на полѣ: въ назначенный часъ она посадила мальчиковъ на крылья орла и на шнурѣ пустила его летать; орелъ съ мальчиками полетѣлъ вверхъ и, замѣтивъ своего кормильца-Хикара, сталъ кружиться надъ его головой, а мальчики въ это время выкрикивали: „Давайте намъ извести и камня, чтобы построить дворецъ!“ Всѣ присутствовавшіе стояли въ глубокомъ изумленіи. Тутъ Хикарь обратился къ египетскому царю и сказалъ:

— „Просимые тобою мастера готовы; имъ нужно только дать матеріалъ для постройки, — пришли же рабочихъ, чтобы они подавали мастерамъ известъ и камень.“

Царь увидѣлъ, что Сенекеримъ побѣдилъ его, и сказалъ:

— „Я думалъ, что въ ассирійскомъ царствѣ нѣтъ людей мудрѣе Хикара, но ты превзошелъ и его; у насъ нѣтъ такихъ рабочихъ, которые могли бы подавать камни твоимъ мастерамъ, а потому я отказываюсь отъ своего требованія. Но

скажи мнѣ, кто ты такой, чтобы я могъ достойно наградить тебя.“

Хикарь объявилъ египетскому царю, кто онъ, и съ богатыми подарками вернулся домой.

Сенекеримъ не зналъ, какъ отблагодарить своего избавителя. А Хикарь только попросилъ царя объяснить, за что онъ, невинный Хикарь, былъ приговоренъ въ смертной казни, и тутъ выяснилось коварство Натана. Сенекеримъ страшно разгнѣвался на послѣдняго и приказалъ немедленно казнить его; но Хикарь попросилъ царя, чтобы Натана живого отдали ему. Царь охотно согласился на это, а Хикарь взялъ Натана къ себѣ домой и сказалъ ему:

— „Сынъ мой, я училъ тебя наставленіями, но ты не послушался меня; теперь я научу тебя наказаніями!“

Послѣ этого Хикарь приказалъ заковать Натана въ цѣпи, повѣсить ему на шею большую гирию и кормить впроголодь. Хикарь ежедневно посѣщалъ заключеннаго и читалъ ему по одному слѣдующія наставленія и упреки:

1. „Если человекъ честью не исполняетъ приказанія, то его заставляютъ исполнять дубиною.“

2. „Я посадилъ тебя на столъ славы, удостоилъ чести, а ты низвергнулъ меня и хотѣлъ погубить.“

3. „Сынъ мой, зачѣмъ ты сталъ для меня той собакой, которая, имѣя во рту кусокъ мяса, пошла къ ручью напиться и, увидѣвъ по срединѣ рѣки другую собаку съ хлѣбомъ въ зубахъ, бросилась отнимать у нея хлѣбъ и, доплывъ до середины рѣки, не нашла ни собаки, ни хлѣба, а сама лишилась и мяса, и жизни!? Ты хотѣлъ отнять у меня мой хлѣбъ, но теперь самъ заплатился жизнью.“

Сказавъ это, Хикарь приказалъ убить Натана.

— „Отецъ, зачѣмъ забываешь сына и племянника своего!“ воскликнулъ Натанъ.

— „Ты оказался не сыномъ и не племянникомъ, а

злѣйшей фалангой, которая, высунувъ свое ядовитое жало, хотѣла ужалить верблюда, но была раздавлена его ногами.“

— „Прости, отецъ,—я болѣе не сдѣлаю того, что сдѣлалъ!“ —взмолился Натанъ.

На это Хизаръ отвѣтилъ Натану слѣдующей притчей:

— „Одинъ человекъ посадилъ на берегу рѣки дерево и ухаживалъ за нимъ, но ему не удавалось поѣсть плодовъ того дерева, такъ-какъ каждый разъ, когда хозяинъ намѣревался собрать плоды, они падали въ воду, и дерево оказывалось безъ плодовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, видя, что отъ дерева пользы не получается, и труды по уходу за нимъ пропадаютъ напрасно, хозяинъ приказалъ дерево это срубить и употребить на топливо.“

Записалъ со словъ жительницы селенія Эчміадзинъ,
М. Кеворковой (65 лѣтъ), смотритель Баяндурскаго училища, священникъ *Г. Бунятовъ*.

СВАДЬБЫ ЗАНГЕЗУРСКИХЪ АРМЯНЪ.

Свадьбы въ армянскихъ деревняхъ Зангезурскаго уѣзда носятъ характеръ патриархальныхъ временъ, не поддающійся, повидимому, позднѣйшимъ вліяніямъ. Въ бракъ вступаютъ, обыкновенно, несовершеннолѣтніе: четырнадцатилѣтній мальчикъ съ восемнадцатилѣтней дѣвушкой, или шестнадцатилѣтній съ тринадцатилѣтней и наоборотъ. Для брачующихся объявленіе объ ихъ свадьбѣ является сюрпризомъ: родители объявляютъ сыну, что *завтра* должна быть сыграна его свадьба, между тѣмъ какъ молодой человекъ вовсе не знаетъ, когда и съ кѣмъ онъ обрученъ, кто его будущая жена, — взрослая или малолѣтняя, смышленная или глупая, красивая или уродливая; обо всемъ этомъ думать не его дѣло, потому что, коль скоро родители желаютъ этого брака, онъ обязанъ безъ всякихъ возраженій исполнить ихъ волю. Побужденія, которыми родители руководятся при заключеніи подобныхъ брачныхъ союзовъ, бываютъ иногда совершенно постороннія и ничего общаго съ вопросомъ о счастіи дѣтей ихъ не имѣютъ; такъ, напр.: если должникъ не въ состояніи вовремя уплатить своего долга, обыкновенно, не болѣе 100 рублей, и если есть у него сынъ, а у кредитора дочь, имѣющая тѣлесный недостатокъ, то должникъ беретъ въ жены своему сыну дочь кредитора, и въ такомъ случаѣ, смотря по условію, долгъ или считается уплаченнымъ, или же отсрочивается на болѣе или менѣе долгій срокъ.

Выбравъ заранѣе извѣстную дѣвушку, отецъ или одинъ изъ близкихъ родственниковъ отправляется въ домъ дѣвушки и подноситъ ей родителямъ нѣсколько яблоковъ съ воткнуты-

ми въ нихъ серебряными монетами въ пользу будущей невѣсты, нѣсколько гранатъ, немного кишмишу и конфетовъ; эти дары служатъ знакомъ того, что онъ, податель сихъ даровъ, пришелъ просить согласія домохозяевъ на бракъ дочери ихъ со своимъ сыномъ или родственникомъ.

Иногда родители дѣвушки не соглашаются и предлагаютъ взять обратно принесенные дары; но фрукты большею частью сѣдаются на мѣстѣ, при чемъ большая часть ихъ достается на долю засватанной дѣвушки. Въ случаѣ согласія, подарки приносятся вторично; но на этотъ разъ дарятъ уже болѣе или менѣе цѣнные вещи.

При второмъ поднесеніи подарковъ между родителями молодыхъ людей заключается, такъ сказать, контрактъ свадьбы, состоящій въ томъ, что женихъ обязуется принять на себя нѣкоторые расходы тестя по устройству свадебныхъ пиршествъ, напр.: послать ему быка для убоя на свадьбу, 5—6 пудовъ вина, фунтовъ 20 водки, голову сахару, фунтъ чаю и т. д.

Обрученіе совершается иногда безъ присутствія священника. „Честное слово дороже всякаго присутствія чужихъ въ нашемъ дѣлѣ“, говорятъ родители молодыхъ. Промежутокъ между обрученіемъ и вѣнчаніемъ продолжается отъ одного мѣсяца до 2—3 лѣтъ, при чемъ, по обстоятельствамъ, въ этотъ промежутокъ времени обѣ стороны имѣютъ право обратно взять свое „честное слово“. Трехъ или двухъ-лѣтній срокъ до свадьбы допускается только въ томъ случаѣ, когда женихъ еще малолѣтенъ, или когда онъ въ отсутствіи (напр., на заработкахъ, вдали отъ родины), и родители его желаютъ, чтобы выбранная ими дѣвушка не досталась другому въ продолженіе этого времени; потому что, если извѣстная чета уже связана узами обрученія, то родителямъ совѣстно отказаться отъ своего „честнаго слова“, хотя оно, какъ выше сказано, и не имѣетъ значенія безповоротнаго обязательства.

По окончаніи всѣхъ приготовленій къ свадьбѣ заклю-

чается условіе съ „сазандарами“, умѣющими играть на зурнѣ. По этому условію сазандары получаютъ за трехдневную игру 5—6 рублей и, сверхъ того, 10⁰/₀ съ денегъ, собранныхъ во время обряда „зовъ.“ Кромѣ всего этого, сазандары пользуются такъ называемымъ „шабашомъ“, т. е. сборомъ съ пирующихъ добровольныхъ пожертвованій въ пользу сазандаровъ.

Утромъ, наканунѣ свадьбы, внезапный звукъ зурны возбѣщаетъ о необходимости принарядиться къ свадьбѣ, и черезъ часъ домъ жениха уже полонъ народа. Выпивъ по рюмкѣ водки и позавузивъ кое-чего, всѣ расходятся по домамъ въ приятномъ ожиданіи вечерняго ужина съ сытнымъ „куркутомъ“ *).

На другой день, утромъ, молодая чета идетъ къ вѣнцу. По окончаніи обряда вѣчанія въ сопровожденіи зурны всѣ отправляются въ домъ невѣсты. Чтобы придать свадьбѣ болѣе эффекта, молодые парни танцуютъ во время шествія передъ новобрачными и стрѣляютъ изъ пистолетовъ. Если свадьба случается зимой, то деревенскіе мальчуганы, заранѣе приготовивъ по десятку снѣжковъ, гдѣ-нибудь за стѣной ждутъ съ нетерпѣніемъ приближенія церемоніи: какъ только поазываются новобрачные, снѣжки градомъ летятъ въ бѣдную невѣсту. Есть повѣрье, что удачно-попавшій въ невѣсту снѣжокъ предвѣщаетъ счастье тому семейству, въ которому принадлежитъ попавшій мальчуганъ.

Пообѣдавъ въ домѣ невѣсты, къ вечеру вся пировавшая компанія ведетъ ее съ такими-же церемоніями, какъ и раньше, въ домъ жениха. Здѣсь, пока новобрачные еще стоятъ на дворѣ, изъ комнаты выходитъ отецъ или мать жениха, цѣлуетъ обоихъ и сыплетъ на голову невѣсты орѣхи. Это стародавній обычай: на царскихъ свадьбахъ новобрачную обсыпали золотыми монетами. На порогѣ дверей свекровь подноситъ невѣстѣ глиняный кувшинъ, въ который послѣдняя опускаетъ

*) Куркутъ—родъ пшеничной каши, сваренной съ говядиной или бараниной.

какую-нибудь монету; это дѣлается для того, чтобы новопривышшая могла готовить много масла и наполнять имъ много такихъ кувшиновъ. Подъ ноги, на ея пути, кладутъ глиняныя тарелки, которыя она должна разбить ударомъ ноги: этимъ удаляются злые духи отъ новобрачныхъ.

Иногда предъ ногами новобрачныхъ рѣжутъ барана, и если въ это время кто-нибудь обмоетъ лезвіе ножа въ крови жертвы и тотчасъ закроетъ его, то домъ новобрачныхъ будетъ застрахованъ отъ несчастій.

Потомъ невѣсту ведутъ въ комнату и помѣщаютъ въ особо устроенномъ отдѣленіи, закрываемомъ отъ глазъ зрителей занавѣсомъ. Невѣста должна здѣсь стоять на ногахъ до тѣхъ поръ, пока свекровь не укажетъ ей мѣста, чтобы сѣсть. Затѣмъ, приводятъ одного мальчика и сажаютъ ей на колѣни, — чтобъ у нея первенцемъ былъ сынъ. На слѣдующій день дадутъ молодой въ руки вѣнчикъ, чтобы она подмела сорь; при этомъ, она должна собрать послѣдній въ какой-нибудь уголокъ комнаты, подальше отъ дверей; этимъ невѣста удаляетъ отъ себя бѣдность и очищаетъ путь богатству, которое должно войти въ домъ чрезъ *чистыя* двери.

Женихъ, въ свою очередь, по приходѣ въ домъ, послѣ вѣнчанія, не смѣетъ садиться, пока не получитъ на то разрѣшенія священника.

Вечеромъ, на другой день послѣ свадьбы, родители жениха приглашаютъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ присутствовать на собраніи, которое называется у армянъ „зовъ“ или „приглашеніе“ (*Կոմի*). Этотъ обычай состоитъ въ томъ, что приглашенные жертвуютъ въ пользу новобрачнаго деньги, кто сколько пожелаетъ. У богатаго мужика, имѣющаго зажиточныхъ родственниковъ и знакомыхъ, съ помощью „зова“ набирается рублей полтора. Этотъ обычай соблюдается только въ домѣ жениха. Въ домѣ же невѣсты приносятъ подарки только женщины, давая разные платки, чулки, головныя уера-

шенія и т. п. Всѣ эти приношенія невѣста беретъ съ собой въ домъ мужа и даритъ близкимъ родственникамъ его.

„Зовъ“ происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Барабанщикъ сначала подноситъ свой барабанъ священнику, который и благословляетъ его, вѣроятно, для того, чтобы денегъ набралось больше. Послѣ этого барабанъ накрывается платкомъ и ставится предъ сельскимъ старшиной, вождѣ котораго садится и одинъ изъ зурначей, владѣющій звучнымъ голосомъ. Царствуетъ всеобщее молчаніе. Тогда зурначъ кричитъ во все горло: „пустъ идетъ домъ отца (*Зар шиллр қуш*)“! т. е. пусть идутъ жертвовать близкіе родственники. Тогда подходитъ одинъ изъ послѣднихъ, подаетъ старшинѣ трехъ или пяти-рублевую бумажку (количество зависитъ отъ состоятельности жертвователя); старшина бережно владетъ деньги на поставленный предъ нимъ барабанъ и, если нужно, шепчетъ на ухо зурначу, называя имя дарителя. Зурначъ тогда кричитъ во всеуслышаніе:

— „Эй, вы, народъ! *Такой-то* пожертвовалъ въ пользу нашего царя и царицы (т. е. жениха и невѣсты) *столько-то* рублей. Да благословитъ его Господь! Дай Богъ, чтобы такъ же сыграли счастливо и весело свадьбу его сына, брата“ и т. д.

Смотря по краснорѣчію провозглашающаго, множество подобныхъ пожеланій и комплиментовъ сыплется по адресу дарителя. Народъ съ своей стороны присоединяется къ этимъ пожеланіямъ и говоритъ:

„Да будетъ такъ! Да будетъ такъ!“

Подходитъ, затѣмъ, другой родственникъ. Старшина беретъ отъ него деньги, зурначъ провозглашаетъ его имя и пожеланія по его адресу и т. д., пока не будетъ исчерпанъ весь кругъ родственниковъ. Тогда зурначъ кричитъ:

— „А теперь пусть идутъ гости!“

Остальные приглашенные тоже даютъ, кто сколько жаляетъ. Гости могутъ и не давать, но для родственниковъ это

обязательно. Тутъ иногда случаются непріятности; такъ, напр., если родственникъ даетъ мало, то женихъ начинаетъ открыто, предъ всѣми, протестовать, что тотъ даетъ очень мало, между тѣмъ какъ онъ самъ на свадьбѣ сына этого родственника, во время „зова“, пожертвовалъ гораздо болѣе и, притомъ, за обѣдомъ былъ одинъ и ѣлъ мало, а этотъ взялъ съ собою на свадьбу и брата, и вдвоемъ даютъ лишь *столько-то*.

По окончаніи „зова“ начинаются танцы, въ которыхъ, обыкновенно, женщины не принимаютъ участія. Сазандары, при этомъ, устраиваютъ и въ свою пользу сборъ наподобіе „зова“: зурначи, раздувая щеки, пронзительно играютъ танцевальный мотивъ, а барабанщикъ оглушительно бьетъ въ барабанъ и выкрикиваетъ громогласно: „Ай, шабашъ! Ай, шабашъ!...“ Этими криками танцующіе приглашаются еще разъ повеселиться въ виду скорого прекращенія (шабаша) музыки. Начинаются самые оживленные танцы: сазандары стараются какъ можно больше угодить публикѣ, сами приплясываютъ, кричатся, а барабанщикъ по временамъ продолжаетъ выкрикивать: „Ай, шабашъ!...“

Но вотъ одинъ изъ танцующихъ намачиваетъ серебряную монету и прилепливаетъ ее ко лбу барабанщика: это — выраженіе признательности и любви его къ музыкантамъ; примѣру перваго слѣдуютъ и всѣ другіе. Мѣдныя деньги, обыкновенно, кладутся барабанщику прямо въ ротъ. Иногда на его голову летятъ и бумажныя деньги, но это, своего рода хитрость, бьющая на возбужденіе щедрости: потомъ, по заранѣе заключенному условію, зурначи изъ этихъ денегъ удерживаютъ себѣ 5 или 10 процентовъ, остальное-же возвращаютъ бросившему деньги.

Это веселье продолжается часа два, три. Потомъ зурначи, вышедши на дворъ, играютъ что-то протяжное: это — знакъ, что настало время разойтись по домамъ. Всѣ пожимаютъ поочередно руку гостепріимному хозяину и на прощанье желаютъ

ють новобрачнмъ благополучія, счастья, любви до гроба и т. п. Хозяинъ провожаетъ гостей до воротъ.

По уходѣ мужчинъ, начинается пляска женщинъ, продолжающаяся до утра, и только на слѣдующій день, раннимъ утромъ, зурначи подъ звуки своего протяжнаго прощальнаго мотива идутъ къ себѣ домой. Этимъ и заканчивается свадебное пиршество.

Смотритель Арцеванискаго училища *Меликъ-Шажназаровъ*.

ТАТАРСКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ЗАКАВ- КАЗЬѢ.

А. С К А З К И.

1. Рустамъ и Фатьма.

Отъ собирателя.

Въ нашемъ селѣ жилъ одинъ ашугъ (пѣвецъ) по имени Искандаръ. По національности онъ былъ курдъ, но пѣль и сказки рассказывалъ не на своемъ родномъ курдскомъ языкѣ, а на татарскомъ (адербейджанскомъ). Искандаръ жилъ безбѣдно, имѣя небольшую семью, которая состояла изъ жены и маленькаго сына. Занятія ремесломъ ашуга у Искандара начинались осенью и кончались въ исходѣ марта, весною же и лѣтомъ онъ занимался земледѣліемъ: снималъ у кого-нибудь изъ крестьянъ на половинныхъ условіяхъ землю и сѣялъ хлопчатникъ, или ячмень, или что-нибудь другое. Осенью, когда земледѣльческія работы кончаются, для крестьянъ наступаетъ пора продолжительнаго отдыха, съ конца октября до конца марта. Это время, когда у насъ бываютъ порядочные холода, крестьяне проводятъ въ хлѣвахъ: въ каждомъ изъ нихъ устраивается нѣчто вродѣ комнаты съ каминомъ, гдѣ бываетъ очень тепло и отъ камина, и отъ животной теплоты; вслѣдствіе скученности здѣсь домашнихъ животныхъ.

Въ эти „міяны“ (такъ называются у насъ комнаты въ хлѣвахъ), въ тепло, по вечерамъ собираются мужчины, женщины и дѣти, чтобы поваялять о разныхъ разностяхъ. Табъ-каеъ женщинамъ не позволено вмѣшиваться въ разговоры муж-

чинъ, то онѣ молча занимаются питьемъ или другою работою, а мужчины приносятъ вино и, разговаривая, время отъ времени пьютъ, дабы, по мѣстному выраженію, „горло не обсохло“. Камаринцеве престолае всегда приглашали на такіа вечеринки ашуга Искандара, который или пѣлъ, или рассказывалъ сказки; за это, разумѣется, ашугъ получалъ вознагражденіе, но не деньгами, а всегда - почти пшеницей. Напримѣръ, за сказку „Ашугъ-Кярамъ“ и „Асли“ онъ получалъ около халвара *) пшеницы.

Нашъ ашугъ Искандаръ не строго исполнялъ законъ Магомета: онъ охотно пилъ вино и водку, и, чтобы онъ не нуждался въ винѣ, мѣстные поселяне съ каждаго дыма осенью собирали для него по пяти тилани вина; поэтому у ашуга Искандара всегда стояло нѣсколько карасовъ съ **) виномъ.

Однажды наши старики попросили ашуга Искандара, чтобы онъ рассказалъ сказку для дѣтей. При этомъ ашугу обѣщано было нѣсколько пудовъ пшеницы и муки, если только онъ скажетъ хорошую сказку, которая принесла бы дѣтямъ пользу. И вотъ однажды вечеромъ ашугъ Искандаръ, пришедши съ своимъ большимъ саазомъ (балалайка) въ намъ въ мѣяну, куда собрались дѣти, поигралъ немного на саазѣ, и рассказалъ предлагаемую ниже сказку о Рустамѣ и Фатъмѣ.

Дворецъ Мурадъ-хана, одного изъ губернаторовъ Персіи, стоялъ на склонѣ горы Арарата. При дворцѣ съ лѣвой стороны былъ разведенъ садъ со всевозможными фруктовыми деревьями, а съ правой стороны стояли казармы для солдатъ и стражи ханскаго дворца. Прямая аллея ханскаго сада, усыпанная пескомъ, были тѣнисты и тщательно выметены. По сторонамъ ихъ устроены были клумбы съ прекрасными цвѣтами.

*) Халваръ—25—30 пудамъ.

**) Тилани—24 ф. вина, а карасъ—кувшинъ, который содержитъ 20 тилани.

Подъ густою тѣнью большихъ деревьевъ стояли скамейки, на которыхъ ханъ любилъ иногда отдыхать, съ кальяномъ въ рукахъ. Во время такого кейфа у изголовья хана всегда стояло нѣсколько богато одѣтыхъ юношей, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы подавать хану кальянъ для куренія, исполнять всѣ другія его приказанія и отгонять вѣраками, плетеными изъ соломы, мухъ, безстрашно нарушавшихъ спокойствіе человѣка, одно слово котораго могло лишить жизни многіе десятки людей. Всего болѣе любили садъ дѣти хана: мальчижь—Аскеръ, девяти лѣтъ, и дѣвочки—Гюли, семи лѣтъ, и Сафо, пяти лѣтъ; они могли свободно играть въ саду, сколько было имъ угодно, слушать пѣніе соловья и отдыхать на шелковистой травѣ, подъ тѣнью прекрасныхъ плодовыхъ деревьевъ. Внизу предъ дворцомъ разстилался городъ, земляныя постройки и узкія, кривыя и не особенно чистыя улицы котораго свидѣтельствовали о томъ, что народъ былъ еще не знакомъ съ просвѣщеніемъ. Разъ, когда ханъ предавался послѣобѣденному отдыху, въ садъ вошелъ его старшій тѣлохранитель и, приблизившись къ хану, сталъ предъ нимъ на колѣни, скрестивъ руки на груди. Ханъ понялъ, что случилось что-нибудь важное, заставившее преданнаго тѣлохранителя Гейдара нарушить его спокойствіе, и спросилъ:

— „Что, Гейдаръ? какая причина заставила тебя въ такое время предстать предо мною? Ужь не случилось-ли несчастья въ моемъ ханствѣ?“

— „Подъ всемогущею твоею рукою, мой повелитель, весь народъ благоденствуетъ и ежечасно молится Аллаху о дарованіи тебѣ долгой жизни. Смѣю донести тебѣ, что сегодня явился ко мнѣ одинъ человѣкъ, который бѣжалъ изъ сосѣдняго государства, надѣясь найти здѣсь убѣжище и покровительство. Онъ у меня. Приважешъ ли представить его предъ твои свѣтлыя очи?“

— „Да, Гейдаръ, я сейчасъ пойду во дворецъ, — приведи

его во мнѣ; я самъ хочу его допросить, чтобы выбрать достойную для него казнь или награду, смотря потому, чего онъ заслужить.“

Гейдаръ всталъ и отправился въ свое помѣщеніе, гдѣ онъ держалъ бѣглеца, а ханъ, приказавъ слугамъ убрать его кальянъ, направился во дворецъ. Въ скоромъ времени предсталъ предъ нимъ незнакомецъ, о которомъ Гейдаръ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ доложилъ своему повелителю. Незнакомцу было около шестидесяти лѣтъ. Его голова и длинная борода совсѣмъ посѣдѣли, но онъ все еще смотрѣлъ довольно свѣжимъ и бодрымъ. Богатая одежда его и манеры показывали, что онъ принадлежалъ къ высшему сословію Персіи. Это обстоятельство заставило хана обращаться съ нимъ ласково.

— „Скажи мнѣ, кто ты таковой, и что привело тебя въ наше ханство?“ спросилъ его ханъ, „мудрые законы моихъ предковъ предписываютъ мнѣ строго карать празднопатающихъ и бродягъ, промышляющихъ разбоями, но, съ другой стороны, они же предписываютъ и оказывать покровительство тѣмъ людямъ, которыхъ злая судьба заставляетъ сдѣлаться бѣглецами, вынужденными скитаться изъ одной страны въ другую.“

— „Клянусь твоею, могущественный ханъ, мудрою головою“, сказалъ незнакомецъ „что я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые, рождаясь подъ несчастною звѣздою, въ жизни не находятъ тихаго пристанища и принуждены до своей смерти бороться съ разными обстоятельствами. Я былъ въ разныхъ государствахъ, но въ послѣднее время служилъ въ Авганистанѣ у Эйюбъ-хана, исполняя обязанности учителя при его дѣтяхъ.“

— „Но скажи мнѣ“ обратился къ нему ханъ, „что заставило тебя бѣжать отъ Эйюбъ-хана, о мудрости и справедливости котораго мнѣ очень много говорили.“

— „Дозволь мнѣ, мой повелитель, рассказать тебѣ все мое горе; выслушавъ, ты, можешь быть, не откажешь мнѣ въ твоей помощи“, снова заговорилъ незнакомецъ. „Эйюбъ - ханъ окруженъ льстецами. Имъ поручилъ онъ всѣ дѣла. Они въ послѣднее время открыли въ казначействѣ воровство и въ воровствѣ оклеветали предъ ханомъ меня. Не имѣя возможности оправдаться, я принужденъ былъ бѣжать; но, клянусь тебѣ головою великаго пророка Магомета, я совершенно невиненъ въ этомъ дѣлѣ и увѣренъ, что когда-нибудь Богъ осудитъ тѣхъ, которые такъ безпощадно обидѣли меня...“

— „Довольно! по твоимъ словамъ и по взгляду я вижу, что ты не способенъ совершить такое дѣло“, сказалъ ханъ, „я дарую тебѣ жизнь и охотно беру тебя подъ свое покровительство: ни одинъ волосъ не упадетъ съ твоей головы въ моемъ ханствѣ; живи въ моемъ дворцѣ и выбери себѣ занятіе, какое тебѣ угодно; скажи мнѣ только, какъ твое имя!“

— „Рустамъ—имя твоего покорнѣйшаго слуги“, сказалъ незнакомецъ. „Не нахожу словъ, чтобы выразить тебѣ мою признательность, мой господинъ, и постараюсь на дѣлѣ показать свою благодарность... Я не желалъ бы оставаться празднымъ въ твоемъ дворцѣ и просилъ бы тебя, чтобы ты позволилъ мнѣ, если у тебя есть дѣти, заняться съ ними. Это дѣло мнѣ привычно и, въ добавокъ, очень нравится, и я былъ бы счастливъ, если бы мнѣ удалось научить твоихъ дѣтей чтенію священнаго корана.“

— „Очень радъ“, сказалъ ханъ, „видя въ тебѣ любовь къ этому дѣлу, и съ радостью поручаю тебѣ воспитаніе моихъ дѣтей. Эй, Гейдаръ! отведи Рустамъ-беку помѣщеніе и познакомь его съ моими дѣтьми! Отнынѣ онъ будетъ моимъ совѣтникомъ,—передать мое приказаніе всѣмъ!“

Гейдаръ, во время разговора стоявшій у дверей, держась за рукоятку меча, выступилъ впередъ и, низко поклонившись хану, вышелъ вмѣстѣ съ Рустамъ-бекомъ вонъ. Ханъ находилъ

ся въ хорошемъ расположеніи духа: его самолюбію льстило, что совѣтникъ Эйюбъ-хана находитъ у него поддержку и покровительство, и онъ рѣшился, насколько возможно, приблизить этого человѣка къ себѣ и сдѣлать его однимъ изъ первыхъ своихъ совѣтниковъ. Въ пылу своей радости ханъ призвалъ къ себѣ своихъ сотоварищей по охотѣ и объявилъ имъ, что бы они готовились назавтра ѣхать на охоту. Получивъ приказаніе отъ хана, прислуга стала чистить оружіе и готовить охотничьи снаряды. Весь дворецъ хана находился въ особенномъ оживленіи.

Между тѣмъ Рустамъ-бекъ, познакомившись при помощи Гейдара съ дѣтьми хана, отправился въ отведенное ему помѣщеніе и, приводя въ порядокъ книги, съ которыми не разставался никогда, размышлялъ о томъ, какъ онъ будетъ обучать дѣтей, чтобы искоренять у нихъ дурныя влеченія, особенно — высокоумѣнное отношеніе въ простому народу и лѣность, которымъ, какъ Рустамъ-бекъ наблюдалъ, въ Персіи чаще всего подвержены дѣти высокопоставленныхъ лицъ, и отъ нихъ, какъ онъ замѣтилъ, не были свободны и дѣти Мурадъ-хана.

На другой день ханъ съ блестящей свитой и огромной стаей охотничьихъ собакъ выѣхалъ на охоту. Рустамъ-бека онъ оставилъ дома, — смотрѣть за дворцомъ и отдохнуть еще денегъ, чтобы возобновить потерянные силы. Рустамъ-бекъ очень обрадовался этому. Онъ составилъ планъ своихъ занятій, а потомъ вышелъ въ садъ гулять. Утро было прекрасное. Воздухъ былъ прозраченъ и чистъ. Птицы весело чирикали въ разныхъ углахъ сада. Прощедши главную аллею, Рустамъ-бекъ повернулъ въ сторону, и вотъ что представилось его глазамъ: на мягкой травѣ предъ дѣтьми хана стоялъ одинъ босоногій мальчикъ, на плечахъ котораго они поочередно совершали поѣздки отъ того дерева, подъ которымъ они сидѣли, до большой липы, стоявшей въ

сорока шагахъ отъ нихъ. При этомъ мальчикъ, замѣнявшій, такимъ образомъ, для дѣтей хана, Аскера, Гюли и Сафо, лошадь нерѣдко чувствовалъ на себѣ удары влута, вносимые Аскеромъ. Мальчикъ этотъ былъ сынъ ханскаго воюха; его звали Али; онъ былъ почти равесникомъ Аскера. Али иногда приходилъ во дворецъ хана навѣщать отца, но при этомъ, если его видали дѣти хана, они заставляли его служить для нихъ вмѣсто лошади, въ разныхъ играхъ. Исполняя волю маленькихъ своихъ господъ, мальчикъ безропотно переносилъ все, какъ-будто ему предопредѣлено было свыше подвергаться этимъ униженіямъ и истязаніямъ; въ облегченіе служили ему только слезы, которыя порой текли у него изъ глазъ.

Рустамъ-бекъ сильно былъ возмущенъ, увидѣвъ эту игру. Онъ подошелъ къ дѣтямъ, приблизился къ Али и, положивъ руки на его плечи, спросилъ:

— „Сынъ мой, не хочешь ли ты пойти домой? можетъ быть, дома ждетъ тебя работа. Ступай съ Богомъ! а мы съ бекомъ и ханумами пойдемъ гулять.“

Али поблагодарилъ Рустамъ-бека и, удалившись на нѣскольго шаговъ отъ нихъ, пустился бѣжать такъ быстро, какъ только позволяли ему его ноги. Оставшись одинъ съ дѣтьми хана, Рустамъ-бекъ пригласилъ ихъ сѣсть подъ тѣнью большаго дерева и испросилъ:

— „Дѣти, долго ли вы катались на этомъ мальчикѣ?“

— „Будетъ съ часъ времени“, сказала Сафо, младшая сестра Аскера, „но если бы ты не помѣшалъ намъ, добрый бекъ, то мы, пожалуй, не скоро окончили бы нашу игру.“

— „А какъ хорошо я хлесталъ его влутомъ!“—похвалился Аскеръ,—„я удивляюсь, что онъ совсѣмъ не кричитъ, когда я бью его влутомъ; какъ будто онъ и не чувствуетъ боли!“

— „Какъ не чувствуетъ боли?“ возразила Гюли, „развѣ ты не видалъ, Аскеръ, какъ у него текли слезы изъ глазъ?“

Ему очень больно бываетъ, но онъ обязанъ, какъ рабъ, исполнять волю своихъ господъ,—вотъ поэтому онъ и не кричитъ“.

— „Какъ думаете, дѣти, похожъ ли онъ на меня или на васъ?“ спросилъ Рустамъ-бекъ.

— „Конечно похожъ!“ сказала въ недоумѣннн Гюли, „и у него, какъ и у насъ, есть голова, глаза, руки, ноги.“

— „Если одного изъ васъ“, сказалъ Рустамъ-бекъ, „заставить носить на спинѣ дѣтей, будетъ ли это пріятно вамъ?“

— „Конечно нѣтъ!“ сказалъ Аскеръ, „но мы вѣдь ханскія дѣти!...“

— „Нѣтъ, дѣти, мы всѣ одинаковы предъ Аллахомъ, который создалъ всѣхъ насъ. Лучше мы попробуемъ завтра играть съ Али, какъ съ равнымъ, и посмотримъ тогда, что вамъ болѣе понравится, бить ли этого мальчика и обижать, или обращаться съ нимъ, какъ съ братомъ.“

Дѣтямъ хана предложеніе Рустамъ-бека показалось нѣсколько страннымъ, но всё-таки въ угоду новому воспитателю, они, обѣщали на слѣдующій день пригласить Али въ садъ и съ нимъ играть, какъ съ товарищемъ.

Послѣ этого разговора дѣти вмѣстѣ съ воспитателемъ встали и медленно направились къ дворцу. Въ комнатѣ, предназначенной для занятій съ дѣтьми, ожидалъ ихъ обѣдъ. Отобѣдавъ, Рустамъ-бекъ отправился въ свою комнату отдохнуть. Разговоръ съ дѣтьми, происходившій въ саду, обрадовалъ его, и онъ надѣялся въ скоромъ времени освободить Аскера, Гюли и Сафо отъ привычки считать крестьянскихъ дѣтей рабами своими. Вечерѣло уже, когда звукъ рожека за садомъ возвѣстилъ о прибытіи хана съ охоты. Весь дворець всполошился. Всѣ вышли встрѣчать хана и, по обычаю, поздравить съ благополучнымъ приѣздомъ. У воротъ дворца встрѣтилъ хана Рустамъ-бекъ и помогъ ему слѣзть съ лошади. Ханъ пригва-

силъ всѣхъ своихъ товарищей по охотѣ къ себѣ на ужинъ, чтобы угостить ихъ дичью; беки, бывшіе съ Мурадъ-ханомъ на охотѣ, скоро собрались и, усѣвшись на драгоцѣнныхъ коврахъ, начали хвалить хана, его лошадь, собаку, словомъ, все, что принадлежало ему. Ханъ приходилъ въ восторгъ отъ похвалъ своихъ бековъ и отплачивалъ имъ подробными же любезностями.

Мурадъ-ханъ на счетъ своей лошади, которую всѣ гости хвалили, какъ не имѣющую ничего общаго съ обыкновенными лошадьми, рассказалъ слѣдующую исторію.

— „Помните, беки, годъ, когда я возвращался изъ Тавриза,—я тогда привелъ эту лошадь. Въ то время, когда я находился въ Тавризѣ по дѣламъ государственнымъ, пріѣхалъ туда бухарскій ханъ. Онъ привелъ съ собою эту лошадь, которая теперь составляетъ, по истинѣ, украшеніе моей конюшни, и хотѣлъ подарить нашему военному министру, но, по счастью, мнѣ удалось самому получить ее отъ бухарскаго хана и дѣшью министра такой драгоцѣнности.“

— „Позволь спросить тебя, нашъ повелитель“, сказали одинъ изъ гостей, „какимъ образомъ удалось тебѣ получить этотъ перлъ?“

— „Вотъ какъ было дѣло,“ продолжалъ ханъ, „молодому бухарскому хану понравились наши черноокія красавицы, и ему хотѣлось, во что бы то ни стало, возвратиться на свою родину, захвативъ съ собою трехъ молодыхъ персіянокъ. Узнавъ объ этомъ, я представился ему и сказалъ, что готовъ ему дать трехъ красавицъ, если онъ уступитъ мнѣ эту лошадь. Ханъ согласился на мое условіе, и вотъ съ того времени я ѣзжу на этой лошади, которую не промѣняю ни на какія сокровища въ мірѣ.“

Сказавъ это, ханъ самодовольно поднялъ голову и посмотрѣлъ на гостей, чтобы узнать, какое дѣйствіе произвели его слова. Хотя беки, много разъ слышали отъ хана эту исторію, но и теперь выслушали ее, какъ новость и съ умиленіемъ.

И только Рустамъ-бейъ, до тѣхъ поръ молчавшій, сказалъ:

— „Могущественный ханъ, ничего не имѣю противъ красоты и другихъ хорошихъ качествъ твоей лошади, но мѣнять дѣвушекъ на лошадь, по моему мнѣнію, не слѣдовало, такъ-какъ вѣдь дѣвушки такіе же люди, какъ и мы. Промѣнять дѣвушекъ на лошадь значило сравнять ихъ съ животными, но премудрый нашъ Аллахъ, создавъ женщину изъ ребра человѣка, хотѣлъ показать, что она равна мужчинамъ.“

Слова Рустамъ-бека совершенно удивили гостей, изъ вторыхъ никто не позволилъ бы себѣ говорить хану такія рѣчи. Чтобы замять разговоръ, ханъ сказалъ:

— „Оставимъ это, добрый Рустамъ-бейъ!—время уже начать ширъ.“

Хотя мусульманамъ спиртные напитки запрещаются, но у высокопоставленныхъ лицъ на это не обращаютъ вниманія и пьютъ такъ же, какъ и христіане. У Мурадъ-хана также прежде принесли разныхъ напитковъ, и гости выпили, потомъ вымыли руки и сѣли ужинать. Послѣ ужина, пожелавъ хану покойной ночи, гости разбрелись по домамъ.

Прошло три года послѣ переданнаго разговора Рустамъ-бека съ дѣтьми въ ханскомъ саду. Ему удалось такъ устроить игры дѣтей, что въ нихъ принимали участіе и Али, и другія крестьянскія дѣти. Аскеръ, Гюли и Сафо мало-по-малу стали входить въ близкія сношенія съ Али и другими дѣтьми и, наконецъ, совершенно перемѣнились. Они перестали смотрѣть на другихъ, какъ на своихъ рабовъ; между Аскеромъ и Али даже установились чисто братскія отношенія. Въ одно прекрасное майское утро Аскеръ вышелъ въ садъ гулять. Со всѣхъ сторонъ раздавались голоса весеннихъ птичекъ, и между ними слышалось гнѣніе соловья. Онъ цѣлъ такъ хорошо, что совершенно завладѣлъ вниманіемъ мальчика. Аскеръ присѣлъ на траву и забылъ про все другое. Вдругъ съ высокаго тополя раздался голосъ аиста. Аскеръ, мысленно сравнивъ гнѣніе по

виду невзрачной и маленькой птички—соловья съ голосомъ громаднаго аиста, задумался о томъ, почему одна изъ этихъ птицъ владѣеть такимъ пріятнымъ и чарующимъ голосомъ, а другая наводитъ на человѣка какое-то уныніе своимъ крикомъ. Задумавшись объ этомъ, Аскеръ и не замѣтилъ, какъ къ нему подошелъ веселый и улыбающійся Али.

— „Какое сегодня прекрасное утро, Аскеръ-ханъ!“ сказалъ Али, „такъ и хочется бѣгать по садамъ. Пойдемъ гулять, а то скоро солнце начнетъ печь, и тогда нельзя будетъ играть подъ открытымъ небомъ.“

— „Идемъ!“ сказалъ Аскеръ,—„сегодня я тоже расположенъ гулять и бѣгать. Послушай, какъ хорошо поютъ птички въ саду! А знаешь, Али, надъ чѣмъ я задумался до твоего прихода? Когда я вышелъ гулять въ садъ, въ это время пѣлъ соловей,—мнѣ было весело, и я восторгался его пѣніемъ. Вдругъ съ высокаго тополя подаль свой голосъ длинноногій аистъ, и я, услышавъ его, сталъ думать о томъ, почему соловей поетъ такъ хорошо, аистъ же такъ плохо.“

— „Я также, Аскеръ-ханъ, прогуливаясь по садамъ и лѣсамъ весною, часто прислушиваюсь къ пѣнію пѣвчихъ птичекъ, между ними соловей занимаетъ безспорно первое мѣсто; его голосъ пѣвчителинъ. Моя тетя, старая Фатъма, называетъ соловья любовникомъ розы. Хочешь, Аскеръ-ханъ, завтра вмѣстѣ пойдемъ къ старой Фатъмѣ и попросимъ ее разсказать намъ что-нибудь о соловѣѣ,—она знаетъ очень много сказокъ.“

— „Хорошо! мыв озъемъ съ собою также Гюли и Сафо, и всѣ вмѣстѣ пойдемъ къ старой Фатъмѣ. Но скажи мнѣ, Али, правда ли, что за нее прежде сватались беги, и она не захотѣла выйти замужъ за кого-нибудь изъ нихъ.“

— „Да, моя мать разсказывала мнѣ, что когда старой Фатъмѣ было шестнадцать лѣтъ, ей сдѣлалъ предложеніе одинъ красивый молодой человѣкъ. Фатъма была согласна выйти за него. Женихъ Фатъмы поѣхалъ въ Мевву поклониться

гробу нашего великаго пророка, но съ того времени о немъ и слуху нѣтъ. Фатъма же всё ждала его, да такъ и осталась дѣвушкой.

Условившись на другой день пойти въ старой Фатъмѣ, чтобы слушать сказки о соловьѣ, дѣти весело стали бѣгать по саду, потомъ пошли въ лѣсъ, находившійся въ недалекомъ разстояніи отъ ханскаго дворца, выгулялись въ рѣкѣ и въ полудню возвратились домой.

На другой день Аскеръ, Гюли, Сафо и Али дѣйствительно отправились въ старой Фатъмѣ и, пришедши, стали просить ее, чтобы она разсказала имъ какую-нибудь сказку о соловьѣ, Аскеръ же съ своей стороны попросилъ, чтобы она, если только знаетъ, объяснила имъ, почему соловей поетъ такъ хорошо, аистъ же плохо. Старая Фатъма радушно встрѣтила своихъ гостей, усадила дѣтей вокругъ себя и начала свой разсказъ.

— „Прежде милыя дѣти, съ братомъ своимъ, который при могущественномъ нашемъ родителѣ Мурадъ-ханѣ состоитъ жонюхомъ, мы жили въ провинціи Хой. Братъ мой занимался земледѣліемъ, а я помогала ему въ его дѣлахъ и въ свободное время ткала ковры для нашихъ сосѣдей. Сынъ одного изъ богатыхъ сосѣдей—Рустамъ, съ которымъ мы росли вмѣстѣ, попросилъ моей руки, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ; я охотно согласилась, потому что съ дѣтства находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Рустамомъ. Но вотъ Рустамъ отправляется въ Мекку поклониться гробу Магомета и исчезаетъ, какъ-будто въ воду канулъ. Когда мы были обручены Рустамъ часто ходилъ къ намъ и однажды вечеромъ, когда я, мой братъ и Рустамъ сидѣли на коврѣ и разговаривали между собою, женихъ мой разсказалъ намъ сказку о соловьѣ и аистѣ, которая мнѣ очень понравилась. Эту сказку я и передамъ вамъ сейчасъ, дорогія дѣти.

„Въ очень давнее время наши предки были язычниками:

они вѣрвали во многихъ боговъ и богинь, которые, по ихъ понятіямъ, имѣли сношенія съ людьми. Однимъ изъ любимцевъ боговъ и богинь былъ нашъ шахъ Хозрой, который въ то время царствовалъ въ Персіи. Шахъ этотъ прославился многими побѣдами надъ своими врагами, расширилъ границы своего государства, построилъ въ честь боговъ нѣсколько храмовъ и усердно исполнялъ ежегодныя жертвоприношенія. Боги любили его, покровительствовали ему и даже часто бывали у Хозроя въ гостяхъ. Однажды шахъ Хозрой предпринялъ большой походъ противъ египтянъ. До отправленія въ походъ онъ принесъ жертву богамъ своего отечества и далъ обѣщаніе, что, въ случаѣ побѣды надъ врагами, устроить большой пиръ и пригласить всѣхъ боговъ и богинь. Шахъ отправился въ походъ и, съ помощью боговъ, скоро и благополучно достигъ съ войскомъ своимъ Египта. Здѣсь, несмотря на безчисленное множество вражескаго войска, онъ одержалъ полную побѣду и, собравъ съ побѣжденныхъ большую дань, возвратился назадъ.

Народъ и всѣ подданные встрѣтили шаха съ триумфомъ, а юноши пѣли хвалебныя пѣсни. Возвратившись въ свою столицу, царь сталъ приготовляться къ обѣщанному пиру. Въ его саду, который находился за царскимъ дворцомъ, устраивались новые мраморныя фонтаны, аллеи покрывались драгоценными коврами, а стволы деревьевъ золотою бумагою, чтобы въ саду все блистало роскошью. Трудно передать всю красоту убранства сада, — надо было самому полюбоваться имъ. По приказу царя, со всѣхъ концовъ его огромнаго государства стекались къ нему пѣвцы, которые должны были во время пира услаждать слухъ его гостей. Въ назначенный день собрались бессмертные гости и, какъ только ночная завѣса упала на землю, въ саду, при свѣтѣ фавеловъ, начался пиръ, который сопровождался пѣніемъ пѣвцовъ и игрою на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Пѣли и нѣкоторые изъ бо-

гиль, покровительствовавшія музыкѣ. Въ садѣ Хозроя въ эту ночь прилетѣли соловей и аистъ; они тогда еще не умѣли лѣтъ, и соловей въ то время еще не плѣнялъ людей своимъ пѣніемъ. Эти птицы явились въ садѣ, чтобы послушать хорошихъ пѣвцовъ и богинь и самимъ научиться отъ нихъ пѣнію. Они сѣли на высокомъ деревѣ близъ того мѣста, гдѣ происходилъ пирь. Какъ-только птицы усѣлись на деревѣ, аистъ заснулъ: онъ не имѣлъ терпѣнья, чтобы дожидаться, когда начнется пѣніе и музыка, а соловей пересѣлъ на маленькую нижнюю вѣточку дерева и, когда началось пѣніе, сталъ усердно подражать тѣмъ пѣснямъ, которыя слышалъ здѣсь, и до утра, не смыкая своихъ глазъ, учился соловей прекрасному пѣнію, которымъ онъ теперь восхищаетъ людей. Между тѣмъ аистъ преспокойно проспалъ до утра и проснулся только тогда, когда изъ дворца пришла царская прислуга убирать садъ. Найдя ворота запертыми извнутри, прислуга стала стучать. Отъ этого стука аистъ и проснулся: слыша спросонья стукъ и думая, что это и есть пѣніе богинь и пѣвцовъ, аистъ сталъ подражать ему. И съ тѣхъ поръ аистъ производитъ только одинокототъ звукъ, который слышалъ тогда, т. е.: „такъ, такъ, такъ!“

„Дѣти“, сказала въ заключеніе Фатъма, „я окончила сказку, которую рассказалъ мнѣ женихъ мой Рустамъ. Благословляю васъ и желаю, чтобы вы слѣдовали примѣру соловья, а не аиста.“

Дѣти поблагодарили добрую женщину, обѣщались не быть похожими на аиста и отправились домой. Придя во дворецъ, они пошли въ садъ. Здѣсь съ книгою въ рукахъ подъ вѣткою сидѣлъ на травѣ Рустамъ-бегъ; онъ такъ былъ углубленъ въ чтеніе, что не замѣтилъ, какъ дѣти приблизились къ нему. Сафо подбѣжала къ Рустамъ-беку и, положивъ руку ему на плечо, сказала:

— „Дядя, хочешь,—я тебѣ расскажу, почему соловей поетъ хорошо, аистъ же дурно? хочешь?“

— „Говори, говори, милая!“ сказалъ Рустамъ-бекъ, положивъ книгу въ сторону, „я съ удовольствіемъ послушаю тебя.“

Сафо, часто поправляемая и перебываемая Гюли и Аскеромъ, рассказала все, что она только-что услышала отъ старой Фатьмы. Во время разсказа Рустамъ-бекъ былъ въ какомъ-то тревожномъ состояніи и, какъ-только Сафо кончила, послалъ дѣтей домой, позвалъ къ себѣ Али, сына конюха, и съ нимъ вмѣстѣ отправился къ старой Фатьмѣ. Фатьма, по обычаю, увидѣвъ незнакомаго человѣка, хотѣла спрятаться подъ чадру, но что-то невольно заставляло ее смотрѣть на пришедшаго. Вдругъ она поднялась, обняла Рустамъ-бека и, прослезившись, сказала:

— „Я узнала тебя, мой Рустамъ!.. Но гдѣ же ты находился до сего времени? развѣ можно было заставить любимую дѣвушку ждать себя тридцать два года!..“

Въ это время въ комнату вошла невѣстка Фатьмы. Рустамъ-бекъ разсказалъ, что, во время его проѣздки въ Мекку, на дорогѣ разбойники взяли его въ плѣнъ и продали въ рабство. Переходя изъ рукъ въ руки, онъ попалъ, наконецъ, къ авганскому Эйюбъ-хану, у котораго и служилъ долго въ качествѣ воспитателя его дѣтей, пока не вынужденъ былъ бѣжать отъ него, будучи невинно осужденъ на казнь за мнимое воровство. И, вотъ, Богу угодно было, чтобы онъ, послѣ столькихъ лѣтъ невольной разлуки, снова увидалъ свою Фатьму! Любовь не угасла въ ихъ сердцахъ: Рустамъ и Фатьма, встрѣтившись теперь, вступили, наконецъ, въ бракъ и жили согласно и счастливо до глубокой старости. Рустамъ-бекъ часто бывалъ во дворцѣ Мурадъ-хана и проводилъ время въ разговорахъ съ его дѣтьми. Отъ Рустамъ-бека Аскеръ научился многому, и когда, послѣ смерти отца, онъ сталъ управлять ханствомъ, то весь народъ благоденствовалъ: при немъ всѣ подданные были одинаковы для государя, и сильный не осмѣливался обижать безсильнаго.

Смотритель Камаринскаго училища *К. Хачатуровъ.*

2. О птицѣ „Мурги-Гюли-Ханданъ“.

Жилъ нѣкогда царь, а у царя былъ единственный наследникъ-сынъ. Царь любилъ сына отъ глубины души, обожалъ, можно сказать, не допускалъ, чтобы малѣйшій сѣверный вѣтерокъ коснулся его тѣла. Чтобы не оставить сына невѣждой, царь вовремя пригласилъ для него моллу. Послѣ грамоты, когда уже минуло мальчику пятнадцать лѣтъ, царемъ были приставлены къ сыну знаменитые въ то время пѣхлѣваны *), отъ которыхъ бойкій, молодой царевичъ научился богатырскому искусству. Мало-по-малу Меликъ-Мамедъ, какъ звали царевича, возмужалъ и сталъ прекрасенъ, какъ Юсифи-Мисри **), умнѣнъ какъ лобманъ, силенъ, храбръ и ловокъ, какъ Кахрыманъ (Кахрыманъ). Онъ нѣжно любилъ отца и почиталъ его, онъ являлся при одномъ мановеніи царя и съ быстротою молніи исполнялъ всякія его желанія и требованія. Однажды царь, возвращаясь съ охоты, сильно простудился и заболѣлъ. Собрались гакиды (гақим) со всѣхъ странъ свѣта, и каждый изъ нихъ пробовалъ надъ нимъ свое искусство, но все было напрасно: болѣзнь царя день ото дня усиливалась, ему становилось душно, и весь обширный Божій свѣтъ казался ему тѣснѣнъ; онъ жалобно охалъ и кричалъ, не давая покою ни людямъ въ жилищахъ, ни птицамъ въ ихъ гнѣздахъ.

Разъ, въ качествѣ гакима, является къ царю дервишъ, который, замѣчая тревожное состояніе царя, его безпокойство, подаетъ ему слѣдующій совѣтъ:

— „Царь, ни одинъ земной гакимъ не поможетъ тебѣ, всѣ усилія останутся тщетными; если даже самъ лобманъ Афлатонъ ***) воскреснетъ, то не найдетъ лѣкарства противъ твоей болѣзни. Есть только одно средство, которымъ можно тебѣ помочь: достать Мурги-Гюли-Ханданъ; это — чудная, красивая

*) Пѣхлѣван — богатырь.

***) Юсифъ Египетскій, т. е. Юсифъ Прекрасный.

***) Платонъ философъ.

птица, которая, при своемъ пѣніи, выбрасываетъ изъ рта бусеты душистыхъ майскихъ розъ, лишающихъ человѣка разсудка своимъ благоуханіемъ. Если ее оставить въ твоей комнатѣ на самое короткое время, то она наполнитъ ее неописаннымъ ароматомъ и своими райскими пѣснями, и, упоенный этимъ благоуханіемъ и пѣніемъ ея, ты совершенно вылѣчишься, и болѣе во всю свою жизнь не будешь болѣть. Но эта птица охраняется страшнѣйшими девами, и отнять ее у нихъ весьма трудно.“

При послѣднихъ словахъ дервишъ незамѣтно скрылся; куда, какъ онъ исчезъ, — не могли узнать. Между тѣмъ царю дѣлалось все хуже и хуже. Помня слова дервиша, царевичъ, собравъ всѣхъ своихъ подданныхъ, и молодыхъ, и стариковъ, и женщинъ, и мужчинъ, сходно ни было въ его царствѣ, объявилъ имъ совѣтъ дервиша и обѣщавъ дать половину своего царства тому, кто доставитъ больному царю указанную дервишомъ птицу Мурги-Гюли-Ханданъ или свяжетъ, гдѣ она обитаетъ.

Послѣ долгаго молчанія, удивленный страннымъ названіемъ птицы, народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ:

— „Повелитель нашъ, головы наши въ твоемъ распоряженіи, но первый разъ въ нашей жизни мы слышимъ объ этой чудной птицѣ; гдѣ она обитаетъ, какому счастливцу она принадлежитъ, не знаемъ!“

Опечаленный и раздраженный такимъ отвѣтомъ народа, царевичъ объявилъ, что онъ самъ достанетъ ее, если бы даже она была въ нѣдрахъ земли или въ глубинѣ морей. Узнавши о намѣреніи сына, царь всячески просилъ его выбросить изъ головы эту мысль и не оставлять отца въ такомъ опасномъ положеніи; говорилъ, что для него смерть несравненно тяжелѣе будетъ, если онъ будетъ умирать, покинутый сыномъ; но старикъ отецъ ничѣмъ не могъ сломить упрямство своего сына. Попрощавшись съ родными, придворными и

народомъ, поручивъ имъ отца, нашъ герой отправился въ путь, возлагая надежду на Бога.

Не зная, гдѣ искать дивную птицу, царевичъ ѣхалъ наудачу, куда глаза глядѣли. Ѣхалъ онъ долго или коротко, Аллахъ вѣдаетъ, ѣхалъ безъ боязни, безъ трепета, оставляя за собою долины, горы, лѣса и моря. Долгая ѣзда, знойный день и голодъ сильно изнурили, наконецъ, царевича. Подъ тѣнью одного дерева, утоливъ голодъ и жажду, онъ заснулъ крѣпкимъ богатырскимъ сномъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ недалеко отъ себя свѣтящійся огонекъ и поспѣшилъ пойти въ томъ направленіи. Черезъ нѣсколько времени онъ очутился предъ крылатымъ, безобразнымъ девомъ, отъ одного дыханія котораго дрожали и лѣсъ, и горы. Меликъ-Мамедъ хотѣлъ-было незамѣтно скрыться отъ дева, который въ то время, разведши большой огонь, жарилъ себѣ на обѣдъ цѣлаго буйвола; но девъ замѣтилъ его, въ высшей степени обрадовавшись ему, сказалъ:

— „Добро пожаловать въ нашъ край, человѣческій сынъ! Какъ я радъ, что вижу тебя здѣсь! Сколько уже времени я не отвѣдывалъ вкуснаго человѣческаго мяса!.. Вотъ славное лакомство будетъ у меня послѣ обѣда!“

Удивленный и испуганный словами дева, его необыкновенными движеніями и видомъ, Меликъ-Мамедъ, однако, не упалъ духомъ, храбро подошелъ въ противнику и закричалъ ему громкимъ голосомъ:

— „Замолчи, дерзкій девъ, не угрожай мнѣ пустыми словами! Завяжи язьмъ, отвяжи—руки, тогда обнаружится, кто будетъ вкуснымъ лакомствомъ.“

Такая смѣлость смертнаго сильно раздражила дева. Онъ моментально всталъ и бросился съ яростью на Меликъ-Мамеда. Тутъ между ними произошла горячая борьба. Боролись они непрерывно три дня и три ночи. Наконецъ, царевичъ, обратившись лицомъ къ небу, мысленно попросилъ Бога о по-

мощи, и Богъ помогъ ему побѣдить страшное чудовище. Сѣвши на грудь неприятеля, Меликъ-Мамедъ, обнаживъ кинжалъ, намеревался отсѣчь ему голову, но тотъ умоляющимъ голосомъ, со слезами на глазахъ; просилъ царевича о пощадѣ.

— „Смертный“, говорилъ онъ, „не убивай меня! я отслужу тебѣ за это, сколько позволить мнѣ силы, я буду вѣрнымъ твоимъ слугою!“

Царевичъ пощадилъ дева и, объявивъ ему о цѣли своего странствованія, не теряя времени, пустился вмѣстѣ съ нимъ розыскивать птицу Мурги-Гюли-Ханданъ: дева посадила царевича на плеча и понесъ его. Долго ли или коротко они путешествовали, — Аллахъ вѣдаетъ; наконецъ, дева, заморившись отъ долгаго полета, остановилась около столицы одного могучаго дая. Меликъ-Мамедъ, отпустивъ дева, предложилъ ему отдохнуть и утолить голодь разною дичью, а вѣрный слуга вручилъ на прощанье царевичу нѣсколько волосковъ съ своего тѣла и сказалъ.

— „Гдѣ эти мои волоски коснутся огня, туда я непременно тотчасъ же явлюсь.“

Спрятавъ въ карманъ волоски дева, царевичъ поспѣшилъ въ городъ, все время думая о чудной птицѣ и о положеніи своего отца.

Въ этомъ городѣ представилось ему весьма страшное и печальное зрѣлище. Городъ былъ великолѣпный: каменные постройки въ немъ возвышались чуть не до небесъ; при каждой постройкѣ былъ громадный дворъ, усыянный всевозможными деревьями и душистыми цвѣтами. Улицы были мраморныя, широкія; по обѣимъ сторонамъ ихъ красовались высокія чинаровыя деревья и журчали вездѣ фонтаны. Словомъ, городъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ красивъ и привлекателенъ. Но, въ неописанному удивленію царевича, здѣсь было, можно сказать, мертвое царство: одни обитатели его уже погибли, — тамъ и тутъ чернѣли ихъ трупы; другіе лежали въ безчувственномъ состоя-

ни; наконецъ, трети еле-еле держались на ногахъ. Долго ходилъ царевичъ по городу, въ недоумѣннн и не встрѣчалъ ни одного человѣка въ памяти, чтобы разузнать, по крайней мѣрѣ, о причинѣ этой печальной картины. Наконецъ, встрѣтившись съ однимъ едва стоявшимъ на ногахъ человекомъ, Меликъ-Мамедъ, спросилъ:

— „Будь такъ добръ, почтенный,—скажи, что случилось съ народомъ этого края? какіе грѣхи имъ совершены, и какое Божье наказаніе постигло этотъ несчастный городъ?“

Встрѣчный, глубоко вздохнувши, отвѣчалъ:

— „Ахъ, добрый молодецъ! наши посѣвы расположены на сосѣднемъ островѣ. Мы, пообыкновенію, вовремя вспахали наши поля и засѣяли; Богъ благословилъ наши честные труды,—далъ прекрасный урожай. Послѣ тяжелыхъ полевыхъ работъ, радостно нагрузивъ корабли снопами колосьевъ, мы возвращались въ городъ. Но когда корабли отплыли въ море, то изъ послѣдняго поднялась огромная стальная рука и однимъ ударомъ обратила всѣ корабли въ дребезги. Всѣхъ, кто отваживался послѣ того ѣздить на островъ, постигала та же участь. Сколько разъ нашъ могучій царь ни отправлялъ противъ этой руки знаменитыхъ пѣхлановъ, онъ всегда оставался побѣжденнымъ. Съ появленіемъ этой непреодолимой опасности, въ нашемъ городѣ свирѣпствуетъ страшный голодъ, отъ чего люди, какъ листья послѣ мороза, падаютъ вездѣ.“

Разузнавъ обстоятельно о бѣдственномъ положеніи города, Меликъ-Мамедъ, переодѣвшись, отправился прямо въ царскій дворецъ. Въ это время царь, погруженный въ глубокую задумчивость, печально сидѣлъ со своими назирами и везирами, мысленно представляя себѣ постигшее его народъ бѣдствіе. Во дворцѣ царю гробовое спокойствіе. Тишина была нарушена появленіемъ Меликъ-Мамеда. Всѣ вдругъ обратили свои взоры на молодого человѣка. Меликъ-Мамедъ, подошедши къ царю и поклонившись, согласно обычаю, до пояса, привѣтствовалъ его „саламомъ“ и, затѣмъ, сказалъ:

— „Великій царь! узнавъ о вашемъ несчастіи, я рѣшил-ся помочь вамъ, уничтожить вашего водяного врага и тѣмъ открыть свободное плаваніе по морю. Но это я сдѣлаю лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы и вы помогли мнѣ найти птицу Мурги-Гюли-Ханданъ, изъ-за которой я долгое время странствую, переноса всевозможныя трудности.“

Царь ласково принялъ его и, полюбовавшись красотой и стройностью Меликъ-Мамеда, вымолвилъ:

-- „О, если бы только можно было погубить этого злодѣя! но, къ великому несчастью, его не беретъ ни мечъ храбреца, ни сила пѣхлавана...“

— „Не безпокойся, царь!“ воскликнулъ Меликъ-Мамедъ, „избавить васъ отъ ненавистнаго врага—мое дѣло, лишь бы и вы обѣщались доставить къ моему возвращенію сказанную птицу или хоть указать, гдѣ она находится.“

Царь, удивившись самонадѣянности Меликъ-Мамеда, не долго думая, согласился на предложенное имъ условіе.

По приказанію царя, были снаряжены нѣсколько кораблей съ необходимыми работниками, которые должны были сопровождать Меликъ-Мамеда до мѣста жатвы. Нагрузивъ тутъ корабли достаточнымъ количествомъ хлѣба, онъ пустился въ обратный путь. Нашъ герой отважно стоялъ на носу корабля и съ нетерпѣніемъ ожидалъ врага, порой воодушевляя и ободряя своихъ спутниковъ.

Вдругъ поднялась страшная буря, потемнѣла гладкая поверхность моря, закипѣла съ необыкновеннымъ шумомъ вода и на ней показалась громадная стальная рука. Съ появленіемъ ея прекратилось движеніе карбелей, и рука готова была уже удариться о нихъ, какъ Меликъ-Мамедъ схватилъ ее крѣпко обѣими руками и потянулъ къ себѣ, призывая на помощь Единого Бога и Его Пророка. Послѣ долгихъ стараній вырваться изъ рукъ Меликъ-Мамеда, рука съ оглушительнымъ гуломъ и трескомъ сломалась, и мгновенно утихла

буря, вода успокоилась, и корабли могли плыть дальше. В то же время из воды поднялась красивая птичка и, бросив Меликь-Мамеду золотой перстень, вымолвила человеческим голосомъ:

— „Освободитель мой! я дочь царя-феи, обладательницы садовъ „Фарахбани.“ Злой дѣвъ похитилъ меня, оставивъ въ слезахъ моихъ родныхъ. Со дня похищенія злодѣй держалъ меня на днѣ этого моря, томилъ голодомъ и всевозможными лишеніями. Но когда ты сломалъ стальную руку дева, въ которой находилась душа его, то этимъ погубилъ его, а мнѣ возвратилъ свободу. За это я могу оказать тебѣ большую услугу, если ты попадешь въ нашъ вѣчно зеленый край.“

Сказавъ эти слова, она улетѣла. Подивившись чудной птичкѣ и ея рѣчамъ, Меликь-Мамедъ живо продолжалъ плаваніе, спрятавъ перстень въ карманъ. Между тѣмъ на сушѣ караульные, замѣтивъ удаленіе караблей отъ мѣста опасности, быстро передали царю эту радостную вѣсть. Царь съ большою свитою и со всѣми войсками отправился на встрѣчу Меликь-Мамеда. Народъ, обрадованный этимъ извѣстіемъ, покрылъ весь морской берегъ. Вездѣ играли сазандары, пѣли гѣсенники. Были зарѣзаны тысячи барановъ и верблюдовъ; свѣжею дымящеюся кровью ихъ обрасили путь, по которому долженъ былъ шествовать освободитель города. Вотъ прибылъ ожидаемый гость. Съ сіяющимъ лицомъ, сошедши съ корабля, М.-Мамедъ привѣтствовалъ царя и поздравилъ съ паденіемъ страшнѣйшаго врага. Царь, отъ души обнявъ его, съ торжествомъ привелъ во дворецъ и нѣсколько дней сряду устраивалъ въ честь М.-Мамеда разные пиршества и праздники и дарилъ ему подарки, думая отвлечь его отъ предпріятія и удержать навсегда при своемъ дворѣ.

Между тѣмъ М.-Мамедъ, вспомнивъ страданія отца, предложилъ царю исполнить условіе: доставить ему обѣщанную птицу, Мурги-Гюли-Хайданъ, такъ какъ ему пора домой,

къ больному отцу. Царь еще до возвращенія М.-Мамеда тщательно старался разузнать о названной птицѣ, но тщетно: ко-го онъ ни спрашивалъ объ удивительной птицѣ, никто ниче-го не зналъ о ней. Царю было совѣстно отказаться прямо отъ своего обѣщанія. Обратившись къ М.-Мамеду при многочис-ленномъ собраніи народа и придворныхъ, онъ сказалъ:

— „Такъ-какъ ты своею блестящею побѣдою освободилъ мою землю отъ гибели, открылъ свободное, безопасное плаваніе къ мѣсту посѣвовъ, то я обязанъ отблагодарить тебя сообразно своему могуществу. Итакъ, прими эту царскую ко-рону, управляй моимъ многочисленнымъ народомъ; ты достоинъ быть моимъ наслѣдникомъ, котораго я лишенъ; но я имѣю един-ственную дочь наслѣдницей моей власти: сдѣлай ее своей ра-бой!..“

Къ великому изумленію всѣхъ царедворцевъ и народа, М.-Мамедъ отказался отъ такого вознагражденія. Онъ про-силъ только о томъ, чтобы дали ему названную птицу, раз-сказавъ царю снова о причинѣ своего странствованія.

Убѣдившись, наконецъ, что царь и его пахлѣваны не мо-гутъ указать ему, какъ и гдѣ найти птицу Мурги-Гюли-Хан-данъ, Меливъ-Мамедъ пустился въ путь, не обращая болѣе вниманія на просьбы царя, чтобы онъ выбралъ себѣ лучшаго коня, взялъ на помощь пахлѣвановъ, запаса на дорогу потреб-нымъ количествомъ провизіи. М.-Мамедъ задумчиво удалялся вонъ изъ города, а за нимъ шли царь, его назиры, везиры и народъ, провожавшій его.

Донедши до подошвы горы, нашъ герой, разведши ма-ленькій огонекъ, бросилъ въ него волоски дева. Вдругъ задро-жала земля, зашумѣла гора, и съ нея спустился, съ быстротою молніи вѣрный спутникъ Меливъ-Мамеда. Завидѣвъ чудови-ще, изъ сопровождавшихъ М.-Мамеда одни умерли отъ стра-ха, другіе же пустились въ безпорядкѣ бѣжать, оставивъ вто-

ропяхъ свои палахи и боши. А Меликъ-Мамедъ сѣлъ ка дева и пустился въ дальнѣйшіе поиски.

Летать девъ долго или коротко,—Аллахъ вѣдаетъ: летать онъ день и ночь, не зная ни отдыха, ни боязни, и, наконецъ, остановился вблизи одного шумнаго города, куда и постѣшилъ Меликъ-Мамедъ, отпустивъ дева и получивъ отъ него, по прежнему, нѣсколько волосковъ. Городъ отличался красотой, благоустроенностью и своимъ пріятнымъ мѣстоположеніемъ; но всѣ обитатели его поголовно, и взрослые и молодые, были одѣты въ траурное одѣяніе; всѣ дома, стѣны, крыши, даже дороги были выерашены черною краскою; вездѣ слышны были плачь и рыданіе. Долго ходилъ Меликъ-Мамедъ по городу, не зная, чему приписать этотъ траурный видъ города. Наконецъ, онъ разузналъ отъ одного встрѣченнаго старика, что любимая дочь ихъ царя похищена Кавтаръ-Курсіей и спрятана въ сосѣдней пещерѣ, откуда эта Кавтаръ-Курсія уничтожила много пѣхлѣвановъ царя и воиновъ, отправленныхъ противъ нея; М.-Мамедъ попросилъ старика отвести его къ царю. Желаніе его было исполнено. Подходя къ царю, нашъ герой привѣтствовалъ его обычнымъ саламомъ и воскликнулъ.

— „Царь! воспламенилось во мнѣ горячее желаніе убить похитительницу твоей дочери и выручить послѣднюю отъ рукъ ея.“

— „Что ты за богатырь, что разсуждаешь такъ увѣренно?! Я самъ ничего не могъ сдѣлать съ этой проклятой Кавтаръ-Курсіей. Сколько разъ отправлялъ я противъ нея огромныя войска, со множествомъ пѣхлѣвановъ, и каждый разъ, когда они доходили до пещеры, изъ нея поднималось пламя, которое все пожирало: отъ моихъ армій оставался одинъ только пепель. А ты хочешь итти одинъ противъ такого неодолимаго врага!...“

— „Съ помощью Великаго Аллаха, я надѣюсь, что выручу

царевну изъ бѣды“; скромно отвѣтилъ на это Меликъ-Мамедъ.

— „Если ты возвратишь мнѣ ее живой,“ сказала царь, „то я подѣлюсь съ тобою моимъ царствомъ.“

— „Мнѣ не надо никакого царства! я требую только чтобы ты, въ случаѣ избавленія мною твоей дочери, или доставилъ мнѣ птицу Мурги-Гюли-Ханданъ, или указалъ мѣсто ея нахожденія.“

Царь согласился на это условіе, надѣясь доставить ее безъ особыхъ затрудненій, такъ-какъ въ его государствѣ было множество охотниковъ, знавшихъ птичій языкъ, и постоянно приносившихъ ему всевозможныхъ красивыхъ птицъ, которыя, затѣмъ, приручались и жили у него на свободѣ. Меликъ-Мамедъ, не теряя времени, взялъ съ собою сорокъ-рабочихъ съ лопатами, чтобы очистить дорогу отъ обугленныхъ человѣческихъ труповъ, загоравивавшихъ входъ въ пещеру, и поторопился въ мѣсту опасности. Какъ-только онъ приблизился къ жилищу Кавтаръ-Курси, то она, по обыкновенію, однимъ своимъ огненнымъ дыханіемъ пожгла всѣхъ его спутниковъ; только Меликъ-Мамедъ остался невреднымъ: онъ успѣлъ прочитать молитву противъ волшебства. Не обращая вниманія на гибель товарищей, онъ продолжалъ идти все впередъ. Вдругъ Меликъ-Мамедъ увидѣлъ предъ собою темную пещеру, а въ пещерѣ—старую, безобразную Кавтаръ-Курсію: носъ у нея былъ до колѣнъ, зубы торчали выше головы, волосы, стояли какъ дремучій лѣсъ, виднѣлся одинъ только глазъ, да и то на темени, а изъ носа и рта выходилъ у нея огонь. Замѣтивъ идущаго къ ней челоуѣка, она закричала страшнымъ голосомъ:

— „Пожалѣй себя и своихъ родныхъ, добрый молодецъ! поспѣши вернуться назадъ, иначе я сожру тебя живьемъ!“

Но Меликъ-Мамедъ, не давши ей договорить послѣднихъ словъ, пустилъ въ нее стрѣлу, которая вонзилась ей прямо въ грудь, и она упала безъ признаковъ жизни. Покончивъ-

дѣло съ нею, онъ вошелъ въ пещеру и увидѣлъ здѣсь двухъ чудныхъ красавицъ, прикованныхъ толстою цѣпью. Онъ тотчасъ разсѣкъ цѣпи ихъ своимъ мечемъ и поднялъ несчастныхъ плѣнницъ съ земли. Оправившись, красавицы проворно вышли изъ пещеры вмѣстѣ со своимъ освободителемъ, и одна изъ нихъ, держа руку Меликъ-Мамеда, сказала:

— „Я дочь царя-феи, обладательницы вѣчно зеленого сада „Фарахбани“. Похитивъ, злодѣйка заперла меня въ этой пещерѣ, вмѣстѣ съ этой несчастной царевной, и мы перенесли тутъ адскія мученія. За великое добро я отслужу тебѣ, если ты прійдешь во владѣнія отца моего.“

При этихъ словахъ, нѣсколько удалившись всторону, она бросила ему, въ знакъ памяти, золотой перстень, а сама обратилась въ красивую птичку, вспорхнула и улетѣла. Меликъ-Мамедъ и царевна долго смотрѣли въ недоумѣніи туда, гдѣ исчезла чудная птичка, а потомъ направились во дворецъ, гдѣ царь и всѣ обитатели города, отъ мала до велика, молясь въ душѣ за Меликъ-Мамеда, съ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія. На встрѣчу Меликъ-Мамеду вышелъ весь городъ, но приказанію царя, облевшись, вмѣсто траура, въ праздничныя одежды. Царь съ неописаннымъ торжествомъ привелъ его и свою дочь во дворецъ.

Нѣсколько дней Меликъ-Мамедъ провелъ среди удовольствій, но скоро, во время пира, онъ вспомнилъ о страданіяхъ своего отца на родинѣ и, горько заплакавъ, сказалъ:

— „Царь, мнѣ пора возвращаться на родину. Тамъ ожидаетъ меня несчастный отецъ, страдающій неизлѣчимою болѣзью. Доставъ же мнѣ обѣщанную птицу, которая, по словамъ дервиша, составляетъ единственное средство къ выздоровленію отца!“

Сильно тронутый этими словами Меликъ-Мамеда, царь замѣтилъ:

— „Любимый царевичъ, когда ты занятъ былъ борьбою

съ Кавтартъ-Курсіей, я призывалъ всѣхъ моихъ подданныхъ, начиная съ семидѣтнаго отрока до двухсотъ-пятидесятилѣтникъ стариковъ, обоюга пола, предлагалъ имъ указать желаемую тобою птицу; но всѣ глядѣли на меня съ дивнымъ удивленіемъ, слыша странное названіе птицы. Лучше ты перемѣни свое намѣреніе, выбрось изъ головы свою неосуществимую мысль и останься въ нашемъ краѣ; я не имѣю наслѣдника: сегодня я живъ, а завтра меня, быть можетъ, уже не будетъ на свѣтѣ,—за твой великій трудъ я дарю тебѣ мое обширное царство, все мое богатство и мое лучшее сокровище, единственную дочь мою.

— „Да хранитъ Аллахъ на долгіе годы тебя и твое царство!“ возразилъ Меликъ-Мамедъ, „мнѣ не надо никакого владѣнія: мое отцовское царство, по обширности, по многочисленности и по богатству, стоитъ не ниже твоего. Если бы власть интересовала меня, то я не покинулъ бы своей родины и не оставилъ въ слезахъ родныхъ и народъ. Я брожу по міру изъ-за любви къ отцу, котораго, пока я живъ, не могу видѣть больнымъ; я далъ себѣ обѣтъ непременно доставить эту птицу, если бы даже она была въ нѣдрахъ земли или въ глубинѣ морей.“

Послѣ этого Меликъ-Мамедъ, оставивъ дворецъ, пустился въ дальнѣйшій путь. Приблизившись къ окрестному дѣсу, онъ ударилъ волосами дева о кремневый камень, и мгновенно явился къ нему его вѣрный слуга. Меликъ-Мамедъ разсказалъ деву о своей неудачѣ и просилъ нести его въ садъ Фарахбани. Нѣсколько подумавши, дева, однако, и на этотъ разъ подчинилась требованію своего господина. Посадивъ царевича на плечи, онъ направилъ свой полетъ прямо въ сторону сада Фарахбани. Леталъ онъ долго или коротко,—Аллахъ вѣдаетъ, наконецъ, остановился на склонѣ одной горы, покрытой всевозможными драгоценными камнями, слѣзавшими глаза человека своимъ разноцвѣтнымъ блескомъ. Тутъ дева, бросившись къ ногамъ своего сѣдока, сказала умоляющимъ голосомъ:

— „Повелитель мой! эта гора служить границей между владѣніями девоу и фей; по извѣстному условію и клятвѣ, я не имѣю права вступить даже на шагъ въ землю фей, въ противномъ случаѣ онѣ разорвутъ меня въ клочки.“

Послѣ этихъ словъ, указавъ Меликъ-Мамеду издали садъ Фарахбани и пожелавъ ему успѣха, онъ попрощался съ М.-Мамедомъ навсегда и отправился обратно въ свое гнѣздо.

Оставшись одинъ, Меликъ-Мамедъ нисколько не смутился; не думая объ опасности, онъ перешелъ горы и увидѣлъ предъ собою садъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими серебряными стѣнами, не имѣвшими нигдѣ воротъ. Приладивши свой арканъ, онъ бросилъ его на ограду сада такъ, что одинъ конецъ аркана укрѣпился узломъ на самой верхушкѣ стѣны. Поднявшись на стѣну по аркану, онъ спустился по нему же въ большой, прекрасный садъ. Въ саду этомъ росли деревья не съ простыми, а съ золотыми плодами. Весь садъ благоухалъ отъ аромата всевозможныхъ цвѣтовъ. Въ каждомъ цвѣткѣ будто сидѣла гурія джааната и улаждала воздухъ сада своимъ дыханіемъ. Чудныя птички, перепархивая съ одной вѣтви на другую, пѣли райскія пѣсни, и гнѣие ихъ, сливаясь съ журчаніемъ водъ въ мраморныхъ фонтанахъ и съ шорохомъ листьевъ, обращало садъ въ чудный рай. Дойдя до середины сада, Меликъ-Мамедъ увидѣлъ великолѣпный семнадцатиэтажный дворецъ изъ чистаго золота. Золотая лѣстница на мраморныхъ столбахъ вела во внутреннія комнаты верхнихъ этажей. Къ великому изумленію Меликъ-Мамеда, садъ этотъ былъ, по видимому, необитаемъ. Но прошло нѣсколько времени, и до слуха его донеслись звуки чарующей музыки и гнѣие нѣжныхъ голосовъ. Онъ быстро свернулся за кустами майскихъ розъ и жадно смотрѣлъ на приближавшуюся толпу сазандаровъ. Онъ увидѣлъ множество шедшихъ по направлению въ дворцу красавицъ, въ богатыхъ одеждахъ, въ сопровожденіи ихъ, шла впереди, остальные же, держа ея дланями, вынощи-

ся канатомъ, косы въ золотой лахани, сопровождали ее съ пѣснями, музыкой и плясвою до дворца. За ними послѣдовала другая партія и, наконецъ, третья, которыя точно также поднялись до самаго верхняго этажа и за собой крѣпко-накрѣпко заперли двери. Не видя болѣе никого, нашъ герой тихо поднялся по лѣстницѣ вверхъ и очутился на маленькой мраморной площадкѣ; притаившись здѣсь, онъ услышалъ нѣжные голоса пирующихъ красавицъ. Вдругъ замолкли коры пѣвуній, затихли сазандары и одна красавица, встанши съ мѣста, произнесла плѣнительнымъ голосомъ, держа въ рукѣ чашку съ шербетомъ, слѣдующія слова.

— „Подруги и сестры мои! выпьемъ эту чашу за здоровье того смертнаго, который освободилъ меня изъ рукъ дѣва, заколдовавшаго меня на двѣ глубокаго моря;—который возвратилъ жизнь цѣлому поколѣнью инсановъ, страдавшихъ черезъ этого злодѣя голодомъ и которому я дала въ знакъ памяти свой золотой перстень. О, если бы онъ пришелъ въ нашъ край, какихъ-только знаковъ уваженія и благодарности не оказала бы я ему!..“

За ней встала другая сестра и просила всѣхъ присутствующихъ выпить чашу шербета за здоровье ея освободителя изъ рукъ Кавтаръ-Курси, которая, похитивъ, жестоко томила ее въ темной и сырой пещерѣ. Наконецъ, третья красавица, выслушавъ рѣчи своихъ сестеръ, замѣтила:

— „Если ваши благодѣтели когда-нибудь придутъ въ нашу землю, то я попрошу отца оставить ихъ навсегда здѣсь, чтобы наслаждаться съ нами воздухомъ этого вѣчно зеленаго сада, и готова исполнить все ихъ желанія; но, увы, сестры, весьма трудно инсанамъ упасть въ этотъ садъ!.. Развѣ вы не знаете, что змѣя своимъ брюхомъ не осмѣливается проползать подъ его стѣнами, птицы другихъ странъ на своихъ крыльяхъ не перелетаютъ надъ этимъ садомъ? Гдѣ же, послѣ этого, смертному приблизиться къ нему!..“

При этой бесѣдѣ красавецъ Меликъ-Мамедъ, отворивъ двери, вошелъ въ комнату, блиставшую золотомъ и драгоценными камнями, и неожиданно появился среди пировавшихъ. Всѣ феи сильно смутились, при его неожиданномъ появленіи, повскакали съ мѣсть своихъ и готовы были напасть на М.-Мамеда, возмутившаго ихъ своею дерзостью. М.-Мамедъ, насколько не смущаясь этимъ, отрекомендовался въ качествѣ ихъ освободителя и въ оправданіе своихъ словъ показалъ имъ золотые перстни, полученные при избавленіи ихъ отъ бѣды.

Узнавши свои перстни, феи весьма обрадовались ему и устроили для него такой пиръ, какого онъ и во снѣ не видалъ. По окончаніи роскошнаго обѣда, окруживъ его, феи просили, чтобы онъ рассказалъ имъ свои похождения, а также и объяснилъ причину своего странствованія. М.-Мамедъ рассказалъ имъ все, сначала и до конца, при этомъ упомянулъ и о птицѣ Мурги-Гюли-Ханданъ. Выслушавъ похождения М.-Мамеда, феи совѣтовали ему отказаться отъ намѣренія добыть чудную птицу, такъ-какъ эта мысль совершенно неосуществима.

— „Я далъ себѣ обѣтъ непременно достать её, гдѣ бы она ни была, и безъ этой птицы не возвращусь къ своимъ роднымъ,“ отвѣчалъ Меликъ-Мамедъ.

Видя, что отклонить М.-Мамеда отъ предпріятія имъ не удастся, феи указали ему способъ достичь тѣхъ странъ, гдѣ жила равнскиваемая имъ птица.

— „Въ сѣверномъ углу нашего сада“, сказали онѣ, „стоитъ высокое дерево, на которомъ свилъ себѣ гнѣздо воршунъ. Ежегодно удавъ съѣдаетъ дѣтенышей этого коршуна, какъ-только послѣдній оставитъ ихъ на самое малое время. Стоитъ тебѣ убить того удава, и воршунъ за эту услугу понесетъ тебя въ тѣ страны, гдѣ находится птица Мурги-Гюли-Ханданъ.“

Не теряя времени, нашъ герой направился на то мѣсто,

гдѣ находилось дерево съ гнѣздомъ коршуна, и пришелъ туда какъ-разъ къ тому времени, когда удавъ, поднявшись на дерево, хотѣлъ пожрать дѣтенышей. Тутъ М.-Мамедъ ловко пустилъ въ него стрѣлу; удавъ, пораженный ею, съ шумомъ упалъ на землю, а М.-Мамедъ, разрубивъ удава на куски, бросилъ ихъ дѣтенышамъ коршуна, а самъ спокойно заснулъ подъ деревомъ.

Во время его сна прилетѣлъ къ дереву коршунъ и, замѣтивъ спящаго человѣка и принявъ его за истребителя своихъ дѣтенышей, схватилъ громадный камень и, поднявъ на высоту, хотѣлъ-было бросить имъ въ Меликъ-Мамеда. Тогда дѣтеныши коршуна закричали ему, чтобы не трогалъ этого человѣка, потому что онъ спасъ ихъ отъ врага, голову котораго и показали ему. Перемѣнивъ свое намѣреніе, коршунъ тогда сталъ кружиться надъ М.-Мамедомъ, закрывая его своими крыльями отъ жгучихъ лучей солнца. Проснувшись отъ сильнаго вѣтра, котораго происходилъ отъ движенія крыльевъ коршуна, М.-Мамедъ сталъ просить эту могучую птицу, чтобы она помогла ему достать Мурги-Гюли-Ханданъ. Несмотря на то, что исполнить эту просьбу было очень трудно, коршунъ согласился на то съ большою охотою. Онъ заготовилъ для себя и для дѣтенышей достаточное количество състныхъ припасовъ, посадилъ М.-Мамеда къ себѣ на спину и тронулся въ путь.

Леталъ онъ долго или коротко, — Аллахъ вѣдаетъ: оставилъ онъ за собою семь морей водяныхъ да семь морей огненныхъ, наконецъ, остановился на одной глухой равнинѣ. Оставивъ тутъ М.-Мамеда и ничего не объясняя ему, коршунъ опять поднялся на воздухъ и черезъ нѣсколько времени прилетѣлъ и обрадовалъ М.-Мамеда такими словами:

— „Птица Мурги-Гюли-Ханданъ принадлежитъ одной красавицѣ, družину которой составляютъ страшнѣйшіе девы; они цѣлый годъ бдительно стерегутъ красавицу и только од-

нажды въ годъ погружаются въ сорокодневную спячку; вотъ уже четвертый день, какъ они находятся въ глубокомъ снѣ. Это я узналъ сейчасъ, посмотрѣвъ на дощечку, приврѣвленную къ воротамъ жилища девоу. Это сообщаетъ намъ успѣхъ. Если бы великаны не спали, достать птицу было бы совершенно не возможно. Теперь ты ступай прямо по этой тропинкѣ, пока не увидишь предъ собою великолѣпнаго дворца, гдѣ прелестная красавица также, какъ и ея дружина, находится въ спячкѣ, упоенная ароматомъ майскихъ розъ, которыя дивовинная птица выбрасываетъ изо рта во время своего пѣнія. Красавица приставила къ своему дворцу двухъ страшныхъ львовъ, которые день и ночь ходятъ кругомъ и оберегаютъ дворецъ отъ постороннихъ глазъ. Страшась ихъ, даже птицы не осмѣливаются пролетать надъ дворцомъ, змѣи не проползаютъ подъ его стѣнами. Возьми вотъ эти два куска мяса: когда ты дойдешь до дворца, вѣнь одинъ изъ нихъ одному льву, а другой—другому. Тогда они пропустятъ тебя. Вошедши во дворецъ, ты увидишь тамъ спящую на постели красавицу, а въ клѣткѣ—птицу Мурги-Гюли-Ханданъ. Сними осторожно клѣтку и поспѣши ко мнѣ,—я тутъ буду ожидать тебя.“

Меликъ-Мамедъ поблагодарилъ коршуна, взялъ два куска мяса и отправился въ путь. Удалившись немного отъ коршуна, онъ увидѣлъ дворецъ, а предъ дворцомъ—двухъ львовъ, которые охраняли его. Меликъ-Мамедъ изъ двухъ кусковъ мяса одинъ бросилъ одному льву, другой—другому, а самъ быстро вошелъ во дворецъ. Здѣсь онъ очутился въ великолѣпной, свѣтлой комнатѣ, гдѣ на золотомъ ложѣ находилась въ глубокомъ снѣ молодая красавица. Надъ постелью висѣла клѣтка изъ изумруда, а въ клѣткѣ сидѣла красивая птичка, которая словно баюкала свою спящую госпожу чудными пѣснями своими. Онъ тихо снялъ клѣтку, подошелъ къ красавицѣ, снялъ у нея съ пальца золотой перстень ея и, поцѣловавъ въ широ-

кій лобъ, помчался въ коршуну, который, вида М.-Мамеда благополучно возвращающимся, съ птицею въ рукахъ, въ высшей степени обрадовался счастливому исходу предпріятія. Тутъ нашъ герой попросилъ коршуна отнести его на родину и называлъ ему свое отечество и происхожденіе. Коршунъ исполнилъ и эту просьбу его съ большою охотою и, посадивъ его на спину, пустился въ обратный путь.

Черезъ нѣсколько времени Меликъ-Мамедъ былъ уже во владѣніяхъ своего отца. Нечего и говорить о томъ, что возвращенію Меликъ-Мамеда несказанно обрадовались родные и народъ, которые давно считали его погибшимъ. М.-Мамедъ, по совѣту дервиша, поставилъ около больного отца кѣтку съ чудной птицей, которая начала пѣть свои райскія пѣсни, бросая порой изо рта букеты майскихъ розъ, наполнявшихъ комнату неописаннымъ благоуханіемъ. Упившись до сыта ихъ ароматомъ, царь совершенно выздоровѣлъ.

На радости царь устроилъ роскошный пиръ, который продолжался цѣлый мѣсяцъ. На этотъ пиръ онъ созвалъ гостей со всѣхъ странъ свѣта: всѣ любовались чудною птицею и дивились разсказамъ царевича.

Между тѣмъ, пока все это приходило, чудная красавица, лишившаяся своей птички: Мурги-Гюли-Ханданъ, проснулась отъ сорокодневной спячки: не нашедши ни птицы, ни драгоценнаго перстня, она посмотрѣлась въ зеркало и замѣтила на лбу у себя пятно, оставшееся отъ поцѣлуя М.-Мамеда. Встревоженная всѣмъ этимъ, красавица потребовала въ себѣ всѣхъ девокъ и, объявивъ имъ о случившейся въ ея домѣ кражѣ, приказала достать ей немедленно и птицу, и ея похитителя. Девы, пораженные такимъ извѣстіемъ, просили у своей повелительницы трехдневнаго сроку, въ продолженіе котораго обѣщались доставить ей птицу и вора, гдѣ бы они ни находились. Получивъ желаемую отсрочку, девы разсѣялись по цѣлому свѣту отыскивать преступника. И вотъ однажды, когда

М.-Мамедъ среди большого собранія гостей рассказывалъ о своихъ удивительныхъ приключеніяхъ, держа при этомъ въ рукѣ кльтву съ птицей, вдругъ, откуда ни взялось, появилось чудовище, одной рукой схватило кльтву, а другой—М.-Мамеда и скрылось съ быстротой молніи, оставивъ въ изумленіи и ужасѣ его родныхъ и гостей.

Девы принесли Меликъ-Мамеда и птицу въ красавицѣ. Чудная красавица, увидѣвъ М.-Мамеда, тотчасъ же воспламенилась страстною любовью къ нему; не помня себя отъ смущенія и страха, она сказала ему:

— „Безсовѣстный инсанъ! какъ ты осмѣлился совершить въ моемъ домѣ такую дерзкую кражу? Объясни мнѣ подробно, какъ ты могъ добраться до этого опаснаго мѣста. Если въ твоемъ разсказѣ окажется хоть малѣйшее уклоненіе отъ истины, то я прикажу моимъ девамъ разорвать тебя на влочи.“

Меликъ-Мамедъ безъ страха и колебанія рассказалъ ей сначала до конца всѣ съ свои приключенія. Выслушавъ исторію Меликъ-Мамеда, она еще больше полюбила его и предложила ему жениться на ней. Тотъ съ радостью согласился на это и только потребовалъ, чтобы на свадьбу были доставлены сюда и его родные. Желаніе М.-Мамеда было исполнено въ самое непродолжительное время. Мать и отецъ М.-Мамеда, благословивъ ихъ, отпраздновали его свадьбу съ прелестною красавицею, а послѣ свадебныхъ пиршествъ М.-Мамедъ и его родные просили прекрасную невѣсту доставить ихъ обратно на родину. Тогда чудная красавица назначила одного изъ девовъ-новелителемъ надъ остальными, заставила ихъ поклясться, что они болѣе не будутъ трогать инсановъ и даже не будутъ показываться имъ, и простилась со всѣми своими девами. Потомъ набравъ достаточное количество всякаго богатства, приказала девамъ доставить ее, Меликъ-Мамеда и его родныхъ туда, откуда взяли они послѣднихъ, и девы мигомъ исполнили ее

приказаніе. Царь еще разъ отпраздновалъ свадьбу своего сына и устроилъ пирь на весь міръ: весь народъ цѣлый мѣсяцъ ѣлъ, пилъ и бутиль на свадьбѣ М.-Мамеда.

Старый царь, со своимъ сыномъ и чудною невѣсткою, сталъ жить счастливо, а умирая оставилъ престолъ любимому и достойнѣйшему сыну своему М.-Мамеду.

Смотритель Вандамскаго сельскаго училища *А. Агабаевъ*.

3. Молла-Насумъ.

Молла-Касуму было 14 лѣтъ, когда скончался отецъ его, Насруллахъ-шахъ-заде (принцъ). Въ Тикмедашѣ, гдѣ жилъ Касумъ съ отцомъ своимъ, изгнанникомъ изъ Персіи, онъ не имѣлъ никакихъ родныхъ, кромѣ Кара-казія, дяди съ материнской стороны, на попеченіи котораго и былъ оставленъ отцомъ. Но дядя, имѣя много дѣлъ по должности городскаго казія, мало заботился о племянникѣ, и бѣдный сирота былъ оставленъ на волю судьбы. Единственною отрадою для Касума былъ мектебъ, куда онъ и отправлялся аккуратно каждое утро. Но не столько ученіе привязывало его къ мектебу, сколько прекрасная Мелекъ-Сима, дочь Али-хана, правителя Тикмедаша, которая училась въ томъ мектебѣ: Касумъ полюбилъ Мелекъ-Симу, и она была также неравнодушна къ нему. Онъ слагалъ про нее пѣсни, а она вполголоса пѣла ему эти пѣсни. И весело было имъ учиться вмѣстѣ. Но не долго продолжалось ихъ веселье: учитель провѣдалъ объ ихъ привязанности и, не желая вслѣдствіе этого лишиться милости хана и навлечь на себя его гнѣвъ, донесъ ему о томъ. Алиханъ разгнѣвался на Касума и, по наущенію везира, который сваталъ Мелекъ-Симу за своего сына, приказалъ казнить его. Но приближенные отговорили хана: „Касумъ царскаго рода, не хорошо казнить царевичей“, говорили они, „лучше

вели запереть его въ темницу на нѣкоторое время, а вѣсь онъ тамъ поумиѣетъ.“ Ханъ послушался совѣтниковъ: Касумъ былъ запертъ въ темницу.

Горьба показалось ему разлука съ возлюбленною, и своей горе онъ излилъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Пѣсня 1.

„Не видѣлъ я постоянства этого тлѣннаго міра!.. Что стало съ моею семьею? Драгоцѣнныя слова мои, любезныя мои рукописи, статная, какъ кипарисъ, величаво-вступающая моя возлюбленная!.. Что стало съ ними?

Настанетъ день, когда тлѣнный міръ сузится надъ моею головою *). О Боже! кто тогда станетъ у моего одра? Поблекнетъ румянецъ возлюбленной... О, что станетъ тогда съ сладкоязычною и пріятнорѣчивою моею (возлюбленною)?

Я хаста **) Касумъ,—изъяли силы мои. Какъ изъ розы, выжали изъ меня сокъ. О, что стало съ разграфленнымъ вѣраномъ моимъ, съ золотыми томами книгъ (моихъ) и вызолоченнымъ пенналомъ?..“

Проходя мимо темницы, учитель подслушалъ Касума и донесъ хану:

— „Великій ханъ! вмѣсто того, чтобы въ темницѣ поумиѣть и позабыть свою страсть, Касумъ совсѣмъ рехнулся, и поетъ самыя непристойныя пѣсни про ангелоподобную Мелекъ-Симу.“

Ханъ приказалъ тотчасъ притащить и казнить Касума. На этотъ разъ и вельможи не посмѣли заступиться за него. Между тѣмъ, по приказанію Кара-казія, его слуги давно разыскивали Касума по всему городу. Увидѣвъ его во время отправленія на казнь, они побѣжали увѣдомить казія. Тотъ

*) Т. е. приблизится смерть.

**) Т. е. нравственно-исмалеченный, разбитый душою.

не медля явился въ хану и сталъ требовать отмѣны казни своего племянника, говоря:

— „Ханъ! какъ же ты осмѣливаешься казнить Касума? Вѣдь онъ изъ царскаго рода, а ты простой ханъ.“

— „Онъ оскорбилъ честь мою,“ отвѣчалъ ханъ, — влюбился въ мою дочь.“

— „Тутъ нѣтъ никакого униженія для твоей чести,“ возразилъ на это казій, „за кого же ты выдать дочь свою, чтобы ея женихъ былъ знатнѣе и благороднѣе Касума?!.“

— „Да, наконецъ, племянникъ твой сошелъ съ ума, и ты самъ можешь въ томъ убѣдиться: онъ, по словамъ учителя, вѣчно толкуетъ о какихъ-то видѣнiяхъ и откровенiяхъ“ — сказалъ ханъ.

— „Али-хану сообщили, что ты сошелъ съ ума,“ обратился казій къ племяннику, котораго между тѣмъ привели къ хану, — „что ты скажешь въ свое оправданiе?“

Тотъ, вмѣсто отвѣта, запѣлъ:

Пѣсня 2.

„Въ ночь бадыра *) я принесъ (Богу) одну мольбу. Сжалился Господь надо мною. Возсіялъ свѣтъ отъ двухъ особъ... Ясно стало мнѣ солнце...“

Открылись двери рая, и озарился мiръ... Изъ чаши предопредѣленiя Богъ напоилъ меня. Липезрѣнiе возлюбленной опьянило меня. И сошелъ на меня сонъ.

Встрепенувшись, проснулся я отъ того упоительнаго сна и всѣ свои желанiя вознесъ къ Богу. Вдругъ услышалъ я голосъ свыше: „что ты спишь? проснись!“

Для меня, хаста-Касума, явилась помощь... Увидѣлъ я лицо своего шаха, — сталъ его служителемъ. На пути любви я пришелъ въ опьяненiе. Здѣсь открылись мнѣ четыре книги **).“

*) См. „Сборникъ“ В. XIII, О. II, стр. 175, 2-е прим.

Ред.

**) Пятокнижiе, Псалтырь, Евангелiе и Коранъ, — полнота знанiя.

— „Не это ли по твоему сумасшествіе?“ обратился казіи въ хану. „Святые одарили его даромъ ашикства, а ты, называя его сумасшедшимъ, хочешь казнить!..“

Кара-казиі взялъ племянника за руку и увелъ. Касумъ сталъ жить у дяди, который самъ занимался его обученіемъ и строго слѣдилъ, чтобы онъ не имѣлъ свиданій съ дочерью хана. Тѣмъ не менѣе Касумъ находилъ случаи имѣть переписку со своею возлюбленною. Такъ продолжалось три года. Тѣмъ временемъ Касумъ сдѣлался статнымъ юношею и прошелъ весь курсъ ученія, какое могъ сообщить ему дядя. Хотя Мелекъ-Сима все еще продолжала учиться въ мектебѣ, но ей настало время выходить замужъ, и она потому должна была скоро оставить шеолу.

Случилось однажды, что Кара-казиі заболѣлъ и, къ великой горести Касума, скончался. Какъ ни горька была утрата для юноши, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ себя на свободѣ и тотчасъ сталъ замышлять о томъ, какъ бы устроить свиданіе съ Мелекъ-Симою.

Касумъ отправился на базаръ и зашелъ въ мастерскую саазщика, говоря:

Пѣсня 3.

„О мастеръ саазщикъ! Я—жертва твоихъ глазъ! Прошу тебя дать мнѣ одинъ саазъ, но чтобы это былъ настоящій саазъ: чтобы онъ, когда нужно, говорилъ бы языкомъ имранскимъ (еврейскимъ), чтобы онъ былъ пріятногослымъ, подобно дивому соловью.“

Мастеръ, принимая его за обыкновеннаго покупателя, подалъ ему посредственный саазъ. Касумъ осмотрѣлъ его и, возвращая хозяину, сказалъ:

Пѣсня 4.

„Дурное—дурному, хорошее—мужу (благородному)!.. Восхваляю, гдѣ случится... (?) Чтобы не игралъ онъ неправильно

и не билъ бы тоновъ, и чтобы у красавицъ вызывалъ онъ нѣгу и вожетство.

Я, хаста-Касумъ, говорю рѣчи откровенно. Душа моя дрожить въ тѣлѣ... Если спросишь цѣну саазъ, — полныхъ десять „тумановъ“ *), ни больше, ни меньше!“

Узнавъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, мастеръ на этотъ разъ подалъ ему самый лучший саазъ, каковой только имѣлъ.

Взявъ покупку, Касумъ направился въ мектебу. Долго стоялъ онъ въ ожиданіи возлюбленной у воротъ мектеба, но она, какъ нарочно, не показывалась. Наконецъ, не вытерпѣвъ Касумъ, прыгнулъ чрезъ окно въ мектебъ и поймалъ Мелекъ-Симу за полы платья. Другія дѣти съ крикомъ разбѣжались по угламъ, учитель же, увидѣвъ Касума у ногъ Мелекъ-Симы, тотчасъ побѣжалъ доложить хану.

— „Что ты сдѣлалъ Касумъ?!“ заговорила она умоляющимъ голосомъ. „Вѣдь учитель пошелъ донести хану. Уходи ради Бога! Да буду жертвою твоихъ глазъ!“

— „Не уйду! пусть убьютъ меня тутъ же, у твоихъ ногъ!“ Сказалъ на это Касумъ. „Я пришелъ играть для тебя на саазѣ, а ты должна спѣть мнѣ пѣсни, какъ бывало въ прежніе годы.“

Онъ сталъ играть, а Мелекъ-Сима пѣла:

Пѣсня 5.

„Учитель нашъ отправился съ доносомъ... Уходи ты, въ жертву которому обрекла я себя! Подвергнешься страху и опасности... Уходи ты, въ жертву которому отдала я себя!“

Касумъ отвѣчалъ.

Пѣсня 6.

„Учитель нашъ пошелъ съ доносомъ... Не уйду я отъ той, въ жертву которой обрекъ себя! Пусть подвергнусь и

*) „Туманъ“ — десять рублей.

страху, и опасности... Не уйду я отъ той, въ жертву которой обрекъ себя!“

Мелекъ-Сима.—

Пѣсня 7.

„Ты—соколы со связанными ногами и на груди имѣю- щій рану, шрамъ и обжогу. Придетъ сынъ везира... Уходи ты, которому въ жертву обрекла я себя!“

Касумъ.—

Пѣсня 8.

„Я—соколы со связанными ногами и на груди имѣю- щій рану, шрамъ и обжогу. Придетъ сынъ везира,—я убью его... Не уйду отъ той, въ жертву которой обрекъ я себя!“

Мелекъ-Сима.—

Пѣсня 9.

„Пусть стають снѣга съ горъ и сбѣгутъ потоками въ рѣки!.. Ты—возлюбленный Мелекъ-Симы... Уходи ты, въ жер- тву которому обрекла я себя!“

Касумъ.—

Пѣсня 10.

„Пусть стають снѣга съ горъ и сбѣгутъ потоками въ рѣки!.. Ты—дорогая память хаста-Касума... Не уйду я отъ тебя, въ жертву которой обрекъ я себя!“

Но вотъ явились фарраши хана и, не смотря на мольбу и плачь Мелекъ-Симы, схватили Касума и потащили во дворець. Ханъ приказалъ-было казнить его. Но у него былъ умный совѣтникъ, который заступился за Касума, говоря:

— „Великій ханъ! мнѣ кажется Касумъ — „накъ-ашики.“ *) Убивать или обижать такихъ ашиковъ большой грѣхъ. Лучше бы подвергнуть его испытанію: если онъ настоящій ашикъ,

*) Объ этомъ родѣ ашиковъ см. въ XIII в. „Сборника“, О. II, стр. 179, примѣч. Ред.

то и съ завязанными глазами узнаеть Мелекъ-Симу среди цѣлаго ряда ея сверсницъ; въ такомъ случаѣ надобно будетъ, во избѣжаніе грѣха, пощадить его. Если же онъ не узнаеть Мелекъ-Симы, то онъ не наекъ-ашики, и тогда можно смѣловазнить его.“

Али-ханъ послушался умнаго совѣта: завязали крѣпко платкомъ глаза Касуму, привели сорозъ дѣвушекъ, однолѣтговъ Мелекъ-Симы, и поставили ихъ предъ Касумомъ въ одинъ рядъ. Обошелъ ашикъ дѣвушекъ и, остановившись предъ Мелекъ-Симою, запѣлъ:

Пѣсня 11.

„Въ Мектебѣ полюбилъ я одну красавицу: она наизусть читала слово Божіе... Взявъ въ руки книгу любви, мой уроекъ читала она наизусть.“

По дыханію узнаю возлюбленную, потому что сердце никогда не перестанетъ любить. Какъ попугай изъ клѣтки, говорила она, и, какъ соловей, пѣла она пріятныя рѣчи..

Я, хаста-Касумъ, прошу помощи у Бога... Твой украдчивый взглядъ, обманывающій влюбеннаго, обнаруживаетъ стыдливость.. То тайно, то явно пѣла она..“

Хотя изумленный ханъ не рѣшился послѣ этого вазнить Касума, но приказалъ всё-таки заключить его на вѣки въ темницу. Когда открыли глаза Касуму, чтобы увести его въ темницу, онъ посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на свою возлюбленную и, видя, что она вся одѣта въ красное, запѣлъ:

Пѣсня 12.

„Посмотри на ея прекрасныя глаза *)! Она,—какъ пойманная въ западню лань! Посмотри на ея рѣсницы! Грудь мою, какъ щитъ, прожелоли они.“

Новой лунѣ подобны брови твои! Онѣ проливаютъ мою кровь... Сердце мое поцережло отъ жары твоихъ родинокъ.“

*) Буквально— „на прекрасноголазую.“

Посмотри!—возлюбленная моя вышла, вся одѣтая въ новую алую парчу.

Касумъ говорить: посмотри на ея мраморную грудь, на хрустальныя руки; кисти рукъ ея покрыты хиною, шея у нея изъ эмали, талія узкая, вся фигура—царственная...”

Увели Касума и заперли въ темницу. Горько было положеніе его: стража обходилась съ нимъ грубо, морила голодомъ.. Но скоро Мелекъ-Сима нашла землекопа, богато одарила его, и онъ вырылъ тайный ходъ изъ ея терема въ темницу. Этимъ ходомъ часто приходилъ Касумъ въ теремъ своей возлюбленной, и они проводили время въ пріятныхъ бесѣдахъ и пѣніи.

Цѣлыхъ пять лѣтъ провелъ Касумъ въ темницѣ. Тѣмъ временемъ отецъ все принуждалъ Мелекъ-Симу выйти замужъ за сына везира. Но она и слышать объ этомъ не хотѣла и открыто говорила отцу, что, кромѣ Касума, ни за кого не выйдетъ. Чтобы избавиться отъ опаснаго соперника, сынъ везира рѣшился цокончить съ Касумомъ. Онъ подкупилъ одного изъ стражей, который за десять „тумановъ“ согласился отравить Касума.

Но въ тотъ самый день, когда предположено было исполнить это, прибылъ къ Али-хану гонецъ отъ Надыръ-шаха, съ требованіемъ, чтобы онъ прислалъ къ нему Касума. Не смѣя послушаться грознаго шаха, ханъ выдалъ гонцу Касума.

Надыръ-шахъ имѣлъ 40 ашиговъ, которыхъ бралъ повсюду съ собою. Когда шахъ прибылъ въ Дагестанъ, чтобы покорить его, то ашикъ лезгинскій Ахмедъ побѣдилъ въ состязаніи всѣхъ шахскихъ ашиговъ. По приказанію шаха, побѣжденные ашики были закованы въ цѣпи. Многіе и другіе ашики являлись къ шаху и вступали въ состязаніе съ Ахмедомъ, но всѣ были побѣждаемы имъ. Всѣхъ ихъ Надыръ-шахъ также приказывалъ заковывать въ цѣпи. Наконецъ, одинъ изъ приближенныхъ шаха доложилъ ему, что въ Тив-

медашъ есть товарищъ его по мектебу, великій поэтъ, который за свою любовь къ дочери Али-хана сидитъ теперь въ темницѣ; если кто можетъ побѣдить Ахмеда, такъ это онъ, Молла-Касумъ, сынъ Насруллаха-шахъ-заде. Вотъ почему шахъ требовалъ теперь Касума.

На третій день по выѣздѣ изъ Тикмедаша они прибыли въ лагерь шаха. При въѣздѣ въ лагерь ихъ встрѣтилъ ашикъ-Ахмедъ и, узнавъ отъ гонца, кто-такой новопривывшій, обратился къ Касуму съ такимъ привѣтствіемъ:

Пѣсня 13.

„Добро пожаловать, дѣдушка Касумъ! Пусть я поцѣлую тебя!.. Если высвободишься изъ рукъ Ахмеда-лезгина, то уйдешь, дѣдушка Касумъ!“

На это отвѣтилъ Касумъ:

Пѣсня 14.

„О, Ахмедъ-лезгинъ! Опирайся спиной о скалу! Не раздражайся, а лучше укоти свой гнѣвъ! Если высвободишься изъ рукъ хаста-Касума, то одинъ разъ поѣшь, а пять разъ раздай (отъ радости) милостыню!“

Доложили шаху о прибытіи Касума, и онъ потребовалъ послѣдняго къ себѣ въ палатку. Войдя туда, Касумъ сдѣлалъ шаху привѣтствіе, достойное принца. Такое умѣнье держать себя и статная наружность Касума произвели на шаха хорошее впечатлѣніе, и онъ сказалъ:

— „Знаешь ли, зачѣмъ я потребовалъ тебя?“

— „Знаю, Ваше Величество, отвѣчалъ Касумъ.“

— „Рѣшаешься ли ты вступить съ Ахмедомъ въ составленіе?“ спросилъ шахъ.

На это Касумъ отвѣтилъ пѣснейю.

Пѣсня 15.

„Три дня, какъ выѣхалъ я изъ Тикмедаша; съ душою

въ рукѣ *), прибыль къ твоимъ дверямъ. Земля изъ подъ ногъ твоихъ да будетъ мнѣ мѣстомъ поклоненія! Буду плавать я съ обнаженною грудью...

Какъ дивій соловей, горько плачу я... На груди моей рана, гнойный шрамъ и обжога... Сто ашищевъ подобныхъ лезгину одолѣть бы я, если бы со мною была моя краснорѣчивая!..

Я хаста-Касумъ, — нѣтъ у меня силы! Какъ изъ розы, выжали сокъ изъ меня. О, если бы со мною были разграфленный коранъ мой, мои золотыя книги и вызолоченный пенналь мой!

— „Все это хорошо,“ сказалъ шахъ, „но скажи мнѣ прямо, рѣшаешься ли ты состязаться съ Ахмедомъ.“

— „Рѣшаюсь“ — отвѣчалъ Касумъ.

— „А знаешь ли, что я поклялся гробомъ отца казнить всякаго ашича, который будетъ побѣжденъ Ахмедомъ?“ — сказалъ опять шахъ.

— „Знаю, Ваше Величество.“

— „Мнѣ жаль тебя,“ продолжалъ шахъ, „если ты не надѣнешься на себя, то откажись отъ состязанія и оставайся жить у меня, я тебя не выдамъ Али-хану.“

— „Съ помощью Бога и счастьемъ Вашего Величества я надѣюсь побѣдить врага“, сказалъ на это Касумъ.

— „Ну, если ужъ ты рѣшился, то приступи къ дѣлу; но напередъ еще разъ покажи намъ свое искусство“, сказалъ шахъ.

Касумъ влялъ саазъ и запѣлъ:

П ъ о н я 16.

„Я желаю оставить по себѣ память, чтобы тебѣ, государь мой, сталъ извѣстенъ мой умъ, — сложить въ слоги 28 буквъ таеъ, чтобы не разобрали того ни муштаидъ, ни улемы...“

Я человекъ, который можетъ создать сорокъ домовъ... Ни-

*) Т. е., готовый жертвовать жизнью своею за тебя.

когда не послушаю пустыжъ рѣчей. Когда приду въ гнѣвъ, раздавлю я и гору. Я подобенъ Черному морю.

Я сынъ Лейлы, братъ Межнуна, ровесникъ Ширина, товарищъ Фахрадъ *). Имя мое хаста-Касумъ, живу въ Тием-дашѣ. Съ отцовской стороны я царевичъ, а съ материнской изъ улемовъ.“

— „Теперь можешь вступать въ состязаніе; но въ случаѣ неудачи не жди отъ меня пощады!“ сказалъ шахъ.

Ашиви приступили къ дѣлу. Послѣ обычной хвалы шаху и его войску, Ахмедъ спросилъ Касума, кто откроетъ состязаніе; Касумъ великодушно отказался отъ первенства въ пользу своего противника, сказавъ, что привыкъ уступать преимущество своему врагу.

Ахмедъ началъ:

Пѣсня 17.

„Спрошу тебя, о дѣдушка Касумъ, какой-это городъ, который имѣетъ путь отъ земли къ престолу Божію?“

Какой-это волкъ ходитъ за овцами, но не можетъ ихъ ѣсть, такъ-какъ на то есть предопредѣленіе?“

Отвѣчалъ Касумъ:

Пѣсня 18.

„Отвѣчу тебѣ, о Ахмедъ-лезгинъ: это сердце отъ земли къ престолу Божію имѣетъ путь; это вѣрующій есть овца, а дьяволъ—волкъ, который не можетъ съѣсть овцу, ибо на то есть повелѣніе Божіе.“

Ахмедъ:

Пѣсня 19.

„Что-это существуетъ, не имѣя головы? Что-это ежегодно рождаетъ, не имѣя мужа? Что-это, имѣя крылья, не имѣетъ перьевъ? А что-это на крыльяхъ имѣетъ пятна?“

Касумъ:

*) Имена героевъ и героинь двухъ любовныхъ поэмъ.

Пѣсня 20.

„Это дождевой червь существуетъ, не имѣя головы. Деревья ежегодно рождаютъ, не имѣя мужей. Летучая мышь имѣетъ крылья, но не имѣетъ перьевъ. Это бабочка на крыльяхъ имѣетъ пятна.“

Ахмедъ:

Пѣсня 21.

„Что-это не окружается цвѣтами? Гдѣ-это ни лѣтомъ, ни зимою не таетъ снѣгъ? Что-такое заблуждается много разъ, но не погибаетъ и интригуетъ противъ людей, согласно предопредѣленію?“

Касумъ:

Пѣсня 22.

„Гора Синай не покрывается цвѣтами. Снѣгъ на Шахъ-дагѣ не таетъ ни зимою, ни лѣтомъ. Дьяволъ заблуждается много, но не погибаетъ и ведетъ интригу противъ людей, по предопредѣленію.“

Ахмедъ:

Пѣсня 23.

Что-это существуетъ, не имѣя существа (осязательнаго)? Какой-это халатъ не имѣетъ ни швовъ, ни складокъ? Что-это, не имѣя ни верблюда, ни лошади, вѣчно путешествуетъ, имѣя безконечный путь?“

Касумъ:

Пѣсня 24.

„Это тѣнь существуетъ, не имѣя существа. Кожа на тѣлѣ есть халатъ безъ швовъ и складокъ. Это солнце и луна, не имѣя ни верблюда, ни лошади, вѣчно путешествуютъ, имѣя безконечный путь“.

Ахмедъ:

Пѣсня 25.

Спрошу тебя, о дѣдушка—Касумъ, какой-это городъ

говорить? Какая-это матерія, которую не продають, чтобы можно было купить ее? Что-это размножается посредствомъ клова? Что-это въ бедрѣ имѣеть медь?

Касумъ:

Пѣсня 26.

„Отвѣчу тебѣ, о Ахмедь-лезгинъ: сердце есть городъ, который говорить. Умъ есть матерія, которую нельзя продать, чтобы купили ее. Это пчела размножается посредствомъ клова. Сахарный тростникъ имѣеть въ бедрѣ медь.“

— „Теперь очередь за тобою!“ сказала Ахмедь.

— „Нѣтъ, мы имѣемъ обычай уступать противникамъ и второй удобный случай,“ отвѣчалъ Касумъ, „предложи еще нѣсколько вопросовъ.“

Ахмедь началъ.

Пѣсня 27.

„Спрошу тебя, дѣдушка Касумъ: сколько сферъ имѣеть седьмое небо? Дай мнѣ свѣдѣнія объ источникѣ жизни, святомъ Нилѣ: сколько родниковъ у него при истокѣ, и сколько рукавовъ при устьѣ имѣеть онъ?“

Касумъ:

Пѣсня 28.

„Отвѣчу тебѣ, о Ахмедь-лезгинъ: седьмое небо имѣеть двѣнадцать сферъ. Знай,—источникъ жизни, святой Нилъ, при истокѣ имѣеть тридцать родниковъ, а при устьѣ семьдесятъ два рукава.“

Ахмедь:

Пѣсня 29.

„Какое-это море безъ волнъ мутится? Какой-это садокъ.“

никъ обходить двѣнадцать садовъ? Что-это Богомъ поливается? Что-это день и ночь спить?”

Касумъ:

ПѢСНЯ 30.

„Серце есть море, которое безъ волнъ мутится. Солнце обходить двѣнадцать садовъ *). Богомъ поливается земля.

„Камни вѣчно спать.“

Раздосадованный Ахмедъ опустилъ свой саазъ, говоря:

— „Съ меня довольно: больше не буду предлагать вопросовъ.“

— „Теперь очередь за мною,“ сказалъ на это Касумъ, „бери свой саазъ и слушай!“

Касумъ:

ПѢСНЯ 31.

„О лезгинъ, возсѣдающій на тронѣ власти! Во первыхъ, дай мнѣ знать, кто *Онъ*? Въ ночь вознесенія о чемъ слышь у престола Бога?“

Ахмедъ, не зная, что отвѣчать, опустилъ голову на грудь. Касумъ продолжалъ:

ПѢСНЯ 32.

„Кто-это открылъ златозначную и прочелъ ее? Кто-это соткалъ саванъ пророку? Это при комъ не совершали браковъ? Дай мнѣ знать объ этомъ!“

И на эти вопросы Ахмедъ не могъ отвѣчать, и Касумъ продолжалъ:

ПѢСНЯ 33.

„Кого-это увели въ городокъ, и за нимъ шло нѣсколько

*) Мѣсяцы.

его учениковъ? Касумъ сосчиталъ, и ты дай мнѣ свѣдѣніе о двадцати-восьми камняхъ *)?”

Не зная, какъ отвѣчать и на эти вопросы, Ахмедъ искалъ средства скрыться. Тогда шахъ тотчасъ отдалъ приказаніе повѣсить Ахмеда. Но за него заступился Касумъ, говоря:

— „Великій шахъ! Для него одно это униженіе хуже всякой смерти!“

Шахъ послушался Касума и приказалъ на радости освободить всѣхъ закованныхъ въ цѣпи ашиковъ.

— „Ну, шахъ-заде-Касумъ!“ обратился къ нему шахъ, „теперь проси у меня, чего хочешь, и я охотно исполню всякое твое желаніе.“

— „Если угодно будетъ тебѣ, Великій Государь,“ отвѣчалъ Касумъ, „то назначь меня правителемъ Тикмедаша, на мѣсто Али-хана.“

Шахъ приказалъ написать приказъ о назначеніи Касума правителемъ Тикмедаша, наградилъ его по-царски и приказалъ одному изъ своихъ улемовъ сопровождать его и, по пріѣздѣ въ Тикмедашъ, устроить его бракъ съ дочерью Али-хана.

Прибывъ въ Тикмедашъ, Касумъ потребовалъ къ себѣ Али-хана и для виду, якобы за понесенныя отъ него обиды, приказалъ казнить его. Сопровождавшій Касума улемъ просилъ его помиловать хана, и Касумъ простилъ его. Теперь Али-ханъ былъ радъ выдать свою дочь за правителя Тикмедаша и съ радостью приступилъ къ свадебнымъ приготовленіямъ.

Въ ночь „свиданія молодыхъ“ Мелекъ-Сима, по обычаю, должна была поцѣловать руку жениха, но она, вмѣсто этого, стала лицомъ въ уголъ и не хотѣла исполнить обряда. Какъ

*) Когда противникъ не можетъ отвѣчать на предложенные вопросы, то отвѣчаетъ ашикъ, предложившій ихъ. Но ашикъ Оруджъ, сообщившій собирателю эту сказку, заявилъ, что онъ не знаетъ отвѣтовъ на вопросы Касума.

ни умоляя Касумъ ее порадовать его хоть улыбкой, она не перемѣняла положенія. Этимъ мстила она за оскорбленіе своего отца. Чтобы добиться своего, Касумъ задумалъ возбудить въ ней ревность. У Мелекъ-Симы была служанка, по имени Санамъ, которая стояла въ то время у дверей. Вотъ Касумъ взялъ саазъ и, обращаясь, повидимому, къ этой служанкѣ, за-пѣлъ:

Пѣсня 34.

„Опять настала очередь приходить красавицамъ... Приди, сонамъ, одѣтая въ алое и зеленое платье! О, взглядомъ похожая на лань, примѣтившую охотника! О, лицомъ похожая на полную луну, обладающая родинкою на немъ! Приди, о сонамъ!

„Жертвуй жизнью для мужа!.. Побесѣдуй и повеселись на моей груди! Покажи своему возлюбленному и кокетство, и нѣгу! О сонамъ, обладающая стройнымъ станомъ и черными, какъ гиперъ, локонами, приди!...“

Санамъ рада была этому призыву и бросилась — было въ объятія Касума, но Мелекъ-Сима подбѣжала къ ней, говоря:

— „Презрѣнная рабыня! Какъ осмѣливаешься ты обнять моего мужа?“ и стала упрекать Касума въ измѣнѣ.

— „Ты сама виновата,“ возразилъ ей Касумъ, „закуталась шалью и не хочешь даже слушать меня: я пѣлъ — „сонамъ, приходи,“ а не „Санамъ, приходи *)“, говорилъ на это Касумъ, „а вотъ послушай дальше:

Пѣсня 35.

„Я, хаста-Касумъ, говорю шуткою... О, имѣющая на бѣломъ лицѣ черную родинку! О, одѣтая въ нимтене изъ золо-

*) „Санамъ“ — женское собственное имя, а „сонамъ“ значитъ, собственно, „мой селезень“, и служить для выраженія ласки, въ смыслѣ прелестной или возлюбленной.

той парчи и въ рубашку вышитую! О сонамъ, во сто рядовъ
опустившая на лицо локоны, приди ко мнѣ!“

И она бросилась обнимать обиженного ея холодностью
возлюбленного.

Записано и переведено учителемъ Кельвинскаго
земскаго училища *Махмудбековымъ* со словъ ашпеа
Оруджа, жителя сел. Тирджанъ, Шемахинскаго уѣзда.

Татарский текстъ пѣсенъ къ сказкѣ Молла-Касумъ.

Пѣсня 1.

Мән-зи вѣфа гөрмәдәм фәни дүнјадә,
ярәп, мәнәм хан-маным неңә олды?
гөзәрләри сөзләрим, хош бәјахларим,
сәрви-боилі хураманім неңә олды?
Бір гүн олур фәни дүнја башыма даралар,
жанымда мәнәм, ярәп, ким-ләр каралар?
Назыли жарымың гүл рәнгі саралар.
Ділі-шпрін хош гүфтәрым неңә олды?
Хәстә-Гасымам, вәсәлиф тәбим,
взыл гүл тәк чәкәлиф кәләбим,
рузул-кәш курәнім, взыл-цилли китабим,
үсті зәрли кәләмдәнім неңә олды?

Пѣсня 2.

Кадыр геңәсіндә бір мәтләб диләдәм,
Тәрәым еләді мөвләм маңа;
икі кимсәдән нур бәјан олды,
ашкәр гөрінди афтәб маңа,
ачылды рүзә әли, рөвшән олды.
Цам әлистәдән үкә мәнә сираб еләді,
жарымың дидари мәнә мәст еләді;
оннан енді бір хаб маңа;
сәһсануи кәлмәхдым о хаб мәстән
җәр мәтләбим вар-иды диләдәм үкәдән.
Накәһан бір сәс гәлдә җатифдән,
деди: „нә жатыфсаң?“ Бір ојан маңа!
Хәстә-Гасымам, дәст-рәс олдым,

шағымың үзүн гөрүп, кәмәр-баст блдым,
рәъ ешкәдә мән мәст олдым,
орда бәжан олды дөрт китаб маңа.

П ъ с н я 3.

Уста-сәз, бәнд гөзләриңә фидажат!
сәннән бир саз істәрәм, әмма сәз ола:
діндирәндә, әмран дінни сбилјә,
ваъши бұлбұл-таә хош авәз ола.

П ъ с н я 4.

Жамані—жаманә, јахшыні—мәрдә:
тәрифиң едәрәм һәр дүшән јердә;
данышмиүп әирі, вурмјја цәрдә,
гөзалләриң онда әшвә нәз ола.
Хәстә-Гасымам, сөз сбиләрәм мән бәжан,
нәтәр-тәр цәсәтдә дәјанмы бу цан;
гымәтны хәбәр алсаң, тамам он тумән,
на оннан артых, на-дә әз ола.

П ъ с н я 5.

Молламыз гедип хәбәрә—
јері гет башыңа дөндүгүм!
дүшәрсәң хөф хәтәрә—
јері гет, башыңа дөндүгүм!

П ъ с н я 6.

Молламыз гедиф хәбәрә—
гетмәрәм башыңа дөндүгүм!
гоі дүшүм хөф хәтәрә—
гетмәрәм башыңа дөндүгүм.

П ъ с н я 7.

Бір тәрлансан әјаиә бағды,

сінәсі жаралы, дүгүннү, даулы;
інді ғәләр вәзірің оулы:
жері ғет, башыңа дөндүгүм!

П ь с н я 8.

Бір тәрланам—әжағи баулы,
сінәм-дүр жаралы, дүгүннү, даулы;
ғәлсә, өлдүрәрам вәзірің оулы:
ғетмәрам, башыңа дөндүгүм!

П ь с н я 9.

Әрісің дауларың ғарі,
төкүлсүң чаілара, бәрі.
Сансаң Мәліг-Симанің жарі:
жері ғет, башыңа дөндүгүм!

П ь с н я 10.

Әрісің дауларың ғарі,
төкүлсүң чаілара, бәрі.
Молла-Ғасымаң—једіғәрі:
ғетмәрам, башыңа дөндүгүм!

П ь с н я 11.

Бір назәні совмішәм мәктәб-ханәдә—
җәә вәламың діл-әзбардан охурду,
әліна алмыш ешкы кітабыни;
о мәнім дәрсімі діл-әзбардан охурду.
Мән танырам јәрімі нәфәстан,
ол сәбәбдән—көңлым дүшмәз җәвәстан;
тоисы кімі садә верір кәфәстан,
булбул кімі хош гүфтардан охурду;
хәстә-Ғасымам, көмәә діләрам мөвладан,
җәмзәләрін ашівләрі алладан,
җаја еіләр, җицаб еіләр мөвладан,
ғәһ киздіндә, ғәһ ашіварда охурду.

П ь с н я 12.

Сәда дүшмүш марал тай-дүр,
ала көзлїя бах бах!
Мәсканләрі сінәм сәнәр ғылмыш,
кечүндүр нїзә бах бах!
ылал әбруә төкәр ганым,
гоша халдан кара көнлым;
җеинүп ал-гумаш жарым,
чыхыптүр тәзә, бах бах!
Гасым дејір: мәрмәр сінә,
білүл голлар, әлләр хйна,
јнца-беллі, гәрдан—міна,
бу шәһбазә бах, бах!

П ь с н я 13.

Хош гөрдүә, дәдә Гасым!
Ләбидән додах асым.
Гуртарсаң ләзгі Әһмәд әліннән,
Кедәрсәң, дәдә Гасым!

П ь с н я 14.

ләзгі-Әһмәд! далыңи даға вер!
Чох гөјәрмә, җирсыңа кадаға вер.
Гуртарсаң хәстә-Гасым әлиндән,
Бір је, беш сәдаға вер!

П ь с н я 15.

үч гүн-дүр чыхмышам о Тіәмә-дәштан,
гапыңа гәлмишәм онын әлиндән;
әјягың топраги киблә гәшдән;
сызлыјарам кәрбејән әлімдә
ваъши бұлбұл-таә, јаман ағларам.
Сінәм башыңи дүгүнләрәм, дағларам,
ләзгі кими јүз ашыкы бағларам,

ägär олса сүїанданім әлімдә.
Хәстә-Гасымам, кәсіліф табім,
кзыл гүл-тәк чәккіліф кәлабім,
цзул-кәш куранім, кзыл-цілли китабім,
үсті-зәрри кәләмданім әлімдә.

П ъ с н я 16.

Истәрәм бір шеі бунјад еіліјәм:
шәһім, саңа мәлүм олсың кәмәлім.
Ігірмі-сәккәз зәріф һуңца еіліјәм,
нә сечә мұштјід, нә білік әлім.
Мән бір зәріфәт өвләр јәрадарам,
көјәрәндә, дағ олсада, басарам;
бош гүфтарә һачах гулаҳ асарам.
Дәрјәјі кызума тір минајәм,
леіліјә фәрзәндә, маңуна кардаш,
шірінә һәмтајәм, Фәрһадә јолдаш,
Адым хәстә-Гасым, мәнзілім Тікма-даш:
Асіл еілә—хүнкәрәм, нәсіл еілә—мәһаләм.

П ъ с н я 17.

Сәннан хәбәр алым, еі дәдә Гасым!
О нә шәһәр-дүр, јердән әршә јолы вар?
О нә курт-дүр, кузулар еілә гәзәр:
курт кузујү јејә білмәз—фелі вар?

П ъ с н я 18.

Сәнә хәбәр верім, а ләзгі-Аһмәд!
кңул бір шәһәр-дүр, јердән әршә јолы вар.
Мөмін кузі-дүр, шейтан—курт;
курт кузујү јејә білмәз: фелі вар.

П ъ с н я 19.

О нә дүр-кә, өзі вар, сәрі јоҳ?

О нә дүр-кі, ілдә доғар, әрі жоҳ?
О нә дүр-кі, канады вар, пәри жоҳ?
Пәс о нә дүр-кі, канадында халы вар?

Пъсня 20.

О соғулқан-дүр—өзі вар, сәри жоҳ.
О ағач-дүр—ілдә доғар, әрі жоҳ.
Јәраса-дүр—канады вар, пәри-жоҳ.
О кәпәнәк-дүр—канадында халы вар.

Пъсня 21.

О нә дүр-кі, лалә оні бүрүмәз?
О нә дүр-кі јаз-кыш кары әримәз?
О нә дүр, чоҳ-аз хәриң еләмәз,
інсана елә фитрә гурар, фелі-вар?

Пъсня 22.

Тур-дағи-дүр—лалә оні бүрүмәз.
Шаһ-дағи-дүр—јаз-кыш кары әримәз.
О шейтан-дүр—чоҳ-аз хәриң еләмәз,
інсана елә фитрә гурар, фелі вар.

Пъсня 23.

О нә дүр-кі, өзі вар, заті жоҳ?
О нә хәләт-дүр-кі, тикіши жоҳ, каты жоҳ
О нә шей-дүр-кі, дәвәси жоҳ, аті жоҳ,
узун гедәр, бір төкүлмәз јолі вар?

Пъсня 24.

О көлгә-дүр—өзі вар, заті жоҳ.
Дәри бір хәләт-дүр—тикіши жоҳ, каты жоҳ.
О гүн, аи-дүр—дәвәси жоҳ, аті жоҳ,
узун гедәр, бір төкүлмәз јолі вар.

П ъ с н я 25.

Сәһһән хабәр алым, еі дәдә-Гасым!
О һә шәһәр-дүр, кал едәр?
Нә кумаш-дүр, сатмак олмаз, алалар?
О һә дүр-кә, димдигіндә балалар?
О һә дүр-кә, балдырында балы вар?

П ъ с н я 26.

Саңа хабәр верім, а ләзгі-Әһмәд!
көңүл бир шәһәр-дүр—кал еләр.
Ағыл бир кумаш-дүр—сатмак олмаз, алалар.
О ары-дүр—димдигіндә балалар.
Шәһәр-карысы-дүр—балдырында балы вар.

П ъ с н я 27.

Сәһһән хабәр алым, еі дәдә-Гасым!
Једімці гөјін нечә чархі вар?
Аб-җәјат-Нил мубарәкдән бир хабәр:
Башында нечә булах, әјағында нечә архі вар?

П ъ с н я 28.

Саңа хабәр верім, а ләзгі-Әһмәд!
Једімці гөјің он-икі чархі вар.
Аб-җәјат-Нил мубарәкдән бил хабәр:
Башында отуз булах, әјағында јетмш-икі архі вар.

П ъ с н я 29.

О һә дәрја-дүр, ләпә вурмаз, буланар?
О һә бағман-дүр, он-икі бағи доланар?
О һә шеі-дүр, Аллаһдан суланар?
О һә шеі-дүр-кә, геңә-гүндүз гөздәріндә јуху вар?

30 П ъ с н я.

көңүл бир дәрја-дүр—ләпә вурмаз, буланар.
О гүн-дүр—он-икі бағи доланар.

Јер үзү-дүр—Аллаһдан суланар.

О дашлар-дүр—геңә-гүндүз гөздәриндә жүху вар-

31 П ъ с н я.

Љоқумәт мәскәниндә айланан ләзги!

Аввәл маңа аман-һудән хәбәр вер.

Арш габағында меираң олан,

сөз нә кечүп гүфтијудән хәбәр вер.

32 П ъ с н я.

О ким-дүр, ачды зәрнішаны, охуду?

О ким-дүр, цеіғәмбарә кәфән тохуду?

О ким-дүр, онуң дөірундә сийгә јохуду?

Надән бәс торади адамлар, хәбәр вер!

33 П ъ с н я.

О ким-дүр, апардылар гәсаба,

Далынца гетдиләр нечә бир асаба?

Хәстә-Гасым јетішипдүр җесаба:

Сәндә хәбәр вер игрми-сәккиз дашда.

34 П ъ с н я.

Гөзәлләрә гәнә гәл-һа-гәл олды.

Аи әллі јашылли сәнам, гәл!

Овчы сәни гөрәндә, мәрал бахышлы,

үзи бүдрәнмиш, халлы сәнам, гәл!

Цаның әр јолунда пәи әндәз ейлә,

сәнам үстә сөипәт ейлә саз ейлә,

ашыкыңа ашвә ейлә наз ейлә,

инчә-белли, пија-телли сәнам, гәл!

35 П ъ с н я.

Хәстә-Гасымам, бир сөз дејәрәм җанәкәли,

аг үзундә халының бәнәкәли.

Нимтәнә гыли, кзыл парчалә,

јүз-топ бирчәкәли Сонам, гәл!

Б. ПОСЛОВИЦЫ и ПОГОВОРКИ.

1. Собака лаетъ, — караванъ проходитъ *).

2. Собака спитъ въ тѣни телѣ-ги и думаетъ, что это ея тѣнь **).

3. Собачья вишка масла не принимаетъ ***).

4. Собака сабаку не ѣстъ.

5. Собаку потокъ не унесетъ.

6. Что такое сама собака, чтобы шерсть ея стояла чего-нибудь.

7. Зубы собачьи, — кожа свиная.

8. На другихъ лаетъ собака, а на насъ мазандаранскій шакаль.

9. Смерть лошади — праздникъ собакѣ.

10. Не обращаютъ вниманія на зубы лошади, подаренной бекомъ ****).

11. Кто сядетъ на чужую лошадь, тотъ скоро останется пѣшимъ.

12. Лошадь-„пешенкъ“ *****) впоследствии будетъ носить мѣшки.

1. Ит ъу^ра^р к^арван кеч^ар.

2. Ит араба к^ол^лг^ас^инд^а жатар, ел^а б^ил^ар ^оз к^ол^лг^ас^ид^и.

3. Ит гурса^зы жа^з г^от^ур^маз.

4. Ит ит^и жем^аз.

5. Ит сел^а апарма^з.

6. Ит на^ди-к^и т^ук^у на ола.

7. Ит^иц д^иш^идо, — уз^уц д^ар^ис^и.

8. Оз^га^лара ит х^ур^ар, биз^а мазандаран чаквалы.

9. Ат^ыц ол^ма^ги — ит^иц баирамыды.

10. Ба^и вер^ан а^тыц д^иш^ин^а бахмаздар.

11. Оз^га а^тына м^ин^ан т^ез д^уш^ар.

12. П^аш^ан^гиц ахыры торба-веш олар.

*) См. „Сборн. мат.“ Вып. I, о. 2, стр. 48, № 75.

***) Ср. Вып. XVIII, о. 2, стр. 62, № 15.

****) См. „Сборн.“ Вып. I, о. 2, стр. 48, № 76.

*****) Ср. ib. № 59.

*****) Пешенкъ — красивая, быстрая лошадь въ дорогой сбруѣ, которая идетъ впереди каравана

13. Сядь на осла, пока найдешь лошадь.

14. Осель может ли понять, что такое шафранъ?!
15. Ослу нравится его ревъ.

16. Ослу свазали „покажи свою вѣжливость!“ а онъ вывалялся въ золѣ.

17. Садитесь на осла уже срамъ, а слѣзать съ осла—вдвое.

18. Самъ осель, а попона бархатная!

19. Свинья, которая забралась въ просо, должна принимать и вилы (удары вилъ).

20. Волку какое дѣло до того, что мулъ дорого стоитъ?!

21. Имя волку—„сѣлъ“, все равно,—сѣлъ ли онъ или нѣтъ.

22. Состарѣвъ шійся волеъ дѣлается посмѣшищемъ собаки.

23. Имя волка осрамлено, но бываетъ и такой шакаль, который животъ распоретъ.

24. Лѣсъ не безъ шакала.

25. Кожа и издохшаго верблюда—ноша для осла *).

26. Ищеть издохшаго осла, чтобы подковы снять.

27. Овцу сосчитаютъ съ овцами, а козу съ козами.

13. Ешшагі мин ата чатынчан.

14. Ешшаг на білір зафран наді.

15. Ешшага ангирдызы хощагалар.

16. Ешшага дедлар марифатиги горсат, жыхылды кула ағнады.

17. Ешшагі минмае бир ејиб, душмае iki ејиб.

18. Озу ешша, чулу махмар!

19. Дарыжа гиран доггуз жабаны озунга габул еилар.

20. Курд на білір гагыр бадыды?!

21. Курдуң ады „једі,“—јесадә, јемасадә.

22. Курд карыјанда кәпагиги гулуңу олар.

23. Курдуң ады баднамлы, чаккал вар гөдан јыртар.

24. Мешә чаккалсыз олмас.

25. Олмуш даваниң дариси—дә ешшага јуедур.

26. Олмуш ешшаги ахтарыр налыны чхатмра.

27. Гојуну гојун ајагынан саналлар, кечиги кечиге ајагындан.

*) Ср. Вып. XVIII, о. 2, стр. 64, № 31.

28. Если козу не тронетъ
волеъ, то она и въ Мекку пойдетъ.

29. Гдѣ коза? Гдѣ скала **)?

30. Если пастухъ захочетъ,
можетъ и отъ одной овцы сыръ
приготовить.

31. Самый большой быкъ
остался въ хлѣбѣ.

32. Если сосѣду не поже-
лаешь двухъ воловъ, то у тебя
не будетъ и одного.

33. Если у тебя два вола, то
дѣло твое ладно; но если одинъ
волеъ, то дѣло твое северно.

34. Смотрить такъ, какъ
верблюды на подковщика.

35. Дочь будетъ ходить по
вѣткамъ того дерева, на кото-
рое возбралась мать.

36. Посмотри на мать, по-
томъ женись на дочери; посмо-
три на край, потомъ купи бязь.
(Какова мать, такова и дочь.
Каковъ край матеріи, такова и
вся матерія).

37. Когда сидитъ дома,—
младшая дочь, а когда нужно
выходитъ замужъ,—старшая.

38. Когда съ домѣ двѣ жен-
щины, то онъ останется не под-
метеннымъ.

28. Курд кечія дѣимасъ,
Маккіја гедар *).

29. Кечи џајанда? гаја џајанда?

30. Чобаның кѳоңлы олса тѣй-
дѣн-дѣ пендир тутар.

31. Окүзүң бѳүгү пайада га-
лыф.

32. Гоңшуну ики-окүздү иста-
масан, өзүн бир-окүздү олмассан.

33. Окүзүң пүтды—ипиң бит-
ди; окүзүң тайды—ипиң заиды.

34. Дѣвѣ налбандѣ бахан ки-
ми бахыр.

35. Анасы чыхан аҗацы кызы
бутаҗ-бутаҗ гѣзѣр.

36. Анасына бах, кызыны ал;
графына бах, безини ал.

37. Евдѣ отуранда кичик кыз,
ѣрѣ гедѣндѣ бѳүкѣ кыз.

38. Евдѣ ики арвад оландѣ,
ев сүпрулмамши галар.

*) Ср. ib. стр. 62, № 11.

**) Говорится, когда кто-нибудь отпирается отъ совершеннаго имъ дѣла.

39. Женщину сохранить мужъ, а сыръ—моталь *).

40. Кто имѣеть кунакомъ бека, тотъ долженъ имѣть широкія ворота.

41. Сытая собака лучше голоднаго бека.

42. Бекство (господство) одного дня—тоже бекство.

43. Бекство перепела до тѣхъ поръ, пока не съжато просо.

44. Какое понятіе можетъ имѣть сытый о голодномъ?!

45. Сытый думаетъ, что всѣ сыты, голодный,—что всѣ голодны.

46. Отъ богатаго—прибыль, а отъ неспособнаго къ работѣ убытокъ.

47. Богатому поддакиваютъ, а бѣдному говорятъ „дуракъ“ **).

48. Посмотри,—не можетъ ударить, а за самый большой камень хватается.

49. Покупай у своихъ воротъ и продавай у своихъ воротъ.

39. Арвады әрі сахлар, пендірі дәрі.

40. Бәйнән гонах оланын дарвазасы ген гәрәк.

41. Тох ит аң бәйдән јахшыды.

42. Бір гүнүн бәлігі-дә бәлігі.

43. Билдірчинің бәлігі дары солұңцанды.

44. Тохун аңдан нә хәбәрі.

45. Аң елә биләр һамы аңды, тох елә биләр һамы тохды.

46. Дөвләттідән хеір, вјордан мазарат.

47. Дөвләттіә бәлі дјәлләр, вјасыба-дәлі.

48. Вурмадына бах, дашың бөјүгүн тапыр.

49. Гапыңда ад, гапыңда сат.

*) „Моталь“—снятая цѣликомъ шкура, въ которую, какъ въ мѣшокъ, складывается сыръ.

**) Ср. Сб., вып. I, о. 2 стр. 51, № 103.

50. И шахъ знаетъ, что ширванцы сунниты *).	50. Шахда бiлiр Ширван суннуду.
51. Чѣмъ просить у 12 имамовъ, лучше попросить у единого Бога.	51. Он-икi имама жалварынцан, бир Аллажа жалвар.
52. Съѣлъ всѣхъ 12 имамовъ, а ждетъ Ахираззамана **).	52. Он-икi имамы жејуб, гозуну Ахираззамана тiкiб.
53. Что будешь крошить въ миску, то и будетъ у тебя въ ложкѣ.	53. На добрасаң чанагы, о чыхар гашыгы.
54. Имѣй дармоѣда, да не имѣй хулителя.	54. Пис јиланың олсун, пис дејиң олмасың.
55. Или на голову богатство, или на трупъ воронъ (Панъ или пропанъ).	55. Ја дбблът башы, ја гузгуң лешә.
56. Умъ не въ лѣтахъ, а въ головѣ.	56. Ағыл јашда дәгiл, башдады.
57. Дураку каждый день праздникъ.	57. Дәлијә зәр гүн баирамды.
58. Навостри дурака и дай въ руви заступъ (онъ все сдѣлаетъ).	58. Дәлијә јел вер, әлиһә бел.
59. Спроси у дурака истину!	59. Дәлидән добру хәбәр!
60. Дуракъ любитъ красное.	60. Дәли кырмазы сөвәр.
61. Люди сходятъ съ ума и идутъ къ моллѣ (лѣчится его молитвою); а если молла сойдетъ съ ума, къ кому пойдетъ?	61. Ел дәли олса, моллијә гедәр, молла дәли олса, кима гедәр.

*) Вѣроятно пословица сложилось тогда, когда, по повелѣнiю шаховъ, обращали закавказскихъ суннитовъ въ шитскiй толкъ. Ширванцы, опираясь на Дагестанъ, отстояли свое учение. Видя ихъ упорство, шахи оставили ихъ въ покоѣ. Теперь въ Ширванѣ уѣзды Шемахинскiй, Геокчайскiй и Сальянскiй имѣютъ шитовъ довольно много, а въ Шемахѣ, прежней резиденцiи Ширвана, шитовъ вдвое больше суннитовъ.

***) Ахираззаманъ—12-й имамъ у шитовъ; отъ преслѣдованiй враговъ онъ скрылся неизвестно куда и придетъ во время второго пришествiя Иисуса Христа.

62. Дуракъ бросилъ въ яму камень, а десять умныхъ не могли его оттуда достать.

63. Если земля безъ владѣтеля, то свинья заберется на холмъ.

64. Долина безлюдна—лиса госпожа *).

65. Гдѣ нѣтъ овецъ, тамъ возу назовутъ Керемединъ-ага.

66. На чужбинѣ франти, а въ ряду мѣдниковъ кричи.

67. Кошка не можетъ достать мяса и говоритъ: „вонючее“.

68. Дома—пѣтухъ, а на дворѣ—курица.

69. Собаки подрались, а нищій воспользовался случаемъ.

70. Мяса не ѣсть, а въ бульонѣ хлѣбъ крошить.

71. Дешевое мясо не дастъ навара бульону**).

72. Дороже дешеваго нѣтъ.***)

73. Ворона! у меня есть орѣхи****).

74. Кто привяжетъ чужого теленка, у того веревка останется на рукахъ*****).

62. Бір дәлі гујуја бір даш атды, он абыллы ону чыхарда билмади.

63. Јер јіјәсіз галанда донгуз тәшпјә чыхар.

64. Дәрә хәлвәт—тулөү баг.

65. Гојун олмијан јердә ке-чпјә кәрәмәдин-ага дејәлләр.

66. Гаріблөвдә саллан, міс-кәр базарда кышыыр.

67. Нишпөгн әли әтә чатмаз, дејәр иләнмишди.

68. Евнц хорuzu бајарың тојуузу.

69. Ит итінән далашды, јолчу-нуң јолу раст дүшдү.

70. Ати јемәз, сујуна ашпәк добурујур.

71. Уцуз әтиң шорбасы олмаз.

72. Уцуздаң база јохдур.

73. Карга! мәндә гоз вар.

74. Özgә данасыны баглыја-ның чатысы әлиндә галар.

*) Ср. Сбор., вып. XVIII, о. 2, стр. 66, № 30.

**) Ср. Сбор., вып. I, о. 2 стр., 45, № 25.

***) См. тамъ же, № 26.

****) Говорится о тѣхъ, которые сами выдаютъ себя. Есть народное повѣрье у татаръ, что орѣховыя деревья бывають посажены воронами.

*****) Кто присвоитъ чужую собственность, тотъ скоро лишится ея.

75. Упала чашка (мѣдная),
значить зазвенѣла.

76. О горы, я на васъ на-
дѣялся, а вы покрылись снѣгомъ!

77. Само дерево горько, а
сливы сладки.

78. Пока въ саду были аб-
рикосы *), былъ и „саламъ-алей-
кумъ“; кончились абрикосы,
кончился и „саламъ-алейкумъ“.

79. Что у верблюда прямо,
чтобы и шея была пряма?!

80. Голодный животъ—спо-
койныя уши.

81. Въ домѣ не имѣеть и
горсти муки, а думаетъ быть
„даргою“**).

82. Надзиратель надъ гото-
вымъ и надсмотрщикъ надъ
свареннымъ мясомъ.

83. Если старшина я, такъ
очередь за тобою.

84. На мельницѣ я не имѣю
помолу, такъ изъ-за „шагада“ за-
чѣмъ мнѣ головой рисковать ***).

85. Пусть луна будетъ со
мною дружна, а звѣздамъ—
пальцы въ глаза!

75. Кјаса дүшдү, ја чингил-
дәди.

76. Саңа гөјәндјјим, дағлар,
саңада гар јағды!

77. Азаңы аңы, дамбулу
шјрин.

78. Бағда әрiк вәрды, сәлам-
әлеiк вәрды; бағдан әрiк гур-
тарды, сәлам-әлеiк гуртарды.

79. Дәвәниң наји дүздү-кi
боиу-да дүз ола.

80. Аң гарным дiң гула-
бым.

81. Евiндә жоғ урвалых кiоң-
лыннан кечәр дарғалых.

82. Їазырың назыры, бiшмiш
әтиң дарғасы.

83. Кјоха мәнәм—нобат сән-
дәди.

84. Дәирманда дәнiм жоғ,
шағад үстә башымы нiјә жары
рсан.

85. Аi мәнән олсун, улдй-
зын гөзүнә бармагым.

*) Пока были въ саду фрукты, друзья навѣщали садовника; кончились плоды,
и знакомые перестали навѣщать.

**) „Дарга“—производящій ночной обходъ на базарѣ или управляющій бек-
скими имѣнiями.

***) „Шагада“—нѣкоторая часть хлѣба, обыкновенно $\frac{1}{20}$, которую берутъ на
мельницѣ за помолъ.

86. Пусть будутъ прокляты
какъ бѣлая змѣя, такъ и чер-
ная змѣя!

87. Если найденное будетъ
принадлежать нашедшему, такъ
на поляхъ пастухъ можетъ сдѣ-
латься бекомъ.

88. Врагъ на ноги посмот-
рить, а другъ на голову.

89. У каждаго ашика свой
зѣбъ.

90. Ашикъ поетъ о томъ,
что видѣлъ.

91. Когда ашику не очемъ
говорить, то будетъ взывать:
„о моя возлюбленная!“

92. Кто въ шестьдесятъ лѣтъ
начнетъ учиться играть на зур-
нѣ, тотъ въ гробу будетъ играть.

93. Глаза не видятъ,—лицо
не стыдится *).

94. Если слѣпой слѣпного не
назоветъ слѣпымъ, то у слѣпо-
го печень разорвется.

95. Слепой не скажетъ то-
го, что видѣлъ, а глухой—того,
что слышалъ.

96. Кто на глазахъ, тотъ и
въ сердцѣ.

97. Кто съ глазъ долой, тотъ
изъ сердца вонъ.

86. Иланың ағычада ланат,
карасынада.

87. Тапан тапаның олса,
чолдда чобан бади.

88. Дост баша бахар, дүш-
ман ајага.

89. Ыар ашыгың бир довра-
ны вар.

90. Ашыг гөрдүгүн чагырар.

91. Ашыгың сөзү гутаранда
„јарам, јарам“ чагырар.

92. Алтмышда зурна бргәнән,
габирда чалар.

93. Гөз гөрмәз,—үз утанмаз.

94. Кјор кјора кјор демәсә,
кјорун баҗры чаттар.

95. Кјор гөрдүгүнү демәз,
ешит дигини.

96. Гөздә олан, көјүлдә
олар.

97. Гөздән іраг олан, көјүл-
дәндә іраг олар.

*) Говорится тѣмъ, которые за глаза хулятъ человѣка.

98. Кто увидѣлъ луну? Слѣ-
пой Хачатуръ *).

99. Рабъ, господинъ котораго
въ силѣ, будетъ возмутителемъ.

100. Отъ одной руки хлоп-
ка не будетъ **).

101. Въ паласъ завернись,
да за обществомъ волочись.

102. Скажи „Алахъ-эберъ“
вмѣстѣ съ обществомъ.

103. Кто отстанетъ отъ ря-
ду, тотъ опаршивѣетъ.

104. Видишь, — въ городѣ всѣ
пучеглазые, — и ты будь пуче-
глазымъ.

105. Паршивый ѣстъ халву
на свои деньги.

106. У мусульманина зад-
ній умъ.

107. Дѣти, въ адъ! Какъ-то
поживаетъ скотъ? ***)

108. „Кѳсу“ ****) можно об-
манывать только послѣ захода
солнца.

98. Ајі ким гѳрдѳ? ѳјор Ха-
чадур.

99. Агасы гѳцдѳ оланнѳ
гулу ѳсы олар.

100. Таѳ ѳлдѳн сѳс чыхмаз.

101. Палаза бѳрѳн, елінан
сѳрѳн.

102. Елінан Аллаѳ-ѳкѳбар.

103. Цѳргѳдѳн галан кѳчѳл
олар.

104. Шаѳари гѳрдѳн гѳзѳ-вы-
шыѳ, сѳндѳ ол гѳзѳ кышыѳ.

105. Кечѳл ѳалва јеѳр, пу-
луна міннѳт.

106 Мусурман соңгы аѳыл-
лы.

107. Ушарлар цѳѳѳннѳм, мал
гаранчадыр.

108. Кѳсаны гѳн батанна
соңра аллатмак олу.

*) Мусульмане очень интересуются первым числомъ мѣсяца рамазана, когда нужно поститься, и первымъ числомъ шевала, когда нужно праздновать Орудъ-байрамъ. Если появленіе новой луны этихъ мѣсяцевъ не всѣми было видѣно, то принимается и свидѣтельство двухъ правовѣрныхъ, извѣстныхъ своимъ благочестіемъ. Но свидѣтельство другихъ лицъ не можетъ быть принято въ расчетъ. Если не принимается свидѣтельство зрячаго, то какъ принять свидѣтельство слѣпого Хачатура?

***) Ср. Сбор., в. XVIII, о. II, стр. 63, № 24.

****) Говорится о тѣхъ, которые богатство любятъ больше своихъ дѣтей.

*****) „Кѳса“ — человекъ, у котораго рѣдкіе волосы въ бородѣ; такіе считаются хитрецами, вѣдунами.

109. Безбородый отправился за бородою, и усы свои потерялъ.

110. Если каждый дастъ безбородому по волоску, то и у него будетъ борода*).

111. Прежде, чѣмъ въ путь, — спутникъ, прежде, чѣмъ дома, — братъ.

112. Сосѣди должны быть равны между собою, а не то отдалятся другъ отъ друга.

113. Путникъ долженъ быть въ дорогѣ.

114. Сталъ спутникомъ сабаки, такъ невыпускай камня изъ руки.

115. Кто въ адъ пойдетъ, тотъ захочетъ имѣть много спутниковъ.

116. Что убито, то вонъ изъ войска; что пройдено, то отъ дороги прочь **).

117. Мельница мелеть по очереди.

118. Не подчиняется ни шаху, ни худвару ***).

119. И шахъ можетъ имѣть нужду въ приближенныхъ ****).

109. Кјоса саккал гѣтүрмѣгѣ гетмишди, бузунда үстѣликъ гоидуд.

110. Кјосуја зѣрѣ бир түйе версѣ, кјосада саккаллы олар.

111. Јолдан ирѣли јолдаш, евдѣн ирѣли гардаш.

112. Гоншу гоншуинан тѣн гѣрѣкѣ тѣн олмаса гѣн гѣрѣкѣ.

113. Јолчу јолда гѣрѣкѣ.

114. Гѣтинѣн јолдаш олдун, дашы ѣлдѣн бурахма.

115. Цѣзѣннѣмѣ гѣдѣн јолдашпыны чох истѣр.

116. Грылан гошуннанды, гѣдѣлѣн јолдан.

117. Дѣирман нобатѣннан ишлѣр.

118. Нѣ шаза бахыр, нѣ хуткѣрѣ.

119. Шазында карачѣја иши дүшѣр.

*) Ср. Сб. в. XVIII, о. 2 стр. 63, № 19.

**) Сообразно количеству убитыхъ войско уменьшается, а соответственно пройденному разстоянiю — дорога.

***) „Худваръ“ — турецкiй султанъ.

****) Можно также перевести: „въ цыганѣ“.

120. Если одна сторона вьюка не пертянетъ, то камень не попадетъ на чужбину *).

121. Кто рано встаетъ, и кто рано женился, тѣ не будутъ раскалываться.

122. Кто на Куру глядитъ, у того ума нѣтъ.

123. Кто глядитъ на черное, у того ума мало **).

124. Кто въ ожиданіи, тому бесѣда не въ прокъ.

125. У другихъ и имѣніе, и богатство, а у насъ только „Кенбаръ“ ***).

126. Узнай я, что дѣдушка умретъ, я продалъ бы его за столько проса, сколько могло помѣститься въ его ухѣ.

127. Кому везетъ въ началѣ, а кому въ концѣ.

128. Чѣмъ имѣтъ счастливое начало, лучше имѣтъ счастливый конецъ.

139. Не просѣваль муки и не мѣсилъ, а нашель готовый колдобокъ.

120. Tai aimäsä, daš garib-
lijä düşmäz.

121. Tez durannan tez övlä-
nän peşiman olmazdar.

122. Kürä баханың ағлы ол-
маз.

123. Карија баханың ағлы
аз олар.

124. Intjara сөибәт җарам-
ды.

125. Өзгәнің малы мүлкү,
бізімдә кәнбәріміз.

126. Билсәм бабам олағай,
гулағы долусу дарыја сатар-
дым.

127. Кімінің әввәлі, кімінің
ахры.

128. Кімінің әввәлі олунқан,
ахры олсун.

129. Нә әкдәм, нә бичдәм,
җазырца көбә тапдым.

*) Вьюки правой и левой стороны, при неравенствѣ ихъ вѣса, уравниваютъ, прибавляя въ болѣе легкой камни, которые бросаютъ потомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ развьючиваютъ. Ср. Сбор. в. I, о. 2, стр. 48, № 62.

**) „Черное“ — писанное.

***) „Кенбаръ“ былъ рабъ Алія, 4-го халифа. Онъ былъ очень преданъ своему господину. Отсюда, слово Кенбаръ обозначаетъ, вообще, преданнаго раба.

130. Когда пахали не былъ и когда жали тоже не былъ, а жавъ начали ѣсть, то сталъ братомъ-соучастникомъ.

131. За мясо не платить, а хватается за самый большой кусокъ мяса.

132. Красота мельницы — жѣпки да „дагары“ *).

133. Одно дѣло отероетъ другое.

134. На что мнѣ золотой тазъ, если я въ него буду харкать кровью.

135. Со скорлупы яйца стрижетъ шерсть **).

136. Пику не спрячешь въ карманъ ***).

137. Въ своемъ глазу не примѣчаетъ бревна, а у другихъ на волосокъ указываетъ.

138. Слѣпому все равно: здѣсь-ли, или въ Багдадѣ.

139. Здѣсь — я, а въ Багдадѣ — слѣпой халифъ.

140. Кто любитъ пчелу, долженъ любить и бѣду (ужаленіе пчелы).

141. Пожелалъ меда, а попалъ въ бѣду.

130. Аѣкандѣ јох, бичандѣ јох, јејлѣндѣ ортах гардаш.

131. Аѣта пул вермѣз, кѣфтѣ-нѣ бѣјгѣндѣн јапшыыр.

132. Дѣирманнѣ јарашыҕы торба-даҕарҕыхды.

133. Иш ишѣ гѣрсѣдѣр.

134. Неінірѣм кзыл теҕтѣ-кѣ, ічѣнѣ ган гусарам.

135. Јумуртадан јун гыр-хыр.

136. Цѣданы цѣбдѣ гѣздѣтмѣг олмаз.

137. Оз гѣзѣндѣ тѣрѣ гѣрмѣз, озгѣ гѣзѣндѣ деір-гыла бах.

138. Кјор бурда ја Багдад-дѣ.

139. Бурда мѣнѣм, Багдад-дѣ — кјор хѣлѣфѣ.

140. Бал істѣјѣн баласында гѣрѣѣ істѣсѣн.

141. Бал істѣдѣн, балкѣја дѣшдѣн.

*) „Дагаръ“ — жѣшокъ изъ цѣльной бараньей шкуры.

**) Равносильна русской: „на обухъ розъ молотить“.

***) См. Сб. вып. XVIII, о. 2, стр. 64, № 29.

142. И медь пусть твой бу-
детъ, и бѣда тоже.

143. Кто будетъ продавать
медь, тотъ будетъ облизывать
свои пальцы.

144. „Кунакъ“ *) не полю-
бить „кунака“, а домохозяинъ
обоихъ.

145. Кунакъ здѣсь и въ
этомъ году, и весь будущій годъ.

146. Кунакъ—соволь домо-
хозяина,—гдѣ захочетъ, тамъ и
привяжетъ его.

147. Слѣпой найдетъ слѣ-
пого, какъ вода яму.

148. Спутникъ отправляю-
щемуся и братъ прибывающему.

149. Все, что зарабатываетъ
баядерва, она израсходуетъ на
бѣлила и румяна.

150. Если вода будетъ стоять
на одномъ мѣстѣ, то загниетъ.

151. Все равно: околѣла ры-
ба, или вышла изъ воды.

152. Все равно: убить чере-
паху, или опрокинуть на спину.

153. Черепаха и сама не мо-
жетъ ходить, а еще и домъ
свой на спину беретъ.

154. Черепаха вытѣзла изъ
своей брони, и броня ей не
понравилась.

142. Балыда сәнин, бала-
сыда.

143. Бал сатан бармах
јалар.

144. Гонаф гонафы сәимәз, ев
јіјәсі җәр-ікәсің.

145. Гонаф бу ілдә бурдады,
јынғы ілдә сәр-бә-сәр.

146. Гонаф ев јіјәсінің тәр-
ланыды: җарда істәр, орда бағ-
лар.

147. Кјор кјору тәнар, су
чухуру.

148. Гедәнә јолдаш, гәләнә
гардаш.

149. Чәнгінің газандыгы,
әнніңә кіршана гедәр.

150. Су бір јердә дурса,
іләнәр.

151. Балых судан чыхды-ја
бәдү.

152. Тсбаганы ја бәдүр, ја
архасі устә чөјүр.

153. Тсбага өзү јеріјә білмәз,
дамыны дагына гөтүрүр.

154. Тсбага гымыннан чыхды,
гымыны бајәнмәді.

*) „Кунакъ“—гость.

155. Изъ подъ дождя да въ ненастьѣ.

156. Изъ пожара да въ пламя.

157. Мокрый не боится дождя.

158. Миѣ Аравь по волѣно, а Кура до пятокъ.

159. Душепригващигъ „канкана“ — золотой быкъ *).

160. Тайно оплодотворившаяся корова явно будетъ родить.

161. Кувшинъ, въ которомъ носятъ воду, и разобьется въ водѣ.

162. Намѣревающійся ударить не спроситъ про дядю.

163. Какъ твое имя? „Решидъ“! Сважи: „душа моя“ и услышишь: „душа моя.“

164. У длиннаго человѣка умъ бываетъ въ пятѣхъ.

165. Длинный - предлинный, не совершающій намаза, не годенъ ни къ добру, ни къ злу.

166. Сосѣдъ, сосѣдъ! давай подеремся **).

167. Хлѣбъ сосѣда — сосѣду долтъ.

155. Жагышдан чыхдым жагымыра дүшдүм.

156. Жашыдан чыхдым жалова дүшдүм.

157. Јстанмышың жагышдан нә баки.

158. Араз ашыгымдан, кўр топугумнан.

159. Кжанејаның вәсјәддәри кызыл өбүздү.

160. Гиздндә зүмрә дүгә, әшкәрә доғар.

161. Су сәәнги суда сынар.

162. Вуран игид даисыннан сорушмаз.

163. Адын нәди? — „Рәшид“. Цан-де, цан јешид.

164. Узун адамың агылы топуғундады.

165. Узун-дираз биһнамаз хеирә шәрә јарамаз.

166. Гоншу, гоншу! гәл саваша.

167. Гоншунуң чбраги гоншуја борцду.

*) „Канканъ“ — тотъ, кто исполняетъ земляныя работы на глубинѣ. По вѣрованіи татаръ, земля стоитъ на золотомъ быкѣ.

***) Говорится о тѣхъ, которые ищутъ ссоры.

168. Кто на сосѣда понадѣ-
ялся, тотъ будетъ спать безъ
ужина.

169. Отъ сосѣдской свѣчи
свѣтло не будетъ.

170. Если сосѣдъ твой плохъ,
то переселись; если зубы бо-
лятъ, — выдерни; — голова бо-
литъ, — помирай тогда.

171. Не всѣ пять пальцевъ
одинаковой величины.

172. Выпускаетъ кровь от-
туда, гдѣ вовсе не чешется.

173. Кровь, второя долж-
на вытечь, не останется въ жи-
лахъ.

174. Дьяволь — одно, а
„джинъ“ — другое *).

175. Даетъ хлѣбъ хлѣбнику,
прибавъ еще лишній хлѣбъ.

176. Если не ѣсть, то хватить.

177. Лаетъ да не кусаетъ.

178. Портному сказали: „пе-
рекочуй“, а онъ иглу заткнулъ
въ воротникъ, а ножницы — за
поясъ.

179. Текучая вода сама най-
детъ дорогу.

180. Если по канавѣ разъ
потекла вода, можно надѣяться,
что и въ другой разъ потечетъ.

168. Гоншуја умуд олан
шамсыз ѱатар.

169. Гоншунун шамынан
іпых олмаз.

170. Гоншун пісді, кѳч гутар,
дішін арыр, чѳк гутар; башын
арыр, ѳл гутар.

171. Беш бармагың бешідѳ
бір тѳндѳ дѳгѳл.

172. Геірішміјѳн јердѳн ган
чыхардыр.

173. Чыхан ган дамарда
дурмаз.

174. Шеітан башга, цін
башга.

175. Чѳрѳі чѳрѳѳчѳя вер, бір
чѳрѳѳдѳ ұста.

176. Јемѳсѳ, јетѳр.

177. Ѓѳрѳр, тутмаз.

178. Дѳрѳіјѳ кѳч деілѳр,
ігнѳсін јѳхѳсына санчды, гѳчѳ-
сын беліна.

180. Аѳан су јолы тапар.

180. Арха су гѳлѳб, ѳмѳд
вар — бірдѳ гѳлѳр.

*) „Джинъ“ — существо, созданное изъ огня. Онъ способенъ принимать всевоз-
можные образы.

181. Лжець обманеть жаднаго.

182. У лжеца и домъ стогрѣль, да нието не повѣрилъ.

183. Тошему и одинъ батманъ—ноша *).

184. Ни на дворѣ не лаетъ, ни за стадомъ не идетъ.

185. По каплѣ соберется,—озеро будетъ; а будешь постоянно пробовать,—уничтожится.

186. По ложкѣ собиралъ, а по „чомчѣ“ разливалъ **).

187. Держащій чомчу на нашей сторонѣ.

188. У шапошника шапки не бываетъ, а у портного—чухи.

189. Коль скоро сталь мельникомъ, такъ вричи: „у кого помоль?“

190. Мельница работает своимъ порядкомъ, а „чахъ-чахъ“ напрасно себя мучить ***).

191. Изъ каждаго озера по лягушкѣ.

192. Твой расчетъ пусть останется,—посмотри, какъ разочла судьба.

181. Тамаѳкјары јаланчы алладар.

182. Јаланчының еві од туду, јанды, ѳеч кѣм інамады.

183. Арыга батманда јуѳдѳ.

184. На гојуна гѳдѳр, на гапыда јурур.

185. Дама-дама гѳл олар, дада-дада ѳеч.

186. Гапых-гапых јыгдым, чѳмчеінан даѳытдым.

187. Чѳмча тутан бізѳ са-рыды.

188. Папахчының папаѳы олмаз, чуѳачының чуѳасы.

189. Чунѳу олдун дѳірманчы, чагыр гѳлсѳн дан ѳараі.

190. Дѳірман ѳз ішін ішдѳр, чаѳгчаѳ баш агрыдар.

191. Ѓар гѳлдан бір гурбаѳа.

192. Цѳд чарых јыртар, іш одур ѳѳкѳ вар.

*) „Батманъ“—20 фунтамъ.

**) „Чомча“—большая разливная ложка.

***) „Чахъ-чахъ“—маленькая лопаточка, которая постоянно ударяется о жерновъ мельницы и постукиваетъ. Ср. Сбор. в. 1, о. 2, стр. 48, № 70.

193. Сперва привяжи верблюда хорошенко, потомъ поручай Богу.

194. Дѣятельность отъ меня, а благословеніе отъ Тебя.

195. Слепому желательно имѣть два глаза, хоть бы одинъ былъ прямой, а другой—косой.

196. Мужъ съ женою подрались, а глупцы повѣрили.

197. Ссора супруговъ—лѣтній дождь.

198. Изъ дерева не будетъ „тендира“*), а изъ курда не выйдетъ святого.

199. Если святой—мой, такъ я знаю его чудеса.

200. Кто не почититъ учителя своего, у того изъ глазъ кровь потечетъ.

201. Завистникъ бываетъ трусливъ.

202. Вороватая сабака бываетъ труслива.

203. Съ верблюда слѣзь, а качаться не пересталь.

204. Голодъ плясать научить.

205. Голодная курица во снѣ увидитъ просо.

206. У голоднаго въ кушагѣ хлѣба не сбережется.

193. Ävväl däväni usarla, soçra çakkä ismarla.

194. Çarâkät mänän, bärâkät sännän.

195. Kçor nä istâr? iki çöz-biri äiri, biri-düz.

196. Är arvad savaçdy, äbläçär inanady.

207. Jai çününç jagyşy—är arvad savaçy.

198. Nä açaçdan tändir, nä ürtçän övläja.

199. Piç mänimsä, çärämätini män biläram.

200. Ustaçyna çäm baçanyç çözinnän çan çamar.

201. Çain çäçli olar.

202. Oçru it çäçli olar.

203. Dävädän düşüb, çöt-çötünän düşmüç.

204. Açlyx oçun öçgäçär.

205. Aç toçux çuçusunda çary çöçär.

206. Açnyç çurşaçynda älpäç çurmas.

*) „Тендирь“—туземный очагъ.

207. Голодный хватается за мечь.

208. Воръ думаетъ, что всё воры, а честный, — что всё честны.

209. Какъ мы стали ворами, такъ и луна свѣтитъ стала.

210. Будь и воромъ, да со-вѣсть сохрани.

211. Воръ тужить объ оставленномъ, хозяинъ—объ унесенномъ.

212. Чего не унесъ воръ, унесетъ „раммалъ“ *).

213. Имущество вора вору дозволено.

214. Лошадь принадлежитъ тому, кто ѣздитъ на ней.

215. Мечеть еще не достроилась, а слѣпой уже на палку свою опирается **).

216. Кислое молоко процѣдить, останется „шоръ“. А если процѣдить „айранъ“ ***), что останется?

217. Мальчику вается, что сильнѣе его отца никого нѣтъ.

218. Волосатый „моталъ“ лучше сохранить сыръ.

219. Когда деньги въ карманѣ, тогда и умъ въ головѣ.

207. Ац глыца чапар.

208. Огру елѣ билѣр ъамы огруду, догру елѣ билѣр ъамы догруду.

209. Біз огру олдух—айдн.

210. Огру ол, инсафыңы айдѣн гоіма.

211. Огру галана жанар, ев жѣасі гедѣнѣ.

212. Огрудан галаны рѣммар апарыр.

213. Огрунуң малы огруја ъалалды.

214. Ат кімінді? Минѣнн.

215. Мѣчід тікїлмѣмш кјор ѣсасын дајады.

216. Гатнх сѣзѣлѣ, шоры галар; айран сѣзѣлѣ,—наї галар?

217. Ушах атасыннан гѣддѣ-нѣ билмѣз.

218. Тѣклѣ мотал пендірі жахшы сахлар.

219. Пулум цїбїмдѣ, ағлим башымдѣ.

*) Гадатель, гадая о мѣстѣ, гдѣ находятся уворованныя вещи.

**) Стоять у мечети,—просить подаянія.

***) „Айранъ“—пахтанье, крага.

220. Хотѣлъ бы быть другомъ,
но руки пусты и лицо черно.

221, Устами пловъ не сва-
ришь, нужно имѣть масло и
крупу *).

222. Башмаки бывають не
безъ грязи.

223. Башмаки узнаются, ког-
да ихъ ставятъ попарно.

224. Бѣднаго и на верблюдѣ
укусить фаланга.

225. Узнай бѣднягъ, въ чемъ
его выгода, такъ одѣнется въ
бархатъ.

226. Человѣка—сѣзмала, а
дерево,—пока сыро.

227. Никто своего айра-
на „вислымъ“ не назоветъ **).

228. Когда у дерева плоды,
то оно гнетъ свою верхушку къ
землѣ ***).

229. Подъ тѣнью одного де-
рева цѣлое стадо можетъ спать.

230. Пѣшій всегда смѣется
надъ коннымъ ****).

231. Что посѣялъ, то и по-
жнешь.

232. Камни—рѣвъ, птицы
—полей *****).

220. Истәрәм доста варап,
аіім бош, үзүм гара.

221. Арызнап плов бiшмәз—
јагынан дују гәрәй.

222. Башмак палчыкъсыз ол-
маз.

223. Башмак цүтәнәндә
білінар.

224. Кјасыбы дәвә үстүндә-
дә бүвә вурар.

225. Кјасыб хеірің білсә,
мәхмәр гејәр.

226. Адамы башдан, агапы
јашдан.

227. җеч-кәс айранына турш
демәз.

228. Агапың мейвәсі оландә,
башыны ашага салар.

229. Бір агапың көлтәсіндә
бір сүрү јатар.

230. Піјада аттыја җәмәшә
гүләр.

231. Нә әкәрсән, ону бичәр-
сән.

232. Чајын дапы, чөлүн
гушу.

*) Ср. Сборн. в. 1, о. 2, стр. 44, № 11.

***) Ср. тамъ-же, стр. 43, № 6.

****) Ср. вып. XVIII, отд. 2, стр. 61, № 2.

*****) Ср. вып. XVIII, отд. 2, стр. 63, № 18.

*****) Говорится о тѣхъ, которые тратятъ чужое добро.

233. Банною водою друга
приобрѣтаетъ *).

234. Отъ огня зола образу-
ется **).

235. Трава растетъ на ворнѣ.

236. Къ сваренной мною
кашѣ не подливай воды.

237. Въ ротъ его не помѣ-
щается гончая сабава съ по-
поною ***).

238. Гончей говорить: „дер-
жи“, а зайцу — „бѣжи“.

239. Павшаго многіе ударятъ
топоромъ.

240. Лѣтомъ пашеть, а зи-
мою по міру ходитъ.

241. Лѣто — и отецъ, и мать
для бѣдныхъ.

242. Кошка изъ любви ѣсть
котенка своего.

243. Кто самъ не пользуется
своимъ достояніемъ, у того дру-
гіе воспользуются имъ.

244. Дуракъ тотъ, кто печет-
ся о богатствѣ: Богъ вѣдаетъ, кто
заработаетъ, и кто воспользу-
ется.

245. Паршивая коза у са-
маго источника напьется ****).

233. Ёмамъ сујунан дост
тутур.

234. Одан ёул тѳрар.

235. Отъ ёкѳу. ұста. бітѳр.

236. Мѳнім бішміш ашыма
су цалама.

237. Агзына чуллу тави сы-
бышмир.

238. Таыѳа деір-тут! Доіша-
на — гач!

239. Ёхылана балта чалан
чок олар.

240. Јаі ёкінчі гыш діланчі.

241. Јаі ёасыбын ѳам ата-
сыды ѳам арасы.

242. Пішіё баласыны іста-
дітіннѳн јеѳр.

243. Малыны јеміѳяніц ма-
лын ёзга јеѳр.

244. Ёблѳа оду, дѳнѳа ѳчѳн
гѳм јеѳ: тангры білір — ёім га-
зана, ёім јеѳ.

245. Кечініц готуру булагын
гозѳннан су ічѳр.

*) Говорится о тѣхъ, которые на чужой счетъ хотятъ имѣть друзей.

**) Говорится, когда у хорошаго отца — плохой сынъ.

***) Говорится о хватунахъ.

****) См. вып. XVIII, отд. 2, стр. 64. № 35.

246. Рѣзникъ хлопочеть изъ за сала, а коза изъ-за жизни.

247. Когда сочтены дни козы, то она будетъ чесаться о палеу пастуха.

248. Шустрая птица языкомъ попадетъ въ сѣти.

249. Искусственная родинка не будетъ родинкою,—родинка должна быть природною.

250. Не стучи въ двери другихъ, и въ твои двери стучать не будутъ.

251. Кто не знаетъ себѣ цѣны, тотъ цѣны другимъ и вовсе не узнаеть.

252. Если бы Богъ далъ верблюду крылья, то онъ разрушилъ бы дома.

253. Когда верблюду пляшетъ, то снѣгъ пойдетъ.

254. Земля плотна, а небо высоко.

255. Дѣтямъ поручай дѣло, а самъ слѣди за нимъ.

256. Лучшіе плоды медвѣды ѣсть *)!

257. По горѣ Богъ и снѣгъ посылаетъ.

258. Въ самое хорошее время бесѣды пришелъ армянинъ и сказалъ: „здравствуйте“ (**).

246. Гассаб пі ъајында, кечи цан ъајында.

247. Кечинің аңғали доланда чобаның аҗагына сүртүшәр.

248. Зирәк гуш ділинһән тора дүшәр.

249. Гоима халдан хал олмаз, хал өзү әсли гәрәк.

250. Дөимә өзгәнің гапысын, дөјәлләр өз гапыңы.

251. Өз гәдриң бәлмијән өзгә гәдриң җеч бәлмәз.

252. Аллах дәвијә гәнәт версеиді, дам-дашы дагыдарды.

253. Дәвә оинујанда гар җаҗар.

254. Јер каты, гөи іраҗ.

255. Ушаҗа сөз бујур, өзүңдә даһынҗа гет.

256. Меиванын јахшысыйны әји јејәр.

257. Аллаҗ даҗа гөрә кар верәр.

258. Сөзбәтин ширин, јериндә јермәни гәлди: „Аллаҗ сахласын“.

*) Ср. тамъ же, стр. 46, № 85.

**) Ср. тамъ же, стр. 49, № 77.

259. И армянина назову дя-
дею ради своей выгоды.

260. На что доброму сыну от-
цовское богатство?! на что и пло-
хому сыну отцовское богатство?!

261. Буйволеновъ! и хвостикъ
бѣлый *).

262. Раньше имѣлъ красоту
восхитительную, теперь сталъ
дуракомъ Байрамъ-Али.

263. Кѣзаль-ага былъ очень
красивъ, да оспою заболѣлъ.

264. Я—ага-Назаръ, такъ и
буду ходить.

265. Если дождя не будетъ,
и камышь не выростетъ.

266. Гдѣ камышь, тамъ и
буйволица.

267. Добро господина тра-
тится, а душа наемника.

268. Жизнь несчастнаго бы-
ваетъ коротка.

269. Кто не можетъ выно-
сить счастья, тотъ совсѣмъ не
вынесетъ несчастья.

270. Даровой укусуъ: слаще
меда.

271. Власти иногда восполь-
зуются своею силою, но никог-
да не обмануть.

272. Что въ кредитъ отпу-
щено, то не войдетъ въ кошелекъ.

259. Јерманія дајі діјарам,
ішім хәтрәсі ічүн.

260. Јахшы оғул неңәр ата
малыны; піс оғул неңәр ата
малыны.

261. Гамушың баласың
гуіруғи ағ (олар).

262. Азәлдән вар-иді-бусын
ғәмәлі, інді олуң дәлі Байрам-
Али.

263. Гөзәл-аға моң һөзәлді,
чичәйдә чыһартды.

264. Аға-Назарам, бекә гә-
зәрәм.

265. Јағмаса јағыш—бітмәз
камыш.

266. Барда камыш—орда
гамуш.

267. Ағаның малы гедәр—
муздурың цаны.

268. Піс гүнлінің өмрі гө-
дәк олар.

269. Јахшы гүні дөзмјән,
јаман гүні һеч дөзмәз.

270. Јәваји сиркә, балдан
шірін-дүр.

271. Бөјүкәрдә зор олар—
јалан олмаз.

272. Нісјә—гірмәз кісіјә.

*) Говорится, когда вещи имѣютъ слабое сходство.

273. Сегоднѣшняго дѣла не оставляй назавтра.

274. Хотя и поздно, но поразить тебя когда-нибудь оханье обиженныхъ.

275. При терпѣннн даже изъ неспѣлаго винограда будетъ халва, а при уходѣ изъ листьевъ тутоваго дерева—атласъ.

276. Молла Насръ-Эдинъ настолькоъ мертвъ, что не можетъ ѣсть порціи халвы?

277. Если у людей не будетъ зависти, то въ чему огораживать сады?!

278. Когда въ огородѣ овощи, то огородникъ бываетъ глухъ.

279. Что въ саду, то принадлежитъ садовнику.

280. Собака будетъ бояться того, кто отрѣзалъ ей уши.

281. Собачье чутье учуяло запахъ хлѣба.

282. Вору не напоминай о камнѣ.

283. Роющій яму самъ сначала попадаетъ въ яму.

284. Рой шире и глубже, самъ попадешь.

285. Ненужное берегай до тѣхъ поръ, пока понадобится.

286. Палка горька, душа сладка.

273. Бугуникі ішіңі сабаза коіма.

274. Гең кәсәр, кјарі кәсәр, бір мәзлумиң аһі сәні.

275. Сәбрейә—җалва олар аі горасынан, бәсләсәң—атлас олар тут јәрпазындан.

276. Молла Нәсрәддин о кәдәр өлі олды-кә, бір ојуч җалвада јејә бәлмәді.

277. Адам кәјин олмаса, бағ чәпәри ненәр?!

278. Бостанда јеміш оlanda, бостанчй кјар олар.

279. Багдакә бағманың мәлі-дур.

280. Ит кулағыні кәсаннан корхар.

281. Ит кулағы әппәк ешитді.

282. Оғруның јадина даш салма.

283. Кују казан өзі әввәлә душәр.

284. Гән каз, дәрин каз—өзың дүшәрсән.

285. Гәрјамәзі сахла гәрәк-ли гүнаңан.

286. Ағач аңы—қан ширин.

287. Какъ твое имя?—Дашгъ-Темиръ (камень-желѣзо).—Смягчисься когда-нибудь!

288. Если не сказать зла, то добра не случится.

289. Утреннее зло лучше вечерняго добра.

290. Вечерній пловъ—утреннее пламя.

291. Когда у бѣднаго есть огонь, таеъ нѣтъ мяса, а когда мясо есть,—огня нѣтъ.

292. Истина бываетъ горька.

293. Если бояться людей,—правды не говорить, а бояться Бога,—неправды не говорить.

294. И въ осторожный глазъ соломинка попадетъ.

295. Бѣда найдетъ обиженнаго

296. Всѣ дѣла окончены, остается только гребешокъ для бороды.

297. Ни ты не приходи, ни послѣдняя середка сафара *).

298. Масло слилось съ масломъ, а „ярма“ **) осталась безъ масла.

299. Дерево снутри точить червякъ ***).

287. Адъиң нѣ-дѣр?—Дашгъ-мир.—Јумшалысаң, јумшалы.

288. Шѣр демѣсѣн, ѣир олмас.

289. Сабаѣиң шѣри аѣшамың ѣеирмыннан јаѣши-дѣр.

290. Сабаѣиң јалоји—аѣшамың пулови.

291. Кјасиб ѣт тапанда од таппаз, од тапанда—ѣт.

292. Добры сѣз аѣи олар.

293. Адѣмлѣриң корѣусмыннан доѣру демѣе, олмыр, Аллѣаың корѣусмыннан—јалан.

294. Корѣулу гѣзѣ чѣп дѣ-шѣр.

295. Када чѣванѣ таѣар.

296. Ёѣр ишѣмиз гуртармышды, галмышды савѣал дараѣы.

297. Нѣ сан кѣлѣсан, нѣ саѣѣр ѣјинѣн аѣхыр чѣршѣбасѣ.

298. Јаѣ јаѣа гошды, јармалар јѣван калды.

299. Аѣаѣы иѣинѣн курт јејѣр.

*) Мѣсяцъ сафаръ (второй мѣсяцъ у мусульманъ) считается у татаръ несчастнымъ мѣсяцемъ, особенно послѣдняя середка.

**) Ярма — каша изъ пшеничной крупы.

***) См. Сб. выш. I, о. 2, стр. 58, № 25.

300. Срѣзанное дерево упадетъ къ корню.

301. Земля имѣетъ слухъ*).

302. Цыпленокъ не останется подь корзиною.

303. Развѣ бѣлая лошадь ячменя не ѣсть?

304. Не будь спутникомъ ни тому, у кого лошадь иноходець, ни тому, у кого жена красива.

305. Осель чешеть осла взаимы.

306. Въ счастья чужой тоже хороши, а въ несчастия—родня.

307. Хорошо ли—я, худо ли—также я.

308. Кто плачетъ о всѣхъ, тотъ лишится зрѣнія.

309. Абдалъ **)! снѣгъ идетъ.—Стою и буду дрожать.

310. Для себя не можетъ рѣзать „аришту“, а другимъ „умаджъ“ крошитъ***).

311. Кто далъ болѣзнь, тотъ дастъ и лѣкарство.

312. Сперва перепрыгни канаву, потомъ скажи „браво“.

300. Арацъ късарсаң дѣбна дүшәр.

301. Јер кулахлы олар.

302. Цүцә сәбәт алтында калмаз.

303. Аз ат арпа јемаз?

304. На атъ јорғалыјанә, на арвады гөичәјә јолдаш олма.

305. Ешпәк ешпәки борч кашыр.

306. Јәкпи гүндә јад јәхшы, јәмам гүндә ваи војум.

307. Јанбнда мән, јәман-да мән.

308. Ел ічүн әрлыјан гөздән олар.

309. Абдал! вар јәсер.—Дурмушам титрамәјә.

310. Ози ічүн әриштә кәсә билмәз, өзгјә умач ојар.

311. Дәрди верән, дәрманда верән.

312. Азәл архы туллан, сонра бәрәкаллаз де.

*) Если будешь говорить о комъ-нибудь худое даже и въ безлюдьи, и тогда это дойдетъ до другихъ. То же, что русская пословица: „слухочъ земля полнится“.

**) Абдалъ—нищенствующій дервишъ.

***) Аришта—вермишель. Умаджъ то же крошатъ изъ тѣста. Но крошитъ умаджъ, гораздо труднѣе, чѣмъ рѣзать аришту. Ср. Сб., изд. I, с. 2 стр. 53, № 135.

313. Еще не вошелъ въ воду, а уже засучилъ (штаны).

314. Мертвецъ, который отъправился на кладбище, не возвратится назадъ.

315. Крѣпкій укусъ разоцветъ свою посуду.

316. Лишь бы меня назвали мастеромъ, а жену мастерицей!

317. Стрѣлай гуся, чтобы наполнился котелъ, — отъ воровъ толку не будетъ.

318. Съѣшь мяса гуся и узнаешь его вкусъ.

319. Во рту не будетъ сладко, если сказать: халва, халва *).

320. Семейство жениха не вѣдаетъ, а въ семьѣ невѣсты уже свадьбу правятъ.

321. Кто любитъ рыбу, долженъ сидѣть въ водѣ.

322. Подарившему садъ нехочетъ подарить одну виноградную кисть.

323. Красавица бываетъ не безъ недостатка.

324. Видѣть красавицу дѣло доброе.

325. Очень рано пришелъ, еще у дверей стой!

313. Суја гірмәш чәрмәнүп.

314. Кәбрістанә гедән бәһері кәйтмәз.

315. Сіркә тунт олар, бәкабыны чатдадар.

316. Өзүмә уста десүнләр, арвадйма уста-зән!

317. Каз вур казан долдур, сәрчәдан нә олацах.

318. Јејарсаң каз әтіні, гөрәрсән ләззәтіні.

319. Һәләва, һәләва демәкнән арһиз шірін олмаз.

320. Орман бјнән хәбәр јүхдә, кыз бјндә тои дур.

321. Балых істіјән гөһні суја којар.

322. Бағ кыјана салкым кымаһ істәмір.

323. Гөзәл ејпсіз олмаз.

324. Гөзәл гөрмәк сәваддур.

325. Чоһ тез гәліфсаң, бір аз капының далында дур.

*) См. вып. XVIII, отд. 2, стр. 64, № 86 и вып. I, ф. 2, стр. 44; № 12.

326. Этого ему недостаточно, что пришел просить молова,—еще „серниджъ“ *) свой скрываетъ.

327. Поминки хороши, когда совершаются по дѣдушкѣ, а свадьба хороша, когда, играетъ для меня.

328. Всегда былъ мѣсяць шабанъ,—пусть же будетъ разъ и рамазанъ **).

329. Для всѣхъ это принятый обычай, развѣ только для насъ нововведеніе.

330. У неимущаго лицо черно.

331. Проживи хоть 80, хоть 90 лѣтъ, всё-таки тебя въ одинъ день не станеть.

332. Кто много смѣется, тотъ и много плакать будетъ.

333. Мальчика выучить копелекъ отца и чашка матери ***).

334. Чѣмъ остаться безъ дѣла, лучше заниматься тчаествомъ.

335. Если ты безъ дѣла, то поручись за другихъ.

336. У кого первый сынъ будетъ живъ, у того и имѣніе будетъ цѣло.

326. Оудă гăлдїй етмăз, сăринцидă далында тутур.

327. Хейрат бабамың гăрăк, той ăзүмүң.

328. Ыамыша шабан — іді, бір гүн коі рамазан олсың.

329. Ыамыја адыт, олды биза бадыт.

330. Жохсылың үзі кăра-дүр.

331. Жа саксан жаша, жа дохсан, акірі бір гүн жохсаң.

332. Чок гүлән чок ағлар.

333. Ушағы охудар атаның кісасі ананың касасы.

334. Беикаралыңданса — чулфалың.

335. Ишиң жохса; замін дур.

336. Ыар кімиң іккі дурса, мүлкүдă дурар.

*) „Серниджъ“ — большая мѣдная посуда для молока. Ср. Сбор, вып. I, о. 2, стр. 47, № 72.

**) Рамазанъ — последний мѣсяць. Шабанъ предшествуетъ рамазану.

***) Подарки родителей учителю.

337. На верхъ не пускають, а внизу я самъ не хочу сѣсть.

338. Имѣя при себѣ, заснуль и утопилъ въ грязь *).

339. Чашка стала ближе ваши.

340. Сядь одинешенько, да одинъ и скреби.

341. Перекочуй такъ, чтобы въ твоему кошу не пристали чужіе телѣта.

342. Оставленный юрть цѣнять въ новомъ юртѣ **).

343. У околѣвшей коровы молоко бываетъ слаще ***).

344. Ходячая нога ударится о камень ****).

345. Днемъ шляется по всему кочевью, а ночью пятки болятъ.

346. Тихотекущая вода— человекъ, который все внизъ смотритъ.

347. Заряженное ружье напугаетъ одного, а не заряженное — двухъ *****).

348. Кинжальная рана выльчивается, но рана, нанесенная языкомъ, неизлѣчима.

337. Јухари коимыллар, ашабада мѣн отурмырам.

338. Јаньнда јатды, малчыба батды.

339. Касѣ ашдан ірѣлі олуп.

340. Таъ оту, таъна гашы.

341. Елѣ коч, кочиѣ дана бузоі гатышмасың.

342. Канна јурдың гѣдріні таъа јуртда билѣлѣр.

343. Олан інак сүдлі олар.

344. гѣзан ајаѣ даш дѣјѣр.

345. гүндүз гѣзѣр ованы, геѣа сызыллар дѣбаны.

346. Суиң лал аханы, адамиң јерѣ баханы.

347. Долы тѣфанѣ бірні корхудар, бош-ікісіні.

348. Хәнчѣл јарасы саѣалар, діл јарасы саѣалмаз.

*) Говорится, когда чье-либо состояние неожиданно разстраивается.

**) Юрть — въ значеніи мѣста, гдѣ стояло кочевье.

***) Ср. Сбор., вып. I, о. 2, стр. 51, № 106.

****) См. тамъ же, № 111.

*****) Если изъ не заряженнаго ружья прицѣлиться въ кого-нибудь, то и самъ прицѣливарщійся будетъ бояться, какъ бы не открылась его хитрость.

349. Цыплятъ считаютъ осенью *).

350. Кто привыкъ гулять, тому не утерпится сидѣть на одномъ мѣстѣ.

351. Мужчинуhalb не одолѣветъ **).

352. Что вошло вмѣстѣ съ молокомъ, то съ костью выйдетъ.

353. Кто правду говоритъ, у того голова паршивая.

344. Десять разъ размѣрь, одинъ разъ крой.

355. Вола съ бѣлымъ пятномъ на лбу гонять прочь.

356. Мирскіе глаза—вѣсы.

357. Мирскія уста—вѣщунъ.

358. Полетѣлъ саманъ,— умеръ Заманъ ***).

359. Молодецъ долженъ быть здоровымъ, а мясо кровавымъ.

360. Изъ доморощенога теленка вола не будетъ.

349. Цуцѣви паизда сажалар.

350. Гѣзан гѣзмѣсѣ, дѣзѣ бѣлмѣз.

351. Грѣкѣји ѣал апармаз.

352. Суднѣн гѣран, сѣмѣнѣнѣнѣ чѣхмѣз.

353. Добру дѣянѣн башѣ кѣчѣи омур.

354. Он ълч, бѣр бѣч.

355. Ѡѣуѣнѣ кашеасѣнѣнѣ говаллар.

356. Ел гѣзи тѣрѣзи-дѣр.

357. Ел аѣзи фал-дѣр.

358. Саман учдѣ,—Зѣман ѡлды.

359. Гѣт ѣанлы ѣт ганлы.

360. Ѡв данасѣннѣн ѡѣуз ѡлмаз.

*) См. вып. XVIII, отд. 2, стр. 62, № 7.

**) Хал—Хал-Анаси. См. Сбор. мат. вып. IX, отд. 2, стр. 110.

***) Былъ жестокой бекъ Заманъ. Особенно отъ него доставалось женщинамъ. Разъ сидѣли нѣсколько женщинъ и разговаривали о жестокостяхъ бека. Вдругъ одна изъ нихъ, видя летящую соломинку, говоритъ: „саманъ полетѣлъ“. Другая глуховатая женщина подхватила ея слова и спрашиваетъ: „что? Заманъ умеръ?“— „Когда Заманъ умеръ?“ спрашиваетъ третья.— „Слава тебѣ Господи!“ говоритъ четвертая.— „Да будетъ проклята память его!“ произноситъ пятая. . . Скоро по всему городу разнесся слухъ о мнимой смерти Заманъ-бека. Но къ вечеру того же дня всѣ узнали, что и дѣйствительно Заманъ-бека въ тотъ день убили.

361. Надѣнь хоть золотые лапти, а все-таки будутъ называть ихъ лаптями *).

362. И ворона любитъ своего вороненка.

363. Ни наверху отрубями сталь, ни внизу мукою.

364. Другіе съ теченіемъ времени становятся шелковыми (мягкими), а наши грубыми.

365. Мѣста сокола не заступитъ сарычъ **).

366. Орель кость глотаеть отмиѣривши.

367. Прибыль взбѣсилась,— съѣла и самый капиталъ.

368. У чужой собаки хвостъ бываетъ поджатъ.

369. Собака, имѣющая опору, повалитъ и волеа.

370. Вдова своихъ дѣтей кормитъ, а хочеть обязать этимъ пастуха ***).

371. Ученымъ быть легко, а человѣкомъ быть трудно.

372. Купилъ орѣхи и продалъ орѣхи,— намъ остались только „щель“ да „щель“ ****).

361. Кызылдан чарыхъ геі-сая, гѣнѣ аді чарыхъ-дур.

362. Ала карғада баласыны сѳяр.

363. Нѣ ұстундѣ ун олдым, нѣ алтында кѣпѣй.

364. Өзгѣлѣриң-кі гедѣ-гедѣ іпѣй олу, бізімкі кѣпѣй.

365. Тѣрлан јерні сар тут-маз.

366. Кара-куш сүмүгі бл-чѣр удар.

367. Казанч вудурды, мајасыныда једі.

368. Јад ітің куірубу кыслы олар.

369. Архалы кѣпѣй курт басар.

370. Дул арват јетім сах-лѣр, нахырчїја міннѣт гѳіѣр.

371. Алїм олмай јасанд-дур, адам олмай чѣтін-дур.

372. Алдым коз, сатдым коз,— бізѣ жалды чыѣ-чыѣ.

*) Ср. вып. I, о. 2, стр. 51, № 105.

***) Ср. Сб. в. XVIII, о. 2 стр. 64, № 28.

****) Пастухи получаютъ отъ хозяевъ скота по очереди хлѣбъ. Когда очередь бываетъ за вдовою, то часто она отказывается, говоря пастуху: „гдѣ мнѣ еще тебя кормить?! и того довольно, что кормлю сиротъ“.

****) Ср. вып. XVIII, о. 2, стр. 64, № 27.

373. Если два мелвихъ орѣха соединятся, то могутъ разбить голову грѣцаго орѣха.

374. Поправляя брови, вывололъ и глазъ*).

375. Кушай поменьше, да найми слугу.

376. Мы господскіе слуги, а не бадиджанскіе.

377. Бѣдный нашелъ деньги да не зналъ, куда класть.

378. Сядь тяжело, да будь батманомъ.

379. Не плачущему ребенку молока не дадутъ**).

380. На кораблѣ сидитъ и съ корабельщикомъ ссорится.

381. Пова былъ холостымъ, — былъ султаномъ, обручился — сталъ ханомъ, а какъ женился — погибъ.

382. Холостая жизнь — суданство.

383. Быстрая лошадь не ставитъ ударить себя.

384. Медвѣдь обидѣлся на лѣсъ, а лѣсъ этого и не знаетъ.

385. Видѣлъ ли верблюда? — И помету его не видѣлъ.

386. Лучшіе бараны ушли, остались одни глуповатые; луч-

373. Ёкі фындѣхъ бір олса, бір козың башіні жарар.

374. Кашыны дүзәлтдигі ерлә, гөзүнү чыңартды.

375. Аз је бір нөкәр тут.

376. Без аға нөкәріңк, бадымцан нөкәрі дөгүлік.

377. Касіп пул тапды, јер таппады коимаға.

378. Ағыр оту, батман гәл.

379. Ағламҗан ушаға сүд вермәздәр:

380. Гәмидә отуруф, гәмичинән сәвапыр.

381. Субаи-ідим — султан ідим, адахландым — хан олдум, біләндим — хандан олдым.

382. Субаилың султанлың дүр.

383. Јеін әт өзүнү намчы-вурдурмјаз.

384. Аі мешадән бусуп мешәнің хабәрі јох.

385. Дөвә гөрдүңмі? — Көгі-нідә гөрмәдیم.

386. Коиның јахшысы гедүп,

*) См. Сборн. вып. I, о. 2, стр. 45, № 29.

**) Ср. Сборн. вып. XVIII, о. 2, стр. 64, № 27.

- шіе люди ушли, остались одни хитрые.
387. Жадный! не ты облизывался, а я буду облизываться.
388. Кто къ дверямъ подойдетъ, тотъ и въ комнату войдетъ.
389. Наполовину шуткою, наполовину палкою.
390. Шутка доведетъ до палки.
391. Съ друзьями ѣшь и пей, да торговли не имѣй.
392. Кто воробья боится, тотъ не сѣй проса.
393. Одна рука моетъ другую, а обѣ моютъ лицо*).
394. Развалившійся домъ узнается по развалинамъ.
395. У просящаго одна часть лица черна, а у отказывающаго—обѣ.
396. Если осель повадился въ огородъ ходить, то скоро онъ останется безъ хвоста и ушей.
397. Носъ и уши да будутъ жертвой головы**).
398. Милостыня не выйдетъ изъ дома***).
399. Сперва внутренность мечети, а потомъ и внѣшность.
- гіці калып, адәмнѣ жахшысы гедүп, біці калып.
387. Сүдүсүн! сән јаламә, мән јаларам.
388. Капыја гәлән, ічәридә гәләр.
389. Јарі занақ, јарі дәјәнақ.
390. Јанақ, занақ,—ахырі дәјәнақ.
391. Достінан је-іч, алып веріш еләмә.
392. Сәрчәдән корхан дәрі әкмәсің.
393. Әл әлі јүвәр, әлдә үзү.
394. Учүх әв, харабасіндә бیلнәр.
395. Істіјәнің бір үзү кара, верміјәнің ікі үзү.
396. Бостана даданан ешә-гің кулабь вә куірубь олмас.
397. Бурун-кулақ баша садаға олсың.
398. Садаға сарыдан чықмаз.
399. Әввәлә мечіднѣ ічәрісі, соңра баірһ.

*) См. Сбр. в. I, о. 2, стр. 49, № 87.

**) Т. е.: носъ и уши пусть спасутъ голову.

***) Милостыня не въ убытокъ.

400. Ни самъ не сосу, ни другимъ не даю сосать.

401. Дающая рука бываетъ на получающей рукѣ.

402. Ссорившійся братъ! помоги мнѣ навьючить, а ссора наша—своимъ порядкомъ.

403. Есть у меня пчела, только это оса.

404. У Шахъ-Будага есть садъ, а у Барата—мельница.

405. Если встрѣтишь меня въ саду своемъ, такъ привяжи къ вѣткамъ дерева.

406. Пусть не будетъ у ходжа-Вагида одного узла шелку!

407. Привыкъ ѣсть долму, а можетъ случиться, что въ одинъ день не найдешь ея.

408. Во рту приготовилъ хорошее мѣсто, только бы бакальщикъ далъ грушъ.

409. Добромъ платить за добро—дѣло всякаго, за зло платить добромъ—дѣло истиннаго мужа.

410. Кто не благодаренъ за одинъ кусокъ, тотъ не будетъ благодаренъ и за тысячу кусковъ.

411. Побродилъ по всему Ирану, а расемъ призналъ Туранъ.

412. Пуля минула меня,—

400. Нә әммірәм, пә әмміш-дирмірәм.

401. Верән әл алан әлің үстундә олар.

402. Күсүлә кардаш! гәл жүкү чатах, гәнә күсүллүк ол-сың.

403. Арым вар, арым—жешәк арымс.

404. Шаъ-Будың бағь-вар, Баратың—дәјирмәни.

405. Бағда гөрсән, бутаға сары.

406. Олмасың хоҗа Вадың бір бағ иҗәји!

407. Даданһерсан долмыја, бәлгә бир гүн олмыја.

408. Ордыңда јахшы јер еилјүпсәң, бакәал армуд версә.

409. Јахшылыға јахшылыкъ ыәр кешиниң иши дүр, јаманныға јахшылыкъ ыәр кешиниң иши дәгул.

410. Бір тикей билмијән, миң тикей јеч билмәв.

411. Гетдәм гәздәм Ирані, цәннәт гөрдүм Турани.

412. Гулла мәннән сүјүшдү-

тогда все равно, попадетъ ли въ мѣшокъ съ саманомъ, или въ товарища.

413. Все, что должно было случиться, случилось, мѣшовъ пополнился.

414. Приходи на айранъ, приходи на шоръ! послѣ этого — приходи въ адъ, приходи въ могилу!

415. Послѣ полудня сладокъ „агджамачанъ“ *).

416. Взбѣсятся голый и голодный.

417. Кто ни встрѣтился, тотъ и башмачникъ.

418. На огнѣ сухого дерева будетъ горѣть и сырое.

419. Выпустилъ стрѣлу, такъ не прячь тетиву.

420. Всѣ свои дѣла устрой, какъ слѣдуетъ, чтобы другіе сказали: „вотъ такъ“.

421. Рабъ не безъ опибокъ, а господинъ не безъ милости.

422. Если не любишь, такъ огородись; если же любишь, такъ покури кальянъ.

423. Курица не видала молока матери.

ja joldashyma daidi, ja saman chuvanna.

413. Olan olды, torva dolды.

414. Airana gäl, шора gäl! бундан софра — цаъаннәмә gäl, гора gäl!

415. Гун-ортадан софра бал аъзамачан.

416. Бир ац еудуру, бир жалавач.

417. Башына gälän башмакчы олы.

418. Куруның одына, жапда жанар.

419. Охуну атуп, јајини гизләмә.

420. Һәр ишңи баб еилә, гөрән десңң Һа белә.

421. Кул хардасыз, аҺа ардасыз олмас.

422. Аңыңың gälir чәпәр чәк, хосун gälir калҗан чәк.

423. Тојух анасыннан сүд, гөрмөјүп.

*) Говорится, когда кто-нибудь пропустилъ срокъ. Агджамачанъ — сладость, продаваемая, обыкновенно, до полудня.

424. Ты качай нашу масло-
бойню, а я пойду качать масло-
бойню въ господскомъ домѣ.

425. Пока душа не вышла
изъ тѣла, можно надѣяться.

426. Вмѣстѣ-живущія лоша-
ди будутъ если не одной масти,
такъ одного права *).

427. Дружившіеся изъ-за кус-
ка цѣлый годъ будутъ ссориться.

428. Что есть у погорѣльца,
чтобы подѣлиться съ оборван-
цемъ?!

429. Жвачка, которую жу-
ють, навонецъ, сгниетъ.

420. Конь будетъ зарабаты-
вать, а осель—ѣсть.

431. Къ дорогому другу ну-
жно относиться съ иѣжностью.

432. Старый городъ въ ов-
рагѣ видѣль **).

433. Миръ—усталая дичь,—
каждый новый охотникъ охотит-
ся за нею извѣстное время.

434. Кому же достанется
миръ, когда онъ не достался Су-
лейману?

435. Другіе къ намъ, а мы
къ другимъ.

436. Собака не лаетъ чрезъ
кочевье.

424. Сән бивім нәдрәмізі
чалха, мән гедем бәјлік оиниң
нәдрәсини чалхамаға.

425. Чыкмыжан цанә үмүд
чоқ дүр.

426. Атты ат јанында бағ-
ларсаң, җәмрәни олмаса җәмхуи
олар.

427. Тийә үстүнда дост олаң,
ил узуну күсүлү олар.

428. Јаныкың наји вар, јо-
луға версиң.

429. Чеинәнән саккыз чуру-
јәр.

430. Ат казанар,— ешпәк
јлјәр.

431. Азиң оина кет азила-
азила.

432. Көзнә шаҗари чухурда
гөрүп.

433. Дунја бир јорбун ои-
дүр, җәр гәлән бир дәм олар.

434. Сүлейманә калмыјән
гөрәсаң дунја, кима калацах?

435. Овалар биз — биз кимә?

436. Овалар ашыры ит җүр-
маз.

*) Ср. выш. XVIII, отд. 2, стр. 63, № 1.

**) Старый городъ—Шемаха.

437. Во время перекочевки береги свой скотъ, а въ смутное время — свою голову.

438. Обратился въ паршивому, а онъ и развѣжился.

439. Осторожность тоже необходимо.

440. Въ чемъ превосходство одного богатыря предъ другимъ? Въ осторожности.

441. Богатырскихъ приемовъ десять: девять изъ нихъ — вовсе не показываться на глаза врагу, а десятый — уйти отъ него.

442. Хорошій молодецъ будетъ похожъ на дядю (съ материнской стороны).

443. Кто съ кѣмъ, а паршивый вѣчно съ теткой.

444. Смерть — отъ Бога, могла — „вакуфъ“, а саванъ — отъ Мамедъ-Джафара: такъ почему и не умереть?!

445. Откуда не ждешь, отсюда и выскочитъ заяцъ.

446. Апетитъ — подъ зубами.

447. У застѣнчиваго дѣтей не будетъ.

448. „Знакомый, знакомый!“ ... вдругъ и забрался на верхъ очага.

449. Снаружи другихъ жгу, а внутри — себя.

в. XIX, отд. II.

437. Кбчъ-кбчдъ малыңы сахла, кача-кача — башыңы.

438. Мән дедім даза-даза, бзүнү коду наза.

439. Егітіят шәрідән-дүр.

440. Іјітің іјітдән нәјі ар-тых-дүр? — еітіјаті.

441. Іјітлік он-дүр: докбузы гбзә гбрунмама, бірі качмах.

442. Јахшы іјіт дајісіна оқ-шар.

443. Аләм-аләм еілә ола, кечәл халам еілә-дүр.

444. Олүм Аллаждан, вәбир-вәкіф, кәфін — Маммад-Цәфәр-дән, — нја олмама?!

445. Гбзләмәдјің јердән дов-шан чыхар.

446. Іштаз діш алтында-дүр.

447. Утанцазың білады ол-маз.

448. Ашына, ашына!.. чыкды оңах башына.

449. Бајрым бзісі јандырыр, ічәрім бзүмү.

450. Снаружи приятель, а
внутри пусть.

451. Если у тебя нѣтъ
слуги, то дворъ твой не будетъ
чистъ.

452. Душа—твоя, адъ—
Господа *).

453. И кашу гости ѣдятъ,
и мясо ѣдятъ, и въ претензіи
остаются!..

454. Когда открыты двери
милости, тогда собаку сонъ одо-
лѣваетъ.

455. Положимъ, двери мече-
ти открыты, но развѣ нѣтъ у
собаки стыда?!

456. Если не стѣсняться, то
плясать не трудно **).

457. Не смѣйся сосѣду: съ
самимъ случится.

458. Кто уважаетъ меня, а
тому рабъ, а кто не уважаетъ,
тому господинъ.

459. Изъ денегъ нельзя удѣ-
лить части сосѣду.

460. Говорю, что я скопецъ,
а онъ спрашиваетъ,—есть-ли
дѣти!

461. Есть люди, которые—
краса людей, и есть люди, луч-
ше которыхъ животное.

450. Самбалы хон; ічѣрісі
бон.

451. Нѣлѣрің жохдыр, љаја-
тің жохдыр.

452. Ҷан-сѣнің, ҶаҶаннам
тарынның.

453. Атің, ашың жејілсің,
ғонағың гілеілі қалсың!..

454. Дәрғаң қалысы ачых
оланда қонаҶің јухусу гәләр.

455. Мечідің қалысы ачых
олды, ітің љајасіні нә?!

456. Утанмасаң, оінамаҶа
нә вар.

457. Гүлмә қоңшуја,—гәләр
башыңа.

458. Мәні сајаның қулыјам,
сајмјаның—аҶасы.

459. Пулдан қоңшуја паі
олмаз.

460. Мән дејәрәм ақтајам,
бу сорушұр: „оғлын, унағын
нәјің вар!“

461. Адам вар адамләрің
нахышы дұр, адам вар Ҷейван
оннан јахшы-дұр.

*) Какъ хочешь, такъ и сълай.

**) Ср. выш. XVIII, отд. 2 стр. 61, № 3.

462. Какъ-бы ни былъ „ол-
канъ“ длиненъ, все-таки онъ
пройдетъ чрезъ крюкъ *).

463. Всѣ мои ровесницы
вышли замужъ, осталась одна
моя безталанная голова.

464. Дочь пастуха будетъ
желать пастушьего хлѣба **).

465. Всякій подгребаетъ уг-
ли камина въ свою сторо-
ну ***).

466. Увидѣвъ халву, Молла
позабылъ даже о коранѣ.

467. И ошибка—тоже рису-
нокъ ****).

468. Убѣгая часто, теле-
нокъ укрѣпляетъ свою при-
вязь.

469. Большой слѣшить, но
плоды созрѣютъ въ свое время.

470. Есть Господь, превраща-
ющій коновязи въ гвозди *****).

462. Олкан на хадар узун
олса, добанахдан кечар.

463. Аръ гетди тајим тушум,
жерди калды јасар башым.

464. Нахырчы кызы нахыр-
чы чбраји арзылар.

465. Јар кас оцагың оду
бву сары ешар.

466. Молла халва гърды
курунй унутды.

467. Јаңлышда бір нахыш-
дур.

468. Качаған дана музуны
баркідар.

469. Хаста таласјдр, јемин
бз вахтинда-дур.

470. Мухи мисмар еіліјан,
Аллађ вар.

*) „Олканъ“—веревка, свитая изъ шерсти, съ деревяннымъ крючкомъ на од-
номъ концѣ, служащая для удерживанія выюковъ.

**) Хлѣбъ, собранный по дворамъ.

***) Чтобы погрѣться.

****) Когда ткутъ ковры.

*****) Жилъ некогда бѣдный кузнецъ, у котораго была красивая жена. Мѣстный
правитель хотѣлъ овладѣть, но что бы ни стало, женою кузнеца. Вотъ однажды онъ
говоритъ кузнецу: „приготовь къ утру коновязи для всего моего табуна, а если не
успѣешь, я тебя повѣшу“. Пришелъ кузнецъ домой и, рыдая, рассказываетъ жегѣ
свое горе. „Аллахъ всемогущъ!“ успокаиваетъ его жена, „будемъ усердно молиться
ему до утра,—Онъ выручитъ насъ изъ бѣды“. Супруги всю ночь провели въ горя-
чихъ молитвахъ. Утромъ стучать въ ихъ двери. „Кто тамъ?“ спрашиваетъ съ
трепетомъ жена. „Правитель нашъ скончался“, отвѣчаютъ ей, „нужны гвозди,
чтобы сколотить носилки“. Съ тѣхъ поръ и вошла въ употребленіе данная посло-
вица.

471. Что бы ни было, лишь бы переправа чрезъ Куру непременно была *).

472. Не всякій учившійся будетъ Молла-Панахомъ, и не всякій погонщикъ муловъ—Мурадомъ.

473. Татъ на лошадь сѣлъ такъ и о Богѣ позабылъ **).

474. Сначала поколоти тата, потомъ подружись съ нимъ.

475. Жизнь тата—жизнь собаки.

476. Когда энергически преслѣдуютъ, тогда татъ и чрезъ трубу выльзетъ.

477. Если бы паршивый зналъ средство, то выльчилъ бы свою голову.

471. Нѣ олса олсың, кѳр жечмай ігіндѣ олсуң.

472. Ёар охујан Молла-Панѣ олмаз, ёар катырчѣ-Мурат.

473. Тат ата мінді, тарысіні танымады.

474. Татѣ дѣи, конаѣ ол.

475. Татѣң гѳри—ігін гѳри.

476. Кышкы гѳцдѳ оlanda тат бацадан качар.

477. Кечѣл ѣлѣч бѣлсѣ, ѣз башына еѣлѣр.

*) Однажды Генжинскій ханъ былъ взятъ въ плѣнъ грузинскимъ царемъ. Всѣ ханы и беки Ширвана, Шеки, Карабага и Генжи собрались на лѣвый берегъ Куры, у Мнигачеурской переправы, и держали совѣтъ о томъ, какъ освободить хана. Но большинство бековъ не хотѣли участвовать въ походѣ; только Гаджи-Челеби, ханъ шекинскій и ширванскій, съ немногими настаивалъ на походѣ. Вожди противной партіи, не желая обидѣть уважаемаго старика, Гаджи-Челеби, спросили его позволить имъ посовѣтоваться между собой. „Идите посовѣтоваться; но каковы бы ни были рѣшенія ваши, переправа чрезъ Куру чтобы непременно была въ числѣ рѣшеній,“ сказалъ имъ Гаджи-Челеби. Съ тѣхъ поръ слова Гаджи-Челеби вошли въ пословицу.

**) Таты населяютъ Кочунскій участокъ Шемахинскаго уѣзда, часть Кубинскаго уѣзда, смежную съ Шемахинскимъ уѣздомъ, и нѣсколько селъ въ Геокчайскомъ уѣздѣ (Лагичъ и др.). Рѣзко отличаясь отъ своихъ сосѣдей языкомъ и нравами, таты почитаются между татарами за глухихъ, жадныхъ, невзвѣжныхъ, трусливыхъ и негостепріимныхъ людей. Кочевные татараы называютъ татами всѣхъ осѣдлыхъ, а тифлисскіе татараы—всѣхъ персидскоподданныхъ.

478. Если я — „тари“, — не пошлю дождя *).	478. Тарі мѣнѣм, јазманѣм.
479. Кто у васъ умный? — Что впереди на цѣпи **).	479. Абыллыңыз ким-дур? „Кавафы зінціррі.“
480. Рѣдво случается Новрузъ (новый годъ) въ субботу ***).	480. Ајаміндѣ дүшѣр шѣм-біја Новруз.
481. Кочевье перекочевало, остался только „юртъ“.	481. Ова кѣчүф, јүрт калыф.

Учитель Кельвинскаго земскаго училища
Махмудбековъ.

*) Слово „Тари“ въ настоящее время означаетъ Бога единого. Но въ данной пословицѣ употреблено въ значеніи бога вообще.

Слово „тари“, въ значеніи бога лзыческаго, употреблется во многихъ случаяхъ, напр., пастухъ, браня свое стадо, говоритъ: „да будетъ проклятъ твой тари“ или „да погибнетъ твой тари“, иногда даже ругаетъ тари стада; баба, выгоняя дѣтей на лугъ играть, говоритъ: „да идите же играть! такая хорошая погода, что самому тари захочется играть“.

**) На цѣпи сажаютъ сумасшедшихъ; и такъ, если умникъ на цѣпи, то каковы должны быть остальные? Эту пословицу объясняютъ иначе: являсь въ присутственныя мѣста по дѣламъ, крестьяне идутъ за своимъ старшиномъ, который обыкновенно ѣздитъ такихъ мѣстахъ надѣваетъ цѣпь, присвоенную его должности. Есть одно кочевое общество въ Шемахинскомъ уѣздѣ, Далиларь (сумасшедшіе). У далиларцевъ спросили: „кто у васъ умный?“ — „Что впереди съ цѣпью“ (т. е. старшина) былъ отвѣтъ ихъ.

***) Рассказываютъ, что у одного изъ Туркестанскихъ царей былъ визирь — еврей. Однажды Новрузъ долженъ былъ случиться въ субботу. Такъ какъ Новрузъ праздникъ гражданскій, то и визирь — еврей долженъ былъ принимать участіе въ торжествѣ. Не желая нарушить заповѣдь своей религіи, визирь еще до наступленія праздника сталъ дарить царедворцевъ, чтобы отложить празднество до слѣдующаго дня, и успѣлъ въ томъ. На слѣдующій годъ царедворцы опять ждали визирьскихъ подарковъ. Но хитрый еврей замѣтилъ имъ: „Новрузъ рѣдко бываетъ въ субботу“.